

40
лет
с начала
издания

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей

Выпуск 7 (19)

 **ОТТИСК**
2013

УДК 94(571)
ББК 63.3(2)253(361)
С-34

Ответственные редакторы:

А.А. Иванов, д. ист. н., профессор,
С.И. Кузнецов, д. ист. н., профессор,
Б.С. Шостакович, д. ист. н., профессор.

Редакционная коллегия:

Дамешек Л.М., Зуляр Ю.А., Перцева Т.А., Петрушин Ю.А.
(Иркутск), Исачкин С.П. (Омск), Никулина И.Н. (Барнаул),
Курас Л.В. (Улан-Удэ), Мошкина З.В. (Чита),
Казарян П.Л. (Якутск).

С-34 **Сибирская ссылка**: Сборник научных статей / отв. ред.
А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск:
Оттиск, 2013. Вып. 7 (19). 592 с.

Настоящим сборником редакционный коллектив отмечает 40-летний юбилей со дня выхода первого выпуска «Ссылных революционеров в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» в 1973 году, приемником и продолжателем традиций которого по праву и считается «Сибирская ссылка».

В данном томе в центре внимания историков оказались прежде всего проблемы историографического и источниковедческого осмысления «ссылной» темы. Наряду с этим по-прежнему широко представлены результаты исследований специалистов конкретной истории карательной, охранительной и пенитенциарной политики и практики государства в Сибири XVII–XX веков.

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, краоведам, всем, интересующимся этой темой.

ISBN 978-5-905847-47-9

© Оттиск, 2013

Вместо предисловия

Старый-новый знакомый, или 40 лет спустя

История политической ссылки никогда не исчезала из поля зрения сибирских исследователей. Пребывание ссыльных в Сибири, их влияние на социально-экономические отношения, на общественно-политическую и культурную жизнь – все эти сюжеты всегда привлекали внимание исследователей, представителей различных отраслей отечественной науки. В 1920–1930-е годы тема политической тюрьмы, каторги и ссылки имела особое звучание: революционное прошлое было «осязаемым», еще живы были участники тех легендарных событий. Несмотря на роспуск в 1935 г. Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, примеры героического революционного прошлого широко использовался в пропагандистских и воспитательных целях. В.И. Ленин, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, В.В. Куйбышев, большинство «видных» политических и государственных деятелей прошли проверку на прочность сибирской ссылкой, а значит, исследование истории политической сибирской «тюрьмы без решеток» было важной государственной и идеологической задачей.

С конца 1930-х гг. научное изучение политической ссылки, ее роли и места в революционном и общественно-политическом движении региона и страны в целом, было практически свернуто. Оказалось, слишком много «врагов народа», «вредителей», членов всевозможных антипартийных групп, было связано с ее историей.

С середины 1950-х гг., со смертью самого главного сибирского политического ссыльного И.В. Сталина, изучение и осмысление этого явления возобновилось. Однако, как ни парадоксально, эта тема стала менее актуальной, чем была, например, в нача-

ле 1930-х гг. Областные и краевые комитеты КПСС, парткомы высших учебных заведений, где, в основном, и были сосредоточены кадры профессиональных историков, выполняя директиву ЦК, настоятельно рекомендовали молодым исследователям изучать современный опыт КПСС по руководству сельским хозяйством, промышленным строительством, освоением природных богатств. В почете стали темы типа «Борьба коммунистических организаций за победу трудящихся в ...», «... за выполнение и перевыполнение...», «... создание нерушимого союза...» и прочее. Тем не менее, изучение политической ссылки, было возобновлено. В различных городах Сибирского региона, в том числе и в Иркутске, стали готовиться кадры дипломированных специалистов, исследовавших различные аспекты истории политической ссылки. Приоритетное внимание, конечно же, отдавалось реконструкции деятельности в ссылке большевиков. Необходимый импульс эта тема получила и в ходе подготовки страны к 100-летию юбилею В.И. Ленина. Регулярно стали проводиться всесоюзные научные конференции по изучению феномена политической ссылки с выделением декабристского, народнического и социал-демократического этапов.

Возобновление интереса к истории сибирской политической каторги и ссылки приводит прежде всего к количественному росту исследований. В Москве, Новосибирске, Томске, Тюмени, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите, Улан-Удэ и Якутске издается ряд обобщающих статей и монографических исследований. Подлинным расцветом этой темы можно считать 1970–1980-е гг. Именно в это десятилетие в ведущих издательствах страны вышли весьма содержательные сборники научных статей, отразившие уровень и степень изученности настоящей проблематики. [2, с. 292]

В ряду этих изданий иркутский сборник «не потерялся», а с первых же выпусков занял свое, заметное место. Его организаторы задались целью показать, как ссылки революционеры, несмотря на удаленность от центров рабочего движения, суровые сибирские условия, материальную необеспеченность вели борьбу с самодержавным строем, «зажигали» революционным огнем сибирский пролетариат, учащуюся молодежь, интеллигенцию, вносили свой вклад в развитие культуры и образования.

Из сегодняшнего «далека» можно с уверенностью сказать, что по многим показателям эта объемная программа была успешно выполнена. Н.Н. Щербакову, коллективу редакции за сравнительно короткий период времени удалось привлечь к участию в сборнике абсолютное большинство специалистов «ссылочной темы» сибирского региона, выделить приоритетные направления, ввести в научный оборот столь необходимый свежий архивный материал. А самое главное, иркутское издание превратилось в периодическое, с отработанной структурой, включающей конкретно-исторические исследования, источниковедческие, историографические темы, рецензии, обзоры и т. д. В сборнике получили отражение численность, партийный и социальный состав ссыльных, география размещения, некоторые стороны организации быта крупных колоний, и, конечно же, деятельность невольных обитателей региона в составе местных партийных организаций и групп, участие в рабочем и общедемократическом движении.

В октябре 1982 г. в Новосибирске состоялся Всесоюзный научный симпозиум «Политическая ссылка в Сибири в конце XVIII – начале XX в.», организованный научным советом по проблеме «История Сибири» и Институтом истории, филологии и философии (ИИФиФ) Сибирского отделения Академии наук СССР. Около 100 ученых из 16 городов страны, в числе которых было много уже тогда известных имен – Л.М. Горюшкин, В.А. Дьяков, А.Д. Колесников, С.В. Мироненко, Т.А. Мамсик, Н.А. Миненко, Н.Н. Покровский, И.В. Порох, Э.Ш. Хазиахметов, М.Г. Сесюнина, О.С. Тальская, Л.А. Ушакова, В.И. Федорова (отдельно назову всех иркутян: С.Ф. Коваль, Т.А. Перцева, Б.С. Шостакович, Н.Н. Щербаков) и другие, на заключительном заседании приняли решение о создании центра, по координации усилий исследователей этой темы, а также о подготовке обобщающего труда, охватившего бы всю историю политической тюрьмы, каторги и ссылки [1, с. 109-111]. К сожалению, трудности объективного характера, возникшие перед страной и общественными науками в целом, помешали осуществлению этих планов, однако сегодня с уверенностью можно сказать, что иркутский сборник, как и некоторые другие региональные издания того времени, по существу выполнял намеченную симпозиумом задачу – был, своего рода, центром, аккумулировавшим

и наработывавшим новые знания, объединявшим специалистов истории сибирской ссылки.

С началом 1990-х гг. история политических ссыльных обрела другие грани, получила второе дыхание. Редколлегия обновленного сборника, сохраняя ранее накопленный потенциал и ни в коем случае не отрекаясь от традиционных сюжетов, выделила ряд новых ключевых направлений, без разработки которых дальнейшее изучение темы, стало просто невозможным. Это прежде всего, историографическое и источниковедческое осмысление истории политической тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь XIX–XX вв.; охранительная, карательная и пенитенциарная политика государства на российском и региональном уровне; функционирование судебных органов и адвокатуры; история уголовной ссылки XVII–XX веков; наконец, изучение политических репрессий советского периода.

С 2000 по 2013 гг. вышло семь выпусков обновленного сборника «Сибирская ссылка». Нельзя не отметить удачный выбор самого названия, недаром говорят: «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Заглавие «Сибирская ссылка» значительно расширило ранее исследуемую тематику, сделало уместным сосуществование здесь наряду с высланным за чтение Лассалья и Маркса народником уголовного каторжанина, отправленного в Забайкалье пешим этапом; недоучившегося студента, отчисленного за участие в несанкционированной сходке и беспаспортного беглого ссыльного, выполняющего приказ генерала Кукушкина; жандармского полковника, ведущего тонкую игру с местным социал-демократическим подпольем и нелегала-эсера, готовящего теракт против губернатора или начальника тюрьмы.

Издание изменилось и внешне: обрело твердую «корочку», значительно увеличилось в объеме. Заметно обновился, омолодился и расширился состав исследователей – в одном выпуске собирается два, а то и три десятка авторов, что не может не радовать: «старая» тема не только жива, но и успешно развивается. Следует отметить, что новый сборник принял полидисциплинарный характер, здесь наряду с конкретно историческими сюжетами, получили развитие правовые, социологические, культурологические и политологические темы. Тем самым сибирская ссылка сфокусировала массу научных проблем, характеризующих взаимоотношения центра и окраины страны, го-

сударства и общества, государства и человека. Представляется, что именно так и должна исследоваться в обозримом будущем эта, столь обширная и многосторонняя тема.

М.В. Шиловский

Примечания

1. Кучер В.В., Бочанова Г.А. Симпозиум по истории сибирской политической ссылки // Вопросы истории. 1983. № 3.

2. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Ответ. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во Наука, 1978. 332 с.; Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1983. С. 237; Ссылные декабристы в Сибири / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1985. 230 с.; Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск: Наука, 1987. 226 с.; Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.; Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга (XIX в. – февраль 1917 г.): История Сибири. Первоисточники / Ответ. ред. Л.М. Горюшкин. Т. 1. Новосибирск, 1993.

Вопросы методологии и историографии

УДК 9(47) «1925»:930.1

Т.А. Перцева

Декабристская тематика на страницах «Сибирской ссылки»: (неокончательные итоги 40-летних исследований)

В статье представлен анализ декабристоведческих материалов, опубликованных в сборниках «Ссылочные революционеры в Сибири» и «Сибирская ссылка» за 40 лет их существования.

Ключевые слова: декабристы, исследования, историография, ссылка в Сибирь, сибирское общество, исторический факультет ИГУ.

Т.А. Pertseva

Decembrist subject on «Siberian exile» pages: (not final results of 40 years' researches)

The analysis is presented in article the dekabristovedcheskikh of the materials published in collections «Exiled Revolutionaries in Siberia» and «Siberian exile» for 40 years of their existence.

Keywords: Decembrists, researches, historiography, Siberian exile, Siberian society, department of history to the ISU.

Немного найдется в нашей стране провинциальных научных изданий, история которых исчисляется не одним, не двумя, а целыми четырьмя десятилетиями. Появление и существование такого издания-долгожителя именно в Иркутске – явление, пожалуй, закономерное и естественное. Восточная Сибирь еще со времен знаменитого протопопа Аввакума стала для властей

идеальным местом изоляции от общества нежелательных, оппозиционных элементов. Среди тех, кто прошел через сибирскую ссылку, было немало людей известных, судьба которых интересовала и их современников, и потомков. Этот интерес особенно усилился после революции и утверждения в стране советской власти, когда широкие народные массы, разбуженные к активной жизни, строительству новых (и не всегда понятных им) отношений, нуждались в осознании корней происходящего. И в этом отношении борцы со старыми, отжившими порядками, ставшие к тому же, кто на время, а кто и навсегда, земляками сибиряков, должны были привлечь особое внимание историков. А то обстоятельство, что Сибирь не перестала быть местом ссылки и в последующие годы, заставляло их не просто описывать условия жизни ссылных, но и попытаться определить соотношение позитивного и негативного влияния этого института карательной политики государства на развитие региона. Начало же серьезного влияния ссылных на местное общество было заложено по общему, никем не оспариваемому (даже теми, кто видят в этом только отрицательную сторону) мнению еще «первыми русскими революционерами» – декабристами.

Уже в 20-е гг. прошлого века декабристоведение заняло важное место в деле изучения сибирской ссылки. На причину этого указал один из родоначальников иркутской школы декабристоведения Б.Г. Кубалов: «Роль декабристов не закончилась на Сенатской площади. Как крупная культурная сила они занимают видное место в истории общественного движения в Сибири, занимают в тот момент, когда их теряет из поля своего зрения историк России»[1]. Это принципиальное замечание, сделанное иркутским историком еще в 1925 г., определило два важных аспекта закономерности и необходимости сибирского декабристоведения: декабристы после приговора Верховного уголовного суда не выпали ни из времени, ни из пространства России. С одной стороны, Сибирь входила в состав империи и то, что в ней происходило, хотя и имело свои особенности, являлось частью российской истории. С другой, – миновав границу между Европой и Азией, невольные сибиряки не перестали быть самими собою, сохранив знания, нравственные качества, любовь к Отечеству и желание быть ему полезными. Игнорирование сибирского периода при изучении истории рус-

ского оппозиционного движения влекло за собой искажение реальной картины.

Руководствуясь этим принципом, иркутские историки и литературоведы (М.К. Одинцова, Ф.А. Кудрявцев, М.К. Азадовский, С.Ф. Коваль, М.Д. Сергеев, Е.А. Ячменёв) на протяжении нескольких десятилетий продолжали развивать это направление в сибирской исторической науке. Результатом их усилий явилось появление в городе одного из первых в стране Музея декабристов, издание многотомной документальной серии «Полярная звезда», проведение шести Всесоюзных (Всероссийских) конференций, посвященных проблемам декабристского движения, т. е. превращение Иркутска в своеобразный центр декабристоведения.

Появление работ о пребывании декабристов в сибирской ссылке в сборнике «Ссылчные революционеры в Сибири», тоже, конечно, не было случайностью. Редакционная коллегия нового издания поставила перед собой цель собрать и представить как можно больше материалов для создания общей картины истории сибирской ссылки. Как было заявлено в аннотации к первому выпуску, «на основе широкого круга источников в нем раскрывается революционная и культурно-просветительная деятельность политических ссылных Сибири, начиная от декабристов и кончая большевиками»[2]. И хотя впоследствии спектр обсуждаемых проблем расширился (дореволюционная уголовная ссылка, жертвы сталинских репрессий, диссиденты периода «развитого социализма»), однако, декабристы неизменно присутствовали на страницах сборника.

Из 326 статей, сообщений, публикаций документальных материалов, появившихся здесь, около 30 либо непосредственно относятся к декабристоведческой тематике, либо декабристы появляются в них в качестве своеобразной точки отсчета при рассмотрении конкретных вопросов жизни и деятельности их последователей. Следует отметить, что в последнее время таких публикаций стало больше. Объясняется это, по-видимому, тем, что появившееся в 70–80-х гг. XX в. собственное издание декабристоведов – сборник «Сибирь и декабристы»[3], прекратилось с расформированием Восточно-Сибирского издательства, и исследователям пришлось искать новую площадку для обсуждения интересующих их проблем. Изменившийся в новых усло-

виях, и даже получивший новое название, сборник «Сибирская ссылка» предоставил им такую возможность.

Самое большое место среди декабристских публикаций занимают материалы, в которых рассматриваются правовые аспекты политической ссылки на первом, дворянском этапе. Нельзя сказать, что эти вопросы не привлекали внимания прежде. Историки описывали отдельные пункты приговора, ссылались на соответствующие правительственные распоряжения относительно отправки осужденных к местам отбытия наказания, указывали на суровость условий, в которых они оказались. Такого рода публикаций немало и в данных сборниках [4]. Однако все они, как правило (возможно, из-за небольшого на первых порах формата), носили частный, локальный характер. Так, в статье барнаульской исследовательницы О.С. Тальской на примере впервые вводимого ею в научный оборот письма А.Ф. Бригена, посланного тайно в апреле 1827 г., раскрывается механизм исполнения предписаний при этапировании «дворянских революционеров», добавляются некоторые штрихи не только к портретам декабристов, но и официальных властей, и различных слоев сибирского общества. Объектом своего исследования известный сибирский историк В.Ф. Ретунский избрал правительственную политику размещения декабристов на территории Западной Сибири. Характерной особенностью этих, как и многих других работ этого времени, было привлечение широкого круга новых источников, как официального, так и личного происхождения, что объясняет сохранение их значимости и по сей день, несмотря даже на определенную идеологизированность.

Существенный вклад в разработку правовых аспектов истории сибирской ссылки декабристов внес тогда еще иркутский историк права С.В. Кодан [5]. Его работы отличает очень удачное сочетание как исторической, так и юридической сторон исследуемой проблемы. Это в равной мере относится и к рассмотрению контроля за перепиской «государственных преступников», и жесткого пресечения продолжения антиправительственной деятельности декабристов в условиях ссылки (заговор И.И. Сухинова, побеги солдат-декабристов, публицистика М.С. Лунина и П.Ф. Выгодского), и организации, мотивов и политических задач амнистии 1856 г. Своеобразным подведением итогов стала его совместная с Б.С. Шостаковичем статья «Сибирская

политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.)», в которой раскрывается не только становление отдельных элементов института политической ссылки, но и эволюции его, как системного метода борьбы с нарастающим в стране оппозиционным движением. Не случайно в последующих работах, посвященных эволюции пенитенциарной системы и статуса политической ссылки, опыт наказания декабристов признается началом этого процесса [6].

Сборник «Ссылные революционеры в Сибири», в известном смысле, стал опробационным полем для исследований иркутского полониста Б.С. Шостаковича [7]. Разумеется, большинство его статей касаются различных аспектов жизни и деятельности «в краю изгнания» ссылных поляков. Однако, поставив перед собой задачу создания общей истории польской ссылки, он не мог обойти вниманием и взаимоотношения, сложившиеся между повстанцами 1830-х гг. и декабристами. Так, восстанавливая сибирскую часть биографии активного деятеля ноябрьского восстания Петра Высоцкого, историк должен был проанализировать немногочисленные, разрозненные и даже разноречивые сведения о его контактах с М.С. Луниным, также отбывавшим наказание «за вторичное преступление уже в Сибири» в Акатуйской тюрьме. Большой интерес у декабристоведов вызвали представляемые в статьях воспоминания Р. Пётровского, Ю. Руциньского, Ю. Собиньского, В. Мигурского и других, в которых приводятся данные о Тобольской, Ялуторовской, Иркутской колониях декабристов, характеристики С.Г. Волконского, А.П. Юшневского, И.И. Пущина. Введение Б.С. Шостаковичем в научный оборот этих новых источников позволяет расширить и дополнить наши знания об условиях жизни и быта на поселениях и тех, и других.

Своеобразным дополнением к работам иркутского историка можно считать статью О.С. Тальской, проанализировавшей историю отношений членов курганской колонии декабристов с К. Вронецким, Л. Савицким, Э. Ключковским [8]. Ее исследование базировалось в основном на воспоминаниях и переписке декабристов и материалах Омского архива. Однако выводы, к которым она приходит, вполне соответствуют тем, которые сделал Шостакович, изучая польские мемуары: несмотря на сохранение некоторых расхождений по политическим вопросам,

их связывало глубокое уважение, совместное преодоление трудностей поселенческой жизни и стремление внести посильный вклад в развитие сибирского общества.

Одной из наиболее традиционных и активно исследуемых тем сибирской ссылки декабристов была их роль в культурном развитии региона. Подобного рода сюжеты нашли отражение и на страницах сборника [9]. В работах читинской исследовательницы Р.И. Цуприк рассматривается состав библиотек декабристов, круг их литературных, общественно-политических, исторических интересов, оказавших влияние не только на общекультурный уровень общавшихся с ними сибиряков, но и на формирование их общественной позиции. Для известного иркутского музыковеда И.Ю. Харкеевич декабристы – лишь одна из страниц в музыкальной летописи родного города, но эта страница написана с чувством глубокого уважения к ним за все ими сделанное. Собранные по крупицам сведения из самых разнообразных источников (мемуары, переписка, летописи, архивные материалы) позволяют автору сделать обоснованный вывод о том, что декабристы не только сами занимались музыкой, вызывая интерес окружающих, но постепенно приучали иркутян к музыкальной культуре через уроки для детей купцов, домашние концерты у Трубецких и Волконских, пополнение нотами библиотеки Девичьего института, помощь в организации гастрольных выступлений приезжих музыкантов. К числу несомненных достоинств этой работы следует отнести то, что в ней не преувеличивается вклад ссыльных дворян (чем порой грешили некоторые авторы), но показывается на фоне уже сложившихся в губернском городе традиций – концертов в доме генерал-губернатора, театральных спектаклей, выступлений местного оркестра, публичных балов. Благодаря этому и декабристы предстают не «величественными» одиночками, возделывающими «пустыню», а обычными людьми, открытыми к общению и именно поэтому интересными и нужными окружающим.

Еще одной группой исследований, всегда вызывающей интерес и также нашедшей место на страницах сборника, являются биографии отдельных декабристов. По странной случайности это оказались два человека, в какой-то мере связанных с Иркутском еще до событий 1825 г. – Владимир Иванович Штейнгейль, проведший здесь свои детские годы и служивший

«байкальским адмиралом» по окончании Морского корпуса, и Гавриил Степанович Батеньков, находившийся при сибирском генерал-губернаторе М.М. Сперанском [10]. Следует, правда, заметить, что относительно Батенькова, автор касается биографии декабриста опосредованно, через историографический анализ работ, посвященных ему. Думается, это наиболее взвешенная и объективная оценка сделанного предшественниками. Но одновременно это – одна из первых попыток (в середине 1980-х годов) уйти от привычных клише (Батеньков – даже не декабрист; Батеньков – радикал-республиканец) и изучать его мировоззрение с учетом не только политических и экономических, но и действительно сложных и противоречивых религиозно-философских аспектов.

Статьи новосибирской и иркутского исследователей добавляют новые черты в политический портрет Штейнгейля. Т.С. Мамсик, внимательно проанализировав тексты воззваний к сибирским крестьянам, распространявшихся в Тобольской губернии во время волнений 1840-х гг., убедительно доказала, что все они принадлежат перу декабриста и являются поиском «способов (в условиях конспирации) идеологического воспитания крестьянства в духе буржуазной законности». В то время, она еще считала, что «самый факт обращения ссыльного революционера к крестьянской массе (хотя и через подставное лицо) в период грандиозных волнений в стране <...> характеризует уникальную по своей политической значимости историческую ситуацию»[11]. Анализ всего известного комплекса работ В.И. Штейнгейля, в которых в той или иной мере он дает характеристику современного ему законодательства, особенно по части системы наказаний, обосновывает необходимость его реформирования и предлагает свои варианты таких преобразований, позволил В.П. Шахерову сделать вывод о том, что декабрист всегда «оставался внимательным и умным наблюдателем, проявлял большой интерес к событиям в России и за рубежом, откликаясь точными и на редкость прозорливыми характеристиками на проявления социальной несправедливости и несовершенства политического строя»[12].

С точки зрения декабристоведов представляется весьма полезной полная публикация воспоминаний И.В. Ефимова, давно ставших библиографической редкостью. Сдержанные, подело-

вому конкретные комментарии А.Н. Гаращенко представляют читателю необходимые пояснения, не навязывая в то же время собственного видения проблемы и позволяя ему составить собственное мнение о сообщаемых событиях и лицах. Правда, в одном случае комментатор изменил своему принципу, выразив предположение, основываясь на сомнениях мемуариста, о возможной недостоверности даты бракосочетания дочери С.Г. и М.Н. Волконской Елены [13]. Между тем, достаточно было просмотреть переписку декабристов, горячо заинтересованных в судьбе всеобщей любимицы Неллиньки, за сентябрь – октябрь 1850 г.[14], и все встало бы на свои места.

В гораздо большей степени некритичным, несколько поспешным отношением к использованию источников грешит статья А.К. Бобкова «Публицистика ссыльных декабристов и ее влияние на сибиряков»[15]. То, что в этой статье нет никаких новых данных, не может быть поставлено в вину исследователю. В конце концов, в его задачу вполне могло входить обобщение разбросанных по разным монографиям и статьям сведений о публицистике М.С. Лунина, Д.И. Завалишина, П.Ф. Выгодского, М.А. Бестужева. Однако механическое их соединение такую задачу не решает, тем более что автор почему-то совершенно игнорирует мнения таких авторитетов, как С.Б. Окунь и Н.Я. Эйдельман, когда речь идет о Луине или Г.П. Шатровой относительно Завалишина. Вряд ли также допустимо при серьезном анализе чьих-то взглядов абсолютное и безоговорочное доверие, как это произошло по отношению к статьям читинского поселенца, чья предвзятость к генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву общеизвестна. Впрочем, даже такие публикации имеют свою положительную сторону: они оставляют у читателя чувство неудовлетворенности, ставят перед ним новые вопросы и заставляют вести дальнейшие поиски.

Разумеется, декабристские материалы не были для издания, отмечающего свое славное 40-летие, приоритетными. Однако, будучи составной частью революционного, освободительного, оппозиционного (по сути своей все эти определения все же верны) движения, они всегда присутствовали на его страницах. Подавляющему большинству авторов этих публикаций присущи тщательная работа с источниками, внимание к подбору исследовательских методов, следование за фактами, а не за модой

или политической конъюнктурой определенного момента. Безусловно, читатель, даже не глядя на обложку, с легкостью отличит статью 70-х гг. прошлого столетия от работ века XXI. Но обязательная советская риторика и ссылки на основоположников марксизма-ленинизма (зачастую не такие уж бесполезные) далеко не всегда свидетельство конъюнктуры и политической ангажированности историков. Они не должны и не могут умалять сделанного историками в прошлые годы: накопления и систематизации декабристских источников, разработки отдельных аспектов этой большой и, несмотря ни на что, по-прежнему актуальной проблемы.

Декабристы, в той или иной степени, были и остаются нужными буквально всем: и консерваторам, и либералам, и радикалам. От них не захотели (или не смогли) отмахнуться ни при каких режимах в России, а представители различных политических течений продолжают апеллировать к их взглядам, делам и примеру. Феномен декабристов стал неотъемлемой частью общекультурной истории России, причем частью живой, продолжающей оказывать весьма заметное влияние на русское общество и сегодня.

Примечания

1. Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 3.
2. Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. Иркутск, 1973. С. 2.
3. Сибирь и декабристы. Вып. 1–5. Иркутск, 1978–1988.
4. Ретунский В.Ф. Царская политика размещения декабристов в Западной Сибири (к историографии и проблематики вопроса) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. Вып. 8. С. 70–82; Тальская О.С. Новые материалы о пути следования декабристов на каторгу // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 9. С. 37–44; Перцева Т.А. Наказание декабристов: должествующее и реальное. I. Этапирование // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Иванов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2011. Вып. 6 (18) Там же. С. 107–125 и др.
5. Кодан С.В. Амнистия 1856–1861 гг. и сибирская политическая ссылка (к истории кризиса правительственной политики) // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 7. С. 39–55; Кодан С.В. Ссылные дворянские революционеры в сибирских политических процессах // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 8. С. 70–82; Дамешек Л.М., Кодан С.В. Система контроля за перепиской ссылных дворян-

ских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 9. С. 171–187; Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 12. С. 82–94.

6. См., напр.: Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). С. 224; Степанова (Шенмайер) Н.Г. Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века. Там же. С. 251 и др.

7. Шостакович Б.С. Политические ссылные поляки и декабристы в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. I. С. 243–292; Дьяков В.А., Канцельсон Д.Б., Шостакович Б.С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835–1856) // Ссылные революционеры в Сибири ... Вып. IV. С. 3–31; Шостакович Б.С. О дружественных связях декабристов с политическими ссылными-поляками // Там же. С. 31–42 Шостакович Б.С. Сибирский дневник моей неволи Юльяна Сабиньского: поиски и находки по следам уникального исторического источника. // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). С. 82–93;

8. Тальская О.С. Декабристы и ссылные поляки в Кургане // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 11. С. 96–112.

9. Харкеевич И.Ю. Ссылные декабристы и музыкальная культура Иркутска // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 7. С. 3–21; Цуприк Р.И. Круг чтения ссылных декабристов в Сибири (историческая литература) // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 9. С. 157–171; Она же. Актуальные вопросы социально-политической жизни России и стран Европы 1830–1850-х годов в отражении читательских интересов и оценках ссылных декабристов // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 10. С. 82–101; Белокрыс М.А. Хозяйственная и музыкально-просветительная деятельность в Забайкалье польского политического ссылного К. Савичевского // Там же. С. 71–82.

10. Мамсик Т.С. Декабрист В.И. Штейнгель и его воззвания к сибирским крестьянам // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 10. С. 3–20; Шахеров В.П. Декабрист В.И. Штейнгель и вопросы совершенствования уголовного и гражданского законодательства в России // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). С. 90–108; Сергун Е.Л. Декабрист-сибиряк Г.С. Батеньков // Ссылные революционеры в Сибири... Вып. 9. С. 23–37.

11. Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 16, 4.

12. Шахеров В.П. Указ. соч. С. 107.

13. Ефимов И.В. Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных винокуренных заводов 1848–1853 гг. // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). С. 671, 704.

14. См. напр.: Бестужев Н.А. Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 593; Муравьев А.М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 266; Пущин И.И. Сочинения и письма. Т. 2. Письма 1850–1959 гг. М., 1982. С. 61 и др.

15. Бобков А.К. Публицистика ссылных декабристов и её влияние на сибиряков // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). С. 373–388.

УДК 930.1

В.Д. Юшковский

**Тема смерти в эпистолярном и творческом наследии декабристов
(историко-философский аспект)**

В статье рассматривается отношение декабристов к смерти, как философской, религиозной, поэтической, исторической и бытовой категории.

Ключевые слова: декабристы, история, поэзия, философия, религия, физическая смерть, духовная смерть, жизнь, жертва, душа.

V. D. Yushkovsky

**Death subject in an epistolary and creative heritage of Decembrists
(historico-philosophical aspect)**

In article the relation of Decembrists to death, as philosophical, religious, poetic, historical and household category is considered.

Keywords: Decembrists, history, poetry, philosophy, religion, physical death, spiritual death, life, victim, soul.

Жестокий приговор, определивший будущее декабристов, не оставлял надежды решительно переменить судьбу. Они признавали, что после гражданской казни и столь сурового приговора вернуться к прежнему своему положению было нельзя. Новая жизнь, полная невзгод и лишений, в которую вступали участники мятежа, требовала качеств, которые они еще должны были найти в себе и укрепить, чтобы выдержать все испытания и вы-

жить. В прошлом боевые офицеры, доказавшие храбрость, они не раз смотрели смерти в лицо на поле брани, или участвовали в дуэли, готовые отдать жизнь ради доброго имени. Погибнуть *так* было не страшно, это была почетная, героическая смерть на виду, не оставлявшая выбора, ведь к такому исходу готовило романтическое искусство, так предписывал дворянский кодекс чести. «Облик» смерти, однако, изменился, она становилась следствием лишений, болезней, страданий, а иногда и одиночества, и это были смертельные враги, победить которых, обладая одной храбростью, уже было непросто.

Начиная с периода следствия, когда в крепости из-за тяжелых переживаний лишил себя жизни полковник А.М. Булатов, один из героев 1812 года, такая или подобная гибель не казалась для декабристов абсолютно невозможной. Оставаясь в большинстве бодрыми, жизнелюбивыми и деятельными, насколько позволяли условия, многие из них невольно примеряли участь рано ушедших товарищей и вынуждены были формировать отношение к собственному возможно преждевременному уходу. Это нашло выражение в лирике (В.К. Кюхельбекер, Г.С. Батеньков, А.И. Одоевский, Ф.Н. Глинка) и прозе (А.А. Бестужев), в дневниках (В.К. Кюхельбекер) и заметках (М.С. Лунин, Г.С. Батеньков), в оживленной переписке. Тема смерти, безусловно, не была центральной в художественном творчестве и эпистолярном наследии декабристов, и все же она присутствовала во многих работах, становилась предметом обстоятельных, порой мучительных размышлений, источником рефлексии, обязательным элементом религиозно-философских построений, ярким художественным символом. Нельзя не отметить это, обращаясь к монументальному литературно-документальному декабристскому материалу. Тем не менее, эта сторона мировидения, органично включенная в сложный комплекс взглядов, идей, переживаний деятелей декабристского движения, остаётся пока нераскрытой.

Хрестоматийный образ твердого, безупречного, «выкованного из чистой стали» борца с самодержавием не вязался с представлениями о готовности к смерти, ожидании близкой, неминуемой гибели лишенных дворянства, сословных преимуществ, вырванных из привычной среды декабристов. Подойти к этой проблеме мешал также поверхностный, клишированный взгляд на декабристов, как на людей, склонных к сугубо атеистическому миро-

восприятию, чуждых религиозных переживаний, вообще далеких от православной культуры [1]. Теме «смерть в восприятии декабристов» уделил внимание Ю.М. Лотман, писавший об отношении к самоубийству («предельному выражению чувства свободы») и мирозерцании вернувшихся с полей сражений молодых дворян, полных жизненных сил, которых до определенной поры «размышления о смерти мало волновали»[2]. Но работа эта, чрезвычайно глубокая, не исчерпывала обозначенную проблематику, а других примеров живого интереса к ней историков, литературоведов, философов найти крайне трудно. Представленный здесь материал, впрочем, тоже определяет только подходы к раскрытию этой историко-философской проблемы, хотя и данная задача представляется важной.

Для Ю.М. Лотмана декабристы, носители передовой культуры, были людьми *нового типа*, он настойчиво это подчеркивал, и такая установка многое объясняет. В то же время по условиям воспитания, социальному положению, жизненному опыту, пристрастиям и взглядам участники тайных обществ отличались друг от друга, порой довольно заметно. Отсюда двойственное отношение к смерти, которая в годы подготовки восстания и позже воспринималась как апофеоз, высшая точка, последний значительнейший поступок («Ах, как славно мы умрем!», восклицал в канун выступления А.И. Одоевский), а у части декабристов – как трагический, мрачный, а иногда и желанный из-за невыносимых тягот финал. Так, от одиночества и нищеты сильно страдал К.Г. Игельстром. «Если положение сие не изменится, честью тебе клянусь, есть от чего с ума сойти, – сетовал он в ссылке А.А. Крюкову. – И теперь даже временами находит такая хандра, что не знаешь, куда деваться»[3]. Подобные настроения испытывали С.Г. Краснокутский, А.П. Барятинский, В.Л. Давыдов, Аполлон Веденяпин. В сентябре 1854 года Вячеслав Якушкин сообщал из Иркутска о смерти братьев Борисовых и мнении С.Г. Волконского, полагавшего, что младший «умер от удара», а старший, «убедившись в кончине своего брата, пытался зажечь дом и окончательно повесился»[4]. Оба похоронены были в дер. Малая Разводная Иркутской губернии.

Каждый день в условиях выживания, сохранения психического и физического здоровья, обретения нового опыта воспринимался, как преодоление тлена, победа над «гибельным» располо-

жением духа, торжество жизни. Состояние человека, лишённого привычной поддержки, замечательно точно выразил в своих воспоминаниях близкий к декабристам петрашвец Ф.Г. Толль, бывший каторжанин: «В моем нравственном мире оборвалась какая-то струна: в первый раз в жизни я стоял на собственных ногах, без сословных помочей, без чиновничьих гарантий... отныне я был не более как человеком»[5]. Чтобы приспособиться к тяжелым обстоятельствам, требовалась, однако, большая работа души и ума, совершить которую не все оказывались способны. А.Ф. Бриген откровенно, как брату, сообщал П.Н. Свистуну, что «отвращение и утомление» от жизни сделало её невыносимой и он «с настоящим удовольствием видел приближение её конца...»[6] Князь Ф.П. Шаховской, став «политическим преступником», познав жестокие тяготы, «умер для семейства своего и счастья», помешался рассудком. А «замечательный по теплоте чувств» князь А.П. Барятинский, оказавшись «в большой бедности, граничившей с нищетой», впал в отчаяние и запил, «на дне стакана находил утешение»[7].

В то же время П.А. Муханов, признавал, что, «не будучи в состоянии изменить своей участи, лучше переносить её с мужеством, чем позволить дать унижить себя малодушием, недостойным человека»[8], и неукоснительно следовал этому наставлению. Силу характера, стремление к жизни проявляли другие невольные сибиряки, значительная их часть. Они беспрестанно трудились, занимались переводами, писали лирические стихотворения, статьи и записки, проявляли педагогические способности, обрабатывали землю. Чувствуя близкий закат жизни, В.И. Штейнгейль сообщал, что страшится не смерти, а дряхлости, возможности стать кому-то обузой, и молил всевышнего избавить его от «болезненной беспомощной старости». С.Г. Волконский тоже, ощущая «боль в ногах и слабость», боялся лишь одного, стать калекой, и добавлял в письме Г.С. Батенькову: «Духом, головой я ещё бодр, и за это должен благодарить всевышнего»[9]. Поразительную бодрость духа выказывал больной, постаревший И.Д. Якушкин. Положение, в котором оказались декабристы, считал он, заставляет «сколько возможно менее хлопотать о самих себе» и беспокоиться о других: каждый поступал именно так: «отказавшись чистосердечно и неограниченно от собственных выгод, и неужели под старость мы об этом забудем?»[10] То есть доб-

рые дела, оставшись в коллективной памяти, продлевали жизнь человека, переступившего смертный порог, и напротив, низкие поступки умертвляли душу задолго до физической смерти.

Предельно четко такое понимание выражала Е.И. Трубецкая: «Уничтожить человека могут только дурные дела, а от сего, надеюсь, что впредь Господь наш помилует нас»[11]. Это было понимание человека, с детства впитавшего христианские установления и нормы морали, верившего в бессмертие духа, понимание совершенно обычное для того времени. П.С. Бобрищев-Пушкин *погибелью* называл отсутствие в себе божества и настаивал на личной ответственности за сохранение чистоты души, а значит, собственной судьбы. Но у человека страдавшего, смерть как бы вычеркивала темные его стороны, высветляя лучшее. Вот почему сообщая о кончине А.П. Барятинского одному из декабристов, П.С. Бобрищев-Пушкин делал странную, на первый взгляд, приписку о том, что «с радостью похоронил давнишнего своего приятеля...»[12] Его послания проникнуты размышлениями о бессмертии души и бренности всего земного («здесь мы все как узники – каждый сидит в своей телесной подвижной тюрьме»). Много и углубленно размышляли об этом Г.С. Батеньков, Е.П. Оболенский, В.И. Штейнгейль, С.П. Трубецкой, С.Г. Волконский и даже те, которым приписывали материалистическое мировосприятие. «Если бы я не начинал верить в бессмертие души, сему общему у нас с божеством, то жизнь моя была бы одна буря, душа – глубокий и мутный колодезь», – говорил В.Ф. Раевский в Сибири, которая, по его признанию, волей высшего промысла «сделала его новым человеком»[13].

Вместе с тем, нужно признать, что «философия смерти» декабристов не укладывалась в рамки представлений, сформированных религиозным сознанием. Оценивать свои мысли и дела, взвешивая их на весах общественной пользы и нравственности, убеждали они, следовало не только в ожидании перехода в небытие. Страшнее смерти было бесчестие, связанное с нарушением долга перед отечеством и общественно значимым делом, а это влекло к неминуемой гибели. «Если же нарушу сию клятву, то пусть угрызения совести будет первою мезтью гнусного клятвопреступления, пусть сие оружие обратится острием в сердце мое и наполнит оное адскими мучениями; пусть минута жизни моей, вредная для моих друзей, будет последнею...»[14], – говорилось в

«Присяге Соединенных славян». Как неумолим был общественный приговор, так, безусловно, суров был суд совести, причем то и другое не отменяло высший суд, бескомпромиссный и неизбежный для каждого после кончины. Философское содержание темы смерти наполнялось, таким образом, новым звучанием, где на первый план выходили нравственно-этические категории, где понятия добра и зла соотносились с общественной моралью.

Жертвенная готовность заплатить высочайшую цену за исполнение идеала («Ах, как славно мы умрем!») и исчерпанность судьбы, осуществление своего предназначения в какой-то мере примиряли со смертью. У М.С. Лунина, привыкшего ставить на карту саму жизнь, восприятие смерти вообще теряло остроту, становилось будничным. Он думал об «очистительной» силе смерти и приходил к выводу, что она «истребляет корень греха, который всегда живет в нас», а потому «необходима и желанна», но борясь с греховным началом, полагая борьбу жертвой, человек должен до конца дней («жертвоприношение продолжается во всю жизнь его и кончается смертью»)[15]. Любовь к жизни наполняла страницы многих декабристских трудов, восторг перед ней звучал как гимн жизни («сильнейшая из всех страстей есть страсть к жизни», убеждал Ф.Н. Глинка), но это не противоречило ни готовности к уходу, ни желанию выдержать последний экзамен. С необыкновенным достоинством, ни слова не говоря о близившейся кончине, готовились к ней И.И. Пущин, И.Д. Якушкин, С.Г. Волконский, последние письма которых проникнуты светлым мироощущением. При этом важно было сделать имущественные распоряжения, позаботиться о судьбе близких, устроить в пансион родившихся в ссылке детей (И.И. Пущин), узаконить с ними родство и обеспечить их будущность (В.И. Штейнгейль).

Люди новой формации, декабристы остро ощущали ответственность перед историей. Прошлое выступало для адептов романтической школы как учитель, к нему обращались за примерами для подражания. «История была всегда... но она ходила сперва неслышно, будто кошка... – писал А.А. Бестужев-Марлинский. – Теперь история не в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце народов. Мы её видим, слышим, осязаем ежеминутно: она пронизывает в нас всеми чувствами»[16]. Но участники войны 1812 года и восстания сами творили историю, и это вносило принципиально новое содержание в понимание жизни и смерти. В записках

о прошлом декабристы обращались не столько к современникам, сколько к потомкам, понимая, что их имена принадлежат вечности, а это означало победу над смертью, преодоление бренного существования. Афористично и ёмко выразил это Г.С. Батеньков. Говоря о преемственности в деле освободительного движения, в письме Е.П. Оболенскому он подчеркивал, что «от фатального Декабря, как от бегства из Мекки в Медину, считается летоисчисление всех возможных эмансипаций»[17]. Но сходным образом думали и многие их современники, отдавая должное людям, на долю которых выпала особая историческая миссия. Похороны С.П. Трубецкого для москвичей, представителей студенчества стали важным общественным событием. В последний путь его провожали сотни людей: они несли гроб декабриста на руках и сильно встревожили III Отделение.

Другой возможностью одолеть смерть была поэзия, высшая степень литературного творчества. «Навеянные свыше» строки тоже адресовались потомкам, в них тоже звучал *голос вечности*. Одно из светлых по мировосприятию произведений XIX в. было создано «заживо погребенным» Г.С. Батеньковым. Там нет ничего, что свидетельствовало бы о муках томившегося в неволе забытого узника, зато передано состояние восторга перед красотой мира, парения духа, экзальтации. «Когда земное оставляя, / Душа бессмертная парит, / По воле всем располагая, / Мир новый для себя творит, / Мир светлый, стройный, и священный, / Когда один я во вселенной, / Один – и просто божий сын, / Как пульс огнем, не кровью бьется, / Тогда-то песнь рекою льется, / И языка я властелин»[18]. («Тюремная песнь»). Собственно, в условиях предельного существования, граничивших с гибелью, и родился такой своеобразный поэт, дух которого сосредоточила «темницы тишина святая». Это же можно сказать о В.К. Кюхельбекере, которого сделали поэтом страдания и неволя и который «довольно счастливо бредил стихами» (дневниковая запись от 13 апреля 1832 г.).

Поэзия мыслилась им как лекарство от тоски и средство общения с Богом, символом вечности. Тюремные стихи декабриста оптимистичны, он говорит, вопреки очевидному, о стремлении жить, одолев свои несовершенства. Более того, неволя воспринимается им как условие очищения. «С небес недремными очами, / Мой пастырь, ты меня следил. / Ты благотворными грозами

/ Согрел мне сердце, боже сил. / Гордыню буйную унизил, / И душу скорбную мою / К себе призвал, к себе приблизил, / Да низойду [под сень] твою»[19], – находим в черновике одного из произведений поэта. Стоит заметить, что «*жар святого вдохновенья*» как и Г.С. Батеньков он испытывал в условиях, когда впору было отчаяться и думать о смерти. Но лишь изменились условия, и миновала угроза гибели в заточении, тон поэтических строк стал меняться (особенно показательно в этой связи тобольское стихотворение «Ещё прибавился мне год»). Потерять лирический дар, которым дорожил, В.К. Кюхельбекер боялся больше всего. Он пытался представить это состояние и ужасался: «Замолк и меркнет вещей дух, / Не брызжут искры вдохновенья, / Исчезли дивные виденья: / В груди певца восторг потух. / Так постепенно тише рдеет / Без жизнедатного огня / И остывает и чернеет / Под мертвым пеплом головы...»[20] («Мое предназначение»).

На каторге и в ссылке пробуют свои поэтические силы Дмитрий Завалишин, Михаил Бестужев, Николай Чижов, Федор Вадковский, Владимир Раевский, Павел и Николай Бобрищевы-Пушкины. Необычайно окреп в тот период поэтический дар Александра Одоевского. Но чем больше росли они как поэты, чем ярче открывалось некоторым из них в пророческих «видениях» собственное будущее, тем трагичнее звучала их лира. «Пора отдать себя и смерти и забвенью! / Не тем ли, после бурь, нам будет смерть красна, / Что нас не Севера угрюмая сосна, / А южный кипарис своей покроет тенью?», – эти строки А.И. Одоевский написал за два года до смерти, когда определен был рядовым в Кавказский отдельный корпус. В августе 1839 года он стремительно угас от малярии «под сенью кипариса», находясь в военной экспедиции у берега моря. Там же, на Кавказе, погиб от рук горцев А.А. Бестужев-Марлинский. Причем, близких смерть его поразила, как исполнение предначертанного, вспоминал М.А. Бестужев. Они ужаснулись, хотя «были уже к этому подготовлены и письмами его, в которых пробивалась его решимость – искать смерти, и уже заметным намерением правительства вывести его в расход»[21].

Примечательно, что за год до смерти в «Дневнике убитого офицера» (1836) писатель в точности обрисовал место последнего успокоения («на берегу моря, у подножия гор, глазами на полдень»). Получалось, дарование и окрыляло, позволяло возвы-

ситься духом, и являло неведомое, давало открыть таинственный и жуткий покров смерти. «Пророков гонит черная Судьба; / Их стерегут свирепые печали; / Они влачат по мукам дни свои, / И в их сердца впиваются змии»[22], – писал В.К. Кюхельбекер («Участь поэтов»). Но, даже зная, догадываясь о близкой кончине, они твердо верили, что необходимо бороться до конца, преодолевая уныние, осознание бессилия изменить судьбу, оттого что так *надо*, и потому что «ничто не гибнет в природе, умирая, – ничто» (А.А. Бестужев-Марлинский). Болезнь и «разрушенное тело» заставляли думать о приближении смерти В.Ф. Раевского. «И жизнь страстей прошла как метеор, / Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою; / Я выдержал с людьми опасный спор / И падаю пред силой неземною!», – писал он в «Предсмертной думе» (1842). Но в следующей строфе просил не печалиться о своей гибели: «К чему же мне бесплодный толк людей? / Пред ним отчет мой кончен без ошибки; / Я жду не слез, не скорби от друзей, / Но одобрительной улыбки!»[23] Ибо одобрения заслуживала твердая, по его мнению, готовность исполнить предназначенное. «Я бодро подчиняюсь моей роковой судьбе, – сообщал близким С.Г. Волконский, – и возлагаю надежду на милосердие Господа»[24].

Столь же твердо, бестрепетно можно было ожидать собственный уход, сохраняя до конца дней жизненную душевную бодрость, декабристы это показывали. Источником *светлого*, незамутненного печалью отношения к миру служили у них и представления о христианском долге, выработанные религиозным сознанием, и убеждение в исполнении общественного долга. Так, И.И. Пущин, откликаясь на раннюю смерть Камиллы Ле-Дантю, жены В.П. Ивашева, сообщал друзьям, что «она рассталась с жизнью, со всем, что ей дорого в этом мире, как должно христианке», причастилась и благословила родных [25]. В то же время, говоря М.М. Нарышкину о смерти самого жизнелюбивого И.И. Пущина, Павел Бобрищев-Пушкин не без восхищения отмечал: «Он и больной, почти умирающий, имел более энергии, нежели мы, не больные»[26]. Ведь смерть была ему не слишком страшна, он знал, что останется в памяти людей знавших его и не знавших, будет жить в исторической памяти, которая простирается на все поколения. Особенно когда это касается людей столь неза-

урядных, выделявшихся исключительностью своей судьбы, как декабристы.

Примечания

1. В русле означенной концепции подготовлены были, в частности, работы Б. Карташева («Лекарство для души» // Наука и религия. 1960. № 12. С. 83–87), Ю.Н. Башнина (Декабристы в борьбе против религии и церкви // Уч. записки Карельского пединститута. 1967. Т. XVIII. С. 59–67), И.Я. Щипанова (Философские идеи декабристов // Вестник МГУ. Сер. философия. 1975. № 6. С. 22–32), С. Юровского (Мировоззрение декабристов // Дальний Восток. 1975. № 12. С. 134–142).
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1994. С. 217–228.
3. Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Под ред. М.К. Азадовского. Иркутск, 1925. С. 142.
4. Декабристы. Летописи ГЛМ. Под ред. В. Бонч-Бруевича. Кн. III. М., 1938. С. 446.
5. Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сб. материалов. Сост. П.Е. Щеголев. М., 1926. С. 279.
6. Декабристы. Летописи ГЛМ. С. 85.
7. Былое. 1926. № 1. С. 7.
8. Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. М., 1925. С. 126.
9. Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 398.
10. Декабристы на поселении (из архива Якушкиных). Воспоминания, письма под ред. С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского. М., 1926. С. 99.
11. Декабристы. Летописи ГЛМ. С. 318.
12. Колесникова В.С. Гонимые и неизгнанные. Судьба декабристов братьев Бобрищевых-Пушкиных. М., 2002. С. 277–278.
13. «В сердцах Отечества сынов» (декабристы в ссылке). Сост. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1975. С. 283.
14. Декабристы. Избранные сочинения в 2-х томах. М., 1987. Т. I. С. 84.
15. Лунин М.С. Письма из Сибири. Литературные памятники. Подг. И.А. Желвакова, Н.Я. Эйдельман. М., 1987. С. 166.
16. Декабристы. Эстетика и критика. М., 1991. С. 137.
17. Русская старина. 1901. Кн. X. С. 104.
18. Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М., 1978. С. 102.
19. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Литературные памятники. Подг. Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 91.

20. Там же. С. 344.
21. Воспоминания Бестужевых. Литературные памятники. Под ред. М.К. Азадовского. М., 1951. С. 233.
22. Декабристы. Антология в 2-х томах. Поэзия. Л., 1975. Т. I. С. 156.
23. Там же. С. 127.
24. Декабристы на каторге и ссылке (1825–1925). М., 1925. С. 34.
25. Памяти декабристов. Сб. материалов. Л., 1926. Вып. III. С. 22.
26. Бобрищев-Пушкин П.С. Сочинения и письма. Подг. В.С. Колесникова. Иркутск, 2007. С. 375.

УДК 9(571.1/.5)«18»:930.1

А.В. Дулов

Историография пребывания петрашевцев в Сибири

Статья посвящена отечественной историографии пребывания петрашевцев в сибирской ссылке. Сделан вывод о том, историками основательно исследованы важнейшие аспекты этой темы, однако и сегодня в ней остается немало слабоизученных сюжетов.

Ключевые слова: сибирская ссылка, революционеры, Иркутск, историография, сборники научных статей.

A.V. Dulov

Historiography of stay of petrashevets in Siberia

Article is devoted to a domestic historiography of stay of petrashevets in a Siberian exile. The conclusion is drawn on that, historians thoroughly investigated the most important aspects of this subject, however and today in it there is many slaboizuchennykh of plots.

Keywords: Siberian exile, revolutionaries, Irkutsk, historiography, collections of scientific articles.

Тема «Петрашевцы в Сибири» изучалась довольно активно и по отдельным ее разделам существует обширная литература. До 1917 г. интерес к исследованию политической ссылки, конечно, не мог быть достаточно глубоким у историков-профессионалов. Зато эта тема привлекала внимание революционных и либеральных кругов. Поэтому первые статьи, или, скорее заметки, о петрашевцах в Сибири появлялись за подписью историков-любителей: политических ссыльных, лиц, побывавших в местах ссылки петрашевцев и использовавших имевшиеся под рукой материалы, а также старожилов тех мест, родственников петрашевцев.

Такому изучению, прежде всего, подверглась жизнь в Сибири Ф.М. Достоевского, известного и помимо своего участия в кружке. Уже в 1889 г. печатается первая статья Н.Т. Черевина о пребывании Достоевского в Омском остроге [1]. Небольшая работа К. Николаевского «Товарищи Достоевского на каторге» [2] сообщает данные о каждом из польских повстанцев, находившихся в Омской крепости в одно время с Достоевским. К 1903 году относится наиболее полная из дореволюционных работ о пребывании Достоевского в Сибири – статья А.В. Скандина. Заметку о пребывании Достоевского в Сибири публикует также известный сибирский прогрессивный деятель Н.М. Ядринцев; она почти не содержит нового фактического материала и носит скорее символический характер, стремясь привлечь внимание общественности к жизни писателя в ссылке [4]. Другим петрашевцам специальных работ не посвящалось.

Исключение составляет М.В. Петрашевский. Еще в 1889 году каракозовец М. Маркс, сосланный в Енисейскую губернию и побывавший в селе, где умер Петрашевский, написал заметку о последнем периоде его жизни. В дальнейшем выходит еще ряд небольших работ о нем; наиболее интересная из них принадлежит перу В. Арефьева [5]. В. Арефьев правильно отметил, что «каторга не могла сломить его упорной натуры и заставить его с меньшею горячностью относиться к убеждениям своей юности». Он также приводит интересные воспоминания М.В. Загоскина о жизни Петрашевского в Иркутске и сообщает некоторые сведения о пребывании его в Енисейской губернии.

Но почти все эти статьи не затрагивали общественную деятельность петрашевцев и ограничивались, как правило, только

биографическими материалами, которые охватывали обычно жизнь лишь одного петрашевца в одном населенном пункте или местности.

Единственным же значительным исследованием из дореволюционных работ является статья В.И. Семевского – известного историка либерально-народнического направления. Основные научные интересы В.И. Семевского были направлены на изучение положения крестьянства и рабочего класса в России. Но в последний период жизни он берет за историю общественного движения, работает над материалами о тайных организациях декабристов, затем первым из историков обращается к кружку петрашевцев, чему, вероятно способствовало и то, что он был родственником его основателя. В.И. Семевский не остановился только на выяснении важнейших сторон деятельности петрашевцев до их ареста. Он исследовал также жизнь петрашевцев после разгрома кружка. Семевский отправился в Восточную Сибирь, где внимательно изучал как изданные, так и рукописные материалы, относящиеся к пребыванию в Сибири Петрашевского, Львова, Спешнева, записывал воспоминания очевидцев. Его работа [7] показывает, что он использовал почти все доступные тогда материалы.

Перед В.И. Семевским, как перед первым исследователем деятельности петрашевцев в Восточной Сибири, стояли очень серьезные препятствия, так как он должен был по первоисточникам разбираться в противоречивых оценках личности Петрашевского и его роли в Сибири. Большая его заслуга состоит в том, что он оценил ее положительно.

Работа Семевского дает много неизвестных ранее деталей из жизни петрашевцев в Восточной Сибири, поднимает богатые пласты нового документального материала. В.И. Семевский детально изучил обстоятельства пребывания петрашевцев на каторге, подробно рассмотрел их участие в печати Восточной Сибири, роль Петрашевского и Львова в иркутских событиях 1859 года.

Он первым обратил внимание на принадлежность ряда статей в «Иркутских губернских ведомостях» и «Амуре» М.В. Петрашевскому и попытался дать их анализ. В.И. Семевский проследил всю историю длительной борьбы Петрашевского с правительством и местными властями путем подачи прошений

и протестов, хотя и не смог понять ее подлинной цели, опубликовал много важных отрывков из прошений и сибирских писем Петрашевского.

В.И. Семевский, учитывая цензурные условия, подчеркивал либеральные стороны идеологии петрашевцев, считал их только предшественниками реформ 60-х годов, носителями надклассового мировоззрения русского общества. Все это и приводит В.И. Семевского к отказу от попытки раскрыть борьбу Петрашевского в Сибири за свержение царизма и придает статье биографический характер, хотя он и сообщает немало данных об общественной деятельности петрашевцев. Вопросы изменения их философских и социологических взглядов, роли их в жизни сибиряков, взаимоотношений их с населением и другими политическими ссыльными также были отодвинуты на второй план и почти не подверглись разбору. Тем не менее, работа В.И. Семевского не потеряла своей ценности и до наших дней.

После Октября политическая ссылка становится предметом пристального изучения со стороны исследователей-специалистов. Поэтому в 20-30-х годах появляется большое количество книг по истории русского освободительного движения, в том числе и о петрашевцах. Усиливается интерес к М.В. Петрашевскому, в журналах печатаются статьи, показывающие его борьбу с беззаконием.

Однако исследователи порой принижали и деятельность петрашевцев в Сибири, проходили мимо борьбы Петрашевского в ссылке за свержение правительства, изображая её лишь как борьбу с беззаконием. Иркутский историк Б.Г. Кубалов, автор гимназического учебника по истории России, рассматривая взаимоотношения Петрашевского и Бакунина в Иркутске, становился на сторону последнего и даже заявлял вместе с ним, что сибирские прошения Петрашевского есть доносы [8]. Биограф Бакунина В.П. Полонский в рецензии на статью Б.Г. Кубалова справедливо опроверг его мнение, хотя и сделал это в недопустимо грубой форме [9]. В дальнейшем В.П. Полонский опубликовал ряд документов, относящихся к жизни Петрашевского в Сибири [10]; их содержание окончательно устанавливает субъективность точки зрения Б.Г. Кубалова.

Как и раньше, в 20-30-х годах много статей было посвящено жизни Достоевского в Сибири. Среди них следует отметить ра-

боты Б. Герасимова, первая из которых была напечатана еще в 1912 году [11]. В эти же годы появляются две небольшие статьи, в которых делаются попытки выяснить взаимоотношения Достоевского с другими политическими ссыльными в Сибири [12]. Тогда же выходит книга Л. Райского, в которой впервые поставлен вопрос об эволюции философских и социально-политических взглядов петрашевцев [13]. Этой проблеме посвящена целая глава, но она во многом имеет фрагментарный характер. О мировоззрении петрашевцев в Сибири в ней содержатся лишь короткие замечания, охватывающие незначительную часть источников. Л. Райский правильно отмечает, что Петрашевский и в сибирской публицистике «с замечательным упорством борется за политические свободы и за принципы манчестерства в области экономики». Противоречивы взгляды автора на вопрос о направлении деятельности Петрашевского в Сибири. С одной стороны, он говорит, что Петрашевский «упорно боролся за свои идеалы», называет его «непримиримым», с другой – что Петрашевский «целиком стал на позицию буржуазного либерализма», с чем согласиться очень сложно.

К 1940 году относится работа известного юриста и историка М.Н. Гернета о расправе царизма с кружком петрашевцев. Часть ее отведена описанию условий жизни петрашевцев на каторге. Эта статья – один из фрагментов изданного позже капитального труда «История царской тюрьмы», а потому условия жизни петрашевцев рассматриваются здесь с точки зрения развития карательной политики царизма по отношению к революционерам. М.Н. Гернет вводит в статью и некоторое количество свежего материала, приводя факты жестокого обращения правительства с заболевшим петрашевцем Н.А. Момбелли. Чтобы выяснить изменение тюремной политики самодержавия, он сравнивает условия каторги декабристов и петрашевцев, правильно отмечая, что первые русские социалисты были разбросаны по разным тюрьмам, тогда как декабристы были помещены в одну, что часть из них работала на каторге, в то время как декабристы почти не несли каторжного труда. М.Н. Гернет делает справедливый вывод: «Правительство явно ставило своей задачей уравнивать каторжанина-петрашевца с уголовным арестантом». Вместе с тем, говоря о причинах таких различий, М.Н. Гернет ошибочно видит их лишь в совершенствовании методов распра-

вы Николая I над своими противниками, оставляя в стороне общее положение страны в то время и соотношение сил революции и правительства.

Интерес к жизни петрашевцев в Сибири вновь возрастает в 50–60-е годы. К этому времени среди советских историков победил взгляд на петрашевцев как на революционеров. Это имело положительное влияние и на разработку вопросов их деятельности в Сибири – появились попытки иначе рассматривать роль петрашевцев в Сибири и эволюцию их взглядов. Вместе с тем, эти попытки не обходились без натяжек и преувеличений. Особенно заметен такой недостаток в работах Ф.Г. Никитиной, посвященных мировоззрению Петрашевского, в том числе и сибирского периода [15]. Если в первой из них об эволюции идейных взглядов Петрашевского в ссылке почти ничего не говорится, то в статье «Революционный демократизм М.В. Петрашевского» этой теме отведено немало места. Ф.Г. Никитина права, считая, что Петрашевский и в Сибири остался революционером, но она переоценивает радикальность его мировоззрения и совершенно забывает о его сильных либеральных колебаниях. Так, она заявляет, что «в Сибири Петрашевский старался использовать всякую возможность для пропаганды идей революционного демократизма», что, конечно, является натяжкой, так как Петрашевский в ссылке нередко пропагандировал и идеи, которые можно назвать только либеральными. В доказательство своей мысли Ф.Г. Никитина приводит факт сотрудничества Петрашевского в «Иркутских губернских ведомостях», которые приняли обличительный характер. Но ведь обличительством-то в конце 50-х годов XIX века занималась как раз либеральная пресса, а Чернышевский и Добролюбов высмеивали его. В некоторых случаях Ф.Г. Никитина, стремясь представить Петрашевского сибирского периода последовательным революционером, даже прямо искажает факты. Так, после убийства из-за попустительства администрации чиновника Неклюдова в Иркутске, Петрашевский выступил на его похоронах с резкими обвинениями против городских властей. По словам же Ф.Г. Никитиной, в этой речи «обличалось самодержавие», хотя ни в одном из известных нам источников об этом ничего не говорится, а Г. Никитина ничем не подкрепляет свое утвержде-

ние. Очевидно, глубокому разбору вопросов помешало и слабое знание источников.

Более удачной была статья С.В. Житомирской «Встречи декабристов с петрашевцами», в которой приведены новые интересные факты о взаимоотношениях двух этих групп политических ссыльных. В некоторых работах Б.Г. Кубалова также затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью петрашевцев в Сибири. Его книга о связях Герцена с общественностью Сибири имеет большое значение для разработки проблемы общественной деятельности петрашевцев в Сибири, так как в ней приводится значительный фактический материал, впервые введенный в научный оборот. Б.Г. Кубалов собрал интересные сведения о деятельности в Сибири петрашевцев, хотя они и разбросаны по разным разделам книги, так как специальной цели разбора общественной работы петрашевцев в Сибири он не ставил перед собой. В книге приводится также немало случаев сходства или частичного совпадения тех или иных высказываний Герцена и петрашевцев.

На этом основании Б.Г. Кубалов каждый раз делает выводы, к сожалению, почти всегда слабо аргументированные, о влиянии Герцена на петрашевцев, хотя это сходство или совпадение может быть и чисто случайным, так как и Герцен, и петрашевцы были представителями революционного направления русской мысли. В некоторых случаях можно даже с полной уверенностью отрицать заимствование той или иной мысли у Герцена. Например, Б.Г. Кубалов говорит, что Петрашевский «развивает мысль Герцена» о всеобщей зависимости явлений в природе и общественной жизни (стр. 76). Но, с одной стороны, сам Петрашевский утверждал то же самое еще в 1849 году, с другой же стороны, мысль о всеобщей связи явлений – один из элементов диалектики, которая, как известно, была разработана еще до Герцена. В другом случае Б.Г. Кубалов считает, что «влияние идей Герцена» сказалось в том, что Петрашевский одобряет гласность (стр. 77). Но и эта мысль была высказана самим Петрашевским еще в 1846 году. В комментариях В.Г. Кубалова и его вступительной статье к «Протесту против выступления Бакунина» содержится много новых фактов об иркутской дуэли 1859 года.

К пятидесятым же годам относятся и некоторые высказывания о направлении деятельности петрашевцев в Сибири В.Р. Лейкиной-Свирской. В.Р. Лейкина-Свирская активно занималась изучением движения петрашевцев: первые ее работы по этой проблеме появились еще в 20-х годах. Пребывание петрашевцев в Сибири в них почти не затрагивалось, исключая несколько новых фактов, имеющих отношение к условиям жизни петрашевцев в Сибири. В 1956 году, публикуя очень ценную «Записку о деле петрашевцев», составленную Ф.Н. Львовым при участии Петрашевского, она делает ряд важных замечаний о деятельности петрашевцев в ссылке. Правильно устанавливая ряд фактов (время составления «Записки», принадлежность Ф.Н. Львову статьи «Опять об иркутской дуэли» в «Колоколе»), В.Р. Лейкина делает также несколько верных обобщений. В частности, она правильно указывает, что Львову в Сибири были присущи «либеральные ноты», отмечает, что «Петрашевский не был и не стал либералом, но в его идеологии, оформлявшейся в сороковых годах в направлении к революционному демократизму, оставалась известная незавершенность, противоречивость».

Вместе с тем, отдельные выводы В.Р. Лейкиной-Свирской представляются спорными. Говоря, например, о требованиях Петрашевским пересмотра приговора по делу кружка, она утверждает: «Протесты Петрашевского имели в его собственных глазах чисто принципиальное значение – таким образом, он продолжал свою борьбу против политического произвола царизма. Эта борьба не сулила ему, разумеется, никакого успеха и лишь отягчала его положение» [19]. Во-первых, Петрашевский использовал свои прошения не только для борьбы «против политического произвола царизма», но для борьбы против самодержавного строя. Во-вторых, из слов В.Р. Лейкиной-Свирской следует, что Петрашевский не ставил перед собой практических задач, требуя нового процесса. На самом же деле Петрашевский возлагал очень большие надежды на них, используя вместе с тем и другие методы политической борьбы. Едва ли можно считать удачным и предположение В.Р. Лейкиной-Свирской о том, что «Записка» Львова и Петрашевского затушевывает «политическую направленность деятельности кружка», так как в ней приведено немало неизвестных ранее фактов, свидетельствующих о революционных намерениях его членов.

В 1960-х г. усилилось внимание историков-популяризаторов к жизни петрашевцев в Сибири. Плодами их работы оказались две книги: Якушин Н. Достоевский в Сибири. Очерк жизни и творчества. Кемеровское книжное издательство, 1960, и Прокофьев В. Петрашевский. М., 1962. Первая из них не лишена некоторой ценности для массового читателя.

Н.И. Якушин вводит его на собрания кружка петрашевцев, членом которого был Фёдор Михайлович, показывает разгром кружка; прослеживает путь писателя на каторгу – в Омскую крепость, где писатель провел в ужасных условиях четыре года каторжной жизни, затем переносит нас в Семипалатинск, красочно показывая условия и события пребывания Достоевского в Сибири. Н.И. Якушин хорошо изображает историческую обстановку, в которой Достоевский жил в Сибири, дает ряд портретов окружающих писателя лиц. Знание фактов, соединенное с увлекательным, живым стилем, приводит к тому, что работа читается с интересом.

Автор сумел собрать большой фактический материал, но использует его скорее как беллетрист, а не как исследователь. Поэтому Н.И. Якушин почти не пытается доказывать выдвигаемые им положения; он предпочитает путь построения готовых формул, часто непроверенных и не подтвержденных, и создания образных сцен, не всегда достаточно правдоподобных. Такой подход приводит автора и к поражению в его попытке показать идейную эволюцию писателя в Сибири: мировоззрение Достоевского изображается более радикальным, чем оно было на самом деле. Отсутствие исследовательского подхода к теме отражается и на отношении Н.И. Якушина к источникам. Заявив на первых страницах книги, что воспоминания и заметки разных авторов о жизни Достоевского в Сибири «... в большинстве своем... ничего, кроме малозначимых, а подчас и просто неверных фактов, не содержат», он, кажется, исчерпывает всю свою критическую интуицию и предпочитает больше не упоминать о достоинствах или недостатках источников, хотя довольно усердно черпает из них фактический материал. В тех же случаях, когда источники содержат противоречивые факты, автор просто упоминает один из них.

И, наконец, недостатки книги усугубляет небрежность автора в отношении фактов, обилие фактических ошибок и неточностей.

В работе В. Прокофьева описанию жизни и деятельности Петрашевского в Сибири отведено немало места. Так же, как и книга Н. Якушина, эта биография Петрашевского написана как беллетристическое произведение. В целом та часть книги, в которой говорится о жизни петрашевцев в Сибири, слабее первой, хотя и здесь автор использует довольно значительный материал, порой умеет интересно и довольно тонко интерпретировать факты, давая оригинальное освещение некоторым деталям. Автор правильно отмечает, что прошения Петрашевского с требованием пересмотра решения по делу кружка преследовали цель борьбы Петрашевского против правительства, за социализм, но ясного представления о смысле и методах политической деятельности Петрашевского и других петрашевцев не имеет. Он преувеличивает революционность Петрашевского, Спешнева и Львова. В. Прокофьев не показал в книге всего значения и размаха общественной деятельности петрашевцев в ссылке, резкой критики ими пережитков крепостничества во всех его видах. Автор вместе с тем сужает поле борьбы Петрашевского, и центр ее направляет против Н.Н. Муравьева-Амурского, хотя агитация против него была лишь одним из направлений деятельности Петрашевского.

С большой статьей о деятельности Петрашевского в Сибири выступил В.Г. Карцев, назвавший ее: «М.В. Бутаевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850 – начала 1860-х годов»[20]. В статье впервые делается ряд интересных выводов и наблюдений. Так, В.Г. Карцев обращает внимание на наличие социалистических идей в публицистике Петрашевского сибирского периода, он совершенно справедливо отмечает, что многие исследователи ошибочно отождествляли петрашевца Ф.Ф. Ольдекопа с членом Иркутско-Верхоленского суда К.К. Ольдекопом, поддержавшим петрашевцев в их действиях против иркутской администрации. В.Г. Карцев также правильно указывает, что главной причиной борьбы между Петрашевским и сосланным в Сибирь М.А. Бакуниным были их расхождения во взглядах принципиального характера.

Однако совершенно неверным следует считать мнение В.Г. Карцова о том, что прошения Петрашевского с требованием пересмотра приговора по делу петрашевцев и вся его борьба против сибирской администрации преследовали цель борьбы за законность. В.Г. Карцов не понимает, что хотя в прошениях Петрашевского действительно много ссылок на статьи законов и уверений в законности действий Петрашевского, на самом деле он стремился не к выполнению царских законов, а к свержению правительства и достижению социализма. Ссылки на законы для Петрашевского были лишь прикрытием его борьбы за социализм. В.Г. Карцов также совершенно напрасно полагает, что власти не могли с Петрашевским «расправиться» окончательно именно потому, что он протестовал «против нарушений законности (с. 167)». В данном случае, все было как раз наоборот (о чем отчасти свидетельствуют факты, приводимые и самим автором): стоило бы Петрашевскому отказаться от выступлений против властей по незначительным поводам, как администрация сменила бы гнев на милость, и он, может быть, даже получил бы возможность вернуться из ссылки (что и случилось со всеми остальными петрашевцами). Явно неудачна и попытка В.Г. Карцова установить прямую связь между общеполитической обстановкой в стране и репрессиями властей по отношению к Петрашевскому.

В 1970–1980-х гг. проблемы пребывания петрашевцев в Сибири затрагивалась в нескольких десятках книг и статей, хотя чаще всего – попутно, в связи с изучением других тем. Отметим лишь наиболее интересные работы.

Следует отметить как положительный факт публикацию специальной статьи В.Н. Михайловой, посвященной историографии данной проблемы [21]. Упомянув и дав оценку примерно полутора десяткам исследований о петрашевцах в Сибири, она, к сожалению, упустила несколько статей, в которых эта проблема рассматривается. Некоторые оценки, данные Михайловой в упомянутой статье, вызывает возражения.

За эти годы были опубликованы статьи, дающие оценку деятельности М.В. Петрашевского в Сибири и сообщающие новые факты о нем. Несмотря на свою небольшую величину, весьма ценна статья Е. Владимировой, вводящая в научный оборот но-

вые факты о жизни и борьбе в Енисейской губернии организатора социалистического кружка социалистов-утопистов [22].

Зато более крупная по объему работа философа З.Я. Ивановой удивляет как слабым знакомством ее автора с фактическим материалом, так и убогими выводами об оценке эволюции взглядов Петрашевского. З.Я. Иванова не знает статей, написанных сибирскими историками о Петрашевском, диссертационной работы о мировоззрении Петрашевского. Её статья полна фактических ошибок и необоснованных попыток изобразить Петрашевского стопроцентным революционером, лишенным каких-либо реформистских колебаний [23]. И.Б. Порох в специальной статье удачно раскрывает историю публикации в Герценовском «Колоколе» одного из прошений Петрашевского [24]. Н.П. Матханова в нескольких статьях, посвященных общественной жизни Сибири середины XIX в., приводит новые факты и интересные наблюдения, касающиеся петрашевцев и их окружения [25].

Специальная статья А.В. Соболевского дает оценку общественной борьбы, разгоревшейся в Иркутске в результате «иркутской дуэли» 1859 г. Статья эта по существу не содержит новых материалов по данной теме, но имеет целый ряд неудачных оценок и формулировок. Так, петрашевцы Ф.Н. Львов и Н.А. Спешнев оказываются представителями «иркутского чиновничества» (с. 60); неверно указываются некоторые даты событий, автор обрушивает на организаторов политических демонстраций в Иркутске 1859 г. целый ряд критических замечаний [26]. Изложение фактического материала местами кажется почти списанным из соответствующего раздела 3 тома «Истории Сибири» [27].

Большая статья написана С.В. Коданом о юридической стороне жизни петрашевцев в Нерчинских горных заводах [28]. Несомненно, разработка данной темы представляется весьма обоснованной. Опираясь главным образом на материалы Читинского областного исторического архива, автор дает развернутую картину пребывания петрашевцев на каторге. Хотя основные факты об этом были изложены еще до 1917 г. в статьях В.И. Семевского, С.В. Кодан приводит ряд новых деталей, дает анализ правовых аспектов режима содержания этих государственных преступников в условиях восточносибирской каторги. Сенсационной и явно необоснованной выглядит последняя фраза статьи: «... Петрашевцы на Нерчинской каторге употреблялись в ка-

торжных работах с содержанием в тюрьме, что подтверждается архивными документами и воспоминаниями самих петрашевцев. Они в полной мере испытали установленный царским законодательством режим содержания под стражей и находились на каторжных работах вплоть до манифеста о помиловании 1836 г.» (с. 21). Теми же воспоминаниями, которые якобы подтверждают этот факт, являются записки П.М. Хитрово, который, по-видимому, искажил устные рассказы петрашевца Н.А. Момбелли, и литературное произведение Н. Львова, которое С.В. Кюдан считает воспоминаниями. Что же касается достоверных источников, то практически все указания современников, письма петрашевцев свидетельствуют о том, что они в Нерчинских заводах оказались в значительно лучшем положении, чем этого требовал царь и высшая администрация.

В 1961 г. в Ульяновске вышла книга: «В.Ф. Раевский. Социнения». В ней перепечатана статья «Об иркутской дуэли», опубликованная Б.Г. Кубаловым в «Литературном наследстве», т. 63, с. 228-239 под заглавием: «Протест против выступления Бакунина об «Иркутской дуэли». Б.Г. Кубалов указал на Ф.Н. Львова как на автора статьи. Составитель книги П.С. Бейсов в примечаниях к статье (с. 275) вполне убедительно обосновывает тезис о том, что эта статья написана совместно Ф.Н. Львовым и В.Ф. Раевским.

В 1983 г. А.А. Брегман и Е.П. Федосеева в большой статье «Владимир Федосеевич Раевский в Сибири (В.Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983 г.) приходят к вполне обоснованному выводу о том, что Раевский является автором еще одной статьи о дуэли, опубликованной Герценом в приложении к «Колоколу» – листке «Под суд!» от 15 ноября 1859 г. под заголовком: «Убийство Неклюдова в Иркутске». На с. 381-396 они публикуют это письмо.

Из отдельных петрашевцев больше всего написано о Ф.М. Достоевском. Известный историк, доктор исторических наук М.М. Громыко – автор монографии «Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854 гг.» (Новосибирск, 1985). Исследователь собрал большой материал, который дал возможность выявить практически все знакомства писателя в его каторжные годы. Достоевскому и находившемуся в той же тюрьме

С.Ф. Дурову всячески помогали декабристы И.А. Анненков и М. Фонвизин, их жены и друзья, стремившиеся облегчить положение «новых конскриптов». Часть офицеров и чиновников губернского города, в том числе и некоторые тюремные начальники, поддерживали духовно и материально выдающегося писателя. Ряд офицеров – генерал Бориславский, комендант крепости генерал-майор А.Ф. де Граве, подпоручик К.И. Иванов, служащие инженерных войск, покровительствовали Достоевскому и Дурову, подыскивая для них более легкий труд. Лекарь острога помещал их в госпиталь чаще других, даже если они не нуждались в лечении, просто на отдых. Иногда петрашевцам давали возможность почитать не только беллетристику, но даже свежие журналы и газеты.

Всё это делалось вопреки распоряжениям императора с риском для тех, кто помогал заключенным. М.М. Громыко удалось выявить несколько десятков лиц, поддерживавших писателя.

Эту работу дополняет книга В.С. Вайнерман «Достоевский и Омск» (Омск, 1991).

Изданы литературоведческие труды, посвященные пребыванию Ф.М. Достоевского в Сибири. В 1981 г. в Иркутске опубликован сборник «Достоевский Ф.М. «Записки из Мёртвого дома», в котором, кроме текста писателя, помещены в «Приложениях» официальные рапорты, донесения, а также «Сибирская тетрадь».

«Сибирская тетрадь» – 28 листов бумаги, заполненные записями метких народных слов и выражений. В каторжные годы она хранилась Достоевским в «Евангелии» – единственной книге, которую разрешалось иметь заключенным. Тетрадь послужила литературным первоисточником для писателя, который он многократно использовал в литературных произведениях. Тетрадь была впервые опубликована в 1930-х г., но без комментариев и с частично неразобранным текстом. В 1972 г. «Сибирская тетрадь» была включена в 4 том полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30-ти томах. Публикация была частично снабжена комментариями, но некоторые записи остались неразобранными; встречались там и неточности. Не было оценено значение тетради в творчестве писателя.

Для дальнейшего изучения «Сибирской тетради» многое сделал профессор Иркутского госуниверситета В.П. Владимирцев.

Он – один из составителей книги: «Достоевский Ф.М. Моя тетрадка каторжная. Сибирская тетрадь» Изд. подготовили. В.П. Владимирцев и Т.И. Орнатская. Красноярск, 1985. В этой книге впервые даны комментарии ко всем записям, исправлены ошибки, допущенные в прежних изданиях.

В 2009 г. Владимирцев опубликовал монографию «Каторжная тетрадка Достоевского». В ней учёный доказал, что фольклорно-этнографические и лексикографические записи писателя-арестанта имеют важное значение. По словам В.Н. Захарова, автора предисловия к книге, комментарии В.П. Владимирцева «в полной мере раскрывают услышанный Достоевским голос русского народа. Благодаря сознательному отбору писателя, записи образуют художественное целое – единство, которое создают сцены, пословицы, поговорки, «острожный говорок», каторжный юмор, сюжеты будущих произведений». Владимирцев выявил более 600 случаев использования писателем материалов тетради в многочисленных художественных произведениях.

Проблеме отражения сибирского периода в творчестве писателя посвящена крупная монография В.П. Владимирцева «Достоевский народный» (Иркутск, 2007). Ценной работой является книга Л.И. Сараскиной «Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба» (М., 2000). Будучи известным литературоведом, Л.И. Сараскина заинтересовалась петрашевцем, поскольку его хорошо знал Ф.М. Достоевский, на которого Спешнев произвел сильное впечатление.

Исследовательница вполне справедливо цитирует слова Б.Ф. Егорова, автора книги о петрашевцах: «Многие пострадавшие вообще не реализовали себя, их талант был убит каторгой и ссылкой. Кем был бы Спешнев при свободном развитии его способностей: философом, политиком, учёным, журналистом. Мы не знаем, но ясно, что его незаурядная натура ярко проявила бы себя в любой области». (с. 16-17). Поэтому её книга о человеке явно незаурядном, но не сыгравшем крупной роли, вполне оправданна. Используя большой, в основном ранее не публиковавшийся комплекс источников, она подробно проследила биографию яркой личности, которой явно не повезло в жизни.

Несправедливо изгнанный из Царскосельского лицея, Н.А. Спешнев влюбился в молодую полячку, увёз её от мужа, но вынужден был бежать с ней за границу, так как оформить

брак не было возможности. От переживаний его фактическая жена умерла, и Спешнев на всю жизнь остался холостым.

Затем он становится видным участником кружка Петрашевского, за что расплачивается каторгой и ссылкой. Богатые архивные материалы семейного фонда Спешневых дали возможность Л.И. Сараскиной детально проследить жизнь героя её книги на всех её этапах, в том числе и в Сибири. Она публикует более 70 документов и писем Н.А. Спешнева и к Спешневу. Особенно интересна переписка Николая Александровича с его матерью, Анной Сергеевной, а также официальные документы генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского, активно помогавшего политссыльному. Некоторые из этих документов дополняют наши представления о других петрашевцах, а также о деятельности администрации Восточной Сибири середины XIX века.

В.Р. Лейкина-Свирская в 1978 г. опубликовала статью «Петрашевец Н.А. Спешнев в свете новых материалов», но дополняет биографию петрашевца только до времени его ссылки в Сибирь. В том же году Г.П. Шатрова в небольшой статье рассказала о политической деятельности Петрашевского в Красноярске [29].

Автором данной статьи напечатано 48 публикаций о петрашевцах. В дальнейшем будут указаны только те из них, материалы которых не были включены в основную работу автора по данной теме [30]. Основой монографии послужила кандидатская диссертация, защищённая в 1965 г. В монографии А.В. Дулова впервые в научной литературе были рассмотрены в комплексе проблемы, связанные с пребыванием в Сибири петрашевцев (1850—1866 гг.). В ней обстоятельно показаны условия жизни их на каторге и в ссылке, быт, личные судьбы. Основное внимание уделено разнообразной деятельности петрашевцев: политической (особенно М.В. Петрашевского и событиям 1859 г. в Иркутске), организации первых газет в Иркутске Н.А. Спешневым, Петрашевским, многочисленным публицистическим статьям Петрашевского, Спешнева, Ф.Н. Львова Ф.Г. Толля, печатавшимся как в центральных, так и в сибирских изданиях; литературной деятельности, особенно значимой у Ф.М. Достоевского, достаточно заметной у С.Ф. Дурова, Толля, Львова. Характеризуется вклад в научную деятельность и изобретательство Львова и Р.А. Черносвитова. Отдельные главы посвящены

анализу эволюции мировоззрения петрашевцев и их взаимоотношениям с населением Сибири и другими политическими ссыльными (декабристами, польскими повстанцами, шестидесятниками).

По мнению А.В. Дулова, петрашевцы находились в Сибири в тот период, когда и в этой части России ощущался мощный демократический подъем. В Сибири это проявилось особенно сильно в среде интеллигенции, либерального купечества и мелкого чиновничества и выразилось в создании органов местной печати, кружков прогрессивного направления, росте библиотек, организации воскресных школ, появлении обществ. В то же время генерал-губернатором Восточной Сибири стал либерально настроенный Н.Н. Муравьев-Амурский, оказывавший первое время поддержку петрашевцам. Все это способствовало тому, что петрашевцы смогли развернуть широкую общественную деятельность, действуя в более благоприятных условиях, чем их предшественники – декабристы.

Условия заключения петрашевцев, полагает автор монографии, определялись, прежде всего, состоянием внутреннего положения самодержавия. Правительство понимало, что петрашевцы не представляют такой серьезной опасности для него, как в своё время декабристы. Поэтому петрашевцев сочли возможным не помещать в специальную тюрьму, как было сделано с декабристами, а рассеять поодиночке, разбросав их среди уголовных ссыльных.

Правительство не желало допустить по отношению к новым каторжанам льгот, которыми пользовались декабристы, – освобождение от работ, значительно лучшее обращение и т. д. – Оно специально дало указание, чтобы петрашевцы были каторжанами «в полном смысле слова». Но намерение правительства было выполнено лишь наполовину: если в Западной Сибири, где управлял типичный русский бюрократ генерал-губернатор Гасфорд, петрашевцы действительно должны были вести жизнь уголовных каторжан, в небольшой степени облегчаемую кое-где низшим начальством, то в Восточной Сибири либерально настроенный Муравьев и большая гуманность местной администрации позволили петрашевцам почти полностью освободиться от каторжных работ и жить на собственных квартирах.

Другим благоприятным для петрашевцев обстоятельством было сравнительно небольшое время, проведённое ими на каторге и в ссылке. В среднем каждый из них находился 5-6 лет на каторге и 5 лет в ссылке. Но даже несмотря на это, пребывание в Сибири сократило многим петрашевцам жизнь на несколько лет, подорвав их здоровье; оно отразилось на них также длительным лишением прав и после возвращения из Сибири.

До ссылки в Сибирь для большинства петрашевцев были характерны материалистические, антикрепостнические и социалистические взгляды. Петрашевцы не были последовательны в решении вопроса о том, какими способами изменить существующий строй, но большинство из них всё-таки склонялось к решению этого вопроса путём революции.

После ссылки почти все петрашевцы продолжали оставаться верными прежним антикрепостническим и социалистическим убеждениям, но некоторые из них отказались от материализма. Либеральные настроения их несколько усилились, и большинство петрашевцев теперь уже стали сторонниками постепенного реформирования России. Лишь о Петрашевском можно с полной уверенностью сказать, что он и в ссылке не отошёл от мысли о революции.

Общественно-политическая деятельность петрашевцев в Сибири отличается широким размахом и разнообразием, особенно если учесть небольшой количественный состав петрашевцев (10 человек).

По мнению А.В. Дулова, петрашевцам многое удалось достичь в борьбе с произволом местных властей. Высшей точки это сопротивление произволу достигло во время событий 1859 г. в Иркутске, когда петрашевцы смогли объединить широкие круги населения и фактически парализовать на некоторое время местный чиновничий аппарат.

Важной заслугой петрашевцев следует признать также организацию и руководство печатью Восточной Сибири, носившей прогрессивный характер. Огромное значение имеет и публицистическая работа петрашевцев, резко критиковавших порядки и обычаи феодализма и настойчиво требовавших замены их новыми прогрессивными принципами и институтами. Всего петрашевцами в Сибири было написано 45 работ, 3 из которых не

были опубликованы. Петрашевский и Львов и в публицистике проводили социалистические идеи.

Все эти особенности произведений петрашевцев обращали на себя внимание цензуры, которая нередко ставила препятствия их опубликованию или классифицировала их как слишком резкие. Петрашевцы впервые стали писать о сибирской каторге. Ф. Львов и Р. Черносвитов вели довольно широкую просветительскую работу и внесли вклад и развитие науки и техники в Сибири.

Разнообразная общественная деятельность петрашевцев в Сибири, по мнению А.В. Дулова, вызвала интерес у передовых кругов России. За ней внимательно следили такие известные представители демократического лагеря, как Герцен, Салтыков-Щедрин, шестидесятники.

Широкая общественная работа петрашевцев в Сибири позволила им, с одной стороны, повести за собой демократические слои сибирского населения на борьбу с институтами и традициями крепостничества, а с другой – вызвала ненависть к ним реакционной части сибиряков – прежде всего, крупного чиновничества.

В 2005 году иркутским издательством «Облмашинформ» выпущен под редакцией С.Ф. Ковалья (умер в декабре 2005 г.) документальный исторический сборник «Петрашевцы в Сибири» (Иркутск, 2005). На титульном листе указано, что издание подготовили В.Р. Лейкина-Свирская, Ф.Г. Никитина, И.В. Селиванова, а рукопись дорабатывали и готовили к печати С.Ф. Коваль, А.В. Гимельштейн и Н.К. Шестакова.

Большой объем и значительное число впервые опубликованных материалов могли сделать эту книгу важным событием в изучении истории движения петрашевцев, если бы не некоторые ее необычные особенности [31].

Книги, подобные изданной в Иркутске, выходят у нас редко. Поэтому есть смысл остановиться и на предыстории, и на содержании сборника. В 1965 г. автор статьи защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири». Ее доработанный и расширенный вариант под названием «Петрашевцы в Сибири» удалось издать в Иркутске только в 1996 г. Еще в 1986 г., зная, что я – специалист по этой теме, меня пригласили в Вос-

точно-Сибирское издательство и предложили стать редактором сборника документов «Петрашевцы в Сибири», который готовили в Ленинграде под руководством известного специалиста по истории движения петрашевцев и интеллигенции России В.Р. Лейкиной-Свирской. Естественно, я дал согласие и стал ждать, когда поступит рукопись книги.

Спустя некоторое время я узнал, что редактирование книги оказалось в руках С.Ф. Ковалю, хотя тот историей петрашевцев не занимался. Далее, если верить авторам предисловия к сборнику С.Ф. Ковалю, А.В. Гимельштейну и Н.К. Шестаковой, события развивались следующим образом. В.Р. Лейкина-Свирская, Ф.Г. Никитина и И.В. Селиванова собирали материал для сборника. Затем Лейкина-Свирская умерла, и спустя несколько лет, в 2001 г., в Иркутск была доставлена рукопись книги, над которой стали работать С.Ф. Коваль, руководитель Архивного управления Иркутской области Н.К. Шестакова и редактор и издатель газеты «Восточно-Сибирская правда» А.В. Гимельштейн. Эти люди, не обладая достаточной компетенцией, взялись редактировать данный сборник, вели его доработку. При этом был сокращен текст, проведена его археографическая обработка (при участии Никитиной и Селивановой).

В целом сборник, имеющий 535 страниц, содержит большой фактический материал, включающий в себя письма М.В. Петрашевского, Н.А. Спешнева, Ф.Н. Львова, С.Ф. Дурова и Ф.Э. Толля, воспоминания Ф.Н. Львова, статьи и заметки Петрашевского, Спешнева, Львова, Черносвитова и воспоминания о петрашевцах в Сибири, принадлежащие 10 лицам. Многие материалы изданы впервые. Конечно, публикация такого большого свода документов о петрашевцах в Сибири весьма полезна, несмотря на содержащуюся в нем необъективность и многочисленные промахи его составителей.

В предисловии, подписанном С.Ф. Ковалем, А.В. Гимельштейном и Н.К. Шестаковой, говорится (с. 5): «Незавершенность же выявления источниковой базы приводит, как правило, к досадным погрешностям даже опытных авторов, к каким относится А.В. Дулов. Так, в его монографии “Петрашевцы в Сибири” можно обнаружить ссылки на документы из архивного фонда Н.А. Спешнева, хранящегося в Москве, и не найти ни одного обращения к материалам его же фонда (№ 777) в Го-

сударственном архиве Иркутской области, в котором хранятся письма к матери из Сибири, с уникальными фактами из биографии этого петрашевца, сыгравшего заметную роль в развитии общественной мысли в Сибири».

Между тем, в моей монографии приводится восемь ссылок на 777-й фонд ГАИО на пяти страницах (81, 239, 272, 284, 288). Остается удивляться, почему названным выше удалось распространять явную неправду тиражом в тысячу экземпляров?

Удивляет также, что сборник издан при поддержке и участии тогдашнего начальника Архивного управления Иркутской области Шестаковой. Как правило, крупные научные издания рецензируются до их публикации. Но этот очень объемистый сборник не имеет ни одного рецензента!

7 сентября 2007 г. мной было дано заявление по поводу этой книги на имя губернатора Иркутской области А.Г. Тишанина. Я подозревал, что Гимельштейн и Шестакова сами вписали в текст предисловия неверную оценку в отношении моей книги (Коваль умер до выхода книги в свет).

Однако из ответа зам. губернатора С.В. Крутя стало ясно, что главным автором предисловия является Коваль, поскольку текст написан его рукой, а остальные просто подписались под текстом. С.В. Круть справедливо указал в своем ответе, что я имею право обратиться в суд с заявлением по поводу распространения клеветы против меня. Шестакова в служебной записке в ответ на мое заявление писала, что все вопросы по тексту сборника и его издания решал Коваль. Хотя она и признала «что в Предисловии допущена неточность по отношению к монографии Дулова А.В.», но считает, что «все, что сказано в предисловии к сборнику об упомянутой монографии, не выходит за рамки научной полемики и не несет клеветнического характера». Таким образом, глава архивной службы области, которая обязана следить и за состоянием охраны исторических документов, проявила поразительную доверчивость.

Коваль, основной автор предисловия, известен в Иркутске как человек, многие статьи которого посвящены личному прославлению и выпячиванию своей роли в издании сборников о пребывании декабристов в Сибири.

И в данном случае Коваль вместе с двумя соавторами, хотя и упоминает на с. 4, что монография Дулова является единст-

венной по данной теме, тут же заявляет: «В ней не нашли отражения многие аспекты каторжной и поселенческой жизни и деятельности петрашевцев в Сибири в силу ограниченности источников». Чуть ниже авторы предисловия пишут: «Сибирский период [деятельности петрашевцев. – А.Д.] только в начальной стадии разработки».

С такой оценкой согласиться не могу. Во-первых, источников в книге использовано больше, чем в рецензируемом сборнике. В ней, в частности, приведены материалы 9 архивов. В моей монографии на 298 страницах рассмотрены условия жизни и быта петрашевцев в Сибири (гл. 1); их связи с населением и другими политическими ссыльными (гл. 2); публицистическая и литературная деятельность в Сибири (гл. 3); общественно-политическая деятельность (гл. 4); эволюция их мировоззрения и взгляды на Сибирь (гл. 5). Многие документы использованы впервые. Ни одного замечания в отношении книги ранее мне ни читать, ни слышать не приходилось.

Мои статьи о петрашевцах были положительно оценены В.Р. Лейкиной-Свирской. В ее статье «Петрашевский» (БСЭ. 3-е изд. 1975. Т. 19. С. 479) в списке литературы указана и моя статья. Моя диссертация упоминается Б.Ф. Егоровым (Петрашевцы. Л., 1988. С. 10-11); моим работам дается положительная оценка и в статье В.Н. Михайловой «Петрашевцы в Сибири в современной советской историографии» // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX вв. Историография и источники. Новосибирск, 1987. С. 29-38). Не знают, либо игнорируют авторы предисловия и положительную рецензию на мою книгу (Семенов А. Вослед декабристам // Вост.-Сиб. правда. 1997. 9 янв.). Неизвестна авторам предисловия и моя статья: Источники о пребывании петрашевцев в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль, 1917 г.): сб. науч. тр. Вып. 12. Иркутск, 1991. (С. 7-14). Эта статья и названная выше статья В.Н. Михайловой могли бы пригодиться при составлении обзора литературы о пребывании петрашевцев в Сибири. А написано на эту тему довольно много (автору рецензии известно более 60 публикаций). Однако такой обзор отсутствует, что дополнительно снижает научный уровень сборника.

Стремясь, по своему обыкновению, дискредитировать специалистов по данной теме, Коваль обрушивается и на Л. Сара-

скину, голословно обвиняя ее в «слишком вольной, далекой от научной публикации» ... писем Н.А. Спешнева и их переводов с французского языка (с. 9).

«Уничтожив» монографию Дулова, троица «доработчиков» игнорирует и факты публикации им архивных материалов. Как известно, обнаружив выявленный источник, историк обязан указать, был ли он опубликован ранее. Лица, издавшие книгу, это не делают именно в отношении работ А.В. Дулова. Так, письмо М.В. Петрашевского Александру II от 6 июня 1865 г. (с. 89-152 рецензируемой книги) частично опубликовано в монографии Дулова (с. 219-221); письмо Н.А. Спешнева А.С. Спешневой от 11 августа 1853 г. частично обнародовано в той же монографии (с. 81 и 239). Письмо Спешнева А.С. Спешневой от 6 января 1854 г. (с. 165-170 сборника) напечатано в книге: Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (Иркутск, 1978. с. 117-120); письмо того же автора к тому же адресату от 17 февраля 1857 г. частично опубликовано в книге Дулова (с. 82). Фрагменты письма Петрашевского Н.Н. Освальду от 9 апреля 1864 г. (с. 78-86 сборника) приведены В.И. Семевским («Голос минувшего». 1915. № 5. С. 68-70) и в книге Дулова (с. 214-216). Большая статья Ф.Н. Львова, посвященная критике восточносибирской администрации и не пропущенная цензурой (в сборнике она названа «В защиту Д.И. Завалишина», с. 410-423), частично напечатана в книге Дулова на с. 143, 150-152, 156.

Грубую ошибку допускают составители, включив в сборник статью Г. Толя «Воспоминания о Восточной Сибири» и приписав ее Ф.-Э.Г. Толлю. Петрашевец. Ф.-Э.Г. Толль всегда писал свою фамилию с двумя «л». Воспоминания же о Восточной Сибири подписаны фамилией с одной буквой «л». Составители прямо фальсифицируют источник, ставя на с. 370 под статьей о Восточной Сибири подпись «Г. Толль». Очевидно, это сделано для того, чтобы разница между петрашевцем. Ф.-Э.Г. Толлем и автором статьи в журнале «Век» Г. Толем была менее заметной.

Содержание же статьи Г. Толя, занимающей в сборнике 45 страниц, явно противоречит тому, что мы знаем о петрашевце. Из статьи следует, что Г. Толь в 1850-х гг. был земским заседателем в Киренском уезде Иркутской губернии (с. 329, 151, 361, 365), ловил и судил там уголовных преступников. Неуже-

ли составители не знают, что политических ссыльных на такие должности не назначали?

Г. Толь сообщает также, что путешествие в Сибирь он начал по железной дороге Петербург–Москва. Известно, что эта дорога вступила в строй 1 ноября 1851 г., когда петрашевец отбывал каторгу.

На с. 370 автор статьи пишет, что в Сибири он был 5,5 лет и «объехал за это время близко 65 000 верст». Однако петрашевец с января 1850 г. находился на каторжных работах в Керевском заводе Томской губернии и вышел на поселение в 1852 г. (Дулов А.В. Указ. соч. С. 49). В феврале 1855 г. петрашевец отправляет из Томска прошение в Петербург с просьбой разрешить лечиться на минеральных водах Забайкалья. Петербург разрешил, но потребовал, чтобы в поездке его сопровождал жандарм за счет Толля. Естественно, петрашевец вынужден был от поездки отказаться (Дулов А.В. Указ. соч. С. 50). В статье же, втиснутой составителями в сборник, говорится, что 15 марта 1855 г. Г. Толь выехал из Иркутска в командировку в Верхнеангарск, чтобы вернуться в Иркутск до вскрытия оз. Байкал ото льда. И далее он продолжает: «К тому же меня ожидала в Иркутске семья и поездка на родину» (с. 366). Однако семьи тогда у петрашевца не было, а вернуться в Европейскую Россию ему разрешила только амнистия 26 августа 1856 г. (Дулов А.В. Указ. соч. С. 50). Есть и другие несоответствия.

Встречаются в сборнике и иные досадные ошибки. Так, на с. 529 читаем, что Н.А. Спешнев редактировал газету «Иркутские губернские ведомости» только в 1857 г., хотя на самом деле он редактировал ее до № 11 за 1859 г. (Дулов А.В. Указ. соч. С. 121). На с. 514 авторы книги сообщают, что упоминаемый в письме Ф.Н. Львова Д.И. Завалишину Ф.Ф. Ольдекоп, советник Иркутского губернского суда, «привлекался по делу петрашевцев». На ошибочность отождествления петрашевца К.К. Ольдекопа с иркутянином Ф.Ф. Ольдекопом впервые указал В.Г. Карцев, приведя факты, свидетельствующие о несовпадении биографических данных этих лиц (Карцев В.Г. М.В. Бутаевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850 – начала 1860-х гг. // Учен. зап. Калнинин гос. пед. ин-та. Калинин, 1963. Т. 35. (с. 158).

Приходится еще раз выразить сожаление, что полезное и содержащее большой фактический материал издание, подготовленное исследователями Москвы и Петербурга, серьезно испорчено тремя иркутскими авторами.

Подводя итоги изучению жизни и деятельности петрашевцев в Сибири, следует отметить, что сделано уже немало. Издано до 70 публикаций, в том числе около десяти монографий и сборников документов. Довольно подробно изучены важнейшие аспекты жизненных судеб, деятельности, эволюции взгляд петрашевцев. Меньше у нас сведений о пребывании в Сибири Ф.Н. Львова, С.Ф. Дурова, Р.А. Черносвитова. Не приходится сомневаться в том, что работа историков по углублению наших представлений о политических ссыльных – участниках антиправительственного петербургского кружка 1845–1849 годов – будет продолжена.

Примечания

1. Черевин Н.Т. Полковник де-Граве и Ф.М. Достоевский // Русская старина. 1889. № 2.

2. Исторический вестник. 1898. № 1.

3. Скандин А.В. Достоевский в Семипалатинске // Ист. Вестник. 1903. № 1.

4. Ядринцев Н. Достоевский в Сибири. Отдельный оттиск. Хранится в научной библиотеке Иркутского университета им. А.А. Жданова.

5. Арефьев В. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Русская старина. 1902. № 1.

6. Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский // Голос минувшего. 1913. № 1-4, 6, 8, 11, 12; Петрашевцы. Дуров, Пальм, Достоевский и Плещеев // Гол. Мин. 1915. №№ 11-12; Петрашевцы (Кружок Кашкина) // Гол. мин. 1916. №№ 2-4; Петрашевцы. Беклемишев и Тимковский // Вестник Европы. 1916. № 11; Петрашевцы. Студент Толстов и Г.П. Данилевский, мещанин П.Г. Шапошников, литератор Катенев и Б.И. Утин // Голос минувшего. 1916. №№ 11-12 и многие другие. Все эти труды В.И. Семевский собирался издать отдельной монографией под названием «М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы». Уже после его смерти, в 1992 году, была опубликована в Москве первая часть.

7. Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. 1915. №№ 1, 3, 5.

8. Кубалов Б.Г. Страницы из жизни М.А. Бакунина и его семьи в Сибири // Сб. трудов преп. и проф. гос. Ирк. ун-та. Вып. 5. Иркутск, 1923. С. 127-160.

9. Полонский В.Б. Кубалов. Страницы из жизни М.А. Бакунина и его семьи в Сибири. Рецензия // Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 355-364.

10. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Красный Архив. 1925. № 3.

11. Г-в Б.Г. К пребыванию Ф.М. Достоевского в г. Семипалатинске // Сиб. Архив. 1912, № 1; Б. Г-в Б. Достоевский в Семипалатинске // Сиб. Огни. 1924. № 4.

12. Покровский Е.Б. Достоевский о декабристах // Декабристы. Незаконные материалы и статьи. 1925.

13. Райский Л. Социальные воззрения петрашевцев. Л., 1927.

14. Гернет М.Н. Царская расправа над первыми представителями утопического социализма в России // Советская юстиция. 1940. №№ 12, 13, 14. Позже эта статья была введена во 2 том его же «Истории царской тюрьмы» без существенных изменений.

15. Никитина Ф. Общественно-политические и философские взгляды М.В. Буташевича-Петрашевского // Из истории рус. философии 18–19 вв. Сб. статей. Изд-во Мос. ун-та. 1952; Ее же. Революционный демократизм М.В. Петрашевского // Уч. Зап. Мос. обл. пед. ин-та. Т. 23. Тр. каф. философии. Вып. 1. М., 1954.

16. Литерат. наследство, т. 60, кн. 1, М., 1956.

17. Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958. Его же. Протест против выступления Бакунина об иркутской дуэли // Лит. насл., т. 63.

18. Записка о деле петрашевцев. Рукопись Ф.Н. Львова с пометками М.В. Буташевича-Петрашевского. Публикация В.Р. Лейкиной-Свирской // Литературное наследство, т. 63, М., 1956, с. 169.

19. Записка петрашевцев // Литературное наследство, т.63, с. 166.

20. Уч. зап. Калининского пед. ин-та им. М.И. Калинина. Т. 35. Кафедра истории. Калинин. 1963, с.137-169.

21. Михайлова В.Н. Петрашевцы в Сибири в современной советской историографии // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск, 1987. С. 29-38.

22. Владимиров Е. Мужественный революционер. К 150-летию со дня рождения М.В. Петрашевского // Сиб. огни. 1971. № 12. С. 124-129.

23. Иванова З.Я. Некоторые проблемы мировоззрения М.В. Буташевича-Петрашевского во второй половине 50-х – начале 60-х годов XIX в. // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 4. М.,1977. С. 81-93.

24. Порох И.В. «Колокол» Герцена в борьбе за освобождение М.В. Буташевича-Петрашевского / По новым материалам // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. ... С. 137-149.

25. Наиболее интересна из них статья: Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1857–1860 годах // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1978.

26. Соболевский А.В. Иркутские события 1859 г. и их отражение в корреспонденциях Вольной русской печати... // Матер. XVII Всесоюз. научн. студ. конфер. «Студент и технический прогресс». История (2). Новосибирск, 1979. С. 58-70.

27. История СССР. 1978. № 4.

28. Кодан С.В. Петрашевцы на Нерчинской каторге / историко-правовой аспект // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып. 6. Сб. науч. тр. Иркутск, 1981. С. 7-21.

29. Шатрова Г.П. «До свидания в парламенте!» // Красноярск и красноярцы. Красноярск, 1978. С. 81-85.

30. Дулов А.В. Петрашевцы в Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 300 с.

31. Автором данной статьи опубликованы две рецензии на этот сборник: «Когда пренебрегают источниками» // Сибирь. 2008. № 5. С. 214-216 и «Неудачный сборник» // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». 2010. № 2 (5). С. 159-163.

УДК 9(571.1/5) (=91.85):930.1

Е.В. Семенов

Изучение польской политической ссылки на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка»

Статья рассматривает основные направления изучения истории польских ссыльных в Сибири на страницах научного издания «Сибирская ссылка». Проанализировав содержание сборника за 40 лет, автор приходит к обоснованному выводу о приоритетном вкладе профессора Б.С. Шостаковича в разработку данной темы.

Ключевые слова: историография, источники, польские ссыльные, правовые вопросы, Иркутск.

Studying of the Polish political exile on pages of the collection of scientific articles «Siberian exile»

Article considers the main directions of studying of history of the Polish exiled in Siberia on pages of the scientific edition «Siberian exile». Having analysed contents of the collection in 40 years, the author comes to a valid conclusion about a priority contribution of professor B.S. Shostakovich to development of this subject.

Keywords: historiography, sources, Polish exiled, legal questions, Irkutsk.

Историография ссылки поляков в Сибирь является одной из мало разработанных и актуальных тем современной сибирской исторической науки. Проявившийся интерес к данной теме на рубеже XX–XXI вв. выразился, в частности, в публикации значительного массива профессиональной и популярной литературы, освещающей различные аспекты пребывания поляков в Сибири как принудительно направленных сюда за участие в национально-освободительном движении, так и добровольно прибывших на заработки. Из числа авторов, рассматривающих региональные аспекты истории ссылки поляков в Сибирь, ярко выделяется и занимает ведущее место в современной историографии профессор Иркутского государственного университета, доктор исторических наук Болеслав Сергеевич Шостакович.

В созданной в 1973 г. серии «Ссылные революционеры в Сибири» Б.С. Шостакович принял самое активное и непосредственное участие. Наряду с профессором Н.Н. Щербаковым, он выступил одним из организаторов этого сборника, отразившего всю палитру истории политической ссылки в Сибирь. Ему в данном издании принадлежит одно из самых заметных направлений – планомерное и последовательное изучение актуальных проблем политической ссылки поляков в Сибирь в XIX в. Практически ни один из выпусков этой серии не обходился без работ профессора Б.С. Шостаковича.

В своих статьях автор рассматривает основные вопросы истории польской политической ссылки в Сибири, к числу которых можно отнести: характеристику основных этапов ссылки поляков в Сибирь; выявление численного состава польских политических

ссылных в Сибири в XIX в.; биографические исследования; исследования вопросов сотрудничества польских и российских революционных демократов в Сибири; изучение основных аспектов регулирования польской политической ссылки в Сибири; историография и источниковая база истории польской политической ссылки в Сибирь.

Вопросы взаимодействия польских политических ссылных и декабристов во время их совместного пребывания на каторжных работах и на поселении в Восточной Сибири освещались автором в ряде статей, опубликованных на страницах сборника. В статье «Политические ссылные поляки и декабристы в Сибири» [1] автор рассматривает различные аспекты сотрудничества и взаимодействия польских и русских революционеров в Сибири, включая помощь декабристов, оказываемую полякам при следовании их по этапу на каторжные работы в Забайкалье, а также оказание всесторонней помощи польским ссылным во время их пребывания на поселении в Восточной Сибири. В статье приводится богатый фактографический материал, ярко иллюстрирующий помощь декабристов полякам.

О примерах оказания такой помощи сохранилось большое количество свидетельств в воспоминаниях самих ссылных поляков. Выражая общее мнение польских политических ссылных, автор приводит воспоминания Ю. Рудинского: «С благодарностью вспоминаю дружескую товарищескую заботливость, оказанную нам русскими изгнанниками. Ежедневно посещали нас, выхлопотали у местных властей позволение дальнейшей высылки нас без цепей и приказ о предоставлении нам на каждом этапе десяти подвод. Кроме того снабдили нас значительным количеством книг весьма серьезного содержания, которые были для нас подлинно полезной умственной пищей»[2].

Следующим фактом оказания помощи польским политическим ссылным декабристами явилась поддержка после выхода поляков с каторжных работ на поселение. Первыми, кто протянул руку помощи польским ссылным, также явились декабристы. Именно декабристы оказывали всемерную поддержку выходящим на поселение полякам, приглашали их в свои дома, представляли местной администрации и купцам, нанимали на роль учителей для своих детей.

Немаловажным является тот факт, что автор почерпнул эти данные из воспоминаний польских политических ссыльных, опубликованных в Польше и мало известных российскому читателю. «Подлинно братские связи декабристов и польских политических ссыльных уже тогда становились примером того, как могут и должны строиться отношения обоих народов»[3].

Не ограничиваясь положительной характеристикой взаимоотношений, автор отмечает разногласия, существовавшие между польскими и русскими дворянскими революционерами, которые зачастую являлись причиной жарких споров, но в то же время позволяли вести диалог. Глубокие корни данных разногласий крылись в самой предыстории взаимоотношений польских ссыльных и декабристов еще в предсибирский период. Автор отмечает «нельзя, безусловно, считать, что с первых шагов поляки и декабристы в Сибири достигли полного взаимопонимания. Между ними оставался ряд существенных разногласий, которые не могли исчезнуть сразу и долго еще являлись предметом идейной борьбы двух революционных лагерей в Сибири – русского и польского»[4].

Рассматривая историю контактов декабристов и ссыльных поляков, автор дает подробное описание периода, предшествовавшего ссылке российских и польских революционных демократов. В частности, он рассматривает деятельность тайных организаций как в Королевстве Польском, так и в Российской империи: Патриотического общества, Общества филوماتов, Общества военных друзей и декабристских организаций. Оценивая неудачные попытки сотрудничества, автор подчеркивает несогласованность позиций по решению территориального вопроса после всеобщего восстания, а также разногласия в принципиальных подходах российской и польской сторон по будущему устройству государства. Б.С. Шостакович справедливо отмечает, что «первая попытка соединить усилия русских и поляков в борьбе за интересы обоих народов потерпела неудачу. Но именно тогда родилась полная глубокого и прекрасного смысла идея братской солидарности, союза русских и польских борцов за свободу, идея, которой суждено было стать путеводной звездой в этой борьбе вплоть до падения царизма»[5].

В своей второй статье, также посвященной вопросам взаимодействия и сотрудничества польских политических ссыльных и

декабристов в Сибири [6], исследователь касается двух частных фактов взаимопомощи польских и российских демократов первой половины XIX в. в Сибири.

Первым является оказание помощи и поддержки польскому политическому ссыльному Винценту Мигурскому и его супруге Альбине во время их следования по этапу в Нерчинские горные заводы, куда В. Мигурский был направлен для отбывания наказания. В своих воспоминаниях, опубликованных во Львове уже по возвращении из Сибири, ссыльный рассказывает о доброжелательности и сочувствии декабристов к нему и его жене, о той помощи, которая была оказана им, в первую очередь, семьями декабристов Волконских и Трубецких.

Второй случай относится к известному факту обучения сына С.Г. и М.Н. Волконских Михаила польским политическим ссыльным Юлианом Сабиньским. Автором был обнаружен черновой вариант письменного обращения Марии Николаевны Волконской к генерал-губернатору Восточной Сибири с просьбой разрешить Ю. Сабиньскому заняться обучением ее сына. О принятии положительного решения по данному вопросу свидетельствует сам Ю. Сабиньский в воспоминаниях [7].

Таким образом, дружеские контакты польских политических ссыльных и декабристов во время их совместного принудительного пребывания в Восточной Сибири, освещались Б.С. Шостаковичем на основе широкого круга российской и польской мемуарной литературы и значительного комплекса архивных источников. Это позволило автору ввести в научный оборот значительное количество ранее неизвестных отечественным исследователям источников, осветить частные факты взаимодействия декабристов и польских политических ссыльных в Сибири.

Одним из дискуссионных вопросов современных исследований истории ссылки поляков в Сибирь продолжает оставаться выявление количественного состава сосланных участников польских национально-освободительных восстаний в Сибирь в XIX в. [8] Несмотря на значительный массив введенных в научный оборот архивных документов, проблема не нашла еще окончательного решения.

Автор в работе отмечает отсутствие полной информации, а также разбросанность документов по архивохранилищам, что ус-

ложняет задачу установления точного количества польских политических ссыльных в Сибири в рассматриваемый период.

При проведении анализа численности польских политических ссыльных в Сибири, их социально-сословного и профессионального состава, а также распределения ссыльных поляков по различным регионам Сибири, автор отмечает отсутствие полного комплекса документного материала, который бы максимально полно давал ответ на один из главных вопросов истории пребывания польских политических ссыльных: сколько польских ссыльных было на территории Сибири на протяжении XIX – начала XX вв.?

Выявляя сложности в определении численности польских политических ссыльных, запутанный характер статистических показателей современной царской администрации и расхождение в показателях отечественных и польских исследователей, автор предлагает проведение комплексного исследования указанного направления с привлечением широкого круга как российских, так и зарубежных источников.

Основной массив информации содержится в региональных архивах, в первую очередь г. Тобольска, Красноярского края, Иркутской области и Забайкальского края. Здесь сосредоточены документы, фиксирующие прибытие ссыльных на каторжные работы, распределение их по местам, выход на поселение и дальнейшие занятия по месту пребывания. Дополнительную информацию о частных случаях пребывания польских политических ссыльных на территории Западного Забайкалья можно почерпнуть в фондах Государственного архива Республики Бурятия.

Только при тщательном изучении документальных комплексов указанных архивов и при сопоставлении полученных данных можно будет с уверенностью говорить об общем количестве польских политических ссыльных, находившихся на территории Сибири. Первая половина XIX в. достаточно полно изучена коллективом польских исследователей во главе с ведущим специалистом в данной области В. Сливовской. Ими собрана огромная база данных, включающая информацию о более чем 3500 польских политических ссыльных в Сибири в указанный период [9].

Конкретно-прикладные исследования Б.С. Шостаковича направлены на изучение пребывания польских политических ссыльных в Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. В указанный

период в истории политической ссылки поляков автор выделяет несколько основных этапов.

30–40-е гг. XIX в. отмечены активизацией национально-патриотической деятельности на территории Польши. После поражения восстания 1830–1831 гг. в Польше стали формироваться тайные организации, ставившие своей целью продолжение национально-освободительной борьбы и подготовку к очередному восстанию.

Первой такой организацией явилась т. н. «Экспедиция Ю. Заливского», попытка эмигрировавших после поражения восстания 1830–1831 гг. в Польшу участников восстания продолжить борьбу за освобождение Родины. Члены этой организации планировали при помощи небольших партизанских групп на территории Польши вызвать очередное массовое восстание. Эта попытка потерпела поражение, и все ее участники оказались в Сибири.

В своей статье, раскрывающей историю пребывания в Восточной Сибири ссыльных участников «Экспедиции Ю. Заливского», автор рассматривает судьбы некоторых известных ссыльных «заливщиков» и на основе материалов Государственного архива Иркутской области [10] выявляет фамилии 59 «заливщиков», находившихся на каторге и поселении в Восточной Сибири.

На примере некоторых из них автор рассматривает условия пребывания поляков в каторжных работах и на поселении. Особое внимание акцентируется на тяжелом финансовом состоянии ссыльных «заливщиков», имевших семьи. В качестве наиболее ярких примеров жизни и деятельности ссыльных участников «Экспедиции Ю. Заливского» в Сибири Б.С. Шостакович приводит судьбы В. Мигурского и Г. Вебера. О первом уже шла речь выше. Второй – будучи в Сибири, занялся изготовлением фальшивых денег, которые предполагалось потратить на организацию побега П. Высоцкого из Акатуя.

Следующим этапом национально-освободительного движения польского народа в 30-е гг. XIX в. является деятельность тайной патриотической организации «Содружество польского народа». Созданная в 1835 г. в Кракове, она в скором времени охватила обширную территорию Польши, Украины, Белоруссии и Литвы. К концу 30-х гг. XIX в. деятельность организации была раскрыта и многие ее участники по приговору суда были сосланы в Си-

бирь. Большая их часть оказалась на каторге в Забайкалье и в окрестностях Иркутска.

Анализ документального комплекса Государственного архива Иркутской области, имеющего отношение к пребыванию ссыльных членов организации «Содружество польского народа», Б.С. Шостакович проводит в статье, помещенной в восьмом выпуске сборника [11]. Автор выделяет две основные группы источников, в которых содержится информация о ссыльных «свентокшижцах» в Иркутской губернии. К первой группе Б.С. Шостакович относит официальные документы и переписку иркутских властей с местным начальством, в которых содержится информация о пребывании ссыльных на каторжных работах в казенных заводах, характеристика поведения, а также направления для отбывания наказания в горных заводах Забайкалья. Автор отмечает, что «хотя такие списки и отличаются определенным своеобразием как исторический источник более или менее выдержанной стереотипностью и предельным лаконизмом содержания, тем не менее, они представляют большую ценность как, несомненно, достоверный документальный материал справочного характера»[12].

Ко второй группе автор относит группы личных документов ссыльных, сформировавшиеся в процессе их обращений к местной администрации по различным вопросам. Автор считает, что «многообразие конкретного содержания этих документов позволяет рассматривать их как основной источник для характеристики повседневной жизни и быта политических ссыльных в Сибири»[13].

Следующей организацией, возобновившей национально-освободительное движение в Польше в 30–40-е гг. XIX в., является организация, возникшая вокруг приходского католического священника Петра Сцегенного. В Восточной Сибири оказалось 27 участников этой организации. В рамках статьи, освещающей основные вопросы пребывания ссыльных участников этой организации [14], Б.С. Шостакович выявляет основные места заключения и поселения, род занятий ссыльных. В то же время автор отмечает, что «не представляется еще возможным в равной мере осветить все аспекты и коснуться всех подробностей данного этапа истории польской политической ссылки в Сибири»[15]. В частности, не в полной мере удалось раскрыть историю функционирования организации взаимопомощи польских политических

ссылных «Огул выгнаньцув», возникшей в среде последних в 30-е гг. XIX в. и существовавшей вплоть до выезда ссылных из Сибири по силе амнистии 1856 г.[16]

Последними польскими политическими ссылными первой половины XIX в. оказавшимися в Восточной Сибири, являлись участники тайных национально-патриотических организаций и революционного движения 1848 г. Освещая основные аспекты пребывания ссылных участников конспиративных групп и организаций, автор отмечает тот факт, что «в сравнении с документами, относящимися к другим этапам истории польской политической ссылки в Сибирь, архивные материалы по тематике данной статьи в ГАИО сохранились хуже»[17]. На основе имеющихся архивных документов автор детально реконструирует многие личные истории польских политических ссылных, сообщает ранее неизвестные факты, позволяющие в полной мере представить условия отбывания каторжных работ, перехода польских ссылных на поселение и участие в хозяйственной жизни региона.

К конкретно-историческим исследованиям относятся статьи автора, отражающие поздний период польской политической ссылки в Сибирь. Первая статья касается взаимосвязей польского национально-освободительного движения 70–90-х гг. XIX в.[18] Автор обоснованно отмечает, что этот этап польской политической ссылки в Сибирь остается недостаточно изученным. Говоря об этом, автор пишет: «следует сказать, что избранная нами тема не была предметом специального изучения, как в дореволюционной, так и советской исторической литературе»[19].

Характеризуя указанный этап польской политической ссылки в Сибирь, автор лишь дает небольшой анализ материалов о пребывании польских ссылных в Восточной Сибири. При этом он сам оговаривает это условие: «поскольку в данной статье не ставится задача привести исчерпывающий их перечень, ограничимся рассказом о некоторых из тех, чьи имена были выявлены в процессе работы над архивными материалами и мемуарной литературой»[20]. Но в тоже время исследователь подробно рассматривает отечественную и польскую историографию рассматриваемого периода. Наряду с историографией, автор уделяет пристальное внимание и источниковой базе рассматриваемого вопроса.

Анализируя вопросы взаимодействия польского революционного движения с народничеством, автор дает подробную характе-

ристику многих аспектов сотрудничества российских и польских революционеров, в том числе и революционной деятельности политических ссыльных в Сибири в 70–90-е гг. и участия в ней поляков.

Значительную часть статьи автор посвящает побегам, совершаемым ссыльными революционерами из Сибири. Активное участие как в побегах, так и в их организации, принимали и ссыльные поляки, находившиеся в рассматриваемый период на территории всей Сибири.

Говоря о качественных изменениях, происходивших в революционном движении в России в 70–80-е гг. XIX в., автор отмечает, что они непосредственным образом отразились и на сибирской ссылке. Говоря об этом, автор пишет следующее: «меняется и социальное лицо политической ссылки. Дворянские революционеры окончательно уступают место революционерам-разночинцам, преимущественно из учащейся и студенческой молодежи. Вскоре вслед за ними в Сибири оказываются и первые ссыльные рабочие, среди которых видную роль играют участники польских социалистических групп и члены партии «Пролетариат»[21]. Делая более общие выводы, автор отмечает, что национально-освободительное движение перерастает в рассматриваемый период в социально-революционное.

Одним из важных аспектов рассматриваемой темы является изучение взаимоотношений старшего и младшего поколений польских политических ссыльных в Сибири. Именно изменение отношения польских социалистов к ведению революционной борьбы совместно с российскими революционерами, являлось камнем преткновения в спорах польских ссыльных 60-х гг. XIX в. и их младших товарищей.

Не обходит автор и вопрос хозяйственной и научной деятельности ссыльных поляков в Сибири в рассматриваемый период. Отмечая важность изучения данного направления, автор оговаривает, что «вопрос этот сам по себе настолько широк, что может быть темой отдельного монографического исследования. В данной статье предпринимается попытка лишь наметить основные его аспекты»[22]. В своей статье Б.С. Шостакович приводит примеры занятия хозяйственной деятельностью, и акцентирует свое внимание на польских политических ссыльных, которые занимались научными исследованиями. К их числу он относит

В. Серошевского, Ф. Кона, Б. Пилсудского, Э. Пекарского, М. Хейльперна и др. Характеризуя научную деятельность польских ссыльных в Сибири, автор считает, что «одна из основных причин активного обращения политической ссылки (в том числе и польской) к научной и культурной деятельности в Сибири сводится к тому, что именно в исследовательской работе и литературном творчестве открывался выход для насильно скованных энергии, знаний, таланта, жизнелюбия той части ссыльных, которой был привычен повседневный умственный труд»[23].

Завершающим этапом польской политической ссылки в Сибирь является последнее десятилетие XIX в. Данный этап логически заканчивает национально-освободительный этап борьбы польского народа, которая с конца XIX – начала XX в. приобретает характер революционного и интернационального движения.

В своей статье «К истории польской политической ссылки в Сибирь в 1890-е годы»[24] автор характеризует пребывание ссыльных участников польского социал-демократического движения в Восточной Сибири, их участие в хозяйственной жизни региона, а также участие в революционных событиях 1905–1907 гг. и 1917г.

Таким образом, работы Б.С. Шостаковича, освещающие основные моменты пребывания польских политических ссыльных в Восточной Сибири, в первую очередь, на территории Иркутской губернии на протяжении XIX в., являются первыми исследованиями такого рода, основанными на документальных материалах архивов Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Одной из основных тем исследований Б.С. Шостаковича стало изучение персоналий ссыльных поляков в Сибири. Поскольку любая история это, в первую очередь, деятельность человека, то автор особенное внимание уделял именно выявлению и изучению деятельности основных участников исторических событий. Отмечая важность проведения биографических исследований, автор в тоже время отмечает, что «биографии большинства из них представляют определенный интерес, но, к сожалению, рамки статьи заставляют ограничиться вышеизложенными краткими замечаниями о ссылке участников польского социально-революционного движения»[25]. Данную формулировку можно отнести

не только к ссыльным участникам революционного движения, но и к ссыльным первой и второй половины XIX в. В своих статьях автор рассматривает сибирский период жизни и деятельности многих польских политических ссыльных, внимательно прослеживая пребывание на каторжных работах, выход на поселение, хозяйственную и культурную деятельность ссыльных поляков в Сибири.

Остановимся на нескольких статьях, в которых Б.С. Шостаковичем рассматриваются конкретные биографии польских ссыльных. В четвертом выпуске сборника в соавторстве с В.А. Дьяковым и Д.Б. Кацнельсон исследователь опубликовал статью, посвященную пребыванию в каторжных работах и на поселении одного из главных участников польского национально-освободительного восстания 1830–1831 гг. Петра Высоцкого [26]. Авторы при написании статьи опирались на широкий круг работ и значительный пласт документальных комплексов отечественных архивов, что свидетельствует о тщательной проработке данного вопроса. В то же время основное внимание авторы уделили широко известному факту побега П. Высоцкого во главе группы польских ссыльных из Александровского Завода недалеко от Иркутска, а также его повторному заключению в Акатуевской тюрьме и дружбе с декабристом М.С. Луниным. Указанная статья и сегодня является единственной работой, максимально полно освещающей значительный период жизни этого революционера – известного участника событий ноября 1830 г.

Следующей работой, имеющей биографический характер, является статья «Сибирские годы Юзефата Огрызко» [27]. Автор реконструирует малоизвестные факты и события из жизни политического ссыльного Ю. Огрызко во время его пребывания в Акатуе, активное участие в т. н. в «Акатуйском деле», за что тот был подвергнут заключению в Вилуйском остроге. Обстоятельно автор описывает участие Ю. Огрызко и в золотопромышленных предприятиях иркутских купцов.

В свете событий начала XXI столетия, когда некоторые научные национальные исторические школы пытаются пересматривать историю и «приписывать» принадлежность известных исторических деятелей «к своей нации», Б.С. Шостакович опубликовал статью, в которой рассматривает польское происхождение известного исследователя Яна (Ивана Дементьевича) Черского [28].

Данная статья явилась одним из основных моментов в дискуссии о происхождении Я. Черского. На наш взгляд, требуется проведение дальнейших глубоких биографических исследований в этом направлении. Несомненно, работа Б.С. Шостаковича вносит много нового в изучение биографий польских политических ссыльных. До настоящего момента данный вопрос остается дискуссионным и для окончательного выяснения национальной принадлежности этого известного исследователя.

Одним из главных направлений работы Б.С. Шостаковича в области изучения истории польской политической ссылки является исследование историографической составляющей этой проблемы. Хочется прежде всего отметить, что своих статьях автор использует широкий круг историографических источников – как отечественных, так и зарубежных.

Автор подчеркивает, что, несмотря на достаточно полную разработанность данной темы, «до сих пор нет ни одной специальной работы по историографии польской политической ссылки в Сибирь»[29]. В частности, автор отмечает, что работы польского автора А. Гиллера и отечественного исследователя С.В. Максимова являются «исследованиями, положившими начало изучению этой обширной темы, наметившими некоторые ее узловые вопросы»[30].

Одним из важных трудов, по мысли исследователя, является издание З. Либровича «Поляки в Сибири», опубликованное в 1884 г. во Львове. Оценивая этот труд, Б.С. Шостакович относит его «к числу самых первых, наиболее ранних монографических работ по «польско-сибирской» теме»[31].

Знаковой является работа польского исследователя М. Яника «История поляков в Сибири»[32], вышедшая в 1928 г. Работа М. Яника представляет собой «фундаментальный обзор польской библиографии» истории польской политической ссылки [33].

В советский период исследования данного вопроса имели четкую выраженную идеологическую окраску. Сотрудничество российских и польских революционеров рассматривалось, прежде всего, с позиций марксистского подхода.

По случаю 100-летия польского национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. и Кругобайкальского восстания польских ссыльных 1866 г. в Польше и СССР был издан ряд работ

и сборников материалов, рассматривающих этот период национально-освободительного движения польского народа [34].

Оценивая советскую историографию польской ссылки, Б.С. Шостакович выделяет несколько спорных моментов, сложившихся к концу XX в. К их числу автор относит «противоречивость оценок различными историками общественного и революционного движения в Сибири 60-х гг. XIX в. и недостаточную ясность в характеристике деятельности отдельных звеньев центрального революционного подполья в России 1863–1866 гг.» [35].

В этот же период появляется целый ряд работ, посвященных жизни и деятельности поляков – исследователей Сибири. К их числу относятся биографии Б. Дыбовского и Я. Черского. Следует отметить, что оба этих исследователя, как и многие другие, являлись политическими ссыльными, «невольными гостями» Сибири [36].

К 70-м гг. XX в. автор относит начало нового этапа изучения истории польской политической ссылки. Из работ польских исследователей особое внимание Б.С. Шостакович уделяет труду Г. Скока «Поляки на Байкале. 1863–1883 гг.» [37]. В указанном труде польский исследователь одним из первых, на основе широкого круга источников рассматривает историю пребывания польских политических ссыльных в Байкальском регионе.

Ряд работ автор посвятил известным исследователям истории польской политической ссылки в Сибирь. Выше мы уже говорили о Зыгмунде Либровиче и его труде «Поляки в Сибири». В соавторстве с авторитетным исследователем из Польши Викторией Сливовской Б.С. Шостакович на страницах сборника опубликовал статью об исследовании трудов Агатона Гиллера и их значении для изучения истории Сибири [38].

Одним из важных направлений исследований Б.С. Шостаковича стало изучение, перевод и публикация ранее не переводившихся на русский язык произведений польских авторов, имеющих непосредственное отношение к истории польской политической ссылки в Сибири. Отмечая важное значение данного вида литературы, автор подчеркивает необходимость более тщательного его изучения и введения в научный оборот. Особое внимание Б.С. Шостакович уделяет мемуарно-очерковому наследию известного исследователя природы Байкала и Восточной Сибири Б. Дыбовского [39].

Особо интересным историческим документом, относящимся к источникам личного происхождения, является дневник Юлиана Сабиньского, польского политического ссыльного первой половины XIX в., члена тайной организации «Содружество польского народа».

Впервые автор упоминает об этом весьма информативном и ценном источнике по истории польской политической ссылки в Восточной Сибири первой половины XIX в. еще в 1973 г., в своей статье, посвященной характеристике взаимоотношений декабристов и ссыльных поляков в середине века в Иркутске [40]. Тогда автор сообщал о том, что рукопись дневника была утеряна. Единственным упоминанием о том, что дневник существовал, была информация, содержащаяся в работе М. Яника. В настоящее время дневник Ю. Сабиньского издан в Польше под редакцией В. Сливовской [41].

Проводя многолетние исследования истории польской политической ссылки в Сибирь, автор опирается на широкий круг источников. Источниковая база истории политической ссылки поляков представлена как архивными материалами, так и мемуарами польских политических ссыльных. Характеризуя документальный комплекс, автор отмечает разрозненность материалов по различным архивным фондам и неполноту информации. Все это, естественно, затрудняет изучение данной темы [42].

Значительная часть статей Б.С. Шостаковича посвящена характеристике различных аспектов правового регулирования польской политической ссылки в Сибирь в XIX в.

Одна из первых статей этого цикла рассматривает место и роль политической ссылки в Сибирь во внутренней политике царизма, в борьбе режима с инакомыслием [43]. Б.С. Шостакович совместно с С.В. Коданом определяют хронологические границы политической ссылки в Сибирь, конкретизируют понятийный аппарат, в первую очередь, устанавливают сам термин «политическая ссылка». Авторы отмечают: «понятие «сибирская политическая ссылка» всеобъемлюще и научно достоверно определяет исследуемый институт карательной политики царизма» [44].

Б.С. Шостакович и С.В. Кодан дают подробную характеристику законодательных актов Российской империи в области регулирования наказания за преступления, имевшие государственный и политический характер. Перечисляя основные зако-

нодательные установления, авторы в тоже время отмечают, что «законодательный механизм сибирской ссылки участников освободительного движения 1825–1861 гг. исключал не только официальную публикацию, но даже упоминание о существовании специального законодательства о политической ссылке»[45].

Одним из важных аспектов изучения в рассматриваемой статье выступает характеристика системы управления политической ссылкой в Сибири, имевшая, как устанавливают авторы статьи, свою специфику и особенности [46].

Подводя итог своего исследования, Б.С. Шостакович и С.В. Кодан подчеркивают: «данный институт (политической ссылки. – *Е.С.*) ... имел целевое назначение – был направлен против дворянских революционеров – так называемых «государственных и политических преступников», был тщательно засекречен и регулировался нормами полицейского права, обеспечивающими охрану внутренней безопасности государства»[47].

Вторая статья, также написанная в соавторстве с С.В. Коданом, хронологически охватывает 30-е – первую половину 50-х гг. XIX в.[48] В данной статье авторы описывают порядок этапирования политических ссыльных, реконструируя его особенности на основе документальных источников. Яркие картины следования поляков по этапу встречаются в приводимых воспоминаниях польских ссыльных. Некоторые, наиболее примечательные примеры, авторы приводят в своей статье.

Подробно рассматриваются в статье условия отбывания каторжных работ, а также система надзора за политическими ссыльными на местах. В данной системе было вовлечено практически все руководство местными органами управления и горными заводами, начиная от начальника Нерчинского горного округа и заканчивая старостами поселений, к которым были приписаны ссыльные поляки.

Говоря об условиях содержания польских политических ссыльных, авторы отмечают, что «на практике порядок содержания «политических преступников» на поселении чаще всего определялся сложившейся традицией и системой прецедентов, отступающих от дословного исполнения законов»[49]. Зачастую условия содержания были лучше, чем это предписывалось законодательными и нормативно-правовыми документами центральной и местной администрации. В действительности, польские

ссылльные пользовались доброжелательностью местных властей и могли вести достаточно свободный образ жизни.

Особенности управления карательным режимом в Нерчинских заводах середины – третьей четверти XIX в. рассмотрены Б.С. Шостаковичем в соавторстве с Л.С. Клер [50]. В данной статье авторы анализируют функционирование второго комендантского управления на Нерчинских заводах, созданного в 1864 г. специально для надзора за польскими и русскими политическими ссылными.

Говоря о системе функционирования данного органа, авторы отмечают его отрицательные стороны: «явная непродуманность и противоречивость правового положения при отсутствии четкой согласованности с общей структурой местного управления, поставила все дело практической организации второго комендантского управления на Нерчинских заводах в чрезвычайно затруднительное положение» [51].

Одним из важных факторов, повлиявших на появление сбоев в деятельности второго комендантского управления, явилась массовая ссылка участников польского национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. [52] Таким образом, просуществовавшее 10 лет второе комендантское управление на Нерчинских заводах так и не осуществило возложенных на него обязанностей и было упразднено 15 апреля 1874 г.

В завершение настоящей статьи, имеющей, безусловно лишь обзорный и во многом постановочный характер, следует отметить и то, что нередко Б.С. Шостакович выступает не только в качестве конкретного исследователя, но и рецензента, живо откликающегося на новинки научного изучения жизни польских ссылных в Сибири. Так, серьезная рецензия была опубликована им по случаю выхода коллективного издания, посвященного истории польской ссылки в Сибири [53], полного досадных неточностей. Отмечая недочеты данного труда [54], автор подчеркивает: «в проанализированном рецензентом новейшем издании по «сибирско-польской» истории можно видеть поразительный для эпохи начала XXI века образец грандиозного отката в изложении данной темы ... буквально до уровня середины XIX столетия, – со всеми, вполне очевидными, с точки зрения современного научного восприятия темы, архаикой и вульгаризацией ее толкования» [55].

Подводя итог данной статье, следует отметить, что на страницах сборника «Сибирская ссылка» Б.С. Шостаковичем рассмотрены все основные вопросы истории польской политической ссылки. Исследователем систематизированы основные письменные источники, проведен глубокий и всесторонний анализ польской и советской литературы по данной обширной проблематике, рассмотрены правовые особенности польской ссылки. Наконец, Б.С. Шостаковичем опубликован огромный пласт фактического материала, основанного на разнообразных документальных комплексах отечественных и польских архивов, на богатом мемуарном наследии польских и русских ссылных. Еще раз подчеркнем, что многие данные источниковые, историографические и конкретные материала введены Б.С. Шостаковичем в научный оборот впервые. Исследователь внес существенный вклад в изучение истории польской политической ссылки в Сибирь, без его трудов совершенно невозможно представить исследуемый нами иркутский научный сборник, отмечающий в этом году свое соколение.

Примечания

1. Шостакович Б.С. Политические ссылные поляки и декабристы в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 243-293.
2. Там же. С. 263.
3. Там же. С. 272.
4. Там же. С. 273.
5. Там же. С. 249.
6. Шостакович Б.С. О дружественных связях декабристов с политическими ссылными-поляками // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 4. Иркутск, 1979. С. 31-41.
7. Sabinski Glaubicz J. Dziennik syberyjski. T. 2. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2009. С. 14.
8. Шостакович Б.С. Численность ссылных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). Иркутск: Оттиск, 2006. С. 254-272.
9. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa: DiG, 1998. 835 с.
10. Шостакович Б.С. Ссылные участники экспедиции Юзефа Заливского в Восточной Сибири (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 5. Иркутск, 1980. С. 20-51.

11. Шостакович Б.С. Материалы Государственного архива Иркутской области о пребывании в восточносибирской ссылке свентокшижцев – участников Варшавской организации «Содружество польского народа» // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 8. Иркутск, 1983. С. 61-69.

12. Там же. С. 63.

13. Там же. С. 63.

14. Шостакович Б.С. Материалы восточносибирских архивов о ссылных участниках организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп первой половины 40-х годов XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 7. Иркутск, 1982. С. 21-37.

15. Там же. С. 30.

16. Там же. С. 37.

17. Шостакович Б.С. Ссылные поляки – участники тайных национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 года – в Восточной Сибири (в отражении документов Государственного архива Иркутской области) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 10. Иркутск, 1987. С. 35.

18. Шостакович Б.С. Поляки политические ссылные конца 70-х – начала 90-х годов XIX в. в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 52-125.

19. Там же. С. 52.

20. Там же. С. 64.

21. Там же. С. 62.

22. Там же. С. 105.

23. Там же. С. 114.

24. Шостакович Б.С. К истории польской политической ссылки в Сибирь в 1890-е годы // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 3. Иркутск, 1979. С. 38-56.

25. Шостакович Б.С. Поляки – политические ссылные конца 70-х – начала 90-х годов XIX в. в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 75.

26. Дьяков В.А., Кацнельсон Д.Б., Шостакович Б.С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835–1856) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 4. Иркутск, 1979. С. 3-30.

27. Шостакович Б.С. Сибирские годы Юзефата Огрызко // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 11-53.

28. Шостакович Б.С. Был ли белорусом политссылный поляк Ян Черский? О проблеме этноидентификации ссылных в Сибирь участников польского Январского восстания // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Отгиск, 2011. С. 426-448.

29. Шостакович Б.С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1984. С. 3.

30. Там же. С. 4.

31. Шостакович Б.С. Зыгмунт Либрович – один из пионеров изучения истории поляков в Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 1 (13). Иркутск: Оттиск, 2000. С. 36.

32. Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków: Nakładem Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1928. 472 с.

33. Шостакович Б.С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1984. С. 7.

34. Там же. С. 11.

35. Там же. С. 13.

36. Там же. С. 12.

37. Там же. С. 17.

38. Сливовская В., Шостакович Б. Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и историк сибирской ссылки поляков // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Вып. 1 (13). Иркутск: Оттиск, 2000. С. 8-35.

39. Шостакович Б.С. О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его исследования) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 6-24.

40. Шостакович Б.С. Политические ссылные поляки и декабристы в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 266.

41. Sabinski Glaubicz J. Dziennik syberyjski. T. 1-3. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2009.

42. Шостакович Б.С. Документальные источники по истории политической ссылки поляков в Сибирь до 1917 г. в архивах региона: современная оценка состояния и задач их научного освоения // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Вып. 5. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 7-19.

43. Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 12. Иркутск, 1991. С. 82-94.

44. Там же. С. 83.

45. Там же. С. 90.

46. Там же. С. 89.

47. Там же. С. 94.

48. Шостакович Б.С., Кодан С.В. Историко-правовые аспекты польской ссылки в Сибирь в 1830-х – первой половине 1850-х годов // Ссылные

революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1984. С. 187-205.

49. Там же. С. 202.

50. Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1846–1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 10. Иркутск, 1987. С. 101-121.

51. Там же. С. 112.

52. Там же.

53. Шостакович Б.С. Реанимация в XXI-ом столетии архаического представления века XIX-го об истории политической ссылки поляков в Сибирь: работа над ошибками (рецензия) // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Вып. 4 (16). Иркутск: Оттиск, 2007. С. 515-525.

54. Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Новосибирск, 2007. 230 с.

55. Шостакович Б.С. Реанимация в XXI-ом столетии... С. 524.

УДК 9(571.1/.5)«18»:930.1

Л.В. Кальмина

**Утомлённые борьбой
(Народническая ссылка на страницах сборников
«Ссылные революционеры в Сибири» и «Сибирская ссылка»)**

Раскрывает особенности изучения проблем народнической ссылки авторами сборников научных статей «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» и «Сибирская ссылка». Выделяются основные направления исследований – численность, состав, роль ссылных в политической и культурной жизни региона. Делается вывод о том, что несмотря на кажущуюся изученность этой темы, многие ее сюжеты еще далеки до завершения.

Ключевые слова: политическая ссылка, народничество, репрессивная политика, областники, историография, инородцы, культурная среда.

Tired with fight
(The Narodnichesky link on pages of collections
«Exiled revolutionaries in Siberia» and «Siberian exile»)

Opens features of studying of problems of the narodnichesky link by authors of collections of scientific articles «Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February, 1917)» and «Siberian exile». The main directions of researches – the number, structure, a role of exiled in political and cultural life of the region are allocated. The conclusion that despite seeming study of this subject, its many plots are still far before end is drawn.

Keywords: political exile, populism, repressive policy, oblastnik, historiography, foreigners, cultural environment.

Хотя один из редакторов сборника несколько критически отнесся к его первым выпускам из-за «отсутствия внутренней структуры»¹, она явно просматривается. Практически каждый сборник серии «Ссылльные революционеры в Сибири» содержит в себе статьи по трем этапам революционного движения.

Целью серии изначально было представление сибирской ссылки как части общероссийского сюжета освободительного движения. Процесс воздействия ссылных на всех его этапах на общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь сибирского края – сквозная идея, которая проходит через все выпуски советского периода².

Если взять за основу объем посвященных ему статей, «народнический» блок советской серии выстраивается по принципу перевернутой пирамиды – от почти абсолютного доминирования в первых до постепенного сворачивания в последних выпусках, где его заметно потеснил пролетарский этап освободительного движения как «наиболее важный в истории России». При радикальном изменении концепции сборника постсоветской поры и появлении практически неограниченной для историков возможности вкушать от ранее запретного плода народники стали второстепенным сюжетом.

Разночинный этап революционного движения, подготовленный «переходным периодом» – революционно-демократическими течениями 40-х гг. XIX в., – отличался социалистическим

направлением идеологии. Умами революционеров прочно овладела идея коренного изменения эксплуататорского общества и отношения к народу как основной движущей силе революционных преобразований³. Несколькими броскими штрихами А.В. Дулов дал точную характеристику «шестидесятникам», показав их принципиальное отличие от дворянских революционеров: большая в сравнении с ними массовость; значительное изменение социального состава (удельный вес разночинцев, «редком явлении» на предыдущем этапе, вырос до 47 %); устойчивость убеждений, которая подпитывалась оставшимися на свободе единомышленниками. Если разгром организаций дворянских революционеров означал конец общего дела, то арест их преемников выглядел лишь как «временные неудачи» революции⁴.

На рубеже 1860–1870-х гг. дворянские революционеры окончательно уступают место революционерам-разночинцам, преимущественно из учащейся молодежи⁵. Начавшаяся с 1870-х гг. народническая ссылка в Сибирь в 1880-е гг. становится главенствующей.

Шинель для Рахметова

Серия «Ссылные революционеры в Сибири» открывается статьей С.Ф. Ковалея о первой попытке освобождения Н.Г. Чернышевского с забайкальской каторги⁶. Наверно, это не случайно. По оценке А.В. Дулова, при слабом изучении к 1970-м гг. сибирской политической ссылки «пребывание в Сибири Н.Г. Чернышевского представлялось историкам достаточно четко»⁷. Масштаб его личности не подвергался сомнению. Второй этап революционного движения начался именно с Н.Г. Чернышевского, который стал его лидером и духовным знаменем. Его роман «Что делать?» был Библией многих революционеров. Его Рахметов, «примерив» на себя гоголевскую шинель, сделал защиту обиженных смыслом жизни. Целое поколение, воспитанное на теории Н.Г. Чернышевского о всеобщем равенстве и идее, что народ – главная движущая сила будущей революции при должном его образовании, стало готовить его к грядущим революционным преобразованиям. Имя Н.Г. Чернышевского как пример для подражания молодого поколения революционеров, видного теоретика, чьими книгами зачитывалась свободно мыслящая Россия, и самого грозного противника царизма, не изменившего своим взглядам даже в условиях каторги и ссылки, постоянно

звучит в материалах серии⁸. Под обаяние его личности автор этих строк попал еще в студенческие годы, посвятив ему свой первый научный труд – дипломную работу, которой руководил С.Ф. Коваль. Что-то символическое видится в том, что мне оказана честь проанализировать написанное за 40 лет именно об этом этапе российского освободительного движения, рассказ о котором открывается статьей моего Учителя...

Первый заговор с целью освобождения Чернышевского показан С.Ф. Ковалем не как авантюрная попытка кучки воинственно настроенных фанатиков, а как единство действий российского революционного движения и заграничного центра по подготовке всеобщего восстания и формирования после его победы Временного революционного правительства Сибири, в состав которого предполагалось ввести освобожденного вождя революционной демократии⁹. Последующие идеи освобождения Н.Г. Чернышевского, ставшие органической частью российского освободительного движения, постоянно носились в воздухе, ничуть не «остывая» с очередной неудачей. Вполне естественно, что сведения о них содержатся и в самой статье С.Ф. Коваля, и в других материалах серии, казалось бы, далеких от данной проблемы¹⁰. Однако, по совершенно справедливой оценке С.Ф. Коваля, первый заговор освобождения Н.Г. Чернышевского был значительно шире последующих и имел гораздо больше предпосылок для успеха¹¹.

Андреевский флаг

Флагманом в освещении народнической темы на страницах серии, безусловно, является В.М. Андреев. Из 36 материалов сборников, так или иначе посвященных сибирской ссылке этого периода, его перу принадлежат десять и два написаны в соавторстве – т. е. каждый третий. Его статьи, написанные с привлечением обширного архивного материала, отразили практически все стороны жизни ссылных народников. В тематическом плане мы бы разделили их на три группы: первая – общая характеристика народнической ссылки и условия содержания ссылных в Сибири; вторая – их занятия в ссылке; третья – эволюция взглядов народничества.

К первой группе относятся три статьи¹². Бескомпромиссная борьба народников с режимом и проведенные ими громкие акции (точнее, придание им громкости советской историографией

для создания впечатления широкого общественного резонанса) на деле были делом незначительной в масштабе империи группы лиц. За весь народнический период (1861–1895 гг.), по подсчетам В.М. Андреева, в ссылку в Сибирь было отправлено 1092 чел.¹³ По числовым ведомостям автору удалось установить численность политических ссыльных в Иркутской и Енисейской губерниях, в Забайкальской и Якутской областях в 1880-х гг. Он обращает внимание читателя на изменившееся социальное «лицо» ссылки, в которой теперь преобладали люди интеллектуального труда: учащиеся и интеллигенция составляли в ней 55,9 %. Низкий процент рабочих и крестьян, приводит к выводу автор, говорит об отсутствии в этот период массового революционного движения в стране. Рабочий класс еще находился в процессе становления, крестьянство же не встало под знамена народничества¹⁴. В двух других статьях, привлекая широкий круг источников, автор реконструирует режим содержания народников в ссылке и показывает формы их протеста против его бесчеловечности. Тяжелые условия этапа и пересыльных тюрем как звено карательной системы царизма должны были надломить революционеров и «доставить» их в ссылку сломленными морально и физически. Преодолевших этап планировалось либо погубить на каторге или в местах поселения, либо подорвать их здоровье, чтобы у них не было сил бороться за свои идеи. Интонация горечи и гнева историков советского (да и не только советского) периода, исследовавших условия пребывания революционеров в ссылке, понятна и оправданна. Однако «правила игры», продиктованные официальной идеологией советской поры, не давали исследователям возможности взглянуть на события с другой стороны и уж тем более искать оправдание действиям власти по «нейтрализации» своих идейных противников. У царизма между тем была своя логика: он имел дело с преступниками, целью которых было покушение на святая святых – самодержавный строй и его хранителей. Ссылка как особая карательная мера, служившая обеспечению безопасности государства и выполнению функций подавления сопротивления существующему строю, имела целью возмездие, устрашение и изоляцию революционеров от общественно-политической жизни¹⁵. Отправка «смутьянов» в глухие, отсталые в социально-экономическом отношении места Сибири стала своего рода охран-

ной мерой незыблемости устоев в назидание возможным последователям ниспровергателей режима. Эта мысль, пусть ненавязчиво, все же проходит в статьях В.М. Андреева. По его оценке, репрессивные действия правительства и сибирской администрации имели целью стремление покончить с «крамолой» в стране и морально уничтожить «извержение общества», как оценивались противники установленного порядка в жандармских рапортах¹⁶. Репрессивными мерами власть стремилась покончить с самой мыслью о сопротивлении народников, превративших даже пересыльные и каторжные тюрьмы «в арену смертельных схваток с охранителями ненавистного режима» за сохранение человеческого достоинства и возможность саморазвития для продолжения борьбы¹⁷. Само требование подчинения властям, которое революционеры считали «унизительным актом для русского гражданина», «оскорбляющим нравственное достоинство личности»¹⁸, вызывало их протест, хотя с точки зрения норм права здесь нет ничего оскорбительного. Видя их острую реакцию на любую по отношению к ним несправедливость, которая сразу влекла за собой коллективные действия, власти жестоким обращением часто специально провоцировали их на сопротивление, чтобы иметь возможность учинить расправу «на законных основаниях». За любым проявлением этой борьбы, будь то голодовка, письменный протест, побег или празднование убийства монарха 1 марта 1881 г.,¹⁹ следовало жестокое наказание. (Хотя наиболее часто практикуемая голодовка нередко заканчивалась уступками со стороны администрации). Как кульминацию столкновений политических ссыльных с охраной во время пересылки и на каторге автор оценивает события марта 1889 г. в Якутске («Монастыревская трагедия». – *Л.К.*), когда вооруженное столкновение с войсками закончилось жертвами и военно-полевым судом, вынесшим смертный приговор трем участникам акции²⁰, и самоотравление ссыльных на Кайрийской каторге с целью привлечь внимание общественности в России и за рубежом²¹.

Выводы, к которым приходит автор, анализируя модель поведения ссыльных народников, несколько непоследовательны. С одной стороны, он утверждает, что правящему классу не удалось расколоть революционеров; с другой – признает, что протестные акции поддерживались не всей народнической ссылкой,

в чем ученый видит первые симптомы выхода на историческую сцену либерального народничества, проявившиеся в отказе от решительных действий в борьбе с царизмом и предпочтении им мирного урегулирования спорных вопросов²². Критически оценивая тактику народников в условиях неволи, автор однозначно осуждает поединки с тюремными надзирателями, которые были малорезультативны и не приводили ни к чему, кроме «растраты сил»²³. (В этом с ним солидарны исследователи постсоветского периода. В частности, И.П. Серебренников указывает, что вооруженное сопротивление «молодой части» политической ссылки как средство борьбы было отрицательно встречено частью политических ссыльных, которые считали неоправданным постоянные протесты против даже самых мелких притеснений и оценивали их как проявление «нервозности современной революционной интеллигенции», что стоило жизни многим товарищам»²⁴). Ошибку тактики народников в ссылке В.М. Андреев и его соавтор Л.П. Сосновская видят в опоре исключительно на собственные «резервы», недостаточной работе в народе по изобличению пороков монархического строя и непонимании роли крестьянства как революционной силы²⁵. Однако в то же время и В.М. Андреев, и другие исследователи отдают должное созданию народниками 80–90-х гг. XIX в. необходимой моральной атмосферы для революционной молодежи, нашедшей в них пример твердости в борьбе за свои идеалы; накоплению ими опыта, в котором черпали идеи политические ссыльные нового этапа освободительного движения, доведшие борьбу до победного конца, и в конечном итоге оценивают ссылку как «мощный ускоритель политического сознания сибирского населения»²⁶. Выводы автора – дань времени. Сформированная им концепция вполне укладывается в русло исключавшей инакомыслие коммунистической идеологии, не подвергавшей сомнению роль крестьянина как естественного союзника рабочего в революционной борьбе, и «растущую революционность масс» под влиянием народнической, а позже и марксистской теории. На деле восприимчивость народа к революционным идеям опять-таки была сильно преувеличена советской историографией, и основная масса крестьян (по сути, мелких буржуа, что исключает их заведомую революционность) осталась достаточно равнодушной как к идеям народников, так и их преемников. Однако мы не

можем не согласиться с выводами ученого, что ссылка, имевшая целью исключение «вредного» влияния народников на население, не достигла своей цели. Ссылные «государственные» нашли и здесь применение своему интеллекту и делу «образования народа».

Вторая, наиболее многочисленная, группа статей В.М. Андреева посвящена созидательной деятельности народников в Сибири²⁷. Недооцененный, по мнению автора, историками дворянского периода труд народников в ссылке получил признание в работах марксистских историков, видевших в народниках предшественников ссылных марксистов²⁸. Используя обширный массив архивных источников, автор рисует детальную картину жизни народников в ссылке, дающую исчерпывающее представление об их каждодневных занятиях. При их анализе считаем нужным заострить внимание на трех моментах. Первый – мотивация народников к трудовой деятельности, которая выходила за рамки чисто материальных интересов (хотя они присутствовали. Казенное пособие не давало возможности сводить концы с концами, а помощь приходила не всегда). Вторая причина их трудовой активности, на которую указывает В.М. Андреев, – самосохранение, ибо в условиях изоляции, чтобы выстоять, нужна была какая-то деятельность. И, наконец, третья – альтруизм «государственных преступников», который диктовал модель их поведения: всестороннее просвещение людей – и на воле, и в ссылке. Труд приносил им не только (и даже не столько) заработок, сколько моральное удовлетворение, которое они испытывали от самого процесса работы и принесения пользы окружающим²⁹. Второй момент – характер труда ссылных народников. Особняком стоит их литературное творчество, которое фактически было продолжением проповеди революционных идей в беллетристической форме и отражало жизнь «людей труда», которые были народникам близки и понятны, и «хозяев жизни», неприязнь к которым они не скрывали³⁰. (Литературным опытом народников посвящена и статья В.И. Федоровой, которая, исследуя их переписку, оценивает ее как литературное творчество³¹. В.М. Андреев рассматривает обращение автора к эпистолярному наследию ссылных народников как «начальную стадию более углубленного изучения вопроса о литературных занятиях политических ссылных»)³².

По мнению И.Г. Мосиной, народники довольствовались не любой работой, а лишь той, которая удовлетворяла их духовные потребности³³. Однако В.М. Андреев и П.С. Троев приводят убедительные примеры того, что ссыльные народники не гнушались никаким трудом, в том числе им не свойственным и непривычным, ибо видели в нем возможность избежать моральной деградации. Их деятельность в сельском хозяйстве и ремесле была весьма успешной³⁴. А вот вывод В.М. Андреева о подрывающей устои самодержавия хозяйственной деятельности ссыльных на основе передовых приемов базируется на присущей советскому времени убежденности, что самодержавие было тормозом экономического развития³⁵. Новейшие исследования показывают, что царизм был очень заинтересован в модернизации экономики Сибири для укрепления своих позиций на Востоке³⁶. И, наконец, третий момент: занятия ссыльных педагогической и врачебной деятельностью, хотя царизм стремился пресечь их сближение с «ненадежной массой населения», «вращаясь в среде которого», они могут «развить и преступную свою цель», которая «впоследствии вредно отразится на последнем»³⁷. Однако, как показывает автор, признавая опасность ежедневных «сношений» ссыльных с «неразвитой массой населения», царские чиновники часто не чинили препятствий их занятиям из-за отсутствия в крае образовательных и медицинских учреждений, острой нехватки специалистов и признания прагматизма и растущего экономического влияния местной буржуазии, сумевшей оценить пользу, приносимую ссыльными. А их научная деятельность, которая «отвлекала» их от революционной борьбы, в ряде случаев поддерживалась и высоко ценилась властью³⁸. К таким же выводам приходят и другие исследователи. Как указывает И.Г. Мосина, число ссыльных в разных конторах и просветительских учреждениях было так велико, что эти учреждения служили своего рода «явочной квартирой»³⁹. На еще одной причине относительно лояльного отношения сибирской администрации к своим противникам, указанной В.М. Андреевым, – эволюции их взглядов в сторону либерализма, что позволило им упрочить союз с нарождающейся буржуазией, и «перерождением ряда политических ссыльных в защитников эксплуататорского строя»⁴⁰ следует остановиться особо.

Троянский конь «оппортунистов»

Проблема «перерождения» народничества – наиболее дискуссионное направление исследований В.М. Андреева. Посвятив ей отдельную статью⁴¹, ученый так или иначе обращается к ней и в других материалах, раскрывающих различные аспекты деятельности народников. Анализируя состав политической ссылки в Восточной Сибири в 1870–1890-х гг., автор дает классификацию народничества⁴². Наиболее активным и многочисленным слоем в сибирской ссылке были народовольцы 1870-х гг. – непримиримые борцы с тюремным режимом, неутомимые пропагандисты народнических идей, просветители, в которых нуждалось сибирское общество. С 1880-х гг. началась неуклонная эволюция народничества в сторону либерализма, чему способствовали разгром народнических организаций во главе с «Народной волей» и развитие России по пути капитализма. Исследователь отмечает, что в это время либеральные народники представляли собой уже внушительную силу в общественном движении России⁴³. В Сибири, где процесс эволюции народничества в сторону либерализма начался позднее – во второй половине 1880-х – либеральные идеи, как правило, воспринимались находящимися на поселении в крупных сибирских городах, т. к. здесь было больше представителей зарождающейся буржуазии – сторонников обновления России, с которыми интересы народников во многом совпадали, и имелись лучшие условия для легальной деятельности⁴⁴. Народовольцы периода 1883–1887 гг. представляли движение, которое уже шло на спад, хотя, по данным автора, в критические моменты они разделяли убеждения и судьбу революционеров 1870-х. В этой обстановке, как указывает исследователь, теоретики движения пересмотрели свою политическую программу, сутью которой стали отказ от революционных методов борьбы и приспособление к реалиям жизни⁴⁵. Стремление улучшить положение крестьянства в 1880-х ничего общего уже не имело с крестьянской революцией и крестьянским социализмом, о котором мечтали народники 1870-х. Третий период – первая половина 1890-х, когда кризис народнического движения был уже налицо.

Такого же взгляда на эволюцию народничества придерживается и М.В. Шиловский⁴⁶. По оценке исследователя, во второй половине 70-х гг. XIX в. начинается процесс вырождения на-

родничества, которое отходит от крестьянского демократизма к оппортунизму. Либеральное народничество, продукт этого процесса, ставший с середины 1880-х гг. господствующим течением русской общественной мысли, отказывается от идеи революционного движения в пользу «мелкобуржуазного реформизма»⁴⁷.

По мнению В.М. Андреева, процесс эволюции народничества в сторону либерализма не стал пагубным для политической ссылки 1870-х – первой половины 1880-х гг., и большинство ее осталось на прежних позициях, хотя бескомпромиссную борьбу с царизмом продолжили немногие⁴⁸. Полный отказ от борьбы и сотрудничество с правительством расценивалось ими как отступничество. (Д.И. Дмитриев делит каторжан на «оппортунистов», отказавшихся от активных форм протеста и стремившихся «полюбовно договориться» с тюремной администрацией, и «экстремистов», убежденных в необходимости борьбы насмерть в любой ситуации, для которых подготовка к побегу стала «правилом хорошего тона»)⁴⁹.

Подводя итоги последствий эволюции народничества, В.М. Андреев подвергает критике ученых, которые взяли под защиту «умеренных», доказывая, что «реформаторский способ решения проблем – наиболее приемлемый вариант развития общества». «Народную политику» царизма по отношению к крестьянству (создание крестьянских банков и проведение переселенческой политики), которую «новые народники» считали своей нравственной победой, В.М. Андреев сравнивает с троянским конем, который изнутри разложил революционное народничество. Исследователь настаивает на справедливости ленинской оценки народничества, содержавшей суровую критику за отступничество в борьбе с царизмом, и остается верным своим прежним взглядам на народническую ссылку, касающихся ее эволюции⁵⁰. Относясь к непоколебимости его позиции с глубоким уважением, считаем ее, тем не менее, излишне радикальной. Новая «умеренная» тактика в сложившихся условиях отнюдь не означала перерождения бывших революционеров «в защитников эксплуататорского строя»⁵¹. Оставив в прошлом «грехи молодости», «переродившись», они продолжали служение своему народу – теперь уже созидательным трудом.

Одной из причин эволюции народничества, по признанию самого В.М. Андреева, была невостребованность обществом по-

литической доктрины радикального толка, которая потерпела крах⁵². Не понятое и не одобренное обществом убийство Александра II, чьи либеральные реформы «гасили» революционную волну, «захлопнуло открытую дверь к переустройству государства по-европейски». Абсолютизовавшие самобытность и неповторимость российской цивилизации с вечевым политическим и общинным социальным устройством, народники не желали никаких аналогий – хоть с Востоком, хоть с Западом⁵³. В 1890-х гг. народники прошли «точку невозврата». Продолжать бескомпромиссную борьбу для выведения страны на некапиталистический путь развития было поздно: ростки капитализма уже проросли на российской почве. Понять закономерность его развития народники не сумели, считая его шагом назад. Уставшие от безрезультатной борьбы, понесшие серьезные потери в результате репрессивной политики царизма, разочарованные крушением своей главной идеи, потерявшие надежду на успех крестьянской революции, они тешили себя надеждой, что улучшить положение крестьянства может только правительство, и тем самым угодили в «служители эксплуататоров». Классовый и партийный подход – «альфа» и «омега» советской историографии – изначально предполагал «неспособность» либеральных теоретиков проникнуть в суть вопроса с точки зрения передовой революционной теории, понять предпочтительность «разрушения до основания» перед «косметическим ремонтом» общества. Классовый подход, трактовавший «либеральный» как антитезу «революционному», отвергавший эволюционное развитие общества и провозглашавший необходимость «коренной ломки»,⁵⁴ «низвел» народников до пропагандистов «мелкобуржуазного реформизма». Тем более что ниша «непримиримых борцов с режимом» в советской историографии была уже занята новым поколением революционеров – социал-демократами.

«Зеркало» эволюции

Хотя статей, целенаправленно рисующих политические портреты революционеров, в серии немного, практически каждая из них дает по несколько блестящих очерков наиболее видных представителей освободительного движения. Для анализа нами избрана фигура Д.А. Клеменца. Не только (и даже не столько) из-за того, что его имя чаще других упоминается в контексте исследований о народниках, но прежде всего потому, что его

личность помогает выработать научную концепцию народнической ссылки⁵⁵. С полным правом его можно назвать «зеркалом эволюции народнического движения», потому что его жизненный путь – своего рода зеркальное отражение процесса перехода ссыльных народников с революционных баррикад на «мирные» позиции в служении народу. Один из инициаторов хождения в народ, редактор революционного журнала «Земля и воля», отважный, хладнокровный революционер, он предпринял попытку освобождения Н.Г. Чернышевского⁵⁶. Вдумчивый ученый, неутомимый путешественник, блестящий оратор, яркий публицист, талантливый фельетонист и художник, общественный деятель, изумительной энергии пропагандист, которому подчинялись даже его товарищи, он был, по оценке исследователей, одной из самых ярких личностей среди блестящей плеяды революционеров 1870-х гг.⁵⁷ Под его обаяние интеллектуала и эрудита попадали сибиряки, в свое время испытавшие сильное влияние декабристов⁵⁸. Идеологи областничества выделяли его из всех ссыльных как «наиболее привязанного к Сибири»⁵⁹. Его неоспоримые заслуги в науке получили детальное освещение в нескольких статьях серии⁶⁰.

В Сибири он постепенно отошел от революционной деятельности и, по его собственному признанию, в делах партии ни прямого, ни косвенного участия не принимал. Его ореол революционера заметно померк и в глазах власти, которая перестала его опасаться и считала «человеком, полезным для Сибири»⁶¹. Казалось бы, перед нами – типичный представитель народнической ссылки образца 1890-х гг., перешедший на путь либерализма. Однако все не так однозначно. По оценке исследователей, и в ссылке он внес весомый вклад в становление нелегальной революционной прессы как теоретик и организатор газетного дела и как писатель, «давший импульс осмыслению всего комплекса общественных проблем в литературе»⁶².

Две статьи серии посвящены теоретическим разработкам Д.А. Клеменца по актуальным для Сибири вопросам⁶³, где его народническое мировоззрение проявилось особенно четко. Первая посвящена рабочему вопросу в Сибири. Используя в качестве основного источника заключаемые с рабочими контракты, Д.А. Клеменц придал своему поначалу чисто геологическому исследованию социальное звучание, описав экономическое и

правовое положение рабочих приисков. Вопреки народническому подходу к проблеме, как отмечает В.И. Федорова, Д.А. Клеменц показал, что главным источником пополнения отряда приисковых рабочих были разорившиеся крестьяне, заменявшие бывший главный контингент приисков – ссыльных⁶⁴. Не можем согласиться с «мелкобуржуазной» оценкой абсолютизации Д.А. Клеменцем статистики преобладания в золотопромышленности мелкого производства⁶⁵. Напротив, он четко уловил тенденцию дробления приисков по мере их выработки для сдачи в аренду старателям с целью избавления от хлопот по модернизации производства и обустройству быта рабочих. На долю старательских и золотничных работ в Восточной Сибири даже во втором десятилетии XX в. приходилось более половины всех золоторазработок⁶⁶.

Теория Д.А. Клеменца, приходит к выводу автор статьи, воспроизводит искания ссыльных народников на «либеральном» этапе их деятельности. Либерально-народнические установки сочетались у него с радикально-демократическим анализом. Народническая идеология не дала ему возможности показать развитие рабочего класса в контексте исторического процесса, хотя он не смог не заметить актуальности рабочего вопроса в Сибири, по остроте не уступавшего таковому в европейской части страны. Он не сумел связать уровень технической оснащенности приисков с развитием стадий капиталистического производства, но стал едва ли не первым в народнической историографии, кто попытался поставить изучение рабочего вопроса в Сибири на почву серьезного научного исследования с демократических позиций⁶⁷.

Его взгляды на «инородческий вопрос», проанализированные Л.М. Дамешком, вполне вписываются в контекст реакции ссыльных демократов на усиление национально-колониальной политики самодержавия по отношению к сибирским народам. В изъятии земли у бурят народник увидел угрозу родовому быту. Идеализацию и преувеличение им роли бурятской родовой общины, что было свойственно народникам, видевшим в ней зародыш социалистического общества, автор объясняет его народническим мировоззрением. Спасение инородческих племен Д.А. Клеменц видел в культурной помощи, напроочь отвергая радикальные меры, что также вполне вписывалось в теорию ли-

берального народничества⁶⁸. Он видел разницу между линией царского правительства и трудового русского населения в их влиянии на аборигенов Сибири, обойдя на несколько шагов областников, которые акцентировали пагубное влияние всех русских на аборигенов. Он отошел от народнической оценки капитализма как регресса по сравнению с крестьянской общиной. Тем не менее, по оценке Л.М. Дамешека, народническая концепция осталась преобладающей в его мировосприятии⁶⁹.

Обе статьи, глубоко проанализировавшие взгляды Д.А. Клеменца, позволили проследить их трансформацию. Оставшись на народнических позициях (в чем-то опередивший своих единомышленников, в чем-то идущий вровень с ними), Клеменц отстаивал верность народнической теории пером публициста.

Точки соприкосновения

Анализируя переписку ссылных, исследователи убедительно доказывают, что ссылка как мера по изоляции революционеров от эпицентра общественной жизни, оказалась неэффективной. Сосланных в Сибирь поддерживали единомышленники в России и народнические эмигрантские центры, которые отправляли им деньги, вещи, книги, газеты и журналы. Причем география их переписки постоянно расширялась⁷⁰. Указанные статьи дают возможность изучить не только литературные предпочтения ссылных и круг вопросов, которые их волновали, но и проследить контакты. Рост числа ссылных в Сибири, расширение круга общения, «обрастание» соответствующей инфраструктурой (кружки, типографии) даже породили иллюзии о возможности перенесения центра народнического движения в Сибирь⁷¹.

Из всех контактов ссылных народников мы хотели бы остановиться на областниках, взаимоотношениям и теоретическим разногласиям с которыми посвящены статьи М.В. Шиловского и М.Г. Сесюниной⁷². Затрагивается этот вопрос также Л.М. Дамешек и И.Г. Мосиной⁷³.

В формировании взаимоотношений областников с политической ссылкой М.В. Шиловский выделяет три этапа⁷⁴. На первом, который автор датирует 1858-1868 гг., наблюдается взаимное влияние политической ссылки и областников, чьи идеи децентрализации империи находили отклик в душах политссылных. На народническом этапе ссылки эти контакты, по мнению иссле-

дователя, укрепляются, поскольку принципиальных расхождений во взглядах не обнаруживается: областники рассматривали будущее региона через призму либерально-экономических доктрин, а либеральное народничество не исключало возможности «особого пути» Сибири, минуя капиталистическую полосу. Скептически относясь к сепаратистским идеям областников и не всегда одобряя их центробежные наклонности, народники в то же время высоко ценили их общественно-политическую деятельность⁷⁵.

Первые признаки расхождения вчерашних единомышленников автор видит в середине 1890-х гг., когда народническая ссылка теряет свою монолитность, и отдельные ее представители начинают выступать против узкообластнических интересов. Однако в полемике с социал-демократами народники взяли сторону областников, считая, капитализм «лишней стадией» и не исключая для Сибири возможности некапиталистического развития⁷⁶.

М.Г. Сесюнина, проведя свое исследование в «автономном режиме», без опоры на работу М.В. Шиловского, пришла к тем же выводам, что и ее предшественник. Единство взглядов политической ссылки и областников в 1870-х как противников режима способствовало расширению их контактов, хотя идея реформирования общества, которой придерживались областники, противоречила стремлению революционных демократов к его радикальному преобразованию путем свержения существующего строя. Все, что мешало областникам использовать «политических» для реализации программы отделения Сибири от России, отменялось, а их не вполне «сибирскость» вызывала настороженное отношение. В процессе эволюции народничества областники сохранили единство взглядов только с той его частью, которая перешла на либеральные позиции. Идейного сближения с народниками, придерживавшимися прежних взглядов, быть не могло из-за осуждения последними либерализма областников и их местных интересов⁷⁷. Такой же точки зрения придерживается и И.Г. Мосина: народническая ссылка не выступала против областничества, а в некоторых вопросах (развитие края, общины) солидаризировалась с ним. Возражения вызывал лишь вопрос о сепаратизме. Однако при этом либеральная интеллигенция ссылки поддержала лозунг «особого развития Сибири» и тезис

о том, что «в Сибири капитализм отсутствует» и «деления на классы в обществе, не знавшем крепостного права, не существует». В духе времени, требовавшего безусловного осуждения любого политического движения, чьи установки противоречили «передовой теории», автор оценивает областничество как «реакционное течение»⁷⁸. С точки зрения современных исследований, областники, считая несправедливыми сложившиеся «ненормальные экономические явления на Востоке» из-за отдаленности, «господства произвола, отсутствия законности», «коренящихся в торговой зависимости края, культурной отсталости и отсутствии собственной промышленности»⁷⁹, стремились восстановить справедливость доступным им способом. При изучении любого, самого, казалось бы, нейтрального вопроса, они старались применить его на пользу Сибири, преломить через призму сибирских интересов и сделать соответствующие выводы или предложить рекомендации⁸⁰.

«Заключительный аккорд»

Очередной сюжет нашего обзора посвящен Карийской каторжной тюрьме, которая стала и объектом самостоятельного изучения авторов сборника⁸¹, и важным сегментом в контексте исследования ряда вопросов сибирской ссылки⁸². Здесь, на Карийской каторге, завершилась борьба народников с царизмом.

Играя исключительную роль в карательной системе самодержавия в 1860–1870-х гг., будучи местом наказания преимущественно участников народнического движения, осужденных по различным политическим процессам⁸³, Карийская каторга в то же время, по общему мнению авторов, отличалась либерализмом нравов. Жизнь здесь была достаточно активной, связи каторжан с внешним миром – весьма оживленными, каторжных работ как таковых не было. В переписке революционеры даже называли ее «единственной утешительницей» в «пренесносной Сибири»⁸⁴. По мнению исследователей, причиной относительно «вольного» режима Кары была та, что среди ее обитателей находились наиболее влиятельные представители и руководители революционного подполья, которым сплоченными действиями удавалось добиться более мягкого режима по сравнению с другими тюрьмами России⁸⁵.

Не будем идеализировать ситуацию: Кара оставалась тюрьмой с изоляцией от внешнего мира, «вынужденным общением»,

приводившим к тяжелым нервным срывам⁸⁶, унижительными издевательствами надзирателей. И поскольку она была в центре внимания всех политссылных, перед которыми необходимо было «держат марку», Карийская тюрьма стала своего рода «экспериментальной площадкой», на которой отрабатывалась линия поведения ссылных народовольцев в ответ на реакцию. Линия была избрана четко – защита собственного достоинства, даже без остановки перед открытой борьбой с местной администрацией⁸⁷. Кульминацией этой борьбы стала знаменитая Карийская трагедия 1889 г. с многочисленными жертвами, которая вызвала волну протестов по всей Сибири.

Столкновение с царскими властями на Каре, по оценке исследователей, было самым крупным и последним в истории народнической ссылки, заключительным аккордом, завершившим борьбу народников против царизма⁸⁸. С начала 1890-х гг. они передают эстафету своим последователям – «новым людям», представляющим третий, пролетарский, этап освободительного движения.

Вместо резюме

Начиная с выпуска VIII (Иркутск, 1983), содержание сборника структурируется по разделам «исследования по историографии и источниковедению» и по «конкретно-исторической тематике», а с номера 9 (Иркутск, 1985) появляются историко-юридические исследования, призванные рассмотреть правовые аспекты ссылки, ее место и роль в карательной системе самодержавия. Однако концепция работ народнического периода не претерпела существенных изменений, и статьи по этой проблематике по большей части включались в конкретно-исторические исследования. Сложилась **некоторая инерция подхода** к проблеме, которая продолжалась и в исследованиях постсоветского периода.

Сборники 2000-х гг. существенно поменяли тематику. Значительное место начинает отводиться уголовной ссылке, история которой, по оценке редакторов, неотделима от политической, а также репрессивной политике советского периода, которая, по сути, стала «наследницей» политики борьбы самодержавия с инакомыслием⁸⁹. Немногочисленные статьи о народническом периоде борьбы продолжают изучение режима содержания каторжан и формы их протеста против бесчеловечного обращения,

исследуют политическую (в том числе террористическую) деятельность народников⁹⁰, усиливается гендерный аспект исследований⁹¹. На фоне новых тем, не скованных классовым подходом, «народнические» статьи приобретают романтично-ностальгический оттенок, в которых чувствуется отголосок традиций советской историографии в изучении проблемы. По мнению В.М. Андреева, в котором содержится значительная доля истины, сегодняшнее изучение народнической ссылки – не что иное, как упорное следование традиции «изучать изученное»⁹².

Фанатично преданные революционному делу, бескомпромиссные (чтоб не сказать – упертые) в достижении цели, наивные в своей убежденности, подверженные порывам революционного романтизма, безжалостные разрушители «привычного» и неутомимые созидатели «разумного и вечного», народники шли на каторгу и смерть за свои убеждения. Удивительная, давно вымершая генерация людей, для которых служение идее было высшей жизненной ценностью!

«Они выбирали тяжелый и опасный путь, – пишет З.В. Мошкина, с позицией которой мы абсолютно солидарны, – жертвуя личным благополучием, жизнью для достижения на самом деле сомнительных, ошибочных целей, исполнению которых сопутствовало немало бытовых лишений и потеря многих человеческих радостей...»⁹³. Романтизация образа шедших на лишения ради высокого сменилась изрядными сомнениями в целесообразности принесенных ими жертв.

Трижды неправ будет кинувший камень. Во избежание огульной критики следует помнить слова учителя Мельникова из замечательного фильма «Доживем до понедельника»: «То и дело слышишь: Жорес не учел, Герцен не сумел, Толстой недопонял... словно в истории орудовала компания двоечников». Но он же говорил и о необходимости почувствовать высокую себестоимость их ошибок...

Вопреки взглядам советских историографов, народники так и остались «вещью в себе», не признанными и не понятыми тем самым народом, ради свободы которого они отдавали свои жизни. Роль народнического движения в «подготовке масс к восприятию новых идей», идеология народничества с новых методологических позиций еще ждут своего исследователя.

Примечания

1. Шостакович Б.С. Н.Н. Щербаков и научный сборник по истории сибирской политической ссылки (опыт мемуарно-аналитической реконструкции). К 35-летию начала выхода сборника и 70-летию его ответственного редактора // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. С. 74.

2. Щербаков Н.Н. Предисловие // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Вып. 6. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981. С. 3; Шостакович Б.С. Предисловие // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. С. 3.

3. Кодан С.В. Петрашевцы на Нерчинской каторге (историко-правовой аспект) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. С. 7.

4. Дулов А.В. Революционеры шестидесятых годов в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. под ред. кандидата исторических наук Н.Н. Щербакова. Вып. I. Иркутск: РИО ИГУ им. А.А. Жданова, 1973. С. 24, 25.

5. Шостакович Б.С. Поляки – политические ссылки конца 70-х – начала 90-х годов XIX века – в Сибири // Там же. С. 62.

6. Коваль С.Ф. К истории первого заговора освобождения Н.Г. Чернышевского // Там же. С. 3-21.

7. Дулов А.В. Указ. соч. С. 21.

8. Андреев В.М. Просветительная деятельность ссылных народников в Сибири (70–90-е годы XIX века) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. С. 40; Даревская Е.М. Политические ссылки Сибири в Монголии // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник /Отв. ред. кандидат исторических наук Н.Н. Щербаков. Вып. II. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1974. С. 95; Шостакович Б.С. Сибирские годы Юзефата Огрызко // Там же. С. 39; Рощевская Л.П. О взаимоотношениях семьи Красиных с политическими ссылными Сибири (60-е – 80-е гг. XIX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. Вып. IV. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1979. С. 79; Она же. Западносибирская политическая ссылка в период второй революционной ситуации // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. С. 27, 32; Подосенов О.П. Организация надзора за корреспонденцией сосланных в Восточную Сибирь революционеров-народников (1870–1880-е гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 213.

9. Коваль С.Ф. Указ. соч. С. 12, 17.

10. Там же. С. 19; Даревская Е.М. Указ. соч. С. 107, 108; Троев П.С. К вопросу о хозяйственной деятельности ишутинцев в якутской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. С. 113.

11. Коваль С.Ф. Указ. соч. С. 19.

12. Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 54–91; Он же. Революционеры-народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 3–29; Он же. Численность и состав политических ссылных в Восточной Сибири в 70–90-х годах XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 5. Иркутск, 1980. С. 52–70.

13. Андреев В.М. Численность и состав политических ссылных в Восточной Сибири в 70–90-х годах XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 5. С. 57, 66. Автор оговаривает, что в это число не входят польские повстанцы 1863 г. и участники выступлений рабочих и крестьян, причисленных к разряду уголовных.

14. Там же. С. 70.

15. Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825 – 1861) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 12. Иркутск, 1991. С. 85.

16. Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 56, 63.

17. Он же. Революционеры – народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией // Ссылные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 6.

18. Там же. С. 11.

19. Там же. С. 10, 16–17.

20. Там же. С. 9. Причиной протеста, как указывает автор, было распоряжение вице-губернатора Якутской области Осташкина, отменявшее предоставление авансом казенного пособия по тарифам места водворения, и ограничение объема дозволенного багажа следовавшим в Олекминск и Колымск. Якутские исследователи позже уточнили, что речь шла о следовавших в Верхоянский и Колымский округа. (См.: Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826–1917 гг. Якутск, 1998. С. 257; Якутия. Хроника, факты, события. 1632–1917. Изд. 2-е, доп. / Сост. А.А. Калашников. Якутск: Бичик, 2002. С. 269).

21. Там же. С. 21.
22. Там же. С. 12.
23. Там же. С. 18–19.
24. Серебренников И.П. Террористическая деятельность политических ссыльных в Восточной Сибири в 1882–1904 гг. // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 3 (15). Иркутск: Отгиск, 2006. С. 235.
25. Андреев В.М. Революционеры – народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 18; Андреев В.М., Сосновская Л.П. Из истории борьбы марксистов с либеральными народниками в Сибири (Л.Г. Дейч на Карийской каторге) // Там же. С. 35.
26. Андреев В.М. Революционеры – народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 22, 28; Он же. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 90; Хазиахметов Э.Ш. Положение политических ссыльных Сибири между революциями 1905 и февраля 1917 г. Там же. С. 185.
27. Андреев В.М. Просветительная деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е годы XIX века) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. С. 26–45; Он же. Научная деятельность ссыльных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. IV. С. 42–72; Он же. Революционеры-медики в восточно-сибирской ссылке (70-е – первая половина 90-х гг. XIX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. С. 35–54; Он же. Хозяйственная деятельность ссыльных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 7. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 52–70; Он же. Педагогическая деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. Иркутск, 1983. С. 94–115; Он же. Литературная деятельность ссыльных народников в Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 3(15). Иркутск: Изд-во Отгиск, 2006. С. 14–39.
28. Андреев В.М. Просветительная деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е годы XIX века) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. С. 27–28.
29. Он же. Хозяйственная деятельность ссыльных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 7. С. 56, 67.
30. Он же. Литературная деятельность ссыльных народников в Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). С. 21, 22, 30.

31. Федорова В.И. Агитационно-пропагандистская литература ссылных народников Сибири (80–90-е гг. XIX в.) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 1(13). Иркутск: Изд-во Оттиск, 2003. С. 122.

32. Андреев В.М. Литературная деятельность ссылных народников в Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). С. 35.

33. Мосина И.Г. Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. С. 117.

34. Андреев В.М. Хозяйственная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 7. С. 52–70; Троев П.С. Указ. соч. С. 112–118.

35. Андреев В.М. Хозяйственная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 7. С. 57.

36. Букин С.С., Тимошенко А.И. Концепции модернизации Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург: М.: Академкнига, 2004. С. 109; Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концептуальные основания // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 38 и др.

37. Андреев В.М. Научная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. IV. С. 71; Он же. Революционеры-медики в восточно-сибирской ссылке (70-е – первая половина 90-х гг. XIX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. С. 52; Он же. Хозяйственная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 7. С. 52, 69; Он же. Педагогическая деятельность ссылных народников в Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. С. 101.

38. Он же. Просветительная деятельность ссылных народников в Сибири (70–90-е годы XIX века) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. С. 35, 44; Он же. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 56; Он же. Научная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. IV. С. 49–50; Он же. Революционеры-медики в восточносибирской ссылке (70-е – первая половина 90-х гг. XIX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. С. 40; Он же. Педагогическая деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. С. 99, 107, 111, 114.

39. Мосина И.Г. Указ. соч. С. 115, 116.
40. Андреев В.М. Просветительная деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е годы XIX века) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. С. 35; Он же. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 69.
41. Он же. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). Иркутск: Изд-во Оттиск, 2003. С. 106–126.
42. Он же. Численность и состав политических ссыльных в Восточной Сибири в 70–90- годах XIX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 5. С. 67–69.
43. Андреев В.М., Сосновская Л.П. Указ. соч. С. 29.
44. Андреев В.М. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). С. 108.
45. Там же. С. 106 .
46. Шиловский М.В. Взаимоотношения сибирских областников с политическими ссыльными во второй половине XIX – начале XX веков // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. С. 120–121.
47. Там же. С. 121.
48. Андреев В.М. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). С. 120–121.
49. Дмитриев Д.И. Политика самодержавия в каторжных тюрьмах Сибири (конец XIX в.) // Там же. С. 234–235; он же. Использование цивилизационной методологии при изучении истории каторжных тюрем Сибири конца XIX – начала XX в. // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). С. 129.
50. Андреев В.М. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). С. 112–113, 121–122.
51. Он же. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 69.
52. Он же. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). С. 117.
53. Дмитриев Д.И. Использование цивилизационной методологии... С. 128–129.
54. Иванов А.А. Исследования исторической литературы о политической ссылке в Сибирь середины XIX – конца XX в. в отечественной историографии // Сибирская ссылка. Вып. 2(14). С. 28, 29.

55. Соколов А.И. Рец. на: Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист // Ссылные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Вып. 12. С. 219.

56. Коваль С.Ф. Указ. соч. С. 19.

57. Даревская Е.М. Указ. соч. С. 97.

58. Даревская Е.М., Тагаров Ж.З. Кяхтинцы Лушниковы и ссылный народник Д.А. Клеменц // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. С. 124-125, 129.

59. Сесюнина М.Г. Политическая ссылка второй половины XIX века и сибирские областники // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. С. 106.

60. Даревская Е.М. Указ. соч. С. 97-98; Андреев В.М. Научная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. IV. С. 47-50, 64; Дамешек Л.М. Взгляд ссылных разночинцев на «инородческий вопрос» в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. С. 29-30.

61. Андреев В.М. Научная деятельность ссылных народников в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. IV. С. 50.

62. Соколов А.И. Указ. соч. С. 220.

63. Федорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном научном наследии Д.А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. С. 82-94; Дамешек Л.М. Указ. соч. С. 25-35.

64. Федорова В.И. Указ. соч. С. 83, 85, 86-87.

65. Там же. С. 86.

66. Лысков В.М. История и состояние старательской добычи в Восточной Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 1999. С. 119.

67. Федорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном научном наследии Д.А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. С. 86, 94.

68. Дамешек Л.М. Указ. соч. С. 30, 32.

69. Там же. С. 30, 31.

70. Вахрушев И.С, Андреев В.М. Корреспонденты П.Л. Лаврова о сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. С. 45-51; Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 84; Рощевская Л.П. Западносибирская политическая ссылка в период второй революционной ситуации // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. С. 21-34.

71. Рощевская Л.П. Указ. соч. С. 34.
72. Шиловский М.В. Указ. соч. С. 115-124; Сесюнина М.Г. Указ. соч. С. 103-112.
73. Дамешек Л.М. Указ. соч. С. 31-34; Мосина И.Г. Указ. соч. С. 118-119.
74. Шиловский М.В. Указ. соч. С. 116.
75. Там же. С. 119-120, 122.
76. Там же. С. 123.
77. Сесюнина М.Г. Указ. соч. С. 104, 106, 108.
78. Мосина И.Г. Указ. соч. С. 119.
79. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия // Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1882. С. 295.
80. Во власти истории: Евгений Шободоев: Сб. статей и публикаций / Сост. А.В. Шободоева. Иркутск, 2009. <http://copy.yandex.net/?tld=ru&text=%> [Электронный ресурс]. Дата обращения 02.08.2013.
81. Рощевская Л.П. Западносибирские политические ссыльные и Кара в 80-х годах XIX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 56-68; Клер Л.С. Карийская каторга, ее место и роль в карательной системе самодержавия // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. С. 217-232.
82. Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. С. 72-73, 76-77, 79-80, 86-87; Он же. Революционеры-народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 21-23; Он же. Хозяйственная деятельность ссыльных народников в Сибири. С. 66; Подосенов О.П. Указ. соч. С. 211, 214-215; Иванов А.А. Историография и источники сибирского периода жизни Е.К. Брешко-Брешковской // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). С. 25; Мошкина З.В. Политкаторжанки: социальный портрет конца XIX в. – начала XX вв. // Там же. С. 173-187.
83. Клер Л.С. Указ. соч. С. 217.
84. Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Вып. II. С. 79.
85. Рощевская Л.П. Западносибирские политические ссыльные и Кара в 80-х годах XIX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 67.

86. Иванов А.А. Историография и источники сибирского периода жизни Е.К. Брешко-Брешковской // Сибирская ссылка. Вып. 4(16). С. 25.

87. Роцевская Л.П. Западносибирские политические ссыльные и Кара в 80-х годах XIX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 66.

88. Андреев В.М. Революционеры-народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. С. 22.

89. Иванов А.А. Предисловие // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 5 (17). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. С. 4, 5.

90. Мясников Д.А. Борьба политических арестантов с режимом содержания в Акатуйской тюрьме Нерчинской каторги // Сибирская ссылка. Вып. 3(15). С. 212-222; Серебренников И.П. Террористическая деятельность политических ссыльных в Восточной Сибири в 1882–1904. гг. // Там же. С. 229-237.

91. Мошкина З.В. Указ. соч. С. 173–188; Она же. Из истории формирования женской политической каторги в России // Сибирская ссылка. Вып. 5(17). С. 304-312.

92. Андреев В.М. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 2(14). С. 121.

93. Мошкина З.В. Политкаторжанки: социальный портрет конца XIX – начала XX вв. // Сибирская ссылка. Вып. 4(16). С. 180.

УДК 329(47)РСДРП(091):930.1

А.А. Иванов

**«Есть такая партия»: РСДРП на страницах сборника
«Ссыльные революционеры в Сибири...»**

Статья посвящена истории изучения пребывания и деятельности в сибирской ссылке представителей партии РСДРП, и в первую очередь большевиков, на страницах сборника научных статей «Ссыльные революционеры в Сибири». Автор рассматривает, каким образом исследователи сибирского региона решали важнейшие вопросы этой темы – численность революционеров, их размещение и социальный состав, участие в оппозиционном движении и культурной жизни Сибири.

Ключевые слова: историография сибирской ссылки, социал-демократы, большевики, иркутская школа, сборник «Ссылные революционеры в Сибири».

A.A. Ivanov

**«There is such party»: RSDRP on collection pages
«Exiled revolutionaries in Siberia ...»**

Article is devoted to history of studying of stay and activity in a Siberian exile of representatives of RSDRP party, and first of all Bolsheviks, on pages of the collection of scientific articles «Exiled revolutionaries in Siberia». The author considers how researchers of the Siberian region resolved the most important issues of this subject – the number of revolutionaries, their placement and social composition, participation in oppositional movement and cultural life of Siberia.

Keywords: historiography of a Siberian exile, social democrats, Bolsheviks, Irkutsk school, collection «Exiled Revolutionaries in Siberia».

В 2013 г. исполнилось сорок лет с начала издания сборника научных статей «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)». Двенадцать номеров этого издания (1973–1991), и затем еще семь обновленного – «Сибирская ссылка» (2000–2013) составляют заметное явление в отечественной историографии истории политической и уголовной ссылки.

Время бесстрастно проверяет правильность научных подходов, трактовок, интерпретаций, схем и выводов историков. Более двадцати лет нет страны Советов, в России уже выросло поколение людей, рожденных после развала многонационального социалистического союза, и не знающих, что такое моральный кодекс строителя коммунизма. Изменилось и отношение общества к революциям и прежде всего к партии победившего пролетариата и ее вождю. Сегодня в обществе живут достаточно стойкие представления о том, что Россия конца XIX века вполне могла идти эволюционным путем, «вжиться» в капитализм, безболезненно обрести демократические институты и ценности.

Но так не бывает – ни одна власть не отдает своих позиций без боя, что и подтвердили события Февраля 1917 г.: понадо-

билось объединение всех оппозиционных сил, чтобы под их напором царская власть оказалась без власти. В этой широкой коалиции, едва ли не ведущие позиции принадлежали партии социал-демократов, более двадцати лет воспитывавшей в различных слоях российского общества осознание и потребность в кардинальных переменах. Можно как угодно относиться к Октябрю, Ленину и большевикам, но отвергать завоевания Февральской революции и роль в ней РСДРП было бы, по меньшей мере, не научным. Исходя из этих позиций, и не занимаясь бессмысленной ревизией этой страницы исторического прошлого, рассмотрим в настоящей статье, каким образом в сборнике «Ссылные революционеры в Сибири» изучалась социал-демократическая ссылка.

Деятнадцатый век в истории Сибири прочно ассоциируется с политической ссылкой. А.Н. Радищев, декабристы, участники солдатских протестов в Черниговской и Новгородской губернии, матросы Черноморского флота, поляки, выступавшие с оружием в руках за свою независимость, петрашевцы, землевольцы, народники – тысячи борцов с самодержавным государством населяли против своей воли села и города Сибири, привнеся сюда иную общественно-политическую и бытовую культуру, активно участвуя в изучении богатств края, открытии новых земель, предпринимательстве, просвещении, литературе и журналистике. «Пришлая интеллигенция», действительно, оказала поистине неопределимую «услугу» Сибирскому краю.

Политизация общественной жизни, появление и деятельность радикальных партий, вовлечение в революционную борьбу в начале XX века практически всех слоев российского общества, резко изменили состав ссылки: на смену радикалу-народнику и недоучившемуся студенту-разночинцу в Сибирь стали высылать по суду, а больше всего административно, рабочих промышленных предприятий центра страны, крестьян, бунтовавших против малоземелья, учащуюся молодежь, отстаивавшую свои права на относительно независимое образование. В ссылку «пошла масса», многократно увеличившая колонии по Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Витиму. В некоторых селах число «политиков» сравнялось или превысило количество местных жителей, отсутствие работы, и как следствие, средств к существованию, делало невольное пребывание в крае суровым испытанием.

Ссылка пролетарская не сумела внести существенного вклада в культурное развитие сибирского общества, однако осужденные эдеки и эсеры значительно усилили местное оппозиционное движение: «политики» умело руководили нелегальными партийными формированиями, организовывали пропагандистские кружки, выступали в качестве знающих «техников», значительно активизировали деятельность рабочих и профессиональных союзов. При активном руководстве и участии ссылных проходили крупнейшие забастовки, издавались газеты, совершались террористические акты и экспроприации.

Появление «Ссылных революционеров...» (далее – Сборника) именно в Иркутске – явление далеко неслучайное. Традиции научного изучения ссылки были заложены здесь самими политическими ссылными еще задолго до Октября 1917 года. Хорошо известны исследования Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, М.В. Петрашевского и Н.А. Спешенева, Ф.Н. Львова и А.П. Шапова – они писали в иркутские периодические издания не только об уголовной ссылке, но всячески стремились обратить внимание общественности на бедственное положение здесь государственных преступников. Традиции народников и разночинцев продолжили и развили представители ссылки конца XIX – начала XX века. Приведем здесь только несколько примеров. Так, Н.А. Рожков исследовал участие политических ссылных в крестьянской кооперации [20, с. 83–88.]; В.А. Ватин-Быстрянский писал о М.В. Буташевиче-Петрашевском [3, с. 88-90.]; Н.Ф. Чужак-Насимович изучал отношения областников и пролетарской ссылки [28, с. 270-274]; И.И. Попов оставил содержательные воспоминания о Н.И. Витковском, Д.А. Клеменце, В.Г. Короленко [16].

В 1920–1930-х гг. эстафету исследования политической ссылки подхватили первые советские историки и литературоведы, жившие и творившие тогда в Иркутске: М.К. Азадовский, Ис. Гольдберг, Б.Г. Кубалов, В.И. Огородников. В 1930–1950-е годы эту тему развили, обогатив новыми страницами и сюжетами, Г.А. Вендрих, В.И. Дулов, Ф.А. Кудрявцев, В.П. Трушкин и другие. Именно они сумели внести заметный вклад в развитие сибирского декабристоведения, сделали первые серьезные исследования истории пребывания в ссылке народников и землевольцев.

В 1960-е годы в отечественной науке возобновилось изучение политической ссылки. Различные аспекты этой темы стали разрабатываться прежде всего в Сибири: М.Ф. Богдановой в Омске, С.И. Беляевским в Красноярске, Л.А. Ушаковой в Новосибирске, Л.П. Рощевской в Тюмени, П.У. Петровым в Якутске, Г.А. Николаевой в Чите, Б.Б. Батуевым в Улан-Удэ. В 1962 г. С.И. Беляевским была защищена и первая диссертация на эту тему, с вполне закономерным и оправданным для той поры названием – «Большевики в Минусинской ссылке».

Иркутск никоим образом не отставал от этих процессов, здесь также шло формирование талантливых и высокопрофессиональных исследователей. Только в 1965–1967 гг. в нашем городе было защищено сразу три квалификационных научных работы – А.В. Дуловым, А.П. Мещерским и Н.Н. Щербаковым, затем в 1971 г. – В.М. Андреевым и Л.П. Сосновской, в 1973 г. – Б.С. Шостаковичем. Именно в Иркутске, наряду с Новосибирском, Томском и Улан-Удэ, оформился в эти годы научный центр исследования политической ссылки. Масштабные и оригинальные работы названных, а также целого ряда других ученых (в первую очередь С.Ф. Ковалева, Т.А. Перцевой, Е.М. Даревской, З.Т. Тагарова) и послужили необходимым основанием для организации здесь сборника «Ссылочные революционеры в Сибири...».

Инициаторами издания стали хорошо известные в Сибири и за ее пределами историки Ф.А. Кудрявцев и С.В. Шостакович, однако самое деятельное участие в становлении и развитии этого издания принял тогда кандидат исторических наук, доцент ИГУ Н.Н. Щербаков. Именно им была выработана и главная цель Сборника – объединить и сконцентрировать усилия сибирских исследователей для наиболее эффективного комплексного изучения данного явления и создания в итоге всеобъемлющей «сквозной» истории политической тюрьмы каторги и ссылки в России, где Сибири было бы отведено свое, соответствующее действительности, место.

Думаю, что такая задача осознавалась Н.Н. Щербаковым с первых выпусков этого издания. Отсюда и стремление Николая Николаевича привлечь к участию в нем как можно более широкий по географии, тематике и научным интересам круг авторов. Это хорошо иллюстрируют и несложные арифметические под-

счеты, произведенные нами: в 12 выпусках «Ссылных революционеров» опубликовано 133 различных материала 61 автора – от крупных обобщающих статей до небольших рецензий и обзоров. При этом даже беглый взгляд, брошенный на содержание любого из Сборников, свидетельствует о том, что Иркутян среди постоянных авторов не так и много (но и не мало!) – не более двадцати. Основное же количество страниц сознательно отдавалось ученым различных областей обширного региона – от Новосибирска до Читы, от Якутска до Барнаула. Среди авторов Сборника много хорошо известных специалистов по истории Сибири XIX века. Приведем здесь лишь некоторые имена: А.С. Баринов, М.А. Белокрыс, В.А. Дьяков, А.Н. Евсеева, С.В. Макарчук, Т.С. Мамсик, И.Г. Мосина, З.В. Мошкина, А.Г. Патронова, Л.П. Рощевская, В.М. Самосудов, М.Г. Сесюнина, О.С. Тальская, В.И. Федорова, М.Д. Шейнфельд, М.В. Шиловский, Э.Ш. Хазиахметов и многие другие.

На страницах Сборника были подвергнуты анализу самые различные стороны истории политической ссылки в Сибирь: весьма плодотворно изучалась ссылка первой половины XIX века – декабристы и А.Н. Радищев, участники волнений в солдатских поселениях, петрашевцы и их вклад в общественную и культурную жизнь Иркутской губернии и Восточной Сибири, Н.Г. Чернышевский и обстоятельства его пребывания на Нерчинской каторге, народническая и пролетарская ссылка 1907–1917 гг.

Несмотря на разнообразие рассматриваемых сюжетов из истории политической ссылки, главное внимание исследователей было сосредоточено все-таки на фигуре ссылного социал-демократа, а точнее – большевика. Именно он был главным героем выпусков, ему посвящена здесь добрая половина материалов.

Анализ статей о социал-демократах и большевиках позволяет выделить и наиболее изученные сюжеты. Это прежде всего численность и социальный состав; участие членов РСДРП в оппозиционном движении и культурной жизни сибирского общества; межпартийные разногласия, поиски «правильной» теории и стратегии движения в колониях сибирских ссылных; борьба с режимом содержания на каторге и поселении. Насколько позволяют рамки статьи, проанализируем основные достижения ученых в развитии этих направлений.

Итак, в первую очередь внимание историков было сосредоточено на определении численности и социального состава ссылных социал-демократов. И это не случайно: прежде чем изучать «деятельность» революционеров, их вклад в радикальное движение на сибирской окраине, надо было определить какие-то реальные количественные показатели.

Сколько в Сибири было ссылных «за политику»? Вопрос этот был (и остается!) не таким простым, а потому и решался исследователями по-разному. Третий том «Истории Сибири», отразивший уровень разработки этой темы на вторую половину 1960-х годов, отвечал на него предельно однозначно: «...74 275 человек к концу 1907 года» [10, с. 327]. Но соответствовали ли эти огромные цифры действительности? Внести ясность, или хотя бы «прояснить» эту проблему, и должны были объемные статьи А.П. Мещерского и Н.Н. Щербакова, помещенные уже в первый выпуск Сборника. В них авторы на основе новых материалов, полученных в результате напряженных поисков в центральных и местных архивах, дали свои данные о количестве ссылных в Сибири. Так, у Мещерского, анализировавшего период конца XIX – начала XX века, определено за 1896–1900 гг. 411 революционеров, и за 1901–1903 гг. – еще 1501, а всего, значит, не более 2 тысяч [14, с. 125-144]. У Щербакова, работавшего с периодом 1907–1917 гг., находим: на 1907-й год ссылнопоселенцев – 11, административных – 1467, каторжан – 409, а всего – 1887 человек; на 1912-й: 5072, 1316, 925, а всего – 7313 соответственно; и на 1917-й год: ссылнопоселенцев – 7351, административных – 6256 и каторжан – 485, а в целом известно 14 092 ссылных [31, с. 211].

Настоящие подсчеты были дополнены в 1978 году Э.Ш. Хазиахметовым: в своей монографии исследователь определил 17 139 ссылных на 1914–1916 годы, а затем, в более позднем исследовании, дал иные цифры: в канун Февральской революции 1917 г. в Сибири, по его сведениям, находилось не менее 9346 ссылных и 485 политкаторжан, а всего 9831 человек [24, с. 17].

Как видим, разница в подсчетах Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова – существенная, однако «коварство цифр» объясняется как сложностью источниковой базы, выразившейся прежде всего в сочетании несочетаемого – например, статейных

списков ссыльных, отчетов губернаторов, мемуаров, газетной хроники – так и в разной методике получения конечных показателей. Надо иметь в виду и постоянную «текучесть» ссылки, и сезонные колебания, связанные со сложившимся рынком труда. Например, колонии ссыльных Качуга, Нижнеилимского и Киренска с началом навигации на Лене увеличивались в разы: из окрестных сел сюда ежегодно шли на заработки административные и ссыльнопоселенцы, образуя временные артели грузчиков общей численностью до 200–300 человек. Та же особенность наблюдалась в летние периоды в Черемхово и Бодайбо.

Так или иначе, несмотря на разницу в конечных показателях, заслуги А.П. Мещерского, Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова бесспорны – впервые исследователи получили подлинно научные, обоснованные цифры политической ссылки в Сибирь начала XX века. Тема эта, таким образом, лишилась стойкого и насквозь идеологизированного стереотипа о «потоках» узников, которыми царизм «непрерывно наводнял» города и села Сибири.

Следует отметить, что данные Э.Ш. Хазиахметова и Н.Н. Щербакова вошли в более поздние академические издания [18], выдержали проверку временем, и современные исследователи, ими широко пользуются [19, с. 268]. Однако надо также сказать, что мифические десятки тысяч сибирских ссыльных, до сих пор «бродят» из книги в книгу и нет-нет, да и появляются в постсоветской историографии. В качестве примера приведем весьма солидное и представительное московское издание: «Сибирь в составе Российской империи», вышедшее в 2007 г.: «Всего же, – утверждают авторы, – в Сибирь было выслано почти 75 тыс. участников революционных событий в России» [22, с. 298].

Определение реального числа ссыльных заставило исследователей существенно скорректировать и выводы относительно их партийного состава. Тезис о безраздельном преобладании в ссылке «коноводов революции», т. е. большевиков, испытавших наибольший «урон» в ходе революционных боев 1905–1907 гг., когда их партийные организации в центре страны буквально «были обескровлены» и «обезлюдены», казался уже не столь категоричным и также требовал своего научного обоснования.

Далее, в том же первом выпуске Сборника Н.Н. Щербаковым было научно доказано, что, несмотря на численное преоблада-

ние в ссылке социал-демократов, большевики все же уступали меньшевикам, нефракционным эсдекам и тем, чья фракция не была четко обозначена. Более того: если сравнивать число ленинцев с другими партиями, то и здесь они существенно проигрывали: количество большевиков среди ссыльнопоселенцев и политкаторжан было всегда значительно меньшим в сравнении с эсерами и лишь среди административных ссыльных доля социал-демократов в целом была выше. Вывод Н.Н. Щербакова о том, что в Сибири «почти каждый третий ссыльный являлся сторонником программы партии социалистов-революционеров, что вполне закономерно в условиях мелкобуржуазной страны», был с одной стороны, вполне логичным, «лежащим на поверхности» и в тоже время неожиданным, а главное, переворачивал все сложившиеся стереотипы.

И действительно, партия большевиков, значительно уступавшая по численности партии эсеров, и не могла доминировать в сибирской ссылке, даже если бы охранительной машине государства удалось сослать за Уральский камень всех ее членов без какого-либо исключения.

Это сегодня выводы Н.Н. Щербакова могут показаться очевидными и даже не требующими особых доказательств. Но тогда, на фоне еще хорошо памятных масштабных, парадных мероприятий, которыми страна отметила столетний юбилей со дня рождения В.И. Ленина, заключение иркутского ученого было по-настоящему революционным.

Положения Н.Н. Щербакова были укреплены, подтверждены и дополнены его постоянным оппонентом – Э.Ш. Хазиахметовым. Ученый, рассматривая политическую ссылку в целом, т. е. не выделяя в ней поселенцев, каторжан и административных, определил, что в Сибири большевики превосходили по численности меньшевиков, но всегда значительно уступали эсерам (после революции и до войны – в два раза). Однако, резюмируя свои подсчеты, Эрнст Шайгарданович дипломатично закончил: «для сибирской ссылки в целом правильнее будут цифры, характеризующие партийный состав членов Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев...» [25, с. 23].

Конечно, если рассматривать данные Общества, «пропасть» между двумя крайне революционными партиями в сибирской ссылке будет несколько меньше – 24,4 процента у большевиков

и 34,7 у эсеров. Однако вероятная погрешность при использовании таких подсчетов – выше, так как, во-первых, эти сведения собирались в середине 1920-х годов, когда партия социалист-революционеров испытывала от новой власти жесточайшие го-нения и принадлежность к ней в прошлом могла стоить жизни в настоящем, во-вторых, во Всесоюзное общество бывших по-литкаторжан и ссыльнопоселенцев не принимались революци-онеры, выславшиеся в административном порядке, что, само собой, не дает этим подсчетам необходимой полноты.

Определение численности, партийного и социального состава ссыльных, позволило историкам сделать и важный обобщаю-щий шаг в изучении этого явления – нарисовать весьма точный портрет революционера в сибирском изгнании. Это мужчина в возрасте от 20 до 30 лет, русский или еврей, рабочий или разно-чинец, «средней образованности», член РСДРП или социалист-революционер, состоявший в одной из нелегальных организа-ций промышленного центра страны или ее западных губерний, организатор, пропагандист или «массовик», вырванный из при-вычной обывательской среды революционными событиями 1905 года, судившийся военно-окружным судом или высланный ад-министративным порядком, на срок от 4 до 7 лет, перед отпра-вкой «в места отдаленные» отбывший двух- или трехгодичное тюремное заключение, существовавший в ссылке своим трудом и испытывавший хронические материальные трудности.

Важно подчеркнуть, что установление численности и пар-тийного состава сибирской ссылки для Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова, конечно же, не являлось самоцелью. Историки понимали, что решение этого вопроса давало ключ к более зна-чимой и обширной научной теме – теме влияния или руковод-ства «массаами», а если дальше – к фактическому обоснованию «краеугольного положения» всей советской идеологической доктрины – неизбежности и закономерности Великой Октябр-ской социалистической революции.

Применительно к сибирской политической ссылке этот не-зыблемый постулат был сформулирован еще В.И. Лениным. В советской стране каждому школьнику было известно, что сам Владимир Ильич был узником сибирской «тюрьмы без реше-ток», провел в селе Шушенском Минусинского уезда Енисей-ской губернии долгих четыре года. «Ссылную» тему Ленин,

таким образом, знал хорошо, но работ по истории царской каторги почему-то не оставил. Однако оставил несколько высказываний, сделанных им по какому-либо конкретному поводу, как правило, в острой полемике со своими многочисленными политическими оппонентами. После смерти вождя эти высказывания и стали для советских исследователей концептуальными указаниями.

Один из главных ленинских догматов заключался в том, что ссыльные большевики – неотъемлемая часть партии, работавшие нелегально и в Сибири, только в специфических условиях каторги или гласного надзора. Отсюда вытекала задача для всех исследователей этого явления – необходимо было показать ссыльного большевика не просто живущим в глухом сибирском краю, озабоченным повседневной добычей хлеба насущного, а изобразить активным борцом с самодержавием. Нескольких поколений советских историков были вынуждены разрабатывать эту концепцию, подкрепляя ее фактическим материалом, выявляя роль ссыльных-ленинцев в революционном и рабочем движении региона, в создании местных партийных организаций, руководстве профсоюзами, в просвещении и культурном воспитании масс. Широко и разносторонне разрабатывалась эта тема и на страницах нашего Сборника.

Можно конечно по-разному относиться к статьям, неизменно озаглавленным «Деятельность...», «Руководство...» или «Борьба ... за ...» или, наоборот «... против ...», а также к марксистско-ленинской методологии как инструменту научного познания, однако, следует подчеркнуть, что абсолютное большинство этих работ были написаны весьма и весьма добросовестно и профессионально, а уж источниковой базе, нарабатываемой годами, если не десятилетиями, по всем крупным архивам центра страны и Сибири, может бесконечно и безнадежно завидывать любой современный исследователь. Достаточно открыть первую попавшуюся из подобных статей в любом выпуске Сборника, чтобы убедиться в сказанном нами. При этом отметим: и деятельность, и руководство местными оппозиционными силами со стороны определенной, самой активной части ссыльных большевиков в Сибири, конечно же, была всегда, даже в период затишья революционных боев.

В качестве подтверждения этому положению – (интересно, что в наши дни когда-то прочно доказанное, следует отстаивать вновь), приведем данные профессора М.В. Шиловского, определившего, что из 20-ти активистов, стоявших у истоков организаций РСДРП Сибири, политическими ссыльными были, по крайней мере, 11 или 55 % [30, с. 18-19]. Подкрепим эти данные и примером, взятым из собственной статьи, посвященной истории участия ссыльных большевиков в знаменитой забастовке рабочих «Лензото» в 1912 году, тем более, что она была опубликована в 12-м выпуске рецензируемого Сборника: из 17 членов центрального забастовочного комитета, политическими ссыльными были 10, а в центральное бюро по руководству стачкой входили исключительно ссыльные, главным образом, большевики. Всего же среди бастовавших рабочих было не менее 150 «политиков», в основном, социал-демократов [7, с. 176, 181].

Подобные примеры иллюстрируют не отдельные случаи участия ссыльных революционеров в оппозиционном движении сибирского региона, а подтверждают само явление – социал-демократы, в том числе и политические поселенцы, действительно имели стойкую поддержку в рабочей среде. «Подход наш к массе, – писал о всей ссылке эсер В. Кухарченко, отбывавший наказание в Балаганском уезде и работавший в Черемхово в годы Первой мировой войны, – был особенно удобен в том отношении, что для работы не нужно было слишком конспирироваться; ссылка непосредственно вливалась в массу, политики стояли за одним станком вместе с шахтерами, ломали уголь, сидели в конторах...» [13, с. 165].

Двигаемся дальше. Ленинское положение о ссыльных – тех же членах партии, действовавших в Сибири в сугубо специфических условиях, – получило наиболее полное подтверждение в статьях, посвященных прежде всего изучению нелегальных форм работы местных социал-демократов. Среди авторов этой проблематики выделим в первую очередь статьи самого Н.Н. Щербакова, а также работы Э.Ш. Хазиахметова, З.Т. Тагарова, Ю.А. Бедарева, З.С. Рудых и некоторых других.

Н.Н.Щербаков во втором выпуске Сборника проанализировал роль ссыльных большевиков в социал-демократическом движении Сибири, избрав для исследования наиболее сложный хронологический период – события 1906–1910 гг., время, ко-

торое советская историческая наука именовала не иначе как «эпохой безраздельного господства реакции», связанной с отступлением и разгромом Первой революции. Число ссыльных в Сибири в этот период резко сократилось, местное подполье было разгромлено. В этих непростых для пропагандистской работы условиях ссыльные большевики, по мысли автора, оказали сибирским организациям неоценимую поддержку: они выступили инициаторами воссоздания разгромленных кружков и групп, возобновления постоянных связей с организациями на территории Европейской России, укрепляли кадры профессиональных работников, участвовали в постановке «техники». По подсчетам автора, сибирскими организациями РСДРП в период с 1907–1910 гг. с помощью ссыльных было выпущено более 150 тысяч различных листовок. [32, с. 162]

В статье Н.Н. Щербакова обстоятельно исследовано не только участие ссыльных в сибирских социал-демократических организациях, автор одним из первых пишет о взаимовлиянии местного подполья и объединений ссыльных. Он акцентирует внимание на том, что эти связи традиционно носили разнообразный характер. Сибирские организации с начала века обязательно имели в своем составе бюро помощи ссыльным и каторжанам, часть партийных взносов «простых» рабочих, как правило, шла на организацию побегов, в мемуарной литературе отражены многочисленные факты обращения сибирских революционеров к ссыльным с предложением «махнуть речью» на митинге, провести собрание рабочего актива, оформить резолюции и решения выборных органов. «Каждого дельного работника, – вспоминал Н.Н. Баранский, – мы сами тянули из ссылки, насколько, конечно, нам позволяли наши средства, причем не забывали, признаться, и интересов собственной организации: обыкновенно за устройство побега предлагалось отработать хоть два-три месяца у нас в Сибири. Эта «отработочная» система не только пополняла наши ряды, но... и была весьма важной формой связи с общерусским движением...» [2, с. 24].

Ш. Хазиахметов сосредоточил свое внимание на нескольких иных аспектах взаимоотношений политической ссылки и местного революционного подполья. Хронологические рамки его работы определены периодом 1910–1912 гг. – временем «нового подъема», «оживления рабочего движения». При этом автор

исследует участие ссыльных не только в организациях социал-демократов, но и стремится проанализировать их деятельность среди эсеров и анархистов Сибири, что уже само по себе следует считать явлением новым.

Ориентацию Э.Ш. Хазиахметова на новаторское расширение предмета исследования подтверждают и строки из историографического обзора, предваряющего статью. Нередко, пишет автор, «влияние политической ссылки на классовую борьбу в Сибири отождествляется с влиянием только ссыльных большевиков», следствием чего является вольное или невольное преувеличение их роли в рабочем и социал-демократическом движении. [25, с. 81].

В 1982 г., когда вышел седьмой выпуск Сборника с данной статьей, так уже думали многие советские историки, но далеко не все об этом писали. Вообще, работа Э.Ш. Хазиахметова весьма интересна как постановкой задач, так и содержательной стороной. Автор приводит много нового обобщающего материала, свидетельствующего о том, что не только ссыльные большевики пользовались поддержкой среди сибирских рабочих. Здесь всегда были сильны и позиции социалистов-революционеров. Так, среди горняков Черемхово, железнодорожников Зимы, служащих в Иркутске и ряде других мест влияние эсеров нередко не уступало популярности ссыльных-ленинцев.

Поддерживая Э.Ш. Хазиахметова в подобных выводах, приведем здесь несколько строк из книги В. Войтинского «Годы побед и поражений»: «...в Иркутске отчетливо выделялись две группы, почти что два лагеря: социал-демократы и эсеры. Эсеры были гораздо более теснее связаны с местной жизнью, чем социал-демократы. Иркутские адвокаты эсерствовали, симпатии к ним можно было заметить и среди еврейской буржуазии. В местной общественности установились отношения к ссыльным эсерам, как к «своим», а к эсдекам – как к «чужим». Если эсеры сливались с обывательской средой, то эсдеки держались по отношению к этой среде с раздражавшим ее высокомерием...» [4, с. 356].

Как видим, численность, социальный состав, а также участие ссыльных в работе местных нелегальных партийных формирований представлены на страницах Сборника относительно полно. Получила здесь свое отражение и легальная деятель-

ность ссыльных социал-демократов. Из списка авторов, разрабатывавших сюжеты этой темы, назовем лишь некоторые имена. Это З.С. Рудых – организация библиотек политическими ссыльными Иркутской губернии; В.М. Самосудов – использование ссыльными марксистами жанра литературной критики для пропаганды своих партийных идей; Ю.И. Секненков – история создания Тутурского литературного сборника ссыльных и организация первомайских выступлений в Сибири в 1910–1912 гг.; З.Т. Тагаров, анализировавший трудности общеобразовательной учебы и культурной работы на Нерчинской каторге.

Хотелось бы обратить внимание на публикацию З.С. Рудых. Автор подробно, на протяжении довольно внушительного хронологического периода рассматривает методы создания и формы деятельности библиотек ссыльных, сосредоточивая свое внимание в основном на социал-демократах. На основе значительного архивного материала в статье сделан вывод о том, что библиотечное дело ссыльные считали одним из главных в отношениях с сибиряками, именно через книгу налаживая связи среди рабочих, учащейся молодежи и крестьян. Хорошо подобранная библиотека книг и журналов становилась своеобразным объединяющим центром и внутри колоний политических ссыльных: здесь читались рефераты, работали группы самообразования, сюда поступала почта из России и из-за рубежа. Автор приводит много фактического материала (в 1970-х гг. в нем чувствовался большой недостаток) из жизни объединений ссыльных не только в городах, но и в «глубинке» – в Манзурке, Тутурах, Жигалово, Чечуйском, Ичере, Банщикове [21, с. 144-158.]

Авторы Сборника сумели наметить и изучить самые различные аспекты истории легальной деятельности ссыльных большевиков и меньшевиков. Вместе с тем, наиболее исследованным сюжетом данной обширной и разноплановой темы следует считать все же журналистику и литературную деятельность ссыльных. При этом, как представляется, наибольший вклад в изучение этой проблематики внесли статьи Л.П. Сосновской.

Следует отметить, что публикации Л.П. Сосновской присутствуют во всех 12-ти выпусках Сборника. С завидным постоянством автором скрупулезно исследовано участие ссыльных социал-демократов, и в первую очередь большевиков, в различных периодических изданиях региона. При этом автор берет пробле-

му шире и анализирует здесь и практику распространения изданий в Сибири; и выявление количественных показателей – где и когда применялись партийные издания в пропагандистских целях; роль отдельных политических ссыльных, выступавших повсеместно в качестве корреспондентов не только «Правды», «Звезды», «Мысли», «Просвещения», но и местных демократических изданий – «Восточной зари», «Иркутского слова», «Минусинского края», «Забайкальского обозрения».

Вот, например, статья Л.П. Сосновской об участии ссыльных в газете «Забайкальское обозрение». Газета, издававшаяся менее года (октябрь 1915 – март 1916), собрала, тем не менее «под своим крылом» таких известных социал-демократов как Ю. Вайнберг, В.С. Войтинский С.П. Днепровский, Е.А. Преображенский, Н.А. Рожков, Н.К. Сенотрусов, В.Н. Соколов, М.В. Фрунзе, Н.Ф. Чужак-Насимович, Е.М. Ярославский. Примечательно, что издателем газеты был также политический ссыльный – большевик, бывший путиловский рабочий И.А. Дубов.

Л.П. Сосновская, подробно анализируя статьи ссыльных, показывает, как на страницах газеты, выходявшей в далеком и периферийном Забайкалье, разгорались ожесточенные дискуссии по принципиальным вопросам международного социал-демократического и рабочего движения – о поддержке или поражении «своего» правительства в мировой войне, о границах солидарности рабочих, одетых в солдатские шинели, о продолжении или свертывании легальной работы во время войны. На примере разногласий в редакции «Забайкальского обозрения» автору хорошо удается главное – передать атмосферу, царившую в 1914–1916 гг. в РСДРП внутри страны, в эмиграции, в сибирской ссылке [23, с. 92-111].

В советской историографии легальные формы деятельности социал-демократов в «массах» изучались не так интенсивно и результативно, как, например, нелегальные: историки всегда отдавали предпочтение «подпольной работе» ленинцев. Эта особенность хорошо заметна и на страницах нашего Сборника. Тем не менее, мы вправе сделать вывод, о том, что основные направления и формы этой, легальной, работы если и не полностью изучены и обобщены, то хотя бы подробно обозначены и фактически вполне обоснованы.

Следующим сюжетом той же «деятельности» ссыльных социал-демократов, весьма успешно разрабатывавшемся на страницах нашего Сборника, следует считать «идейную борьбу партии» с внутренними и внешними врагами. Борьба РСДРП–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС за чистоту своих рядов, как известно, – магистральное направление всей отечественной историографии. В этом ключе работали (или были вынуждены работать) и некоторые авторы «Ссыльных революционеров». Данной проблематике посвящены, например, статьи А.И. Соколова, Н.А. Шерстянникова, эта тема прослеживается в работах В.М. Андреева, В.В. Буханцова, Д.И. Дмитриева, А.Н. Евсеевой, Л.П. Сосновской, Э.Ш. Хазиахметова, Н.Н. Щербакова.

Анализ статей настоящих авторов, позволяет заключить, что наиболее изученным объектом их исследований следует считать борьбу большевиков с меньшевиками, эсерами и анархистами внутри колоний политических ссыльных. Возьмем, например, статью Н.А. Шерстянникова в одиннадцатом выпуске Сборника. Автор, опираясь на некоторые отдельные примеры из жизни колоний политических ссыльных, постоянно говорит о «беспощадной борьбе» большевиков, этой «самой идейной и организованной части сибирской ссылки» с меньшевиками и меньшевизмом. При этом у автора такая борьба – главное и неизменное условие победы над царизмом и самодержавием [29, с. 192–202]

Согласимся с уважаемым Н.А. Шерстянниковым: дискуссии по стратегическим вопросам деятельности у социал-демократов были всегда, в этом, к слову, – одно из условий нормального развития любой партии. Однако говорить о «непримиримой, ожесточенной борьбе» в колониях политических ссыльных – сильно грешить против истины. Действительно, обсуждение спорных позиций принимало нередко острый, нелицеприятный характер, но вряд ли было следствием «антагонизма большевизма и меньшевизма». В качестве подтверждения этого тезиса, приведем здесь строки письма ссыльного И. Юдина из Нарыма от 4 февраля 1916 г.: «У нас масса течений по вопросу о принятии или непринятии войны. Время от времени происходит организованный обмен мнений, но как это обычно бывает среди безнадежно сознательной публики, кроме упражнения в красноречии ничего другого не получается. Вот недавно ваш покорный слуга с усердием, достойным куда лучшей участи, несколько

часов подряд в пух и прах разносил Г.В. Плеханова и К-о. Ну... а потом стали разносить в точно такой же пух и меня. Затем на правах докладчика я в последний раз обозвал всех моих уважаемых оппонентов буржуазными кликушами и... пошел к ним пить чай». [15, с. 307].

«В поселениях политические ссыльные группировались по фракциям в соответствии с партийной принадлежностью», – пишет далее Н.А. Шерстянников. Это утверждение также не может не вызывать возражений. Исследуя взаимоотношения социал-демократов в ссылке, гораздо правильнее было бы говорить о сотрудничестве большевиков и меньшевиков в рамках единых организаций ссыльных. В этом плане позиция Н.Н. Щербакова, утверждавшего о «противоборстве двух идеологий, приглушенном необходимости создания широких объединений для борьбы с суровой сибирской действительностью и отсутствием средств к существованию», выглядит более обоснованной [33. с. 61]

Мы коротко проанализировали, каким образом изучались на страницах Сборника наиболее важные темы истории социал-демократической ссылки. В завершение обзора достижений и спорных выводов ученых по этой проблематике, уделим отдельное внимание двенадцатому выпуску издания. Он примечателен, по крайней мере, по двум позициям. Во-первых, Сборник «увидел свет» в 1991 году – времени, когда КПСС утратила свои монопольные права на руководство советским обществом, а значит, историки оказались в более выигрышной ситуации, нежели их коллеги-семидесятники – писать теперь можно было не только о большевиках и их «вожаках», оказавшихся по воле правительства «в местах отдаленных», но и о их противниках – социалистах-революционерах, меньшевиках и анархистах. Во-вторых, к этому времени в Иркутске под руководством Н.Н. Щербакова подросли новые кадры «каторжников», как с доброй иронией называли специалистов ссыльной проблематики, смотревших на эту тему уже с несколько иных позиций.

Перечисленные обстоятельства не могли не отразиться и на нашем Сборнике. Прежде всего, расширилась проблематика двенадцатого выпуска. Здесь появились сюжеты, ранее лишь обозначенные, намеченные когда-то тезисно. Например, статья И.А. Хегая «Борьба ссыльных большевиков за демократическое

решение национального вопроса в Сибири (историографический обзор проблемы)» раскрывала новую страницу общей темы. Революционер, попадая в «глухие углы» сибирского края, долгие годы должен был жить среди людей другой национальности, иного образа жизни, мышления. В этой ситуации определяющую роль играли не столько его партийная принадлежность и знание программы по национальному вопросу, сколько моральные, человеческие качества, умение понимать и уважать иную культуру и обычаи.

И.А. Хегай рассматривает и вклад ссыльных большевиков в развитие культуры национальных районов Сибири. Автор показывает роль революционеров в организации просвещения, обучения грамоте детей и взрослых. Значительное место уделяется и медицинской помощи коренному населению со стороны ссыльных – А.П. Голубков, Ф.В. Гусаров, Ф.И. Голощекин, В.С. Маерчак – были врачами, Я.М. Свердлов, А.Г. Перенсон – фармацевтами, Г.К. Орджоникидзе – фельдшером. Все они и многие другие непосредственно занимались лечебной практикой, боролись с эпидемиями, вели санитарно-просветительную работу [27].

Статья Д.И. Дмитриева также носит новаторский характер. Автор исследует вопросы пребывания большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири в 1907–1914 гг. Опираясь на подсчеты Э.Ш. Хазиахметова и Н.Н. Щербакова, он уточняет численность осужденных революционеров, их социальный состав, приводит большое количество нового фактического материала.

Однако самым ценным в работе Д.И. Дмитриева является фактическое обоснование сложившихся еще в 1920–1930-е годы в мемуарных источниках этой проблематики некоторых стереотипов, по существу, не подкрепленных научными обобщающими выкладками. Например: политические каторжане активно учились, используя тюремное пребывание для своего самообразования; на каторге повсеместно практиковалась «культурная работа» – выпускались газеты и журналы, писались рефераты по прочитанной литературе; за тюремными стенами никогда не прекращалась борьба заключенных за свои права и т. д. Автору удается исследовать и тему нравственной атмосферы на каторге, когда десятки, а то и сотни людей, находясь в замкнутом про-

странстве, обречены были из года в год на вынужденное общение друг с другом. Отсюда – напряженность во взаимоотношениях, нервные срывы, психозы, суициды [6, с. 312–147].

Коротко остановимся и еще на одной статье этого выпуска. Эта работа Ю.В. Пронина, посвященная анализу вклада Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в изучение истории сибирских социал-демократических организаций периода Первой русской революции. С формальной точки зрения, автор своей статьей лишь продолжал разрабатывать тему, начатую ранее Н.Н. Щербаковым [34, с. 26–50]. Однако Ю.В. Пронину, на наш взгляд, удалось здесь уже несколько иначе, чем это было принято официальной историографией, оценить исследования бывших руководителей сибирского большевистского подполья.

Автор внимательно изучает работы Н.Н. Баранского, М.К. Ветошкина, М.М. Константинова, Г.И. Крамольникова, Б.З. Шумяцкого и некоторых других и пытается дать критический анализ как фактического материала, так и выводов этих авторов. Отмечая источниковую ценность воспоминаний, Ю.В. Пронин обнаруживает в них не только сознательно сделанные пробелы в фактическом материале, не укладывавшемся в русло официальной идеологии, но и подвергает сомнению некоторые оценочные суждения, например, тезис о большевиках как единственной руководящей силе пролетариата в революционных боях 1905 года. Здесь возникает у автора даже некая попытка понять, до каких масштабов простиралась «стихийность» сибирского рабочего движения времен Первой русской революции. Впрочем, заканчивается статья вполне традиционно – критикой Общества за то, что его руководство помещало на страницах «Каторги и ссылки» «без всяких критических комментариев публикации представителей непролетарских политических течений, в первую очередь, неонародников» [17, с. 32–46].

Как видим, сборник «Ссылные революционеры в Сибири» в течение 1973–1991 гг. сделал много в деле изучения большевистской и социал-демократической ссылки в Сибирь. Авторы издания внесли существенный вклад в изучение численности, социального и партийного состава политических ссыльных, их участия в формировании и работе местных социал-демократических и эсеровских партийных организаций, комитетов, групп и

кружков, легальной деятельности в общественных структурах, периодической печати и литературе.

Тем не менее, в этих, казалось бы, достаточно подробно разработанных направлениях, остались ничем и никем не заполненные пустоты. Например, динамика численности политических ссыльных. Уж, казалось бы, тема, что называется, «писанная-переписанная», однако дело в том, что после Э.Ш. Хазиахметова и Н.Н. Щербакова, ей никто широко, в масштабах всей Сибири, не занимался. Между тем архивные поиски последних лет не могли не принести новых фактических знаний, на основе которых требуется дополнить количественные выводы двух ученых. К примеру, численность политической ссылки Сибири в годы Первой мировой войны, как уже говорилось, определена Э.Ш. Хазиахметовым в 9831 чел. Однако, по данным Иркутского тюремного инспектора, только в одной Иркутской губернии было сосредоточено в 1914 г. 7145 политических ссыльнопоселенцев, в 1915 г. – 7661 и к 1 января 1916 г. учтено 7565 человек. Понятно, что в целом по Сибири, да с учетом административных, «политиков» должно быть значительно больше [5, л. 22].

Требует специального изучения и история пребывания в сибирской ссылке так называемых партийных профессионалов: установление их количественных характеристик, рода занятий, связей внутри России и за рубежом, финансирование отдельных акций, например, побегов, механизм поступления денежных средств из центра и от сибирских организаций в центр, содержание профессионалов и т. д.

Этот недостаток свойственен и советской историографии политической ссылки в Сибирь в целом. Между тем основные проблемы исследования этой категории политических ссыльных были намечены еще до октября 1917 года А.В. Пешехоновым – тем самым эсером, основателем партии народных социалистов, министром продовольствия Временного правительства, затем эмигрантом. В 1912 г. в нескольких номерах журнала «Русское богатство» им были опубликованы «Очерки политической ссылки», ставшие явлением в современной историографии и до сих пор представляющие значительный интерес для специалистов «ссылочной» темы. Собрал и обобщив сведения о 700 «пореволюционных» ссыльных, прошедших в 1908–1911 гг. через Александровский централ, А.В. Пешехонов выделил из их состава

более 60 революционеров, «считавших политической деятельностью главным своим занятием». Уже тогда автор попытался сгруппировать своих героев по возрастному, семейному и половому признакам, а также проанализировать партийный или революционный стаж, определить наиболее типичные статьи обвинения, виды суда, сроки пребывания в тюрьме, на этапе, в местах поселения [1, с. 50-51].

К слабо исследованным проблемам можно с уверенностью отнести и бытовую сторону социал-демократической ссылки. Революционная «деятельность» заслонила вопросы материального положения ссыльных, их трудовой занятости, жилищных условий и заработной платы. Воспоминания поселенцев о жизни в Сибири, опубликованные Обществом в 1920–1930-х гг., не могут заменить серьезного обобщающего исследования условий их проживания, основанного на разножанровых источниках. С учетом постоянно существовавшего «голода» в Сибирском регионе на квалифицированные рабочие кадры, относительно высокого уровня их заработной платы, результаты такого исследования могут привести к неожиданным выводам.

Думается, что история политической ссылки должна изучаться и с позиций истории повседневности. Не так уж суров был гласный полицейский надзор. Конечно, ссыльный обязан был в определенное время являться на поверку к исправнику, но, учитывая огромные расстояния и незначительное число полицейских чинов, контролировать жизнь политических было весьма сложно. Да и молодой организм переносил все тяготы быта сравнительно легко, а в повседневном существовании всегда находилось место для шутки. Вот, например донесение пристава 5 стана Томского уезда от 4 августа 1914 г.: «Донесу, что административно-ссыльные д. Киндал Алексей Сыромяцкий, Мовша Сумецкий, Алексей Ермолаев, Василий Рябов и Михаил Надеждин в ночь на 31 июля из места водворения скрылись, оставив у своей квартиры на дверях записку следующего содержания: «К сведению полиции: уезжаем на орешки. Вернемся до окончания сезона. Политические ссыльные д. Киндал» [15, с. 245]

В Сборнике не нашли своего исследования и события Первой русской революции, роль в них ссыльных большевиков и социал-демократов. Понятно, что последовавшая за Манифестом

17 октября политическая амнистия привела к резкому сокращению числа ссылных, однако незначительная их часть здесь все же осталась. Оставались и те, чьи сроки гласного надзора закончились ранее, а Сибирь давно стала второй родиной. Именно такие революционеры составляли основу иркутской, самой большой в Сибири, колонии ссылных. В период революции эти ссылные практически возглавили формирование здесь общественных организаций и союзов, вошли во все стачечные комитеты, пытаясь превратить всеобщую забастовку в вооруженное восстание.

В Сборнике не получили своего изучения и процессы, развивавшиеся в стране и в Сибири после Первой революции. Дело в том, что законодательные акты 23 апреля 1906 года коренным образом изменили условия работы всех оппозиционных сил: то, что раньше считалось под запретом и каралось, сейчас стало вполне легальным. Листовки и воззвания, тайно изготавливавшиеся в партийных типографиях, потеряли свою значимость – теперь о необходимости немедленных социально-политических перемен можно было совершенно открыто прочесть даже в вполне лояльных к власти газетах. Соответственно, формы нелегальной деятельности партийных комитетов значительно сокращались, а из этого следовала необходимость для ссылных скорейшей перестройки всей работы.

На страницах Сборника не разрабатывалась тема дальнейшей судьбы политических ссылных, оставшихся в Сибири уже после февраля 1917 г. Между тем именно они определяли политическую направленность органов новой власти, инициировали и провели большевизацию местных Советов, приняли затем деятельное участие в событиях Гражданской войны. По данным Э.Ш. Хазиахметова, таких ссылных осталось в Сибири не менее 1024. Весь политический актив Сибири того времени определен ученым в 4564 человека. Следовательно, доля ссылных среди сибирских партийных работников составляла не менее 22 %, иными словами, каждый четвертый-пятый был ссылным [26, с. 109]. Уже только это обстоятельство свидетельствует о значительной роли «политиков» в общественной жизни региона этого периода, что требует отдельного исследования.

1990-е годы стали временем серьезных испытаний на актуальность и востребованность «ссылной» проблематики: в этот

период шел активный процесс переоценки многих результатов советского времени, поиск методологического инструментария, выделения иных приоритетов. Изучение политической ссылки в Иркутске постепенно обретало новые грани, это явление стало исследоваться комплексно, на стыке нескольких наук, как часть истории охранительной, карательной и пенитенциарной политики Российского государства в Сибири. Такое расширение, сломавшее, прежде всего, временные границы и периоды, позволило рассматривать ссылку в качестве важнейшей особенности хозяйственного, социокультурного и политического развития сибирского региона XVII–XX веков. Прошло еще девять лет (так и хотелось написать расхожее «долгих»), и в 2000 году вышел первый номер обновленного Сборника под названием «Сибирская ссылка».

Историографическое исследование шести номеров нового сборника «Сибирской ссылки» за 2000–2011 годы не входит в задачи настоящей статьи. Очень коротко рассмотрим здесь лишь то, каким образом изучалась на его страницах деятельность нашего старого героя – ссыльного социал-демократа, большевика.

Прежде всего, следует отметить, что интерес к нему стал иным. Из центра почти всеобщего внимания он переместился практически на периферию. По нашим подсчетам, из 193 материалов, опубликованных в новой «Сибирской ссылке», социал-демократам посвящены едва ли 12. Если в «Ссылных революционерах» членам РСДРП была отдана половина всех страниц, то в новом сборнике – лишь 6,2 %.

Надо также констатировать, что из «Сибирской ссылки» полностью исчезли большевики. Между тем, именно в наши дни, когда историческая наука освободилась от прошлых идеологических наслоений (обретая, впрочем, новые), есть все условия для объективного и планомерного исследования деятельности партии В.И. Ленина и, соответственно, ссыльных большевиков, их отношений с представителями других течений.

О том, что в этой теме есть до сих пор не только отдельные «недоисследованные» сюжеты, но и целые направления, прекрасно доказывает, например, монография Н.П. Курускановой, посвященная нелегальной издательской деятельности сибирских социалистов начала XX века. Автор приводит массу нового фак-

тического материала, из которого складывается цельная картина постепенного роста авторитета социал-демократов и эсеров в сибирском оппозиционном движении. При этом исследователь называет десятки, если не сотни, имен ссыльных, работавших в Сибири в качестве типографских «техников», писавших тексты листовок и воззваний, организовавших распространение нелегальных газет, корреспондировавших в центральные и местные издания [12].

Падение интереса исследователей к ссыльным социал-демократам и в первую очередь, большевикам привело не только к резкому сокращению статей о них, но, к сожалению, и к забвению ранее наработанного богатейшего фактического материала, потере уже обретенных в 1970–1990-х годах конкретных знаний и основанных на них целых положений. Это отчетливо показал, например, последний, шестой выпуск Сборника, вышедший в 2011 г. Его участниками, наряду с нашими постоянными, опытными авторами, стали молодые исследователи из ряда регионов Сибири и из Якутии. Даже беглый анализ их статей, свидетельствует о том, что им незнакомы статьи из «старого» Сборника, а свои выводы они строят во многом на источниках второстепенного характера, почерпнутых в региональных исторических очерках, а также из сети Интернет. Связь и преемственность поколений историков, таким образом, исчезает. Мы никоим образом не выступаем против Интернета (там, кстати, имеется и наш профессиональный сайт, посвященный изучению пенитенциарной политики Российского государства в Сибири – более пятидесяти участников со всего сибирского региона [35]), однако считаем, что заменить архивные материалы, он все же не может.

Несмотря на столь грустную констатацию, мы должны все же сказать, что история социал-демократической ссылки как научная проблема на страницах обновленного Сборника не только жива, но и имеет свою положительную динамику. Сегодня развитие этой теме придают исследования С.П. Исачкина и В.В. Кудряшова, а также отдельные положения работ Т.А. Борисовой, Н.Ф. Васильевой, П.Л. Казаряна, Н.П. Курускановой, С.В. Макарчука, В.Н. Максимовой, Л.Н. Метёлкиной, З.В. Мошкиной, Д.А. Мясникова, И.П. Серебренникова, Л.В. Шаповой.

С.П. Исачкин – крупный современный специалист историографических проблем сибирских социал-демократических организаций – опубликовал на страницах нового Сборника две статьи, посвятив их истории изучения советской и постсоветской наукой организаций РСДРП Якутии и Иркутска. Автор скрупулезно разбирает сложившиеся здесь стереотипы в оценке партийного облика этих формирований, рассматривая позиции отдельных «видных» «соратников Ильича» по вопросам существования объединенных (или единых?) организаций, отношения к войне, поддержке своего правительства в империалистической войне [9, с. 37–51].

Статья С.П. Исачкина об организациях РСДРП Иркутска времен Первой мировой войны интересна прежде всего тем, что в ней автор рассматривает социал-демократическое движение как продукт развития политической культуры этого периода в целом, подробно анализируя оппозиционные настроения среди различных социальных слоев и групп населения, и в первую очередь, среди ссыльных. Изучая имеющиеся материалы о Союзах сибирских и иркутских рабочих, бундовской организации, группы Е.А. Преображенского и других, автор показывает их взаимосвязь, обусловленность практически непрерывных объединений и размежеваний, сплочения вокруг отдельных фигур, принципиальное противостояние и стремление к совместным действиям. «Для иркутских социал-демократов были характерны внутренняя толерантность, примиренческая направленность, конструктивность действий, – делает заключение автор. – Межфракционные раздоры в серьезной степени не коснулись иркутских эсдеков, благодаря их умению идти на компромиссы ради обеспечения общей борьбы с самодержавием. Этим они продемонстрировали приверженность принципам истинного социал-демократизма, чем выгодно отличались от своих соратников по партии из центральных регионов России». Вот такое широкое обобщение, казалось бы, местного, регионального материала [9, с. 25].

В центре внимания В.В. Кудряшова в основном предстает так называемой «массовой» меньшевистской ссылке – рядовые участники движения, поднятого волной 1905 года, а также организаторы, пропагандисты. Автор установил, что среди меньшевиков, сосланных в Восточную Сибирь в 1907–1917

гг. преобладали рабочие, выходцы из городской среды, однако немало было и представителей интеллигенции, что влияло на уровень образованности и общей культуры революционеров, а также во многом определило характер воздействия на местное общественное оппозиционное движение.

Проанализировав соответствующие фонды сибирских и центральных архивов, В.В. Кудряшов выявил десятки фактов активнейшего участия ссыльных меньшевиков в организации межпартийных объединений, колоний и союзов, в установлении связей с организациями России, в работе сибирских организаций РСДРП. Обобщив свой богатый фактический материал, автор сделал и обоснованное заключение: по своей активности осужденные меньшевики не уступали эсерам и большевикам, а в некоторых видах легальной деятельности, например, в журналистике, их влияние было преобладающим.

По мысли В.В. Кудряшова, решающую роль сыграли ссыльные меньшевики и в организации кооперативного движения в Восточной Сибири. Имея значительный опыт легальной общественной деятельности, они возглавляли правления потребительских союзов и кредитных касс, работали инструкторами, бухгалтерами, заведующими отделений, постепенно превращая небольшие кооперативы в крупные многопрофильные предприятия, оказывавшие значительную помощь рабочим и крестьянам [11].

Как видим, история социал-демократической ссылки не исчезла со страниц обновленного Сборника, и даже имеет здесь свое развитие. Важно, чтобы эта динамика была сохранена и продолжена, «подпитывалась» новыми исследователями, расширившими бы ее традиционные границы, обогатившими свежим фактическим материалом и знаниями, опирающимися, в том числе, и на опыт, наработанный авторами изданий «Ссыльные революционеры...» и «Сибирская ссылка».

Примечания

1. А.В.П. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7.
2. Баранский Н. (Николай Большой). В рядах Сибирского социал-демократического Союза (воспоминание о подпольной работе 1897–1908 гг.). Новосибирск, 1923.

3. Ватин В.А. М.В. Буташевич-Петрашевский в Минусинске // Сибирский архив. 1916. № 2.
4. Войтинский В.С. Годы побед и поражений. На ущербе революции. Берлин, 1924. Кн. 2.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. Д. 339.
6. Дмитриев Д.И. К вопросу о тактике левого блока большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907–1910 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Вып. 12.
7. Иванов А.А. Роль ссыльных большевиков в Ленской забастовке 1912 года // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Вып. 12. С. 174–190.
8. Исачкин С.П. Идеюное и организационное содержание объединений ссыльных социал-демократов Якутска. (Советская историография) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2009. Вып. 5 (17). С. 37–51.
9. Исачкин С.П. Политическая культура ссыльных и местных социал-демократов Иркутска в 1907–1917 гг. (историография и постановка проблемы) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 8–28.
10. История Сибири. Л.: «Наука», 1968. Т. III.
11. Кудряшов В.В. Численность и состав ссыльных меньшевиков в Восточной Сибири (1907 – февраль 1917 г.) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. / Ответ. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2006. Вып. 3 (15). С. 166–184; Он же. Ссылные меньшевики в составе социал-демократических организаций Восточной Сибири (1907–1917 гг.) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2007. Вып. 4 (16). С. 275–298; Он же. Ссылные меньшевики и мировая война // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Иванов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2009. Вып. 5 (17). С. 388–403.
12. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.). Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации, 2012. 515 с.
13. Кухарченко В. Черемховские копии // Сибирская ссылка. М.: Изд-во политкаторжан и ссылопоселенцев, 1927. Сб. 1.
14. Мещерский А.П. Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник под ред. кандидата исторических наук Н.Н. Щербакова. Иркутск: Редакция-

но-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1973. Вып. 1. С. 125–144.

15. Нарымская ссылка (1906–1917 гг.): Сборник документов и материалов о ссылных большевиках / под ред. И.М. Разгона. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1970.

16. Попов И. Памяти М.В. Загоскина и Н.И. Витковского // Русские ведомости. 1907. № 237; Он же. Д.А. Клеменц. Биогр. очерк // Изв. ВСОРГО. 1916. Т. 45. С. 65–77; Он же. В.Г. Короленко и Сибирь // Сибирь. 1913. № 155.

17. Пронин Ю.В. Издания Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев о деятельности восточносибирских организаций РСДРП периода революции 1905–1907 гг. // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Вып. 12. С. 32–46.

18. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982.

19. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2009.

20. Рожков Н. Исторический эскиз // Сибирский студент. 1915. № 1–2. С. 83–88.

21. Рудых З.С. Нелегальные библиотеки политических ссыльных Иркутской губернии в 1899–1916 гг. // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник под ред. кандидата исторических наук Н.Н. Щербакова. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1973. Вып. 1. С. 144–158.

22. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

23. Сосновская Л.П. Политические ссыльные в газете «Забайкальское обозрение» (1915–1916). Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981. Вып. 6. С. 92–111.

24. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск: Изд-во Томского университета, 1978.

25. Хазиахметов Э.Ш. Участие политических ссыльных в революционном подполье Сибири (1910–1912). // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. Вып. 7. С. 78–94.

26. Хазиахметов Э.Ш. Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // Исторический ежегодник. [Омск] 1997. С. 103-112.

27. Хегай И.А. Борьба ссыльных большевиков за демократическое решение национального вопроса в Сибири (историографический обзор проблемы) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Вып. 12. С. 46-58.

28. Чужак Н. О сибирской и иносибирской интеллигенции // Сибирский архив. 1913. № 5. С. 270-274.

29. Шерстянников Н.А. Идеино-политическая борьба большевиков против меньшевиков в сибирских колониях политических ссыльных // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. Вып. 11. С. 192–202.

30. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1997. Вып. 4: Социал-демократы.

31. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник под ред. кандидата исторических наук Н.Н. Щербакова. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1973. Вып. 1. С. 190–243.

32. Щербаков Н.Н. Ссыльные большевики и социал-демократическое движение в Сибири (1906–1910 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник / Ответ ред. кандидат исторических наук Н.Н. Щербаков. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1974. Вып. 2. С. 242–277.

33. Щербаков Н.Н. Об идейном течении в рабочем движении Сибири начала XX века (по материалам газет «Правда» и «Луч») // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981. Вып. 6. С. 60–66.

34. Щербаков Н.Н. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в разработке истории политической ссылки в эпоху империализма. Вып. VIII. С. 26–50.

35. www.penpolit.ru

Л.В. Курас

**От «Ссылных революционеров» к «Сибирской ссылке»:
советская репрессивная политика (по страницам «Сибирской ссылки»)**

Статья посвящена истории изучения репрессивной и пенитенциарной политики Советского государства на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка». Автор последовательно анализирует особенности изучения в этом издании истории массовых переселений в Сибирь, учреждений ГУЛага, репрессий среди партийных и армейских кадров, плена, структуры и форм работы современных институтов исполнения наказаний.

Ключевые слова: политические репрессии, историография, сибирская ссылка, система исполнения наказаний, Иркутск, Улан-Удэ.

L.V. Kuras

**From «Exiled of revolutionaries» to «Siberian exile»:
the Soviet repressive policy (according to «Siberian exile» pages)**

Article is devoted to history of studying of repressive and penitentiary policy of the Soviet state on pages of the collection of scientific articles «Siberian exile». The author consistently analyzes features of studying in this edition of history of mass resettlements to Siberia, establishments of GULAG, repressions among party and army shots, captivity, structure and forms of work of modern institutes of execution of punishments.

Keywords: political repressions, historiography, Siberian exile, system of execution of punishments, Irkutsk, Ulan-Ude.

40 лет назад по инициативе профессоров Ф.А. Кудрявцева и С.В. Шостаковича [1] тогда еще молодой доцент Иркутского государственного университета Николай Николаевич Щербakov [2] смог совершить невозможное – пробить и публиковать с завидным постоянством в течение почти 20 лет (до 1991 г.) тематическую серию «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» [12 выпусков], по образному выражению

профессора С.В. Шостаковича, «своего рода научный вариант когда-то знаменитой «Каторги и ссылки»[3], ответственным редактором которого Н.Н. Щербаков был вплоть до своей кончины.

Кто хоть немного знаком с издательской политикой Союза ССР и советской цензурой, являвшимися важнейшей составляющей идеологии, поймет всю невероятность этого события. Наверно отчасти это можно объяснить начавшейся в СССР борьбой с инакомыслием, диссидентами. На этом фоне государству и власти были крайне необходимы герои в славном прошлом, чтобы, отталкиваясь от него, обосновать славное настоящее. И ссыльные революционеры как нельзя более соответствовали этому представлению. Но, не смотря на несомненную идеологическую подоплеку иркутской серии, заслуги профессора Н.Н. Щербакова в ее издании несомненны, да и сама серия не была ангажирована. Это была выстраданная и глубоко продуманная история трагедии как минимум двух поколений российской интеллигенции, блестяще образованной, востребованной и имевшей реальную возможность применить свои знания на благо народа, на благо Отечества, но, тем не менее, «презревших уют» и ушедших в революцию...

Вполне естественно, что с распадом СССР и изменением политической палитры на карте мира, новой России уже не нужны были герои – «ссыльные революционеры», и серия на 10 лет прервалась, но не канула в лету. И в начале 2000 г. серия, опять-таки по инициативе профессора Н.Н. Щербакова, возродилась, хотя и под другим названием – «Сибирская ссылка». «Сибирская ссылка», уже в новых условиях, продолжила идею «Ссыльных революционеров», в которых, по мнению профессора Ю.А. Зуляра, «для исследователей стали доступны многие документы, позволяющие объективно рассматривать репрессивную политику не только царского, но и советского правительства»[4].

В этом определении необходимо сменить акценты. На наш взгляд, в этот период появилась идеологическая *потребность* новой России в рассмотрении репрессивной политики советского государства, обусловленная стремлением обособиться не только от сталинизма, но и от завоеваний Октября. И продолжение серии, в которую органически влились исследования истории

советской пенитенциарной системы, репрессивных органов и репрессивной политики советского государства, стало объективной реальностью. В этой серии произошло удивительное переплетение темы исторической памяти и символов советского прошлого. Для одних – это переплетение есть знаки былого величия, для других – напоминание о горьком и мрачном времени. Но, ни те, ни другие, увы, не стремятся к осознанию того, почему Россия, имея все шансы для свободного и демократического развития, упорно выстраивает авторитарную модель власти, авторитарную модель государства и, соответственно, авторитарную пенитенциарную систему. Поэтому неслучайно, что в новой серии имеется лишь одна публикация руководителя УФСИН России по Бурятии, полковника С.П. Суша, раскрывающая на примере Республики Бурятия современное состояние пенитенциарной системы [5]. И это тем более странно, что в настоящее время, по свидетельству автора, «происходит существенная гуманизация условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы» [6].

И, тем не менее, появилась настоятельная необходимость историографического анализа публикаций серии «Сибирская ссылка» в части именно становления и развития государственной пенитенциарной политики и практики советского периода, которые есть не что иное как преемственность пенитенциарной политики предшествующего периода.

Так получилось, что в обновленной серии пенитенциарная политика и практика советского государства представлена, главным образом, на примере Республики Бурятия. Здесь, под руководством автора этих строк, был создан творческий коллектив из числа ученых и старших офицеров Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Республике Бурятия. Среди них: начальник Управления полковник Н.Н. Аникеев и сменивший его на этом посту кандидат исторических наук, полковник С.П. Суш, руководители подразделений полковник В.Ц. Бальжанов, кандидат исторических наук, подполковник Т.О. Гусарова и кандидат исторических наук О.Д. Базаров.

Сразу следует заметить, что служба исполнения наказаний, хотя и относится к структурам репрессивного характера, но, тем не менее, не осуществляет непосредственного задержания,

ареста, дознания и судебного производства. Исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы и другие учреждения службы исполнения наказаний выполняют предписания судебных инстанций и изолируют осужденных от общества. Именно поэтому, в публикациях, размещенных на страницах «Сибирской ссылки», основными направлениями изучения «лагерной тематики» становится внутренняя жизнь заключенных: производственная деятельность колоний [7] и вопросы ее организации в местах лишения свободы [8], профессионально-техническое обучение осужденных в исправительно-трудовых учреждениях [9], структура мест лишения свободы [10], политико-воспитательная работа и обеспечение условий отбытия наказания в местах заключения [11]. Тем самым публикации, выстроенные во временных рамках советского периода эволюции теории и практики пенитенциарной системы по исследуемой проблематике, вполне соответствуют основным направлениям научного поиска серии «Ссылочные революционеры».

Своеобразным итогом многолетнего сотрудничества ученых и практических работников службы исполнения наказаний стала обобщающая статья профессора Л.В. Кураса и полковника С.П. Суша, охватившая целый ряд важнейших проблем и обобщившая уже опубликованные на страницах серии статей: структура и кадры учреждений заключения; характер режима заключения; организация трудовой деятельности в исправительно-трудовых колониях [12]. Участие в работе «Сибирской ссылки», апробация научных идей на его страницах, положительная оценка научной общественности позволили авторам подготовить две коллективных монографии по осуществлению пенитенциарной политики в Республике Бурятия [13], первая из которых получила положительную рецензию профессора Ю.А. Петрушина. Он определил главное направление научного поиска творческой группы: «от наказания к покаянию» [14]. О значимости работ для практической деятельности системы исполнения наказаний красноречиво говорит тот факт, что ответственным редактором и автором предисловия монографии «Уголовно-исполнительная система Бурятии (1923–1991 гг.)» был директор Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, генерал-полковник Ю.И. Калинин, который особо подчеркнул, что «за последние годы учреждениями УФСИН проделана огром-

ная работа, направленная на либерализацию уголовно-исполнительной системы, внедрение концептуально новой программы пенитенциарной деятельности» и потому изучение советского прошлого системы будет «способствовать ее дальнейшему совершенствованию» [15].

Следует отметить, что в «Сибирской ссылке» также имеются статьи о составе и численности лагерей и на территории других административно-территориальных образований Западной и Восточной Сибири [16]. Но их публикация пока не носит системного характера и потому нуждается в дальнейшей и серьезной разработке.

Указанные публикации по проблеме исполнения наказаний в Бурятии, объединяет стремление исследователей показать основные направления деятельности Управления исполнения наказаний, опирающиеся, прежде всего, на существовавшую нормативно-правовую базу. Здесь нет «тюремной лирики» и поэтизации тюремного быта и тюремных отношений, хотя политика «большого террора» способствовала возникновению субкультуры уголовного мира с ее ценностями, приоритетами и языком общения. Имеющиеся в серии публикации демонстрируют реализацию идеологии советского государства, направленную на исправление заключенных. Кроме того, в них ярко выражено еще одно направление деятельности системы исполнения наказаний – использование спецконтингента как дополнительного источника трудовых ресурсов для решения народнохозяйственных задач советского государства. Подтверждением этому может служить статья Е.С. Маменковой, характеризующая особенности использования труда спецконтингента в годы Великой Отечественной войны [17]. При этом следует отметить, что использование трудовых ресурсов исправительно-трудовыми учреждениями в СССР характерно не только для чрезвычайных условий военного времени. Видимо, этот сегмент требует дальнейшего исследования и самое главное – морально-этической оценки как объективной реальности. Дело в том, с одной стороны, и это не секрет, система исполнения наказаний содержится за счет государственного бюджета, формируемого, в свою очередь, за счет налоговых отчислений граждан. И стремление государства перевести систему исполнения наказаний, хотя бы частично, на хозрасчет свидетельствует об определенном моральном здоровье

государства. Но есть и другая сторона этой проблемы, которая наиболее ярко проявилась в советском государстве в 20–50-е годы: система создавалась непосредственно для использования рабского труда заключенных с целью решения конкретных народнохозяйственных задач. А это есть уже не что иное, как моральная деградация государства.

Наряду с пенитенциарной политикой СССР в серии «Сибирская ссылка» уделяется существенное внимание собственно репрессивной политике советского государства [18], направленной против личности, несовершеннолетних и целых народов, а также командно-начальствующего состава Сибирского военного округа и специфике этой политики.

Раздел, связанный с репрессивной политикой против личности, представляется этически наиболее важным. Это обусловлено тем, что российская действительность – и дореволюционная, и советская, и современная – отличается исторически сложившимся неумением ценить отдельную человеческую жизнь, личность. Поэтому этот сегмент репрессивной политики представляется особенно важным если не для общества в целом, то хотя бы для авторов этих публикаций как части общества, способных к сопереживанию и даже покаянию.

Репрессивную политику против личности на страницах «Сибирской ссылки» можно условно структурировать следующим образом: а) репрессии против самих служащих карательных органов [19]; б) репрессии против ученых [20]; в) репрессии против командно-политического состава [21]. Суть условности заключается в том, что на отдельных примерах фактически показана тотальная организация уничтожения представителей органов юстиции, видных сибирских ученых и командных кадров Красной Армии. Хотя статья Л.В. Кураса и С.П. Суша существенно выделяется в сравнении с другими публикациями, характеризующими суть репрессивной политики против личности. И отличие это не столько в жанре – документалистика, сколько в счастливом конце. Это совершенно необыкновенная по своим последствиям документальная история драмы врид начальника РО НКВД, а затем руководителя системы мест заключения ВМАССР Александра Медыковича Убугунова, произошедшая в 1938 г., в отношении которого в 1940 г. было прекращено уголовное преследование. Столь необычное завершение дела было

лишь исключением из правил. Тому свидетельство – публикация профессора С.И. Кузнецова о репрессиях против видных востоковедов-японистов, представителей Иркутской востоковедной школы. Автор особенно выделяет трагическую судьбу преподавателя японского языка Иркутского университета, а затем профессора ДВГУ Н.П. Мацокина. Его арестовали еще в 1931 г. и условно-досрочно освободили в 1934 г. Суть иезуитства НКВД заключалась в том, что знания и высочайший профессионализм ученого стали использоваться карательными органами «для развертывания масштабных репрессий против советской японоведческой школы и, особенно, против ее дальневосточной части»[22]. Тем самым имел место своеобразный «прозелитизм», но в трактовке НКВД. И, тем не менее, это не спасло ученого от нового ареста в 1937 г. и применения к нему высшей меры наказания – расстрела.

Еще страшнее – репрессии против целых народов. В истории репрессивной политики советского государства были народы «второго сорта», которых изначально записали в народы-изгои, народы-предатели (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, курды, хамшилы (армяне-мусульмане), калмыки, турки-месхетинцы, крымчане (татары, болгары, греки, армяне) и др.). Но в нашем случае – это народы, которые подвергались превентивным репрессиям, репрессиям «на всякий случай». Это касалось прежде всего немцев Поволжья, в которых, в связи с начавшейся Великой Отечественной войной, советское руководство усматривало потенциальную опасность для государства, возможность возникновения «пятой колонны»[23]. Хотя, конечно, «спецпереселение» – это значительно более широкая проблема, которая так или иначе коснулась всех слоев советского общества и особенно крестьянства [24]. Поэтому данный сюжет советской репрессивной политики, естественно, находит широкое отражение в серии «Сибирская ссылка»[25] и является прямым свидетельством того, что политическая ссылка в годы советской власти в разы превосходила политическую ссылку при Николае II. По оценке профессора А.А. Иванова, «по своим масштабам депортации советской эпохи могут быть сравнимы лишь с высылками в Сибирь уголовников в XIX в.»[26].

Пожалуй, несколько обособленно в российской историографии стоит проблема репрессий в отношении китайцев, оказав-

шихся на территории России еще в годы Первой мировой войны (до 500 тыс. чел.) практически во всех регионах империи. По справедливому мнению В.Г. Дацышена, «китайская община практически никогда не воспринималась русскими в качестве органичной части российского общества». Поэтому неслучайно, что «процент репрессированных китайцев, по отношению к общей численности данной общности, во многих регионах был выше, чем у других национальностей»[27]. А в годы Великой Отечественной войны в большей части именно китайцы, не знавшие русского языка, в соответствии с разнарядкой, пополняли состав «японских шпионов».

И хотя исследований об этнической сибирской ссылке пока немного, особенно на монографическом уровне, тем не менее, «Сибирская ссылка» располагает и историографическим исследованием Е.Л. Зберовской, посвященной анализу исследований, освещающих историю депортации в Сибирь целых народов [28].

Несомненный интерес представляет статья В.С. Мильбаха, посвященная политическим репрессиям командно-начальствующего состава Сибирского военного округа в 1937–1938 гг.[29] Фактически, автор рассматривает не только результаты репрессий, приведших к сбоям в организации управления войсками, падению дисциплины и организованности, снижению уровня боевой выучки и морально-политического состояния войск. Он делает вывод о существовании какого-то всеобщего помрачения, когда армия имела реальную возможность остановить планомерное уничтожение армии и народа и, тем не менее, «командование СибВО оказалось неспособно противодействовать произволу, творимому органами НКВД в войсках» и было вынуждено «смириться с проводимыми репрессиями в армии, осознавая всю их пагубность»[30].

Но, пожалуй, самый трагический сюжет репрессивной политики в предвоенные годы – это репрессивная политика советского государства в отношении несовершеннолетних, нашедшая отражение в статье Е.С. Бороздиной [31], когда позитивная идея молодой Советской власти воспитания безнадзорных детей была заменена жесткими карательными мероприятиями. Поэтому вполне естественно, что в этой деятельности ведущими были не органы социальной защиты, а силовые структуры. В

соответствии с этим были упразднены комиссии по делам несовершеннолетних всех уровней. И хотя в 1935 г. ВКП (б) заявила об успешном завершении трехлетнего плана по борьбе с беспризорностью, репрессивная политика государства способствовала появлению новых категорий малолетних правонарушителей – дети раскулаченных, дети «врагов народа» и др. Причем, в соответствии с существовавшим законодательством, все несовершеннолетние с 12-летнего возраста, совершившие преступления, привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания, вплоть до расстрела, а все учреждения для несовершеннолетних передавались в ведение НКВД [32].

Отдельным сегментом репрессивной политики следует считать очень важный аспект, связанный с кадровой политикой собственно карательных органов и их непосредственной деятельности, – органов государственной безопасности [33], судов [34], прокуратуры [35], органов военной юстиции [36] и военизированной охраны [37]. К этим сюжетам близко примыкают запретительные мероприятия спецслужб, связанные с созданием особых пограничных зон, ограничивающих въезд и проживание граждан на определенных территориях Советского государства [38].

Интерес российской историографии к изучению истории спецслужб в период репрессий обусловлен тем, что их деятельность связана непосредственно с процессом формирования тоталитарного режима. В этой связи формировалась и законодательно укреплялась карательная система Союза ССР. Причем, нормативно-законодательные документы, регламентирующие деятельность спецслужб, не подлежали опубликованию, хотя и утверждались постановлениями Совнаркома СССР, и принимали характер внутриведомственных инструкций, которые «не подчинялись общегосударственному законодательству и исключались из поля зрения общественности» [39]. И даже партийные органы республиканского и областного уровней не оказывали на него никакого влияния. Фактически, форсированный рост лагерей свидетельствовал о том, что сталинский режим сделал ставку «на создание глобальной системы принудительного труда, сердцевиной которого стало Главное управление лагерей (ГУ-ЛАГ), а движущей силой – ОГПУ» [40]. И решению этой задачи была подчинена деятельность всех силовых структур, а служба

в органах ОГПУ-НКВД становилась наиболее привлекательной для всех, желающих карьерного роста и быстрого продвижения по социальной лестнице.

В то же время кадровый состав органов суда и прокуратуры не соответствовал стоящим перед ними задачам. Исследователи подчеркивают, что главным критерием кадровой политики были не образовательный уровень, юридическая подготовка и опыт практической работы, а партийность и социальное происхождение: «Основными кадрами должны были стать выдвиженцы – батраки, бедняки, демобилизованные красноармейцы, рабочие предприятий, делегатки женщины из батрачек и беднячко-средняцкого актива деревни и комсомольская молодежь». Среди работников суда и прокуратуры появилась даже специальная терминология – «орабочивание и окомунизация». И, как следствие такой политики, «в конце 1930-х годов подавляющее большинство судей и прокуроров не имели специального юридического образования»[41]. Конечно, в последующие годы образовательный уровень судей существенно возрос, но в то же время, как следует из публикаций профессора В.Н. Казарина, в деятельности Иркутского областного суда по-прежнему преобладали дела о «контрреволюционных преступлениях», хотя «с середины 1950-х гг. Иркутский областной суд начал рассмотрение дел по реабилитации ранее репрессированных, восстановив доброе имя многим людям»[42].

Что касается органов военной прокуратуры, то перед ней стояли особые задачи. К ним профессор В.С. Мильбах относит «осуществление общего надзора за законностью действий должностных лиц; опротестование нарушающих закон приказов, постановлений и распоряжений, изданных должностными лицами; возбуждение уголовного преследования и осуществление функций прокурорского надзора по делам, подсудным военным трибуналам; возбуждение в подлежащих случаях дисциплинарного преследования в отношении военнослужащих и военнообязанных; осуществление надзора за производством следствия военными следователями; осуществление надзора за правильным содержанием под стражей и надзора за исполнением приговоров военных трибуналов»[43]. Но исследователь подчеркивает, что в годы «большого террора» органы военной юстиции СибВО «как составная часть репрессивного аппарата

в период политической чистки 1937–1938 гг. были вовлечены в процесс устранения политически неблагонадежных лиц из военного круга». Более того, «со стороны органов НКВД было предпринято давление на работников военной прокуратуры и военного трибунала округа», в результате чего «органы военной юстиции более года (до ноября 1938 г.) оказались фактически неспособными осуществлять надзор за следственной деятельностью особых отделов НКВД и тем самым обеспечивать соблюдение законности»[44].

Таким образом, анализ серии «Сибирская ссылка» в той ее части, которая касается советской репрессивной политики, красноречиво свидетельствует о том, что, по образному выражению авторов предисловия к шестому выпуску, «режим сталинских лагерей был несравнимо суровее режима дореволюционных «централов», его можно со всей ответственностью назвать по-настоящему каторжным, направленным на физическое истребление миллионов невинных людей». Поэтому «темы царской и советской ссылок действительно неразрывны, требуют сквозного и комплексного исследования»[45].

В этой связи совершенно неожиданный сюжет поднимается в статье профессора Э.А. Николаева [46] и, видимо, потому единственной в своем роде, связанной со стремлением православной церкви облегчить положение заключенных в современных условиях содержания, способствовать их исправлению и очищению. Скорее всего, это обусловлено тем, что теология и светская наука сродни евклидовой геометрии, где параллельные линии не пересекаются. Но в этой публикации имеет место счастливое стечение обстоятельств: исследователь, имея за плечами Восточный факультет Ленинградского государственного университета, является глубоко верующим человеком. Поэтому, поднимая проблему правовых основ миссионерской деятельности православной церкви в местах лишения свободы, автор, наряду с нормотворчеством и нормоприменением современного Российского государства, знакомит читателя и фактически вводит в широкий научный оборот положения «Основ социальной концепции Русской православной Церкви», принятой на Архиерейском Соборе 2000 г., которые касаются также и вопросов сотрудничества церкви и Уголовно-исполнительной системы. При этом церковь руководствуется существующими нормативно-законодательными

ми нормами России и нормами международного права. Именно это позволило автору сделать вывод о том, что «в настоящее время в Российской Федерации создана правовая база, необходимая для деятельности РПЦ в местах лишения свободы и реализации права заключенных на свободу вероисповедания»[47]. А это и есть принципиально новый шаг в развитии современной пенитенциарной системы, направленный на исправление конкретной личности.

Таким образом, историографический анализ публикаций серии «Сибирская ссылка» в ее советской части репрессивной политики государства является на сегодня, пожалуй, единственным серийным изданием, освещающим весь комплекс развития пенитенциарной системы России в Сибири как в дореволюционный, так и в советский период, а также репрессивной политики царской империи и сталинизма в сибирском регионе. В тоже время серия, по справедливому мнению ответственных редакторов серии профессоров А.А. Иванова и С.И. Кузнецова, свидетельствует о том, что «наше общество еще не дало публичной оценки политического террора советского государства с правовых позиций. Не дана юридическая оценка и деятельности тогдашних руководителей страны»[48]. Сегодня Россия должна ценить тех людей, которые у нее есть. А это значит, что нужно восстановить достоинство тех, кто с такой легкостью был принесен в жертву системе. Это трудная задача, но это задача для всех граждан России, в том числе и для сибирских ученых: продолжателей, редакторов и авторов серии «Сибирская ссылка».

И постскриптум. В серии «Сибирская ссылка» имеются еще статьи, относящиеся к советскому периоду и внешне выбивающиеся из канвы: репрессии – репрессивная политика – репрессивные органы. Это статьи Н.Ф. Васильевой и Л.Н. Метелкиной, посвященные Всесоюзному обществу политкаторжан и ссыльнопоселенцев [49]. Но на самом деле – это еще одна трагедия рассматриваемого периода, ибо речь идет, как раз о героях знаменитой серии «Каторга и ссылка», о которой говорил С.В. Шостакович [50]. С одной стороны, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев было «нацелено на разнообразную агитационно-массовую работу, ангажированное сталинской политикой системой»[51]. Но с другой – это были творцы революции, советь партии, которые по определению должны были стать пер-

выми жертвами «большого террора», и ни их «нахождение под царским судом и следствием, в тюрьмах, на каторге и в ссылке, ни большой партстаж не дают не только никаких гарантий от новых репрессий, но и не принимаются в качестве смягчающего обстоятельства» [52]. А это и есть постулат и принцип советской власти – пренебрежение к личности, преодоление которого – основная задача серии «Сибирская ссылка». Чтобы помнили...

Примечания

1. Щербаков Н.Н. Слово об учителе (отрывки из воспоминаний) // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). Сборник научных статей. Вып. 2 (14). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. С. 93-100.

2. Н.Н. Щербаков: ученый и педагог. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. 179 с.

3. Шостакович Б.С. Щербаков и научный сборник по истории сибирской политической ссылки (Опыт мемуарно-аналитической реконструкции). К 35-летию начала выхода сборника и 70-летию его ответственного редактора // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. С. 68.

4. Зуляр Ю.А. К вопросу об открытии в Иркутском государственном университете центра изучения истории сибирской ссылки // // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Выпуск 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. С. 96.

5. Суш С.П. Современное состояние системы исполнения наказаний Республики Бурятия // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 564-571.

6. Там же. С. 571.

7. Аникеев Н.Н., Гусарова Т.О. Производственная деятельность Отдела исправительно-трудовых колоний Министерства юстиции Бурят-Монгольской АССР в 1953 году // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). Сборник научных статей. Вып. 2 (14). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. 324 с. С. 283-287.

8. Гусарова Т.О. Некоторые вопросы организации производственной деятельности в местах лишения свободы Бурятии в конце 90-х гг. XX в. // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. 624 с. С. 559-564.

9. Бальжанов В.Ц. Профессионально-техническое обучение осужденных в исправительно-трудовых учреждениях Бурятской АССР в 50–60-е годы XX в. // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 3 (15). Иркутск: «Оттиск», 2006. 320 с. С. 92-94.

10. Гусарова Т.О. Структура мест лишения свободы в Бурятской АССР в 70-е гг. XX в. // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 3 (15). Иркутск: Оттиск, 2006. С. 105–108.

11. Гусарова Т.О. Политико-воспитательная работа и обеспечение условий отбывания наказания в местах заключения Республики Бурятия в 50–60-е годы XX в. // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. 532 с. С. 392-410.

12. Курас Л.В., Суш С.П. Очерки истории мест лишения свободы в Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 50-х гг.: структура и кадры учреждений заключения; характер режима заключения; организация трудовой деятельности в исправительно-трудовых колониях // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. 532 с. С. 340-392.

13. История пенитенциарной системы в Бурятии / Л.В. Курас, С.П. Суш, Т.О. Гусарова и др. Улан-Удэ: НоваПринт, 2007. 160 с.; Курас Л.В., Суш С.П., Гусарова Т.О. Уголовно-исполнительная система Бурятии (1923–1991 гг.). Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВСГАКИ, 2009. 263 с.

14. Петрушин Ю.А. История пенитенциарной системы в Бурятии: от наказания к покаянию // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. 532 с. С. 483-509.

15. Калинин Ю.А. От редактора // Уголовно-исполнительная система Бурятии (1923–1991 гг.) / Л.В. Курас, С.П. Суш, Т.О. Гусарова. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВСГАКИ, 2009. С. 3.

16. Кузнецов С.И., Афанасов О.В. Лагерь ГУЛАГа и ГУПВИ на территории Иркутской области // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. С. 410-435; Афанасов О.В. О составе и численности заключенных Особого лагеря № 7 МВД СССР (конец 1940 – начало 1950-х гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 526-531; Малков Ю.А., Суверов Е.В. Алтайский исправительно-трудовой лагерь (1943–1945 гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 537-544; Миронов А.Г. Седьмой особый (Озерлаг – Особый лагерь № 7) // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. С. 436-442.

17. Маменкова Е.С. «Спецконтингент» НКВД СССР – дополнительный источник трудовых ресурсов Красноярского края (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 544-553.

18. Наумов И.В. Политика «Большого террора» в Иркутском регионе (1936–1938) // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. 720 с. С. 510-525.

19. Курас Л.В., Суш С.П. «Десять лет без права переписки...» // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). Иркутск: «Оттиск», 2006. 320 с. С. 198-211.

20. Зуляр Ю.А. Жизнь и наука сквозь репрессии (к 130-летию со дня рождения В.Ч. Дорогостайского) // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 436-451; Кузнецов С.И. Репрессиро-

ванные востоковеды Иркутского университета: Н.П. Мацокин и Е.С. Нельгин // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 451-462.

21. Мильбах В.С., Чернавский А.Н. 1937 год, дело бригадного генерала Андреева // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск. 2011. С. 634-648.

22. Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 456.

23. Ивлева Т.В. Репрессивная политика против советских немцев в 1941–1955 гг. (на материалах Красноярского края) // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. 532 с. С. 442-454; Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья из Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. 624 с. С. 504-518.

24. Занданова Л.В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930–1950-х гг. // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). Иркутск: «Оттиск», 2006. 320 с. С. 130-141.

25. Наумов И.В. Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае (1930–1936 гг.) // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. 624 с. С. 463-468.

26. Иванов А.А. Предисловие // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). Иркутск: Оттиск, 2006. С. 10.

27. Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. 624 с. С. 480, 503.

28. Зберовская Е.Л. Сибирская ссылка этнических групп (1940 – середина 1950-х гг.): некоторые аспекты современного изучения темы // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. 720 с. С. 372-377.

29. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Сибирского военного округа, 1937–1938 гг. // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. 624 с. С. 468-480.

30. Мильбах В.С. Указ. соч. С. 480.

31. Бороздина Е.С. Репрессивная политика Советского государства в отношении несовершеннолетних (1935–1940 гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. 532 с. С. 333-339.

32. Бороздина Е.С. Указ. соч. С. 334.

33. Курас Л.В., Тушемилов В.К. Строительство органов государственной безопасности ДВР // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 553-568.

34. Казарин В.Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел «о контрреволюционных преступлениях» в годы Великой Отечественной войны и в после-

военные годы // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). Иркутск: «Оттиск», 2007. С. 454-482; Он же. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению дел о «контрреволюционных преступлениях» и уголовных дел в 1950-е гг. // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 545-558.

35. Какоурова Н.А. Кадровый состав органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1930-е годы // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 531-545.

36. Мильбах В.С. Органы военной юстиции СибВО в период политических репрессий 1937–1938 гг. // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 499-510.

37. Елеуханова С.В. Военизированной охрана Карлага как составная часть ГУЛАГА // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 518-531.

38. Курас Л.В. Запретная пограничная зона и правила въезда и проживания на территории Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР (1938–1954 гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 72-89.

39. Елеуханова С.В. Указ. соч. С. 519.

40. Там же. С. 520.

41. Какоурова Н.А. Указ. соч. С. 531-532, 545.

42. Казарин В.Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению дел о «контрреволюционных преступлениях» и уголовных дел в 1950-е гг. // Указ. соч. С. 558.

43. Мильбах В.С. Органы военной юстиции СибВО в период политических репрессий 1937–1938 гг. // Указ. соч. 500.

44. Там же. С. 509-510.

45. Иванов А.А., Кузнецов С.И. // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 5.

46. Николаев Э.А. Правовые основы деятельности Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях (1990-е – начало 2000-х гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 4 (16). Иркутск, 2007. С. 483-509.

47. Николаев Э.А. Указ. соч. С. 505.

48. Иванов А.А., Кузнецов С.И. // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 6.

49. Васильева Н.Ф. Роль Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в создании библиографии истории сибирской каторги и ссылки (по материалам сборников о сибирской каторге и ссылке Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев) // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 39–67; Она же. Музейная работа Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 449-463; Метёлкина Л.Н. К вопросу об особенностях социально-политического

статуса бывших политссыльных в 1920–1930-е годы (на примере Восточной Сибири) // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Отгиск, 2011. С. 463-498.

50. Шостакович Б.С. Указ. соч. С. 68.

51. Васильева Н.Ф. Указ. соч. С. 449.

52. Метёлкина Л.Н. Указ. соч. С. 476.

УДК 329.15(47)(091)+0,5/07(47)(091)

Н.Ф. Васильева

Влияние Коммунистической партии на издательскую деятельность Общества политкаторжан

Статья раскрывает основные формы и методы влияния ВКП(б) на издательскую деятельность Общества политкаторжан в 1920–1930-е годы. На основе новых архивных материалов показана постепенная большевизация редакций и авторских коллективов изданий Общества, и в первую очередь, журнала «Каторга и ссылка», воздействие официальной государственной идеологии на содержание, структуру и выводы научных публикаций Общества.

Ключевые слова: Коммунистическая партия, Общество политкаторжан, издательская деятельность, научная история большевизма, критика в рецензиях, «чистка» писательского состава.

N. Vasilyeva

Influence of Communist party on publishing of Society of political prisoners

Article opens the main forms and methods of influence of Communist party on publishing of Society of political prisoners in the 1920–1930th years. On the basis of new archival materials the gradual bolshevization of editions and groups of authors of editions of Society, and first of all, the Penal Servitude and Link magazine, impact of official state ideology on the contents, structure and conclusions of scientific publications of Society is shown.

Keywords: Communist party, Society of political prisoners, publishing, scientific history of the Bolshevism, the critic in reviews, «cleaning» of literary structure.

Важной задачей изучения истории Общества бывших политкаторжан является исследование перерождения демократического объединения бывших репрессированных революционеров, некогда принадлежавших к различным направлениям социалистической мысли, в подконтрольную ячейку ВКП(б). Созданные в разных структурах Общества коммунистические фракции, взяли под контроль научно-исследовательскую, издательскую, музейную, пропагандистскую, хозяйственную деятельность бывших политкаторжан и постепенно превратили его не в добровольное объединение, которое взяло на себя функции исследователя революционной истории (каторги и ссылки, а структуру для борьбы с политическим врагами: «троцкистами», «врагами народа», фальсификаторами истории и др.

Не все бывшие репрессированные революционеры были согласны с превращением Общества в отделение Коммунистической партии. Бывшая революционерка, невольница Шлиссельбургской крепости с двадцатилетним стажем, Вера Фигнер отказалась от членского билета Общества, направленного ей в честь ее 80-летия. (Правда, позже стала членом Общества.) Свой отказ она мотивировала тем, что является противницей смертной казни, не всегда одобряет деятельность ГПУ, она против «чистки» в Обществе и наличия политической фракции коммунистов и «подъяремного большинства, именуемого беспартийными, что является ненормальным и унижительным» [4, л. 27].

Бывшая анархистка О.И. Таратута в письме, направленном общему собранию Общества в 1924 г., заявила, что отказывается состоять членом Общества, которое исключает из своей среды бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, осужденных за политические убеждения существующей властью и горячо протестует против этого параграфа в уставе. На ее взгляд, члены ВКП(б) Общества думают «об объективной ценности истории иначе», явочным порядком проводят «свою политику в стены аполитического общества», ... «членам общества – коммунистам хочу еще раз напомнить, что история делается не только ими, хотя они и пытаются узурпировать ее, и не кончается история на них, хоть и гарцуют они на коне победителями» [1, с. 89].

Некоторые члены Общества заявили об отрицательном отношении к появлению в Обществе большевистской фракции, к влиянию ее на руководство, которое постепенно превратило его в придаток партийно-государственного аппарата, и добровольно вышли из его членов.

На 2-м Всесоюзном съезде Общества в декабре 1925 г. произошло окончательное признание факта подконтрольности Общества от Коммунистической партии. А.С. Пигит заявила от имени беспартийных, что они не возражают против руководства Коммунистической партии делами Общества и признают его [7, с. 62-63]. В.Д. Виленский-Сибиряков, будучи в то время заместителем старосты Общества и председателем правления издательства политкаторжан, признал, что конечно, фракция коммунистов есть, и с этим нужно раз и навсегда примириться товарищам беспартийным: «И если, судя по заявлению группы беспартийных, они согласны признать руководство коммунистической фракции, то это хорошо... У нас существует ответственность всего общества в целом, которая осуществляется формально нашим ЦС (Центральным Советом. – Н.В.) и его президиумом. И здесь немалую роль играет то партийное руководство, которое здесь как будто бы всеми признается» [7, с. 40].

Влияние Коммунистической партии на работу Общества нарастало с каждым годом. В решениях руководящих структур и съездов Общества четко прослеживались установки Коммунистической партии. После письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованного в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция», в стране развернулась борьба против «троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории». Перепечатав письмо в журнале «Каторга и ссылка», центральные структуры Общества приступили к обсуждению письма и выработки мер, необходимых для реализации директивных указаний партии и решений 4-го съезда Общества, состоявшегося в этом же году.

Особенно большое идеологическое влияние коммунисты оказывали на издательство политкаторжан, которое публиковало разнообразную литературу по истории революционного движения, истории каторги и ссылки. В январе 1932 г. коммунистическая фракция Центрального совета провела совместное заседание с издательством политкаторжан и журналом «Каторга и

ссылка», на котором главный редактор издательства И.А. Теодорович дал конкретную установку: «Письмо Сталина ... кладет очень определенную грань между той практической работой, которая имела место у нас до этого письма и теми установками, которые неизбежно вытекают из директивных указаний, которые мы имеем в письме т. Сталина» [5, л. 43].

Главная «вытекающая» установка, на взгляд И.А. Теодоровича, касалась написания научной истории большевизма, а значит, «косвенно» вела к «разработке» научной «предыстории большевизма» [5, л. 51]. Однако научная «предыстория большевизма» не всеми коммунистами Общества понималась одинаково. Сборник И.А. Теодоровича «Историческое значение партии «Народная Воля», вышедший в издательстве политкаторжан, подвергся критике Я. Шумяцкого. В нем, на взгляд Я. Шумяцкого, неправильно трактовалась история революционного движения и особенно роль «Народной Воли» в революции. Автор якобы приукрасил идеи «Народной Воли», «наводит глазурь» на народничество, а основные идеи Маркса и Ленина на народничество и народовольцев, как на мелкобуржуазную партию, смазывает и таким образом принижает научный социализм. В новой политической реальности это означало «идеологическое преступление».

Коммунистическая фракция Общества постоянно сверяла свой курс с курсом Коммунистической партии. Подведя итоги своей работы после 4-го съезда в апреле 1931 г. коммунисты заявили, что первая директива съезда была выполнена – увеличилось число авторов-марксистов в журнале «Каторга и ссылка»: до съезда в среднем насчитывалось 13 % авторов-коммунистов, к началу 1932 г. – 31 %, т. е. рост – в 2,5 раза, хотя идеал – 100 %. По мнению главного редактора издательства И.А. Теодоровича, только коммунист гарантирует верный анализ действительности, хотя оговорился, «но не обязательно, так как и коммунист может делать большие ошибки, как мы видели на примере Чужака» [5, л. 51]. Вторая директива съезда, по мнению коммунистов, также отчасти выполнена: больше внимания стало уделяться массовому движению, а не одиночкам революции – петрашевцам и террористам; если раньше 45 % работ было посвящено домарксистскому периоду, то теперь до-

марксистскому периоду уделялось 40 % статей, марксистскому – 60 %, сдвиг маленький, но тенденция есть [5, л. 51].

Камнем преткновения было выяснение вопроса о том, какой исторический период и какие проблемы революционной истории более предпочтительны для исследований в журнале «Каторга и ссылка». До смены ориентиров, изложенных в письме Сталина, в ЦК партии выработали свой подход по этому вопросу – каждому историческому изданию был дан определенный период революционной истории: журналу «Историк-марксист» изучать вопросы методологии истории, общие вопросы истории, историю Запада; журналу «Пролетарская революция» исследовать историю партии; «Борьба классов» должен исследовать широкую историческую тематику; «Каторге и ссылке» сосредоточиться на истории каторги и ссылки и истории революционного движения до возникновения партии. Однако критика, развернувшаяся в рецензиях в отношении журнала, призвала сместить приоритеты «Каторги и ссылки». Рецензент К. Костко в статье «Об ахиллесовой пяте» тов. Теодоровича и гнилом либерализме», опубликованном в журнале «Большевик», обвинял редакцию журнала «Каторга и ссылка» в грубейших ошибках в «теории» периодизации истории революционного движения: разделении на «предысторию» и собственно историю партии. Редактор И.А. Теодорович обвинялся в сползании на оппортунистическую трактовку вопроса о революции 1905 г. в статье «От диктатуры помещиков к диктатуре пролетариата», где он отрицал наличие самостоятельной большевистской партии в 1905 г., тем самым извращал стратегию и тактику пролетарской партии в революции и поддерживал клеветников и фальсификаторов истории большевистской партии [3, с. 120-126].

На взгляд рецензента П. Казанского, журнал «Каторга и ссылка» публикует «вредные антипартийные» статьи, грубо извращающие историю большевизма. Рецензент заметил, что статьи «пишутся бывшими меньшевиками и эсерами и нередко с прежних своих позиций», отсутствует политически четкий анализ борьбы классов и роли партии в революции, преобладают статьи, относящиеся к периоду народничества. Автор в рамках усиления «большевистской бдительности» призывал разрабатывать более поздние периоды рабочего движения, вести борьбу с

фальсификаторами истории, повышать партийную ответственность редакции [2, с. 122-128].

Е. Ярославский, староста Общества, однажды имел разговор с секретарем ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем, который подтвердил установку ЦК партии: «Каторга и ссылка» должен заниматься историей каторги и ссылки и историей революционного движения до возникновения партии, и «никто не вправе менять тематику журнала кроме ЦК партии». Однако в новой политической реальности вопрос поднимался вновь и вновь. На упрек, что в изданиях помещаются воспоминания народников, руководитель Общества ответил, что журнал был основан с расчетом на то, чтобы дать возможность высказаться представителям всех революционных направлений, «... мы должны следить за тем, как освещается это прошлое, ... мы должны корректировать всякого рода попытки ... давать апологетику утопическим и другим антимарксистским, антиреволюционным теориям» [4, л. 27]. Поэтому вопрос о смене тематики – уделять больше внимания массовому движению – с момента возникновения партии, ставил Общество в двойственное положение.

Третья резолюция съезда касалась малого количества и низкого качества исследовательских статей. Заседавшие коммунисты и сами признавались, что главный минус журнала «Каторга и ссылка» – наличие «сырого» материала, отсутствие обобщающего ума или «такого коллективно-работающего аппарата, который мог бы этот материал «перечеканить» в ряд интересных обобщающих статей». Отсутствие «обобщающего ума или коллективно-работающего аппарата», означало недостаток способных авторов. Недостаток авторов есть недостаток самый яркий, признал главный редактор И.А. Теодорович: «Пишут мало и надо сказать по совести, пишут товарищи третьего сорта... Грамотные люди видят, что пишет совершенно беспомощный человек. Что делать товарищи? Выправляем, мараем. Другого выхода нет» [4, л. 53].

Невысокий уровень образования основной массы бывших репрессированных революционеров, по своей воле ставших историками-самоучками, поставил перед редакцией журнала «Каторга и ссылка» сложную задачу: научить бывших невольников писать мемуары, научные статьи, работать с документами. Коммунисты Общества выдвинули идею создания студий,

где пролетарских писателей будут обучать писать исторические статьи профессионалы – опытные «литераторы». Идея была не нова – такая практика создания студий в 20–30-е гг. XX в. осуществлялась различными общественно-пропагандистскими организациями по всей стране.

В свете новых установок коммунисты пытались реально оценить свои силы, на их взгляд – страшно трудно довести исследовательские статьи до 90 % всего объема печатной продукции, мемуары и документы – до 10 %, хотя сдвиг налицо, до съезда на исследования приходилось 43 % продукции, на мемуары и документы 57 %, сейчас исследования составляют 49 %, мемуары и документы 51 % [4, л. 53-54]. Вся проблема, по мнению коммунистов, заключалась в нехватке авторов, несмотря на честно проведенные в жизнь три основных требования съезда: увеличение числа коммунистов, увеличение числа исследовательских статей, увеличение числа статей по массовому движению.

Под контроль коммунистов была поставлена еще одна проблема, связанная с редакционно-издательским делом – нехватка рецензентов и редакторов по разным темам революционной истории. Задумка Общества издать труды классиков революционной мысли Бакунина, Ткачева, Кропоткина натолкнулась на трудности поиска специалистов для исторической и политической оценки их произведений. Тем не менее, выход был найден, каждому редактору было дано задание «специализироваться» на определенном историческом периоде, чтобы быть «подкованным на все четыре ноги»: декабризме, петрашевцах, долгушинцах, на «хождении в народ». Например, И.А. Теодорович специализировался на народовольчестве, М.М. Константинов на декабризме. Деятельность нашего журнала, подчеркивали коммунисты, всеобъемлюща, поэтому нужно иметь десяток хорошо образованных, к тому же политически подготовленных авторов. Для усиления научного потенциала были намечены молодые кадры из членов Общества: Генкина, Поташ, Гегель, а также известные историки Крамольников, Голубков, Черномордик и Максаков [4, 60-62].

Для проведения политики правящей партии коммунисты задумали усилить связи журнала «Каторга и ссылка» и издательства с научно-исследовательскими институтами страны. Напри-

мер, в ходе подготовки сборника «100 лет Якутской ссылки» к 10-летию Якутской Советской республики в качестве авторов были приглашены «делегаты» из Общества историков-марксистов. В итоге, издание в какой-то части отошло от задач освещения ссыльной тематики, в него попали материалы, ориентированные «на злобу дня»: М. Б-ский «Современное состояние ЯАСС и перспективы ее дальнейшего развития». В рамках выполнения решений 4-го съезда были пересмотрены материалы некоторых номеров журнала «Каторга и ссылка».

Однако работа главного редактора издательства И.А. Теодоровича по «усовершенствованию политического лица» и организационных вопросов редакции подверглась критике. Коммунист Бублеев на одном из заседаний фракции грозно заявил, что особенно мало изменений произошло в деле изданий Общества «историко-революционной библиотеки» и «дешевой библиотеки». Несмотря на указание 4-го съезда Общества, на его взгляд, не была проведена «чистка» писательского состава, в результате были изданы книги двух политически не подкованных авторов – Колосова и Николаевского [4, л. 75]. Коммунист Трифонов внес свое предложение в дело совершенствования редакционно-издательского дела. По его мнению, нужно «обольшевичивать» не только руководящий и авторский состав, но и «в смысле установок, в смысле методов, в смысле руководства работы... надо, чтобы журнал стал большевистским» [4, л. 90].

Председатель правления издательства Я. Шумяцкий на заседании выступил в защиту журнала и издательства, а с другой стороны, был вынужден согласиться с недостатками и призвал видоизменяться. Заниматься декабристами и петрашевцами было определено рамками издательства, напомнил он, однако нужно обращать внимание на то, как преподносится материал. Благодаря традициям, существующим в Обществе, где «живут» люди различных политических убеждений, на это смотрели сквозь пальцы, хотя примечания и предисловия «перекрывали» какое-нибудь возмутительное политически вредное содержание. «Мы давно уже чувствовали, что надо видоизменяться, и конечно мало изменились... Этот вопрос владел нами, ... всегда беспокоил нас. Но одно дело хотеть и другое дело уметь. Надо признать, что мы не умели и в этом вся беда ... Мы должны повернуть дело таким образом, чтобы сказать, как исторически,

диалектически период декабристов, период петрашевцев перешел в большевизм» [4, 92-93].

После обсуждения коммунистическая фракция приняла резолюцию, в которой подчеркивалось, что в работе редакции и издательства есть «некоторые достижения», но есть и «недочеты». В качестве достижений указывался рост количество авторов-коммунистов; рост числа работ, изучающих массовое движение за счет работ, трактовавших «историю революционных групп домарксистского периода»; проявление бдительности «с целью недопущения использования страниц изданий в качестве трибуны для взглядов политически вредных и неприемлемых с точки зрения марксистско-ленинской исторической науки»; чаще применялся способ примечаний, комментариев и предисловий. Фракция отметила, что это является достижением и прямым результатом неуклонного и систематического внимания к редакционно-издательским вопросам, какое проявляет Общество, его ревизионная комиссия и Центральный совет под руководством коммунистической фракции. В недочеты коммунистическая фракция записала недостаточное проявление классовой бдительности, о которой говорилось в письме Сталина. Поэтому коммунисты наметили пересмотреть план редакции и издательства на 1932 г., запланировали в месячный срок пригласить в члены редакции коммуниста, подвергнуть марксистско-ленинской критике работы, в которых были допущены политические ошибки и «искривления», превратить библиографический отдел журнала «Каторга и ссылка» в «боевой политический отдел», помогающий марксистско-ленинскому воспитанию пролетарских масс [6, л. 1-2].

Об ответственности за реализацию основных установок главы государства и партии и рекомендаций 4-го съезда Общества заявили коммунисты Центрального Совета Общества. На заседании 8 января 1932 г. член ЦС Крамаров подчеркнул, что из письма Сталина вытекают новые задачи работы журнала «Каторга и ссылка»: борьба с центристами, троцкистами, с люксембурьянством, показывать роль Ленина в пролетарском движении «ориентируясь на те проблемы, которые освещаются в журнале». Таким образом, задачи возрастали – одновременно вменялось выполнять и политические функции – бороться с политическим искривлениями, и одновременно – писать историю каторги и

ссылки с точки зрения марксизма, и показывать роль Ленина в революционном движении [5, л. 102].

Мучник поставил вопрос о самотеке в редакции и недостатках авторского коллектива. Проблема заключалась в нехватке «политически грамотных» авторов в свете новых указаний. По его мнению, молодых писателей нужно прикрепить к научно-исследовательским секциям и к старым партийцам. Зря «пестовали» и учили беспартийных, нужно учить молодых литераторов из большевиков, они литературно менее грамотны, чем беспартийные, но они более «крепкие революционные работники». Мучник покритиковал редакцию за «беззубость», за неумение выпячивать роль большевиков, как организаторов первой русской революции [5, л. 104-105].

Шпилев призвал к «моменту бдительности». По его мнению, издательство выпускает «книжки», которые никакой пользы не принесут для изучения «предыстории» большевизма. В них, по его мнению, обращается внимание на провокаторов, и таким образом воспитывается интерес к провокационным делам. В одном из номеров «Каторги и ссылки» за 1931 г. рассказывается об истории революционного движения в Амурской области и революционере Алексееве, но ничего не сказано о том, что он после свержения советской власти вешал большевиков; бывший ссыльный народоволец Пьянков был владельцем водочного завода. По мнению Шпилева, печатается всякий жандармский хлам, без критического отношения. Например, помещен список лиц, причастных к террористической деятельности и к военной организации, в том числе меньшевиков. Сердитый выступающий даже предложил полностью распустить редакцию, поскольку ответственность за ее работу несут коммунисты [5, л. 113-114].

Карикатурной формой на письмо Сталина назвал выступление предыдущего оратора Деготь, который был не согласен с тем, что все напечатанное за последнее время в Обществе политкаторжан нельзя принести рабочему на завод, на выставку. На его взгляд, это создает паническое настроение. Но Деготь и сам высказал «карикатуру», он предложил «выбросить» некоторые книжки о XVII в. – о Степане Разине и крепостном праве, так как, по его мнению, они не соответствуют политическим требованиям. В поле его зрения попал также сборник «На

женской каторге», авторами которого были бывшие политкаторжанки Нерчинской каторги. На его взгляд, «книжка» куда вреднее и контрреволюционнее, чем статья Чужака, поскольку одна из авторов необоснованно восхваляла каторжанку Каплан, которая стреляла в Ленина [5, л. 115]. Нерчинское землячество, куда входили авторы-женщины, бывшие политкаторжанки, решило действовать «в интересах исторической правдивости» и не запрещало печатать материалы о бывших репрессированных революционерках «от подлинных революционеров для тех, кто малодушно изменил красному знамени, отойдя от революции или даже перейдя в лагерь ее врагов». Критически настроенный автор, договорился до того, что стал обвинять редакцию в отказе печатать статьи большевиков. Раньше, на его взгляд, в журнале печатали только статьи эсеров и народническую литературу, статьи же большевиков почти не допускали под «разным соусом»: то якобы запрещали печатать темы о послереволюционном периоде, то до 1917 г. тоже не печатали. Таким образом, демократические традиции, существовавшие в Обществе в первые годы его деятельности, под давлением политической системы подверглись искажению.

Остудить горячие головы коммунистов, бывших репрессированных, претендовавших на разработчиков революционной истории России, взялся старый большевик, историк партии В.И. Невский. Он в 1921 г. возглавил Петроградский Истпарт и подготовку журнала «Красная летопись», стал одним из редакторов «Биобиблиографического словаря деятелей революционного движения в России от предшественников декабристов до падения царизма», вышедшего в «Издательстве политкаторжан». Как профессиональный исследователь, он понимал, что документы, как исторические источники, имеют ценность, в том числе, и так называемый «жандармский хлам». На заседании коммунистической фракции Центрального Совета он был вынужден поучить своих соратников исследовательскому делу: даже «жандармский хлам» позволит сделать важные выводы, но документы необходимо комментировать, «толковать» и подвергать исторической критике [5, л. 122]. Кроме того, он не согласился с точкой зрения о подготовке молодежи к авторству – такая попытка уже была и потерпела неудачу [5, л. 126].

Особенно в тяжелом положении в условиях перестройки исторической науки в угоду партии и системе оказался главный редактор издательства И.А. Теодорович. Он часто подвергался необоснованной критике. Его критиковали за то, что он то «загушевывает», то «зажимает», или вовсе не дает критики. Поэтому был вынужден защищаться – «я всегда давал объективную истинную картину» [5, л. 134]. На предложение Трифонова «обольшевичивания» изданий он высказал свою трактовку. По его мнению, в «обольшевичивание» можно вложить три различных содержания. Первое, с марксистско-ленинских позиций подойти к рассмотрению движения декабристов, петрашевцев, народников. Второе, писать больше статей о борьбе с троцкизмом, центризмом, люксембурьянством, примиренчеством. Однако, такой подход не правильный, так как аппарат журнала «Каторга и ссылка» не сможет справиться с этой темой. Третье, писать статьи на современные темы о коллективизации, индустриализации, о пятилетке в четыре года [5, л. 139]. И.А. Теодорович высказался только за реализацию первой позиции. Центральный Совет был вынужден признать, что трудностей в редакционном деле полно, редакция слаба качественно и количественно, нет конкретных знаний, поэтому надо еще раз пересмотреть план работы и нагрузку авторов [5, л. 145]. Обсуждение редакционно-издательской политики Общества постепенно перешло в плоскость обсуждения вопроса о роспуске и выборах новой редакции. В ходе заседания высказывались предложения о замене И.А. Теодоровича, два раза проходило голосование, но до конца вопрос не был решен [5, л. 151].

Вал проблем, связанных с редакционно-издательской работой Общества, заставил коммунистов все чаще обсуждать эти вопросы и принимать необходимые решения. Например, в резолюции заседания коммунистической фракции Центрального Совета и ревизионной комиссии от 12 февраля 1932 г., были отмечены некоторые достижения в работе редакции и издательства политкаторжан: рост авторов-коммунистов (с 13 % до 31 %), рост процента работ, посвященных изучению массового движения за счет работ, трактовавших историю революционных групп домарксистского периода, рост числа работ связанных с изучением истории партии и Октябрьской революции, чаще стали помещаться примечания, комментарии и предисловия в

изданиях. Особо была отмечена «большая бдительность» Общества с целью не допустить использования страниц изданий в качестве трибуны политически вредных взглядов с точки зрения марксистско-ленинской истории партии. Особо подчеркивалось, что все достижения явились прямым результатом неуклонного и систематического внимания к редакционно-издательским вопросам, которое проявляет Общество под руководством коммунистической фракции [6, л. 1-2]. В марте 1933 г. С.Ф. Корочкин, один из членов редакторского коллектива «Издательства политкаторжан» и член Центрального Совета Общества, следуя политической конъюнктуре, настаивал на идеологических принципах изучения истории каторги и ссылки. По его мнению, если мы хотим быть воспитателями подрастающего поколения, то мы должны предъявлять к себе повышенные требования и в деле изучения истории каторги и ссылки, должны изучать ее под углом зрения и в духе марксизма-ленинизма.., здесь нельзя держать принцип, кто как хочет, так и трактует вопросы, связанные с изучением каторги и ссылки.

В апреле 1933 г. на заседании коммунистической фракции президиума Центрального Совета И.А. Теодорович еще раз защищал редакцию и журнал «Каторга и ссылка». Он подчеркнул, что нападки на журнал в рецензиях относятся к прошлому, за последний год журнал улучшается. В доказательство он привел резолюцию ЦК партии, где отмечены заслуги: создание особой тематики журнала, налаживание литературно-научной работы. Особая гордость журнала, подчеркнул автор, статья о К. Марксе. Похвалу за статью журнал получил от молодых ученых института Ленина, Маркса и Энгельса. «Эти ученые говорят: вот молодцы политкаторжане. Они выпустили самый лучший интересный номер по дням Маркса». Автор даже заявил, что критическая статья-рецензия Костко устарела. В доказательство он привел высказывание Хавинсона, который на вопрос «какие оргвыводы последуют?», ответил, что никаких оргвыводов [5, л. 170].

Таким образом, усиление влияния коммунистических фракций в Обществе нарастало с каждым годом. В решениях руководящих структур и съездов Общества четко прослеживались установки коммунистической партии: «моменту бдительности»; борьбы с политическим искривлениями: с центристами,

троцкистами, с люксембурьянством. Поэтому политкаторжане подчеркивали рост числа работ авторов-коммунистов; искали оптимальный вариант «обольшевичивания» изданий. По поводу «обольшевичивания», высказывались разные точки зрения, но вопрос свелся к необходимости с марксистско-ленинских позиций рассматривать историю каторги и ссылки, движение декабристов, петрашевцев и народников. Постоянное доказательство преданности идеям большевиков выработало в Обществе необходимость заискивания перед политической системой. Приходилось направлять издательскую работу так, чтобы представить нужную статистику: показывать рост числа работ авторов-коммунистов, рост работ, посвященных изучению массового движения, рост числа работ по истории партии и Октябрьской революции.

На заре советской исторической науки шел поиск методов написания научной истории большевизма, что заставило непрофессиональных историков расширить тематику за счет «разработки» научной «предыстории большевизма». Однако научная «предыстория большевизма» авторами-коммунистами Общества понималась по разному. И.А.Теодорович, автор сборника «Историческое значение партии «Народная Воля», был обвинен в том, что «наводит глазурь» на народничество и принижает научный социализм Маркса и Энгельса и Ленина.

Особенно большое влияние на издательскую деятельность оказало письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Отныне издательская работа Общества была подчинена задачам изучения истории каторги и ссылки в духе марксизма-ленинизма, а это означало: не допускать использования страниц изданий в качестве трибуны политически вредных взглядов, рассматривать революционную историю с позиции «как исторически, диалектически период декабристов, период петрашевцев перешел в большевизм». Невозможность в новой политической реальности трактовать вопросы, связанные с изучением каторги и ссылки в соответствии со своими идеологическими принципами, привели к сужению издания материалов ссыльной тематики и, в конечном счете, к закрытию Общества.

Примечания

1. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. М: «Звенья», 2004. 400 с.

2. Казанский П. Больше большевистской бдительности (О журнале изд-ва политкаторжан «Каторга и ссылка» № 2, 11-12 за 1931 г., № 1, 3, 5, 7, 10, 11-12 за 1932 г., № 2, 3 за 1933 г. / П. Казанский // Борьба классов. 1933. № 5. С.122-128.

3. Костко К. «Об ахиллесовой пяте» тов. Теодоровича и гнилом либерализме. (По поводу № 11-12 за 1931; 2 и 3 за 1932 г. журнала «Каторга и ссылка») / К. Костко // Большевик. 1932. № 11-12. С. 120-126.

4. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 5. Д. 42.

5. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 58.

6. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 60.

7. 1825–1905–1925: Сто лет политической каторги: 2-й Всесоюзный съезд политкаторжан, 26–29 декабря 1925 г. М., 1926. С. 62-63.

Источниковедческие проблемы изучения сибирской ссылки

УДК 9(47)«1825»:930.1

А.К. Бобков

Обзор некоторых историографических источников изучения движения декабристов (1825–2010 гг.)

Настоящая статья представляет обзор исторической литературы о движении декабристов в нашей стране в различные эпохи. Автор выделяет основные направления разработки этой обширной научной проблемы, подводит некоторые итоги исследований, анализирует перспективы.

Ключевые слова: декабристы, движение, история ссылки, государственные преступники, досоветский период, советский и постсоветский периоды, труды, статьи, В.И. Семевский, В.О. Ключевский, А.И. Пыпин, М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин, В.А. Федоров, Г.П. Шатрова, С.Ф. Коваль, Т.А. Перцева, научные центры и школы, историография декабризма.

А.К. Bobkov

Review of some historiographic sources of studying of movement of Decembrists (1825–2010)

The present article submits the review of historical literature on movement of Decembrists in our country during various eras. The author allocates the main directions of development of this extensive scientific problem, sums up some results of researches, analyzes prospects.

Keywords: Decembrists, movement, link history, state criminals, pre-Soviet period, Soviet and Post-Soviet periods, works, articles, V. I. Semevsky, V. O. Klyuchevsky, A.I. Pypin, M. V. Nechkina, N. M. Druzhinin, V.A. Fedorov, G. P. Shatrova, S.F. Koval, T.A. Pertseva, scientific centers and schools, decembrism historiography.

Письменные исторические и историографические источники движения декабристов появляется вскоре после восстания 14 декабря 1825 года. Первыми по времени были изданы работы, отражавшие официальную точку зрения на проблему. Они принадлежат царским чиновникам, работникам суда и следствия.

В манифесте Николая I читаем: «Не в свойствах и не во нравах русских был сей умысел, составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательностью дерзновенную, но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно» [36, с. 109].

В обстановке нарастающего либерально-демократического движения в обществе появилась книга барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» [27]. Она была официально-охранительной. Два ее издания имели тираж по 25 экземпляров. В 1857 году вышло третье ее издание – первое для публики. Книга была издана в противовес мнению тех, для кого облик декабристов стал почитаемым и притягательным, память о них хранилась в либеральном, демократическом движении. Их называли борцами за свободу. На примере декабристов воспитывались многие революционеры России, их чтили в восставшей Польше. Умалая опасность, глядевшую на Николая I 14 декабря 1825 года, официальная пропаганда умалая и восстание декабристов.

В ходе суда и следствия Николай I заявил маршалу Веллингтону: «Я удивлю Европу своим милосердием» [66, с. 102]. Следственный комитет вынес жестокие приговоры большому числу декабристов, пятерых приговорили к смертной казни через повешение, а Николай I «смягчил» приговор и многим из приговоренных к казни назначил каторгу и ссылку.

В. О. Ключевский писал: «Декабристы – историческая случайность, обросшая литературой» [22, с. 73, 86, 87]. Историк считал, что восстание декабристов оказалось возможным во

многим благодаря Отечественной войне 1812–1814 годов и походу русских войск в Европу и во Францию, а также впечатлениям, полученным в заграничном походе.

Декабристы опередили свое время, историческую поступь на 36 лет. 14 декабря 1825 года раскололо высшее российское общество на два лагеря. Один – это царь Николай I, его окружение, а второй – декабристы, часть их родственников, друзей.

«Чувство страха мощно овладело Николаем Павловичем с памятного дня 14 декабря, – писал П.Е. Щеголев. – Боязнь, как бы следствие чего-либо не оставило неоткрытым, заставила Николая Павловича стать во главе следственной комиссии, заставила не только неустанно следить за всеми ее действиями, но и самому опуститься до роли производящего дознания, самому чинить допросы, самому давать приказания об арестах, самому распорядиться о порядке содержания» [69, с. 31].

Н.И. Тургенев, бывший член Союза Благоденствия и Северного общества, в момент восстания оказался за границей, но, несмотря на требования правительства, отказался вернуться в Россию. В своих работах [60, 62] он пытался доказать, что в тайном обществе не было ничего противозаконного, тайного общества никогда не было, а потому наказывать за намерение нельзя.

А.Н. Пыпин, несмотря на отрицание революционно-демократического характера движения декабристов и мнение о вооруженном восстании 14 декабря 1825 года как о чистой случайности и «роковой ошибке», в своей книге «Общественное движение в России при Александре I» [53] показывает декабристов в действии.

В статье «Евгений Онегин и его предки» Ключевский писал о восстании 14 декабря как о «ненормальном явлении», о декабристах он отзывался как о людях, не знавших «русской действительности» и принадлежавших к разряду умной ненужности [23, с. 73, 86, 87]. На этом фоне действия декабристов казались ненужными, принесенными извне.

Ленинские воззрения о декабристах даны в его работе «Гонители земства и аннибалы либерализма» [30, с. 89]. Он приходит к выводу, что тактика запугивания и беспощадной расправы с революционерами сочеталась одновременно с подкупом реформами крестьянских масс. Эта политика успешно применялась

царским правительством как эффективный способ борьбы с революционно-демократическим движением как внутри страны, так и за рубежом.

В 1902 году В.И. Ленин писал: « ... странные русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, никогда не считали его «практическим вопросом», – народники, бунтари и пр. потому, что хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции. На нашу долю, на долю социал-демократов выпало распространить требование республики в массы и создать республиканскую традицию среди русских революционеров» [31, с. 326-327].

Общеизвестна мысль В.И. Ленина об ограниченности, узости и непоследовательности декабристов [32, с. 59]. Декабристы интересовали Ленина и в качестве иллюстрации последовательной смены этапов освободительного движения. Его работы открыли новую страницу в историографии движения декабристов – марксистско-ленинскую: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» [33, с. 9].

Статью «Памяти Герцена» завершают знаменитые слова о трех поколениях революционеров: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» [33, с. 15].

Среди дореволюционных исследований о декабристах большое значение имели работы В.И. Семевского «Декабристы-мasons» и «Политические и общественные идеи декабристов» [57, 60].

Во второй работе В.И. Семевский, поставив перед собой задачу изучить идейную основу декабризма, обратил все внимание на политическое и общественное мировоззрение дворянских революционеров. Он наметил для исследования большое количество вопросов, в том числе отношение декабристов к судебным реформам, преобразованиям в военной области, свободе печати и положению крестьян.

В трехтомнике «Сибирь и каторга», вышедшем в 1871 году, С.В. Максимов в последнем томе пишет о педагогической, хозяйственной деятельности декабристов в Сибири, а также об их женах, разделивших и облегчивших участь изгнанников [35]. Побывав в Сибири, проехав по следам декабристов, встречаясь с сибиряками, которые не понаслышке знали о жизни декабристов в Сибири, на поселении, он заключает: «...декабристы являются защитниками народа против злоупотребления администрации ..., обуздывая низшую администрацию нравственным своим влиянием...» [35, с. 334-335].

Отмечая моральные, нравственные качества декабристов, С.В. Максимов делает вывод о большом культурном воздействии, духовном влиянии их не только на «простой» народ, на сибиряков, но и на представителей сибирской администрации. С.В. Максимова принадлежат статьи об отдельных декабристах – Д.И. Завалишине, Н.А. Бестужеве, с которыми он лично был знаком.

С.В. Максимов [34] публикует в «Отечественных записках» статью, где высоко отзывается о деятельности Д.И. Завалишина в Сибири и, в частности, о его статьях, посвященных освоению Амурского края.

По примеру кяхтинского Орлова и иркутского Виноградского и я затеял в Тунке рукописную газету, которую и посылал в Иркутск – столицу Сибири, и в Урик – столицу декабристов, к княгине М.Н. Волконской» [63, с. 198]. Это строчки Семена Ивановича Черепанова. Он был знаком со многими декабристами.

В 1906–1907 годах М.В. Довнар-Запольский, историк, этнограф, фольклорист, экономист, основоположник белорусской национальной историографии выпустил три книги, имевшие либеральную направленность, и знакомившие читателей с документами следственного дела декабристов, не лишенных, однако, и фактических ошибок [8, 9, 10].

В 1907 году появилась работа М.Н. Покровского и К. Левина «Декабристы», написанная для многотомной «Истории России» книгоиздателей братьев А. и И. Гранат, где отмечалось отсутствие революционности у декабристов, корыстный характер выступления дворян.

В 1911 году вышел третий том «Русской истории с древнейших времен» М.Н. Покровского [52]. В главе, посвященной де-

кабристам, Покровский разоблачает «легенду о декабристах», показывает их движение как застывшее и неподвижное явление.

Досоветская историография таким образом нередко стремилась принизить роль декабристов в общественно-политическом движении, общественно-политической жизни страны, показать никчемность, незначительность и случайность «бунта» малой кучки лиц, не имевших никакой поддержки.

По существу, подлинное исследование жизни и деятельности декабристов, стало возможным только после Октября 1917 года. Толчком к нему послужило широкое празднование 100-летнего юбилея восстания на Сенатской площади. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и политических ссыльных в 1920-х гг. возглавило большую работу по выявлению, сбору и систематизации имевшихся на тот период времени всевозможных и разноплановых сведений об участниках выступления 1825 года. В середине 1920-х – первой половине 30-х годов Общество издавало журнал «Каторга и ссылка», где публиковались статьи историко-биографического и мемуарного плана о декабристах, давалась оценка из жизни в период сибирской каторги и ссылки.

«Правильно понять все эти стороны политической каторги разных периодов, указывал один из историков Общества М.М. Константинов, – можно только в свете происходящих в стране классовых сдвигов и изменений всей обстановки классовой борьбы. Без этого мы получим не историю политкаторги, а собрание более или менее значительных, интересных или в той или иной степени достоверных эпизодов». Далее автор задается вопросом: «Почему, например, на строгость каторжного режима, мы замечаем почти полное отсутствие активных выступлений против него со стороны декабристов, – если исключить историю с заговором Сухинова?..» [26, с. 62]. По мнению Константинова, декабристы на каторге активных действий не вели и вообще их нельзя считать подлинными революционерами и политкаторжанами.

В конце 1920–1930-х годах разностороннее, кропотливое исследование творчества декабристов проделал П.Е. Щеголев. Он начал изучение движения декабристов еще в 90-е годы XIX столетия. Писал о Владимире Федосеевиче Раевском, о связях А.С. Грибоедова и декабристов, а также о М.Н. Муравьеве, П.Г. Каховском, об агитационной литературе декабристов и, в част-

ности, о катехизисе Сергея Муравьева-Апостола, о труде декабриста А.О. Корниловича, написанном в крепости, о декабристе Ф.П. Шаховском, а также о Николае I и М.М. Сперанском [68]. П.Е. Щеголев открывает для своего современника массу ценного материала о движении декабристов, и в частности, делает историографический обзор движения. Ему принадлежит разработка темы «Пушкин и декабристы» [70]. Большое значение также имела работа Н.М. Дружинина о Никите Муравьеве, некоторые другие его работы [11, 13, 14]. Через историю жизни Муравьева Н.М. Дружинин создал труд, где исследована идеология и тактика «Северного общества».

В советский период декабристоведение прошло три разных и неоднозначных временных отрезка. Это 1917–1930, 1930–1950, 1950–1991 годы. Можно выделить и три центра декабристоведения – это московский, ленинградский, новосибирский и иркутский.

Год 1925-й. Юбилей восстания на Сенатской площади. Среди прочих работ появляются очерки Л.М. Рейснер, объединенные в цикл «Декабристы». Очерки публицистичны, интересны и глубоко своими оценками. Лариса Михайловна верно отмечала: «...За семидесятишестилетним наблюдали, как за опасным преступником. И. Штейнгель еще раз посмеялся над этим грубым солдатским режимом. Чувствуя приближение смерти, он написал и спрятал от сыщиков свое настоящее политическое завещание» [54, с. 399].

Часть историков декабризма с особой внимательностью регистрировали случаи отступничества в среде декабристов на каторге и в ссылке, проявления душевного надлома, скептицизма. Так, М.Н. Покровский [51, с. 102] утверждал, что декабристы после декабристской катастрофы «сожгли свои корабли» и полностью капитулировали.

Свой весомый вклад в историографию темы «Декабристы в Сибири» внесли историки, работы которых появились после юбилея – это Н.М. Дружинин [12], М.В. Нечкина [44], Ю.Г. Оксман [46], С.Я. Штраих [67], С.Я. Гессен [6]. Так, Дружинин, касаясь историографии темы «Декабристы в Сибири», писал: «Использовать данные личной биографии для широкого социологического обобщения, подметить в изучаемом деятеле (его идеологии и деятельности) типичные, повторяющиеся черты,

которые проливают свет на современные ему социально-политические процессы. Личность должна быть выдвинута в общую перспективу эпохи и понятий в ее временной классовой обусловленности. Живое, конкретное изображение должно быть всецело подчинено этой социологической задаче, всесторонне помогая ее успешному разрешению... Именно здесь, в сибирском периоде жизни и деятельности декабристов, мы должны искать интересующие нас данные в преемственной связи сменяющихся революционных поколений» [11, с. 6, 9-10]

Академик М.В. Нечкина исследует политическую и публицистическую стороны деятельности декабристов в Сибири. Она пишет о политических акциях декабристов – это и Зерентуйский заговор, и публицистическое единоборство М.С. Лунина. М.В. Нечкина отмечает «Декабристы оставили незначительный след в культурной истории Сибири» [41, с. 447], а далее следует логическое противоречие. Уже в следующем абзаце Милица Васильевна пишет: «Выйдя на поселение по отбытии каторги, они устраивали школы, распространяли среди населения сведения по сельскому хозяйству и ремеслу, организовывали во многих отношениях образцовые для того времени хозяйства» [41, с. 447]. И далее: «общение декабристов с народами Сибири содействовало историческому продвижению последних – недаром благодарная память о них сохранена в якутском и бурятском народах» [41, с. 448].

Милица Васильевна много сделала для исследования просветительской деятельности декабристов в Сибири. «Особо надо упомянуть о Ялutorовском кружке И.Д. Якушкина, – пишет историк, – в котором участвовали Басаргин, Ентальцев, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский, Пущин и Тизенгаузен. Эти декабристы во главе с Якушкиным много сделали для просвещения местного населения. Якушкин основал два училища – одно для мальчиков (в 1842 г.), другое – для девочек (в 1846 г.). Преподавание велось на основе взаимного обучения, по известной ланкастерской системе (взаимной системе обучения). Несмотря на то, что училища назывались «приходскими», программа была довольно обширна: преподавались, например, начальная алгебра, геометрия, механика» [41, с. 447-448]. И, конечно же, такая просветительская работа приводила к тому, что «вокруг декабристов создавалась сочувствующая социальная среда, за-

вязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов» [41, с. 448], т. е. постепенно в сибирских городах и селениях шла работа по формированию общественного самосознания.

В середине 1970-х годов М.В. Нечкина выделила в декабристоведении целый ряд важнейших задач, решение которых, на наш взгляд, остается по-прежнему актуальным. В их числе следует назвать: «тщательное выявление первоисточников»; далее – «...хорошо подготовленные и организованные публикации главных архивных комплексов темы»; затем «...составление полной библиографии опубликованных работ о декабристах в Сибири» и эта задача «...успешно разрешается» [45, с. 7-8].

Особо выделяет М.В. Нечкина задачу изучения «деятельности декабристов в Сибири и объективное значение ее для богатейшего, но еще в те времена мало продвинувшегося в развитии своих производительных сил края. Тут должны быть различные темы, – пишет она, – от насаждения новых культур в земледелии и новых производственных отраслей до просветительских мероприятий включительно». Кроме того, здесь же сформулирован и принципиальный подход всего декабристоведения: «Тема о декабристах в Сибири должна быть вписана в рамки огромной проблемы – общественного движения и революционной борьбы России этих же лет» [45, с. 8-9].

В 1950–1960-е годы интерес к декабристской проблематике возрастает. В эти годы в научный оборот вводится большой объем нового архивного материала, историки, филологи, архивисты, музейные работники исследуют различные аспекты декабристоведения. В различных издательствах страны выходят монографии и объемные статьи, где ставятся вопросы пребывания декабристов в Сибири, исследуется эволюция их мировоззрения, определяются каналы влияния декабристов на содержание общественно-политической жизни сибиряков, анализируется и сибирская публицистика декабристов [2, 3, 5, 19, 28, 29, 47, 50, 55, 56, 59, 64, 65, 72].

Так, в работе А.Г. Колесникова [24] рассматривается творческое наследие «первого декабриста» В.Ф. Раевского. Духовный мир М.С. Лунина исследует Н.Я. Эйдельман [71]. В его книге показаны идейные искания, исторически достоверно воссоздан

облик декабриста-борца, талантливый публицист. С.Б. Окунь также обратился к биографии М.С. Лунина. Касаясь публицистической деятельности и ее влияния на сибиряков, исследователь отмечал: «Конечно, это был очень ограниченный и притом весьма специфический круг читателей. К тому же тот путь, по которому эти письма следовали, не давал возможность говорить все до конца, заставлял балансировать на грани дозволенного, а порой и маскировать свои подлинные взгляды стремлением раскрыть истину во имя интересов правительства... Но и в таком виде и по таким каналам, как это хорошо было известно Луину, его письма получали весьма широкий отклик» [47, с. 145].

В работах Я.А. Гордина прослеживаются связи участников восстания 14 декабря с различными слоями общества, показана борьба группировок в правящих кругах, сложное переплетение интриг в придворной среде с планами и действиями членов тайных обществ. Полемизируя с теми, кто «действителей 14 декабря называл «безумцами», Я.А. Гордин делает конечно несколько политизированный, но исторически верный вывод: «Дальнейшая история показала, что безумцами были те, кто 14 декабря стрелял картечью в самых передовых и здравомыслящих людей» [7, с. 377]. Я.А. Гордин подробно исследует и жизненный путь, идейные искания, просветительскую и публицистическую деятельность И.Д. Якушкина [7].

Дальнейшее развитие декабристоведедение получило в середине 1970-х гг. В ходе подготовки к празднованию столетия восстания первых русских революционеров, была проведена юбилейная сессия Академии наук СССР, научно-теоретические конференции в исследовательских институтах и вузах, изданы сборники трудов, в том числе, сибирских исследователей: «Своей судьбой гордимся мы», «Дум высокое стремление», «В сердцах Отечества сынов», «Декабристы и Сибирь» и др.

Подлинным явлением в изучении настоящей темы стал выход в Иркутске сборников «Сибирь и декабристы» (шесть выпусков за 1978–2010 гг.). Уже первый выпуск показал научную значимость издания. Здесь были опубликованы работы Л.М. Дамешека, В.А. Дьякова, С.Ф. Коваля, Н.П. Матхановой, М.В. Нечкиной, Э.Г. Павлюченковой, затем в следующих книгах – Е.М. Даревской, С.В. Кодана, Б.С. Мейлаха, А.Д. Марголиса, Т.А. Перцевой, Л.Я. Подольской, О.С. Тальской, З.Т. Тагарова

и других. Именно эти авторы внесли решающий вклад в сибирскую декабристику.

В настоящей статье следует упомянуть и исследование зарубежного историка-декабристоведца, ирландца по происхождению П. О'Мара, который в своей работе пришел к выводу, что ценность революционеров 1825 года для российской истории состоит в том, что «...декабристам удалось раз и навсегда разрушить представление о несокрушимости существующего порядка вещей и безоговорочности приятия такового» [48, с. 328].

Проведя сравнительный анализ развития декабристovedения за огромный период со второй половины 1820-х до начала 1990-х – более чем за полтора столетия – следует признать, что наибольших результатов исследование этой проблематики достигло в советский период. Именно здесь были сделаны фундаментальные источниковедческие и конкретно-исторические исследования, накоплен огромный пласт разнопланового фактического материала, изучена жизнь и деятельность большинства участников движения 14 Декабря. Именно советские ученые внесли определяющий вклад в исследование творческого наследия декабристов, выявили философские, исторические и общественные истоки их идейных позиций, проследили закономерную трансформацию политических убеждений и программ, наконец, определили их место в историческом прошлом отечества.

С распадом СССР и окончанием советского периода, декабристovedение пережило не лучшие времена. Прежде всего, приходится констатировать резкое падение интереса молодых исследователей к этой теме. В 1990–2000-е годы значительно сократился объем научных публикаций. В обществе и отчасти в отечественной историографии стало укореняться отрицательное отношение к декабристам и их идеологии, стремление принизить значение и итоги восстания, пересмотреть историко-философские концепции «первых революционеров».

Такие изменения в науке и в обществе чутко передала, например, конференция, состоявшаяся 14 декабря 1995 года в Петербурге, работа которой была посвящена 170-летию восстания. Здесь возникла дискуссия о исторической роли декабристов вообще, о необходимости отказа от некоторых идеологических стереотипов, что, в принципе, нельзя не признать отчасти и справедливым [37, 39].

Несмотря на значительные трудности, российское декабристоведение постсоветского периода живет и развивается. Оно представлено несколькими научными центрами, сложившимися, впрочем, еще в последней четверти XX столетия.

Один из таких центров – московский. Он ориентирован на традиции исторической школы академика М.В. Нечкиной. Здесь работают ученики и последователи Нечкиной – С.В. Мироненко, А.В. Семенова, В.А. Федоров, С.В. Житомирская и историки нового поколения, пытающиеся переосмыслить значение декабристов. Это В.М. Бокова, О.И. Киянская, Я.В. Леонтьев, Д.М. Фельдман и другие. Так, В.М. Бокова считает, что единого декабризма как оппозиционного движения никогда не существовало. Исследователь разделяет декабристов на «старых» (богатые аристократы, герои войны 1812 года) и «новых» (средне- и мелкопоместные дворяне без боевого опыта), последние, по ее мнению, и организовали восстание [4, с. 518].

Академик В.А. Федоров, работая над биографией одного из организаторов Петербургского филиала Южного общества П.Н. Свистунова, историк детально рассмотрел два плана царевубийства и роль в них декабриста. Анализируя мировоззрение П.Н. Свистунова, В.А. Федоров пришел к выводу, что накануне восстания произошел «перелом в его взглядах, он зарядился скептицизмом» [62, с. 45].

Заметным явлением в декабристоведении стали биографические работы О.И. Киянской. Необходимо отметить научную биографию П.И. Пестеля – солидное исследование о лидере Южного общества. Автор ввела в научный оборот огромное количество новых источников, четко обозначила пестелевское окружение – важный аспект формирования его в качестве военного специалиста [20]. О.И. Киянская считает, что разногласия в лагере восставших явились одной из главных причин разгрома Черниговского полка. Суть этих разногласий она видит в конфликтах между аристократом С.И. Муравьевым-Апостолом и бедными дворянами из Общества соединенных славян [21].

Колесникова В.С. попыталась посмотреть на декабристов «с другой стороны». Исследуя внутренний мир государя, исследователь пишет: «Факт неоспоримый: декабристы их дерзкая попытка замахнуть на святое и незыблемое для Николая I самодержавие жили в душе императора до последней минуты

его жизни. И тут дело не только в самом выступлении. Соверши такой мятеж люди другого слоя российского общества, будь то разночинная или купеческая, к примеру, молодежь, память монарха стерла бы этот инцидент как досадный после примерного наказания. Но дерзновение декабристов – людей лучших, старейших и родовитых дворянских фамилий, многие из которых были его сверстниками, с которыми он встречался в свете или о которых слышал, – означало для него совсем иное» [25, с. 53].

Продолжают свои исследования и представители петербургского центра декабриствоведения: хорошо известны специалистам работы Т.В. Андреевой, П.В. Ильина, А.А. Кононова, Л.Б. Нарусовой, А.Н. Цамутали, С.Е. Эрлих. В Петербурге регулярно издается и сборник «14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография». Коллектив авторов во главе с П.В. Ильиным не так давно подготовил и издал сборник воспоминаний очевидцев восстания на Сенатской площади [1]. Здесь же опубликованы прошения родственников декабристов к императору о помиловании.

Один из центров декабриствоведения базируется в Саратове. Он имеет интересную историю и представлен именами советских историков и литературоведов – это С.Н. Чернов, Ю.Г. Оксман, И.В. Порох, В.В. Пугачев, В.С. Парсамов. Саратовские исследователи работают над литературоведческими проблемами декабриствоведения, историей выступления Черниговского полка, влиянием западной культуры на формирование мировоззрения декабристов. Здесь издается межвузовский сборник «Освободительное движение в России».

Декабриствоведение на Украине сегодня – это работы профессора Г.Д. Казимирчука, Л.В. Баженова, П.Г. Усенко, А.М. Куликовской, Е.Л. Рудницкой, Н.Н. Варварцевой, Т.В. Орловой, И.И. Бродской и др. В центре их исследований проблемы историографии декабристского движения, изучение деятельности Южного общества на Украине, роль региона в формировании взглядов декабристов. Среди исследователей здесь нередки и полярные взгляды. Так, Л. Казакевич объявил декабристов борцами за власть любой ценой и предтечами большевиков [15, с. 82-91]. Е.Л. Рудницкая считает, что декабристы шли путем «революционера на троне» Петра I. Она полагает, что «благо-

вестители свободы» привели Россию к движению в направлении Европы, а также к поиску самостоятельного пути.

Украинский историк Т.В. Орлова пришла к выводу, что в деятельности декабристов переплелись элементы либеральной цивилизации, желающей постоянного обновления «на западный манер», однако они не вписывались в российский контекст, где доминировали пассивность, терпение и консерватизм. Одновременно Т.В. Орлова ставит более глобальный вопрос: возможны ли в России на фоне модели постоянно догоняющего развития свобода, демократия, ценность человеческой личности? [49, с. 113-128].

Историографические проблемы декабриствоведения на Украине активно исследует Г.Д. Казимирчук [16, 18]. Размышляя о значении декабризма, Казимирчук и Ю.В. Латыш, к примеру, пишут: «Декабризм – по сути уникальное историческое явление, привлекавшее к себе внимание исследователей во все времена. По количеству опубликованных работ он соотносится с такими историческими темами, как Первая мировая или Великая Отечественная войны». Исследователи полагают, что «современное декабриствоведение представлено несколькими научными школами, которые органично выростали из исследовательских центров, существовавших в начале XX в.». При этом, по их мнению, такие центры связаны «с отдельным регионом» и могут «включать представителей разных школ и объединять различные научные учреждения» [17, с. 640, 641].

Как видим, декабриствоведение сегодня не только существует прошлыми основательными исследованиями. Эта часть отечественной науки развивается, «прирастает» новыми знаниями, именами, концепциями, историографическими источниками.

Примечания

1. 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев / сост. П.В. Ильин. СПб.: Академ. проект, 1999. 751 с.

2. Барановская М.Ю. Художник-декабрист Н.А. Бестужев. М., 1953. 294 с.

3. Богданова М.М. Декабрист-крестьянин П.Ф. Дунцов-Выгодский. Иркутск, 1959. 114 с.

4. Бокова В.М. «Большой скорее жив, чем мертв»: Заметки об отечественном декабриствоведении 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. 606 с.

5. Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.С. Батеньков. Томск: кн. изд-во, 1960. 91 с.
6. Гессен С. Я. Заговор декабриста Сухинова. М.: Изд-во Политкаторжан, 1930. 56 с.
7. Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. М.: Советская Россия, 1985. 282 с.
8. Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М.: Типография И.Д. Сытина, 1907. 433 с.
9. Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов. СПб.: Книжный магазин С.И. Иванова и К, 1906. 348 с.
10. Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов. М.: Типография И.Д. Сытина, 1906. 386 с.
11. Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Издат. всесоюз. общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 403 с.
12. Дружинин Н.М. Кто были декабристы и за что они боролись. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1926. 111 с.
13. Дружинин Н.М. Массонские знаки П.И. Пестеля // Музей революции СССР. Сб. 2. М., 1929. С. 12-49.
14. Дружинин Н.М. Семейство Чернышевых и декабристское движение // Сб. «Ярополец». М., 1930. 204 с.
15. Казакевич Л. Об одном взгляде на идеологию декабристов // Проблемы історії України XIX – початку XX ст. Київ, 2001. Вип. 3. 240 с.
16. Казимирчук Г.Д. Історіографія руху декабристів. Курс лекцій для студентів історических факультетів: У 4-х част. Київ, 2000. 280 с.
17. Казимирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Современное декабристоведение на постсоветском пространстве // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. 294 с.
18. Казимирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Українське декабристознавство. Київ, Черкаси, 2002. 84 с.
19. Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск: Наука, 1965. 239 с.
20. Киянская О.И. Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
21. Киянская О.И. Южный бунт: Восстание Черниговского полка. М.: Изд-во РГГУ, 1997. 190 с.
22. Ключевский В.О. Очерки и речи. 2-й сборник статей. М., 1890.
23. Ключевский В.О. Очерки и речи. Второй сборник статей. Пг.: лит.-издат. отд., 1918. – 495 с.
24. Колесников А.Г. В.Ф. Раевский. Политическая и литературная деятельность: Изд-во Ростов-н/Д. гос. ун-та, 1977. 190 с.

25. Колесникова В.С. Николай I. Лики масок государя: Психологические этюды. Документально-историческое издание. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 268 с.

26. Константинов М.М. Политическая каторга на страницах журнала «Каторга и ссылка» (Некоторые итоги) // Каторга и ссылка. М.: Изд-во политкаторжан, 1933. № 4-5.

27. Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. Изд. 3-е, СПб., 1857. 31 с.

28. Ланда С.С. Дух революционных преобразований. М.: Мысль, 1975. 380 с.

29. Ланда С.С. Формирование революционной идеологии декабристов. М., 1971. 310 с.

30. Ленин В.И. Гонимые земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 5. С. 388-390.

31. Ленин В.И. Заявление редакции «Искры» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 4. С. 354-360.

32. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 8. С. 140-152.

33. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. С. 140-152.

34. Максимов С.В. Государственные преступники // Отечественные записки. 1869. Кн. X.

35. Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. III, 4-е изд. СПб., 1871. 388 с.

36. Манифест Николая I от 13 июля 1826 г. // Декабристы и тайные общества в России. М.: Издание В. М. Саблина, 1906. 168 с.

37. Марголис А.Д. Декабристы в Сибири. Краткий обзор литературы // Заступники свободы. Памятные чтения, посвященные 170-летию восстания декабристов. 14 декабря 1995 г. СПб., 1996. 58 с.

38. Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи / Подготовил к печати Б.Е. Сыроечковский. М.;Л.: Гос. изд-во, 1926. 247 с.

39. Нарусова Л.Б. Нравственные уроки декабризма // Заступники свободы. Памятные чтения, посвященные 170-летию восстания декабристов. 14 декабря 1995 г. СПб., 1996. 58 с.

40. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М.: Художественная литература, 1977. 735 с.

41. Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 506 с.

42. Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 183 с.

43. Нечкина М.В. О нас в истории страницы напишут. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 348 с.

44. Нечкина М.В. Заговор в Зерентуйском руднике // Красный архив. 1925. Т. 6. 266 с.
45. Нечкина М.В. Несколько слов о сибирском трехтомнике // В сердцах Отечества сынов / Сост. и научная редакция С.Ф. Коваля. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 326 с.
46. Оксман Ю.Г. Бунт декабристов. М., 1926. 312 с.
47. Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 277 с.
48. О'Мара П.К. Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста: Пер. с англ. / Вступ. ст. и ред. В.А. Федорова. М.: Прогресс, 1989. 349 с.
49. Орлова Т.В. Новые возможности изучения движения декабристов с точки зрения ментальности // Декабристы в Україні. Т. 3. Киев, 2003. 342 с.
50. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита: кн. изд-во, 1954. 260 с.
51. Покровский М.Н. Собр. соч.: в 3-х т. Т. 1. М., 1954. 320 с.
52. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: В 3-х т. Т. 3. М., 1954. 342 с.
53. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. 218 с.
54. Рейснер Л. Избранное. М.: Худ. лит., 1965. 575 с.
55. Роцевский П.И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1975. 168 с.
56. Сафронов Ф.Г. Декабристы в якутской ссылке. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1957. 81 с.
57. Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2, 3, 5, 6.
58. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909. 694 с.
59. Сыроечковский Б.Е. Из истории движения декабристов. М.: Изд-во МГУ, 1969. 372 с.
60. Тургенев Н.И. Дневники и письма за 1806–1811 гг. Т. 1-2. СПб., 1911. 344 с.
61. Тургенев Н.И. Россия и русский. Т. 1-3. Брюссель, 1847. 386 с.
62. Федоров В.А. Декабрист П.Н. Свистунов // 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 года. М.: Изд-во государственного исторического музея, 1999. 279 с.
63. Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний // Дум высокое стремление / Составитель С. Коваль. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 335 с.
64. Шатрова Г.П. Декабрист И.И. Горбачевский. Красноярск: КГПИ, 1973. 198 с.

65. Шатрова Г.П. Декабристы и Сибирь. Томск: Изд-во Томского университета, 1962. 170 с.

66. Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. Т. 1. 902 с.

67. Штраих С.Я. О пяти повешенных... М.: Жизнь и знание, 1926. 221 с.

68. Щеголев П.Е. Декабристы. М.;Л.: Госиздат, 1926. 361 с.

69. Щёголев П.Е. Николай I и декабристы: очерки. Пг., 1919. 314 с.

70. Щеголев П.Е. Пушкин. Очерки. СПб., 1912. 62 с.

71. Эйдельман Н.Я. Лунин // Обреченный отряд. М.: Советский писатель, 1987. 512 с.

72. Эйдельман Н.Я. М.С. Лунин. М.: Молодая гвардия, 1970. 352 с.

УДК 9(571.1/.5) (=91.85)(092) Верченский

Б.С. Шостакович

Ссылный в Восточную Сибирь Январский повстанец Хэнрык Верченский и его воспоминания о Приенисейской деревне середины 1860-х гг.

Исполнившееся 150-летие Польского Январского восстания 1863–1864 гг. служит закономерным поводом для очередного обращения к одной из актуальнейших и по-прежнему еще недостаточно разработанных тем, связанных с данным крупным событием в истории польского освободительного движения.

При определении темы настоящего очерка его автор оказался перед достаточно сложным выбором. Скажем вкратце, к проблематике сибирской ссылки Январских польских повстанцев относится значительный и до сих пор еще не введенный должным образом в научный оборот источниковый массив. В него входит огромный документальный комплекс, нуждающийся в целенаправленной научной систематизации и анализе. Достаточно отметить, что в отечественных архивохранилищах сосредоточены еще тысячи документальных единиц хранения, относящихся к различным аспектам данной темы. Видимо, масштаб предметно-тематических обзоров этого вида источников по истории

пребывания и деятельности в Сибири ссыльных Январских повстанцев превышает печатные возможности данного сборника.

В данном случае автор очерка предпринял опыт обращения к теме персоналий ссыльных в Сибирь польских Январских повстанцев, оставивших обширное, многообразное мемуарно-очерковое наследие. Во многих предшествующих своих научных разработках автор публикации неоднократно отмечал источниковую ценность польской мемуарной «сибириады», относящейся к Сибири и к ряду сопредельных с нею регионов и содержащей ценные свидетельства наблюдавшихся мемуаристами (как правило, в большинстве их, – политическими ссыльными) различных сторон местной жизни на указанном обширном пространстве. Тематика данного наследия – многообразна и подчас просто уникальна. Поэтому закономерны неизменные усилия автора, нацеленные на разработку программы комплексных практических мер по широкому введению последнего в отечественный научно-исследовательский и общественно-познавательный обиход [1].

Внутри рассматриваемого вида польско-сибирских источников по количеству и многообразию последних, безусловно, выделяется польское мемуарное наследие 1860–1870-х гг. Иными словами, речь идет об источниках личного происхождения преимущественно авторства политических ссыльных в Сибирь участников польского Январского восстания 1863–1864 гг.

В общем объеме польско-сибирской мемуаристики реляции польских авторов указанного исторического периода о своем пребывании в сельских местностях этого региона (в основном, в связи с их принудительным размещением там на поселении) занимают достаточно заметное место. Этот источниковый комплекс содержит целый пласт аутентичных личных свидетельств мемуаристов, затрагивающих различные аспекты истории жизни и уклада населения сибирских сел, основанных на их непосредственных контактах с таковым.

К сожалению, в указанном тематическом ракурсе источниковые материалы подобного характера до последнего времени остаются крайне мало использованными в научном отношении, а соответственно и не изученными надлежащим образом. Само по себе, это не исключает спорадических извлечений исследователями из тех или иных подобных мемуаров, но как правило, они

ими воспринимаются и вводятся в научный обиход на качественном уровне «вспомогательных», маргинальных, источников.

Весьма яркий и показательный пример источника из указанной группы – обширного, в высокой степени непредвзято-объективного, ценного с фактологической и аналитической точек зрения – представляют воспоминания Хенрыка Верченевского. Таким образом, настоящее тезисное аннотирование темы автором представляет одну из первых попыток подобного рода целенаправленного обзорного представления обозначенных мемуарных материалов как вполне самостоятельного и значимого типа источника по рассматриваемой теме.

Данный обзор рассматривает яркий и содержательный пример наблюдений польского политссыльного в Восточную Сибирь эпохи Январского польского восстания (1863–1864 гг.) за окружавшей его местной деревенской жизнью.

Сам мемуарист, Хэнрык Верченевский (15.07.1843 – 16.10.1923) происходил из средней помещстной польской шляхты и был уроженцем села Клодница Люблинской губернии. По окончании гимназии в Люблине в 1860 г., он поступил на юридический факультет Киевского университета, затем – продолжил обучение в Главной Школе в Варшаве, но не завершил там курса в связи с началом Январского Польского восстания 1863–1864 гг. и вступлением в ряды его участников. Уже через месяц после своего вступления в повстанческий отряд Верченевский оказался взят в плен. Военным судом его осудили на пожизненное поселение в Сибири.

С августа 1864 г. Верченевский находился в Енисейской губернии. Вначале он был размещен в селе Бирюсинском Заледеевской волости Красноярского округа (от Красноярска – в 75 верстах вверх по течению Енисея). Позже он добился перевода в село Кардачино(-а), принадлежавшее к той же самой волости, но расположенное уже поблизости от Красноярска (лишь в 16–19 верстах от губернского центра). Мемуарист свидетельствует, что само «географическое положение Бирюсинского селения, оторванного от мира и людей», явилось причиной его настойчивого стремления «добиваться перевода куда-либо ближе к городу». В Кардачино(-е) Верченевский находился до 4 (15) марта 1866 г. Затем он перебрался временно в Красноярск, а вскоре 23 марта (4 апреля) того же года – был переведен властями в Енисейск.

Повествование о своих впечатлениях поселенческой жизни в сельских местностях Енисейского региона автор сосредоточил в основном в двух главах (около 80 печатных страниц), значительно более объемных его воспоминаний, в свою очередь, последовательно подразделенных в соответствии с его местопребыванием в каждом из ранее названных двух сел.

Воспоминания создавались Х. Верченским много позднее описанных в них событий – в основном уже на рубеже 10-х – начала 20-х гг. XX в.[2]. Однако же, казалось бы, очевидные недостатки источника, вызываемые его почти полувековой ретроспективностью, в значительной мере скорректированы привлечением самим автором собственных исходных записей, аутентичных времени его сибирского изгнания. Такое замечание автора данного очерка подтверждено вполне откровенным признанием самого мемуариста: «сегодня мне, возможно, нечего было бы сказать о своем пребывании в Сибири на протяжении нескольких лет, если бы не записывание сразу на месте того, что попадало в поле моего зрения» [3]. Судя по тематике, так или иначе затрагиваемой Верченским уже как мемуаристом, в указанных его первичных записях фиксировались самые различные сюжеты и обстоятельства в интересующем нас русле. В описанный в мемуарах сибирский период ссылки сам их автор принадлежал к числу весьма юных участников восстания 1863 г., репрессированных царскими властями. К моменту своей отправки в Сибирь Х. Верченский, согласно российским законодательным нормам, еще не достиг совершеннолетия. Однако молодость, как позволяет судить контекст его записок, отнюдь не помешала их будущему автору обнаружить свои качества внимательного наблюдателя и, что также характерно для него, – пронизательного и вполне зрелого аналитика.

«Приглядимся к деревне, в которой я должен был поселиться постоянно, быть может, навсегда», – так начинает мемуарист свой рассказ о Бирюсинском селении и дает достаточно образное описание его расположения: «на поляне, лежащей среди гор, на самом берегу великолепной реки Енисея [...], текущей в объятиях каменных стен розового цвета, с устланным камнями дном и прозрачной водой, двукратно, а может и еще более широкой, чем Висла под Варшавой». Здесь же мемуарист сообщает о планировке села и принципах его застройки, внешнем виде изб, их интерьерах и устройстве надворных сооружений [4].

Верченский касается вопроса о социальном статусе местного крестьянства: «Жители ... [Бирюсинской] деревни, насчитывающей около 30 домов, делятся на две категории: государственных крестьян и ссыльных, так называемых поселенцев. Только первые из них пользуются гражданскими правами... [участия в сельских и волостных собраниях, выборов старост и волостных начальников], распределения податей и тягла на отдельные семьи этой общины. [...] Наш хозяин государственный крестьянин (имеющий права), но как и большинство сибирских жителей сибирской русской национальности, он является потомком осужденного» (*sic!* – *Б.Ш.*) [5].

Мемуарист не обходит вниманием и проблему землевладения в Сибири. «Земля здесь является общественной собственностью, если не *de jure*, то *de facto*, – пишет Верченский. – Каждый может ею пользоваться по праву первенства. Частной собственности на землю здесь нет вовсе, кроме маленьких садиков при крестьянских дворах, а наличие помещиков – совершенно неизвестно» [6]. Таким образом, сибирский крестьянин не имеет земли в собственности, но обладает возможностью пользоваться ею настолько, насколько его хватает». Свои наблюдения за отмечаемой сибирской спецификой он завершает достаточно красноречиво: «Это – рай для жаждущих земли, – заявляет автор записок, – и могут пройти еще целые столетия, прежде чем здесь обнаружится земельный голод; разве что китайцы перебросят сюда избыток своего населения [...]» [7].

Немало места отведено Х. Верченским описанию трудовой деятельности приенисейских крестьян. «Местные условия выработали из здешних жителей отличных охотников», – характеризует он население деревни Бирюсинской [8] и далее подробно освещает применяемые в тамошнем регионе охотничьи приемы, перечисляет основные виды промыслового зверя и т. п. [9]. При этом же с огорчением констатирует, что ему и его товарищам, как и всем ссыльным, строго запрещалось занятие охотой, с которым было органично связано большинство жителей села Бирюсинского [10].

Мемуарист подробно описывает и другой распространенный в местной среде промысел, – рыболовный. Он отмечает два его важнейших вида: лов сетями (во время весенних и осенних сезонных миграций рыбных стад по Енисею и его притокам) и

ловлю индивидуальными снастями [11]. Перечисляет и ценные местные промысловые породы рыб, в том числе тайменя, в Польше совершенно неизвестный вид, названия которого по-польски Верченский, по собственному его свидетельству, не знал [12].

Мемуаристом описаны способы ведения сельскохозяйственных работ местным крестьянством: уборки зерна, его хранения, сева озимых зерновых культур, сообщены даже сравнительные сроки их вызревания в этой зоне Сибири, в сравнении с европейскими районами России [13].

Приведены Верченским и характеристики этнографического характера: внешнего облика селян, их уклада жизни и быта, одежды и утвари, и проч. [4]; излагаются сведения о традиционных досуговых развлечениях, особенно молодежных («вечеринки», прогулки «кошевыми» санями, «катушки» – излюбленное зимнее веселье). Затронута им даже щекотливая тема местных нравов – по поводу добрых и послебрачных взаимоотношений между полами [15].

После уже ранее упомянутого перемещения Верченского на новое место его поселения, в деревню Кардачино, он и там продолжал свои наблюдения, приводившие его к новым сравнительным заключениям. «Как для села Бирюсинского, находящегося среди лесистых гор, главным источником дохода является охота, – так для деревень, лежащих среди степей, главные доходы приносит земледелие, а также скотоводство, прежде всего, разведение коров и лошадей», – отмечает он, указывая, что этому способствуют климатические условия, отличающиеся от менее благоприятных «в горах около Бирюсы». При этом мемуарист тут же уточняет, что и в районе Кардачино масштаб животноводства «не тот же, каков он на юге [Енисейской] губернии, в Минусинском уезде» [16]. «Кардачино является земледельческим селом, отмечает мемуарист, давая свою оценку природных, климатических условий и общего характера аграрной деятельности в регионе. (Собственно тогда именно он и стал присматриваться к бытующим в Сибири земельным отношениям, что затем позволило ему дать их характеристику, уже процитированную нами выше) [17]. Он же подмечал и то, что «жители Кардачино, помимо занятий земледелием, продукты которого продают на ярмарке в Красноярске, в некоторой степени являются и промышленниками» [18].

С сожалением пишет Верченский о том, что «здесьшний крестьянин еще не чувствует потребности в образовании, – хотя бы в чтении и письме. Наше село в этом отношении не является исключением, – продолжает он. – Детворы здесь много, но ни один из крестьян, хотя и видит у нас книги, об обучении даже не вспоминает» [19].

Наблюдаемая мемуаристом повседневная практика сибирского сельского общества формы коммунального разрешения бытовых и социальных нужд встречают его одобрительную характеристику как «заслуживающие заимствования». К ним мемуаристом были отнесены: наём зимой за специальную оплату, на общий счет деревни, «прорубельщика», обязанностью которого являлось поддержание проруби во льду замерзшей реки в состоянии, пригодном для снабжения селян водой; наём на общий счет деревни сторожей с целью охраны проездов (ворот) у черты «поскотины»; пастуха для выпаса общественного стада; наконец, – содержание «убогих и бессильных» за общий счет деревни, к которой они приписаны [20].

Совершенно отдельное место занимают достаточно подробные высказывания автора записок и приводимые им фактические данные по проблеме психологии поведения ссыльных польских политпоселенцев и определения ими способов деятельности с целью добывания средств к существованию в условиях приенисейской деревни середины 1860-х гг. [21]. Данный раздел мемуаров органично соотносится с рассматриваемой общей темой, хотя только в определенной ее части. Во многом же он представляет оригинальный и ценный источниковый компонент, весьма перспективный для специального многоаспектного изучения в будущем.

К сожалению, рамки настоящего очерка позволяют лишь проаннотировать содержание записок Х. Верченского по ряду существенных аспектов их содержания. По причинам технического свойства, не зависящим от автора настоящего обзора, он был вынужден опустить значительную часть более детальной конкретики содержания указанного источника. В заключение необходимо сделать вывод о том, что рассмотренный мемуарный источник заслуживает привлечения к нему серьезного внимания специалистов в качестве объекта целенаправленного, обстоятельного исследования не только по обозначенной тематике, но и по иным аспектам сибирско-польской истории – во

всей его структурной и содержательно-фактографической цельности. Автор хотел бы надеяться, что это произойдет в самом ближайшем будущем.

Примечания

1. В качестве примеров проведенных автором подобного рода работ источниковедно-исследовательского и публикационного характера по «сибирско-польской» проблематике могут быть названы следующие: ряд разделов монографии Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.). Учебное пособие. Иркутск, 1995. С. 11–19; 87–100), также научные статьи (того же авторства) по аналогичной же тематике в научных сборниках: «Ссылльные революционеры в Сибири». (Иркутск, 1973–1991. Вып. 1–12), журнале «Земля Иркутская» (Иркутск, 1994, №№ 1–3), и др. Относительно постановки общих научных принципов разработки данной тематики см.: Шостакович Б.С. Мемуарные источники по истории пребывания поляков в Сибири в конце XVIII – начале XX вв. Основные задачи их изучения // Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы «История и общество в панораме веков» (19–24 июня 1990 г.). Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 64–67; Он же. «Сибирско-польская» история и современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 11–15 сентября 2000 г. Иркутск, 2001. С. 28–36.

2. Текст записок Х. Верченского, на который опирался автор данного очерка, представляет собою издание в эпоху ПНР сводного монографического тома (скомпонованного его редактором и публикатором, Анджеем Заёнчковским) мемуарных работ Верченского, первоначально публиковавшихся раздельно (в период 1910–1912 гг.), а в окончательном, сводном издании дополненных по сохранившимся в оригиналах рукописям самого мемуариста. См.: Wiercieński H. Pamiętniki / przedm. i oprac. Andrzej Zajączkowski. Lublin: Wyd-wo Lubelskie, 1973. (Также см. издательские уточнения редактора: Zajączkowski A. Przedmowa // Wiercieński H. Pamiętniki... S. 5–28; ten że. Nota edytorska // Ibid. S. 503–505).

3. Wiercieński H. Pamiętniki... S. 262

4. Ibid. S. 262–264.

5. Ibid. S. 269–270.

6. Ibid. S. 322–323.

7. Ibid. S. 323.

8. Ibid. S. 269.

9. Ibid. S. 284–290.

10. Ibid. S. 284.

11. Ibid. S. 293–295.
12. Ibid. S. 295.
13. Ibid. S. 268.
14. Ibid. S. 270–271.
15. Ibid. S. 290–291.
16. Ibid. S. 318–321.
17. Ibid. S. 314.
18. Ibid. S. 321–322.
19. Ibid. S. 312.
20. Ibid. S. 295–296.
21. Ibid. S. 265–266; 275–277; 326–327.

УДК 930.1

С.Л. Курас

Источниковедческий аспект на страницах «Сибирской ссылки»

Статья посвящена обзору источников по истории сибирской уголовной и политической ссылки, используемых авторами сборников научных статей «Ссылльные революционеры в Сибири (конец XIX в. – февраль 1917 г.)» и «Сибирская ссылка» на протяжении 1970–2010-х годов.

Ключевые слова: исторический источник, статейные списки, законодательные акты, материалы делопроизводства, мемуары, воспоминания политических ссылных.

S. L. Kuras

Source study aspect on pages of the Siberian exile

Article is devoted to the review of sources on history of the Siberian criminal and political exile, collections of scientific articles used by authors «Exiled revolutionaries in Siberia (the end of the XIX century – February, 1917)» and «Siberian exile» for the 1970–2010 th years.

Keywords: historical source, stateyny lists, acts, office-work materials, memoirs, memoirs of political exiled.

Начиная с 1973 года выходит в свет тематический сборник, посвященный одному из важнейших вопросов истории сибирского региона – ссылке. До 2000 года он носил название «Ссылные революционеры в Сибири (конец XIX в. – февраль 1917 г.)», сейчас официально именуется «Сибирской ссылкой». В современной истории этого уникального по авторскому составу, тематическому разнообразию, количеству впервые введенных в научный оборот источников, произошли существенные изменения.

Прежде всего, это было связано с новыми потребностями современного общественного развития, появлением новых научных направлений, иных трактовок уже известных исторических событий. Как отметил в предисловии к одному из выпусков сборника ответственный редактор А.А. Иванов – «редакционная коллегия стремится к исследованию сибирской ссылки не обособлено, а в контексте становления и развития пенитенциарной системы Российского государства в целом»¹. При этом справедливо отмечая продолжающийся характер сборника, которым на протяжении тридцати лет бесменно руководил выдающийся ученый, доктор исторических наук, профессор Николай Николаевич Щербаков.

Не претендуя на всеохватывающее исследование темы, в данной статье хотелось отразить основные группы неопубликованных источников, в большей или меньшей степени используемые в исследованиях авторов сборника «Сибирской ссылки». Следуя классической схеме источниковедческого анализа такими группами являются: архивные материалы, законодательные акты, делопроизводственная документация государственных и местных органов власти, отчетная документация ведомств, источники личного происхождения (воспоминания, письма), периодические издания.

Говоря об архивных источниках, необходимо отметить, что авторы статей в серии «Ссылных революционеров в Сибири» кропотливо и подробно исследовали и ввели в научный оборот большое количество новых архивных материалов, посвященных вопросам ссылки. В большинстве своем это хорошо структурированные и обобщенные данные по политическим преступникам, отложившиеся в партийных архивах. На базе собранного материала исследователями делается подробный анализ не только

численности и партийного состава ссылных, но и их влияния на общественную жизнь Сибири.

Партийные архивы обладали большой четкостью в комплектовании материалов, в то время как в делах уголовных преступников обратная картина, и дореволюционные фонды центральных и областных архивов не могут «похвастаться» таким «порядком» в делах. Материалы по уголовной ссылке рассредоточены по разным фондам архивохранилищ, что существенно затрудняет попытку исследователей определить численный состав ссылного уголовного элемента, категории преступлений. Такое положение документов сложилось неслучайно, ведь дореволюционные архивы были ведомственными и в момент их формирования еще не было централизованных требований к учету и хранению документов, кроме того, в каждой государственной структуре, существовал свой порядок формирования документооборота. К тому же на организацию делопроизводства влияла частая реорганизация государственного аппарата, что создавало неразбериху в оформлении документов, помимо всего прочего канцелярские служащие были чересчур загружены «бумажной» работой, поэтому качество оформления внутриведомственных документов и требования к их дальнейшему хранению иногда не соответствовали принятым нормам. Тем не менее, несмотря на все сложности в исследовании архивных документов, можно констатировать их постоянное использование в изучении как политической, так и других видов ссылки.

В советский период в исследованиях политической ссылки начинают активно использоваться материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР. При этом, в большей степени изучались фонды Всесоюзного общества политкаторжан и ссылнопоселенцев, в материалах которых содержались пофамильные перечни осужденных революционеров, их партийная принадлежность, возрастной состав. В то время как оставались неисследованными фонды центральных учреждений политического розыска, жандармско-полицейских управлений, судебно-следственных органов одного из важнейших архивохранилищ страны – ГАРФ, чьи хранилища на сегодняшний день насчитывают около пяти миллионов единиц хранения, пятую часть при этом занимают дела пореформенного периода России. Так, например, фонд 122 Главного тюремного

Управления при Министерстве юстиции, фонд 102 Департамента полиции только в последние годы стали предметом изучения на страницах «Сибирской ссылки».

Можно усомниться в мнении советских исследователей, изучавших политическую ссылку и укорявших царизм в намеренном стремлении голословно присовокуплять к антигосударственным деяниям преступников еще и уголовные статьи, унижавшие достоинство революционеров, ведь более подробное изучение документов, доказательной базы, собранной следствием, в самих делах подсудимых, а также стенограмм судебных заседаний, хранящихся в фондах ГАРФ, доказывает, что уголовные преступления преступными шайками, которые при этом имели «высокие» идеалы по смене строя, все же совершались. При этом ошибочно было бы думать, что при той массе совершаемых преступлений в масштабах всей страны на рубеже веков, с которой столкнулись немногочисленные, необученные профессионально, загруженные бумажной работой полицейские штаты, могли бы в таком количестве фабриковать дела.

При большом внимании к неопубликованным архивным источникам центральных архивохранилищ авторы серии «Ссылных революционеров» использовали только те материалы, которые позволяла существовавшая на тот момент идеология. В основной своей массе это были воспоминания и письма самих ссылных, хранящихся, в том числе в Центральном государственном архиве литературы и искусства. В этих материалах содержатся прошения государственных преступников о материальной поддержке от государственной казны, о плохом состоянии здоровья, постоянном чувстве голода среди осужденных и т. д. К сожалению, на современном этапе изучения темы исследователи в меньшей степени используют источники личного происхождения.

В работах историков как советского, так и современного периода активно используются материалы региональных архивов. Одним из основных в этом списке является Государственный архив Иркутской области, количество единиц хранения в котором превышает 960 тысяч. Наибольшей популярностью как в советский период, так на современном этапе изучения ссылки пользуются фонды – 24 фонд Главного Управления Восточной Сибири, 25 фонд Канцелярии Иркутского генерал-губернатора,

32 фонд Иркутского губернского управления. При этом можно отметить разную интерпретацию авторами одних и тех же сюжетов. Ранее исследователи отмечали, что местные губернские правления не давали заключенным возможности писать письма родным, получать свидания, чересчур жестко контролировали процесс этапирования ссыльных и непосредственно в местах отбывания наказания не давали никаких послаблений. На современном этапе ученые более объективно, без идеологических подоплек исследуют особенности режима и послаблений в нем, существовавшего до революции в России. Так, установлено, что заключенные, осужденные по политическим статьям, имели возможность пользоваться литературой, писать и читать, а также жить коммуной².

Исследователи советского периода в большей степени изучали революционную деятельность государственных преступников, подробно описывали лишения, притеснения осужденных, умалчивая при этом о возможности заключенных работать и получать пусть небольшие, но все-таки средства к существованию и возможность обеспечивать каторжных всем необходимым. Материалы 25 и 226 фондов ГАИО убедительно показывают, что только в мастерских Александровского централа могло работать до 300 человек. Основной продукцией этих мастерских было швейное производство. При этом они обеспечивали не только себя – заказы поступали и от Забайкальской железной дороги на изготовление сигнальных флагов, и от Иркутской контрольной палаты на изготовление мебели³.

Авторы серии «Ссыльные революционеры в Сибири» полагали, что практически единственной функцией местных органов власти по отношению к преступникам была карательная, которая выражалась в различных видах унижений и запретов⁴. Однако, справедливости ради необходимо отметить, что это было не совсем так, ведь местные губернаторы стремились изменить существующее положение ссыльных, усовершенствовать пенитенциарную систему Сибири и найти компромиссный вариант между требованиями охраны государственного строя от посягательств преступников и сохранения их жизни и здоровья в суровых сибирских условиях. В этом направлении, например, постоянно работал Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф, который направлял министру внутренних дел И.Н. Дур-

ново свои рационализаторские предложения⁵. Кроме того, служащие самих тюремных замков старались отстаивать интересы и поддерживать тех заключенных, которые обладали редкими ремесленными специальностями, например, сапожных мастеров, перед Иркутским губернским тюремным инспектором⁶.

Сегодня стали активно использоваться фонды ГАИО, посвященные органам суда и прокуратуры. Ведь в советский период данные фондов 245 прокурора Иркутской судебной палаты и 246 Иркутской судебной палаты использовались только для освещения репрессивной функции этих органов, между тем, только в последние годы стали изучаться вопросы штатного расписания членов судебной палаты, уровень их образования, степень загруженности делами в сравнении с другими судебными палатами на Российской империи⁷. Также материалы фонда 600 Иркутского губернского жандармского управления помогают уточнить отдельные вопросы структуры, полномочий и особенностей деятельности ведомства.

Материалы Государственного архива новейшей истории Иркутской области становятся источником изучения истории Озерного лагеря в Иркутской области. На современном этапе впервые предпринимаются попытки изучения реального положения вещей в лагерях, особенностей идеологической обработки заключенных, численности и состава осужденных, ведь помимо официальной документации, здесь содержатся воспоминания, письма бывших заключенных⁸. Исследуется состав, компетенция органов суда и прокуратуры в Сибири в период репрессий⁹.

Сегодня материалы региональных архивов по отдельным ранее не изученным вопросам системы наказания становятся предметом изучения исследователей. Так, на страницах серии «Сибирская ссылка» был проведен обзор фондов ГАИО, отражающих пребывание военнопленных австро-венгерской армии на территории Иркутской губернии и Забайкальской области в 1915–1920 гг¹⁰. Продолжается изучение фондов Государственного архива Забайкальского края по проблеме Нерчинской уголовной каторги, которые позволили выявить документальные неточности в работе тюремной «бюрократической машины» и затруднения современных исследователей в точном определении численного состава преступников, а также женской поли-

тической каторги¹¹. Материалы Государственного архива Красноярского края активно использовались советскими исследователями при изучении делопроизводственных материалов МВД и департаментов полиции, в которых была отражена проблема этапирования политических заключенных и степени контроля за ними в ссылке¹², а сегодня изучается состав дореволюционной уголовной ссылки и ранее не изученные вопросы репрессий по отношению к китайскому населению¹³.

Важное значение приобретает введение в научный оборот данных ранее закрытых фондов ведомственных архивов. Так, на страницах сборника «Сибирская ссылка» проводится комплексное исследование системы мест лишения свободы, условий осуждения преступников, воспитательной работы в местах заключения с 1920-х до 1950-х гг., с использованием материалов архивов Министерства юстиции, МВД, ФСБ, УФСИН¹⁴. С помощью этих данных исследуются ранее «закрытые» для изучения темы репрессий военного командования Красной Армии в 1930-х гг., неизвестные факты «белого» движения, политика реформирования системы мест лишения свободы, специфика работы НКВД в советское время. Не использовавшиеся ранее материалы архива Министерства юстиции также позволяют изучить факты биографии и особенности работы судей, в том числе Иркутского областного суда, которые ранее не становились предметом специального изучения¹⁵.

В целом обобщенные архивные данные, собранные специалистами отечественной сибирской историографии А.В. Дуловым, Ф.А. Кудрявцевым, Б.С. Шостаковичем, Н.Н. Щербаковым по разным периодам и направлениям ссылки являются прочным фундаментом, на основе которого может выстраиваться дальнейшее изучение «старых» и новых тем, посвященных системе наказания.

Правовые вопросы системы наказания в советский период также становились если не предметом специального изучения, то отражения репрессивного характера закона по отношению к политическим преступникам. Так, в статье Б.С. Шостаковича и С.В. Кодана рассмотрен вопрос законодательного регулирования польской политической ссылки. Л.М. Дамешек и С.В. Кодан выбрали объектом изучения систему контроля со стороны государства за перепиской декабристов, сосланных в Сибирь¹⁶.

Однако, авторы не ставили своей задачей полного анализа всех существовавших на тот момент нормативов, регулирующих ссылку. Они освещали только самые тенденциозные акты.

Начиная со второго номера «Сибирской ссылки» публикуются статьи, посвященные вопросам истории уголовного законодательства, самой системы наказаний, а также судебных учреждений и пенитенциарной системе в целом. Так, в 6 (18) номере «Сибирской ссылки» была опубликована обобщающая статья, посвященная анализу российского законодательства о ссылке и каторге¹⁷. Здесь впервые предпринята попытка общего обзора отечественного закона, начиная от судебныхников XV – начала XVI вв., в которых за серьезные преступления в качестве наказания полагалась смертная казнь, а за менее важные – ссылка, и заканчивая нормативами первой трети XX столетия, которые законодательно отменяли ссылку как вид наказания. Большое внимание авторы уделили эволюции самого законодательства, изменению государственной политики по насильственному удалению преступников от центральных городов сначала с целью заселения обширного края, а уже потом с целью наказания и устрашения преступников.

Кроме того, нужно отметить, что при анализе нормативов о ссылке авторы уже не делят её на политическую и уголовную, изучая законодательные тонкости, действовавшие для всей массы ссылаемого в Сибирь элемента. При этом уделяется внимание исследованию таких категорий преступного элемента как правовое положение женщин, идущих на каторгу, и женщин, вышедших замуж за ссыльнокаторжных, регламентации положения больных¹⁸.

Отрадным является тот факт, что в этих публикациях авторы начинают уделять большое внимание как впервые введенным в исторический оборот источникам, так и переоценке уже опубликованных данных. Так, в работах П.Л. Казаряна имеет место большой фактический материал, посвященный вопросам судопроизводства по государственным преступлениям, судостроительства военных судов, рассматривавших дела политических преступников. Здесь значительное внимание было уделено таким важным правовым источникам как Полное собрание законов Российской империи, по которому исследовались законодательные изменения самой структуры судов, процедур рассмотрения

дел, подсудности. Кроме того, при изучении ПСЗРИ и Свода законов Российской империи, применялась классическая схема изучения самого источника – исследована структура документа, основные этапы его эволюции, предпосылки создания нового законодательства – Устава уголовного судопроизводства, Устава о ссылных. Впервые авторы ставят своей задачей «проследить становление правовой базы, определяющей положение ссылнокаторжных»¹⁹, планомерно и скрупулезно исследуя первые правовые указы, учреждающие ссылку начиная с XVII века.

Помимо общих сводов законодательства, авторами подробно изучались отдельные нормативы, касавшиеся подсудности дел судебным палатам, например, «О временном изменении подсудности и порядка производства по некоторым преступлениям» 1878 года, а также ужесточения требований к рассмотрению дел о государственных преступлениях «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» 1881 года.

На станицах «Сибирской ссылки» нашли свое отражение нормативные акты не только дореволюционной, но и советской России. Так, одним из планомерных и последовательных исследований, проводимых на протяжении более чем десяти лет издания «Сибирской ссылки», стало изучение пенитенциарной системы Республики Бурятия, частью которого стало исследование структуры исправительно-трудовых учреждений, условий мест отбытия наказаний и другие вопросы. Рассмотрение этих вопросов немыслимо без освоения законодательной базы, ведь именно подробное исследование Уголовного кодекса 1960 года, Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах РСФСР 1961 года и других позволили изучить уровень самого закона, его приближенность к действительности, условия исполнения наказания в виде лишения свободы, изменения характера наказания.

Советское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство исследовалось авторами для определения роли Иркутского областного суда в делах о государственных преступлениях. Однако, для изучения кадрового состава, правового положения работников суда и основных направлений их деятельности в большей степени использовалась делопроизводственная внутриведомственная документация.

Обозначенные выше источники позволили авторам сформировать новые направления в изучении тем. Большой пласт исследований уже на страницах «Сибирской ссылки» составили публикации, посвященные структуре и деятельности правоохранительных органов дореволюционного, советского и современного периода. Впервые объектом исследований стали как центральные органы пенитенциарной и судебной систем – Министерство юстиции, Главное тюремное управление, так и местные – Иркутский областной суд, Иркутская судебная палата, адвокатура, нотариат, органы прокурорского надзора, в целом система исполнения наказания. В отличие от авторов советского периода, в чьих публикациях использовались архивные данные из делопроизводственных фондов центральных и местных органов государственной власти, но только те, что касались самих дел осужденных государственных преступников, отражали суровость условий этапирования и содержания, авторы современного периода в большей степени исследуют структуру самих правоохранительных органов, организацию их ежедневной учетно-регистрационной, информационной работы. По-новому расставленные акценты, позволили иначе взглянуть на важные законы, инструкции, формуляры, которые формировали деятельность ведомств. Изучая «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний» 1862 года, авторы приходят к выводу, что они не освещали вопросов компетенции полиции.

Одним из новых направлений, проявившихся на страницах «Сибирской ссылки», стало изучение этнической ссылки. Ведь ранее исследовалась только польская политическая ссылка, без учета уголовного элемента. Теперь же исследователями подробно изучается законодательная регламентация жизни ссыльных евреев, поляков, мусульман, немцев, изменение их жизненного уклада в сибирском регионе²⁰. Благодаря данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года можно проследить национальный и половой состав ссыльного элемента. Исследуя статистические материалы и уже опубликованные источники, посвященные религиозной составляющей жизни сибирского региона, авторами в большей степени рассматривается вопрос межнациональных отношений в ссыльном регионе, проблема сохранения национальных традиций, идентичности,

веры²¹. Поднимаемая авторами тема становится настолько значимой, что в 18-ом выпуске «Сибирской ссылки» ей отводят отдельную рубрику под названием «Этно-конфессиональные аспекты политической и уголовной ссылки».

Материалы статистических источников уже были введены в научный оборот советскими исследователями, а на современном этапе существенно изменены акценты в изучении отчетных данных. Совсем по другому делу обстоит, когда речь идет об этнической ссылке середины XX века и авторами поднимается проблема репрессий по отношению к советским немцам после начала Великой Отечественной войны в 1941 году. Здесь уже используются ранее не опубликованные, «закрытые» для исследователей архивные данные, по которым изучается режим спецпоселений, система надзора за ними и более поздние процессы реабилитации сначала уголовных, а затем и политических осужденных немцев²². Благодаря уникальным документам МВД СССР, находящимся на хранении в Красноярском и Иркутском партийных архивах, которые были впервые введены в научный оборот, удалось более скрупулезно изучить периоды усиления и некоторого послабления режима по отношению к спецпоселенцам.

Помимо активного исследования новых архивных «пластов», авторы, изучающие вопросы переселенческой политики советской власти вводят в научный оборот материалы иностранных исследователей, посвященных проблеме депортации немцев. На страницах выпусков «Ссылные революционеры в Сибири» Б.С. Шостакович также активно использовал исторические сюжеты изданной за рубежом прессы и мемуаров в своих исследованиях для изучения «белых пятен» в биографиях польских ссылных. Гораздо большей редкостью, чем использование иностранных источников в историческом исследовании каторги было изучение опубликованного зарубежного издания как объекта источниковедческой работы. Таким источником стал труд американского путешественника и публициста Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка»²³. Этот источник уникален разнообразием рассмотренных на его страницах тем, которые отражали воспоминания осужденных, дневники и письма самих ссылных, планы тюрем, описания этапных маршрутов, материалы статейных списков. Именно поэтому данный источник имеет важное значение в деле изучения ссылки.

Помимо этнического аспекта, внимание современных исследователей привлекает гендерная сторона ссылки и каторги. Ранее данная тематика не становилась предметом специального исследования. В исследованиях отмечалось, что, несмотря на давность практики ссылки женщин в каторжные работы, в системе Нерчинской каторги так и не были созданы отдельные для женщин условия отбывания наказания. По сравнению с советским периодом изучения женской каторги, когда жизнь политических преступниц рассматривалась только с точки зрения революционной составляющей, в современный период, благодаря рассмотрению ранее не изученных делопроизводственных тюремных материалов, уже исследуется национальный, возрастной состав, образовательный уровень осужденных, условия их содержания. При этом авторы отмечают отсутствие законодательно закрепленных послаблений, касавшихся ношения кандалов. Однако, местная тюремная администрация позволяла не одевать их в обычное время, а лишь на время приезда в тюрьму начальства²⁴. Такие подробные сведения излагались не столько в документах тюремной части, сколько в воспоминаниях бывших каторжников.

Помимо изучения законодательных актов, существенно расширивших проблематику новых исследований, на современном этапе изучения каторги и ссылки исследователи вновь обратили свое внимание на отчетную документацию министерств и ведомств правоохранительной системы дореволюционной России. Отрадно, что уже в первом сборнике «Ссылных революционеров в Сибири» в 1973 года, авторы ссылаются на подсчитанную по материалам Главного тюремного управления, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел статистику ссыльного элемента²⁵. То есть отчетность государственных структур уже активно использовалась исследователями. Однако, ценные дореволюционные делопроизводственные источники изучались только по вопросам, касавшимся политической и административной ссылки, так как подходы к изучению проблемы системы наказания были подвержены сильнейшей идеологизации. Современными же исследователями предпринимается попытка изучения формирования самих делопроизводственных документов в конкретный исторический момент, определить их правовую основу, значимость для вышестоящих государственных структур. Так,

по новому оцениваются введенные в оборот Э.Ш. Хазиахметовым и Н.Н. Щербаковым статейные списки, используемые отчеты министерств и ведомств, которые становятся объектом изучения современных исследователей.

В перечне используемых авторами сборника «Ссылных революционеров в Сибири» источников важнейшее место занимали источники личного происхождения – мемуары, воспоминания, письма политических заключенных. Степень информативности этих источников чрезвычайно высока, ведь в них тщательно описывались биография, взгляды революционеров, подробности бытовых условий отбывания наказания, отношение к ним со стороны тюремных органов и многое другое, что является уникальной источниковой базой. Часть этих материалов сосредоточена в фондах архивов и фондах рукописей ведущих библиотек страны, другая часть была опубликована благодаря активной издательской деятельности Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев. Отдельные материалы по исследовательской деятельности публиковались в журнале «Каторга и ссылка». Благодаря активному изучению этого наследия на страницах сборника «Ссылные революционеры в Сибири» появляются объемные публикации, где подробно излагается мнение непосредственных «узников царского режима».

Отрадно, что для постоянных авторов продолжающегося сборника, посвященного сибирской ссылке источники личного происхождения все еще представляют источниковедческий интерес. Так, в статье Б.С. Шостаковича, опубликованной во 2-ом (14) сборнике «Сибирской ссылки» как редкий источник исследуется дневник «одного из ключевых фигур польских политических ссылных»²⁶. По справедливому замечанию автора статьи, дневник Юльяна Сабиньского уникален не только данными о самом польском общественном деятеле, но и свидетельствами об истории декабристского движения. Тем самым, тема взаимоотношений декабристов с политическими ссылными поляками имеет продолжение, ведь она начала свое изучение еще на страницах 4-го выпуска «Ссылных революционеров в Сибири»²⁷.

К сожалению, эпистолярное наследие все меньше используется профессиональными исследователями как источник для изучения ушедшего времени, между тем оно еще во многом не изучено.

Наряду с делопроизводственными данными, современные отечественные авторы вводят в активное использование данные статистики Министерства юстиции царской России, с помощью которых устанавливают количественные данные о преступлениях, совершенных во второй половине XIX – начале XX вв., возрастной, половой состав осужденных в масштабах страны, уровень образования, вероисповедание преступников. Помимо рассматриваемых судебными органами дел, источники позволяют оценить работу самих государственных правоохранительных структур, например, количественный состав сотрудников в судебных палатах и адвокатуре. Ежегодное обобщение сведений в Сводах о результатах работы судебных учреждений страны позволяет проследить динамику численности судейских штатов и меняющееся число присяжных поверенных, изучить количество приходящихся на долю каждого дел²⁸.

Данные министерской статистики, опубликованные в Сводах статистических сведений по делам уголовным, производившимся в судебных учреждениях, использовались советскими авторами как официальные сведения по уточнению численности политических преступников начала XX века, поэтому в большей степени использовались источники, начиная с 1906 по 1916 гг.²⁹. Кроме того, при подсчете численности сосланных преступников использовались данные, касавшиеся только государственных осужденных, без учета уголовной ссылки, таким образом, большая часть ценного материала из статистического источника в XX веке не была введена в научный оборот. В то время как сегодня активно используется для изучения судебной и тюремной систем.

Изучение сибирской ссылки невозможно без рассмотрения периодики. Значение этого вида источника отмечалось практически в каждом выпуске «Ссылных революционеров в Сибири». Материалы таких советских периодических изданий как «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «Якутская окраина» и многих других активно использовались как мемуарное наследие в деле изучения идейных течений политических ссылных, влияния на развитие культурной и просветительской деятельности. Отдельные периодические издания становились предметом специального изучения на страницах сборника³⁰. Однако, в меньшей степени в них исследовался сам источник, его

структура, информационная составляющая, в большей – деятельность самих авторов – политических ссыльных. Кроме революционных изданий, авторами вводилась в научный оборот ведомственная пресса – «Врачебная газета», «Сибирский врач», в материалах которых нашла свое отражение деятельность сосланных в ссылку по политическим статьям врачей³¹. В использованных к статьям источниках также фигурировали дореволюционные издания журнала «Тюремный вестник», при этом выбирались материалы, которые отражали жесткость режима тюремных властей по отношению к государственным преступникам. Конечно, более предметное и подробное освещение такие ведомственные издания правоохранительных органов как «Тюремный вестник», «Журнал министерства юстиции» получили уже на страницах сборника «Сибирской ссылки». С этого момента уже подробно исследуется сама структура изданий, степень их информативности, уникальный авторский состав, который представлял ведущие законотворческие органы и научные центры страны. Помимо ведомственных журналов, практически не использовалась официальная сибирская периодика, в том числе такие газеты как «Восточное обозрение», «Сибирь», «Иркутские губернские ведомости», «Томские губернские ведомости» и др. издания, вошедшие в активный научный оборот только в начале XX столетия. Все это, несомненно, обогатило исследование темы ссылки в Сибирь.

Отрадно, что как тридцать – сорок лет назад, так и сегодня исследователей привлекает тема публицистической деятельности самих ссыльных. Так, например, в советскую эпоху исследовалась тема деятельности политических ссыльных в сибирской периодике³², а сегодня изучается публицистическая работа декабристов³³. Продолжают изучаться и советские издания – журнал «Каторга и ссылка» по сей день является объектом исследований современных ученых, которые рассматривают деятельность издательства в конкретных исторических условиях, дают характеристику структуре, наполняемости тем³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на сильнейшую идеологизацию проблемы системы наказания со стороны правящей партии, в советский период был накоплен большой пласт материалов, который, смеем надеяться, еще долгое время будет «подпитывать» новое поколение исследователей.

Однако, при всей активности изучения темы ссылки, только в последнее десятилетие, в основном благодаря изучению архивных документов, стала осваиваться «обратная сторона» каторги и ссылки – деятельность органов тюремного надзора, суда, адвокатуры и т. д.

В целом в 70-е – 80-е гг. XX в., в силу объективных причин, связанных с историческими реалиями общественного развития, и субъективных причин, основанных на видении самих авторов, многие правовые и архивные делопроизводственные источники интерпретировались искаженно. Авторы намеренно не замечали в них определенных фактов, привнося в исследуемый источник разоблачительный характер и смысл. Именно поэтому в советский период не было полноценно исследовано законодательство, ведь в нем видели только угрозу жизни для политических преступников. При этом сегодня исследователи стоят на позиции того, что законодательство страны должно охранять его от посягательств и способствовать тем самым укреплению государственности.

Говоря о перспективах развития темы ссылки в Сибирь, важным моментом явилось то, что благодаря выявленным и введенным в научный оборот источникам в XXI веке тема ссылки не только не исчерпала себя, а приобрела новые направления. Хочется надеяться, что в исследованиях современных историков и юристов и дальше достойное внимание будет уделяться роли источника в деле изучения пенитенциарной системы страны.

Примечания

1. Иванов А.А. Предисловие // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17). С. 3.

2. Мясников Д.А. Взгляды центральных и местных властей Российской империи на реорганизацию политической каторги в Забайкалье // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 222.

3. Быкова Н.Н. Труд заключенных Александровского централа в начале XX века // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2006. Вып. 3 (15). С. 95-96.

4. Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в- февраль 1917). Вып. 2. Иркутск, 1974. С.61.

5. Мясников Д.А. Указ. соч., с. 224-230.

6. Быкова Н.Н. Указ. соч., с. 96.

7. Курас Т.Л. Вопросы деятельности судебных палат в Российской империи // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

8. Афанасов О.В. Документы об истории Озерного лагеря в Иркутской области (1948–1963) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2003. Вып. 2 (14).

9. Какоурова Н.А. Кадровый состав органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1930-е годы // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

10. Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

11. Волочаева А.В. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17); Мошкина З.В. Из истории формирования женской политической каторги в России // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

12. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973.

13. Дадышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

14. Гусарова Т.О. Политико-воспитательная работа и обеспечение условий отбывания наказания в местах заключения Республики Бурятия в 50–60е гг. XX в. // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16); Звягин С.П. Создание и деятельность Отрядов особого назначения МВД Всероссийского правительства в Сибири (1919 г.) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16); Курас Л.В., Суш С.П. Очерк истории мест лишения свободы в Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 1950-х гг. ... // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16); Маменкова Е.С. «Спецконтингент» НКВД СССР – дополнительный источник трудовых ресурсов Красноярского края (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18); Мильбах В.С. Политические репрессии Сибирского военного округа, 1937–1938 гг. // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17);

15. Казарин В.Н. Председатели Иркутского областного суда: пять портретов юстиции // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2006. Вып. 3(15).

16. Шостакович Б.С., Кодан С.В. Историко-правовые аспекты польской ссылки в Сибирь в 1830-х – первой половине 1850-х годов // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып.

9. Иркутск, 1985; Дамешек Л.М., Кодан С.В. Система контроля за перепиской ссылных дворянских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1985.

17. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Ссылка и каторга в имперском законодательстве // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18).

18. Степанова Н.Г. (Шенмайер) Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17). С. 245.

19. Степанова Н.Г. (Шенмайер) Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2003. Вып. 2 (14). С. 185.

20. Кальмина Л.В. Адаптация ссылных в Сибири во второй половине XIX в.: этнические нюансы // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18).

21. Гончаров Ю.М. Процессы аккультурации и ассимиляции ссылных поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18).

22. Ивлева Т.В. Репрессивная политика против советских немцев в 1941–1945 гг. (на материалах Красноярского края) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16); Занданова Л.В., Меглин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

23. Меламед Е.И. «Сибирь и ссылка» Джорджа Кеннана и её источниковедческая основа // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2000. Вып. 1 (13).

24. Максимова В.Н. Политическая каторга в Сибири в 1906–1917 гг.: гендерный аспект // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

25. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссылных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 202.

26. Шостакович Б.С. Сибирский «Дневник моей неволи» Юльяна Сабиньского: поиски и находки по следам уникального исторического источника // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2003. Вып. 2 (14).

27. Шостакович Б.С. О дружественных связях декабристов с политическими ссылными-поляками в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 4. Иркутск, 1979.

28. Шахерова С.Л. Присяжная адвокатура Восточной Сибири: состав и территориальное распределение (1885–1917 гг.) // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2003. Вып. 2(14). С. 185.

29. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 204.

30. Сосновская Л.П. Связи политических ссыльных Сибири с видными партийными публицистами (по материалам печати 1912–1913 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 4. Иркутск, 1979.

31. Щербаков Н.Н. Революционеры-медики в сибирской ссылке (1906–1917) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 4. Иркутск, 1979.

32. Сосновская Л.П. Политические ссыльные в газете «Забайкальское обозрение» // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 6. Иркутск, 1981.

33. Бобков А.К. Публицистика ссыльных декабристов и её влияние на сибиряков // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

34. Васильева Н.Ф. Роль рецензий в становлении журнала «Каторга и ссылка» // Сибирская ссылка: Сборник статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

УДК 001(470.5)(092)

Л.П. Рощевская

Документы Научного архива Коми научного центра Уральского Отделения РАН о репрессированных ученых

В статье предложен обзор документов, отражающих научную деятельность репрессированных в 1930–1950-х гг. ученых, отбывавших наказание и в Сибири, и в Коми АССР.

Ключевые слова: репрессированные ученые, Главное Управление ЛагереЙ, Республика Коми, архивы, геология, сельское хозяйство.

L.P. Roshchevskaya

**Documents of Scientific archive Komi of scientific center
The Ural Office of the Russian Academy of Sciences
about the repressed scientists**

In article the review of the documents reflecting scientific activity of scientists repressed in the 1930–1950th, serving sentence both in Siberia, and in Komi is offered the Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords: the repressed scientists, Head Department of Camps, the Komi Republic, archives, geology, agriculture.

Возрастающий интерес к условиям развития научных исследований делает необходимым выяснение роли тысяч репрессированных в 1930–1950-х гг. в освоении отдаленных районов страны (Сибирь и Европейский северо-восток) и развитии ресурсо-добывающих отраслей.

В системе лагерей ГУЛАГа НКВД СССР появилась новая социальная группа – репрессированные ученые. В современной литературе понятие «репрессированный ученый» определяется как специфическая, маргинальная группа научных кадров¹. И включает разные категории: заключенные, выведенные на поселение; вольнонаемные с различной степенью поражения в правах. Важнейшими признаками репрессированных ученых являются, на наш взгляд, лишение гражданских прав, изоляция в лагерях или в спецпоселках, ограничение в выборе тематики, сборе и поиске материалов и источников, невозможность открытого научного общения и публикации научных результатов. Из-за психологического, гражданского и творческого ущемления, эта группа формально не занимала видных постов и положения в мировом научном сообществе. Из-за репрессий некоторые ученые лишились возможности получить высшее (специальное) образование или не могли доказать факт окончания высшего учебного заведения или получения ученой степени. Ссылный агроном П.П. Зворыкин так характеризовал свое положение: «Мое продолжительное местожительство вдали от центров, ведающих оформлением научной деятельности, не дало мне возможности до сих пор оформить свое научное положение, а потому в настоящее время я имею только звание профессора, присвоенное мне при получении мною кафедры в Тамбовском сельскохозяй-

ственном институте». Как правило, уделом репрессированных ученых становились обязанности только младшего технического персонала.

Несмотря на ограниченные возможности, репрессированные ученые внесли неоценимый вклад в развитие фундаментальной науки. Имея природные склонности к логическим размышлениям, они в экстремальных условиях приобретали навыки систематического, методичного сбора материалов, а затем осмысления полученных сведений и обобщения результатов, т. е. вели профессиональную деятельность.

Многочисленные свидетельства подтверждают страстное стремление осужденных заниматься интеллектуальным трудом. Приведем несколько высказываний тех, кто отбывал наказание в Коми АССР. По словам заключенной из совхоза «Вожаель» Устьвымлага, «не хочется прозябать... Хочу быть полезной и внести то, что смогу для науки в сельское хозяйство». Высланный в Воркуту, а затем в Ухту геолог В.К. Флуг, который семнадцать лет провел в лагерях, вспоминал: «мой формуляр террориста с десятилетним сроком никогда не являлся препятствием к творческой свободе познания». Будущий академик А.А. Баев, сосланный уже после Великой Отечественной войны в Сыктывкар, признавался: «Инстинкт исследователя заложен во мне самой природой. Где бы я ни был и что бы я ни делал, всегда находились темы для исследования, предпринимаемые по моей собственной инициативе и ради самого исследования, а не каких-то побочных целей»².

Научной деятельности репрессированных посвящено немало работ. Одним из тех, кто создал научную концепцию развития производительных сил Севера и роли в этом ГУЛАГа стал сотрудник Госплана с 1925 г. экономист С.В. Славин. Славин впервые охарактеризовал крупные межотраслевые хозяйственно-территориальные объединения («интегральные комбинаты»), через деятельность которых была реализована советская стратегия освоения Севера в годы первых пятилеток. Комбинатам присуща выделенная государством территория, на которую распространяется деятельность данного комбината. Эта территория определяется не административными границами, а характером поставленных перед комбинатом задач. Для решения основной задачи по подъему производительных сил данной территории

в деятельность комбината включались все отрасли хозяйства и все виды производства, в том числе научные исследования, подчинение всех предприятий, входящих в комбинат, единому руководству, объединяющему все материально-технические и финансовые средства, а также людские ресурсы. Среди интегральных комбинатов С.В. Славин называл прежде всего Воркутинский и Ухто-Печорский³. Эта концепция ученого экономиста наиболее четко изложена в его работах 1950–1960-х гг., но складывалась она в 1930-х гг.⁴

В середине 1990-х гг. появились труды, освещающие научную деятельность репрессированных. Сборник «Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР» (М.: «Наука», 1995), содержит фактический материал по истории насильственного подчинения научного сообщества тоталитарному государству. Серьезный вклад в изучение роли репрессированных ученых, в том числе в Коми АССР, внесли Е.В. Маркова, В.А. Волков, А.Н. Родный и В.К. Ясный, собравшие богатый справочный материал⁵.

В Республике Коми уделяется большое внимание изучению проблемы ГУЛАГа. Крупным исследовательским центром по названной проблеме стал Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», созданный в 1998 г. В 1998–2008 гг. при участии фонда опубликованы свыше 35 изданий по истории политических репрессий. К 2013 г. издано 14 томов мартиролога «Покаяние». В каждом томе почти половину страниц составляют списки репрессированных, здесь опубликованы статьи о малоизвестных страницах истории политрепрессий.

Другим центром по изучению политических репрессий был единственный в Республике Коми диссертационный совет Сыктывкарского госуниверситета (1995–2007 гг.)⁶.

Несмотря на обилие региональной исторической литературы, характеристика архивных фондов представлена в ней только как кладезь источников. Изучение деятельности репрессированных ученых затруднено, т. к. недостаточно известны нужные источники, а между тем часть из них по проблемам репрессивной политики имеется в некоторых архивах. Одним из таких хранилищ является Научный архив Коми Научного Центра

Уральского Отделения РАН (НА Коми НЦ УрО РАН) в г. Сыктывкар Республики Коми.

Единственными научными организациями в Коми АССР, которые вели научную деятельность и могли помочь ГУЛАГУ в исследованиях были академические учреждения, появившиеся в Коми АССР в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. В августе 1941 г. в г. Сыктывкар эвакуированы Северная из Архангельска и Кольская из Кировска Базы АН СССР. В Сыктывкар приехали 34 научных сотрудника с семьями, семеро из них подвергались до эвакуации разным формам политических притеснений⁷.

Научные учреждения 29 октября 1941 г. объединили в Базу АН СССР по изучению Севера (1941–1944). После реэвакуации учреждений, по настоянию Коми обкома ВКП(б) в Сыктывкаре создана Научно-исследовательская База АН СССР в Коми АССР (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР), в состав которой включили Коми научно-исследовательский институт языка и литературы, действовавший с 1934 г.⁸

В 1953 г. в Коми филиале АН СССР организован научный архив, однако и раньше в академическом учреждении сохраняли документы о научной, научно-организационной и общественной деятельности. В библиотеке и кабинетах научных сотрудников отложилось большое количество уникальных документов, многие из которых, так или иначе, отражали проблемы репрессивной политики в стране и научную деятельность репрессированных.

Сотрудники Научного архива Коми Научного центра Уральского Отделения РАН основное внимание уделяют обзору документов⁹, характеристике источников по истории репрессированных научных сотрудников¹⁰, в том числе сотрудников Коми филиала АН СССР, издательской деятельности в лагерях ГУЛАГа на территории Коми АССР, академических тематических исследованиях, в которых принимали участие репрессированные ученые¹¹.

Задача данной статьи: охарактеризовать документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН о научном творчестве в Коми АССР в 1930–1950-х гг. тех ученых, деятельность которых была связана с Сибирью, выяснить их вклад в развитие фундаментальной науки.

В накоплении документов по истории ГУЛАГа в НА Коми НЦ УрО РАН можно выделить несколько этапов. В 1941–1952 гг. документы хранили, но еще отсутствовало специальное подразделение. 1953 г. – середина 1960-х гг. можно охарактеризовать как время ликвидации системы ГУЛАГа. В конце 1960-х – середине 1990-х гг. наступил длительный перерыв в поступлении документов, освещающих поставленную проблему. В конце 1990-х гг. архив подвергнут качественному реформированию. Этот этап и по настоящее время характеризуется усиленными научными изысканиями.

В 1941–1952 гг. сотрудники нескольких академических учреждений-предшественников сохраняли научную документацию задолго до формального создания в академическом учреждении архива.

Первый поток документов, связанных с ГУЛАГовской проблемой, поступил в архив в военные годы. Это были полевые дневники, научные отчеты, документы о проведении научных конференций, личные дела.

Первые научные отчеты посвящены результатам ботанических исследований 10-километровой зоны вдоль строящейся железной дороги до Воркуты. Отчеты объединяет единая структура, высокий уровень анализа собранного материала, наличие большого количества иллюстративного материала, грамотных профессиональных выводов и обобщений, а также рекомендаций для дальнейших исследований. Все это свидетельствовало о том, что выполнением отчетов руководили знающие специалисты.

Выяснилось, что в Сыктывкаре оказались несколько сотрудников, работавших ранее на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Руководил сектором геоботаники и местного растительного сырья кандидат биологических наук Н.Е. Кабанов¹². Сотрудником сектора являлась В.М. Болотова¹³, прибывшая в Сыктывкар еще в 1939 г. из Владивостока.

Этим ученым и принадлежат некоторые отчеты. База по изучению Севера АН СССР в 1942 г. подписала соглашение с Устьвымлагом о совместных научно-исследовательских работах, чтобы выявить и изучить естественные кормовые угодья в верховьях р. Вымь и ее левых притоков. Руководителем стал Н.Е. Кабанов. На лодках и пешком его отряд прошел за 78 дней

1293 км. Исследователи провели съемку сенокосных угодий, установили их ботанические и агропроизводственные характеристики. К обследованию территории привлекали немало заключенных, выполнявших не только техническую (черновую) работу, но и ставших соавторами исследований. Отчеты пестрят фамилиями помощников из заключенных.

Необходимо подчеркнуть, что тематика отчетов напрямую связана с возникновением и расширением ГУЛАГовской системы. Чтобы оценить состояние сельскохозяйственных ресурсов для содержания массы политкаторжан, заключенных и ссыльнопоселенцев, необходимо было составить карты-схемы изучаемого района, так как к тому времени графических планов и карт не существовало.

Н.Е. Кабанов писал, что практические результаты, полученные в 1942 г., не могли в полной мере удовлетворить запросы ГУЛАГа, так как потребности в продовольствии и кормовой базе оказались неизмеримо выше. В 1943 г. Устьвымлаг продлил соглашение с Базой АН СССР. 2 февраля 1943 г. на заседании ученого совета Базы АН СССР в Коми АССР заслушали доклады проф. С.А. Каспаровой, заместителя начальника Воркутстроя и представителя сельхозотдела Интастроя об организации совместных научно-исследовательских работ с опытными сельскохозяйственными учреждениями промышленныхстроек НКВД СССР в Коми АССР. Ученый совет постановил организовать пункты агробиоотдела Базы на основе Воркутинской опытной сельскохозяйственной станции и Интинского совхоза «Кедровый Шор»¹⁴. Организовали сплошную инвентаризацию естественных кормовых угодий района, где была сосредоточена вся хозяйственно-промышленная деятельность лагеря.

Подлежало обследовать общую площадь до 740 837 га. В конце мая 1943 г. в пос. Вожаель прибыло до 30 человек, отобранных для проведения инвентаризации. В большинстве случаев это были агрономы, техники-полеводы, овощеводы, лесные техники и специалисты, топографы, культуртехники и мелиораторы из заключенных. Для них организовали семидневные курсы, провели занятия по геоботанике, почвоведению и общей ботанике. Все лекции сопровождали практическими занятиями в поле.

В результате обследования ученые пришли к выводу, что проблема пастбищ останется весьма жгучей и ответственной для ферм Устьвымлага. Следует признать, что для военного времени, когда не хватало бумаги, не было чернил, а главное, специалистов, эти отчеты выгодно отличались от других, иллюстрированы таблицами, схематическими картами распределения луговых угодий и обзорной картой естественных кормовых угодий района и колхозов, расположенных по долинам рек.

Научные сотрудники столкнулись с громадными социально-демографическими изменениями в регионе. Открытых данных в их распоряжении не было. Поэтому ученые во всех своих отчетах перечисляли новые населенные пункты, делали схемы их расположения. Стремясь показать на картах новые населенные пункты, ученые содействовали накоплению важных сведений демографического и экономического характера. Но самое главное, в отчетах довольно точно отражены свыше 20 новых населенных пунктов, возникших в результате деятельности ГУЛАГа¹⁵. Из научных отчетов стало ясно, как изменилась к 1942 г. демографическая ситуация в тех районах, где раньше была дикая парма (тайга).

Другим направлением совместных работ академического учреждения и лагерей ГУЛАГа стали работы по интродукции овощных культур в условиях севера. К концу 1944 г. в Базе разработали несколько программ по интродукции картофеля и овощных культур. По тем временам эти программы были составлены на очень высоком научном уровне. В выполнении и этой работы участвовали опытные работники из семи хозяйств ГУЛАГа, Мерзлотной станции АН СССР и опытной станции Воркутстроя. «Вся экспериментальная работа проводилась агрономами местных организаций под руководством Базы Академии наук», – писал научный сотрудник М.И. Таранец¹⁶.

Вяяснилось, что репрессированные специалисты могут оформить свои результаты для печати. Часть этих работ сохранилась в архиве в виде своеобразных рукописных альбомов. Это ценнейший обобщающий, хотя и обезличенный источник о сельскохозяйственной деятельности ГУЛАГа. Недаром, почти все рецензенты отмечали положительный опыт пионеров освоения новых земель на севере, и подчеркивали, что «ими может гордиться П[осударственное] У[правление] Л[агерей] ж[елезно-]

д[орожного] с[троительства] и наркомат». В августе 1946 г. комиссия Президиума АН СССР рекомендовала руководству Базы АН СССР в Коми АССР «усилить связь с местными научно-исследовательскими учреждениями ГУЛАГ НКВД по выполнению наиболее актуальных работ, в первую очередь по биологическому циклу»¹⁷.

В развитии сельскохозяйственной деятельности ГУЛАГа немалое значение сыграло совещание Отделения биологических наук, Совета филиалов с филиалами АН СССР по вопросам сельского и лесного хозяйства Севера Европейской части СССР, проведенное в 1952 г. Перед учеными биологами были поставлены задачи повысить производительность сельского хозяйства путем создания прочной кормовой базы, повышения плодородия почв, освоения болот, создания овощной базы открытого и закрытого грунта, задачи рационального освоения лесных массивов севера, изучения способов борьбы с паразитами, вредными насекомыми и болезнями растений. После совещания начался новый этап научного сотрудничества Коми филиала АН СССР и ГУЛАГа, но вскоре умер И.В. Сталин, прошел XX съезд партии и империя ГУЛАГа резко сократила свои «владения».

В Научном архиве Коми Научного Центра УрО РАН сохранились документы о проведении Коми филиалом научных сельскохозяйственных и геологических конференций с участием заключенных и ссыльных, как мягко сказано в одном из документов, «гостей крайнего севера»¹⁸.

Представляют интерес также личные дела сотрудников, подвергавшихся репрессиям, прежде всего, будущего академика (1970) выдающегося ученого в области биохимии, молекулярной биологии и генетической инженерии А.А. Баева¹⁹. А.А. Баева в 1937 г. приговорили к десяти годам заключения и пяти годам поражения в правах. С 30 апреля 1944 г. ученый заведовал терапевтическим отделением больницы Норильского комбината МВД СССР. За эту работу награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В списке работ А.А. Баева указано, что в Сибири он подготовил к печати статью «Принципы медицинского отбора кадров для работы на Севере в связи с климатическими факторами». В 1947 г. Баев был освобожден и с ноября заведовал лабораторией биохимии сектора растительных ресурсов Базы АН СССР в Коми АССР.

Под его руководством и при его непосредственном участии разрабатывали темы биохимических свойств картофеля, культивируемого в Коми АССР и биохимии созревания ячменного зерна.

Краткую информацию личного дела А.А. Баева дополняют опубликованная переписка и воспоминания. Александр Александрович с первого дня приезда в Сыктывкар начал «организовывать и оснащать лабораторию, приводить в порядок библиотеку. Устраивал семинары и лекции [доклады «Современная физика – попытка анализа некоторых течений с точки зрения материалистической диалектики» и «Отношение физики и химии к биологии»], писал статейки в местную газету (это дома, вечерами), ездил в колхоз на субботники... В Сыктывкаре, приводя в порядок наваленные груды книг в библиотеке филиала, отбирал для себя интересные груды книг по физике, химии, биологии и философии». Ученый делился, что «приступил к разборке иностранных фондов нашей библиотеки», «с удовольствием обнаружил, что в библиотеке имеются полные комплекты *“Chemisches Zentralblatt”* за 1934–37 гг. и *“Chemical abstracts”* с 1936 г. по сей день». А.А. Баев писал, что положение его на Базе в Сыктывкаре «по-прежнему хорошее... Впрочем, ходу мне особенно не дают из осторожности, но притеснять не притесняют».

Доктор биологических наук И.В. Забоева вспоминала, что Александр Александрович «оставил глубокий след в памяти каждого, кто работал в это время в филиале – своей добротой и удивительной скромностью, человечностью. К нему тянулись сотрудники за консультацией, за советом и он был доступен каждому, и каждый уходил от него, обогащенный мудрым и умным советом». Тем не менее работа А.А. Баева в г. Сыктывкаре закончилась неожиданно, когда в 1949 г. он был вторично репрессирован и появился приказ: «Считать выбывшим 23 февраля [его] года зав[едующего] лабораторией биохимии Базы Баева Александра Александровича».

Как вспоминал в 1990-е гг. акад. М.П. Рощевский, несколько раз он «подступал к А.А. Баеву с предложением посетить Сыктывкар, посмотреть, как развивается Коми филиал, а затем и Коми научный центр. Но академик всегда отказывался, хотя каждый раз с благодарностью отзывался о людях, кто работал

рядом с ним в Сыктывкаре, но повторял, что с этими годами у него связаны весьма тяжелые для него времена и он не хотел бы погружаться глубоко в воспоминания об этом периоде»²⁰.

Документы Научного архива отражают деятельность уникального учреждения на территории Коми АССР – Воркутинской мерзлотной станции²¹. В январе 1947 г. решением Совета Министров СССР станция реформирована, а работников отправили на производство в сельскохозяйственные фермы при шахтах и ближайшие совхозы²². Станция имела научные контакты со специалистами из других лагерей по проблемам, связанным с особенностями освоения региона, в частности с Игарской станцией (центральной лабораторией). Между Воркутинской и Игарской станциями заключили договоры о совместной геофизической экспедиции для решения конкретных практических задач на научной основе²³.

После войны наблюдается стремление заключенных (ссылных) перейти на работу в Коми филиал АН СССР после освобождения. В начале 1945 г. в Базу АН СССР в Коми АССР поступил крупный комплекс документов от репрессированного профессора Петра Павловича Зворыкина, которому удалось всего несколько месяцев поработать в Сыктывкаре²⁴.

Успешная научная и преподавательская деятельность П.П. Зворыкина была прервана в 1933 г. Ему пришлось покинуть Ленинград и, по его словам, «заняться разработкой организации совхозов хоз[яйственного] о[тдела] НКВД в Новосибирске». Позже он работал в Сибирском институте животноводства, где подготовил большую работу «Кормовые культуры Западносибирского края» (около 20 п. л.), но опубликована она не была (рукопись сдана в библиотеку института). Другая работа по семеноводству, как он писал, «находится в НКВД». В 1935 г. П.П. Зворыкин переведен в Ташкент в пригородный совхоз НКВД. Акад. Н.И. Вавилов писал в 1940 г., что Зворыкин «является крупным специалистом по вопросам луговодства и кормовых трав, организатором крупной станции по луговым и кормовым растениям под Москвой. Им организовано государственное сортоиспытание по кормовым травам и проведена большая селекционная работа по клеверам», что опубликованные труды П.П. Зворыкина обнаруживают «большую эрудицию автора, большие конкретные знания в вопросах семеноводства,

сортоиспытания и селекции». Другие современники подчеркивали: «Имя Зворыкина хорошо известно в русской селекционной литературе... Особенно же имя П.П. Зворыкина связывается с работами по красному клеверу».

Затем ученого агронома отправили на север на опытный участок в пос. Чибью (г. Ухта) Коми АССР. 4 февраля 1940 г. П.П. Зворыкина освободили, но он остался на той же Ухтинской станции в качестве вольнонаемного – начальником и научным руководителем. И на севере Зворыкин проявил незаурядный талант ученого и организатора, выступал с докладами на конференциях в Ухте, Сыктывкаре, Княжпогосте, публиковал заметки в газете «За ухтинскую нефть». В 1941 г. П.П. Зворыкину объявили благодарность в приказе Наркома НКВД, а в 1943 г. наградили медалью «За трудовое отличие».

В апреле 1945 г. П.П. Зворыкина зачислили старшим научным сотрудником Базы в Сыктывкаре. Он стал заведующим сектором растениеводства. Переезжая в Сыктывкар, он привез рукопись «Красный клевер» (1945). Один из вариантов назывался «Семеноводство красного клевера в условиях Коми АССР». Сохранилось несколько отзывов об этой рукописи, в том числе проф. П.Ф. Рокицкого²⁵.

Судьба ученого была сломана; он не смог реализовать интеллектуальный научный потенциал. Но его научные разработки не пропали. Благодаря ему сохранены уникальные документы о деятельности сельскохозяйственной опытной станции НКВД в Ухте, а несколько позже другая сотрудница Коми филиала АН СССР М. Щенкова защитила кандидатскую диссертацию о клевере, как кормовой культуре.

Работая на Ухтинской опытной сельскохозяйственной станции, П.П. Зворыкин изучал метеорологические условия, связывая с ними возможности сельского хозяйства в районе, а также проводил сортоиспытание разных культур. Ему принадлежат обширные материалы о продвижении овощных культур на север: дневники полевых работ по картофелю и другим сельскохозяйственным культурам (1934–1944 гг.), конспекты лекций, материалы к докладам, вырезки из газет по близкой тематике, тексты многочисленных выступлений по местному радио. Среди его работ сохранились рабочие записи и конспекты книг. П.П. Зворыкин сохранил различные материалы по растениеводст-

ву в Ухтинской сельскохозяйственной станции Ухтижемстроя за 1942–1945 годы²⁶. Все эти документы ныне хранятся в НА Коми НЦ УрО РАН.

Документы, сохраненные в академическом учреждении в 1941–1952 гг., задолго до создания специального подразделения, представляют собой уникальный комплекс.

Второй этап формирования архива (1953 – середина 1960-х гг.), как было сказано выше, относится к тому времени, когда было принято решение о создании архива как самостоятельного подразделения. Первоначальным отбором документов по кабинетам сотрудников и в библиотеке занимался известный финно-угровед и историк, человек энциклопедических познаний А.С. Сидоров²⁷.

В эти годы продолжали поступать документы о сотрудничестве с научными учреждениями ГУЛАГа, преимущественно геологическими. Известны случаи, когда ведущие сотрудники копировали или вывезли документы и книги из лагерных поселений и сохранили их. Целенаправленно собирал такие документы профессор д.г.-м.н. А.А. Чернов. Показательно, что некоторые копии крупных работ имеют автограф «Перепечатка проверена А. Черн[ов]»²⁸.

Так попали в архив некоторые документы д. г.-м. н. (1947) профессора, дважды лауреата Сталинской премии СССР (1947, 1951), Героя Социалистического Труда (1969) Андрея Яковлевича Кремса (1899–1975)²⁹.

В 1944 г. Кремс возглавил правительственную комиссию по ознакомлению с состоянием поисковых работ Севморпути на нефть и газ и находился в командировке в районе Усть-Енисейского порта и Нордвика в Арктике. Проблеме освоения морских нефтяных промыслов Кремс посвятил несколько публикаций³⁰.

В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН отложилось несколько научных отчетов А.Я. Кремса за 1943–1970-е гг., написанных в рамках Ухтижемстроя («Нефтяные и газовые месторождения Коми АССР, состояние их изученности, план и направление геолого-разведочных работ на 1943 год», «О состоянии, перспективах и дальнейшем развитии работ Ухтинского комбината на нефть и природный газ» (1950) и др.

Представляют интерес пленарные и секционные доклады А.Я. Кремса (иногда в соавторстве) на VI–VIII геологических

конференциях Коми АССР (1964–1974 гг.), закрытых совещаниях «Краткие итоги геолого-поисковых и разведочных работ Ухтокомбината МНП СССР на нефть и газ за время с 1948 по 1953 г., дальнейшие перспективы и план на 1954 г.», а также докладные записки о перспективах работ Ухтинского комбината на нефть и природный газ (1950), результатах геолого-разведочных работ Ухтинского комбината на нефть и газ в 1946–1959 гг. и перспективах на 1951–1955 г.»; справки о нефтеносности и газоносности провинции на 1950 г.; материалы по развитию Ухтокомбината за 1946–1950 гг.

Документы отражают выдающийся научно-организационный талант и личный вклад А.Я. Кремса, осуществившего значительный прорыв в изучении и развитии теории и практики нефтедобычи.

С 1953 г. в архиве стала формироваться коллекция диссертаций, защищенных сотрудниками Базы АН СССР в Коми АССР, у которых ведущим учреждением был отдел или оппонентом выступал сотрудник филиала. Так оказалась в архиве докторская диссертация в семи томах геолога К.Г. Войновского-Кригера³¹, который внес огромный вклад в развитие и решение теоретических вопросов разведки угольных месторождений «Стратиграфия и тектоника западного склона Полярного Урала» (1953). К.Г. Войновский-Кригер выступал с докладом «Геология Воркутинского каменноугольного месторождения в свете работ последних лет и перспективы северо-восточной части Большеземельской тундры» на Первой геологической конференции Коми АССР (1942), текст которого сохранился.

С конца 1960-х гг. в пополнении архива документами ГУЛАГа наступил перерыв. Некоторое количество документов поступало в составе личных дел сотрудников, некогда подвергавшихся репрессиям. Появились личные фонды, но их обработка и введение в научный оборот затягивались и, следовательно, документы о периоде ГУЛАГа оставались недоступными исследователям.

Четвертый этап формирования ГУЛАГовских документов в архиве наступил со второй половины 1990-х гг., когда архив был реформирован. Среди сотрудников появились дипломированные историки, взят курс на обработку накопленных документов и научную составляющую.

В 1994 г. в архив поступил личный фонд к.с.-х.н. И.С. Хантимера, окончившего Тимирязевскую сельскохозяйственную академию (1926), но репрессированного в 1929 г. После освобождения из заключения на Соловках, с 1932 г. Исмаил Сыддыкович работал в Архангельске и Сыктывкаре. В личном фонде содержится деловая переписка с репрессированными биологами, которые отбывали сроки в лагерях ГУЛАГа на территории Коми АССР. Корреспонденты в основном просили уточнить перечни растений, которые они собирали для гербариев и дать консультации по вопросам семеноводства. Немалую помощь в научной работе Хантимеру оказывала В.А. Бальц³².

Личный фонд финно-угроведа, лингвиста В.И. Лыткина³³ введен в научный оборот в 2002 г.³⁴ Особую ценность представляют подлинники документов о пребывании В.И. Лыткина в местах заключения на Дальнем Востоке (учетный билет специалиста, книжка ударника, пропуск, удостоверение Госстраха) и др.³⁵

Некоторые документы получены архивом от ведущих научных сотрудников Коми НЦ УрО РАН – директора Института геологии, акад. Н.П. Юшкина (воспоминания репрессированных) и директора Института биологии, д.с.-х.н. И.В. Забоевой (сочинения в рукописном виде заключенных).

По мнению академика Н.П. Юшкина, академический архив «является одним из самых надежных хранилищ»³⁶. В конце 1987 г. Н.П. Юшкин вел переписку по поводу издания мемуаров геолога К.В. Флуга³⁷ и писал директору Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР: «Эту рукопись я намереваюсь передать на хранение в архив Коми научного центра УрО АН СССР [...]. Прошу Вас, как бывшего первого секретаря Воркутинского ГК КПСС, хорошо знающего то время, высказать Ваше мнение о правильности оценки К.В. Флугом ситуации, о справедливости характеристики людей, о которых он пишет, о реальности событий»³⁸. В.К. Флуг работал чертежником в Воркуте с К.Г. Войновским-Кригером и назвал воспоминания «Воркута – черный остров ГУЛАГа».

К.В. Флуг был единственным заключенным среди инженерно-технических работников объединенной экспедиции МВД и Главсевморпути по проектированию железной дороги на Обь до Лабитнанги (501-я стройка). В конце 1947 г. экспедицию пере-

базировали на БАМ. После повторного ареста Флуг оказался в Красноярском крае, работал геологом на Енисейстрое, начальником геолого-поисковой партии в Удерейском районе. Флуг обнаружил на Енисейском кряже регион марганцевого оруднения. Освобожден из ссылки в 1954 г.³⁹ В воспоминаниях Флуг упоминал «Золотой остров Колымы, Красный остров железной руды Нижнеангарска, остров из никеля Норильск, нефтяной остров Ухта, лиловый флюоритовый остров Амдерма, острова Сиблага».

Д.б.н. И.В. Забоева в феврале 1997 г. передала несколько рукописей по освоению территорий и сельскохозяйственного производства Печорстроя за 1946 г., которые хранила с 1958 г. Один из рукописных альбомов с большим количеством фотографий называется «Опыт ведения хозяйства в краснознаменном подсобном сельском хозяйстве «Межог». О том, что речь идет о репрессированном населении, говорят только косвенные данные – почтовый адрес в виде почтового ящика, упоминание, что в основном используется рабочая сила «вторых» и фраза, оставшаяся, явно, по недосмотру: «Все бригадиры пользуются особыми правами передвижения». В альбоме имеются статьи о севооброде, животноводстве, деятельности постоянной производственной бригады, многолетних травах, собственном способе посадки картофеля, используемых удобрениях и др.

Другие документы о репрессированных исследователях собрали автор данной публикации и к.б.н. Н.С. Котелина⁴⁰. Обнаружены документы об агрономе Г.И. Кареве, специалисте по изучению природных ресурсов Сибири и Севера Европейской России⁴¹.

Еще в студенческие годы Г.И. Карев участвовал в экспедиции Дальневосточного переселенческого управления по обследованию западных предгорий Хорского хребта и низменной части р. Амур под руководством профессора В.М. Савича, вел самостоятельное исследование долины р. Немитц. Работал Г.И. Карев ботаником-флористом и в оленеводческом совхозе «Сидими» под Владивостоком. Он провел детальные агрохимические обследования колонизационных фондов на западных склонах Сихотэ-Алиня под руководством известного исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева в составе экспедиции «Хабаровск – Советская гавань». В.К. Арсеньев упомянул об этом в книге

«Сквозь тайгу», изданной в 1928 г. Осенью 1927 г. зачислен младшим научным сотрудником Дальневосточного краевого НИИ во Владивостоке. Уже одна из первых его работ в журнале «Геоботаник», издававшегося институтом, получила положительную оценку.

В 1930 Г.И. Карев стал заместителем начальника по научным делам в Средне-Камчатской экспедиции, участвовал в организации Ломутской национальной территории и Козыревского совхоза. В феврале 1931 г. его утвердили старшим научным сотрудником, но в мае институт расформировали. Карева направили в научно-исследовательский сектор Акционерного Камчатского общества в г. Петропавловск-Камчатский, где он работал в лесоустроительной экспедиции и участвовал в организации территории Мильковской (Камчатской) опытной сельскохозяйственной станции до июня 1933 г., когда его арестовали.

В 1934 г. тройка НП ОГПУ по Дальневосточному краю осудила Карева на десять лет, но ему удалось получить работу по специальности почвовед-грунтоведа. В личном деле хранится недатированная записка о том, что «рукописи Г.И. Карева о лесной растительности в долине р. Камчатки подробно разобраны и использованы в работе Биркенгоф А.Л... Геоботанические работы Г.И. Карева с оценкой применительно к сельскохозяйственному производству по долине р. Камчатка разобраны С.Ю. Липшиц и Ю.А. Ливеровским»⁴².

В 1941 г. репрессированный исследователь был переброшен на р. Печора в пос. Абезь, где три года работал в научно-исследовательской мерзлотной метеорологической станции Народно-го Комиссариата путей сообщения как геоботаник-мерзлотовед, два года – в Центральной научно-исследовательской лаборатории по агро-почвоведению и организации территории совхозов по железнодорожной линии Кожва–Воркута, а с 1946 г. – при сельхозотделе лагеря.

Среди документов Научного архива Коми НЦ УрО РАН сохранилось несколько работ Г.И. Карева. Рукопись статьи «Природа лесотундры района пос. Абезь» помещена в рукописном сборнике «Материалы по освоению территории и организации сельскохозяйственного производства в районе Печорстроя за 1940–1946 гг.», полученном от И.В. Забоевой. Рецензенты отмечали, что статья актуальна, отличается высоким качеством

и «вызывает большой интерес к организации освоения севера». Другая рукопись названа «Растительность лесотундры района Абези», подготовлена для отчета Северо-Печорской научно-исследовательской мерзлотной станции за 1943 г. Вероятно, эта одна и та же статья. Сам Карев упоминал, что в Воркуте написал работу «Природа Усинской лесотундры» (не обнаружена). Сохранился также безымянный дефектный экземпляр отчета о работе бывшей Воркутинской сельскохозяйственной опытной станции по растениеводству за 1940-е гг. В отчете рассказывается об опытах на открытом грунте и в теплицах. Судя по авторской реплике, автор вел исследования три года⁴³. Автор представляется довольно грамотным и эрудированным человеком, знающим латынь, владеющим навыками составления научных работ. Можно предположить, что и данный отчет выполнил Г.И. Карев.

Судя по некоторым документам, Гавриил Иванович Карев освобожден 26 марта 1946 г., но не мог покинуть систему ГУ-ЛАГа. В 1946 г. совместно с доцентом Тимирязевской сельскохозяйственной академии Г.В. Кудряшевым он обследовал луга и пастбища исправительно-трудового лагеря в совхозах на р. Сев. Двина, а летом 1947 г. – в совхозах вдоль железнодорожной линии Кожва–Воркута. К этому времени относится рукопись: «Ботаническая характеристика пастбищ и лугов совхоза «Черевково». В гербарии Института биологии Коми научного центра УрО РАН есть его сборы с Северной Двины за 1946 г. С 1947 г. по апрель 1950 г. Г.И. Карев работал в сельскохозяйственном отделе исправительно-трудового лагеря г. Печора, исполняя обязанности главного агронома совхозов Печорстроя. Как он писал, «в этот период работы уделял большое внимание вопросам изучения флоры и растительности Печорского Заполярья». Только в апреле 1950 г. (по другим данным – в 1951 г.) Карев получил полное освобождение⁴⁴.

В НА Коми НЦ УрО РАН в 2010 г. сформирован фонд «Коллекция документов по истории Республики Коми», основой которого послужили разрозненные документы, поступившие в 1970–2000-е гг. от сотрудников центра, наследников и ученых, в том числе посвященные истории репрессированных.

В фонде имеются докладные записки о развитии скотоводства в Семипалатинском округе Казахстана, включающие карты

сельскохозяйственного развития округа за 1928 г.⁴⁵ Дело поступило в составе коллекции Коми этнографа В.П. Налимова и его сына математика и философа В.В. Налимова, который отбывал наказание в Магаданской области и Казахстане⁴⁶.

Более крупная коллекция поступила в 2004 г. от директора Палеонтологического института РАН, академика А.Ю. Розанова, благодаря инициативе акад. М.П. Рощевского. Это документы ученого геолога Алексея Николаевича Розанова (1882–1949). Изданные еще до 1917 г., работы почти сразу выдвинули А.Н. Розанова в число крупных геологов, умеющих выявлять новые месторождения. Ко времени окончания Гражданской войны А.Н. Розанов решал новую научную проблему, связанную с изучением горючих сланцев, которые ныне называют нефтематеринскими породами⁴⁷.

До ареста еще в 1930 г. А.Н. Розанов руководил геологической съемкой рудных месторождений Норильска, однако в начале 1933 г. профессора вместе с группой московских геологов несправедливо обвинили и осудили к 10 годам принудительных работ⁴⁸. До 1935 г. геолог находился в Сиблаге, затем в Норильске. В течение трех лет им подсчитаны промышленные запасы Таймырских богатств. На основании представленных отчетов народный комиссар тяжелой промышленности С. Орджоникидзе писал И.В. Сталину о необходимости ускорения освоения норильских месторождений. Начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт 17 апреля 1935 г. в докладной записке в ЦК ВКП(б) сообщал: «Норильское месторождение по мощности запасов является в области никеля и платины примерно тем же, чем Колыма в области золотой промышленности по насыщенности ценными металлами и такими же трудностями по освоению»⁴⁹. В 1935 г. принято решение о строительстве Норильского горно-металлургического комбината. Норильский район был передан в ведение НКВД. В составе Норильскстроя организовали геологический отдел, А.Н. Розанова в июле 1935 г. перевели туда одним из первых и назначили старшим геологом комбината.

В 1938 г. директором Норильского комбината стал талантливый организатор и инженер А.П. Завенягин, который был знаком с А.Н. Розановым еще по Горной академии. Из различных лагерей А.П. Завенягин собирал в Норильске крупных ученых и специалистов⁵⁰. В их числе оказался и Розанов. Прежде чем на-

чинать буровую разведку долины р. Ергалах, ручьев Угольный и Медвежий, а также проектирования рудника открытых работ А.Н. Розанова назначили председателем комиссии по подсчету запасов месторождения на Угольном ручье, северном мысе горы Рудная и прилегающих площадях. Результатом поисковых работ явилось открытие в 1936 г. А.Н. Розановым, А.Е. Воронцовым и Н.А. Колокольчиковым восточной ветви месторождения Норильск-1 (Медвежий ручей).

Алексея Николаевича в апреле 1941 г. вернули в Москву, а затем отправили в Ухту в Ухтижемлаг⁵¹. Невольное появление А.Н. Розанова в Ухте привело к тому, что новыми темами исследования лабораторий Ухтижемлага в 1942 г. стало изучение состава сланцев. В Ухте несколько раньше создали Центральную научно-исследовательскую лабораторию, в штате которой было до 44 чел. В апреле 1945 г. в составе лаборатории организовали геологический кабинет, руководителем которого назначили А.Н. Розанова. В 1941–1949 гг. он выполнил несколько обобщающих работ по геологии и полезным ископаемым Тимано-Печорской провинции. Вместе с геологом Н.Н. Тихоновичем А.Н. Розанов предложил начать геологоразведочные работы на нефть и газ в северной половине Печорской депрессии и Печорской гряды. Розанов впервые поставил задачу оценки перспектив нефтегазоносности Большеземельской тундры и предложил новые методики проведения геолого-поисковых и разведочных работ (глубокое опорное бурение)⁵².

Формально А.Н. Розанов находился в ссылке в 1941–1945, 1948–1949 гг., но в действительности, даже считаясь освобожденным, не покидал Ухты. Более того, А.Н. Розанов входил в круг руководителей геологической службы Ухтижемлага, участвовал во многих научных мероприятиях, проходивших в Коми АССР. В одном из писем он упоминал, что «собирался было приехать в Москву в командировку, но она отложена на неопределенное время, т. к. Завенягин, который меня вызвал, сам должен был временно выехать из Москвы по служебным обязанностям» (1943 г.). За освоение нефтяных месторождений Северного Урала в 1944 г. А.Н. Розанов был награжден орденом «Знак Почета»⁵³.

Среди личных документов А.Н. Розанова сохранились письма и рукописи академиков А.А. Борисяка, А.Я. Александрова,

И.М. Губкина и др., что расширяет значение коллекции в изучении истории науки и документального наследия Академии наук. Собранный А.Н. Розановым громадный фактический материал по геологическому изучению недр Центральной России, Кавказа, Урало-Поволжья, Норильского района и Тимано-Печорской провинции, он умело и талантливо связывал с теоретическими вопросами геологии. Его разработки стали основой прогнозов, реализация которых способствовала открытию новых сланцевых, нефтяных, рудных провинций и районов и во многом содействовала созданию мощного минерально-сырьевого потенциала страны, в том числе на Европейском Севере России⁵⁴.

Имеющиеся в архиве документы А.Н. Розанова раскрывают историю деятельности и реформирования Геологического Комитета в период Гражданской войны и позволяют назвать А.Н. Розанова в числе тех, кто предсказал наличие нефти в северо-восточных районах Европейской части страны.

Таким образом, ГУЛАГ был мощной, единственной в тех условиях организацией, способной наладить работу по освоению северной территории; богатым финансовым спонсором для проведения научных исследований. К тому же ГУЛАГ концентрировал интеллектуальные и рабочие силы, которые выявлялись в процессе сельскохозяйственного освоения края.

Целенаправленная деятельность НКВД по комплектованию кадров специалистов в районах Европейского севера России, Сибири и Дальнего Востока объективно содействовала интенсивному освоению природных ресурсов и формированию групп репрессированных ученых.

Сотрудничество заключенных с Коми филиалом АН СССР было не эпизодическим, наблюдалась тенденция к многолетним контактам. В ходе сотрудничества был накоплен немалый практический опыт, который позволил ставить реальные задачи сельскохозяйственного освоения крайних северных районов республики. Сложились многопрофильные сельскохозяйственные исследования.

Несмотря на репрессивные ограничения, на протяжении длительного времени люди интеллектуального труда оказывали существенное влияние на развитие науки, внесли значительный вклад в развитие ресурсо-добывающих отраслей науки и прак-

тики Европейского северо-востока и Сибири. Благодаря их труду в лагерях ГУЛАГа были созданы научно-исследовательские центры, несколько научно-исследовательских лабораторий, установлены контакты с гражданскими научными учреждениями, прежде всего Академией наук СССР.

В связи с особенностями регионов научные изыскания носили прикладной характер. Основная деятельность репрессированных ученых была направлена на разработку практических вопросов, возникавших в процессе разведки и освоения полезных ископаемых в условиях крайнего севера и технической отсталости региона. Ученым на месте приходилось решать сложнейшие задачи добычи и переработки полезных ископаемых, внедрять в эксплуатацию технические новинки, созданные тут же, за колючей проволокой.

Заслуга репрессированных ученых в том, что они поднимали принципиально новые, актуальные темы для республики, нестандартно мыслили, искали и находили источники, факты и аргументы, делали оригинальные выводы, четко определяли перспективы дальнейшей разработки темы, применяли разнообразные методы и приемы для исследования и освещения темы. Таковы отличительные черты творчества репрессированных ученых.

Накопление в НА Коми НЦ УрО РАН документов по истории политических репрессий против ученых оказалось возможным благодаря энтузиазму ведущих научных сотрудников, которые на протяжении нескольких десятилетий хранили и передавали в архив ценные документы.

Наиболее полные и ценные документы о репрессированных ученых, связанных с дальневосточными лагерями, поступили в Научный архив Коми научного центра до 1952 г., еще в то время, когда ГУЛАГ процветал. Второй по значимости период пополнения документов ГУЛАГовской тематики приходится на постсоветский период, когда появилась возможность открыто искать документы в частных коллекциях, что позволило реконструировать биографии и вклад репрессированных в изучение как Сибири и Дальнего Востока, так и Республики Коми.

Документы позволяют дать обобщенный портрет тех, кто работал на науку. Большую сложность представляет реконструкция списков научных работ репрессированных ученых, т. к.

большая их часть осталась неопубликованной и распылена по многочисленным учреждениям. Причины могут быть разными: многочисленные реорганизации или ликвидация учреждений, в которых работали исследователи до репрессий, многолетние трудности с копированием архивных документов. Труды, созданные в период пребывания в лагерях, в большинстве неопубликованы и, скорее всего, утрачены, либо пока недоступны. Многие авторы не получали оттиски своих опубликованных работ и были вынуждены заказывать нотариально заверенные копии. Не поддаются восстановлению списки опубликованного в местной печати, особенно газетах. Случалось, что собранные материалы были опубликованы другими исследователями. К последнему факту можно относиться по-разному: с одной стороны, горестно, что многолетний экспедиционный и лабораторный труд ученого не был опубликован под его фамилией. С другой стороны, именно благодаря коллегам, результаты трудоемких исследований не погибли для науки. Поэтому одна из главных задач – реконструкция списка научных трудов репрессированных исследователей.

Тем не менее, в НА Коми НЦ УрО РАН создан и сохранен оригинальный документальный материал, позволяющий приблизиться к пониманию места и роли репрессированных деятелей интеллектуального труда в развитии отечественной науки.

Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 12-П-6-1003.

Примечания

1. Красильников С.А. «Репрессивный вектор» науки в восточных регионах страны // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 2007. С. 271-281.

2. Научный архив Коми Научного Центра Уральского Отделения РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 1 Д. 69. 9-10; Ф. 20. Оп. 1. Д. 88. Л. 8; Академик Александр Александрович Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания. М.: Наука, 1998. С. 20.

3. Ильина В.А. О формах хозяйственного освоения территорий северо-востока в 1920–1930-е годы (на примере акционерного камчатского общества) // Вестник Томского государственного университета. 2008. История № 2(3). С. 42.

4. Славин С. Вопросы хозяйственного освоения Ухто-Печорского края // Плановое хозяйство. 1935. № 7. С. 134; Славин С.В. Освоение Севера. М.: Наука, 1975.

5. Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. ГУЛАГовские тайны освоения Севера. М., 2002.

6. Кустышев А.Н. Подневольный труд в Ухто-Ижемском лагере НКВД-МВД СССР при освоении недр Коми АССР в 1938–1955 гг. 2000; Игнатова Н.М. «Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР)», 2001; Азаров О.И. Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (середина 1930-х – конец 1950-х гг.). Сыктывкар 2005; Рогачев М.Б. Депортации польских граждан в Коми АССР в 1940–1944 годах, 2005; Бубличенко В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на европейском Севере России: Становление и развитие (1935–1956 гг.), 2007 и др.

7. Среди эвакуированных в Сыктывкар был ученый секретарь Зоологического института АН СССР Резвой Петр Дмитриевич (р. 1887), зоолог и гидробиолог. Работал на Бородинской биологической станции на озере Селигер (1913–1914), Мурманской биологической станции (1915). Участник Первой мировой войны, в 1918 г. служил в Красной Армии, участник боев против Юденича. В 1920-х гг. работал в Зоологическом институте Академии наук заведующим отделением, имел более тридцати научных трудов, в том числе статью «К определению понятия «биоценоз» (Русск. Гидроб. Журн., 1924. III, 8—10). Одно время сотрудничал с институтом Лесгафта. В марте 1935 выслан в г. Атбасар Актюбинской области на пять лет. В мае 1936 г. непреременный секретарь АН СССР, академик Н.П. Горбунов ходатайствовал об отмене ему высылки и возвращении в Ленинград. В Атбасаре служил на малярийном пункте (Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). Ф. 605. Оп. 1. Д. 1000. Л. 73). В НА Коми НЦ УрО РАН сохранился отчет П.Д. Резвого за 1942 г. «Анофелогенные водоемы г. Сыктывкара и фенелогия малярийного комара» (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 48. 9 л.).

8. Среди находившихся в лагерях или ограниченных в правах были болотовед Я.Я. Гетманов, ботаники А.А. Дедов, И.С. Хантемир, профессор П.П. Зворыкин, биолог А.А. Баев, генетик П.Ф. Рокицкий, преподаватель немецкого языка А.Я. Штрём, языковед В.И. Лыткин, коми этнограф А.С. Сидоров, лингвист Д.В. Бубрих и др.

9. Личные фонды Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН. Справочник по фондам / Сост. Рощевская Л.П., Бровина А.А., Самарин А.В., Чупрова Э.Г. Сыктывкар, 2007.

10. Рощевская Л.П. Редкие книги советского времени: издания ГУЛАГа // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Материалы X Международ. науч. конференции. СПб., 2005. С. 66-70; Рощевская Л.П., Петкова Х.Й. Возникновение типографий в лагерях на территории Коми АССР // Политические репрессии в Коми и на Севере России. Организаторы и жертвы. Матер. региональной науч. конфер. Сыктыв-

кар, 2006. С. 94-97; Рощевская Л.П. История политических репрессий в царской России: Учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. 140 с.; Рощевская Л.П. Корифей из Водного; «Жирный ряд» поселка Водный [лауреаты Сталинской премии Ф.А. Торлопов, М.Д. Крашенинников] // Сивкова А.Н. Дым Отечества. 2002-2003. Сыктывкар, 2009. С. 342-348; Рощевская Л.П. Первая физиологическая лаборатория в Коми АССР // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2010. № 1. С. 67-74; Рощевская Л.П. Создатель советской экологической физиологии Г.М. Данишевский в Коми АССР // Здоровье человека на Севере. Изд-е Коми научного медицинского центра Северо-Западного отделения. Сыктывкар. 2010. № 2. С. 14-17 и др.

11. Рощевская Л.П. Научные исследования природных ресурсов Коми АССР в 1930–1940-х гг. // Политические репрессии в Коми и на Севере России. Организаторы и жертвы. Сыктывкар, 2006. С. 110-114.

12. Кабанов Николай Евгеньевич (1905–1992), ботаник и лесовод, д.б.н. профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР. Окончил факультет лесного хозяйства Дальневосточного университета. Научный сотрудник Дальневосточного филиала АН СССР (1933–1939). После ликвидации учреждения с 1939 г. работал в Кольской базе АН СССР в г. Кировск, в годы войны – в Сыктывкаре. В 1944 г. вернулся на Дальний Восток. В 1959–1979 гг. – старший науч. сотрудник лаборатории лесоведения АН СССР (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 9; <http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/kabanov.htm>).

13. Болотова Валентина Михайловна (1894–1979), геоботаник-луговед, к.б.н. (1948). Окончила Высшие женские Голицинские сельскохозяйственные курсы в Москве (1916), Государственный луговой институт при Московской (Петровской) сельскохозяйственной академии. Преподавала в Дальневосточном государственном университете в Чите и Владивостоке. Несколько лет изучала растительность Ханкайской низменности. Геоботаник Дальневосточного филиала АН СССР (1937). При реорганизации Дальневосточного филиала АН СССР получила перевод в Сыктывкар. Награждена несколькими медалями (Котелина Н.С., Болотова Е.С. Валентина Михайловна Болотова. Сыктывкар, 1997).

14. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65 а. Л. 58; Д. 68. Л. 44. В апреле 1944 г. между Базой АН СССР и Устьвымлагом заключено новое соглашение для проведения научно-исследовательских работ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 35).

15. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 144 (2).

16. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 124.

17. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

18. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 56. Аналогичная картина наблюдалась и при подготовке следующих сельскохозяйствен-

ных конференций (НА Коми НИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226; Д. 145; Оп. 3. Д. 209. Т. III; Д. 210. Т. IV. Л. 185).

19. Александр Александрович Баев (1904–1994), один из основоположников молекулярной биологии в России, один из первых в мире установил полную структуру транспортной РНК, Герой Социалистического Труда (1981), Лауреат Государственной премии СССР (1969), Демидовской премии (1994). Академик-секретарь Отделения биохимии и биофизики АН СССР (1968–1988), развивал новое в отечественной биотехнологии направление, связанное с геной инженерией и возглавлял крупнейшую отечественную научную биологическую программу «Геном человека».

20. Рощевский М.П. Удел сильной личности. 31 декабря 1994 года скончался академик А.А. Баев // М.П. Рощевский. Избранные труды. Т. 1. Статьи и выступления. 1952–2011. Сыктывкар, 2013. С. 312–315.

21. Воркутинская мерзлотная станция возникла в 1936 г., находилась в ведении Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР, но до 1940 г. работала по договорам с комбинатом Воркутауголь. Основное содержание работы: инженерно-геологические и мерзлотно-геологические изыскания в районе строительства разных объектов, научные исследования по темам АН СССР. На станции действовали сектор общего мерзлотоведения и инженерного мерзлотоведения и две лаборатории (мерзлотно-грунтовая и агро-гидрохимическая), а также сельскохозяйственный сектор, (биохимическая и ветеринарная лаборатории). Сельскохозяйственный сектор имел опытные земельные участки, находящиеся в распоряжении комбината Воркутауголь, овощехранилище, ягодный питомник, теплицы с водяным отоплением, агро-метеостанцию и другие постройки.

22. НА Коми НИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л.1, 4, 7, 11, 14 -15.

23. ГУ РК «НА РК». Хранилище 2. Ф. 2499. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-15. В 1949 г. комбинат Воркутауголь ходатайствовал перед В.М. Молотовым о передаче мерзлотной станции в Базу АН СССР в Коми АССР. При выяснении научных возможностей станции большую помощь оказывал ее руководитель Л.А. Братцев, перешедший вскоре на работу в Коми филиал АН СССР. Однако этот перевод не состоялся.

24. Зворыкин Петр Петрович (1883–1946), ученый агроном. Окончил сельскохозяйственную академию в Москве (1909). Занимался организацией крупного зернового хозяйства в Екатеринославской губ., служил агрономом. В Департаменте земледелия готовил специалистов по селекции и семеноводству многолетних кормовых трав. Проходил стажировку за границей (Дания, Швеция, Австро-Венгрия, Германия). Участвовал в создании питомников сельскохозяйственных культур. Опубликовал несколько статей и множество листовок для работников сельского хозяйства. Среди прочих научных тем занимался клеверами. В 1914–1930

гг. организовал и был руководителем Бекасовской опытной станции (Красноводская Московская областная опытная станция). В 1915–1928 гг. преподавал на факультете сельскохозяйственной мелиорации Тимирязевской академии. В 1920–1921 гг. по представлению акад. В.Р. Вильямса избран на должность профессора по кафедре земледелия и растениеводства в Тамбовском сельскохозяйственном институте. В 1929 г. Зворыкина пригласили в Ленинград во Всесоюзный институт растениеводства (Рощевская Л.П., Рочева И.В. Репрессированный ученый П.П. Зворыкин // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной науч. конференции. Сыктывкар, 2001. С.181-182).

25. Рощевская Л.П., Котелина Н.С. Исторический очерк об изучении клеверов на Севере // Вестник института биологии Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2001. № 6 (44). С. 15-18; Рощевская Л.П., Котелина Н.С. Изучение клеверов на Севере // Кормопроизводство. 2002. № 3. С. 22-25.

26. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 3. Д. 23, 154, 108 и др.

27. Рощевская Л.П. Обзор архивных материалов финноугроведа А.С. Сидорова // *lingvistica Uralica*. Tallinn. Estonian academy of sciences. 2000. № 1. С. 50-54.

28. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 210, 95а (Ч. 1, 2); Д. 538; Ф. 2. Оп. 2. Д. 161, 335, 338, 615в.

29. Кремс Андрей Яковлевич, геолог. Окончил Азербайджанский нефтяной институт (1931) и опубликовал до 40 научных работ, посвященных разведке и освоению нефтяных богатств региона. С 1934 г. работал в Главном управлении нефтяной промышленности Народного Комиссариата тяжелой промышленности СССР. В 1936 г. командирован в США для ознакомления с поисками, разведкой и разработкой нефтяных и газовых месторождений. В 1938 г., по необоснованному обвинению арестован, направлен в только что организованное бюро по проектированию Ярегской нефтешахты № 1 в Ухте. При его непосредственном участии в Коми АССР впервые осуществлена шахтная добыча нефти. Летом 1940 г. А.Я. Кремс освобожден и назначен начальником геолого-разведочного отдела управления Ухтижемлага, затем главным геологом (1942). В 1960–1975 гг. занимал пост заместителя начальника и главного геолога Ухтинского территориального геологического управления (Рощевская Л.П. Андрей Яковлевич Кремс // Ухтинский государственный технический университет: пути становления и развития. Ухта: УГТУ, 2008. С.33–34; Рощевская Л.П., Булдакова Е.Г. Личная библиотека геолога А.Я. Кремса // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сыктывкар, 2013. С. 59-65).

30. Кремс А.Я. По поводу строительства морских нефтяных промыслов // Нефтяное хоз-во. 1945. № 10. С. 19–20; Кремс А.Я., Вассерман

Б.Я., Литвиненко Н.И., Савинкин П.Т. Перспективы нефтегазоносности акваториального шельфа Тимано-Печорской провинции // Геология нефти и газа. 1971. № 1. С. 1–5; Кремс А.Я., Вассерман Б.Я., Литвиненко Н.И., Савинкин П.Т. Кладовая подо льдом. О богатых перспективах добычи нефти и газа на арктических прибрежных просторах Печорского моря Северного Ледовитого океана // Ухта. 1971. 3 февр. В соавторстве с Н.Д. Матвиевской и Д.А. Саарс Кремс подготовил статью «Проблемы тектоники и нефтегазоносности юго-восточной части Баренцева моря», которую предполагалось опубликовать в сборнике «Геология и нефтегазоносность северо-востока Европейской части СССР». Выяснить, была ли напечатана работа, не удалось.

31. Войновский-Кригер Константин Генрихович (1894–1979), геолог. Окончил гимназию во Владивостоке, Петроградский (с 1924 – Ленинградский) горный институт (1927). В годы первой мировой войны служил в 3-м Заамурском железнодорожном батальоне, работал в военных и партийных организациях Владивостока (1918–1921). Работал в Геологическом комитете. В 1928 г. командирован в Германию, Бельгию и Францию для изучения ископаемых кораллов. По возвращении в 1929 г. арестован, отправлен на Ухту, исследовал угленосность бассейна верхнего и среднего течения р. Печоры и её притоков. За открытие месторождения углей Ыджид-Кырта в 1932 г. досрочно освобожден. Остался в Воркуте. Обучал геологии молодых заключённых, организовывал коллекторские курсы. Создал геологическую школу, в которой проходили переподготовку люди разных специальностей, получая начальное геологическое образование. Многие слушатели «кригеровских» курсов стали известными геологами. Руководитель геологоразведочных работ Печорского угольного бассейна. Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР (1944), награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и нагрудным знаком «За освоение Печорского бассейна». В 1950 Войновский-Кригер защитил в Институте геологических наук АН СССР докт. диссертацию «Стратиграфия и тектоника западного склона Полярного Урала...». В 1956 был избран профессором Казахского горно-металлургического института в Алма-Ате (<http://history-x.ru/03/03/040.htm>).

32. Бальц Вера Александровна (1866–1943), почвовед-географ. Окончила Тенишевское училище, курсы им. И.А. Стебута в Петербурге. Одна из организаторов почвенного музея (1912), перешедшего затем в Докучаевский почвенный институт Академии наук. Научный сотрудник Почвенного института (1925). Много сделала для демонстрации русской школы почвоведения в США на I Международном конгрессе почвоведов в 1927 г. и на II конгрессе в 1930 г. в Москве и Ленинграде. В 1928 г. участвовала в исследованиях таежных почвенно-агрономических станций Амурской области, Участвовала в почвенно-ботанической экспедиции на

приходах Амура Зее и Бурее, составила очерки почв районов, смежных с Маньчжурией. В 1930 г. арестована, приговорена к пяти годам концлагеря и отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения (Кемь), где работала почвоведом. В 1933 г. освобождена досрочно по возрасту с ограничением проживания. Поселилась в Архангельске у племянницы Леонтины Артуровны (по мужу Хантимер), работала почвоведом в секторе исследовательских работ в Севуправземе, Северной базе АН СССР, изучала тундры и торфяники близ Архангельска. Переехала с семьей Хантимера в 1941 г. в Сыктывкар. Оказывала И.С. Хантимеру помощь в обработке экспедиционных материалов (Котелина Н.С. Полвека в биологии: воспоминания о ботаниках (40–80-е годы XX века). Сыктывкар. 2002. С. 11-18; [http://window.edu.ru/library/pdf2txt/494/70494/45881/page 5](http://window.edu.ru/library/pdf2txt/494/70494/45881/page%205)).

33. Лыткин Василий Ильич (1985–1981), коми писатель, д. филол. н. (1946), лауреат Государственной премии Коми АССР. Учился на филологическом факультете Московского государственного университета, в аспирантуре НИИ народов Востока, два года стажировался в Финляндии и Венгрии. Доктор философии Будапештского университета (1927), доцент Московского университета, научный сотрудник НИИ национальностей Севера при ЦИК СССР, заведовал кафедрой языка и литературы в Коми педагогическом институте в Сыктывкаре. В 1933 г. неоправданно репрессирован, осужден на пять лет. Отбывал наказание в Дальневосточном трудовом лагере Хабаровского края до осени 1938 г. В 1970-х гг. принимал активное участие в становлении филологического факультета Сыктывкарского университета.

34. Копии документов хранятся в Музее истории просвещения Коми края Сыктывкарского университета (Бурлыккина М.И. Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась). Жизнь и творчество. Сыктывкар, 2013. С. 213).

35. Роцевская Л.П., Миронова Н.П. Обзор документов финно-угроведа В.И. Лыткина в архивах и музеях Республики Коми // Финно-угроведение. 2010. № 2. С. 73-84; Роцевская Л.П., Миронова Н.П. Сохранение научного наследия финно-угроведа В.И. Лыткина в Республике Коми // Документ. Архив. История. Современность. Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 116-119.

36. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 88. Л. 3.

37. Флуг Константин Валерианович (1902–1995), геолог, московский студент. Арестован в 1932 г. осужден на 10 лет лагерей. Отбывал срок в Воркуте, Ужге, Печлаге. Освобожден 31 декабря 1945.

38. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 88. Л. 49.

39. <http://poltora-bobra.livejournal.com/74267.html> Брат К.В. Флуга – Вячеслав, студент Московского художественного техникума, аресто-

ван в 1932 г. и находился в лагерях до 1939, в том числе в Воркуте и Сиблаге.

40. Личный фонд Н.С. Котелиной введен в научный оборот в 2010 г. (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 89).

41. Карев Гавриил Иванович (1904 – после 1974 г.) окончил техникум по садоводству, огородничеству и пчеловодству города Жиздра, учился в Таврическом университете, но в связи с расформированием института, в 1924 г. студентов перевели в Иркутск на лесное отделение агрономического факультета Дальневосточного университета. Диплом об окончании в 1929 г. университета утрачен. Научный сотрудник Коми филиала АН СССР в Сыктывкаре к.б.н. В.М. Болотова сообщила, что в 1925–1929 гг. «находилась в должности преподавателя по кафедре ботаники в Дальневосточном государственном университете и знала Г.И. Карева как студента и хорошего систематика растений». Как позже сетовал Г.И. Карев, единственным подтверждением об окончании университета является словарь «Русские ботаники» (Русские ботаники (Ботаники России – СССР). Биографо-библиографический словарь / Сост. С.Ю. Липшиц. М.: Изд-е Моск. общ-ва испытателей природы и Ботанического ин-та им. В.Л. Комарова АН СССР, 1952. Т. IV. С. 77-78). В словаре наиболее важными трудами Г.И. Карева дальневосточного периода названы экспедиционные геоботанические отчеты «Геоботанический очерк района сел Козыревские Ключи и участок Кирганик – Мильково и Верхне-Камчатск – Шаромы» со списком растений в 352 вида; «Типы лесов долины р. Камчатки» (1931), «Каталог торфяников долины р. Камчатки». Сборники растений и отчеты Г.И. Карева хранились вначале в Дальневосточном филиале АН СССР во Владивостоке, затем в Ботаническом институте в Ленинграде (Роцевская Л.П., Котелина Н.С. Репрессированный исследователь Г.И. Карев и его вклад в освоение природных ресурсов Европейского северо-востока // Вестник Института биологии Коми НЦ УрО РАН. 2004. № 12. С. 21-24; 2005. № 1. С. 23-28).

42. См. Биркенгоф А.Л. Леса центральной части полуострова Камчатки. Изд. СОПС АН СССР. Серия Камчатская. Вып. 6. М.-Л., 1937; Биркенгоф А.Л. Краткий очерк лесов центральной части полуострова Камчатки // Камчатский сборник. М.-Л., Изд. АН СССР, 1940; Липшиц С.Ю., Ливеровский Ю.А. Почвенно-ботанические исследования и проблемы сельского хозяйства в центральной части долины р. Камчатка. М.-Л., Изд. АН СССР, 1937. СОПС. Серия Камчатская. Вып. 4.

43. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 45.

44. Карев стал старшим научным сотрудником Нарьян-Марской оленеводческой зональной станции Института Полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства (Ленинград), научные интересы сосредоточил на изучении кормов и пастбищ северного оленя. В 1956 г. опубликовал монографию «Корма и пастбища северных оленей». Книга

была допущена Управлением подготовки кадров Министерства сельского хозяйства СССР в качестве учебного пособия для школ по подготовке руководящих кадров колхозов Крайнего Севера. Сохранившийся экземпляр книги имеет автограф «Многоуважаемой Валентине Михайловне Болотовой от ученика автора. 30.10.56. Г. Карев». Г.И. Карев преподавал в Ненецком зооветеринарном техникуме (1950–1969). Статья «Кормовая база северного оленеводства» (1962) явилась, по словам директора Ненецкого зооветеринарного техникума, «основным учебным пособием курса «Оленеводство».

45. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 74.

46. Василий Васильевич Налимов – профессор МГУ. В 1937 г. приговорен к пяти годам содержания в исправительно-трудовом лагере в Магадане, работал на лесоповале, в годы войны – на Оротуканском заводе горного оборудования, был директором завода Каралефтеров, в лаборатории Главного геолого-разведывательного управления в Магадане. Вторично арестован в 1947 г., приговорен к 10 годам. Назначен в Усть-Каменогорский филиал Среднеазиатского геофизического треста. В 1949 г. приговорен к вечной ссылке в г. Темиртау Карагандинской области, служил инженером-исследователем Центральной лаборатории Казахского металлургического завода (<http://v-nalimov.ru>).

47. В 1919–1932 гг. опубликовал труды по сланцам и несколько годовых отчетов о работах геологических партий, начиная с 1914 г. В 1921–1922 гг. он занимал пост вице-директора первого государственно-геологического учреждения России – Геологического Комитета. Руководство Геолкома находилось в Петрограде, а его наиболее крупное отделение в Москве. Как раз в это время была предпринята реформа Геолкома: все местные геологические подразделения были объединены в филиалы. Главным итогом деятельности А.Н. Розанова стало сохранение Московского отделения Геологического комитета. Первые наблюдения по разведке нефтяных ресурсов страны исследователь делал еще в 1916 г.

48. Митта В.В., Стародубцева И.А. Алексей Розанов: геолог, стратиграф, тектонист // Природно-ресурсные ведомости. 2001. № 42 (97). С. 7.

49. Геология в лицах, событиях, фактах // Сост. Т.И. Рычкова <http://www.osanor.ru/np/top/disk/licaifak.html>

50. Добрынина Л.В. Геологи Норильска. А.Н. Розанов // Заполярная правда. 1991. 11 сент.

51. Репрессированные геологи // Под ред. В.П. Орлова. М.-СПб., 1999. С. 267.

52. <http://www.yaregaruda.ru/ru/?=book/export/html/27>

53. Республика Коми. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. Сыктывкар, 1999. С. 555.

54. Рощевская Л.П., Лисевич Н.Г. Витязева К.А. «...будет уместным, мне кажется припомнить...». Очерк жизни геолога А.Н. Розанова // Клио. Журнал для ученых. 2012. № 3 (63). С. 139-142; Рощевская Л.П., Лисевич Н.Г, Витязева К. А. К 130-летию со дня рождения Алексея Николаевича Розанова // Отечественная геология. 2012. № 4. С. 75-79.

Законодательство о каторге и ссылке; деятельность пенитенциарных учреждений Российской империи

УДК 343.301.03(47)(091)

П.Л. Казарян

Правовая регламентация политических преступлений в законодательстве России. Первая треть XIX – начало XX века

В публикации исследуется эволюция регламентации правовых норм в Российском законодательстве конца первой трети XIX – начала XX веков по политическим преступлениям. Путём сравнительного анализа уголовно-правовых норм Свода законов уголовных 1833 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., её новой редакции 1885 г., Уголовного уложения 1903 г., и ряда других актов, автор показывает изменения в русском праве вглубь и вширь, приспособления к новым историческим реалиям одной из важных сфер в юриспруденции – наказания за преступления, квалифицируемые как государственные и политические. Подкреплённые конкретно-правовыми нормами, они наглядно показывают процесс этой эволюции, её связь с общественно-политическим движением в российской действительности XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: российское законодательство, уголовно-правовые нормы, политические преступления, виды и меры наказания, карательная политика царизма, ссылка в Сибирь.

Legal regulation of the political crimes in the legislation of Russia.

The first third of XIX – the beginning of the XX centuries

In the publication evolution of a regulation of rules of law in Russian legislations of the end of the first third of XIX – the beginning of the XX centuries on political crimes is investigated. By the comparative analysis of criminal rules of law of the Code of laws criminal 1833, Codes about punishments criminal and corrective 1845, its new edition of 1885, the Criminal code of 1903, and some other acts, the author shows changes in the Russian right deep into and in breadth, adaptations to new historical realities of one of are important spheres in law – punishments for the crimes qualified as state and political. Supported with concrete rules of law, they demonstrate process of this evolution, its communication with political movement in the Russian reality of XIX – the beginnings of the XX centuries.

Keywords: Russian legislation, criminal rules of law, political crimes, types and punishment measures, retaliatory policy of tsarism, Siberian exile.

В истории российской общественно-политической жизни 14 декабря 1825 г. стало незримой границей между старой и новой Россией. Старую Россию, которую потрясали крестьянские восстания, дворцовые перевороты, выступления против существующего в государстве политического строя, власти отдельных лиц, сменила Россия, внутри которой формировалась оппозиция с ясной целью – изменить существующий в государстве общественно-политический строй, для чего создавались нелегальные организации, применялись новые формы борьбы. Это, в конечном счете, привело к февралю 1917 г. – полному политическому, экономическому и военному краху царизма, так и не сумевшего внутренне самосовершенствоваться, реформироваться и приспособиться к новым историческим реалиям России и мировому ходу развития истории.

События 14 декабря 1825 г. – это неудавшаяся попытка государственного переворота. Как показал ход истории XIX–XX вв., в условиях России революция совершается, как правило, в столице (или двух столицах) в виде государственного переворота, а

потом уже, вслед за ним, наступает этап революции в масштабах страны.

Именно декабристы заложили начало этого процесса революции сверху, из центра (из столицы). И, несмотря на их поражение, в лице декабризма Россия впервые увидела три составных элемента начала революции – организацию, программу, план действия.

Карательная политика царизма должна была реагировать на реалии нового исторического развития – усовершенствовать законодательство, создавать специальные карательные органы и найти способы для нейтрализации политических противников во имя сохранения незыблемости своих политико-экономических устоев.

В 1830 г. было издано Полное собрание законов Российской империи, в которое вошли все законодательные акты, изданные до Николая I. Свод носил хронологический характер и, будучи объемной работой, регулировал все отрасли права в России. Однако именно его всеобъемлющий характер (акты, изданные с 1649 г.) устарел, и повторы одних и тех же положений в законодательстве ставили перед его составителями – графом М.М. Сперанским и его соратниками задачу кодифицировать его для текущего делопроизводства, опираясь на исторический опыт и наиболее точно отражая суть этого опыта.

Опираясь на Полное собрание законов Российской империи, в 1832 г. был разработан Свод законов Российской империи, том XV которого был посвящен уголовному праву. В 1833 г. вышли отдельным изданием «Законы уголовные». Впервые в российском законодательстве удалось в полной мере отделить уголовно-правовые нормы от уголовно-процессуальных.

Свод неоднократно переиздавался с дополнениями и изменениями и вобрал в себя опыт законотворчества XIX – начала XX вв., но, несмотря на это он неизменно выходил в 16 томах (многие тома – в двух частях). Законодательные акты, касающиеся суда, судопроизводства и ссылки, содержались в трех последних томах – XIV, XV, XVI.

Свод состоял из двух частей (книг): «О преступлениях и наказаниях вообще» (статьи 1–765) и «О судопроизводстве по преступлениям» (статьи 766–1594), а каждая из них – из разделов, глав, отделений.

Законодательство XVII – начала XIX вв. выработало определенные юридические нормы, отдельные меры в общем законодательстве о политических (государственных) преступлениях, но система наказаний еще не отличалась от суда и судопроизводства по общим преступлениям. Единственным отличием было учреждение Верховных уголовных судов по особо важным политическим делам.

Опыт судопроизводства над декабристами, новые исторические реалии, когда на смену преступнику-одиночке пришла организация, требовал на основе фрагментарности в общем законодательстве вычленив наиболее опасное направление в уголовном праве – антигосударственное; создать единую систему сыска, суда и судопроизводства, исполнения наказания.

Из трех составов преступлений, предусматривающих в виде наказания натуральную смертную казнь, в статье 17 первым пунктом было обозначено, что смертная казнь допускается «1) За преступления против первых двух пунктов, когда оныя по особенной их важности передаются рассмотрению и решению Верховного уголовного суда» [14, с. 7].

Свод сохранил политическую смерть как вид наказания, но, в отличие от ее применения в XVIII – начале XIX вв., по введенным 13 июля 1826 г. правилам во время суда над декабристами, она предусматривалась только по приговору Верховного уголовного суда и только за преступления по первым двум пунктам (статья 19).

Свод сохранил и развил в статьях 20–24 наказание в виде лишения всех прав состояния и некоторых прав состояния, соединенное с телесными наказаниями (для не изъятых по закону) и ссылкой на каторжные работы, поселение, разжалованием в солдаты. При наказании участников польского восстания 1830–1831 гг. (указ от 10 июля 1831 г.) лишение всех прав состояния сопровождалось конфискацией недвижимого имущества в казну (статья 23). Это положение в 60-х годах получило свое дальнейшее развитие, распространившись и на движимое имущество польских повстанцев.

В четвертом отделении, посвященном телесным наказаниям, а их было пять видов, подробно расписывалась процедура вынесения приговора и исполнения наказания. В статье 33 три вида наказания сопряжены были со ссылкой: «Наказание кнутом сопровождается ссылкой в каторжную работу; наказание плетьюми

публично через палача сопровождается ссылкой на поселение. Исправительные же телесные наказания (когда наказание совершается не публично, а в полиции, через полицейских служащих, именуется исправительным наказанием. – П.К.), смотря по роду преступления, сопровождаются: или отдачею в солдаты, а в случае неспособности, ссылкой на поселение...» [14, с. 15].

Несмотря на то, что телесные наказания, которым подвергались только люди низших сословий, мещане и купцы третьей гильдии, в большей своей массе предусматривались за уголовные преступления, в двух случаях, во время польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., они нашли широкое применение в отношении многих тысяч рядовых повстанцев.

В шестом отделении, посвященном ссылке, среди семи видов и мест ссылки первостепенное значение имели три вида ссылки, которым подвергались за политические преступления:

- а) ссылка в Сибирь в каторжные или крепостные работы;
- б) ссылка в Сибирь на поселение;
- в) ссылка временная в Сибирь на житье.

Если два первые вида ссылки широко практиковались в XVIII – начале XIX вв., то третий вид – временно, то есть ссылка на определенный срок на жительство в Сибирь, была новшеством в уголовно-правовом нормотворчестве карательной политики царизма. Ставшая юридической нормой (с 24 апреля 1828 г.), она, наряду с другими видами наказания, применялась в судебном порядке.

На иностранцев, находившихся на территории России (кроме представителей дипломатического корпуса) и совершивших уголовно-наказуемые деяния, распространялось действие уголовных законов наравне с российскими подданными, без каких-либо изъятий (статья 173).

Уголовно-правовые нормы, регулирующие и квалифицирующие политические преступления, содержатся в трех главах третьего раздела и семи главах четвертого раздела.

Среди политических преступлений наиболее важными законодатель считал преступления по первым пунктам (злоумышление против императора и членов его семьи, бунт и измена государю и государству). В обоих разделах немало статей посвящено измене, исследование которой не входит в наши планы. Мы считаем это деяние имеющим лишь косвенное отношение

к политическим преступлениям, например, нелегальный отъезд польских повстанцев 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., в т. ч. и тех, кто присягнул царю и государству (военнослужащие, чиновники), за границу. В иных случаях мы считаем, что нет оснований причислять этот состав преступления к политическим.

Статьи 214–222 содержат правовые нормы, относящиеся к первому из двух пунктов преступлений. Квалифицируя деяния, подпадающие под их действие, законодатель предусмотрел суровые наказания не только для организаторов и подстрекателей преступления, но и для простых соучастников. Статья 217 предписывала при рассмотрении подобных преступлений определять наказание в виде смертной казни в тех случаях, когда дело по особой важности передавалось на рассмотрение Верховного уголовного суда. При рассмотрении дел в обычных судах (окружных, судебных палатах) назначались наказания, заменяющие натуральную смерть, – лишение всех прав состояния, наказание кнутом (политическая смерть) и ссылка на каторжные работы.

Как видно, в судебной практике по одному из важных политических преступлений наблюдается коренное изменение в порядке судопроизводства. Если прежде подобные дела рассматривались только Верховным уголовным судом и Правительствующим Сенатом, то теперь судопроизводство децентрализовалось, в его систему включились и местные суды.

Статья 223 квалифицирует дела по второму пункту (бунт против царя и государства) следующим образом: «Бунтом называется восстание скопом и заговором многих подданных противу Государя и Государства, сопряженное с насильственными действиями, как-то: с грабежом, убийствами, зажигательством, взломом тюрем и освобождением преступников, или же с намерением учинить преступление такового рода» [14, с. 80].

Статья 224 предусматривала порядок и меры наказания, аналогичные первому пункту (статья 217), с допущением конфискации имущества в приграничных губерниях.

При выработке уголовно-правовых норм в отношении преступлений, указанных в первых двух пунктах, как видно, произошло расширение толкования состава деяний и порядка судебного преследования, назначения меры наказания. Здесь уместно отметить, что при выработке юридических норм по двум

наиболее важным составам политических преступлений законодатель широко использовал опыт судебной практики по делу 14 декабря 1825 г. и восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском (например, появление новой нормы наказания для политических преступлений – конфискация имущества, которая в данном случае была связана только с практикой карательной политики в отношении участников восстания 1830–1831 гг.)

В четвертом разделе – «О преступлениях против правительства сохранились наказания в виде лишения всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка на каторжные работы за сочинение и разглашение подложных указов от имени правительства, направленных на нарушение спокойствия в государстве (статьи 235–236). К ним было приравнено по силе наказания сочинение пасквилей и подметных писем против правительства (статья 238).

Статья 243 – оказание сопротивления властям, – содержала по сути два состава преступления: оказание сопротивления властям каралось лишением всех прав состояния, наказанием плетью и ссылкой на поселение; то же деяние, совершенное вооруженным путем, наказывалось лишением всех прав состояния, наказанием кнутом и ссылкой на каторжные работы. При этом дела, сопряженные с оказанием сопротивления воинским силам (команде), таможенной, кордонной, лесной страже и полиции, рассматривались только военным судом [14, с. 89].

Одно из важных положений по политическим преступлениям содержала 5-я глава четвертого раздела, приравненная по силе наказания к преступлениям первых двух пунктов. Статьи 247–249 предписывали наказание за «учинение сходбища подозрительное и составление общества, товарищества, братства или иное подобное собрание» и тех должностных лиц, с ведома и попустительства которых «онья допустить» [14, с.90].

Актуальность статьи 252, которая гласила: «Взлом тюрем, увод и освобождение из оных преступников, подвергает виновного лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылкой в каторжную работу», особенно проявилась во время национально-освободительных и вооруженных восстаний, таких, как, например: 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. в Царстве Польском, 1905–1907 гг. на Дальнем Востоке и других [14, с. 92].

Многие статьи «Свода законов уголовных», как и прежние законодательные акты, содержали уголовно-правовые нормы, которые в определенных исторических условиях с успехом применялись и к обвинённым в политических преступлениях. Так, например, глава 8-я четвертого раздела «О беглых, бродягах и укрывательстве их» носила чисто уголовный характер, но во время польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., когда состоящие на действительной службе, а также подлежащие рекрутскому набору и призыву в армию поляки совершали побеги и присоединялись к повстанцам, нормы эти приобрели характер преследования за политические преступления (виновные подвергались телесным наказаниям и ссылке на поселение в Сибирь).

Уголовно-правовые нормы, заложенные в Своде законов уголовных, получили свое развитие в утвержденном Николаем I 15 августа 1845 г. «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных». Если Свод был построен по предметно-хронологическому принципу и в определенной мере являлся систематизацией предыдущего законодательства и его приспособлением к реалиям своего времени, то составители Уложения 1845 г., используя накопленный опыт уголовно-правового нормотворчества, создали юридический документ, отличающийся своей внутренней насыщенностью, логическим изложением правовых норм и последовательностью. Уложение было введено в действие с 1 мая 1846 г. с одновременным приостановлением действия соответствующих законов первой книги XV тома Свода законов империи и помещенных в других томах отдельных положений и статей, вошедших в противоречие с новым Уложением [3, с. 599].

Уложение 1845 г. вошло в XV том Свода законов как первая часть (книга) Свода законов Российской империи, а уголовно-процессуальные законы были перемещены во вторую часть (книгу) XV тома Свода.

Для более наглядного выяснения развития уголовно-правовых норм, касающихся политических преступлений, мы попытаемся рассмотреть это развитие в динамике, для чего сопоставим соответствующие положения статей Уложения 1845 г. с редакцией Уложения 1885 г. и с уголовным Уложением 1903 г. Подобное сравнительно-аналитическое исследование позволяет

уловить как внутреннюю эволюцию уголовно-правовых норм, так и эволюцию значения тех или иных уголовно-наказуемых деяний в карательной политике царизма.

Впервые в уголовном законодательстве Уложение 1845 г. четко определило участников преступления, отдельные группы по мере их вовлечения в него, дав каждой из них точную характеристику. В статье 14 участники преступления, «учиненного несколькими лицами без *предварительного их на то согласия*», разделены на две группы: главных виновных, которые: а) распоряджались или управляли действиями других; б) приступили к действиям прежде других при самом начале деяния или же непосредственно совершили преступления, и на участников, которые: а) непосредственно помогали главным виновникам преступного деяния; б) доставляли средства (орудия) для совершения преступления или устраняли препятствия, мешающие совершению преступления.

Статья 15 разделила участников преступления, «учиненного несколькими лицами *по предварительному их на то согласию*», на зачинщиков: а) которым принадлежал умысел преступления; б) кто подговаривал на него других; в) кто управлял действием при совершении преступления или попытке его совершения; г) кто первым приступил к совершению преступления; на сообщников, которые: а) соглашались с зачинщиками; б) поддавались уговорам с другими виновниками совершить предумышленное преступление; на подговорщиков или подстрекателей, которые: а) сами лично не участвовали в совершении преступлений; б) путем убеждения, подкупа, обещаний выгоды, обманным путем, принуждением, угрозами склоняли других лиц принимать участие в преступлении; на пособников, которые: а) не принимая участия в совершении преступления, из корыстных или иных личных целей (убеждений) помогали его совершению советами, сведениями; б) доставляли средства для его совершения; в) перед совершением или после него давали убежище его участникам или укрывали их от преследования.

Косвенное отношение к преступлению имели те, кто попусти- тельствовал совершению преступления, зная об умысле и имея возможность пресечь его, и содействовал сокрытию и уничтожению следов преступления или укрывал его участников (статья 16)[3, с. 600–601].

Квалификация участников политических преступлений имела важное значение в судебных процессах против членов организации революционеров и участников вооруженных восстаний. Уложение 1845 г. в определенной мере обобщило опыт судебной практики, начиная от процесса над декабристами, когда одновременно, по одному судебному процессу проходила масса участников и точное выяснение участия и роли каждого ее участника позволяло в полной мере отразить в обвинительном акте вину каждого обвиняемого. Квалификация участников судебных процессов особенно широко применялась в публичных судебных процессах в 60–70-х годах XIX в.

Раздел III Уложения 1845 г. озаглавлен «О преступлениях государственных». Его первая глава посвящена преступлениям против императора и членов императорского дома (статьи 263–270). Обращает на себя внимание, что из уголовного нормотворчества исключается существовавшая 130 лет юридическая норма «о преступлениях по первым двум пунктам», несмотря на то, что состав этих преступлений перекочевал в новое Уложение. Кроме этого особенность нового изложения состава данных преступлений по сравнению со Сводом 1832 г. (Сводом законов уголовных 1833 г.) заключалась в том, что в этой главе объединены в совокупности все составы преступлений – от прямого посягательства на жизнь императора и членов его семьи, до публичных оскорбительных выражений в адрес членов царствующего дома.

Статьи 263–266 приговаривают к лишению всех прав состояния и смертной казни злоумышленников, чьи действия были направлены против жизни, здоровья, чести императора и членов его семьи, а также за попытку лишить императора власти или свергнуть его. При этом уголовное преследование осуществлялось не только за действие, но и за умысел действий. Равная с виновниками мера наказания ждала и тех, кто знал об умысле, но не донес [3, с. 644–645].

Составление и распространение письменных или печатных сочинений против императора каралось лишением всех прав состояния и ссылкой в крепостные работы сроком от 10 до 12 лет, соединенными с телесным наказанием (если не освобождены от него) и наложением клейма. Тому же наказанию подвергались и участники этих действий (статья 267 части 1 и 2). Аналогичные

наказания предусматривались по тем же составам преступлений в отношении других членов императорского дома (статья 270).

Произнесение «хотя и заочно» оскорбительных слов против императора, публичные оскорбительные действия в отношении портретов, статуй, бюста или других изображений царя карались лишением всех прав состояния, телесным наказанием и наложением клейма и ссылкой на каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет.

Во второй главе III раздела особый интерес представляет первое отделение – «О бунте против власти Верховной». Несмотря на то, что в сравнении с аналогичным разделом Свода 1832 г. (Свод законов уголовных 1833 г.) количество статей изменилось незначительно, вместо трех – четыре, коренные изменения претерпели многие уголовные нормы, заложенные в этих статьях.

Статья 271, характеризующая бунт как восстание скопом и заговор против государя и государства, в отличие от редакции 1833 г., акцентировала, что «... за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой онаго части, или же переменить образ правления, или установленный законами порядок наследия Престола, и за составление на сей конец заговора или принятие участия в составленном уже для того заговоре, или в действиях онаго, со знанием о цели сих действий, или в сборе, хранении или раздаче оружия и других приготовлениях к бунту, все как главные в том виновные, так и сообщники их, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели подвергаются: лишению всех прав состояния и смертной казни».

Если указанные в статье 271 составы преступлений пресекались на стадии умысла, раскрывались в начальной стадии и не имели серьезных последствий, то согласно первой части статьи 272 вместо смертной казни виновные приговаривались к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы в рудниках от 12 до 15 лет, крепостях – от 10 до 12 лет [3, с. 646].

Статья 273 предписывала «виновных в составлении и распространении письменных или печатных объявлений, воззваний или же сочинений, или изображений, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению Власти Верховной» подвергнуть лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы

в крепостях от 8 до 10 лет (подвергнув телесному наказанию с наложением клейма) [3, с. 647].

За составление и распространение письменных и печатных воззваний, за произнесение публичной речи, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной власти, подвергается сомнению ее неприкосновенность или же порицается порядок установленного законами образа правления и т. д., виновные, согласно статье 274, подвергались лишению всех прав состояния, телесным наказаниям с наложением клейма и ссылке на каторжные работы на заводах сроком от 4 до 6 лет.

В четвертом разделе Уложения – «О преступлениях и поступках против порядка управления» в разных статьях содержались уголовно-правовые нормы, которые применялись в делах политического характера. Так, например, в статье 284 говорилось о сопротивлении властям, восстании, попытке путем сопротивления препятствовать обнародованию указов, манифестов, законов и их исполнению, принуждении вооруженным путем заставить власти выполнить те или иные действия и т. д. Подобные составы преступлений содержались и в статьях 285–294 в отношении учинения противодействия, сопротивления невооруженным путем и т. д. Зачинщики и активные участники подобных действий подвергались лишению всех прав состояния, телесным наказаниям с наложением клейма и ссылке на каторжные работы в рудниках, заводах или же ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губернии. Рядовые участники наказывались от лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ (дворянство, чинов, наград, званий и т. д.) и ссылки на поселение, до тюремного заключения или ареста в полиции [3, с. 650–652].

Положения этих статей особенно широко применялись в политических делах, касающихся восстаний (польских, на Дальнем Востоке, московском и т. д.) или крупных стачек, демонстраций политического характера, сопряженных со столкновениями с силами правопорядка.

Статья 296 предусматривала за составление и распространение всяких письменных сочинений против власти или публичные речи с целью возбудить сопротивление властям – лишение всех прав состояния, наказание плетьюми от 20 до 30 ударов (пре-

дусмотренных статьей 22) и ссылку на поселение в отдаленные места Сибири. Когда же эти действия признавались производившими «важное нарушение установленного порядка», то, оставая в силе наказания, предусмотренные первой частью статьи, число ударов плетью увеличивалось от 40 до 50, и предусматривалась ссылка в каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет [3, с. 653].

В разделе четвертом к политическим преступлениям имеют прямое отношение две статьи главы VI – «О тайных обществах и запрещенных сходбищах». Статья 347 гласила: «Основатели и начальники тайных, под каким бы то ни было наименованием, обществ, имеющих вредную для спокойствия или целостности государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель, подвергаются, как государственные преступники», лишению всех прав состояния и смертной казни. В случае раскрытия тайного общества, когда оно еще не начало действовать и приносить вред, предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы в рудниках сроком от 12 до 15 лет или в крепости – от 10 до 12 лет. Вторая часть статьи предусматривала то же наказание для членов таких обществ, «имевших полные сведения о преступных оных целях».

Третья часть статьи 347 для тех, «которые, зная о существовании и об истинном свойстве и цели такого общества и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности», предусматривала лишение их всех прав состояния, наказание плетью от 20 до 30 ударов и ссылку на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

Первая часть статьи 348 для основателей и начальников тайных обществ, которые хотя и не преследовали целей, изложенных в первой части статьи 347, однако же, стремились «посредством каких-либо неуказанных и недозволенных законом действий или влияния произвести перемену в общих государственных или губернских и других местных учреждениях, или же в постановлениях, коими определяются дарованные или утвержденные Высочайшею властью права и преимущества, или вообще права существующих в государстве состояний и сословий, или же достигнуть иной политической, без ведома правительства, цели», предусматривала лишение всех прав со-

стояния, наказание плетьюми от 20 до 30 ударов и ссылкой на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

Вторая часть статьи для тех, кто вступил в общество с полным знанием о его цели, предусматривала лишение их лично и по состоянию присвоенных особенных прав и преимуществ и ссылку на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от 2 до 3 лет и с запрещением выезда в другие сибирские губернии в течение определенного судом времени от 8 до 10 лет или же в Томскую или Тобольскую губернии, с заключением на время от 2 до 3 лет, и если не освобождены от телесных наказаний, то наказание розгами от 70 до 80 ударов и отдачу в исправительные арестантские роты гражданского ведомства сроком от 4 до 8 лет [3, с. 667–668].

В сравнении со статьями Свода законов уголовных 1833 г. (статьи 247–249) обращают на себя внимание коренные изменения в трактовке уголовных норм, связанных с тайными обществами. Во-первых, дается толкование понятия «тайные общества», его характерных параметров и спектра действий, исходя из государственной безопасности; во-вторых, законодатель классифицирует их по степени опасности, которую они представляют для государственного и общественного устройства страны; в-третьих, производится градация самих участников тайных обществ по степени их участия и осведомленности о нем; в-четвертых, исходя из вышеизложенного вводятся четкие однозначные меры уголовного преследования для каждого участника подобного общества.

Заложенные в этих статьях уголовно-правовые нормы, конечно, были результатом осмысления исторического опыта борьбы против политических, антигосударственных организаций, начиная от организации декабристов, но еще больше они имели опережающий характер, о чем свидетельствует опыт борьбы против нелегальных политических организаций, особенно в 60–70-х годах XIX в.

Исследуя законодательство, имеющее отношение к уголовному преследованию за политические преступления, нельзя не отметить, что характер этого преследования в значительной мере определялся не только уголовно-правовыми нормами, но и характером конкретных деяний, подведенных под уголовное наказание. Поэтому многие статьи как Уложения 1845 г., так и

последующих, при однозначном юридическом толковании деяния в практическом его применении приобретали порой двойной характер, как чисто уголовный, так и политический.

В главе VI четвертого раздела – «О недозволенном оставлении отечества», предусмотрены уголовно-правовые нормы за невозвращение своевременно из-за границы на родину, за отказ от возвращения вообще, за нелегальный выезд за границу и т. д. Например, в двух частях статьи 357 даются нормы о подговоре к выезду (разумеется, нелегально) и побегу за границу. Если рассмотреть вторую часть статьи, «когда к побегу за границу были подговариваемы военнослужащие или состоящие на рекрутской очереди», виновники которого наказываются лишением всех прав состояния, 10–20 ударами плетью и ссылкой в Сибирь на поселение [3, с. 669], применительно к участникам польского восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., то вырисовывается совсем иная картина. Ведь при рассмотрении цепочки: восстание – его поражение – побег за границу; становится ясным, что в данном случае побег военнослужащего или подлежащего рекрутскому набору лишен самостоятельного состава уголовного преступления, он является частью одного деяния, т. е. политического преступления в виде участия в бунте (восстании) против государства (статья 271), и, как следствие, стремление уйти от наказания приводило ко второй части преступления – побегу за границу, который в этих условиях носил чисто политический характер.

Уголовное уложение 1845 г. неоднократно претерпевало изменения, полностью или частично совершенствовались отдельные статьи. После судебной реформы Александра II в 1864 г., в 1866 г. вышла новая редакция «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Так, как процесс усовершенствования Уложения был процессом непрерывным, то по представлениям Государственного Совета в него неоднократно вносились дополнения, например, Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 июня 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных», или 15 января 1880 г. «О дополнении статей 251 и 252 Уложения о наказаниях» и т. д. [10, отд. 1, с. 852–854; 11, отд. 2, с. 336; 5, отд. 1, с. 938–939].

Эволюцию ужесточения уголовно-правовых норм против усиливающихся в империи политических преступлений рассмотрим на примере редакции «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г. Однако изложение это будет неполным, если не остановиться на некоторых моментах развития как права в целом, так и его отдельных норм, после введения в действие Уложения 1845 г.

Телесные наказания являлись одним из элементов уголовного наказания в России. Однако они претерпели существенные смягчения. Так, например, исключение отсечения рук и вырезания ноздрей в XVIII в., их замену клеймением и наказанием розгами, плетьюми, шпицрутенами.

В течение 30–70-х годов XIX в. происходили постепенное освобождение представителей разных сословий от телесных наказаний, замена одних наказаний другими, а потом и их отмена, как в отношении подсудимых, так и осужденных за повторное преступление.

К освобожденным в XVIII – начале XIX вв. от телесных наказаний дворянам, священнослужителям разных религий, купцам первой и второй гильдий по утвержденному 22 сентября 1831 г. мнению Государственного Совета добавились также иностранные дворяне, включая и шляхтичей [7, отд. 1, с. 48 – 49; 8, отд. 2, с. 313 – 314; 12, с. 300].

Манифестом 10 апреля 1832 г. «Об установлении нового условия под названием Почетных граждан» было учреждено для городских жителей новое сословие – Почетных граждан, которым даровались некоторые права и преимущества, среди них – «свобода от телесного наказания в случае преступления» [1, с. 61–62].

Происходила постепенная замена и отмена телесных наказаний и для подсудимых, не освобожденных от них. В именном указе от 11 февраля 1855 г. предусматривалось внесение в Военно-уголовный устав дополнения, где перечислялись болезни, по наличию которых, подсудимый не мог быть подвергнут телесному наказанию (всего 12 медицинских показаний), и предписывалось: «Осужденные к телесному наказанию, прежде исполнения над ними приговора, отсылаются в военные госпитали, а где их нет, во Врачебные управы при депутате с военной стороны (т. е. представителе от военного командования. – П.К.)

для освидетельствования, могут ли по настоящему состоянию их здоровья и телосложения быть подвергнуты присужденному наказанию без опасности жизни...» [2, с. 193]. Если подсудимый оказывался здоровым, то о том выдавалось свидетельство, и приговор приводился в исполнение. При выявлении наличия болезни, препятствующей исполнению приговора, подсудимых помещали в госпиталь или больницу, и только по выздоровлении, подвергали наказанию. Когда же после шестимесячного лечения болезни подсудимый не выздоравливал, то по представлении по инстанциям приговор о телесном наказании в отношении него отменялся.

Более радикальные меры предусматривала серия именных указов, данных Сенату 17 апреля 1863 г.: «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных»; «О применении Высочайшего указа 17-го апреля 1863 года, о некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных, к уголовным делам, возникшим до дня состояния сего указа»; «О совершенной отмене для воинских нижних чинов военно-сухопутного ведомства прогнания сквозь строй и наказания шпицрутенами, и о существенном изменении для сих чинов всей системы телесных наказаний вообще»; «О совершенной отмене для воинских нижних чинов морского ведомства прогнания сквозь строй, наказания шпицрутенами, а на судах кошками, и о существенном изменении для сих чинов всей системы телесных наказаний вообще».

В первом указе предусматривалось лиц, подлежащих «лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы или на поселение, или потерь всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или же иному наказанию или взысканию, а сверх того и наказанию телесному», впредь приговаривать к предусмотренным законом наказаниям, «но кроме телесного» (пункт I) и «наложению клейм и штемпельных знаков предь никого не присуждать» (пункт II) [4, отд. 1, с. 154–155].

Пункты III и IV указа предписывали «наказание розгами, несопровожаемое другими взысканиями, заменять впредь заключением в тюрьму, или кратковременным арестом», а «лиц

женского пола вовсе изъять от наказаний телесных». Установленный Уложением 1845 г. предельный срок пребывания в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства был ограничен четырьмя годами и пятью степенями (пункт VI), при этом замена женщинам каторжных работ в рудниках и крепостях работами на заводах или содержанием в исправительных арестантских ротах, как и лицам по старости, увечью не способным к труду в ротах и заключенным в рабочих домах, не вела к увеличению сроков работ и заключения (пункт V). Наоборот, при их назначении, согласно нормам Уложения, предусматривалось сокращение сроков на одну треть, «а при обстоятельствах, уменьшающих вину, и более, даже до половины» (пункт VII). Одновременно отменялась прежняя практика замены отдачи в исправительные арестантские роты гражданского ведомства (для 1–4 степеней) ссылкой на водворение в Сибирь (пункт IX).

Если прежде, определенных к заключению в тюрьму, кратковременному аресту при полиции, заключению в смирительном или рабочем доме, приговоренных к общественным работам закон разрешал подвергать телесным наказаниям (не освобожденных от них), то теперь предписывалось исполнять уголовное наказание, предусмотренное Уложением. Исключение замены этих наказаний телесными производилось лишь в тех случаях, когда «представляется явная невозможность определить одну из вышеупомянутых мер» (пункт VIII), т. е. тюремное заключение, заключение в смирительный или рабочий дом и т. д.

В пункте X законодатель сделал следующий шаг к расширению социального состава лиц, освобожденных вообще от всяких телесных наказаний. К ним относились отныне вообще все служители христианских церквей и других исповеданий и их дети, учителя народных школ, лица, получившие аттестаты об успешном окончании уездных училищ, земледельческих училищ и высших учебных заведений, выходцы из крестьянского сословия, занимающие выборные общественные должности [5, отд. 1, с. 352].

Вторым указом предусматривалось распространить положения статей указа 17 апреля 1863 г. на все уголовные дела, судебные приговоры по которым уже состоялись, но еще не вступили в силу. При исполнении над этими подсудимыми приговора

предусмотренное указом 17 апреля изъятие из закона должно было быть отражено в окончательном исполнении приговора. Дела же, которые возникли до 17 апреля, но судебный приговор, по которым еще не состоялся, должны были разрешаться с учетом положений указа [5, с. 353].

Указы о телесных наказаниях для нижних чинов сухопутных войск и морского ведомства, как по структуре, так и по содержащимися уголовно-правовыми нормам сходны с теми лишь отличиями, что если на суше моряки, как и служащие других родов войск, подвергались телесному наказанию шпицрутенами, то на судах и во время морских походов – кошками.

Указы предписывали для «воинских нижних чинов прогнание сквозь строй или наказание шпицрутенами (на судах кошками. – *П.К.*) вовсе отменить как в мирное, так и в военное время». По преступлениям, совершенным военнослужащими, за которые предусматривалось сочетание телесных наказаний со ссылкой на каторжные работы или в Сибирь, выдворяемые должны были быть подвергнуты этим наказаниям с исключением телесных. Однако те, кто подлежал по военно-уголовным законам одному лишь наказанию шпицрутенами, до решения в целом вопроса о замене телесных наказаний для военнослужащих другим наказанием: арестом, тюремным заключением и т.д., временно, подлежали наказанию розгами по степени вины, но не более 200 ударов [5, с. 354].

Однако из общего правила были исключения. По приговору суда, переведенные в разряд штрафных, кроме тех, кто имел нашивки о шестилетнем сроке выслуги, которые вообще были освобождены от телесного наказания даже и по суду, могли быть подвергнуты телесным наказаниям. Указы вышли в разгар польского восстания 1863–1864 гг., что не могло не отразиться на их содержании. Пункт 7 гласил: «С установлением такового смягчения в наказаниях для случаев обыкновенных, Высочайше повелено, вместе с тем, виновных в важном нарушении дисциплины и общественной безопасности, вызывающем необходимость более строгого и немедленного наказания, подвергать не только в военное, но и в мирное время, с Высочайшего решения или по распоряжению главнокомандующих (как, например, в Царстве Польском. – *П.К.*) и других высших военных начальников (например, корпусных командиров, командующих

военными округами и военных губернаторов в Царстве Польском и Западном крае. – П.К.), обличенных равною властью, суду по полевым военным законам, с назначением положенных для военного времени наказаний» [5, с. 355–356].

Указом от 22 мая 1863 г. о несовершеннолетних подсудимых в возрасте от 14 до 21 года предусматривалось применять к ним указ от 17 апреля об освобождении от телесного наказания. А за преступления, влекущие за собой лишение всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдачу в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, подвергать их тем же наказаниям, но двумя степенями ниже в сравнении с совершеннолетними и без лишения всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, с заменой пребывания в арестантских ротах заключением на те же сроки в рабочем доме или тюрьме [5, с. 355].

В связи с исключением из практики наказания шпицрутенами, министры внутренних дел и юстиции вышли с докладной запиской 29 июля 1863 г. в Комитет министров о замене наказания шпицрутенами для ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев, совершивших новые преступления, поскольку до указов 17 апреля 1863 г. наказания шпицрутенами приводили в исполнение нижние чины войск, а после отмены это наказание в отношении ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев оставалось без исполнения, а их содержали в острогах и тюрьмах. Поэтому по докладу двух министров Комитет министров принял решение «впредь до разрешения, в законодательном порядке, общего вопроса о замене другими взысканиями тяжких телесных наказаний, налагаемых на ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев» заменить наказание шпицрутенами на наказание плетьюми. Принятое положение было утверждено Александром II 30 августа 1863 г. [5, с. 938–939].

Следующим шагом в сужении применения практики телесных наказаний стало обсуждение Государственным Советом представления министра внутренних дел относительно его распространения на лиц гражданского ведомства, приданных военному суду и подлежащих осуждению по военно-уголовным законам. Министр предложил распространить на подсудимых этой категории действие указа 17 апреля 1863 г. (пункты II, III и VI). Александр II 4 ноября 1863 г. утвердил мнение Государ-

ственного Совета «об отмене наказания шпицрутенами ... лиц гражданского ведомства, за совершенные ими преступления», когда они «подлежат военному суду и наказанию по решениям Военно-судных комиссий, на основании военно-уголовных законов» [5, отд. 2, с. 160–161].

Утвержденным 7 июля 1869 г. актом «О лицах, изъятых от наказаний телесных по суду», число освобожденных от телесного наказания лиц пополнилось за счет однодворцев, поступивших на военную службу для восстановления в потерянном предками сословии дворян; нижних чинов, имеющих орден Св. Анны, медали «За спасение погибавших» или «За усердие»; нижних чинов, имеющих на рукаве мундира нашивки за безупречную службу или представленных к ее получению; унтер-офицеров, добровольно отказавшихся от производства в офицеры; портупей-юнкеров и кандидатов на классную должность; аптекарских учеников, фельдшеров и коновалов, по окончании законом предусмотренных сроков службы добровольно оставшихся на службе на второй срок; окончивших курс в бывшем Оренбургском Неплюевском военном училище и др. [9, отд. 3, с. 445–446].

Именной указ Александра II от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» положил начало качественной реформе в судебной системе России, переходу от сословного принципа суда к общегражданскому, равенству всех подданных перед законом. Конечно, процесс перехода от феодального к буржуазному суду не мог совершиться одним указом или ограничиться одним годом. Революционность указа 20 ноября заключалась в том, что с введением в стране единого суда происходило одновременно и его разделение на отрасли. И неудивительно, что в редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г., за ее рамками остались многие главы, статьи и положения Уложения редакции 1845 г. Появились отраслевые уставы, например, Устав о казенных лесах, Таможенный устав, Питейный устав и другие.

Политическая ссылка как отрасль уголовных норм и судопроизводства, пребывание политических ссыльных на местах поселения и жительства регулировались Уставом о ссыльных и другими положениями. Однако по отдельным вопросам политические ссыльные попадали в сферу действия других зако-

нодательных актов. Одним из них был «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», утвержденный Александром II 20 ноября 1864 г.

Пункт 1 статьи 7 предусматривал по случаю неуплаты денежных взысканий не свыше 15 руб. подвергать аресту на срок не свыше трех дней, а за неуплату денежного взыскания от 15 до 300 руб. – аресту на срок не свыше трех месяцев [6, отд. 2, с. 402].

За неподчинение полицейским чинам, волостным и сельским начальникам и невыполнение их законных требований виновник подвергался денежному взысканию не свыше 15 руб. (статья 30). За оскорбление полицейских чинов, судебных служителей и представителей властных органов во время исполнения ими должностных обязанностей (статья 31), в случае словесной обиды – денежному штрафу до 100 руб. или аресту сроком не более одного месяца (пункт 1); в случае обиды действием – аресту не свыше трех месяцев (пункт 2). Тем же наказаниям подвергались виновные в оскорблении должностных лиц волостного и сельского управлений [6, отд. 2, с. 404].

Наиболее распространенными для политической ссылки статьями являлись 61 и 63. Первая из них предусматривала наказание штрафом за каждый день (но не более 10 руб., в целом) отлучки или жительство без установленных видов или с просроченным видом на жительство. Подобному же наказанию подвергался тот, кто приютил у себя этих лиц. А статья 63 гласила: «За самовольное оставление места, назначенного для жительства по законному распоряжению надлежащей судебной или правительственной власти, а равно за самовольное возвращение в места, из коих виновные высланы, они подвергаются: аресту не свыше трех месяцев, или денежному взысканию не свыше трехсот рублей. Независимо от взыскания, виновные возвращаются в места, определенные им для жительства» [6, отд. 2, с. 407].

Таким образом, косвенное отношение к политической ссылке имел и «Свод уставов о паспортах и беглых». Глава 13 первого раздела озаглавлена «О паспортах ссыльных, водворенных в Сибири» (статьи 303–307) и содержит правовые нормы, регулирующие пребывание в Сибири. Устав разрешал выдачу паспортов ссыльным для отлучек на промыслы Сибири сроком на один год. Паспорта ссыльные получали по представлению волостных

властей в земской полиции. Выходцам из отдельных регионов империи (татары, армяне, грузины и т. д.), поселенным в Иркутской губернии, разрешалось выдавать вид на разъезды только по Иркутской губернии.

Важное значение имела норма, заложенная в пункте 6 статьи 303: «Ссылных, осужденных Верховным уголовным судом, из мест их водворения не увольнять» [15, с. 56]. При выработке этой нормы, несомненно, был использован опыт организации надзора за декабристами в Сибири.

Статья 307 разрешала Тобольскому приказу о ссылных выдавать женам, добровольно следовавшим за мужьями в ссылку в Сибирь, специальный письменный вид на жительство. В примечании к этой статье разрешалось выдавать ссылнопоселенцам, не получившим еще возможность причисления к обществу крестьян, специальные виды на отлучку в частные золотые промыслы на заработки.

Во второй главе четвертого раздела «О беспаспортных, бродягах, беглых и дезертирах», статья 566 поиск беглецов, разумеется, в том числе и ссылных, в Сибири вменяла в обязанность городovým казакам и полиции [15, с. 106]. За поимку беглеца устанавливалась награда, например, за ссылнокаторжных вне уезда, откуда они бежали, по 3 руб., внутри уезда – 1 руб. 50 коп. серебром за человека (статья 580). Как и все другие законодательные акты, нормы этих уставов претерпели изменения, дополнения, исключение уже отживших положений, приводились в соответствие с другими законодательными актами.

Социально-экономическое и общественно-политическое развитие России в 60-х – начале 80-х годов требовало, с одной стороны, ускоренного развития законодательства для своевременного регулирования возникающих во всех сферах жизни страны и общества правоотношений, с другой стороны – усовершенствования имеющихся законодательных актов и приспособления их к реалиям времени. Этим объясняется появление в 1885 г. новой редакции «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

Для нас представляют интерес те разделы и главы Уложения, где содержатся уголовно-правовые нормы, касающиеся политических преступлений. Глава первая третьего раздела (статьи 241–248) в целом повторяет нормы статей 263–270 Уложения

1845 г., лишь с незначительными изменениями. Так, например, в третьей части статьи 245 вместо заключения в крепости сроком от 2 до 4 лет новая редакция устанавливает срок от 1 года 4 месяцев до 2 лет 8 месяцев; в третьей части статьи 246 – вместо заключения в тюрьму сроком от 6 до 12 месяцев – срок от 2 до 8 месяцев. Содержащиеся в статье 247 и второй части статьи 248 сроки ареста, в сравнении со сроками статей 269–270 в редакции 1845 г. от трех недель до трех месяцев, изменены на арест сроком от одного до семи дней [16, с. 52–54].

В статье 246 появилась вторая часть, а содержащаяся в редакции 1845 г. (статья 268) вторая часть стала третьей частью статьи. В статье предусмотрены уголовные наказания за произнесение, хотя и заочно, оскорбительных слов против императора. Вторая часть редакции статьи 246 звучала так: «Дозволивший себе означенные в сей статье дерзкие слова и поступки заочно, без прямого намерения возбудить неуважение к Священной Особе Государя Императора, приговаривается: к заключению в крепости на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев» [16, с. 54].

Обращает на себя внимание и появление в редакции 1885 г. новой статьи 244¹, которая гласит: «За всякое насилие против караула или часовых, охраняющих Священную Особу Государя Императора и Членов Царского Дома, виновные подвергаются наказаниям, определенным в статьях 241–244 за преступления государственные» [16, с. 53]. А статьи эти, содержавшие правовые оценки за покушения или умысел на покушение на жизнь членов императорской фамилии, карали лишением всех прав состояния и смертной казнью.

Во второй главе третьего раздела «О бунте против Власти Верховной и государственной измене», первое отделение «О бунте против Власти Верховной», в сравнении с редакцией 1845 г. тоже претерпело, при сохранении основных идей, некоторые изменения. Так, например, содержащиеся в прежней редакции сроки заключения в крепости в третьей части статьи 251 (прежней – 273) от 2 до 4 лет снижены на сроки от 1 года 4 месяцев до 2 лет 8 месяцев; в третьей части статьи 252 (прежняя – 274) срок заключения от 1 до 2 лет заменен сроком от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев.

Особо важное значение имела новая редакция статьи 250, которая в сравнении с редакцией статьи 272 1845 г. претерпела не только чисто редакционное, но и нормативное изменение. В редакции 1885 г. объединены первая и вторая части статьи 272, и она стала первой частью статьи 250, однако в нее внесены существенные изменения. Говоря об открытом злоумышлении в виде восстания скопом, заговора, попытки изменения образа и порядка правления в стране и т. д., когда они не нанесли никакого вреда, что содержалось в статье 249 (прежней 271), законодатель включил сюда нормы о наказании и за умысел преступления. Новая редакция статьи звучала таким образом: «Когда означенное в статье 249 злоумышление открыто правительством заблаговременно, так что ни покушений, ни смятений, ни иных вредных последствий не произошло, *однако виновные обнаружили умысел действовать для достижения своей преступной цели насильственно* (курсив мой. – П.К.), то они вместо смертной казни приговариваются, смотря по большей или меньшей важности преступного их умысла, по степени их участия в заговоре и другим обстоятельствам дела: к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от 12 до 15 лет, или же на время от 10 до 12 лет» [16, с. 55].

С объединением первой и второй частей статьи 272 редакции Уложения 1845 г., в Уложении 1885 г., в статье 250, появляется новая норма в виде второй части статьи: «Если же виновные не обнаружили умысла действовать насильственно, но составили сообщество, направленное к достижению, хотя и в более или менее отдаленном будущем, целей, указанных в статье 249, или вступили в подобное сообщество, то они, смотря по степени их участия в сообществе и другим обстоятельствам дела» подвергались наказанию от лишения всех прав состояния и ссылки на каторжную работу сроком от 4 до 6 лет или ссылки в Сибирь на поселение до лишения некоторых особенных прав и преимуществ и заключения в крепости до 4 лет [16, с. 55].

Появление новой редакции второй части статьи 250 было следствием усиления карательной политики царизма против членов революционных организаций, возникавших в 70-х – начале 80-х годов. С одной стороны, если против них можно было применить нормы статьи 249 или части первой статьи 250, например, в отношении народовольческих организаций и

кружков, то в отношении других, например, народников, членов рабочих организаций, деятельность которых не попадала в правовое поле действия этих статей, можно было судить по уголовно-правовым нормам, содержащимся во второй части статьи 250.

Существенным дополнением главы было появление в ней пятой статьи – 252¹. В статьях 251 и 252 содержались уголовно-правовые нормы за составление, печатание и распространение печатной продукции антигосударственного содержания, направленной против монарха и существующего в империи порядка правления, за произнесение публичных речей против монарха и власти и т. д. (статьи 273 и 274 Уложения редакции 1845 г.).

Статья 252¹ имела целью оберегать один из важных институтов самодержавия от посягательств вышеуказанных деяний, поэтому она гласила: «Когда распространение указанных в статьях 251 и 252 преступных объявлений, воззваний, сочинений или изображений, или же означенное в сих статьях публичное произнесение речей, последовали в среде войска, а равно когда упомянутые объявления, воззвания, сочинения или изображения составлены с целью распространения их среди военнослужащих, то наказания, определенные за сие преступления, возвышаются на две степени» [16, с. 56].

Имеющая отношение к политическим преступлениям глава первая «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям», четвертого раздела, озаглавленного «О преступлениях и поступках против порядка управления», на первый взгляд претерпела существенное изменение в объеме, вместо 18 в ней остались 14 статей. Однако сокращение числа статей было обусловлено не пересмотром уголовно-правовых норм, а исключением из нее некоторых статей (295, 298, 299, 300) редакции 1845 г., которые в более развернутой форме вошли в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. и его последующие редакции.

Статьи 262–275 первой главы Уложения редакции 1885 г. содержали уголовно-правовые нормы статей 283–297 (исключая – 295) лишь с двумя отличиями: первое – во всех статьях, где содержатся наказания в виде тюремного заключения, сроки снижены на одну треть (впрочем, это наблюдается и во всех других разделах Уложения); второе – если в редакции 1845 г. нака-

зания в виде ссылки на жительство назначались, исходя из тяжести преступления, в Томскую и Тобольскую или Иркутскую и Енисейскую губернии (статьи 287, 290–293), то в редакции 1885 г. (статьи 266, 269–271) только указывали «ссылка на жительство в Сибирь» или «ссылается на жительство в Сибирь» [16, с. 59–63]. Однако указания на «ссылку в Сибирь на поселение» или «ссылка на поселение в отдаленнейшие места Сибири» в аналогичных статьях обеих редакций Уложения сохраняются. Не претерпели особых изменений и статьи, части статей в других разделах, главах Уложения редакции 1885 г. в сравнении с предшествующими, имеющими прямое или косвенное отношение к политическим преступлениям и используемыми в судебной практике по политическим делам.

Социально-экономическое и общественно-политическое развитие России конца XIX – начала XX вв. не могло не отразиться и на состоянии законодательства в империи. Как подчеркивал Николай II, «изменившиеся под влиянием этих преобразований условия народной жизни вызвали необходимость привести в соответствие с ними уголовные законы» [13, с. 175].

Именно стремление наиболее полно законодательно обезопасить существующий общественный и политический строй в империи, ее институты власти и сурово карать выступления всякого характера, легальные или нелегальные, с оружием в руках или мирным путем вызвало к жизни новое Уголовное Уложение. Оно было разработано назначенной Николаем II Особой комиссией, прошло широкое обсуждение в особом совещании при Государственном совете, затем в общем собрании его департаментов и на общем собрании Государственного Совета, после чего утверждено Николаем II 22 марта 1903 г. и направлено для опубликования в Правительствующий Сенат.

Методология составления Уложения 1903 г. не отличается от прежней и вобрала в себя основные идеи Уложения редакции 1885 г. Отмечая это, мы должны констатировать, что как структура, так и компоновка материалов по характеру и значимости получили новую форму отражения и новое звучание. Одновременно законодатель стремился к распространению уголовно-правовых норм на более широкий спектр деяний не столько путем раздробления их по отдельным составам, сколько наиболее

полной и точной квалификацией уголовно-наказуемых деяний по всему возможному спектру их возникновения и свершения.

В Уложении 1903 г. исчезла компоновка материала по разделам. По составу и смыслу уголовно-наказуемых деяний статьи сведены в главы. Мы остановимся лишь на тех главах или отдельных статьях, которые имеют отношение к политическим преступлениям.

В главе третьей «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» [13, с. 191–192] рассматриваются составы преступлений, которые в редакциях Уложений 1845 г. и 1885 г. излагались в двух отдельных главах.

Статья 99 предусматривала смертную казнь за посягательство, как за совершенное, так и за «покушение на оное», на жизнь, здоровье, свободу и на неприкосновенность, в т. ч. и престола, императора, императрицы и наследника. К такому же наказанию третья часть статьи 101 приговаривала тех, кто вел подготовительные работы для совершения этих преступлений.

Виновных в посягательстве на изменение в России, в целом, или в ее отдельных регионах установленных законами образа правления, порядка престолонаследия или на отторжение от империи какой-либо ее отдельной части первая часть статьи 100 приговаривала к смертной казни. Если же указанные в первой части статьи деяния обнаружены в зародыше и не нанесли особого вреда, то вторая часть статьи 100 предусматривала для виновных срочную каторгу.

Первая часть статьи 101 для виновных в приготовлениях к совершению перечисленных в статье 100 деяний, предусматривала каторгу сроком не свыше 10 лет, а если они имели в своем распоряжении взрывчатку или оружие, то вторая часть статьи предусматривала для них срочную каторгу.

Самое широкое применение в судебной практике по делам политического характера, особенно в борьбе против революционных партий и организаций, получили заложенные в статье 102 уголовно-правовые нормы. Первая часть статьи гласила: «Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статью 100 предусмотренного, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет» [13, с. 191].

Если же сообщество для выполнения своих целей имело в своем распоряжении «средства для взрыва или склад оружия», то вторая часть статьи наказывала участников сообщества срочной каторгой.

Третья часть статьи 102 предусматривала, чтобы «виновный в участии в сообществе, составившимся для учинения тяжкого преступления, статью 99 предусмотренного», наказывался каторгой без срока.

Четвертая часть статьи 102 содержала нормы, касающиеся двух статей: «Виновный в подговоре составить сообщество для учинения тяжкого преступления, статьями 99 или 100 предусмотренного, или принять участие в таком сообществе, если последнее не составилось», предусматривала наказание в отношении статьи 99 – каторгу сроком не свыше 8 лет; статьи 100 – ссылку на поселение [13, с. 192].

Статьи 103–107 содержали уголовно-правовые нормы в отношении широкого круга лиц – от императора царствующего до памяти усопших царствовавших дедов и широкий диапазон действия: от словесных оскорблений до посягательства на жизнь члена императорского дома (в состав императорского дома, например, при Николае II в 1905 г. входили семья императора, мать, брат и сестры, дяди и тети императора с детьми и их семьями, всего – 69 человек) [17, с. 44–45].

Первая часть статьи 103 предусматривала наказание в виде ссылки на каторгу сроком не свыше 8 лет за оскорбление императора или императрицы и наследника престола, или «в угрозе Их Особ», надругательство над их «изображениями, учиненных непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении, или публичном выставлении с тою же целью сочинения, или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Те же составы преступлений в отношении членов императорского дома наказывались по первой части статьи 106 – ссылкой на поселение.

За преступления, перечисленные в первой части статьи 103, даже публично совершенные, «но без цели возбудить неуважение» к царствующим особам, вторая часть этой статьи предусматривала наказание в виде заключения в крепости. Те же действия, совершенные в отношении членов императорского

дома, наказывались заключением в крепости на срок не свыше трех лет (часть вторая статьи 106).

Третья часть статьи 103 в отношении царствующих особ и 106 статья в отношении членов императорского дома предусматривали наказание в виде ареста для тех, кто «заочные оскорбление, угрозу или надругательство» учинил «по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения» [13, с. 192].

Статья 104 предусматривала два состава преступления: 1) составление сочинений, изображений, содержащих оскорбление и угрозу в адрес царствующих особ с целью публичного распространения, но при условии, что это не состоялось, и 2) размножение, хранение или провоз из-за границы указанных в первом пункте сочинений, если опять же не последовало их распространения; назначалось общее для обоих составов наказание в виде заключения в крепости на срок не свыше трех лет [13, с. 192].

Статья 105 оберегала жизнь членов императорского дома, посягательство на их жизнь каралось смертной казнью. Вторая часть статьи приговаривала виновных в совершении в отношении этих лиц «иног насильственного посягательства» к срочной каторге или ссылке на поселение. Если же виновным учинено «такое насильственное деяние», за которое Уложение предусматривало срочную каторгу, то таковому третья часть статьи 105 назначала меру наказания в виде каторги без срока.

Четвертая часть статьи 105 предусматривала наказание ссылкой на поселение тех, кто признавался виновным «в приготовлении к посягательству на жизнь Члена Императорского Дома или в участии в сообществе, составившемся для учинения такого посягательства» [13, с. 192].

Уложение оберегало и память усопших предков императора, оскорбление (умышленное) памяти которых публичным путем, в печати и т. д., наказывались, согласно первой части статьи 107, заключением в крепости сроком до трех лет. Те же деяния без умысла, в соответствии со второй частью статьи, карались арестом на срок до трех месяцев.

Глава пятая Уложения 1903 г. «О смуте» (статьи 120–137) содержала уголовно-правовые нормы по широкому спектру преступлений, заключающему в себе деяния от надругательства над государственной символикой дружественных государств до оказания сопротивления вооруженным силам и захвата складов

оружия, диапазон наказаний – от ареста до ссылки на каторгу [13, с. 195–198].

Мы остановимся лишь только на тех статьях или положениях, которые, во-первых, в судебной практике использовались против политических преступлений; во-вторых, содержали нормы наказания в виде ссылки на каторжные работы или на поселение.

Статья 121 предусматривала наказание за участие в публичном скопище с целью выразить неуважение к верховным властям, против существующего порядка управления и престолонаследия или разрушение существующего в стране общественного строя и т. д., в первой и второй части от заключения в тюрьму от 6 месяцев и более, до заключения в крепости до трех лет. Третья же часть этой статьи предусматривала: «Если же для расселения такого скопища была призвана вооруженная сила, то не оставивший оно, после предъявленного, в присутствии вооруженной силы, требования разойтись, наказывается: ссылкой на поселение или заключением в исправительный дом».

Первая часть статьи 123 предусматривала наказание в виде ссылки на каторгу не свыше 8 лет за четыре группы деяний, подпадавших под наказания за участие в скопище:

- а) оказание сопротивления войскам, призванным рассеять скопище или нападение на военный караул, часовой караул;
- б) захват и разграбление складов оружия и боеприпасов, других военных объектов, учреждений связи, казначейства, акционерных обществ;
- в) насильственное действие против охраны мест заключения и освобождение из-под стражи арестованных;
- г) применение во время совершения этих действий взрывчатых веществ.

Вторая часть статьи 123 организаторов, руководителей предусмотренных в первой части деяний приговаривала к срочной каторге [13, с. 195–196].

Статьи 124–127 регулировали правовое положение участников противозаконных сообществ. Исходя из цели, преследуемой подобными сообществами, методов их действий, предусматривался дифференцированный подход: от заключения в крепости сроком на один год за создание вообще любой организации (статья 124), не предусмотренной законодательством, и особенно

организации для устройства рабочих стачек – до заключения в исправительный дом или крепость (статья 125). А статья 127 предусматривала даже освобождение от наказания виновных в допущении проведения собрания в принадлежащих им помещениях.

Среди этих статей выделялась статья 126, которая получила широкое распространение в российской судебной практике борьбы против антиправительственных организаций весьма широкого спектра действий и относящихся к разным политическим направлениям. В первой части статьи указывалось: «Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в Государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет или ссылкой на поселение».

Более суровое наказание предписывалось второй частью статьи: «Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в таком сообществе наказывается: срочною каторгою» [13, с. 196].

Статья 128 предусматривала ссылку на поселение для виновных в оказании «дерзостного неуважения Верховной Власти или в порицании установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола произнесением или чтением, публично, речи или сочинения или распространением или публичным выставлением сочинения или изображения». За тот же состав преступления, если оно носило публичный характер, статья 132 предусматривала заключение в крепости сроком до трех лет.

Содержащийся в статье 129 состав преступления, заключавшийся «в произнесении или чтении, публично, речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения», разделялся на четыре направления действия, исходя из цели:

- а) возбуждение бунта или измены;
- б) ниспровержение существующего общественного строя;
- в) неповиновение властям и законам;
- г) совершение других, кроме перечисленных, тяжелых по своим последствиям деяний.

Если в итоге этих действий возникала опасность для жизни людей, или эти действия приводили к совершению тяжелых по своим последствиям деяний, то если виновник не подлежал предусмотренному законом более строгому наказанию, он приговаривался по первым двум пунктам к каторге до 8 лет, по третьему и четвертому – к заключению в исправительный дом [13, с. 196]. Весьма широкий спектр уголовно-наказуемых деяний и диапазон уголовных наказаний по одному и тому же составу преступления – «распространение, непублично, учений или суждений» – содержала статья 130. Мы остановимся лишь на нормах, касающихся каторги и ссылки. Пропаганда, т. е. распространение «учений или суждений» с целью организовать бунт или ниспровержение существующего в стране общественного строя среди сельского населения, войск, рабочих и вообще всех тех лиц, у которых эта пропаганда не могла, по мнению законодателя «встретить надлежащего противодействия», наказывалась ссылкой виновных на поселение. Если же эта пропаганда повлекла за собой возникновение ситуации, угрожающей жизни людей, или привела к «учинению тяжкого преступления», то виновников ждала каторга сроком до 8 лет.

За перечисленные в статье 130 действия среди военнослужащих, способствующие «возбуждению воинских чинов к нарушению обязанностей военной службы», в первой части статьи 131 предусматривалось наказание в виде ссылки на поселение, вторая же часть статьи в точности повторяла нормы состава преступления, и меры наказания второй части статьи 130. Аналогичный срок каторги предусматривался и в отношении самозванцев (статья 134), если «самозванство и распространение такого слуха вызвало угрожающее общественной безопасности волнение народа или волнение среди войска» [13, с. 197].

Основные уголовно-правовые нормы, имеющие отношение к политическим преступлениям, изложены в третьей и пятой главах Уголовного Уложения 1903 г. Однако, как и в предшествующих актах, в разных главах Уложения содержится множество статей и отдельных положений, которые применялись в судебной практике по политическим делам. Например, глава седьмая «О противодействии правосудию» [13, с. 201–204].

В этой главе ко многим уголовно-наказуемым деяниям одного и того же состава, исходя из общественной значимости

преступления, применялись разные уголовно-правовые нормы. Так, например: «Виновный в не извещении, без уважительной причины, подлежащей власти или угрожаемого лица о достоверно известном виновному, замышленном или предпринятом, тяжком преступлении», по статье 162 подлежал тюремному заключению. Но то же самое действие в отношении преступлений, предусмотренных в статьях 99–102, наказывалось в отношении статьи 99 – срочной каторгой; статьи 100 – каторгой сроком до 8 лет; статей 101 и 102 – ссылкой на поселение (статья 163). А статья 164 за недонесение властям «о достоверно известном ему участнике тяжкого преступления», указанное в статьях 99–102, предусматривала: в отношении статьи 99 – каторгу сроком до 8 лет; статей 100–102, – ссылкой на поселение [13, с. 202].

Подобные же дифференцированные в зависимости от объекта направленности преступного действия меры наказания характерны и для статьи 166, где речь идет о сокрытии, повреждении вещественного или письменного доказательства при расследовании преступлений, и для статьи 168, в которой говорится о сокрытии или содействии укрывательству лица, совершившего преступление [13, с. 203].

Среди статей седьмой главы, содержащих правовые нормы в отношении совершивших побег с назначенного места заключения, жительства или самовольно оставившие назначенное властями место жительства (статьи 174–177), широкое применение получили статьи 175 и 176.

Статья 175 за побег из места поселения предусматривала наказание в виде заключения в исправительном доме сроком до трех лет или продление от одного до двух лет установленного законом срока освобождения от поселения. За побег из места каторги статья 176 предусматривала наказание в виде продления срока каторги от одного до двух лет, по второй части статьи, если побег был совершен путем насилия над стражей, – от двух до четырех лет. Третья часть статьи предусматривала для участника группового побега продление срока каторги от четырех до восьми лет [13, с. 204].

**Наказания за политические преступления
в законодательстве России первой трети XIX –
начала XX вв.**

Законодательные акты	Кол-во статей, предусматривающих наказания за политические преступления	Кол-во случаев предусмотренных наказаний в виде			
		смертной казни	каторжной работы	ссылки на поселение	тюремного заключения
Свод законов уголовных, 1833 г.	19	8	16	8	2
Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845 г.	37	7	17	10	19
Воинский устав о наказаниях, 1875 г. *	7	4	4	2	3
Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1885 г.	22	6	13	6	10
Уголовное уложение, 1903 г.	28	4	15	14	16

*Аналогичные наказания предусматривались и в Военно-морском уставе о наказаниях, утвержденном Александром II 14 апреля 1875 г.

Как показывают данные таблицы, законодательство России конца первой трети XIX – начала XX веков имело тенденцию к расширению нормативной базы для защиты общественно-политического строя, его институтов и носителей верховной власти.

Если уголовное преследование противников существующих режимов (когда политическая борьба принимала анти законные формы) характерно для всякого государства, то борьба против политических противников в России имела свои особенности:

во-первых, Россия была страной, где власть носила самодержавный, неограниченный характер;

во-вторых, характер власти в России размывал общепринятые границы политической борьбы. Пример тому то, что в

России судили не только за деяние (совершенное или в стадии подготовки), но и за умысел совершения;

в-третьих, исторически сложилось так, что власть в России всегда была персонифицирована в лице великого князя, царя, императора, поэтому по части опыта политической борьбы в России она всегда носила субъективный оттенок;

в-четвертых, ни в одной «цивилизованной стране», какой желали видеть Россию ее правители, политические противники не подвергались столь суровым наказаниям по весьма широкому кругу действий, как в России.

По нашему субъективному мнению, исследование становления и развития регламентации правовых норм по политическим мотивам (преступлениям) в законодательстве России периода монархии даст возможность уловить её преемственность и в советскую эпоху. Ведь многие правовые нормы эпохи империи перекочевали, конечно, с трансформацией и новыми идеологическими обоснованиями, в советское право и правоприменительную практику.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 6. СПб., 1832.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 7. СПб., 1833.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 20. СПб., 1846.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 30. СПб., 1856.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 38. СПб., 1866.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 39. СПб., 1867.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 42. СПб., 1871.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 43. СПб., 1873 .
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 44. СПб., 1873.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 49. СПб., 1876.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 54. СПб., 1881.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 2. СПб., 1886.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 23. СПб., 1905.

14. Свод законов Российской империи. Свод законов уголовных. 3-е изд. СПб., 1835. 900 с.

15. Свод законов Российской империи: Уставы благочиния. Ч. 3. СПб., 1842. 614 с.

16. Свод законов уголовных: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. 948 с.

17. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1905 год. Томск, 1905.

УДК 343.813(47)(091)

С.В. Кодан

Каторжные работы в системе уголовного наказания России

Статья посвящена развитию законодательной базы практики применения каторжных работ в России на протяжении XVII–XX веков.

Ключевые слова: законодательство России, каторга, уголовное наказание, Сибирь.

S.V. Kodan

Hard labor in system of criminal penalty of Russia

Article is devoted to development of legislative base of practice of application of a hard labor in Russia throughout the XVII–XX centuries.

Keywords: legislation of Russia, penal servitude, criminal penalty, Siberia.

В качестве уголовного наказания каторга использовалась в России с XVII в. до начала XX в. Само происхождение обозначения данного вида карательной меры – каторга – уходило своими корнями к греческому слову *katergon* (обычно в. мн. ч. – *katerga*) и постепенно в уголовном праве и пенитенциарной практике получили обозначение «каторжные работы»

как вид уголовного наказания, состоящий в использовании осужденных на тяжёлых принудительных работах в местах заключения или ссылки.

В определении этого вида наказания, как подчеркивает российский криминалист С.В. Познышев, «господствующими стремлениями уголовных законодателей были стремления к возмездию равным за равное и к устрашению. Они и наложили свою печать на первоначальную организацию каторжных работ. Кроме того, при создании этих работ, имелось в виду использовать принудительный труд преступников для нужд государства; в соответствии с последними, каторжных и направляли то в то, то в другое место, туда, где в данный момент особенно ощущалась потребность в рабочих руках. Согласно руководящим принципам того времени, каторга должна была быть тяжким, изнурительным трудом, карой чувствительной, страшной и вместе с тем, возможно прибыльной для государства»¹.

Каторжные работы по целевому назначению в политике российской верховной власти выполняли ряд функций. Каторга не только являлась тяжкой карой для преступников и преследовала цели устрашения, но и решала задачи освоения (колонизации) отдалённых территорий, а также строительства портов, крепостей и др. Места ссылки в каторжные работы изменялись в достаточно широких территориальных рамках, исходя из потребности в труде. Это были Азов, Петербург, Кронштадт, Рогервик, Рига, Херсон, где силами каторжных выполнялись самые тяжёлые работы: забивка свай, рытьё каналов и другие «водяные работы». Постепенно каторжными стали считать любые обязательные работы ссыльных, которых направляли практически во все места, где не хватало рабочих рук, – на казённые железоделательные, «селитряные», винокуренные, солеваренные, суконные заводы и фабрики, днепровскую фортификационную линию. С передачей в 1760 г. Екатеринбургских и Нерчинских заводов в *Берг-коллегию* ссылка на каторгу начинает преимущественно использоваться для обеспечения рабочей силой горного ведомства. Режим каторги долгое время определён не был.

Определение места каторжных работ в системе уголовных наказаний в России во второй половине XVII–XVIII вв. уходило началами в положения, которые определяло *Соборное уложение 1649 г.* Оно предусматривало мошенников, воров и

разбойников после тюремного заключения «посылать в кандалах работать на всякие изделия, где государь укажет» (гл. 21, ст. 9–11, 15, 16). Местами таких работ явились Сибирь и «понизовые города»². В конце XVII в. в связи с взятием Азова и проведением в нём крупных портовых работ, резко возросла потребность в рабочих; наряду с ремесленниками, туда сталисылать преступников.

Каторжные работы как наказание, альтернативное смертной казни и использование слова «каторга», начинает определяться в российском праве в правление Петра I. Начало этому процессу положил именной указ царя «О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам» от 24 ноября 1699 г. предписывал преступников за взятки за назначение на должности сборщиков таможенных сборов и платежей с кабаков после шельмования и телесного наказания сослать их вместе с семьями и использовать на тяжелых работах – «сказать смерть и положить на плаху и от плахи подняв, бить вместо смерти кнутом без пощады и сослать на в ссылку в Азов на вечное житие с женами и детьми, и быть им на каторгах в работе»³. Первоначально в России каторжными являлись адмиралтейские и корабельные работы в приморских городах. Работа в рудниках и на заводах каторжной не считалась и часто применялась после каторги в портовых городах ссылка в Сибирь на рудничные и заводские работы. Последующее законодательство об использовании каторжных работ развивалось в ключе петровского указа 1699 г. и предписывало после обряда политической смертисылать на каторгу⁴. Так, например указ от 5 ноября 1723 г. предписывал за «утайку душ» при переписи населениясылать «в галерную работу» – каторжные работы. Практиковалась, как определяют законодательные акты, ссылка на каторгу в достаточно широких масштабах. Каторжные работы в качестве наказания определялись к осуждённым за тяжкие преступления, недоимки, побеги со службы, подделку ценных бумаг, а также к должникам по гражданским делам. Так, Наказ губернаторам и воеводам от 12 сентября 1728 г. предписывал за укрывательство «воров и разбойников и становщиков и беглых драгун, солдат, матросов и ... беглых крестьян ... чинить наказание, бить кнутом, и вырезав ноздри, посылать на каторгу»⁵. Множество узаконений о преследовании за проти-

возаконные действия завершались определением наказания «на каторгу в вечную работу с наказанием» - телесными наказаниями кнутом или шпицрутенами для военнослужащих⁶. Использовались и формулировки: «осуждены на каторгу в годы» и «на каторгу сосланы в вечную работу» – на определенный срок и бессрочно⁷.

Вторая половина XVIII столетия продолжила практику использования каторжных работ вместо смертной казни. Императрица Елизавета Петровна 29 марта 1753 г. утвердила доклад Правительствующего сената, по которому (со ссылкой на рассмотренный выше указ Петра I от 24 ноября 1699 г.) было предложено уголовных преступников ссылать взамен смертной казни на каторгу⁸. Затем сенатским указом от 30 сентября 1754 г. таких осужденных после наказания кнутом, вырезания ноздрей и постановки трех клейм «В.О.Р.» (позднее К.А.Т.) на лбу и щеках ссылать на каторгу закованными в кандалы⁹. При этом, согласно сенатскому указу от 30 сентября 1754 г., определялось деление каторжных работ в зависимости от определенного наказания и предписывалось «присужденных к натуральной смертной казни, на которых знаки поставлены, употреблять в отменную против других в тяжелую всегдашнюю работу, ... присужденных на политическую смерть в другую работу, а посланных в ссылки вечно против с облегчением, то есть с выключением праздничных и воскресных дней, чтоб оные по винам их в тех работах сравнены не были»¹⁰.

Каторжные работы в уголовном законодательстве в XIX – начале XX вв. получили достаточно чётко определённый статус уголовного наказания. Уголовное законодательство, систематизированное в ходе подготовки и издания *Свода законов* Российской империи 1832 г., вошло в его 15-й том – Свод законов уголовных. Свод в системе наказаний поставил принудительные работы осуждённых (из 10 имеющихся наказаний) на 5-е место (после смертной казни, «полит. смерти», лишения прав состояния, телесных наказаний). Телесные наказания для лиц недворянского состояния также сопровождали приговор к каторге. Свод выделил 6 *видов* работ: каторжные; крепостные; в портах; в казённых заводах и фабриках; в смирительном доме; в рабочем доме и горные работы у частных лиц. При этом каторга назначалась «за важные преступления» – «возмущение, смерто-

убийство, разбой, грабёж, лихоимство» и сопровождалась клеймением. Были определены и исходные принципы: каторжными считались работы «на заводах и фабриках в Сибири»; срок исчислялся с момента поступления в работы (этапирование, продолжавшееся до 1,5–2 лет, не учитывалось); брачно-семейные отношения прекращались, невиновная сторона могла вступить в новый брак или последовать с детьми за мужем (при этом брак сохранял силу, но выезд из Сибири до смерти мужа был невозможен); прекращались имущественные отношения, собственность переходила к наследникам. Правовой статус каторжанина определялся законодательством о ссыльных. Свод законов уголовных за 1842 г. сохранил эти положения неизменными¹¹.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, изданное в 1845 г. (и его редакции 1866 и 1885 гг.) как «наказательный» кодекс, поставило каторжные работы в системе наказаний на 2-е место (после смертной казни). Уложение предусматривало лишение всех прав состояния и ссылку на каторгу, которая для лиц, не изъятых от телесных наказаний, была сопряжена с публичным наказанием палачом от 30 до 100 ударов плетью и наложением клейма «КАТ» (за исключением женщин и мужчин, достигших 70 лет). Закон предусматривал 3 вида каторжных работ (в рудниках, в крепостях, на заводах), которые, в свою очередь, были разделены на 7 степеней, исходя из тяжести и срока: 1-я степень – работа в рудниках без срока (100 ударов плетью); 2-я – работа в рудниках на срок 15–20 лет (80–90 ударов); 3-я – работа в рудниках 12–15 лет (70–80 ударов); 4-я – работа в крепостях 10–12 лет (60–70 ударов); 5-я – работа в крепостях 8–10 лет (50–60 ударов); 6-я – работа на заводах 6–8 лет (40–50 ударов); 7-я – работа на заводах 4–6 лет (40–50 ударов).

Последствиями осуждения к каторжным работам были полная потеря прежнего правового статуса с прекращением семейных и имущественных правоотношений, а также вечное поселение в Сибири после окончания каторжных работ. При этом члены семьи осуждённого сохраняли права состояния и могли последовать в место каторжных работ. В этом случае брак сохранялся с запрещением выезда из сибирских губерний до смерти осуждённого супруга. В 1863 г. были отменены сопро-

ждавшие осуждение к каторжным работам телесные наказания и клеймение¹².

Уголовное уложение 1903 г., полностью не введенное в действие, сохранило за каторжными работами роль наказания, стоявшего следом за смертной казнью. Каторжные работы определялись как бессрочные или назначались на срок от 4 до 15 лет. Устанавливалось содержание осуждённых к каторжным работам в специальных каторжных тюрьмах. Уложение также определяло некоторые черты режима каторжных работ¹³.

Итак, каторжные работы в России сложились как тяжкий вид уголовного наказания как альтернатива смертной казни и кара за наиболее опасные для государства и подданных деяния. Их законодательное определение прошло развитие от общих указаний на данный вид репрессий до четкого определения в актах систематизации уголовно-правовых положений Своде законов уголовных 1832 и 1842 гг., а затем в актах кодифицированных – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его редакций 1866 и 1885 гг., а затем Уголовном уложении 1903 г. Параллельно развивается и законодательство об исполнении данного вида наказания.

Примечания

1. Познышев С. В. К вопросу о преобразовании нашей каторги. М., 1914. С. 3.

2. См.: Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.

3. Именной указ «О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам». 24 ноября 1699 г. // ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1722.

4. См.: Именной указ «О наказании и штрафовании помещиков, приказчиков и старост за утайку душ». 5 ноября 1723 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4343. См. также: Именной указ «О соблюдении благочиния во всех судебных местах судьями и подсудимыми, и о наказании за бесчинство». 21 января 1724 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4431; Именной указ «О различии штрафов и наказаний за государственные и партикулярные преступления». 5 февраля 1724 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4460.

5. Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать. 12 сентября 1728 г. // ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5333.

6. Сенатский указ «О розыске сказывающих слово и дело, по указам и по Уложению» Июнь. 1729 г. (без конкретной даты) // ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5434.

7. См.: Именной указ, объявленный из Сената, «О Всемилостивейшем облегчении наказания тяжким преступникам». 30 января 1725 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4645.

8. См.: Высочайше утвержденный доклад «О именовании политической смерти: взведение на виселицу, или положение головы на плаху, и о представлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговора в исполнение». 29 марта 1853 г. // ПСЗРИ-1. Т. 13. № 10087.

9. Сенатский указ «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о замене смертной казни политической, с объяснением, что почитать сею казнью и что наказанием». 30 сентября 1754 г. // ПСЗРИ-1. Т. 14. № 10306.

10. Сенатский указ «О рассылке Юстиц-коллегии одинаковых знаков для клеймения преступников, и о распределении их в каторжной работе по степени преступления». 30 сентября 1754 г. // ПСЗРИ-1. Т. 14. № 10305.

11. См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 14. (Устав о ссылных), 15 (Свод законов уголовных).

12. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ-2. Т. 20. отд. 1. № 19283.

13. См.: Высочайше утвержденное Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. № 22704.

УДК 67.3

А.А. Плотников

К вопросу о правовой регламентации управления каторгой на острове Сахалин во второй половине XIX века

Статья посвящена правовой регламентации управления каторгой на острове Сахалине во второй половине XIX века. В ней даётся анализ нормативных документов, регламентировавших правовые основы организации каторги на острове Сахалине. Показана деятельность пенитенциарной администрации по управлению островом.

Ключевые слова: Сахалин, ссыльнокаторжные, управление, инструкция, правила, режим, каторга, тюрьма, Устав о содержащихся под стражей.

A.A. Plotnikov

On the Issue of Legal Regulations of Management of Penal Servitude on the Sakhalin Island in the Second Half of XIX Century

The article is about lawful regulation (arrangement) of exile places on Sakhalin Island in the second part of the XIX century. It analyses normative documents regulating legal basis of an exile procedure control on the Sakhalin Island. The article shows the activity of the penitential main headquarters in governing of the Island.

Key words: Sakhalin, convicts, headquarters, instruction, rules, regime, exile, jail, Regulations of keeping people in custody (Rules of convicts).

Определенный интерес представляет анализ правовой регламентации управления Сахалинской каторгой с позиции историко-правовой науки. В государственном аппарате царской России в период империализма видное место занимали такие центральные органы управления, как министерства внутренних дел, юстиции, военное и иностранных дел¹. Важнейшим было Министерство внутренних дел, в ведении которого находилась вся местная администрация (генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, исправники, полиция, жандармерия), сыск, цензура, комплектование армии, почта, телеграф². Определяя место Министерства внутренних дел в системе государственных органов, следует отметить, что по своему внутреннему устройству это было бюрократическое учреждение, основным принципом организации и деятельности которого был бюрократический централизм, выразившийся в назначении министра сверху и отсутствии контроля снизу. Министерство внутренних дел было наиболее влиятельным в царской России, а его глава наделялся чрезвычайными полномочиями, какими не пользовался никакой другой министр. Ему принадлежало право временно удалять «от исправления должности» всякого, даже высшего чиновника, с последующим сообщением об этом царю³. Не случайно управле-

ние тюремной системой было сосредоточено именно в этом министерстве, что нашло свое правовое закрепление в третьей главе Устава о содержащихся под стражей, статья 14 которого закрепляла заведование тюремной частью гражданского ведомства за министром внутренних дел по Главному тюремному управлению (ГТУ) и совету по тюремным делам⁴. В этой же статье подчеркивалось: «Высший надзор за всеми местами заключения, предназначенными для содержания под стражей государственных преступников и лиц, обвиняемых в государственных преступлениях, имеет Товарищ Министра Внутренних Дел, заведующий полицией»⁵.

Главное тюремное управление, осуществляющее руководство тюремной системой царской России, было образовано в составе Министерства внутренних дел в 1879 году. Созданием этого учреждения осуществлялась централизация управления местами заключения⁶. 13 декабря 1895 года ГТУ было передано в Министерство юстиции, однако никаких существенных изменений в упорядочении тюремного законодательства не произошло. В ГТУ разрабатывались новые законопроекты, составлялись сборники узаконений и распоряжений по тюремному ведомству. Оно создавало общие инструкции для тюремной администрации. Помимо этого выполняло различные административные и хозяйственные функции, а именно: назначало, увольняло в отставку, предоставляло отпуска, назначало пенсии и пособия, предоставляло к наградам чиновников ведомства; управляло отдельными местами заключения; распределяло по ним осужденных и служащих вольнонаемной стражи; устанавливало порядок надзора за заключенными и содержания их в тюрьмах и больницах; определяло вид арестантских работ. Это управление вело переписку о медицинском освидетельствовании ссыльных, снабжении их необходимыми документами; отправляло и распределяло ссыльных и их семьи в Сибирь и на Сахалин, было обязано устроить их быт и определить порядок их трудового использования, а также вело переписку по вопросам помилования, исполняло смету доходов и расходов, смету специальных средств тюремного ведомства, вело денежную отчетность и т. д.⁷

Одним из важнейших направлений в деятельности ГТУ была аналитическая работа о поведении лиц, осужденных по политическим преступлениям и отбывающих наказание на каторге и в

ссылке. С этой целью ежемесячно в ГТУ направлялись отчеты о поведении политкаторжан.

Главное тюремное управление возглавлял начальник, который назначался царем по представлению министра. Начальник ГТУ пользовался большими правами и мог самостоятельно, без особого согласования с министром, осуществлять действия по применению тюремного законодательства. Местное управление тюремными учреждениями, в соответствии со ст. 15 Устава о содержащихся под стражей, принадлежало губернатору или начальнику области⁸.

Управление каторгой на Сахалине имело специфическую особенность, которая заключалась в том, что весь остров служил исключительно пенитенциарным целям.

В административном отношении Сахалин входил в состав Приморской области, образованной для усиления русского влияния на берегах Тихого океана указом Сената от 31 октября 1856 года. Приморская область находилась в подчинении Восточносибирского генерал-губернаторства, преобразованного в 1887 году в Иркутское.

Вся административная и военная власть сосредоточивалась в руках военного губернатора Приморской области, который одновременно являлся командующим войсками и наказным атаманом Уссурийского казачьего войска. Административным аппаратом по управлению Приморской областью была канцелярия военного губернатора, которая делилась на два отделения - военное и гражданское.

Канцелярия военного губернатора Приморской области не могла обеспечить руководство всей жизнью области, так как область была мало освоена и удалена от жизненно важных центров России. Царское правительство смотрело на Приморскую область как на источник прибылей и использования отдельных территорий для пенитенциарных целей. Главное управление Восточной Сибири не раз ставило перед правительством вопрос о преобразовании управления Приморской областью, но лишь в 1866 году Сенатом было утверждено Положение об образовании Приморского областного управления.

Приморское областное управление приступило к выполнению своих функций 10 января 1867 года. Действовало оно под контролем военного губернатора и являлось высшим администра-

тивным органом на территории Приморской области. С начала образования Приморское областное управление состояло из двух отделений: первого – распорядительного и второго – хозяйственного. Впоследствии в структуру управления вносились изменения. В 1876 году в составе первого отделения образовано подразделение (третий стол) по ведению судебно-полицейского делопроизводства, чиновники которого занимались управлением каторгой на острове Сахалине. Для управления ссыльнокаторжными непосредственно на острове учреждается должность заведующего ссыльнокаторжными на Сахалине, который находился в посту Дуэ.

Содержание каторжан в посту Дуэ регламентировалось инструкцией генерал-губернатора Восточной Сибири заведующему ссыльнокаторжными на Сахалине от 17 июля 1870 года за № 722. В основном эта инструкция определяла несение службы полевой командой, не давая четкого перечня прав и обязанностей заведующего ссыльнокаторжными. Все управление разделялось на несколько частей и осуществлялось из Приморского областного управления, расположенного на материке, далеко от острова. Вначале Приморское областное управление находилось в Николаевске-на-Амуре, а затем переведено в Хабаровск, удаленный на сотни километров от острова.

В силу недостаточной регламентированности управления и отсутствия единой власти между различными чиновниками в посту Дуэ имели место служебные трения, которые разрешались Приморским областным управлением, затрудняя тем самым функционирование местной власти. Постоянно возникали конфликты между заведующим ссыльнокаторжными, с одной стороны, начальником поста Дуэ, горным инженером, врачом ссыльнокаторжной команды и другими чиновниками – с другой. Приморское областное управление, разрешая конфликты, разъясняло, что заведующий ссыльнокаторжными в отношении Дуэйской военной команды пользуется комендантскими правами. Он занимается погрузкой-выгрузкой угля на судах и всеми работами в посту Дуэ. Четкой регламентации прав заведующего ссыльнокаторжными не было, тем не менее, он становится основной фигурой в управлении на Сахалине. Военный губернатор Приморской области, разъясняя права заведующего ссыльнокаторжными, в письме начальнику Дуэйского поста от 1 апреля 1875 года ука-

зал, что в отношении вверенной ему команды в Дуэ в отсутствие вышестоящего начальника следует пользоваться правами губернского воинского начальника, что же касается гражданского населения, то заведующий ссыльнокаторжными должен относиться к ним как окружной начальник. Таким образом, как следует из содержания этого документа, заведующему ссыльнокаторжными были подчинены все военные и гражданские служащие острова.

Кроме того, военный губернатор Приморской области предлагал заведующему ссыльнокаторжными на Сахалине составить новую инструкцию со всеми дополнениями и изменениями по его усмотрению.. Заведующий ссыльнокаторжными в своем рапорте от 9 апреля 1875 года на имя военного губернатора Приморской области, пользуясь данной ему властью, предлагал предоставить ему еще и право отстранять от должности чиновников с последующим сообщением военному губернатору, а в отношении наложения на них дисциплинарных взысканий предоставить ему полные права. В отношении ссыльнокаторжных он пользовался правами наказания. Как видим, представитель тюремного ведомства, став первым лицом в управлении островом, требовал предоставления ему неограниченной власти.

Согласно принятому в том же, 1875 году, Временному положению о военном и гражданском управлении Сахалином, остров делился на два округа: северный и южный. Третий параграф этого положения регламентировал управление округами. Каждым округом управлял начальник. Звание начальника округа Северного Сахалина присваивалось заведующему ссыльнокаторжными, находившемуся в посту Дуэ, звание начальника округа Южного Сахалина – командиру Восточносибирского линейного батальона, дислоцированного в посту Кюрасаковском. По гражданскому управлению начальники округов приравнивались к окружным исправникам. Какого-либо единого органа управления в тот период на Сахалине не было.

После посещения в 1876 году Сахалина генерал-губернатором Восточной Сибири принимается решение о строительстве первой каторжной тюрьмы. Эта тюрьма была возведена на месте барачков Дуэйской каторжной команды. Открытие первой на острове каторжной тюрьмы дало возможность увеличить численность каторжан. Если в 1875 году там содержалось 158 человек, то к 1882 году их было 3500, что составило 82 % от всех лиц, на-

ходившихся на Сахалине. Быстрый рост численности каторжан повлек за собой образование новых тюрем по всей территории острова. Назревала необходимость организации самостоятельного управления как островом в целом, так, в частности, тюрьмами. По инициативе Главного тюремного управления министр внутренних дел вошел в Государственный Совет с представлением о преобразовании управления Сахалином.

Государственный Совет пришел к мнению об изъятии острова Сахалина из ведения военного губернатора Приморской области, преобразовав существующее на острове управление и заведование каторжными тюрьмами. Согласно этому документу расход только на управленческий персонал составлял ежегодно 99 500 рублей, не считая средств на содержание тюремного аппарата, который определялся в соответствии с ежегодной потребностью каторги. Министру внутренних дел предлагалось решить вопрос об устройстве быта каторжан, отбывших установленный срок наказания и переведенных на поселение. Мнение Государственного Совета было утверждено царем 15 мая 1884 года.

Тогда же Александр III санкционировал положение об управлении Сахалином. Это был первый законодательный акт по управлению Сахалинской каторгой. Положение регламентировало деятельность островной администрации по управлению каторгой, вплоть до ее упразднения.

Согласно положению остров Сахалин являлся самостоятельной административно-территориальной единицей. С учреждением 16 июня 1884 года отдельного Приамурского генерал-губернаторства он вошел в его состав. Верховное управление островом Сахалином осуществлялось генерал-губернаторством Восточной Сибири, частью которого было Приамурское генерал-губернаторство. Непосредственно на острове власть принадлежала начальнику, который назначался из генералов.

Начальник острова Сахалина как назначался, так и увольнялся по представлению министра внутренних дел указом правительствующего Сената и приказом по военному ведомству. Ему вверялось командование расположенными на Сахалине войсками (на правах командира дивизии) с подчинением командующему войсками Приамурского военного округа. Кроме того, он обладал правами и обязанностями, предоставленными органам губернского управления, т. е. мог принимать на работу и увольнять

всех служащих на острове, за исключением заведующего медицинской частью, инспектора сельского хозяйства, инженера-архитектора, землемера и товарища областного прокурора, которые назначались и увольнялись по представлению генерал-губернатора соответствующими ведомствами, а землемер – только Приамурским генерал-губернатором.

Начальнику острова принадлежало право разрешать отпуска служащим острова сроком на шесть месяцев с сохранением содержания. В случае выезда чиновника на расстояние свыше тысячи километров от острова, он мог предоставить отпуск сроком на год без содержания. Ему разрешалось в качестве поощрения чиновников распределять оставшиеся неизрасходованными денежные средства, выделяемые на штат управления о. Сахалином. Кроме того, он мог входить к генерал-губернатору с представлениями о награждении чиновников.

Особый интерес представляет пункт 9 Положения об управлении островом Сахалином, в котором указывалось, что в случае замеченного вредного влияния на каторжных и ссыльнопоселенцев со стороны кого-либо из проживающих на острове частных лиц, начальник острова имел право воспрепятствовать такому лицу дальнейшее пребывание на острове, с последующем уведомлением генерал-губернатора.

К этому пункту начальник острова обращался всегда, когда нужно было воспрепятствовать контактам политических ссыльнокаторжных с прогрессивными людьми, посещавшими остров. Так, начальник острова генерал-майор В.О. Конанович в 1890 году, разрешил А.П. Чехову посещение каторжных тюрем острова, но в то же время обязал местную администрацию вести неослабное наблюдение за тем, чтобы г. Чехов не имел никаких сношений с ссыльнокаторжными, сосланными за государственные преступления, с административно ссыльными и состоящими под надзором полиции.

Органы управления и ГТУ боялись огласки сведений о произволе, творимом тюремной администрацией острова. Так, в 1882 году при подготовке сборника сведений о Сахалине, генерал-губернатор Восточной Сибири обратил особое внимание на то, чтобы в сборник не было помещено статей и сведений, не подлежащих опубликованию. Тем не менее, отдельные факты, проливающие свет на самую мрачную каторгу того периода, проникали в печать.

В связи с этим начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской в своем распоряжении от 7 марта 1886 г. за № 2873 указывал начальнику острова Сахалина о недопустимости утечки информации об условиях содержания ссыльнокаторжных и требовал принять надлежащие меры к тому, чтобы редакцией газеты «Владивосток» не публиковались статьи, изображающие состояние местных условий на о. Сахалине.

Положение об управлении Сахалином от 15 мая 1884 года предусматривало деление острова на три округа: Александровский, Тымовский и Корсаковский. Во главе каждого находился начальник. В округах были созданы окружные полицейские управления, подчинявшиеся начальнику округа и состоявшие из смотрителей тюрем и их помощников. Начальники округов, а также подчиненная им тюремная администрация помимо пени-тенциарных функций в условиях острова Сахалина осуществляли еще и полицейские. Это объясняется тем, что на окраинах Российской Империи в пореформенный период были введены некоторые общегосударственные учреждения, но методы старого управления продолжали сохраняться, что нашло выражение в широком распространении совмещения военных и гражданских должностей, «упрощенной» организации учреждений администрации, полиции и суда⁹. Начальник ГТУ Галкин-Враской, оправдывая такое положение, писал: «... В настоящее время, в силу необходимости, все полицейские, по отношению к этим лицам, обязанности несут начальники тюрем, что и является вполне естественным, так как они располагают и средствами надзора, и в их же ближайшем ведении находятся заселенные на островах места. Мне кажется, этого порядка следовало бы придерживаться в будущем, и дабы придать при этом местной власти необходимые средства полицейского суда и расправы и обязанности окружных исправников»¹⁰. В положении об управлении островом Сахалином подчеркивалось, что окружные полицейские управления пользовались правами и несли такие же обязанности, как и все прочие полицейские управления, но в то же время имели свои специфические особенности, выразившиеся в подмене судебных органов. Им разрешалось рассматривать гражданские иски и тяжбы, сумма которых не превышала тридцати рублей, руководствуясь правилами судопроизводства, установленными для окружных судов. Кроме того, они осуществляли функции

нотариусов и маклеров в соответствии с торговым уставом. Как видим, здесь наблюдается слияние пенитенциарных функций с полицейскими и судебными.

Все каторжные тюрьмы, имевшиеся в каждом округе, находились согласно пункту 13 Положения об управлении островом Сахалином в единоличном ведении начальника округа. Делопроизводство по тюремной части производилось в канцеляриях окружных полицейских управлений. Во главе каждой тюрьмы стояли смотрители, на которых возлагались права и обязанности, предусмотренные для участковых заседателей в округах сибирских губерний.

Непосредственным надзором за ссыльнокаторжными занимались тюремные надзиратели, которые согласно статье 26 Устава о содержащихся под стражей подразделялись на старших и младших. Старшим надзирателям, помимо наблюдения за каторжными, вменялось в обязанность исполнение функций полицейских служащих в тех местах, где дислоцировались тюрьмы.

Положение об управлении островом Сахалином предусматривало, что в случае нехватки тюремных надзирателей и невозможности укомплектовать вакансии, командировать для исполнения обязанностей по надзору за ссыльнокаторжными нижних чинов воинских команд, расположенных на острове. Подробное распределение обязанностей между лицами, осуществлявшими тюремный надзор, положение не предусматривало, а отсылало к особой инструкции, составленной генерал-губернатором Восточной Сибири и утвержденной министром внутренних дел.

Распределение прибывших каторжан по тюрьмам осуществлялось начальником острова, который действовал по своему усмотрению. Относительно местных условий при размещении политкаторжан имелось предписание Приамурского генерал-губернатора о преимущественном размещении их в тюрьмах Тымовского округа, так как оттуда побеги были весьма затруднительны¹¹.

Одновременно с положением об управлении островом Сахалином царем были утверждены штаты. Из содержания этого документа видно, какие должности вводились для управления каторгой, а также насколько щедро царское правительство оплачивало деятельность пенитенциарной администрации. Штаты управления островом Сахалином состояли из трех разделов: общего управления, окружного управления и тюремного надзора. Общее

управление состояло из начальника острова с годовым окладом 6000 рублей и канцелярии. Весь штат общего управления состоял из 16 человек. Штат управления в каждом округе предусматривал должности: начальника округа с должностным окладом 3000 рублей в год, секретаря полицейского управления, бухгалтера, смотрителя поселений, двух врачей (старшего и младшего), фельдшера и священника.

В этом же документе приводится перечень Сахалинских каторжных тюрем по округам, денежное содержание смотрителей, их помощников и надзирателей. Так, в Александровском округе находилась Дуэйская, Александровская и Жонкьерская тюрьмы; в Тымовском округе – Рыковская, Малотымовская и Дербинская; в Корсаковском – только одна Корсаковская каторжная тюрьма. В третьем разделе этого документа указывалось, что тюремный надзор осуществляют старшие и младшие надзиратели, годовой оклад старшего составлял 480 рублей, а младшего — 216 рублей.

Положение об управлении островом и штаты вступили в силу со второй половины 1884 года. Если положение об управлении Сахалином оставалось почти неизменным до ликвидации каторги, то штаты неоднократно изменялись в сторону увеличения. Так, 30 мая 1894 года были учреждены новые штаты управления островом.

Все без исключения чиновники, занимавшие должности по этому штату, были призваны служить нуждам Сахалинской каторги и имели полномочия тюремно-административного характера. Начальник острова переименовывался в военного губернатора. Ему вручалась вся военная и административная власть на острове, а полномочия приравнивались к полномочиям военных губернаторов царской России. На содержание сахалинской администрации средств не жалели. Так, военному губернатору Сахалина денежное содержание определялось восемь тысяч, а не шесть, как ранее начальнику острова.

К началу XX века население острова составляло 34 368 человек. Все больше каторжных, отбывших срок наказания, переводилось на поселение, увеличивалось число ссыльнопоселенцев. Администрация острова не занималась развитием производительных сил на Сахалине. В поисках заработка каторжные, вышедшие на поселение, и ссыльные вынуждены были с разреше-

ния администрации выезжать на материк, но в 1898 году на это последовал запрет.

Порочность существовавшей тюремной системы вызывала протесты, которые выливались в различные формы, в том числе и в совершение уголовных преступлений. Правительство вынуждено было признать, что колонизация острова силами карательных учреждений провалилась, и в связи с этим назрела необходимость отмены каторги либо ее реорганизации.

6 мая 1899 года был издан царский указ об учреждении комиссии, предназначенной для выработки мероприятий по переустройству каторги на острове. В нее вошли: министр юстиции, начальник Главного тюремного управления, военный губернатор Сахалина и помощник начальника ГТУ.

Комиссия пришла к заключению, что Сахалин является исключительно тюремной колонией и должен ею оставаться впредь, так как только за предшествующие 16 лет (с 1882 г.) в развитие каторги вложено 30 миллионов рублей и, кроме того, для нее трудно найти более удобное место. Главную причину всех затруднений комиссия видела в переполнении сахалинских тюрем лицами, отбывающими наказание. Она еще раз подчеркнула значение тюрем на острове, указав, что весь Сахалин служит пенитенциарным целям, местными центрами являются тюрьмы и все, здесь существующее, имеется ради тюрем и вследствие нахождения их здесь. Администрация острова должна быть пенитенциарною, какой она и есть, а создание иного управления преждевременно. Отмечалось, что Сахалин должен оставаться в ведении Главного тюремного управления Министерства юстиции и входить в состав Приамурского генерал-губернаторства. Задачи тюремной администрации острова ставились шире и выходили за пределы тех полномочий, которые стояли перед губернскими тюремными инспекциями.

Царское правительство не видело иной перспективы развития острова, кроме как пенитенциарной. Выдвигалось предложение о создании особой женской каторжной тюрьмы, так как направляемые для отбытия наказания на Сахалин женщины до того времени раздавались ссыльнопоселенцам, в результате чего процветал разврат. Предлагалось оградить поселенцев от влияния каторги. Правительству было невыгодно лишаться надежного места содержания каторжан. В конце своей работы комиссия пришла к вы-

воду об увеличении, как штата управления, так и ассигнований на нужды каторги, учреждении особой полиции, приобретении парохода и катера, а также учреждении штата богадельни.

Результаты работы комиссии были рассмотрены Государственным Советом, а затем доложены царю. Николай II мнение Государственного Совета утвердил 25 марта 1902 года. Согласно этому документу были внесены изменения в штат управления. Военному губернатору острова увеличен оклад еще на тысячу рублей. Кроме того, вводилась должность помощника военного губернатора Сахалина. Этот штат сохранился до ликвидации каторги. В течение ряда лет было издано несколько «Правил», определявших положение заключенных¹².

Главное тюремное управление, начиная с момента своего образования в 1879 году, постоянно уделяло пристальное внимание каторге на Сахалине. Несмотря на удаленность, ее неоднократно посещали начальники этого управления, а также генерал-губернаторы Восточной Сибири. ГТУ издавало циркуляры, в которых конкретизировало те или иные стороны содержания каторжан на острове, в частности: порядок этапирования, распределения по тюрьмам округов, режим содержания, а также порядок привлечения к работам. В то же время в Империи единого документа, регламентирующего порядок отбывания наказания, не было. В течение ряда лет издавалось несколько «Правил», определявших положение отбывавших наказание.

Документом, подводящим итог функционирования каторги на Сахалине, следует считать решение Совета Министров об ее отмене. В мемории¹³ от 14 марта 1906 года, поданной на имя императора, Совет Министров, ссылаясь на то, что на Портсмутской конференции Япония выразила пожелание о закрытии в северной части Сахалина штрафной колонии, постановил: каторгу на острове упразднить. Принятию такого решения способствовало и то обстоятельство, что наместник царя на Дальнем Востоке сообщал, что несмотря на неоднократные усилия и затраты состояние каторги неудовлетворительно ни с пенитенциарных, ни с экономических позиций. В мемории давалась общая характеристика каторги на тот период и подчеркивалось, что со временем на острове хотя и образовалось значительное количество лиц свободного состояния, управление оставалось пенитенциарным.

Законодательство о каторге и ссылке; деятельность пенитенциарных учреждений Российской империи

В апреле того же года царь утвердил решение Совета министров, и каторга прекратила свое существование.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основным правовым актом, регламентировавшим деятельность каторги, было положение об управлении островом Сахалином, утвержденное царем 15 мая 1884 года. Этот документ определял статус острова как территории, предназначенной исключительно для пенитенциарных нужд.

Примечания

1. См.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской Империи 1802–1917 гг. М., 1983. С. 110.

2. См.: Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. С. 57.

3. Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974. С. 15.

4. См.: Устав о содержащихся под стражею // Свод законов Российской Империи. СПб., 1890. Т. XIV. С. 8.

5. Там же.

6. См.: Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964. С. 25.

7. См.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской Империи 1802–1917 гг. М., 1983. С. 84-85.

8. См.: Устав о содержащихся под стражею // Свод законов Российской Империи. СПб., 1890. Т. XIV. С. 9.

9. См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С.252.

10. Записка начальника Главного тюремного управления Т.С. Галкина-Враского по командировке в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. СПб., 1882. С. 10-11.

11. См.: История Сахалинской области. Ю-Сахалинск, 1981. С. 58.

12. См.: Мулукаев Р.С. Указ. соч. С. 26.

13. Мемория – записка, выдержка, особенно из журнала, представляемая на утверждение. (Толковый словарь В.И. Даля.: В 2-х томах. 2-е изд. СПб., 1881 Т. 2. С. 318).

Ссылка и сибирское общество

УДК 947(571.1)

И.Н. Никулина

Отношение к религии сосильных декабристов Западной Сибири

В данной статье рассматривается один из спорных и до конца не выясненных в настоящее время вопросов – отношение сосильных декабристов к религии. На основе широкого круга источников и литературы показаны роль религии в жизни сосильных декабристов Западной Сибири, отношение к богословской литературе, освещаются их религиозные сочинения.

Ключевые слова: декабристы, ссылка, Западная Сибирь, религия.

I.N. Nikulina

Relation to religion of exiled of Decembrists of Western Siberia

This article examines one of the controversial and not fully clarified at present questions – the attitude of the exiled Decembrists to religion. On the basis of a wide range of sources and literature showing the role of religion in the life of the exiled Decembrists in Western Siberia, the attitude to theological literature, highlights their religious works.

Key words: decembrists, exiled, Western Siberia, religion.

Одним из спорных и до конца невыясненных в настоящее время вопросов была и остается проблема отношения декабристов к религии. Разработка данного направления, несомненно, имеет большое значение для более полного понимания истории декабристского движения, мировоззрения декабристов в период

ссылки. В данной статье на основе широкого круга источников и литературы рассматривается отношение к религии декабристов, находившихся в западносибирской ссылке.

Среди декабристов было значительное количество верующих «людей с христианскими убеждениями». Следует подчеркнуть, что обращение к христианству диктовалось не только социально-политическими, но и нравственно-этическими соображениями, поскольку понятие морали было неразрывно связано с религией. Многие декабристы искали в христианской морали то, что соответствовало их революционным устремлениям, выделяя то, что давало нравственное оправдание их антимоноархическим взглядам, и отвергая то, что служило самодержавию, официальной церкви.

Своей религиозностью был известен П.Н. Свистунов, находившийся в ссылке с 1838 г. в Кургане, в 1841–1857 гг. в Тобольске. М.Д. Францева вспоминала, что «будучи истинным христианином, Свистунов с Божьей помощью сумел выработать в себе смиренную, полную любви покорность к воле Божьей» [6, с. 713]. Не случайно В.К. Кюхельбекер в одном из писем С.П. Трубецкому от 12 апреля 1845 г. отмечал, что П.С. Бобрищев-Пушкин и П.Н. Свистунов «люди истинно почтенные, проникнутые не притворною, чистою набожностью ...» [26, с. 473].

Глубоко религиозными людьми были П.С. Бобрищев-Пушкин, Е.П. Оболенский, Г.С. Батеньков, М.А. Фонвизин, М.М. Нарышкин и др. Об этом свидетельствуют воспоминания современников, переписка самих декабристов. В этой связи показателен эпизод, который описывала М.Д. Францева (дочь чиновника Д.И. Францева, служившего в Сибири в 1836–1854 гг. и дружившего со многими ссыльными декабристами, особенно с семьей Фонвизиных) о строительстве церкви в деревне Подрезово в 25 верстах от Тобольска, на освящение которой Фонвизины, Свистуновы, Бобрищев-Пушкин, Францевы «отправились водою по Иртышу в большой нанятой лодке ... Была отслужена всенощная с певчими, а на другой день состоялось и само освящение; торжество было очень трогательное, народу собралось со всех окружных деревень множество; все со слезами на глазах благодарили жертвователей и соорудителей храма в столь отдаленной местности ... Все приняли участие этой постройки кто чем мог, тем и помогал; Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин

сделал смету, составил план, сам следил за работами и был настоящим архитектором» [5, с. 615].

О Бобрищеве-Пушкине Францева писала, что «посвятив свою жизнь на служение ближнему, он старался во многом изменить свои привычки, любил читать Св. Писание, которое знал не хуже настоящего богослова, вел жизнь почти аскетическую, вырабатывая в себе высокие качества смирения и незлобия, ко всем был одинаково благорасположен и снисходителен к недостаткам других» [5, с. 390]. Ею отмечалось также, что все знали «его за глубоко верующего ... человека» [6, с. 708].

Известно, что Бобрищев-Пушкин вместе с И.И. Пуцциным работал над восстановлением текста и переводом произведения французского религиозного философа, математика, физика Б. Паскаля «Мысли о религии и о некоторых других предметах», в котором делалась попытка «оправдать» христианство средствами философской антропологии. Но опубликовать работу не удалось. В 1843 г. книга вышла в переводе И. Бутовского, которую Бобрищев-Пушкин прочел в 42 номере «Московской газеты» и остался им недоволен [2, с. 123].

О чтении Библии указывал А.Ф. Бригген, находившийся в ссылке с 1828 г. в Пельyme, 1836 г. в Кургане, с 1850 г. в Туринске, в 1855–1857 гг. в Кургане. В письме к М.А. Тумановской от 2 апреля 1854 г. он писал: «Чтение, которое меня более всего притягивает, это чтение Библии ... Здесь, на земле бог проявляет достаточно справедливости, чтобы показать нам, что она существует и что мы правы, взывая к ней и если эта справедливость не всегда полностью вершится на земле, то часть ее, недостающая в этом мире, предназначена для мира иного ...» [4, с. 317]. Показательно, что в одном из писем к М.М. Нарышкину Бригген поздравлял его «с Христовым воскресеньем» [4, с. 120].

Глубокая религиозность отличала Оболенского, находившегося в ссылке с 1842 г. в Туринске, с 1843 г. в Ялуторовске [15, с. 755]. В.Н. Болоцких отмечает, что в Сибири усилилась религиозность Оболенского, «он постоянно твердил о своем отказе от прежних убеждений и о верности царю» [3, с. 68]. Это подтверждают письма Оболенского к мужу сестры Екатерины А.В. Протасьеву, с которым он был дружен: «Религия доставляет мне истинное душевное утешение. Я говею три раза в году

и это три эпохи, в которые я обновляюсь новою жизнью и вновь душою и духом ...» [14, с. 126]. В письме из Туринска в 1842 г. он изложил свое видение по вопросам веры: «Вера есть наследие, которое мы получаем от наших отцов; они ее приняли, сохранили и нам передали в благословении Божиим ... Этим благословением милость Божия всегда открыта для нас ... Но человек должен знать наперед, что с любовью Божией, для него настает время борьбы с миром. Он должен принять этот крест, и знать, что в этой борьбе и должна состоять его жизнь ... Возьмите себе знаменем крест Господен; на нем был распят Господь и Бог; по правде человеческой мирской – по правде Божьей. Он торжествовал и над смертью и над миром, и ныне царствию Его, нет и не будет конца ...» [14, с. 140, 141, 144].

В письме из Ялуторовска от 12 сентября 1843 г. он продолжил данную тему: «Мы христиане призваны к этой высшей жизни. Первый шаг по этому поприщу есть вера: она начинается в нас с младенческого возраста; второй – надежда, которую можно назвать верою с сознанием того лица, в которого веруем; третий шаг – есть любовь или та же вера, с обладанием того лица, в которое веровали и на кого надежду полагали. Это высшее наше воспитание происходит в нас не от человека, но от Бога. Это иначе и не может быть, потому что цель воспитания состоит в познании и совершенном соединении с Богом» [14, с. 144].

Известно высказывание Оболенского «благие плоды означают благие дела, которые проистекают от сердечного возношения к богу всякого человека, напряженного общественным бедствием» [19, с. 212].

Из переписки Оболенского и Фонвизина известно, что Оболенский работал над сочинением о церкви. В письме от 14 октября 1852 г. Фонвизин писал Оболенскому: «Когда мы беседовали с вами в Ялуторовске, вы говорили мне ..., что трудитесь над каким-то сочинением о церкви или о христианстве и хотели даже прочесть мне написанное вами» [44, с. 369]. Однако более подробных сведений об этом не сохранилось. В.Н. Болоцкий указывает на сочетание религиозных и социально-политических воззрений Оболенского в сибирский период, отмечая, что «ему был близок утопический социализм в религиозно-нравственном варианте» [3, с. 94].

Интересно, что в одном из писем к А.Ф. Бриггену в 1855 г. Оболенский высказал мысль, что из духовного единства православных людей под властью бога следует единение под земным владыкой. С этой же мыслью Е.П. Оболенский выступил перед декабристами в Ялуторовске и встретил отпор с их стороны. Вместе с тем Е.И. Якушкин, сын И.Д. Якушкина, путешествуя по Сибири в 1855 г., в одном из писем жене указывал, что Оболенский «... хочет уверить себя и других, что он с головы до ног православный ...» [37, с. 423].

Искренней верой в бога проникнуты письма Батенькова, находившегося в ссылке с 1846 г. в Томске. В «Русском биографическом словаре» отмечалось, что родители воспитали в Батенькове «религиозное чувство, не покидавшее его всю жизнь» [40, с. 570] и нашедшее отражение в его переписке. «С моей стороны благодарю его, что он до сего времени хранит меня всемогущею своею десницею», – писал Батеньков сестре А.П. Елагиной 26 июля 1847 г. [1, с. 225] В письме от 24 мая 1849 г. он указывал, что «при нынешних бедствиях нужны утешения, вера и надежды» [1, с. 249]. Показательно в этом отношении письмо от 10 октября 1849 г.: «Понятно, какая святыня окружает сельского священника, когда он один, при немногих свечах, собственно для неба отправляет служение и за шумящий в даль его мир приносит жертву. Мудрено ли ему чувствовать сияние вечного света» [1, с. 252].

Интересны размышления Батенькова о боге. В письме к А.П. Елагиной от 24 мая 1853 г. он писал: «Бог хранит мировые запасы, чтоб держать историю человека на свойственной ей высоте ... Верно, есть более высокое и более полезное значение всякой печали и не менее его причина как бог, с которым мы разлучены и, может быть, даже по смерти не скоро, не вдруг соединимся. Но предоставим правде божьей ее дело и в покорности его воли обьемем радостно друг друга» [1, с. 273, 274]. Далее в письме от 23 апреля 1854 г.: «Бог ... это опять пространство, не менее человеколюбимое, истинный источник чувства и мысли, освещающий и просвещающий душу, покоящий ее и возвышающий, не оставляющий до смерти, в смерть и по смерти» [1, с. 295]. Позднее встречаем: «Я все дни молился: не пропустил ни одной церковной службы ... Станем молиться, да просияет тут луч вечного божественного света ... Сильна христианская

вера, в ней только можем благодарить творца за крест и за утешение, как дети отца, справедливо строгого и милосердного» [1, с. 269, 316, 369]. В письме к Пущину от 22 августа 1854 г. Батеньков сообщал «я в самом деле молюсь в праздники – тепло, искренно и даже настойчиво о ниспослании властям света и благодати» [16, с. 33].

К сожалению, как отмечает С.В. Осипенко, «значительная часть бумаг Батенькова была утеряна ... при передаче Елагиным (по его завещанию). Каков был количественный состав рукописей и когда они поступили в распоряжение Елагиных, неизвестно» [35, с. 7].

По воспоминаниям Е.И. Якушкина, еще находясь в Петропавловской крепости (где пробыл 20 лет) [1, с. 411], Батенькову давали книги, «исключительно набожного содержания. По его просьбе ему принесли Библию на нескольких языках, изучение ее не только историческое, но и филологическое было его постоянным занятием в крепости. Языков еврейского, греческого и латинского он ранее совершенно не знал, но через сличение текстов полиглотной Библии, он наконец дошел до того, что свободно читал ее на этих языках» [47, с. 147]. В «Русском биографическом словаре» также указывалось, что в Петропавловской крепости Г.С. Батенькову «дозволено было читать и писать, выдавали книги преимущественно духовно-нравственного содержания. Он занимался сличением переводов библии на древних и новых языках; нужные для этого книги, по ходатайству коменданта, доставлялись ему из публичной библиотеки» [40, с. 571]. В очерке о Г.С. Батенькове Г.Н. Потанин уточнял, что «друг Елагин ... прислал ему в крепость несколько экземпляров библий на разных языках ...» [36, с. 69]. Несомненно, как замечает А.А. Илюшин, это «заметно сказалось на всем строе его мышления», на его творчестве [27, с. 13]. Необходимо подчеркнуть, что поэтическое наследие Г.С. Батенькова богато ссылками на Библию и Евангелие.

В историко-биографическом очерке о Батенькове подчеркивалось, что «глубокая и разумная религиозность оставалась ... до конца жизни одной из отличительных черт Гавриила Степановича и служила ему важнейшею поддержкою при постигших его впоследствии невзгодах», здесь же указывалось, что в Томске он «по праздникам и изредка и по будням ходил к богослу-

жению» [7, с. 303, 331, 332]. В воспоминаниях А.И. Лучшева (чиновника томского губернского правления, друга Г.С. Батенькова) также сообщалось, что Батеньков «в церковь ходил, как бы обязательно, каждое воскресенье и в большие праздники» [28, с. 424].

Вместе с тем, следует отметить, по словам Т.Г. Снытко, что «взгляды Батенькова в течение его долгой жизни менялись» [42, с. 297]. На сложность и противоречивость взглядов Батенькова указывает также Е.Л. Сергун [41, с. 36]. Некоторыми исследователями подчеркивается «... непоследовательность, порою противоречивость философских суждений Батенькова о смысле жизни, о природе, о Боге, о религии ...» [35, с. 22].

Показательно обращение Батенькова к золотопромышленникам Томского округа о пожертвовании на постройку новой церкви в связи с тем, что прежняя церковь на Воскресенском прииске сгорела, а «возведение вновь подобного постоянного храма по нашим ограниченным средствам затруднительно ... Но в отправлении литургии мы ощущаем потребность ...» [31]. Обращение проникнуто любовью к богу и надеждой «достигнуть желаемого». «Господь да будет нам помощником в деле! Кто знает быть может некоторым из нас и придется ... в храме приносить теплые мольбы Господу за ниспосылаемые нам его щедроты и найти душевное успокоение от трудов и забот житейских» [31, л. 2].

Уместно указать, что Батеньков известен в Сибири как архитектор. Г.Н. Потанин писал по этому поводу, что «может быть архитектура была его призванием, развиваться которому помешала его тревожная жизнь» и сообщал, что «между рекой Ушайкой и дорогой, идущей из Томска в деревню Заварзину ... Батеньковым же была выстроена церковь» [36, с. 72, 73]. Небезынтересно, что по предполагаемому проекту Батенькова в Томске была построена в 1856 г. кампанелла (звонница) костела св. Розарии архитектором Фадеевым [46].

Декабрист А.Е. Розен отмечал религиозность Нарышкина, находившегося одновременно с ним с 1833 по 1837 гг. в Кургане. Нарышкин «сохранял скромность, кроткость и религиозность; был человек с примерною душою, руководимый христианскою любовью, а потому все легко было ему переносить» [39, с. 309]. О себе Розен упоминал, что «посещал церковь» [39, с. 309].

Некоторые из декабристов испытывали притеснения со стороны администрации в исполнении христианских треб. Известен случай, когда ссыльный А.Ф. Фурман в начале 1833 г. просил разрешения приехать в Тобольск из Кондинска «для исполнения христианских треб по евангелическому исповеданию, объясняя при этом, что, находясь в Кондинске 6 лет, он ни разу еще не исполнял этой христианской обязанности. Несмотря на ходатайство управляющего Тобольской губернией А.Н. Муравьева о разрешении поездки в Тобольск, генерал Вельяминов отказал в просьбе». 8 марта 1835 г. Фурман умер в Кондинске после продолжительной болезни в крайней нищете [19, с. 68].

Искренно религиозным человеком был Фонвизин, с 1838 г. находившийся в Тобольске. Францева указывала на огромное влияние на него жены Н.Д. Фонвизиной, «в полном смысле слова глубоко религиозной» женщины [45, с. 287] и отмечала также, что «покорности провидению в нем была безграничная; никогда он не жаловался и всегда старался с благодушием христианским принимать все тяжелые посылаемые богом испытания, выражая свою скорбь словами «Верно так угодно богу». За это же и любили его все знавшие его уважали и ценили его дружбу и внимание» [44, с. 334].

Восторженное отношение к богу наиболее отчетливо отражено в письме к И.А. Фонвизину от 22 декабря 1844 г.: «Я вздумал вложить еще для тебя список с Слова преосвященного Иннокентия Харьковского о весне ... Я всегда с особенным наслаждением читаю проповеди этого архиерея. Сколько в них чувства и ума! Слово о весне исполнено самой возвышенной поэзии: это настоящий хвалебный гимн творцу» [43, с. 297].

Отличительными чертами характера Фонвизина были «необыкновенное добродушие и христианское смирение, занимался преимущественно чтением книг философского и духовного содержания» [19, с. 232]. Он «много читал, переводил, вообще всегда был занят, доволен и покорен Провиденью ...» [45, с. 288]. Следует отметить, что для ссыльных декабристов Тобольска характерно определенное внимание к богословской литературе. Ими были переведены труды швейцарского богослова Ж.Ф. Остервальда «Размышление о священном писании», «Богословие», «Сущность христианского вероучения» Мейера и др. [2, с. 122] Показательно, что в письме к Оболенскому от 15 мая

1851 г. Фонвизин называл Мейера одним из своих любимых писателей [43, с. 355]. В Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике в зале декабристов находится перевод труда французского мыслителя аббата Флери «Нравы израильтян», сделанный Фонвизиним и сохранившийся после пожара середины XIX в. в Тобольске, практически уничтожившего основное литературное наследие декабристов, что объясняет его отсутствие в ГУТО ГАТ, где имеются лишь отдельные упоминания и фрагменты.

Во время пребывания в Тобольске Фонвизин написал «Несколько заметок к богословиям отцов архимандритов Макария и Антония», которые напечатаны не были и в рукописи неизвестны [19, с. 233]. Тем не менее, в письме к Оболенскому от 14 октября 1852 г. Фонвизин писал: «Я брал у отца ректора семинарии два вновь вышедших руководства православного догматического исповедания – обе книги написаны в одном духе, но одна из них пришлась мне больше по сердцу, хотя в той и другой нашел я несколько мест, не совсем согласных ни с духом христианства, ни с историей церкви. Возвратив книги ректору, мы с ним говорили и рассуждали об них, и он соглашался во многом со мною, а в извинение авторам сказал, что цензура не пропустила бы их сочинения, если бы они не выставили именно тех мест, которые меня соблазнили. Я написал для ректора несколько заметок, из которых и составилась посылаемая вам статья. Читайте ее – судите и сообщите мне ваше мнение. Может быть, вы не совсем будете согласны с моим мнением, но я написал его по совести и убеждению» [43, с. 369]. Речь идет о книгах «Православное догматическое богословие» ректора Санкт-Петербургской духовной академии архимандрита Макария и «Догматическое богословие» ректора Киевской семинарии архимандрита Антония.

Сохранились богословские сочинения Фонвизина «Проповедь на текст послания ап. Павла» и «Краткое обозрение пути, ведущего к богу, и соединения с ним», а также толкование евангельского текста «Притча о милосердном самарянине» [33].

Фонвизин вел деятельную переписку с Оболенским, в которой развивал идеи о социализме, коммунизме и христианстве. В одном из писем он высказывал мнение о том, что «основная мысль социализма и коммунизма тождественна с предписывае-

мыми Евангелием обязанностями любви к ближнему и братолюбием ..., если бы государства и народы были проникнуты духом Христовым, то форма правления была бы вещью равнодушной – и в монархиях и в республиках одинаково бы повиновались Христову закону» [24, с. 199, 200]. Далее он отмечал величайшее значение христианского учения «... это благодатное учение уничтожило крепостное состояние, только в одной нашей России оно не произвело этих вожделенных последствий ...» [24, с. 200].

Таким образом, Фонвизин видел в христианской религии, прежде всего моральное учение, содержащее идеалы равенства и свободы. Он считал, что социализм превратился в христианство и к нему придут не через борьбу, а через любовь к ближнему. «Я однако, уверен все, что социалистические и коммунистические учения не останутся без последствий, а принесут вожделенный плод, а это будет тогда, когда эти учения, проникнутые духом христианства, единственным водителем ко всякому добру, совершенствованию и блаженству и в здешнем и будущем мире. Если человечество еще не достигло этого, так это от того, что оно не проникнуто духом Христовым» [24, с. 201].

Следует подчеркнуть, что Фонвизина особенно привлекала идея духовной вселенской церкви, в которой он «одним из первых усмотрел антимонархическое содержание. Вместе с тем идея внутренней церкви, заключая в себе отрицание всех деспотических и богословских «предубеждений» – сознательных отступлений от «истины» – была единственной, с точки зрения Фонвизина, истиной первоначального христианства. Суть же ее – в предписываемой Евангелием обязанности любить ближнего, исполнение данной обязанности возможно лишь в государстве с демократическим правлением; оно и соответствует поэтому наиболее всего христианскому обществу» [23, с. 12]. Такой вывод был сделан Фонвизиним. По его мнению, «республика-демократия есть форма, наиболее соответствующая христианскому обществу» [24, с. 202].

Необходимо отметить, что Фонвизин, особенно последние 10 лет жизни, занимался религиозно-философскими проблемами. Главное в его философии, как отмечали исследователи С.В. Житомирская и С.В. Мироненко «соотношение разума и веры». Философия христианская, которую Фонвизин противопостав-

лял «всем ложным направлениям систематического умозрения» «превыше всякого непосредственно приобретаемого разумом ведения ставит веру в откровение». Не через научное знание, а именно через «откровение», «через внутреннее чувство» познает человек главные волнующие его истины: идею бога как первопричины всего сущего, добро и зло, свободу воли, собственное назначение в мире. Какова же в таком случае роль разума? Она очень скромна: научное знание, «здравая философия», как ее называл Фонвизин, только развивает человеческий ум, подготавливая его к принятию веры. Поэтому истинна лишь та философия, которая «ищет примирения с религией и не выходит за пределы предназначенной ей сферы. Характерной чертой его религиозной философии было отрицание внешней, обрядовой церкви и ее окостенелых догматов. Особенно непримиримым он был к церкви католической, но и православная не избежала его резкой критики» [21, с. 58, 59].

Как справедливо отмечали А.Ф. Замалеев и Е.А. Овчинникова, говоря о религии, Фонвизин «не имел в виду христианство официальное, церковное и решительно отвергал его обрядовые и догматические установления, считая их историческими «предубеждениями», возникшими в процессе сознательного и явного приспособления церкви к деспотизму светской власти» [23, с. 11]. В этом отношении показательны сочинения Фонвизина и его письма. Достаточно резкой была критика Фонвизина самой православной церкви и ее служителей как части самодержавного строя. Относительно Святейшего Синода он писал: «Церковь управляется Св. Синодом, которого члены назначаются не по избранию верных, а по произволу самодержавной власти» [21, с. 60].

Вместе с тем, несмотря на критику церковных обрядов и догматических установок, Фонвизин, как уже отмечалось, не отвергал христианскую веру в целом. Он считал, «что только первоначальная христианская» истина «указывает человеку путь к достижению политического и морального блага. Фонвизин искал оснований для правильных практических убеждений в идеях первоначального христианства. Он полагал, что церковь отклонилась от «истины» и, внушая людям ложные идеологические и моральные принципы, исказила первоначальные хри-

стианские понятия о земном назначении человека» [22, с. 46, 49].

В целом, отношение к церкви у Фонвизина неизменно: «сама церковь свята, святые и таинства, которые она преподает для нашего спасения, несмотря на то, что эти таинства совершаются часто ничтожными орудиями, - они от этого не теряют силы своей над верующими, хотя желательно бы было, чтобы и орудия были почище» [24, с. 202].

В письме к Оболенскому от 13 ноября 1851 г., осуждая средневековое византийское и католическое духовенство, Фонвизин отмечал: «А разве наши православные пастыри лучше? У нас перед глазами не пастырь, а волк в пастырской одежде. Он привел в систему грабительство: бедных священников приучил он к доносам и ябедам. Самая ревность к церковному пению архиерея есть только предлог брать взятки с священно и церковнослужителей; и неумеющие петь, заплатав деньги, получают места. Мне кажется, что если когда-нибудь в России последует важный переворот, то он начнется с церкви» [24, с. 203]. Он отмечал растление большинства представителей духовенства: «Какое же заключение можно сделать о церкви, в которой большинство архиереев – так называемых ангелов ее – или взяточники, или человекоугодники ... ни в одной еще христианской церкви не было из архиереев таких поклонников и льстецов власти, как наши. Все это очень грустно для человека верующего» [24, с. 204].

С большим удовлетворением встретил Фонвизин издание книги С.П. Маслова «О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании». В письме к брату И.А. Фонвизину от 26 января 1850 г. он просил «прислать книгу Степана Алексеевича Маслова, когда она поступит в продажу. Весьма приятно видеть, что прекрасная мысль его о распространении грамотности в народе осуществляется» [43, с. 328].

Большой интерес представляют письма Фонвизина Кюхельбекеру, находившемуся с 1845 г. в Кургане, с 1846 г. в Тобольске. В письме от 4 декабря 1845 г. Фонвизин писал ему: «Нет сомнения, что существует таинственная связь между некоторыми душами, живущими еще во плоти, и духами бесплотными, представшими у престола Благодати. – Это признает и церковь»

[38, л. 5]. Известно, что Фонвизин посылал Кюхельбекеру Библию Мейера [38, л. 2 об.]. В апреле 1832 г. Кюхельбекер писал: «Желая причаститься Святых тайн, я мысленно пробежал прошедшую жизнь свою и Господу Богу приносил сердечное покаяние во всех своих прегрешениях. Молю Его только об одном: да даст Он мне силу без ропота переносить все, Им для меня наложенное, все, чтобы и впредь Ему угодно было наложить на меня» [8, л. 19].

В. Орлов и С. Хмельницкий подчеркивали, что «Кюхельбекер был религиозным человеком; в сибирской ссылке он нашел единственную отраду – в религии. После 1825 г. его писательское внимание занимали преимущественно религиозно-философские темы; в русской литературе Кюхельбекер один из первых религиозно-мистических поэтов» [20, с. 16]. В списке произведений Кюхельбекера, предназначенных для собрания его сочинений, отправленного им в 1845 г. В.А. Жуковскому, указаны богословские и нравоучительные сочинения «Толкование на молитву господню», «Смерть», переделка проповеди Гердера. Кроме того, отмечены «Извлечения» из дневника, состоящие из замечаний о книгах, которые Кюхельбекер читал в последние 20 лет и «местами из собственных размышлений; касаются они религии, философии» и т.д. [20, с. 313, 314] Религиозностью проникнуты многие страницы его дневника, изъявления покорности своей несчастной судьбе и «божьей воле» [20, с. 302, 305]. В письме к Оболенскому от 5 июня 1841 г. он писал: «Бог дал мне сына» [18, с. 161]. Показательно высказывание Кюхельбекера 2 апреля 1845 г.: «Самые простые вопросы без веры неразрешимы» [20, с. 296], что наиболее полно отражает его состояние духа.

Глубоко верующим был М.И. Муравьев-Апостол, находившийся с 1829 г. в Бухтарминской крепости, с 1836 г. в Ялуторовске. Еще будучи в Петропавловской крепости в 1826 г. М. Муравьев-Апостол сделал некоторые заметки на чистых страницах Евангелия, доставленного ему родственниками. «Христианская религия – религия чувства. Ее надо понимать сердцем, ибо сердцем обычно постигается великое ... Чтение этой божественной книги пролило благодетельный бальзам на раны моего сердца ... Только в горести наша святая религия предстает во всей красоте» [29, с. 199, 200, 314]. В Сибири, в частности в

Ялutorовске, религиозность М. Муравьева-Апостола усиливается. Это обстоятельство отмечает В.Н. Болоцких [3, с. 146, 147]. Он указывает на заметный интерес Муравьева-Апостола к религиозной литературе, присылаемой ему сестрой Е.И. Бибиковой еще в Бухтарминск.

Известно, что в Ялutorовске Муравьев-Апостол находился под некоторым влиянием Свистунова и Фонвизиной. По этому поводу С.Я. Знаменский замечал в письме к Фонвизиной от 31 августа – 1 сентября 1844 г., что «с приездом Петра Николаевича Матвей Иванович в мыслях своих очень приметно изменил и в спорах ... держал сторону Петра Николаевича» [34, л. 19 об.].

В письме к Фонвизиной от 6 сентября 1844 г. Знаменский также отмечал, что «Матвей Иванович переписывает для себя толкование Молитвы Господней, написанное тобой; между разговорами я узнал его желание прочитать толкование на Апокалипсис Мадам Гюне, и эту книгу я вчера послал к нему» [34, л. 21, 21 об.]. Однако позднее 2 декабря 1844 г. Знаменский сообщал Фонвизиной, что «Матвей Иванович с черновой твоей рукописи написал толкование молитвы Господней, переписка сделана с большими ошибками и пропусками, исправить трудно, так сделай милость ненадолго пришли эту рукопись» [34, л. 29, 29 об.].

Следует отметить также попытку М.И. Муравьева-Апостола через Знаменского добиться разрешения на венчание для поселенца Берха, о чем упоминал Знаменский в письме к Фонвизиной от 2 декабря 1844 г.: «Здесь проживал по билету, данному из экспедиции о ссыльных 1844 г. сентября 20 поселенец лютеранского вероисповедания Генрих Фридрих Берх 41 году по миропомазанию назван Андрей Федоров, он 12 ноября прошлого года присоединился к нашей православной церкви и вздумал жениться. Свенчать его нельзя, иначе там, как с дозволения той же экспедиции или Земского суда ... эта просьба тебе от Матвея Ивановича, который в нем принимает участие ...» [34, л. 29].

Знаменский указывал также на посещение Муравьевым-Апостолом церкви в Ялutorовске [32, л. 6]. Позднее в воспоминаниях, отмечая попытку оказания медицинской помощи населению Бухтарминска и говоря об излечении, М.И. Муравьев-Апостол писал: «Бог помог мне ...» [29, с. 219] А.П. Созонович (дочь офицера уланского полка Бургского военного поселения П.Г.

Созоновича, отданная в 1837 г. на воспитание в семью М.И. Муравьева-Апостола) отмечала, что «Матвей Иванович объяснял наше человеческое ничтожество в сравнении со всемогуществом Всевышнего ...» [17, с. 129].

Показательно, что в вопросе освобождения крепостных крестьян, Муравьев-Апостол руководствовался, прежде всего, нравственными и религиозными принципами. В одном из писем, отвечая некоему Алексею Павловичу, пытавшемуся доказать право дворян иметь крепостных, он писал, что «подобное право не может существовать там, где принято евангельское учение» [13, л. 135].

Интересно, что в дальнейшем в письме к Ф.А. Дилигенскому от 5 марта 1872 г., выражая мнение о невозможности введения конституции в России, М.И. Муравьев-Апостол отмечал, что «бюрократия умела только все испортить. – Когда-то Бог избавит нас от нее, от ее глупой опеки» [10].

Некоторым декабристам религия импонировала своими этическими нормами. Так, Н.В. Басаргин, находившийся в ссылке с 1838 г. в Туринске, с 1842 г. в Кургане, с 1846 г. в Омске, с 1848 г. в Ялуторовске, рассматривал религию как «самое сильное, самое действительное орудие для улучшения народной нравственности ... Духовенство могло бы оказать величайшие услуги народной нравственности, если бы действовало согласно своему назначению в этом мире» [29, с. 123].

Вместе с тем он подвергал критике духовенство, отмечая, что «к несчастью, и особенно в Сибири, не так поступает оно и не тому направлению следует. Занятое исключительно, по одностороннему образованию своему внешними церковными обрядами и личными материальными выгодами, в которых так нуждается по своему общественному положению, оно не приносит и десятой доли той пользы, которую могло бы приносить и часто своим примером и своим корыстолюбием служит соблазном для мирян» [29, с. 123].

Басаргин считал, что если правительство «захочет иметь в нем благодетельного и сильного помощника к нравственному улучшению своего народа, то необходимо должно обеспечить вещественный быт его и деятельно заняться его образованием как умственным, так и религиозным. Только тогда духовенство вполне поймет свое назначение в этом мире и сделается достой-

ным орудием к достижению той высокой цели, которая предназначена всему человечеству» [29, с. 202].

Как известно, научная деятельность ссыльных декабристов охватывала многие стороны жизни региона, в том числе исследование различных категорий населения Сибири и их религиозных верований. Примечательно, что, находясь в Сибири, Басаргин занялся изучением жизни старообрядцев [11]. Об этом писал Е. Якушкин, отмечая, что «Басаргин был человек наблюдательный, с практическим умом ... , пишет статьи», среди которых «Старообрядцы в Западной Сибири» [30, с. 161]. В ней Басаргин высказывал свое положительное отношение к западносибирским старообрядцам, их образу жизни, быту, нравственному облику и обосновывал проект обращения раскольников в официальное православие.

Большой интерес представляет записка Басаргина «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии», в которой он спрашивает «защитников крепостного состояния можно ли представить, ... чтобы бог создавал одних людей лучших ... на улучшение благосостояний, на удовлетворение их страстей, их чувственных наслаждений» [12, л. 2].

Интересные подробности о жизни в ссылке И.Ф. Фохта, лютеранина по вероисповеданию, находившегося с 1826 г. в Березове Тобольской губернии, с 1829 г. в Кургане, с 1831 г. в Тобольске и Кургане, обнаружены нами в одном из дел ГАРФ.

24 марта 1832 г. шефу жандармов, главному начальнику Третьего отделения С.Е.И.В. Канцелярии А.Х. Бенкендорфу доносилось из Тобольска о том, что «Фохт, будучи одержим с давнего времени хронической болезнью ... был привозим в Тобольск для исполнения христианских обязанностей по лютеранскому исповеданию и потом отсюда отправлен в Курган» [9, л. 24 об.].

Таким образом, религиозные взгляды были свойственны значительному числу декабристов, находившимся в ссылке в Западной Сибири. Вместе с тем их религиозные воззрения существенно отличались. Так для Оболенского христианская религия служила утешением, прославлением «силы божьей», в то время как для Фонвизина в религии основным была мораль, содержащая в себе общечеловеческие идеалы равенства и свободы.

Необходимо отметить, что верующих декабристов отличала терпимость, доброжелательное отношение к другим. Несомненно, чтение богословской литературы помогало декабристам стойко сносить лишения, пережить все тяготы сибирской ссылки, в которой они оказались, избежать духовной изоляции от той культурной среды, из которой они были вырваны. Практически книги разделили с декабристами изгнание и вместе с тем создали основу для их духовного общения и дальнейшей просветительской деятельности, составляющей часть общественно-политической и культурной жизни России второй четверти XIX в.

Внимание к богословской литературе, религиозные сочинения и переводы отражают богатый внутренний мир ссылных, духовные искания в период изгнания, что, безусловно, представляет большой интерес в контексте изучения их культурного наследия.

Примечания

1. Батеньков, Г.С. Сочинения и письма / Г.С. Батеньков. Т. 1. Письма. – Иркутск : Вост.-Сибирск. книжн. изд-во, 1989. – 524 с.
2. Бауск, О.В. Круг чтения ссылных тобольских декабристов // Ссылные декабристы в Сибири : сб. ст. / отв. ред. Горюшкин Л.М. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 117 – 126.
3. Болоцких, В.Н. Декабрист М.И. Муравьев-Апостол в Сибири / В.Н. Болоцких // Политические ссылные в Сибири (XVIII – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. Горюшкин Л.М. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 136 – 151.
4. Бригген, А.Ф. Письма. Исторические сочинения / А.Ф. Бригген. – Иркутск : Вост.-Сибирск. книжн. изд-во, 1986. – 576 с.
5. Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. – 1888. – № 6. С. 610–640.
6. Воспоминания о декабристах (Из бумаг М.Д. Францевой) // Исторический вестник. – 1917. – № 3. – С. 694 – 715.
7. Гавриил Степанович Батеньков. Историко-биографический очерк (1793 – 1863) // Русская старина. – 1889. – № 8. – С. 301 – 362.
8. ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. 1826 г. – Д. 61. Ч. 52. – 223 л.
9. ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. 1826 г. – Д. 61. Ч. 114. – 41 л.
10. ГАРФ. – Ф. 109 с/а. – Оп. 1. – Д. 1749. – 1 л.
11. ГАРФ. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 178. – 21 л.
12. ГАРФ. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 185. – 2 л.
13. ГАРФ. – Ф. 1153. – Оп. 1. – Д. 272. – 140 л.

14. Головинский, М.В. Декабрист Е.П. Оболенский / М.В. Головинский // Исторический вестник. – 1890. – № 1. – С. 115 – 145.
15. Голодников, К. Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане (отрывок из воспоминаний) / К. Голодников // Исторический вестник. – 1888. – № 12. – С. 753 – 761.
16. Декабристы. Летописи литературного музея. Кн. 3. – М. : Издание государственного литературного музея, 1938. – 566 с.
17. Декабристы. Материалы для характеристики / под ред. П.М. Головачева. – М. : Издание Зенгинова, 1907. – 176 с.
18. Декабристы. Неизданные материалы и статьи / под ред. В.Л. Модзалевского, Ю.Г. Оксмана. – М.: Всесоюзное общество полит-каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. – 336 с.
19. Дмитриев-Мамонов, А.И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам / А.И. Дмитриев-Мамонов. – СПб. : Типография Монтвида, 1905. – 261 с.
20. Дневник В.К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 гг. XIX в. – Л. : Прибой, 1929. – 373 с.
21. Житомирская, С.В., Мироненко, С.В. От Союза Благоденствия к «русскому социализму». (Идейный путь декабриста М.А. Фонвизина) / С.В. Житомирская, С.В. Мироненко // Фонвизин М.А. Сочинения и письма : в 2 т. – Иркутск : Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1982. – Т. 2. – С. 3 – 67.
22. Замалеев, А.Ф. М.А. Фонвизин / А.Ф. Замалеев. – М. : Мысль, 1976. – 152 с.
23. Замалеев, А.Ф., Овчинникова, Е.А. Революционная мораль декабристов (К 160-летию восстания 14 декабря 1825 г.) / А.Ф. Замалеев, Е.А. Овчинникова. – Л. : Знание, 1985. – 32 с.
24. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов : в 3 т. / под общ. ред. И.Я. Щипанова. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1951. – Т. 3. – 466 с.
25. Из воспоминаний М.Д. Францевой // Декабристы в воспоминаниях современников / под ред. В.А. Федорова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 382 - 403.
26. Из неизданной переписки. Письма Кюхельбекера из крепостей и ссылки (1829 – 1846) // Литературное наследство: 1935 – / под ред. А.М. Еголина и др. – М., 1954. – Т. 59. – Кн. 1. – С. 395–500.
27. Илюшин, А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова / А.А. Илюшин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 166 с.
28. Лучшев, А.И. Декабрист Г.С. Батеньков // Декабристы в воспоминаниях современников / под ред. В.А. Федорова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 422 - 425.

29. Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В. Пороха, В.А. Федорова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 352 с.
30. Неизданная рукопись декабриста Н.В. Басаргина // Каторга и ссылка. – 1925. – № 5. – С. 161 – 173.
31. ОР РГБ. – Ф. 20. – Картон 14. – П. 17. – 2 л.
32. ОР РГБ. – Ф. 319. – Картон 2. – Ед. хр. 20. – 19 л.
33. ОР РГБ. – Ф. 319. – Картон 5. – Ед. хр. 5. – 4 л.
34. ОР РГБ. – Ф. 319. – Картон 2. – П. 16. – 41 л.
35. Осипенко, С.В. Общественно-политические проекты Г.С. Батенькова : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Осипенко. – М., 2003. – 26 с.
36. Потанин, Г. Гавриил Степанович Батеньков / Г. Потанин // Сибирские огни. – 1924. – № 2. – С. 66 - 74.
37. Пущин, И.И. Записки о Пушкине. Письма / И.И. Пущин. – М. : Художественная литература, 1988. – 559 с.
38. РГАЛИ. – Ф. 256. – Оп. 2. – Д. 13. – 5 л.
39. Розен, А.Е. Записки декабриста / А.Е. Розен. – Иркутск : Вост.-Сибирск. книжн. изд-во, 1984. – 480 с.
40. Русский биографический словарь : 1896 – / под ред. А.А. Андрианова, С.С. Трубачева. – СПб. : Типография Главного Управления Уделов, 1900. – Т. 2. – 799 с.
41. Сергун, Е.Л. Декабрист – сибиряк Г.С. Батеньков / Е.Л. Сергун // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Щербаков. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – Вып. 9. – С. 23 – 37.
42. Снытко, Т.Г. Г.С. Батеньков – литератор / Т.Г. Снытко // Литературное наследство : 1935 — / под ред. А.М. Еголина и др. – М., 1956. – Т. 60. – Кн. 1. – С. 289 – 315.
43. Фонвизин, М.А. Сочинения и письма / М.А. Фонвизин. – Иркутск : Вост.-Сибирск. книжн. изд-во, 1979. – Т. 1. – 480 с.
44. Фонвизин, М.А. Сочинения и письма / М.А. Фонвизин. – Иркутск : Вост.-Сибирск. книжн. изд-во, 1982. – Т. 2. – 432 с.
45. Францова, М.Д. Михаил Александрович Фон-Визин / М.Д. Францова // Русская старина. – 1885. – № 11. – С. 283 – 304.
46. Храмы Томска / сост. Г. Скворцов. – Томск : Учебно-производственная типография ТГУ, 1990. – 24 с.
47. Якушкин, Е.И. Воспоминания о Г.С. Батенькове / Е.И. Якушкин // Равич Л.М. Евгений Иванович Якушкин (1826–1905). – Л. : Наука, 1989. – С. 145 – 149.

В.А. Шкерин

О «Власовском деле» и обстоятельствах перевода декабриста А.Ф. Бригена из Кургана в Туринск

В статье рассмотрена роль декабриста А.Ф. Бригена, ставшего в ссылке заседателем Курганского окружного суда в уголовном деле об убийстве крестьянина М. Власова. На этом примере автор показал практическое воплощение идей декабристов, их борьбу с местной администрацией за справедливость в условиях ссылки.

Ключевые слова: декабрист А.Ф. Бриген, генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков, Курганский окружной суд, III Отделение, уголовное дело, крестьяне.

V.A. Shkerin

About «Vlasovsky business» and circumstances of the translation of the Decembrist A.F. Brigena from Kurgan to Turinsk

In article the role of the Decembrist A.F. Brigen who has become in exile by the assessor of Kurgan district court in criminal case about murder of the peasant M. Vlasov is considered. On this example the author showed a practical embodiment of ideas of Decembrists, their fight against local administration for justice in the conditions of the link

Keywords: Decembrist A.F. Brigen, governor general of Western Siberia P. D. Gorchakov, Kurgan district court, III Office, criminal case, peasants.

История гибели курганского крестьянина М.Е. Власова и последующего конфликта декабриста А.Ф. Бригена с генерал-губернатором Западной Сибири П.Д. Горчаковым рассматривалась в 1960–1970-х гг. в статьях Н.А. Лапина и О.С. Тальской¹. Восстановив ход событий по архивным источникам, историки в традициях советского декабристоведения дали этим событиям, на наш взгляд, чрезмерно политизированную трактовку. Требование объективного расследования и справедливого приговора было названо «продолжением революционной борьбы с царизмом», соответственно администраторы всех уровней власти рас-

смагивались как противники искавшего правды Александра Федоровича фон-дер Бригена.

Между тем, князя Петра Дмитриевича Горчакова было бы несправедливо представлять постоянным и истовым гонителем ссыльных декабристов². Товарищ Бригена по курганской ссылке А.Е. Розен, напротив, утверждал, что генерал-губернатор оказывал декабристам «внимание и готовность защитить... от всяких притеснений»³. По отношению к Бригену у Горчакова также не было изначально негативного настроения. Без доброй воли князя ссыльный не получил бы в 1848 г. первый классный чин коллежского регистратора и место заседателя в Курганском окружном суде. Еще 21 февраля того же года Бриген писал своей дочери Марии Туманской: «Я по-прежнему ожидаю чина, который мне обещают с 1845 года, но, по-видимому, у этой истории не будет конца, и я умру, словно Моисей, не дойдя до земли обетованной. По получении чина я смогу поступить в службу, чтобы хоть как-то улучшить свое материальное положение. Я думаю, что князь Горчаков, который был столь любезен в Петербурге, не откажется походатайствовать за меня». А уже 7 октября сообщал тому же адресату: «Я не стану описывать свое путешествие в Омск... Скажу лишь, что князь был очень любезен со мною, и мы говорили о вас и вашей сестре. Он обещал мне дать подходящее место, обещание, выполнения которого я жду еще и до сегодняшнего дня. Я объясняю себе его промедление необходимостью написать по этому поводу в Петербург. С нетерпением жду результатов всех этих хлопот»⁴. Также и предместник А.Ф. Бригена в Курганском суде К.М. Голодников свидетельствовал: «В 1848 г., получив от правительства разрешение на вступление в государственную службу, он (Бриген. – В. Ш.) убедил меня уступить ему занимаемую мною должность заседателя окружного суда и, получив на то мое согласие, отправился в Омск просить об этом генерал-губернатора Западной Сибири кн[язя] Горчакова, с братом которого, Михаилом Дмитриевичем, служившим начальником штаба при кн. Паскевиче, он некогда был хорошо знаком. Просьба его, конечно, была уважена, и он сделался “чиновником”, а я заседателем Омского земского суда...»⁵ Ссыльный декабрист И.И. Пущин сообщал 15 января 1849 г. из Ялуторовска плац-майору тюрьмы Петровского завода Я.Д. Казимирскому: «Бригген допущен

к исправлению должности заседателя окружного суда – это по его просьбе. Получивши 14-й класс, он ездил в Омск и просил у князя места. Просто чудеса!»⁶

Таким образом, Александр Бриген не был для генерал-губернатора одним из тысяч безликих ссыльных. Его дочери, очевидно, встречались с Петром Горчаковым в столице, а сам декабрист хорошо знал Михаила Горчакова. В юности братья Горчаковы начинали службу в гвардейской артиллерии, но после наполеоновских войн, по свидетельству И.Д. Якушкина, были «высланы в армию» за «дерзость» по отношению к бригадному командиру полковнику М.М. Таубе, который «был ненавидим и офицерами, и солдатами». «Происшествие это произвело неприятное впечатление на всю армию», – утверждал Якушкин⁷. Давнишний товарищ Бригена М.А. Фонвизин вспоминал, в какой восторг в 1810-х гг. привело князя М.Д. Горчакова сочинение его дядей Денисом Фонвизиным и ходившее в списках введение к конституционному проекту⁸. Наконец, в мемуарах еще одного ссыльного декабриста, С.П. Трубецкого, Михаил Горчаков назван в числе «оставшихся в России членов общества», занявших «важные должности в государстве»⁹. Современный историк П.В. Ильин призывает отнестись к последнему свидетельству с доверием, поскольку мемуарист был связан с М.Д. Горчаковым по службе¹⁰.

Недовольство Петра Горчакова, чей авторитарный стиль руководства сформировала 30-летняя армейская служба, было вызвано нарушающим субординацию оспариванием действий его подчиненных чиновником низшего класса и к тому же ссыльным. Поводом к недовольству и послужило расследование убийства Михаила Евдокимовича Власова.

События развивались так. Поздно вечером 11 февраля 1849 г. в деревне Степной Чернавской волости Курганского округа проходили масленичные гуляния. Разумеется, многие были пьяны, а вот положенного прощения обид и примирения с ближними не наблюдалось. Десять человек крестьян – местные Григорий и Павел Власовы, двое Юковых, Яков Лесников, Иван Соколов и приехавшие к ним в гости Воденниковы и Меншиковы, усевшись в одни сани, отправились кататься. Напротив дома крестьянина Ивана Серкова компания заметила идущего Михаила Власова. При этом Павел Власов похвастал перед друзьями,

что не боится своего двоюродного брата, назвал Михаила «заворумем» и соскочил с саней. Примеру Павла последовал Иван Соколов. Остальные гуляки продолжили путь и лишь саженей через сто, у часовни, кто-то предложил: «Воротимся посмотреть, где двое из нас, которых мы оставили». Павла Власова и Соколова они нашли на прежнем месте, при этом первый из них, садясь в сани, вроде бы обронил: «После меня уже ходить не будет». И веселая компания поехала дальше, «распевая песни» и «заезжая к разным лицам в гости, после чего разъехалась по домам».

На другой день, 12 февраля, был обнаружен труп Михаила Власова. «Голова у него была так сильно разбита, что брызги мозга и крови были найдены на заплоте в расстоянии 12-ти аршин от места, где лежало тело убитого, а в одном месте брызги крови оказались даже на кровле дома Серкова...» Для расследования убийства в Степную прибыл курганский земский исправник Иосиф Иванович Палкевич в сопровождении окружного стряпчего. При проведении допроса Иван Соколов сообщил, что он соскочил из саней вслед за Павлом Власовым, «угадывая будто бы намерение Павла по угрозам» и стремясь «воспрепятствовать ему, Павлу, убить Михайла». Однако воспрепятствовать не удалось: Павел схватил во дворе Серкова деревянный брусок («нащеп»), которым якобы и убил Михаила. Сам Павел Власов «против этого показывал, что он Михайла Власова не убивал и никогда намерения не имел его убить, что похвальных слов, клонящихся к этому, не произносил, что во время гулянки был без памяти пьян и, будучи в таком положении привезен товарищами еще засветло домой, был водворен в дом женою и дочерью»¹¹.

В Курганский окружной суд дело об убийстве М. Власова поступило 29 марта. В 1849 г. обязанности судьи исполнял заседатель Данила Георгиевич Любченко. Но на тот момент он оказался болен, и судейские обязанности перешли к А.Ф. Бригену. Обязанности заседателя исполнял секретарь суда Н.П. Рихтер. Одновременно с материалами дела в суд поступили два прошения: одно от матери и вдовы убитого М. Власова, другое от жены арестованного П. Власова. Первое из них содержало просьбу отложить заседание, поскольку Палкевич расследовал дело пристрастно, по поводу чего 25 марта уже была направлена

жалоба тобольскому гражданскому губернатору. «Вдова убитого, а вместе с ней и народная молва..., называют главным виновником этого убийства Григория Власова, а с ним Петра Юкова, Ивана Соколова, Якова Лесникова, кроме еще других прикосновенных к этому делу лиц, которые все при следствии были допущены как свидетели против Павла Власова, – писал А.Ф. Бриген. – Вдова говорила не мне одному, но провозглашала повсюду. Женщина эта, мать трех малолетних детей, в отчаянии, и речь ее так убедительна, что не допускает сомнения в истине ее слов»¹². Со своей стороны жена Павла Власова, Устинья, сообщила, что еще в декабре 1848 г. «Григорий Власов, Юков, Соколов и другие, будучи вооружены топорами и пешнями, вторглись ночью в дом Мих. Власова, но, не успев его захватить, вероятно, для того, чтобы убить, потому что Григорий Власов еще прежде этого грозил убить Михайлу, о чем и было донесено Волостному правлению, они в доме его все переломали, за какой-то нанесенный ему убыток были присуждены заплатить деньгами». Далее выдвигалось предположение, что «Михайла убил не Павел, но те, которые заблаговременно не только словесно этим грозили, но даже на деле покушались исполнить». Наконец, Устинья Власова отмечала, что на следующий после убийства день шуба ее мужа была дважды осмотрена сельским и волостным начальством, но лишь при третьем осмотре Папкевичем обнажились «кровавые пятна, которые неизвестно откуда появились»¹³.

В суде Павел Власов вновь говорил о своей невинности. Соколов же вначале повторил прежние показания, но затем, «бросившись на колена и с горькими слезами» заявил, что «все показанное им он взвел напрасно на Павла Власова, что он не видел, чтобы Павел Власов убивал Михайла, что его, Павла, не стаскивал с Михайла, и что он все это показывал по наущению волостного писаря Подорванова»¹⁴. В виду открывшихся обстоятельств окружной суд обратился к гражданскому губернатору с вопросом о том, следует ли рассматривать это дело дальше или отправить его на следствие. Тобольский губернатор, действительный статский советник Карл Федорович Энгельке, высказался за второй вариант и назначил чиновника для проведения следствия. Павла Власова и Ивана Соколова освободили из-под стражи. Но тут через голову губернатора дело было истребо-

вано в общее присутствие Совета Главного управления Западной Сибири. По версии П.Д. Горчакова это мера была необходима, «так как... дошло до сведения Главного управления, что члены Окружного суда ищут только сим способом протянуть дело и дать ему оборот боле согласный с их видами»¹⁵. Каким образом «дошло» генерал-губернатор не уточнил. Напротив, А.Ф. Бриген именно эту сторону вопроса осветил подробно: «...исправник Папкевич, видя себе беду неминуемую потому, что при переследовании все упущения бы открылись, обратился к родному брату своему в Омск, который в большой доверенности у его сиятельства кн. Горчакова да к тому же управляет судным отделением, чрез происки коего достиг того, что делу дали совершенно превратный оборот»¹⁶.

Интересные подробности биографии убитого М. Власова открыл курганский историк Н.А. Лапин. Во время знаменитых «картофельных бунтов», 19 апреля 1843 г., волостные власти собрали крестьян в селе Чернавском, дабы обязать их подписками «одному за другим иметь неослабное смотрение, дабы никто из них не мог быть ослушником». В ответ рассерженные крестьяне ворвались в волостное правление, при этом М. Власов «с большим азартом» требовал от писаря И. Подорванова выдачи «секретных бумаг» и «приговора, по которому их насильно подписывают в крепостное владение». Крестьяне даже грозились бросить Подорванова в реку, но писарю удалось скрыться. Эти события историк назвал «восстанием в Чернавской волости», а самого М. Власова – «организатором выступления» и «вожаком повстанцев». По мнению Н.А. Лапина, благодаря А.Ф. Бригену «убийство М. Власова предстало... не как результат пьяной драки, а как зверская расправа сельских властей с непокорным крестьянином», а само дело приобрело «острый социальный характер»¹⁷. Впоследствии этот вывод был повторен в работах П.И. Рощевского и О.С. Тальской¹⁸.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с историей, прочитанной в обратном хронологическом порядке: от убийства М. Власова к его участию в «картофельных бунтах». Более адекватная картина чернавских событий 1843 г. представлена в монографии специалиста по истории сибирского крестьянства Т.С. Мамсик. Действительно, 19-летний М. Власов (самый молодой из чернавцев, понесших затем наказание) требовал от писаря и головы

«секретных бумаг». Наравне с ним в «приступе» на правление участвовали Н. Паршуков, И. Плотников, И. Сорокин (именно он предлагал «бросить в реку» писаря И. Подорванова), А. Головин, Н. Белозеров и другие крестьяне. В целом же движение в волости возглавил учитель Г. Новокрещенов, ездивший к возмущившимся крестьянам Челябинского округа, где списал некие «соблазнительные бумаги», а затем прочел их на общем сходе в Чернавском селении. Жители Степной и еще четырех деревень составили совместную жалобу на незаконное использование начальством хлеба из запасных магазинов и поручили грамотному крестьянину В. Широносову подать ее монарху или цесаревичу. Обобщая эти данные, Т.С. Мамсик писала: «...хотя волнение крестьян в Чернавской волости достигло значительно накала, масса не поддержала “зачинщиков”, дело ограничилось подготовкой прошения на имя императора»¹⁹.

Называть вышеописанные события «восстанием», а М. Власова «вожаком повстанцев» – явное преувеличение. Следовательно, не скрыто в событиях 1843 г. и объяснения, почему пять лет спустя «сельские власти» могли бы решиться на столь рискованное дело, как организация убийства «непокорного крестьянина». «Сельские власти» для крестьян олицетворялись, прежде всего, двумя выборными должностными лицами: волостным головой и писарем²⁰. При этом, если голова избирался на два года, то писарь «при хорошем поведении» мог занимать свое место долгие годы²¹. Показательно, что историки даже не пришли к единому мнению, кто был чернавским головой во время «приступа»: по версии Н.А. Лапина – Потаскуев, по версии Т.С. Мамсик – Чернопьянов²². Зато Подорванов оставался писарем и в 1843 г., и в 1849 г. Едва ли питая симпатию к кому-либо из участников «приступа», он действительно мог повлиять на показания Ивана Соколова.

Итак, Главное управление Западной Сибири, судным отделением которого управлял родной брат курганского исправника титулярный советник Александр Иванович Папкевич, изъяло дело об убийстве крестьянина М. Власова из ведения Курганского окружного суда. В Омске следствие, проведенное Иосифом Папкевичем, было «признано удовлетворительным», а действия суда охарактеризованы как «беспорядки». В Курган «для отобрания от членов Окружного суда объяснения» был командиро-

ван чиновник Главного управления Александр Никитич Лещев (пасынок писателя П.П. Ершова²³) «с тем, чтобы он, предоставив членам все способы оправдания, не доверял им подлинного дела (в опасении подлога бумаг, чему здесь бывают нередкие примеры), а предоставил нужные выборки сделать при себе»²⁴. Одновременно Чернавское волостное правление сделало попытку «взять под караул» вдову и мать убитого, но последняя, по словам Бригена, «завопила таким голосом, называя поименно убийц, которые тут же были, что общество, находившееся при этом вместе с волостными начальниками, разбежалось, и она свободно из-за 50 верст пришла в Курган, дабы явиться к [осподину] Лещеву, чего, однако, не исполнила, узнав, что он не следователь»²⁵.

В сложившейся ситуации А.Ф. Бриген первые надежды возложил на П.Д. Горчакова. В письме на имя генерал-губернатора от 29 апреля 1849 г. он заявил, что «как судья и человек, боящийся Бога, ... не мог молчать, когда увидел, что вместо виноватых предают на пропятие невинного», сообщил о поддержке своей позиции Любченко и Рихтером, а также выразил уверенность, что «и Ваше Сиятельство в таком случае не иначе бы действовали». Автор письма разъяснил и какого именно действия ожидал от Горчакова: «если Ваше Сиятельство назначит тайно и внезапно благонадежного следователя, который поусомнился бы продать свою совесть за шампанское и за деньги.., то истина, при значительном числе виновников и лиц, более или менее соприкосновенных к этому делу, непременно и без затруднений откроется»²⁶. Но прибывший в августе из Омска советник Главного управления Тыжнов был наделен совсем иными полномочиями, а именно: провести ревизию дел Курганского суда за последние 2,5 года. Одновременно Совет Главного управления, рассмотрев собранные Лещевым объяснения членов суда, признал их «не заслуживающими уважения» и постановил: «производство Папкевича оставить без преследования, ... о переводе сего дела из Курганского в Омский Окружной суд просить Правительствующий Сенат.., а противозаконные поступки членов (Курганского. – В. Ш.) Окружного суда передать рассмотрению судебному, но в видах осторожности сей последний пункт оставлен без исполнения до получения разрешения Сената»²⁷.

Проницательный И.И. Пущин уже 8 июля в письме М.И. Муравьеву-Апостолу предсказал печальный итог этого дела: «Вероятно, кончится тем, что переводчика Кесаря (т. е. Бригена. – *В. Ш.*) самого прогонят, если он слишком будет надоедать своею перебранкой с уездной аристократией»²⁸. Бриген же еще в начале ноября утешался надеждой, что его письмо могло не дойти до П.Д. Горчакова: «...я сильно подозреваю или, лучше, достоверно полагаю, что оно скрадено и до него не дошло, ибо невозможно думать, чтобы, получив такого содержания письмо, князь бы ничего не сделал»²⁹. Однако и он понимал, что далее медлить с ответными действиями опасно. «Теперь да позволительно будет спросить, где, кроме Западной Сибири, можно видеть, чтобы главное начальство вместо того, чтобы открыть преступление и зацтитить невинного, всеми силами упорствовало, чтобы преступление не было открыто, – негодовал он в письме М.А. Туманской от 2 ноября. – И мало этого, еще нападает с особенным озлоблением (вероятно, хорошо заплачено) на целое присутственное место за то, что оно донесло об этом и просило по этому предмету разрешения!»³⁰

Той же почтой А.Ф. Бриген отправил письмо с изложением дела управляющему III Отделением генерал-лейтенанту Леонтию Васильевичу Дубельту. Опальный заседатель просил «вытребовать дело» у сибирских властей и «прислать следователя, который по указаниям вдовы убитого, матери трех малолетних детей, вероятно, откроет истину». При этом признавался, что осмелился обратиться «по совету Василия Андреевича Жуковского, который в письмах своих, выхваляя доброту вашу, мне неоднократно говорил, чтобы в случае надобности прямо обращался к вам»³¹. В 1830 г., только вступая на жандармскую стезю, Дубельт письменно обещал супруге: «...буду опорой бедных, защитой несчастных; ...действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёбным делам прямое и справедливое направление...»³² С тех пор из подозрительно близкого к декабристским кругам полковника он превратился во второе лицо в жандармском ведомстве, с романтических мотивов переориентировался на ведомственные интересы, а за двойственность ответов, за умение, не отказав, не помочь, заслужил прозвище «генерал Дубль». Получив письмо Бригена, Дебельт сделал со-

ответствующий доклад непосредственному начальнику – главноуправляющему III отделением графу Алексею Федоровичу Орлову. И, очевидно, он же посоветовал известному своей ленью Орлову переправить это дело в Министерство внутренних дел, ничего не сообщая об этом Горчакову.

Отношением за № 2959 от 12 декабря 1849 г. граф А.Ф. Орлов известил министра внутренних дел графа Л.А. Перовского о «власовском деле». Бригену, казалось бы, повезло. Граф Лев Алексеевич Перовский имел репутацию «либералиста», выступал с проектами ослабления крепостного права и, что здесь особенно важно, в юности состоял в тайном обществе декабристов. Оба – и Бриген, и Лев Перовский – были поименованы в записке о Союзе благоденствия, поданной начальником Гвардейского генерального штаба А.Х. Бенкендорфом на высочайшее имя в мае 1821 г. Правда, первый был причислен к категории «примечательнейших по ревности», а второй назван среди тех, которые «мало-помалу... отстали»³³.

Тут необходимо хотя бы широкими мазками обрисовать политический контекст, в который невольно попала весть о споре ссыльного декабриста с региональной администрацией. В 1848 г Европу сотрясли революции, в разжигании которых общее мнение винило тайные общества. По убеждению Николая I, таковые сохранились и в России. «Либералисты» попали под сильное подозрение, и для Льва Перовского, учитывая его биографию и репутацию, настало время побеспокоиться о прочности своих позиций. Укрепить их он решил с помощью масштабной политической провокации: если император считает, что в России существует тайное общество, значит, таковое должно изобличить. Так, из обычных журфиксов с чтением запрещенной литературы силами МВД было раздуть «дело петрашевцев». Жандармы оставались в неведении до тех пор, пока рассерженный Николай I не высказал графу Орлову, что «у его ищек нет нюха, что это – сопливые собаки»³⁴. Стремясь оправдаться в монарших глазах, III Отделение подобным же образом разоблачило оппозиционный кружок в столичном училище правоведения. Мальчишек-правоведов отдали в солдаты, над «петрашевцами» 22 декабря 1849 г. совершили «обряд казни». Император был удовлетворен, но Орлов и Перовский сильно потеряли в глазах общества и не желали более рисковать репутациям. Показатель-

но, что на рубеже 1849–1850 г. оба сановника и стоявшие за ними полицейские структуры старательно перебрасывали друг другу так называемое дело о «секте коммунистов», раздуваемое пензенским губернатором А.А. Панчулидзевым из неудачного брака своей воспитанницы с молодым Н.П. Огарёвым³⁵.

Получив отношение шефа жандармов, Л.А. Перовский незамедлительно послал соответствующий запрос в Омск, полученный генерал-губернаторской канцелярией 18 января уже нового 1850 г. Спустя четыре дня, 22 января, князь П.Д. Горчаков отправил в столицу сразу два письма – одно Перовскому, другое Орлову. Первое из них посвящено доказательству формальной правомерности действий западносибирских чиновников – от исправника Папкевича до сотрудников Главного управления. При этом ни в самом письме, ни в приложенной к нему «Записке по делу об убийстве крестьянина Курганской округи Михаила Власова» имя Бригена не упомянуто ни разу.

Иначе построено послание П.Д. Горчакова А.Ф. Орлову. Во-первых, оно появилось не в ответ (поскольку III Отделение запроса не посылало), а по инициативе генерал-губернатора. Во-вторых, Горчаков и не подозревал, что глава МВД информирован его адресатом: «...по частным сведениям, графом Перовским полученным, якобы допущены Главным управлением с моего утверждения неправильности, клонящиеся к затемнению истины и покрытию подлинного убийцы...» В-третьих, здесь князь даже не пытался обосновать справедливость решений своих подчиненных: «Защищать пред Вашим Сиятельством правильность заключения Главного управления и беспристрастность первенствующих здесь административных лиц признаю излишним, потому что состоявшийся по сему делу журнал своевременно представлен в Правительствующий Сенат...» Единственной темой этого документа был Бриген: «...осчастливленный Всемилодивейшим облегчением своей участи по ходатайству родственников, он до того возмечтал о своих связях, что усиливается первенствовать там, куда сослан за преступление и над лицами, обязанными за ним наблюдать; что он мешается в дела ему чуждые, чтобы доказать свою силу; что он вступил в козни против местных властей, наипаче исправника...» С кем именно, по мнению Горчакова, у Бригена имелись связи раскрывается далее: «...поступки Бригена мне известны уже с самого возвра-

щения из С. Петербурга и по истине требовали бы укрощения, если бы по его угрозам не ожидал я себе вопросов из С. Петербурга (как то случилось)». Зная о натянутых отношениях МВД и III Отделения, Горчаков затевал интригу против Перовского. Здесь же князь подсказывал и желаемое решение по Бригену; «...дальнейшее нахождение г. Бригена в Кургане и при настоящей должности кажется мне вредным...»³⁶

Получив отношение П.Д. Горчакова 10 февраля, А.Ф. Орлов в силу описанных причин не спешил реагировать. Спустя три дня шеф жандармов отписал генерал-губернатору: «...по моему мнению, противозаконные и неуместные действия Бригена ни в коем случае не должны быть терпимы, и потому, находя справедливым и необходимым, чтобы Ваше Сиятельство постановили об нем решение по Высочайше предоставленной Вам власти, а меня только удостоили бы уведомлением о Вашем насчет Бригена решении...»³⁷ Однако и Лев Перовский не горел желанием принимать на себя роль судьи в этом споре. Вынести решение в пользу Бригена означало для него открыто вступить за бывшего сочлена по тайному обществу, решить дело в пользу Горчакова – еще раз уронить себя в общественном мнении. Получив отзыв из Омска, он уже 20 февраля переправил «на усмотрение» шефа жандармов не только сам отзыв, но даже «записку по означенному предмету», ранее полученную им от Орлова же.

Кажется, единственными помощниками А.Ф. Бригена в сложившейся ситуации – верными, но не влиятельными – остались ссыльные декабристы. Михаил Александрович Фонвизин, письмом из Тобольска от 28 марта благодарил его «за сообщение записки об известном деле» и сообщал, что читали ее вместе с С.М. Семеновым, который «пришел в восторг от вашего юридического таланта». Затем записка была передана тобольскому жандармскому полковнику Карлу Яковлевичу фон Колену, который, в свою очередь, обещал сообщить ее жандармскому генерал-майору Андрею Александровичу Куцинскому, ведавшему всей политической ссылкой. Последний, по словам Фонвизина, «теперь правая рука графа Орлова и готовится на место Дубельта». Стоит ли говорить, что относительно Дубельта декабристы выдавали желаемое за действительное, да и Орлову эта информация от сибирских жандармов была малоинтересна. Тогда же Фонвизин передал слух о возможном переводе Горчакова в Пе-

тербург: «Князя, говорят, сажают в Государ[ственный] совет. Он, вероятно, уедет из Сибири по просухе и чтобы не возвращаться»³⁸.

Между тем 30 апреля П.Д. Горчаков посетовал А.Ф. Орлову, что не смеет выселить А.Ф. Бригена из Кургана, поскольку ссыльный определен туда высочайшим повелением. Смирившись с необходимостью завершить это дело, Орлов письменно обратился к Николаю Павловичу, и император, будучи 1 июня в Петергофе, собственноручно начертил карандашом на рапорте «Да»³⁹. На исходе того же месяца, 30 июня, гражданский губернатор К.Ф. Энгельке писал туринскому городничему Александру Даниловичу Водяникову, что «Его Сиятельство назначил г. Бригена заседателем в Туринский Окружной суд на место заседателя Петухова, который переведен к такой же должности в Курган», и приказывал немедленно по прибытии декабриста «учредить над ним полицейский надзор»⁴⁰. После этого Бриген прожил в Кургане еще около полумесяца. «Наставление командированному для препровождения до города Туринска из государственных преступников коллежского регистратора Александра фон дер Бригена казаку татарского Конного казачьего полка Рабину Алинбаеву» было датировано только 14 июля⁴¹. В Туринск Бриген прибыл 20 июля.

Минуло еще полгода и 2 декабря 1850 г. М.А. Фонвизин делился с А.Ф. Бригеном новостями: «Из Петербурга пишут, что в Западной Сибири предназначено сделать ревизию по всем частям управления. Сперва для этого назначался, по слухам, сенатор Жемчужников, теперь же уведомляют, что ревизором будет сенатор Корниолин-Пинский. Верного об этом, однако, ничего нет. Но нет сомнения, что Горчаков здесь не останется. Он, как слышно, в необыкновенном раздражении и пишет самые желчные бумаги»⁴². В итоге 25 января 1851 г. к ревизии Западной Сибири приступил генерал-адъютант Николай Николаевич Анненков (кузен декабриста И.А. Анненкова). Но любопытно, что первым вероятным кандидатом здесь назван Михаил Николаевич Жемчужников, женатый на родной сестре министра внутренних дел Ольге Алексеевне Перовской. В 1842 г. он же должен был ревизовать генерал-губернаторство Восточной Сибири, но заболел, почему ревизию возглавил граф Иван Николаевич Толстой (близкий друг С.П. Трубецкого)⁴³. Ревизия Восточной

Сибири завершилась заменой на генерал-губернаторском посту бывшего жандармского генерал-лейтенанта В.Я. Руперта ставленником Л.А. Перовского генерал-майором Н.Н. Муравьевым (будущим графом Амурским). С князем Петром Горчаковым обошлись мягче: буквально накануне ревизии, 29 декабря 1850 г., появился императорский указ об увольнении его от службы «по расстроенному здоровью». Зато по предложению Н.Н. Анненкова в марте 1852 г. был отстранен от должности губернатор К.Ф. Энгельке⁴⁴. Во второй половине того же года граф Л.А. Перовский оставил пост министра внутренних дел ради более спокойной должности министра уделов.

А еще 19 октября 1851 г. А.Ф. Бриген писал М.А. Туманской из Туринска: «Милая моя Машенька. Известное тебе власовское дело конечно в Сенате. Указа об этом я до сих пор не читал..., а знаю только, что Сенат согласился со мною, его (Павла Власова – *В. III.*) оправдал и велел выпустить из острога, в который кн[язь] Г[орчаков] его противозаконно посадил. Следовательно, сделалось по-моему, да иначе и быть не могло»⁴⁵. И следом выражал надежду на перевод на службу в Оренбургскую губернию, где в том же году генерал-губернатором стал его прежний «товарищ по службе и большой приятель» Василий Алексеевич Перовский, брат министра и еще один бывший член Союза благоденствия. Надежде этой не суждено было оправдаться, но это уже иной сюжет. Оправданный Александр Бриген в 1855 г. был возвращен в Курган – и не коллежским регистратором, а на два чина выше – коллежским секретарем. На рапорт нового генерал-губернатора Западной Сибири генерала от инфантерии Г.Х. Гасфорда о переводе Бригена обратно в Курган граф А.Ф. Орлов наложил вынужденную резолюцию: «Можно, но если опять будет дерзок, то, не спрашивая, снова перевести из Кургана»⁴⁶.

До амнистии декабристов оставалось около полутора лет.

Подведем итоги. Требование А.Ф. Бригеном справедливо-го разбирательства дела об убийстве крестьянина, конечно, не было «продолжением революционной борьбы». Зато в нем легко угадываются параллели со стратегическими установками Союза благоденствия, призывавшего «споспешествовать правительству» в благих начинаниях. В частности, членам своей отрасли «правосудия» Союз предписывал искоренять «злоупотребления, в гражданскую службу вкравшиеся» и обращать «общее мнение

против чиновников, кои, нарушив священные обязанности, ... теснят и разоряют тех, которых долг повелевает им хранить и покоить»⁴⁷. Установки эти продолжали действовать в декабристской среде и после роспуска Союза благоденствия, о чем можно судить по переходу на судебские должности членов Северного общества И.И. Пущина и С.Н. Кашкина. Поступок Ивана Пущина был рассчитан на большой общественный резонанс: барон М.А. Корф писал, что его лицейский товарищ пошел служить «в губернские места... с намерением возвысить и облагородить этот род службы, которому в то время не посвящал себя почти никто из порядочных людей»⁴⁸. Ссылному Бригену служба в суде была необходима, чтобы «хоть как-то улучшить свое материальное положение», однако, и в стесненных обстоятельствах он не был готов изменить чувствам справедливости и чести.

Модель поведения декабриста на судебской должности была подтверждена и «Воспоминанием о Рылееве», написанном Н.А. Бестужевым не позднее 1832 г., а потому, вероятно, известном Бригену. В сочинении, которое справедливее было бы назвать не «воспоминанием», а «житием», ориентирами для заседателя Петербургской палаты уголовного суда К.Ф. Рылеева служат «сострадание к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимое защищение истины». «Вечным памятником истины» назвал Бестужев защиту интересов крестьян графа А.К. Разумовского, когда «император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе, – все было против, один Рылеев взял сторону угнетенных»⁴⁹. В 1822 г. еще не состоявший в тайном обществе Рылеев по недостатку доказательств отказался «приступить к обвинению кого либо из подсудимых» крестьян⁵⁰, так же поступил и Бриген в 1849 г. в отношении крестьянина П. Власова.

Важно отметить, что в противостоянии Бриген – Горчаков у последнего не было монолитной поддержки со стороны лиц, облеченных государственной властью. Иначе было бы сложно объяснить, как вообще ссылный декабрист дождался сенатского решения в свою пользу. Никогда более в российской истории репрессированные оппозиционеры и представители политической элиты не были столь тесно связаны сословными, родственными и приятельскими отношениями, воспоминаниями о совместной учебе и службе, участием в боевых походах, а нередко и бывлым членством в тайных обществах. К этому нужно добавить меж-

ведомственные конкуренции и иные факторы, влиявшие на отношения между сановниками. Таким образом, помощь государственному преступнику со стороны высокопоставленного лица не обязательно имела политический подтекст, а если имела, то выявить его непросто. Понятно, что князь П.Д. Горчаков в гонениях на А.Ф. Бригена опирался на III отделение, на жандармское ведомство. «Либералист» Лев Перовский в этих гонениях участия не принял, но остается под вопросом, оказал ли он действительную помощь бывшему товарищу по Союзу благоденствия.

Примечания

1. Лапин Н.А. Декабристы и их связи с крестьянством Тобольской губернии // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1969. С. 264-265, 270-274; Тальская О.С. Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 90-91; Она же. Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 245-248.

2. В одной из статей О.С. Тальская писала, что П.Д. Горчаков «отличался особой непримиримостью к декабристам», развернул «настоящую войну со ссылными», что его «чрезвычайно обеспокоило», когда «некоторые декабристы по особому разрешению царя были допущены на государственную службу на самые низшие должности» (Тальская О.С. Борьба... С. 86-87). Однако в другой работе того же автора отмечено, что в 1838 г. Горчаков «ходатайствовал перед царем о разрешении перевести С.М. Семенова на штатную должность», и после получения соответствующего разрешения служебная карьера ссылного декабриста «пошла вверх» (Она же. Ссылные декабристы... С. 236).

3. Розен А.Е. Записки декабриста. СПб., 2007. С. 226.

4. Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 238, 242-243. Оригиналы писем на французском языке. Иные переводы этих отрывков см.: Браиловский С.Н. Из жизни одного декабриста // Русская старина. 1903. Март. С. 555, 556.

5. Голодников К. Декабристы в Тобольской губернии (Из моих воспоминаний). Тюмень, 1899. С. 20.

6. Пуцзин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 237.

7. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. Репринтное воспроизведение издания 1951 г. СПб., 2007. С. 10.

8. Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. С. 129–130.

9. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I. С. 245.

10. Ильин П.В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 417.

11. ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 179-179 об.

12. Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 250.

13. ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 180.

14. Там же. Л. 180 об.

15. Там же. Л. 177-177 об.

16. Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 255.

17. Лапин Н.А. Указ. соч. С. 264-265, 271.

18. Роцевский П.И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск, 1975. С. 67; Тальская О.С. Ссылные декабристы... С. 247.

19. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 167, 170-171.

20. Помимо них в состав волостного правления входили: сотник, сборщик податей, десятники и «коморник» (сторож).

21. Пундани В.В. Общественный быт государственный крестьян Урала во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 95.

22. Лапин Н.А. Указ. соч. С. 264; Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 171.

23. «Когда любовь связала всех нас воедино...»: Письма П. Ершова и Лещевых. Публикация, вступительная статья, примечания Т.П. Савченковой // Коркина слобода: Краеведческий альманах. Вып. 5. Ишим, 2003. С. 33-39.

24. ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 177 об.-178.

25. Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 250-251.

26. Там же. С. 251.

27. ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 178.

28. Пущин И.И. Указ. соч. С. 246.

29. Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 254.

30. Там же. С. 253.

31. Там же. С. 256, 257.

32. Эйдельман Н.Я. Твой девятнадцатый век. М., 2006. С. 160.

33. Бенкендорф А.Х. Записка о Союзе благоденствия, представленная Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 184.

34. Энгельсон В. Статья, прокламации, письма. М., 1934. С. 36.

35. Подробнее см.: Шкерин В.А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008. С. 148–209; Он же. «Декабристы без декабря»: Бывшие члены тайных обществ на государственной службе в эпоху Николая I. Saarbrücken, 2011. С. 158–225.

36. ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 173-174 об.

37. Там же. Л. 175-175 об.
38. Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. I. С. 337.
39. ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 193, 199-200 об.
40. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 701. Оп. 1. Д. 323. Л. 116-116 об.
41. Там же. Л. 119-121.
42. Фонвизин М.А. Указ. соч. Т. I. С. 337.
43. Андреева Т.В., Ильин П.В. Письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому // Трубецкой С.П. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 173.
44. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 276–277.
45. Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 300-301.
46. Тальская О.С. Ссылльные декабристы... С. 248.
47. Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 241–242, 272.
48. Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 659.
49. Бестужев Н.А. Воспоминание о Рылееве // Воспоминания Бестужевых. СПб., 2005. С. 13, 14.
50. О'Мара П. К.Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 78–79.

УДК 05/07/(571.1/.5) (091)

Н.П. Курусканова

Нелегальные издания ссылльных социалистов в Сибири (1910–1916 гг.)

Автор анализирует содержание ряда нелегальных изданий ссылных социалистов, появившихся в 1910–1916 гг. в местах их поселения в Сибири. В статье выяснен партийный состав авторского корпуса, повлиявший на идейную направленность нелегальных изданий сибирских политссылных.

Ключевые слова: политическая ссылка Сибири, социалисты, нелегальные издания, журналы, антивоенные листовки.

Illegal editions of exiled of socialists in Siberia (1910–1916)

The author analyzes the maintenance of illegal editions of exiled of the socialists, who have appeared per 1910–1916 in places of their settlement in Siberia. In clause the party structure of the author's case, which have affected an ideological orientation of illegal editions of Siberian political exiled is found out.

Keywords: the political exile of Siberia, socialists, illegal editions, magazines, anti-war leaflets.

По мнению исследователей, в периоды нового революционного подъема и Первой мировой войны в среде политссылных в Сибири наблюдалась тенденция к сплочению и созданию коллективов. Заметную роль в этом процессе сыграли нелегальные издания, выпускавшиеся ссылными в районах их поселения. В течение 1910–1916 гг. ссылными были изготовлены и распространены листовки, а также несколько гектографированных и рукописных журналов «Тайга» (1910, с. Челбышевское Енисейского уезда Енисейской губ.), «Голос ссылки» (1910, Киренский уезд Иркутской губ.), «Снежинки» (Енисейск, 1910), «Лишенный прав» (1914–1915, с. Нижне-Илимское Иркутской губ.), «Тутурский сборник» (1915–1916, с. Тутура Иркутской губ.) и др., предназначенных для самих политссылных. В советской историографии основное внимание уделялось большевикам, сотрудничавшим в нелегальных изданиях, появившихся в ссылке. Вместе с тем, в большинстве таких изданий публиковались представители и других социалистических партий – ПСР, Бунда и др. Поэтому нередко выпуск нелегальных изданий сопровождался острой борьбой за их общее направление. Выясним содержательную сторону и состав авторского корпуса ряда изданий ссылных, увидевших свет в 1910–1916 гг.

Среди гектографированных и рукописных журналов, выпускавшихся по инициативе ссылных социалистов как органов беспартийных объединений ссылных, выделялся своей марксистской направленностью журнал «Тайга». В феврале-марте 1910 г. группой ссылных социал-демократов, дислоцировавшейся в с. Челбышевском Енисейского уезда Енисейской губ., было выпущено три номера гектографированного журнала «Тайга». Об-

ций тираж всех трех номеров составил около 300 экз. Судя по всему, в изготовлении журнала участвовали и ссыльные эсеры. Так, 12 марта 1910 г. при обыске ссыльнопоселенца с. Челбышевского, эсера Ю.Г. Каневского полицейские изъяли у него 23 экземпляра журнала «Тайга», а также гектограф, на котором он печатался [1].

Журнал являлся иллюстрированным литературно-художественным и критико-публицистическим изданием. О содержании и идейной направленности журнала «Тайга» можно судить по № 2, сохранившемуся в Государственной общественно-политической библиотеке (ГОПБ). Этот гектографированный номер имеет объем 94 стр. В нем помещены следующие материалы: передовица «А. Чехов. К 50-летию со дня рождения. 1860–1910», статьи «Полоска света» Н.Б., «Фантазия» Маргариты, «Ночи тюремные» Бердягина, «Английский либерализм и рабочая партия», «Знамение времени» Анина, «Диалектика бухгалтера», «Нечто о партийной с.-д. организации ссыльных», «Что нам делать» Гомтовского, обращение «К товарищам» А.А. В разделе «Хроника» были помещены: «Некролог. С. Бельское, с. Челбышевское, д. Троицкая», заметки «О летних работах», «Отчет В.Б.», «Избирательный маневр В.Б. Из жизни фракции». В журнале имеется также раздел «Библиография», в котором помещены рецензия Н. Морозова «В поисках философского камня. Новая повесть М. Горького», заметки «Снежинки. К свету. № 1», «Отчет по изданию № 1 “Тайги”». Кроме этого, в журнале имеются рубрики: «Почтовый ящик», «Справочный отдел», «Объявления», «Известие о заседании ЦК РСДРП». В конце номера отмечалось, что «портреты, обложка и виньетки работы М.В.».

В журнале «Тайга» сотрудничали опытные партийные литераторы, ссыльные большевики Н.Л. Мещеряков, Н.П. Бударин (Н.Б.), В.Н. Соколов, Н.Д. Покровская (Маргарита), Л.Д. Покровский, Г.А. Мучник, А.Т. Водолазский, А.А. Трояновский (А.А.) и др. Судя по содержанию журнала «Тайга», члены редколлегии стремились информировать своих читателей о важных событиях внутривнутрипартийной жизни. Например, в № 2 было помещено «Известие о заседании ЦК РСДРП», сообщавшее об объединенном пленуме ЦК РСДРП, состоявшемся в январе 1910 г. в Париже. Поскольку в сибирской ссылке часто происходили острые дискуссии по проблемам партийного строи-

тельства, в том числе о правомерности создания и составе организаций РСДРП в ссылке, то данная тема нашла отражение и на страницах журнала «Тайга». В статье «Нечто о партийной с.-д. организации ссылных» члены редакции обратились к читателям – ссылным социал-демократам с вопросом, имеют ли ссылные нравственную и юридическую возможность создавать партийную организацию, представители которой были бы наделены правом решающего голоса на съездах и конференциях РСДРП. Учитывая кризисное положение в рядах РСДРП, сложившееся в результате деятельности ликвидаторов, отзовистов, ультиматистов, примиренцев и богостроителей, авторы статьи заявляли: «Надо строить организацию, нужно связываться с местами нашей прежней работы, нужно от имени сибирской организации посылать резолюции, наказания и статьи в центральные партийные органы... Если мы по воле рока и попали сюда, в Сибирь, то от этого мы не перестали быть социал-демократами и притом рабочими». Ряд эсдеков были не согласны с такой позицией и, наоборот, предлагали углубиться в изучение местной жизни, что вело к отказу от посильного участия ссылных в революционном движении в Сибирском регионе. Таких взглядов, в частности, некоторое время придерживался В.Н. Соколов. Он считал создание эсдековской организации в ссылке бесцельным занятием [2].

Аналогичные проблемы волновали и членов редколлегии журнала «Голос ссылки», выходившего в 1910 г. в Киренском уезде Иркутской губ. Кроме того, они обратили внимание читателей на такой вопрос, как этические нормы, которых необходимо было придерживаться политссылным в своем поведении среди местных жителей. Редакция журнала от своих корреспондентов требовала «не обходить непростительным молчанием явления и инциденты, бросающие тень на имя политического ссылного» [3].

Ссылные эсеры, также как и эсдеки, неоднократно предпринимали меры к консолидации, в том числе используя нелегальную печать. В годы нового революционного подъема в ряде мест Сибирского региона возникли новые группы ссылных эсеров, в частности, в Бельской и Яланской волостях Енисейского уезда. В 1911 г. активизировали свою деятельность ссылные эсеры в Туринске Тобольской губ., создавшие партийную группу. В ее

состав входили С.И. Александров, А.М. Янковская, Н.Д. Трунцев и др. К 50-летию юбилею отмены крепостного права в России ими была изготовлена на гектографе 4-страничная листовка «К крестьянам. Крестьяне! 19 февраля нынешнего года исполняется ровно 50 лет со дня освобождения...» (1911, не позднее 18 февр.). В ней говорилось о проведении реформы 1861 г., о грабеже крестьянства помещиками при выкупе земли, содержался призыв к сибирским крестьянам вместе с российскими крестьянами бороться за Землю и Волю. Эта листовка распространялась среди ссыльных и местного населения в Туринском уезде Тобольской губ., а также в с. Липовском.

Члены Туринской группы ссыльных социалистов-революционеров развернули предпраздничную агитацию перед пролетарским праздником 1 мая. Ими 30 апреля 1911 г. была издана листовка «Первое мая. Граждане! 1 Мая – великий день торжества идеи свободы, равенства и братства...». В ней объяснялось значение праздника трудящихся 1 Мая, имелся призыв к солидарности всех трудящихся в борьбе с самодержавием за демократическую республику, к социальной революции. Листовка распространялась в Туринске, дер. Фабричной Туринского уезда Тобольской губ. 3 мая 1911 г. полиция арестовала членов Туринской группы ссыльных социалистов-революционеров С.И. Александрова и А.М. Янковскую «по делу распространения в ночь на 1 мая... в г. Туринске прокламаций преступного содержания» [4].

Ссыльными эсерами с целью создания широкого партийного объединения осенью 1912 г. в с. Жигалово Верхоленского уезда Иркутской губ. была созвана конференция представителей эсеровских групп. По воспоминаниям ссыльного эсера Н.М. Воронина, в с. Бирюльки Верхоленского уезда Иркутской губ. осенью 1913 г. эсеры «хотели созвать съезд активных работников ПСР, желающих вновь вступить в ряды действующей армии». Члены группы ссыльных эсеров Бирюльской вол. Верхоленского уезда 1 октября 1913 г. рукописным способом изготовили и распространили листовку «Резолюция. Правительственная реакция, начатая после разгона II Государственной думы...». В ней излагалось предложение ЦК ПСР созвать съезд ПСР с целью пересмотра партийной тактики и программы. Планы ссыльных эсеров по созыву съезда для обсуждения партийных вопросов, а

также консолидации в единую организацию ссыльных сорвали их аресты по доносам провокаторов [5].

С началом Первой мировой войны в среде ссыльных социалистов произошел раскол на оборонцев, центристов и пораженцев. По мнению исследователей, даже большевики не сразу смогли определиться в своем отношении к войне. Не только пораженческие, но и общие интернационалистические идеи не сразу были усвоены ссыльными социал-демократами. С весны 1915 г. в Сибирском регионе началось интенсивное распространение интернационалистических изданий и антивоенных документов РСДРП. К концу 1916 г. в ссылке были получены «Тезисы о войне» В.И. Ленина, манифест ЦК большевиков «Война и российская социал-демократия», резолюции Бернской конференции заграничных секций РСДРП, международных социалистических конференций в Циммервальде и Кинтале, номера центрального органа РСДРП – газеты «Социал-демократ», теоретический журнал «Коммунист» и др. Все это способствовало усвоению пораженческих идей ссыльными большевиками, хотя этот процесс был сложным и противоречивым [6].

Одну из первых антивоенных листовок в августе 1914 г. выпустили члены Александровской и Иркутской групп политических ссыльных социал-демократов [7]. С целью пропаганды своих взглядов на войну, мир и революцию в 1915–1916 гг. ссыльные большевики Е.Д. Стасова, В.А. Ватин-Быстрянский, Ю.П. Гавен, Н.Р. Шагов, Ф.Н. Самойлов, А.П. Спунде, А.П. Голубков и др. распространяли рукописные антивоенные письма-прокламации в Минусинском уезде и Енисейске. Одно из них – рукописное воззвание «Долой империалистическую бойню!» было составлено известным публицистом В.А. Ватиным-Быстрянским. Эта листовка была переиздана на гектографе Красноярской группой РСДРП и широко распространялась летом 1915 г. среди мобилизованных солдат. В Ачинске члены группы революционных социал-демократов, ссыльные большевики В.А. Ватин-Быстрянский, Ф.К. Врублевский, А.В. Померанцева, Ф. Антушевский составили и выпустили на шапирографе несколько антивоенных листовок, в том числе воззвание «Не ходите на войну» (1917, янв.) [8].

Другой заметной темой, взволновавшей политссыльных края, стал приезд в Туруханскую ссылку 5 эсдеков (А.Е. Ба-

даева, М.К. Муранова, Г.И. Петровского, Ф.Н. Самойлова, Н.Р. Шагова) – депутатов IV Государственной думы. Задолго до их прибытия в Енисейскую губ. в среде политссыльных происходила дискуссия по поводу поведения думцев-эсдеков на царском судебном процессе. В центре дискуссии оказались вопросы, касавшиеся стратегии и тактики РСДРП на буржуазно-демократическом этапе революции. В ходе ее произошло окончательное размежевание политссыльных на пораженцев, центристов и оборонцев. Большевики расценили поведение депутатов на суде, допустивших колебания в своих идейных позициях, как конфликт со всей партией. В этих условиях ссыльные большевики выступили в защиту фракции от нападков социал-шовинистов и центристов. 5 октября 1915 г. на совещании ссыльных эсдеков с участием думской «пятерки», ее сопроцессников Л.Б. Каменева, Ф.В. Линде, В.Н. Яковлева, представителей Русского бюро ЦК РСДРП И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, ряда руководителей парторганизаций в России А.А. Масленникова, Д.П. Долбешкина, Т.К. Новгородцевой, Б.И. Иванова и др. (всего около 30 чел.) в с. Монастырском Туруханского края была принята резолюция. В написанной Я.М. Свердловым резолюции подчеркивалось, что «позиция осужденных депутатов по отношению к войне является единственно правильной, интернационалистической и соответствующей интересам рабочего класса России». В ней заявлялось об антивоенной позиции членов большевистской фракции IV Думы, оценивалось их поведение на судебном процессе, делался вывод о большом политическом значении судебного процесса для вовлечения масс в борьбу с самодержавием, разоблачения империалистического характера войны. В виде гектографированной листовки «Резолюция о процессе 5 рабочих депутатов РСДРП и сопроцессников» была распространена ссыльными по Сибири [9].

В начале войны ссыльные эсеры в большинстве своем были настроены оборончески, считая, что никакие обстоятельства «не дают права на борьбу с правительством революционным путем». Однако уже в 1915 г. среди ссыльных эсеров появились сторонники перехода к активной работе против мероприятий правительства в поддержку войны. В Енисейской губ. и других районах края ссыльные эсеры активно обсуждали две декларации, внесенные в феврале 1915 г. на Лондонскую конференцию

социалистов стран Антанты противниками и сторонниками войны. Авторы антивоенной декларации лидеры ПСР В.М. Чернов и М.А. Натансон высказались «за противодействие шовинистическим течениям в собственной стране» и лозунг мира без территориальных захватов и контрибуций. В этой декларации заявлялось о необходимости агитации, с «целью вызвать широкое народное движение, достаточно сильное для того, чтобы продиктовать современным правительствам волю рабочей демократии или заменить их другими».

Ссылные эсеры собрали 2 апреля 1916 г. в с. Еланском съезд представителей колоний политссылных Енисейского уезда. Его участники приняли интернационалистическую резолюцию, а также высказались за активизацию революционной пропаганды среди рабочих-железнодорожников и солдат. Эта резолюция была отпечатана в форме листовки на гектографе, имевшемся у группы политссылных, и распространялась в Енисейском уезде. Ссылные эсеры планировали отпечатать и другие листовки, но этому помешали их аресты в мае 1916 г. Часть ссылных эсдеков и эсеров Нарыма осенью 1916 г. вошла в состав «Военно-социалистического союза», выпустившего в Томске ряд антивоенных листовок. Ссылные эсеры в Томской губ., выступавшие против войны, также поддерживали связи с созданным в 1916 г. Сибирским союзом социалистов-революционеров. Союз пытался сплотить эсеровское подполье в крае, сочетать легальную работу с нелегальной, выпустил листовки. Однако большинство ссылных эсеров в военный период придерживались центристских или шовинистических взглядов, не ведя революционной работы [10].

В годы войны, наряду с листовками, ссылными социалистами выпускались и журналы. Так, проявлением высокой организации Тутурской колонии и успешной работы литературной комиссии союза политссылных Верхоленского уезда исследователи считают издание рукописного художественно-публицистического и научно-краеведческого журнала «Тутурский сборник» (другое название – «Елань»). В 1915–1916 гг. появилось три номера этого сборника [11]. О содержании и идейной направленности «Тутурского сборника» можно судить по его № 1, выпущенному в марте 1915 г., хранящемуся в научной библиотеке Иркутского госуниверситета. Его объем – 273 страни-

цы. В сборник вошли 78 произведений и иных материалов. В частности, в нем помещены редакционное обращение «К ссылке», статья «Что мы могли бы делать», «Отчет технической части “Тутурского сборника”», сообщение об экспедиции, предпринятой ссылными летом 1914 г. в бассейн р. Нючи, циклы стихов на русском, украинском, еврейском языках, очерк Ф. Шумова «Сибирские окрестности» и др. Сборник иллюстрирован рисунками, выполненными цветными карандашам, среди них преобладают стилизованные атрибуты каторжан – кандалы, интерьеры тюремных камер, а также изображения цветов, деревьев, пейзажи. В сборнике присутствовали публикации на злободневные темы. Например, антивоенная статья «Дикий охотник», посвященная разоблачению предательской политики немецкой социал-демократии в Первой мировой войне и доказательству империалистической сущности войны, повесть Н. Грузина «Вано» о процессе становления революционного сознания у представителей грузинского пролетариата, воспоминания П. Шапченко о расстреле политзаключенных в Екатеринославской губернской тюрьме 29 апреля 1908 г. и др.

В трех выпусках сборника, по воспоминаниям современников, принимали участие представители эсдеков, эсеров, бундовцев и др. Авторами «Тутурского сборника» были ссылные большевики И.И. Ионов (Бернштейн), В.В. Куйбышев, эсеры Д.И. Глушков (Олерон, С. Корнев, О.Э. Плеске, К. Боготольский, Д.Г.), И.В. Ларин (Ив. Л-н), член украинского социал-демократического союза «Спилка» П.С. Криворотый (П. Ярема), бундовец Х.Я. Диамант (Хаскеле) и др. [12]

Ссылный эсер Д.П. Яковлев вспоминал, что редактором журнала «сначала был Д.И. Глушков (ныне умерший), потом – И. Ионов. Журнал заполнялся от руки, четким почерком, с соответствующими рисунками пером или акварелью. Сборник по форме и содержанию получался весьма удачным; многое здесь, конечно, зависело от редактора, являвшегося редактором, художником и, так сказать, наборщиком, занимавшимся кропотливой перепиской» [13]. В сборнике были собраны разные произведения по жанрам, идейным позициям и творческим устремлениям авторов. Материалы, помещенные в «Тутурском сборнике» свидетельствуют об оптимизме политссылных, их вере в грядущую победу революции. Только отдельные материа-

лы характеризовались неверием, разочарованностью, духовным упадком. Однако они не влияют на оптимистичное, по сути, содержание журнального номера.

В целом, изучение нелегальных изданий, выпущенных в 1910–1916 гг. ссыльными социалистами в Сибири, помогает раскрыть доминировавшие в их среде настроения, духовный облик, политические и нравственные вопросы, волновавшие их в тот или иной период. Кроме того, эти издания способствовали организационному сплочению ссыльных социалистов, независимо от их идейных воззрений, их революционному воспитанию, что было немаловажно накануне Февральской революции в России.

Примечания

1. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск, 1984. С. 206-208, 227, 229, 230, 233, 234; Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901 – февраль 1917 гг.). Омск, 2002. С. 177; Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. членов О-ва полит. каторжан и ссылопоселенцев. М., 1934. С. 265; ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1910 г. Д. 5. Ч. 25. Лит. Г. Л. 1; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 750. Л. 14.
2. Хазиахметов Э.Ш. Партийные организации и группы политических ссыльных Сибири (1906 – февраль 1917) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 94; Щербаков Н.Н. Ссыльные большевики и социал-демократическое движение в Сибири (1906–1910 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 151.
3. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров... С. 207.
4. Секненков Ю.И. Первомайские выступления политических ссыльных в Сибири (1910–1912) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 165; Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских эсеров (1901 – февраль 1917 г.). Томск, 2004. С. 99; ГАСО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 142. Л. 19-20 об.; Иса ОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 178. Л. 217-218.
5. Хазиахметов Э.Ш. Партийные организации и группы политических ссыльных... С. 98-99; Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских эсеров... С. 102; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 700. Л. 246.
6. Исачкин С.П. Отношение ссыльных большевиков в Сибири к Первой мировой войне // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 76-77.
7. Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов... С. 164.

8. Евсева А.Н. Участие ссыльных большевиков в революционной пропаганде среди солдатских масс в Сибири в 1914–1917 гг. // Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903–1917 гг.). Томск, 1976. С. 143-146; Сосновская Л.П. Нелегальная печать сибирских организаций РСДРП (1907 – февраль 1917 года). Иркутск, 1993. С. 106-110, 112; Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов... С. 161, 163, 164; ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 5. Ч. 25. Лит. Б. Л. 37.

9. Опул.: Большевики в годы империалистической войны: 1914 – февр. 1917: Сб. док. мест. большевист. орг. М., 1939. С. 78-79; Щербаков Н.Н. Ссыльные большевики и партийное строительство в Сибири (1907–1917) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 235-236; Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск, 1971. С. 344-345; ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 11365. Л. 1.

10. Горюшкин Л.М. Эсеры в сибирской ссылке в годы Первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 114-115, 118-120; Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских эсеров... С. 104; ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1395. Л. 6; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 850. Л. 23.

11. См. подробнее: Секненков Ю.И. К вопросу о культурно-просветительной работе ссыльных революционеров в Сибири (рукописный журнал «Тутурский сборник», 1915 г.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 225-241.

12. Политическая каторга и ссылка: Биогр. спр. членов О-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929. С. 159, 277, 301; Молодяков В. Сибирский олимпиец. [Электронный ресурс]: Издательство «Водолей» //URL: <http://vodoleybooks.ru/katalog/item/978-5-91763-118-9.html> (дата обращения 01.10.2013).

13. Яковлев Д.П. От каторги к ссылке //Сибирская ссылка. М., 1927. С. 120.

УДК 93:343.264(571.56)

Е.С. Сальникова

Проблемы семьи и семейные отношения ссылных в Восточной Сибири во второй половине XIX века

В статье речь идет о положении семьи в ссылке, об условиях её проживания, о занятиях ссылных, о том, почему труд семейных ссылных был более эффективен, чем одиноких. Законы, принятые в 1890-х гг. в Российской империи, облегчали вступление в брак поселенцев, но не способствовали созданию семьи. Рассматриваются и причины того, почему в Сибири ссылные редко создавали семьи, условия вступления в брак для ссылнопоселенцев.

Ключевые слова: ссылка, семья, брак, поселенцы, сельское хозяйство.

E.S. Sal'nikova

The problems of the family and the family relations of the exiles in Eastern Siberia in the second half of the XIX century

The article focuses on the situation of the family in the exile, on the conditions of their residence, on their occupation, about why the labor of family exiled was more effective than single exiled. It also discusses the reasons why the Siberian exiles rarely created a family, the conditions of marriage for Exiles.

Keywords: exile, the family, marriage, the settlers, and agriculture.

Первоначально ссылка в Сибирь носила колонизационный характер, увеличивала русское население, способствовала развитию земледелия и ремесел, но постоянный и увеличивавшийся поток ссылных, особенно с 60–70-х гг. XIX в., доходивший до 20 тыс. в год, ухудшал положение коренных жителей в материальном, нравственном и прочих отношениях. Даже главный тюремный инспектор Иркутской губернии Сипягин писал: «Ссылка, будучи неудовлетворительной сама по себе, ничему не учит и не может послужить улучшению состояния края, она по

своим отживающим, непрактичным сторонам, нуждается, если не в совершенной отмене, то в полной реорганизации» [1, 1].

По статистике лучшей частью ссыльных являлись семейные. Только они проявляли себя как более полезные колонизаторы края, в то время как холостые и одинокие, становились бродягами и преступниками. У семейных было больше причин избегать бродячей жизни, беззаботного существования. В них сильнее, чем в других категориях было стремление к постоянной оседлости и к упрочению своего материального благосостояния. Конечно, и среди семейных были исключения, чаще всего это проявлялось в чрезмерном употреблении алкоголя, но для семейных это было редкостью, а для бродяг – правилом.

Ряды семейных ссыльных пополнялись больше всего за счет прибывших в ссылку с семьями. Положение их было иным, чем положение холостых и одиноких. Даже за период этапного пути к месту поселения, который длился, иногда от нескольких месяцев до года, семейным ссыльным полагались определенные льготы. Женам и детям, добровольно следующим за мужьями, выдавались кормовые деньги, из расчета 10 коп. в сутки, и в отличие от осужденных, деньгами которых распоряжался конвой, им они выдавались на руки. Им также полагалась казенная одежда, которая состояла из суконной юбки, треуха, халата, штанов, белья, бродней (особого рода сапоги). Зимой выдавались шубы, но только тем, кому это требовалось по состоянию здоровья, для этого выдавалось специальное медицинское заключение [2, с. 321]. Кроме этого, на этапах, где отдыхала или ночевала партия, семейным ссыльным отводились специальные помещения.

Законы Российской империи регламентировали и семейные отношения ссыльных. К таким законам относился Устав о ссыльных. Он содержал в себе правила о порядке следования ссыльных, надзора за ними, вопросы по трудоустройству их в местах поселения, вопросы семьи, брака.

По 255 статье Устава, жены административно-ссыльных должны были следовать за мужьями независимо от их желания, поэтому большая часть ссыльных этой категории были семейные. А вот по статье 511 сосланным на водворение бродягам воспрещалось вступление в брак до истечения пяти лет со дня заключения их в тюрьму [3]. В самой же Сибири, под влиянием

неблагоприятных условий для создания семьи, процент ссыльных, вступивших в брак, был незначителен.

До издания закона 1892 года, когда право на расторжение брака по случаю ссылки одного из супругов, принадлежало лишь не осужденному супругу, положение жены, не пожелавшей следовать за мужем в Сибирь, было безвыходным. Устроить в Сибири новую семейную жизнь, заключить брак, можно было, лишь совершив новое преступление – подделка документов.

В декабре 1892 года вышел закон, который устранил препятствие к устройству семейной жизни ссыльных, для тех, кто прибыл в Сибирь без жен. Им разрешалось по истечении 1-2 лет просить разрешение на расторжение брака. Но это мера не увеличила количество браков, так как просьба о расторжении брака, подавалась духовному начальству и подвергалась канцелярскому производству, и приходилось очень долго ждать. Поэтому администрация ни Иркутской, ни Енисейской губернии не зафиксировали особого увеличения числа семей.

Но даже, если закон и облегчал вступление в брак, далеко не каждый мог это сделать. Для этого требовалось достигнуть определенного материального благосостояния, так как вряд ли кто мог пойти за бездомного бедняка с дурной репутацией, если только ссыльные женщины.

На 1898 год в Енисейской губернии процент ссыльных женщин составлял 9 % (4,7 тыс.), из них 22,5 % прибыло в ссылку с мужьями, в Иркутской губернии соответственно 7,3 % из них 30 % с мужьями [4, с. 14 Приложение].

Одной из главных причин пагубности ссылки, был большой процент бродячих ссыльных, который составлял более 60 %. Именно эта категория доставляла основную проблему администрации и жителям края. Если сопоставить количество семейных с числом живущих оседло в местах поселения, то цифры почти совпадали.

Показателем оседлости служил прежде всего факт наличие у ссыльных усадьбы и двора и только семейные ссыльные чаще всего этим обладали. Не имея своего дома и подворья, невозможно было заниматься сельскохозяйственным трудом. Но чтобы представить эффективность таких хозяйств их надо сравнить с хозяйствами старожилов. Среди хозяйств старожилов Енисейской, Иркутской губернии и Забайкальской области на-

считывалось едва лишь 5 % не имеющих дома, среди хозяйств ссыльных в Енисейской, Иркутской губернии 51,5 % и 51,4 %, в Забайкальской 34,5 %.

Более всего интересны сведения о количестве крупнорогатого скота и лошадей у ссыльных – двух главных источников обеспечения крестьянского быта в Сибири.

Таблица № 1

	Хозяйства без кр. рогатого скота	на одно хозяйство приходится кр. рогатого скота	в т.ч. лошадей
Енисейская губ.			
старожилы	5,7	12,4	4,9
ссыльные	53,3	1,9	0,9
Иркутская губ.			
старожилы	7,9	7,4	3,3
ссыльные	62,7	1,1	0,5

Среди ссыльных более половины были без всякого скота. У еще большего числа не было и рабочих лошадей. Больше всего «безлошадных» ссыльных было в Иркутской губернии – 70 %, в ней же больше всего ссыльных без крупного рогатого скота – 65,5 %.

Во всех описываемых местностях скотоводство являлось одним из самых крупных местных промыслов. Количество крупного и мелкого скота достигало высоких цифр, совершенно неизвестных в России. Так, в Енисейской губернии на каждое хозяйство приходилось в среднем 26,9 голов различного скота, в Иркутской – 14,9. У ссыльных же скота на одно хозяйство приходилось всего от 2 до 6 голов, что, по общему уровню сибирского скотоводства, составляло ничтожное количество. И рабочих лошадей насчитывалось в среднем гораздо меньше у ссыльных, чем у крестьян-старожилов. Последние имели от 3,2 до 4,9 рабочих лошадей, а ссыльные от 0,1 до 1 рабочей лошади, а благосостояние крестьянских хозяйств зависело от числа рабочих лошадей, не менее чем от числа рабочих рук [5, с. 270].

Очень важным показателем материального, физического, морального состояния семейных ссыльных было количество детей. В Енисейской губернии на конец XIX в. в среднем приходился 1,3 ребенка, в Иркутской губернии – 1,3 ребенка. [4, с. 14 Приложение], в то время как у коренных жителей до 4-5 детей.

Если родители жили неплохо, то судьба детей не отличалась от жизни детей сибирских крестьян, если же родители были не в состоянии их прокормить, не имели определенных занятия или умерли, то положение их было самое печальное. Приютов было очень мало. На всю Сибирь только два специальных приюта для детей ссыльных, только в Тобольске и Томской губернии.

В Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске и Чите был приют для арестантских детей. Кроме этого, в Иркутской губернии был приют для детей ссыльнокаторжных при Александровской центральной тюрьме, куда иногда принимались дети ссыльно-поселенцев. Некоторых детей, если их родители умерли или не в состоянии были их прокормить, принимали крестьянские семьи, но такие случаи были редки. Многие скитались по трупцам, с детства привыкая попрошайничать и красть.

Власти России изначально стремились к тому, чтобы ссыльные вступали в брак в Сибири. Статья 329 Устава о ссыльных гласила: «Старожилу, который согласится прибывшего вновь поселенца, не могущего быть тот час водворенным, принять временно к себе в дом и на собственное продовольствие, выдается в течение четырех месяцев пол плаката арестантского содержания» [3].

Статья 330 гласила: «Для поощрения сих поселенцев к вступлению в брак и к оседлой жизни назначаются денежные пособия как им самим, так и тем кои вступят в брак с ними». Для получения пособия ссыльным в Восточную Сибирь необходимо было направить прошение в канцелярию генерал-губернатора. Так, дочь мещанина Чагина обращается к губернатору края: «Я, будучи свободного состояния, оставшаяся без родителей, в сиротстве, воспитывавшаяся 7 лет в воспитательном доме, питаю надежду получить награду и тем поправить наше состояние». Резолюция генерал-губернатора: На основании свода Гражданских законов XIV, ст. 766 выдать награду за добровольный выход замуж за поселенца [6].

«Прошу разрешить мне воспользоваться получением от казны наградных денег за вступление в законный брак с ссыльнопоселенцем Антоном Васильевым. Разрешить мне вместе с мужем, на основании свода Гражданских законов XIV, ст. 766, дозволение воспользоваться получением от казны наградных денег 50 руб. серебром. Поселенческая жена Авдотья Васильева»

[7]. И таких прошений за год было несколько десятков, и, как правило, они удовлетворялись.

Но большинство ссыльных оставались одинокими. [8, с. 302]

Таблица № 2.

Округа	Состоящих в законном браке	Состоящих в незаконном браке	Одиноких ссыльных	Живущих при родственниках
Иркутский	50 %	8 %	42 %	24 %
Балаганский	35 %	13 %	52 %	15 %
Нижнеудинский	35 %	8 %	57 %	13 %
Всего	38 %	10 %	50 %	
Енисейская губ.	41 %	13,5 %	45,5 %	

Процент холостых поселенцев возрастал по мере удаления от Иркутска, потому что здесь легче было найти заработок и возможности для обеспечения семьи. Также из таблицы видно, что значительное количество ссыльных, предпочитало войти в дом родственников, чаще жены. Обе стороны руководствовались, обыкновенно, экономическим расчетом: хозяйство женщины приобретало дарового работника, а мужчина из батрака, становился почти самостоятельным хозяином.

Количество одиноких ссыльных в Енисейской губернии было на несколько процентов меньше, чем в Иркутской. Это объяснялось тем, что туда ссылали административно-ссыльных, жены которых должны были следовать за мужьями независимо от их желаний.

Большое количество одиноких ссыльных объяснялось многими обстоятельствами, которые вытекали из самих условий ссылки. Во-первых, существовал запрет ссыльным бродягам вступать в брак первые 5 лет. Кроме этого, в ссылку попадали люди преклонного возраста, (в возрасте 60 лет и более насчитывалось до 27 % ссыльных) [2, с. 103]. Также, большую роль играл незначительный процент ссыльных женщин, который составлял от 3 до 4 % всех ссыльных, если учитывать, что женщины из местного населения были мало расположены вступать в родственные отношения с ссыльными.

Правительство в этом вопросе занимало двойственную позицию. С одной стороны, пыталось поощрять вступление ссыльных в брак, способствовало переезду семьи к ссыльным поселенцам, с

другой стороны, существовали законы, которые препятствовали созданию семьи.

Например, прошение поселенца Оёкской волости Константинова, он пишет, что «за несколько лет оседлой жизни занялся хлебопашеством, обзавелся семьей, состоящей из 8 душ, но в настоящее время я уже неспособен пропитать себя и свое семейство. А поселенец Дмитрий Савельич Путашев сватается к моей дочери, и я имею намерение выдать дочь за него, потому что он знает вполне крестьянское дело и может вселяться в мой дом вместо меня хозяином и я намерен передать ему все мое хозяйство, состоящее из скота, домооседлости и хлебопашества. Я и будущий зять, обращаемся с просьбой о выдаче ему свидетельства на вступление в брак, так как он еще не пробыл положенных ему лет на месте причисления». Губернское правление в просьбе ему отказывает так, как он осужден за бродяжничество и не отбыл 5 летний срок, определенный Уставом о ссыльных 650 ст. [9].

«Прощение пересыльного Гроднецкого, находящегося в тюремном замке, ссылаемого в Якутскую область о дозволении ему вступить в брак в Иркутске с мещанской дочерью П. Дмитриевой, а также о приостановлении отправки его на время женитьбы.

Прощение не удовлетворено, так как Гроднецкий следовал по приговору в Якутскую область, то и отправлен, еще прежде означенного прошения» [10, с. 4].

История ссылки в Сибирь за многие годы показала, что лучшей частью ссыльных являлись семейные поселенцы. Они осваивали новые земли, обзаводились детьми, хозяйством, что способствовало развитию края. Но процент таких поселенцев был небольшим и к тому же их труд был в основном малопроизводителен и отличался больше борьбой за выживание, а не желанием разбогатеть и закрепиться в крае.

С 1870–80-х усиливается поток добровольных переселенцев, земледельческий труд которых был намного эффективнее и в которых более всего и было заинтересовано местное население Сибири.

Примечания

1. Сипягин А.П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки. Иркутск: Губернская типография, 1898. 45 с.

2. Сальникова Е.С. Путь следования ссыльных в Восточную Сибирь во второй половине XIX в. // Вестник ИрГТУ. 2011. № 1.

3. Устав о ссыльных (т. XIV Св. зак. по изд. 1890 г.). Иркутск: Типография Марколя, 1909. 137 с.

4. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. СПб.: Тип. СПб. тюрьмы, 1900. 339 с.

5. Сальникова Е.С. Положение ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник ИрГТУ. 2012. № 2.

6. ГАИО. Ф. 24, оп. 2, д. 220.

7. ГАИО. Ф. 24, оп. 2, д. 268.

8. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Иркутск: Тип. штаба и газ. «Восточное обозрение», 1889. Т. 1. 190 с.

9. ГАИО. Ф. 24, оп. 2, д. 198.

10. ГАИО. Ф. 24, оп. 2, д. 70.

УДК 343.26(571.51):94.3/.4(47)

А.С. Шилина

Минусинская политическая ссылка во время Первой мировой войны

В статье показано состояние политической ссылки Минусинского уезда и его эволюция в период Первой мировой войны. Анализируется практическая деятельность ссыльных, в том числе, их роль в издательском деле, кооперативном движении и др.

Ключевые слова: Первая мировая война, ссылка, Минусинский уезд, идеологические разногласия, издательское дело, кооперативное строительство.

Shilina A.

Minusinsk political exile during The First World War

In article the condition of a political exile of the Minusinsk district and its evolution during the First World War. It analyzes

about practical activities of exiled, including, their role in publishing, cooperative movement, etc.

Key words: The First World War – exile – the Minusinsk district – ideological disagreements – publishing – cooperative construction.

В первые же дни мировой войны возросла роль политической ссылки в пенитенциарной системе Российской империи. Одновременно с этим в адрес Совета Министров высказывались соображения о сокращении мест пребывания политссыльных в Сибири. Но вскоре выяснилось, что это сделать нереально, и многие северные районы Енисейской и Иркутской губерний стали считаться «благоприятными» территориями для размещения новых групп политссыльных [17, л. 51]. Сохранили значение и прежние места поселения в Енисейской губернии – Туруханский край и Минусинский уезд.

После революции история политической ссылки часто становилась предметом воспоминаний современников (Ю.П. Гавен, Ф.Я. Кон)[1; 5]. В 1970-е годы плодотворно занимался проблемами политической ссылки Э.Ш. Хазиахметов [20]. По использованному им объему архивных материалов и обобщений труд Э.Ш. Хазиахметова сохраняет свое значение и в настоящее время. С иных идеологических и методологических позиций исследуют политическую ссылку В.В. Кудряшов, С.В. Макаручук, Н.Н. Медведева и др. [6; 8; 9; 10]. Они стремятся изучить разнообразные проблемы политической ссылки, уделяя внимание вопросам идейной борьбы, социально-экономического быта, творческой работы, в том числе, и в легальной печати.

Вместе с тем, на наш взгляд, некоторые стороны указанных вопросов нуждаются в дополнительном освещении. Это касается и минусинской политической ссылки. Нами предпринимается попытка заполнить некоторые лакуны, в частности, остановиться на характере и особенностях дискуссий внутри социалистического движения в минусинской колонии ссыльных.

Вступление Российской империи в войну вызвало неоднозначную реакцию и волнение среди российского общества. Политическая ссылка Восточной Сибири, несмотря на свою партийную и социальную неоднородность, не могла остаться в стороне от этих событий. Это выразилось в дискуссиях по вопросам войны

и мира. В центре споров оказались различные позиции социалистических лидеров, живших на тот момент за границей.

Много критики развернулось вокруг патриотических высказываний Г.В. Плеханова [11; с. 352-353]. Одним из его видных оппонентов стал М.Ю. Мартов. С одной стороны, он всячески осуждал империалистическую войну, но с другой – хотя и предлагал не поддерживать российское правительство, но в то же время, призывал не тревожить устои самого государства во время войны [11, с. 359-368]. Вскоре эти прения стали известны по всем российским губерниям, в том числе и в Минусинской уезде.

На воззвание Г.В. Плеханова к рабочим одним из первых отреагировал Ф.И. Дан, написавший собственное обращение к трудящимся. В нём он выдвигал собственную «империалистическую» позицию о войне: критиковал захватническую политику капиталистических держав и осуждал войну, но отрицал любую революционную перспективу в военный период. Одновременно с этим, в отличие от большевиков, он призывал рабочих участвовать в ВПК [1, с. 125].

Иную позицию по отношению к войне занял лидер большевистской фракции РСДРП В.И. Ленин. В своих «Задачах революционной социал-демократии в европейской войне» он четко определил свою позицию как пораженческую и осудил войну: «европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны» [7, с. 1]. Подчеркивалось, что «наименьшим злом было бы поражение царской монархии и её войск» [7, с. 6]. Эти положения стали известны и в Минусинском уезде. Однако большевиков в регионе было мало. Хотя среди этого малого числа находились личности уникальные, такие, как: Н.Ф. Голубков, В.А. Ватин-Быстрянский, А.П. Спунде, Е.Д. Стасова и др. [1, с. 124]. Уже в июне 1915 г. Е.Д. Стасова в письме к В.А. Хачатурьянцу в Канский уезд указывала, что уже разослала своим коллегам в уезде копии «Тезисов о войне» В.И. Ленина [2, л. 25].

В ответ на воззвания Г.В. Плеханова и Ф.И. Дана к трудящимся минусинские большевики решились выпустить собственное обращение. Оно было написано в сугубо пораженческом духе и разослано по колониям ссыльных. Но какой-либо настоящей работой минусинские большевики не занимались [18,

с. 18]. Ими предпринимались лишь попытки установить тесные контакты с другими группами ссылных (красноярских, енисейских, туруханских и пр.).

Среди эсеров единства мнений также не возникло. В целом, начавшиеся по этому вопросу разногласия среди российских социалистов-революционеров не способствовали выработке четкого мнения и на местах, тем более, столь отдаленных от основных событий. Наиболее заметными фигурами социалистов-революционеров Минусинска были Н.Я. Быховский и Е.К. Брешко-Брешковская, которые, по словам Ю.П. Гавена, не выразили сколько-нибудь четкой позиции относительно войны [1, с. 125-126].

За возникшими в среде минусинской ссылки дискуссиями о войне и мире внимательно следили и представители охранительного аппарата: полиция и жандармерия. Имевшиеся у них сведения создавали несколько иную картину партийно-политической жизни минусинской ссылки. В них, в частности, значительная роль в качестве идеологического центра отводилась М.И. Хачатурову, вокруг которого и происходила политическая активность ссылных. Ю.П. Гавен же, наоборот, относил М.И. Хачатурова к сторонникам меньшевика Ф.И. Дана. Эта позиция фигурирует и в официальном донесении полковника Байкова в Департамент полиции в ноябре 1916 г., где взгляды минусинской ссылки трактовались как социал-демократические [4, л. 1 об.]. Однако находившийся непосредственно в Минусинске ротмистр Смирнов, хорошо знакомый со своими гласноподнадзорными, конкретно рапортовал, что М.И. Хачатуров и его окружение по своим партийным взглядам являются эсерами [3, л. 4 об.]. Мнение Ю.В. Гавена, идейно сближавшего меньшевика Ф.И. Дана и эсера М.И. Хачатурова было связано со схожестью их позиций относительно Военно-промышленных комитетов, которая и вызывала наибольшее возмущение местных большевиков. Ф.И. Дан призывал к активному участию и сотрудничеству с ВПК, а М.И. Хачатуров как раз и являлся одним из основных кандидатов в представители уезда на съезде Военно-промышленных комитетов [3, л. 5]. Однако М.И. Хачатуров в практической деятельности проявлял себя как независимый лидер.

Местная ссылка активно стремилась охватить работой все сферы общественной жизни. В этом русле отмечались даже попытки ссыльных провести своих кандидатов в гласные городской думы. Благодаря этому они приобрели значительный «удельный вес, престиж и даже некоторую легальность» [3, л. 5].

Одним из наиболее благоприятных для работы ссыльных направлений было издательское дело, развитие которого в Минусинском уезде было как раз связано с именем М.И. Хачатурова. При этом необходимо отметить, что Ю.П. Гавен низко оценивал роль и значение этой фигуры для минусинской общественности, именуя его издания не иначе, как газеткой и листком, а самого М.И. Хачатурова – «беспринципным журналистом» [1, с. 125]. Иной взгляд был у представителя карательного аппарата – ротмистра Смирнова, пристально следившего за работой М.И. Хачатурова и отводившего ему ключевую роль в формировании общественного мнения.

И действительно нельзя отрицать ту инициативность, которую он развил в уезде, а также его организаторские качества, упорство и предприимчивость. Ещё до войны он приобрел журналистский опыт, печатаясь в томской «Сибирской жизни» под псевдонимом «Маляр» [3, л. 1].

С 1 марта 1914 г. он выпускает первую в Минусинске газету «Минусинский край», закрытую за антиправительственные высказывания по распоряжению Иркутского генерал-губернатора уже в августе 1914 г. На редактора был наложен немалый штраф. Но и это не остановило М.И. Хачатурова: вскоре с его подачи стала выходить новая газета – «Минусинский листок». Содержание её номеров носило ярко выраженный антиправительственный характер, чем привлекало пристальное внимание властей. В своих статьях М.И. Хачатуров, будучи основным корреспондентом газеты, призывал добиваться полновластной Государственной думы, избранной на основе всеобщего и равного избирательного права, требовал амнистии всем политическим преступникам, автономного управления отдельными национальностями [3, л. 2 об.]. 23 сентября 1915 г. Иркутский генерал-губернатор закрыл газету. Но уже с 28 октября 1915 г. она появилась вновь под другим названием – «Минусинский голос». Со страниц новой газеты освещался громадный ущерб,

наносимый войною: затопившая Сибирь волна беженцев, колоссальный дефицит бюджета из-за военных издержек [12]. Доставалось и правительству, в особенности, министру внутренних дел Хвостову, провозгласившему политику борьбы с дороговизной, но реально для этого, по мнению редакции, ничего не сделавшему. «Если великая страна, великий народ в минуту величайших бедствий лишен возможности принимать какие-нибудь меры для устройства своей судьбы, если не один класс общества не в состоянии в полной мере проявить свою самодеятельность, если значительная часть всех сил употребляется на уничтожение малейших признаков проявления энергии широких слоев народа, то разве можно думать, что замена одних демократов другими спасет Россию» [13]. Не обошел «Минусинский голос» своим вниманием и деятельность правых партий. В передовой статье «Правые партии» [14] М. Хачатуров ставит в прямую зависимость активность работы «союзников» от правительственных субсидий. «Правые организации не представляют из себя какой-нибудь реальной политической силы». Критика слышалась и в адрес либерального лагеря: «кроме истерических фраз, в области политической жизни они [кадеты и октябристы] оказались почти полными импотентами» [15].

«Минусинский голос» постигла судьба его предшественников – он был закрыт. Но попытки издательской инициативы минусинской ссылки продолжились: с мая 1916 г. в течение 2,5 месяцев выходила с тем же редакторским составом «Южная Сибирь». Но и штраф в 2 тыс. рублей не остановил «Хачатурова и К°»: с июля 1916 г. стал выпускаться «Минусинский вестник» под редакцией помощника городского головы Ерохина. Для издания газеты была создана собственная типография и организовано Товарищество печатного дела при ней. «Минусинский голос» в целом продолжил линию своих предшественников: на его страницах освещались острые проблемы местной жизни и едко критиковалась деятельность российского правительства [16]. В конечном счете, жандармское управление по этому поводу констатировало: «Хачатуров является, по партийным соображениям, эсером и проводит в печати социалистические идеи, критикуя правительство и призывая бороться за смену существующего политического строя...» [3, л. 4 об.].

Кроме общественно-экономической деятельности он был замешан в нелегальной партийной работе: через него в уезд поставлялась и распространялась запрещенная литература, он имел тесные связи с видными представителями партийной элиты (Брешко-Брешковской, Бройдо, Гавеном, Самойловым, Быховским, Горбачевским, Вишняковским и Галановым) [3, л. 5-6 об.].

Помимо изданий М.И. Хачатурова, в уезде выходила и другая, популярная среди крестьян газета «Труд», издаваемая священником Владимиром Кузьминым [4, л. 2; 3, л. 14 об.-15]. С его страниц накануне Февральской революции уже доносились пророчества о будущих потрясениях: «...Как ни свирепствует сейчас реакция, как не мобилизует она старательно все свои силы и приемы, но в самой этой судорожности ее порывов чувствуется приближения ее кончины... Время уже близко» [19].

Однако одной лишь издательской работой обществено-политическая деятельность минусинской ссылки не исчерпывалась. Известной сферой деятельности ссыльных стало кооперативное дело. Оно особенно развилось в военный период, когда в государстве обострился экономический кризис.

Как и другие регионы Восточной Сибири, Минусинский уезд и в годы войны был охвачен кооперативным строительством. И в это движение активно включались и местные ссыльные и ссыльнопоселенцы, преследовавшие как политические, так и экономические цели (заработок кооперативных служащих составлял от 50 до 150 рублей в месяц [4, л. 1]). Среди активных кооператоров числились такие лица из числа ссыльных, как М.Н. Кузнецов, Я.Р. Матковская (работавшая в редакции «Минусинского листка»), А.П. Спунде, В.К. Иков (служащий Русско-Азиатского банка), В.С. Горбачевский, Т.И. Савенков, Р.Г. Рамишвили, К.Т. Джавров, И.И. Самойлов, П.И. Шилихин, М.И. Хачатуров, Н.Д. Галавно, В.Г. Вишняков, И.П. Бедро, А.П. Моисеенко, М. Федотов, Ф.И. Заикин и др. В кооперативах они состояли на мелких должностях бухгалтеров, конторщиков, счетоводов, секретарей, так как официально им запрещалось работать в кооперативных организациях. Нередко им приходилось даже трудиться через подставных лиц. Но при этом именно они оказывали сильное и непосредственное влияние на их руководство [4, л. 1 об.].

Как видно из донесения начальника Енисейского губернского жандармского управления полковника Байкова, именно со стороны ссылки в годы Первой мировой войны исходила инициатива кооперативного строительства. С этой целью под руководством М.И. Хачатурова даже возник кружок ссыльных, пропагандирующих по уезду идеи кооперации и учреждавших новые общества. В их число входили лица, хорошо знакомые с потребительской организацией. Среди них особо выделялся крестьянин из ссыльных Н. Галанов – талантливый счетовод и кооператор.

М.И. Хачатуров оказывал непосредственное влияние на кооперативное строительство в регионе, призывая в своих статьях к созданию потребительских обществ и непосредственно ратуя о создании Минусинского союза потребительских обществ.

При этом необходимо отметить ещё одну особенность организации кооперативного движения в регионе: взаимопомощь ссыльных. В случае попадания политического ссыльного в ряды кооператоров, он устраивал туда же своих товарищей по несчастью. Такое положение вещей было особенно характерно для минусинской кооперации. Здесь по инициативе и непосредственном участии бывшего ссыльного социалиста-революционера М.И. Хачатурова в 1915 г. возникли Общество потребителей, Кредитное товарищество, Общество взаимного кредита. Вслед за Хачатуровым в кооперацию привлекались и другие ссыльные: В.К. Иков, Е.Л. Бройдо, Р.Г. Рамишвили, И.И. Самойлов [4, л. 1 об.].

Влияние кооперации вообще и ссыльных в частности, в уезде росло. При Товариществе печатного дела была открыта типография, выпускавшая оппозиционного содержания газеты. В городское управление удалось устроить 5 политических ссыльных. Сам М.И. Хачатуров, пользуясь своим положением в кооперативном деле, свободно разъезжал по уезду и губернии и даже посещал соседние регионы, в том числе, и с целью укрепления партийной работы. По сведениям Енисейского губернского жандармского управления, «кружок ссыльных [Минусинска], пользуясь легализацией кооперации, проводит через неё в жизнь социал-демократические идеи» [4, л. 1 об.]. Более того, группа ссыльных, консолидировавшаяся вокруг минусин-

ских кооперативов, даже выставила собственных кандидатов в городскую думу.

В целом же, говоря о деятельности ссыльных в кооперативном движении, можно подчеркнуть: «для ссыльных кооперативы дают верный и хороший заработок, кроме того работа является в современных рамках действительности самой идейной и безопасной, так как подымает народ, культивирует его и вместе с тем сплачивает» [4, л. 2].

Таким образом, Минусинская ссылка, будучи многочисленной и до войны, с началом военных действий активизировалась ещё больше. Она стала одним из центров политической работы ссыльных в Сибири. В её рядах были представители оппозиционных партий. И с началом войны эти ряды регулярно пополнялись новыми партийными работниками. Имея мало возможностей для партийно-политической деятельности, минусинские ссыльные сумели быть в курсе внутри- и внешнеполитических событий жизни государства, донести эти сведения до широких слоев местного общества, показать широкий спектр мнений относительно войны. Несмотря на многочисленные запреты, они приняли активное участие в общественно-политической жизни региона. Минусинский уезд, благодаря их усилиям, стал одним из немногочисленных регионов, имевших несколько частных и независимых периодических изданий. Они пользовались большой популярностью среди местного населения, освещали основные политические события в жизни государства и доносили их партийную оценку.

Примечания

1. Гавен, Ю.П. Революционное подполье в период империалистической войны в Енисейской губернии [Текст] / Ю.П. Гавен // Каторга и ссылка. 1927. № 7 (36). С. 124-129.

2. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 272 а.

3. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 93.

4. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Ед. хр. 20. ч. 9.

5. Кон, Ф.Я. В Минусинске / Ф.Я. Кон // Енисейская ссылка: сборник Енисейского землячества. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссылопоселенцев, 1934. С. 54-68.

6. Кудряшов, В.В. Меньшевики в восточносибирской ссылке (1907 – февраль 1917 гг.) [Текст] / В.В. Кудряшов; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Братский гос. ун-т». Братск: БрГУ, 2008. 179 с. ISBN 978-5-8166-0232-7.

7. Ленин, В.И. Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений [Текст] / В.И. Ленин. 5-е изд. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1973.

С. 1-7.

8. Макарчук, С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.) [Текст]: Состояние соц.-демократ. и внепартийн. орг. / С. В. Макарчук; Кемер. гос. ун-т. Кемерово: АОЗТ «Кузбассвуиздат», 1994. 297, [1] с. ISBN 5-202-00055-3.

9. Медведева, Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.) [Текст] / Н.Н. Медведева. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им Н.Ф. Катанова, 2006. 187, [1] с. ISBN 5-7810-0409-2.

10. Медведева, Н.Н. Неонародническая политическая ссылка в Минусинской уезде [Текст] / Н.Н. Медведева // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сборник материалов республиканской научной конференции «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». Абакан: издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1998. С. 108-112.

11. Меньшевики: Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. [Текст] / сост. С.В. Тютюкин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 507 с. ISBN 5-86004-093-8.

12. Минусинский голос [Текст]: обществ.-полит., лит. и экон. газета / Минусинск. 1915. 28 окт.

13. Минусинский голос [Текст]: обществ.-полит., лит. и экон. газета / Минусинск. 1915. 30 окт.

14. Минусинский голос [Текст]: обществ.-полит., лит. и экон. газета / Минусинск. 1915. 13 ноября.

15. Минусинский голос [Текст]: обществ.-полит., лит. и экон. газета / Минусинск. 1915. 29 ноября.

16. Минусинский голос [Текст]: обществ.-полит., лит. и экон. газета / Минусинск. 1916. 9 дек.

17. РГИА. Ф.1276. Оп. 11. Д. 145.

18. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1916. [4], 92, [63] с.

19. Труд [Текст]: экон., лит. газета. 1917. 22 янв.

20. Хазиахметов, Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации и революционные связи). [Текст] / Э.Ш. Хазиахметов. – Томск: Издательство Томского университета, 1978. 180 с.

УДК 614.84(47)(091)

В.В. Черных

**Пожарная команда Александровской каторжной тюрьмы
и организация противопожарной службы в Иркутской губернии
в конце XIX – начале XX вв.**

Статья рассматривает различные аспекты организации пожарного дела в Иркутской губернии, в том числе особенности функционирования пожарной команды в Александровской центральной каторжной тюрьме.

Ключевые слова: городская полиция, пожарные команды, Александровский централ, Министерство внутренних дел, Иркутск.

V. V. Chernykh

**Fire brigade of Aleksandrovsky unbearable prison
and the organization of a fire service in the Irkutsk province
at the end of XIX – the beginning of the XX centuries.**

Article considers various aspects of the organization of fire business in the Irkutsk province, including feature of functioning of a fire brigade in Aleksandrovsky central unbearable prison.

Keywords: city police, fire brigades, Aleksandrovsky централ, Ministry of Internal Affairs, Irkutsk.

Несмотря на отдельные позитивные изменения, происшедшие в развитии пожарного дела в Иркутске во второй половине XIX века, объективности ради, нужно отметить, что в целом состояние пожарного дела было удручающим. Пожары 1879 г. наглядно продемонстрировали незащитность городов и селений от огня и заставили власти всех уровней и общественность предпринять всевозможные меры по улучшению пожарного дела в губернии. После 1879 г. пожарные команды стали появляться повсеместно, сначала в городах, потом в крупных посёлках и даже тюрьмах.

Механизм организации пожарных команд на местах выглядит следующим образом. Для наглядности приведём конкретный пример по устройству пожарной части в одном из городов губернии, а именно, Верхотенске. Город, до 1880 г. насчитывавший

около 1 тыс. человек, пожарной части не имел. В случае пожара, жители в соответствии с расписанием обязаны были являться со своими инструментами и производить доставку воды. Отсутствие должной организации, пожарных машин, да и отношение самих жителей к пожарам приводили к тому, что загоревшиеся строения сгорали дотла. Поэтому, основываясь на циркулярном предписании Министра внутренних дел от 10 мая 1880 г., Иркутская Управа постановила создать в г. Верхоленске пожарный обоз, отвести под него общественное здание, а также создать в городе пожарную часть, что и было организовано в 1880 г. Регламентирующим документом этих управленческих решений стало принятие инструкции об устройстве в г. Верхоленске пожарной части [1].

13 января 1889 г. брандмейстер иркутской пожарной команды доносит на имя иркутского полицмейстера, что город далеко не безопасен в пожарном отношении, что повторение пожарной катастрофы, бывшей в нем 22–24 июня 1879 г., вполне вероятно, если пожарные средства города останутся и далее в наличном состоянии и если не будут приняты меры, обязывающие обывателей соблюдать устав строительный и пожарный в принадлежащих им имуществах, и что вопрос улучшения пожарной части города и противопожарных его средств составляет потребность для города, не терпящую отлагательств.

В подтверждении приводит, во-первых, малочисленность пожарной команды, благодаря чему команда, сосредоточиваясь в центре города, не в состоянии была порой оказать своевременную помощь окраинам города. И, во-вторых, недостаточность средств водоснабжения, т. к. река Ушаковка местами чрезвычайно мелководна, зимою же промерзает до дна, Ангара не имеет правильно устроенных водокачек и съездов, а потому недоступна во время ледохода и полноводия и небезопасна в остальное время года, особенно ночью. Что же касается наличных водохранилищ – пожарных колодцев, то они составляли охрану только известной части города и были столь малы запасами воды, что их хватало только на первое время пожара, быстро же наполниться, за примитивностью устройства водоемных механизмов, они были не в состоянии [2].

В связи с этим брандмейстер просил увеличить состав команды хотя бы на летнее время до 103 человек, что давало бы возмож-

ность создавать на это время четыре пожарных отряда в Знаменском, Ремесленном, Глазковском предместьях и Нагорной части, а также улучшить материальный быт команды. В отношении водоснабжения рекомендовал существующие пожарные колодцы снабдить более усовершенствованными насосами или приспособить их всасывающие трубы к питанию резервуаров колодцев имеющейся паровой пожарной трубой.

Ходатайство это, явившись предметом обсуждения Управы и Думы, имело следствие то, что городом, начиная с 1890 и по 1898 гг. ежегодно выделялись на время с 1-го мая по 1 октября из своего пожарного резерва два временных отряда по 8 человек прислуги при 5 лошадях с пожарной трубой, 4 бочками и необходимыми ручными инструментами каждый, расположенные один в Знаменском предместье, другой в Нагорной части, приведен в порядок Арсенальский колодец с приспособлением паровой пожарной трубы для накачивания воды в резервуар этого колодца, введено деление пожарных служителей на разряды с увеличением им жалования, отпуском полного для всей команды обмундирования, из расчета 35 руб. в год на человека и аммуниционных денег [3].

Как видно из приведенного перечисления принятых мер по улучшению пожарной части, оно заключалось, в главных чертах, в увеличении состава команды и средств водоснабжения. Да и те оказались далеко не выполненными.

А потому в 1898 г. бывшим полицмейстером возбуждается перед губернатором почти аналогичное вышеприведенному ходатайство об улучшении противопожарных средств города путем упразднения так называемого пожарного резерва, как не имеющего ничего общего с пожарной командой, хотя и причисляемого к её составу. Выделяемые из резерва временные пожарные отряды оказались на деле далеко не соответствующими назначению в силу крайней их малочисленности и полного не приспособления к пожарной службе. Тоже констатируется и по отношению ко всему резерву[4].

Взамен упразднения резерва и выделяемых им двух отрядов полицмейстер просил сформировать самостоятельную по счёту четвёртую пожарную часть в Нагорной части города. Кроме того, отмечал также и недостаточность водоснабжения.

Результатом приведенного доклада явилось упразднение городского пожарного резерва и образование из него в том же 1898 г. 4-й пожарной части в Нагорной части города. Возведение деревянных зданий и заготовление пожарного обоза для формирования 4-й части стоило около 20 тысяч рублей. Кроме того, в том же году приступили к приведению в порядок двух старых и возведению шести новых противопожарных колодцев. Последние работы были закончены в 1900 г. и обошлись приблизительно в 22 тысяч руб. [5].

В следующем 1899 г. производится полное обновление инструментальной части пожарного обоза и укомплектование его необходимыми принадлежностями, приобретается механическая выдвижная лестница и прочее, всё это вызывает новый единовременный в течение года расход около 20 тысяч рублей. В этом же году приступили к постройке новых зданий, каменных: для 3-й пожарной части, законченных в 1901 г. Стоимость последнего сооружения выразилась в сумме свыше 45 тыс. руб.

В 1900 г. Обществом Взаимного от огня страхования формируется свой пожарный обоз в составе ручной пожарной трубы, пяти бочек, восьми человек наемной прислуги, семи лошадей и на 40 чел. отряда охотников. В 1904 и 1910 гг. Общество дополняет этот обоз двумя небольшими резервами и доводит весь состав обоза до трёх однотипных труб, 18 бочечных ходов, 24 лошадей, 16 наёмных пожарных служителей [6].

О несоответствии сил пожарного обоза и стихии говорит тот факт, что за последние 15 лет XIX в. (с 1886 по 1900 гг.) в городе в среднем в год происходило 57 пожаров с суммой убытков на 65 607 руб. Вопрос о состоянии пожарно-полицейских частей был поставлен в городской Думе в 1898 г. Дума одобрила целый комплекс мер, включающий в себя более рациональное размещение пожарных частей в черте города, капитальный ремонт старых помещений и строительство новых, причём постройке нового здания для III-й части придавалось первостепенное значение [7].

24 октября 1898 г. состоялось заседание думской комиссии в составе городского головы В. Жарникова, брандмейстера П. Мякинина, и. д. полицмейстера Чингиса и гласного Думы Я. Комарова. Были рассмотрены эскизы новых зданий III-й полицейской части и пожарного обоза при ней, составленные городским архитектором А.И. Кузнецовым. Эскизный проект, одобренный ко-

миссией, предполагал строительство не только здания пожарной части, но и деревянной казармы для городских, конюшен с сеновалами, сараев и ледников для квартир служащих, помещений для хранения имущества. Все работы оценивались в 60 000 руб. серебром (к первоначальной сумме в 50 400 руб., назначенной архитектором Кузнецовым для строительства главного здания с каланчой, комиссия добавила 10 000 руб. на строительство вышеуказанных помещений).

Проект с дополнениями комиссии был представлен на обсуждение в Думу 27 октября 1898 г., где получил полное одобрение и был передан комиссии, работающей по устройству помещений для пожарно-полицейских команд, для практического осуществления. Однако Дума, вместо намеченных 60 000 руб. решила поручить управе внести в смету 1899 г. сумму в 30 000 руб., то есть в 2 раза меньше, пояснив при этом, что «Дума полагала бы здания вчерне выстроить в один год» [8]. Иными словами, на 1899 г. планировалось сделать основной объем работ на сумму 30 000 руб., а впоследствии на различные отделочные работы, завершение строительства выделить средства дополнительно. Об их размере не говорилось, но было ясно, что цифра 60 000 руб. снижалась.

Забегая вперед, скажем, что и эта сумма не была в реальности получена, и финансирование строительства III-й пожарно-полицейской части по Преображенской улице за счёт городских средств было ограничено 20 000 руб.

Заседание Думы, одоблившее проект Кузнецова, не пришло к единому мнению относительно того, где же будет размещаться III-я пожарная часть. Группа гласных из 17 человек выступила с заявлением, в котором выразила своё несогласие с выбором места для строительства на Преображенской улице «на месте, бывшем Новожилова» [9]. Они обосновывали своё мнение тем, что отсюда дежурные пожарные не будут видеть район города под горой от Крестовоздвиженской церкви, а также тем, что нецелесообразно переносить III-ю часть с прежнего места, то есть с ул. Арсенальской (ныне ул. Дзержинского, где находится управление пожарной охраны г. Иркутска). Здесь необходимо сказать несколько слов о размещении пожарных частей в Иркутске и о том, почему возникли затруднения с выбором места.

К концу XIX в. в городе существовали 4 пожарно-полицейские части, которые находились: I-я – на Луговой улице (соврем. ул. Марата); II-я – на углу Шалашниковской ул. и Большой (ул. Октябрьской революции и К. Маркса); III-я – на Арсенальской улице; IV-я – на 2-ой Иерусалимской [10].

Когда в 1898 г. заговорили о строительстве здания для III-й части на новом месте, то встал вопрос и о новом соотношении всех частей: с перемещением III-й пожарной части с Арсенальской на Преображенскую улицу, она оказалась бы неподалёку от II-ой, а это было не совсем рационально. И тогда возникло предложение, перенести в свою очередь и II-ю часть на Хорошевскую ул. в Знаменском предместье (соврем. предместье Марата).

С этим были не согласны 17 гласных, выступивших с заявлением, говоря, что нынешнее (на 1898 г.) место II-й части является центральным и нет смысла его менять, поэтому следует для III-й части подыскать другое место.

Тем не менее, комиссия, в которую был передан этот вопрос, на заседании 4 декабря 1898 г. решила поставить III-ю часть на месте Новожилова по Преображенской улице, а I-ю, II-ю, IV-ю оставить на занимаемых ими местах. Прежнее же место III-й части по ул. Арсенальской «предоставить добровольному пожарному обществу в пользование... на все время существования этого общества»[11]. Заключение комиссии было утверждено Думой 7 декабря 1898 г.[12]

Из этого обзора ясно, что в материалах технической документации, находящихся в БТИ и архиве пожарного управления, присутствует неточность. Указание 1876 г. как даты постройки здания с каланчой (в одном случае) или как даты перехода участка по Преображенской улице в пользование III-й пожарной части (в другом) не соответствует действительности, так как вопрос об этом встал лишь в 1898 г.

В январе 1899 г. комиссия по устройству помещений пожарно-полицейских команд пришла к выводу, что, в виду недостатка городских средств, надо сократить сумму, выделенную на капитальный ремонт зданий I-й, II-й, IV-й частей с 4100 руб. до 2100, а постройку III-й части рассрочить на 3 года и в смету 1899 г. внести не 30 000 руб., как было решено ранее, а только 20 000 руб.[13].

На заседании Думы 12 июля 1899 г. обсуждался доклад городского архитектора о проекте и смете на постройку III-й пожарной части. Как записано в протоколе заседания, «из доклада... усматривается, что высчитанная по смете сумма 22 479 руб. 58 коп. ... при выполнении работ должна уменьшиться как вследствие обычной скидки на торгах с цены подряда, так и вследствие разницы прежних и теперешних цен на рабочие руки и стройматериалы, почему имеющийся кредит в сумму 20 тыс. руб. можно признать достаточным. Городская Дума постановила: проект и смету городского архитектора на постройку III пожарной части утвердить и принять к исполнению» [14].

Торг на постройку главного каменного здания III-й пожарной части был произведен в июле 1899 г., а на постройку подсобных помещений в сентябре 1900 г. [15]. Через 2 месяца подсобные помещения были выстроены, и 17 декабря 1900 г. освящены [16]. Строительство главного здания с каланчой продолжалось до августа 1901 г.

Таким образом, 30 августа 1901 г. можно считать датой завершения строительства комплекса помещений для III-й пожарно-полицейской части.

В распоряжении части находилась вся усадьба по Преображенской ул., 43 [17]. В 1936 г. решением горисполкома порядковый номер 43 был заменен на № 29; в настоящее время здание пожарной части имеет порядковый № 33. Одним номером обозначались все помещения части, расположенные на территории бывшей усадьбы.

До того момента, как было начато строительство III-й пожарно-полицейской части по Преображенской улице, в проекте оговаривалась постройка деревянных казарм для городских, конюшен с сеновалами, сараев, кладовых, ретирад. Упоминание об этом, относящееся ко времени строительства, встречается в иркутской газете «Восточное обозрение» за 1900 г., когда речь шла о торгах на постройку каменного здания для пожарного обоза, казарм и навеса на каменных столбах. Более подробные сведения о количестве и назначении помещений имеются в архиве БТИ за 1954 г. В пояснениях к плану усадьбы указано 7 помещений (помимо главного, с каланчой), из которых 2 кирпичных – здание газодымной службы (обозначенное на плане литерой «Б») и жилой дом в 2 этажа (литера «В»); 2 дровяника, 2 сарая, 1 уборная. На

сегодняшний день III-я пожарная часть имеет в своем распоряжении лишь одноэтажное кирпичное здание с каланчой, в бывшем общежитии пожарной части (литера «В») располагается отделение городской травматологической больницы, остальные же помещения не сохранились.

Формирование любой пожарной команды имело свои особенности, но принципы их создания и развития достаточно схожи. Наглядным примером может служить история развития Александровской тюремной пожарной команды.

В 72 верстах от г. Иркутска вблизи с. Александровского были расположены две крупных центральных тюрьмы – каторжная и пересыльная.

В пожарном отношении как тюрьмы, так и село находились в недостаточно благоприятных условиях. За исключением каменной тюремной церкви, двух каменных корпусов каторжной тюрьмы, занятых арестантскими камерами и мастерскими, и каменных зданий кухни и пекарни, все остальные здания как в тюрьмах, так и в селе были деревянными.

Как тюрьмы, так и само село к концу XIX в. не имели обширной специальной противопожарной организации, хотя при тюрьмах и имелся запас пожарных машин и некоторых других противопожарных инструментов. В самом селе имелись лишь пожарная машина и четыре бочки, всегда содержащиеся в неудовлетворительном состоянии [18].

В наиболее неблагоприятном пожарном отношении находились деревянные бараки пересылочной тюрьмы и тюремной больницы, расположенные на горе вдали от естественных водоемов.

Здесь же в больнице в 1906 г., по инициативе врача Г.И. Гольшуха, заведующего тюремной больницей, была впервые организована из больничных палат служителей небольшая пожарная команда, имевшая первое время в своём распоряжении всего лишь одну небольшую пожарную ручную машину, два багра, два топора и одну ручную пожарную бочку. Команда имела своей целью оказание первой помощи в случае пожара исключительно внутри тюремной больничной ограды. В пожарные назначались ссыльно-каторжные из бывших матросов и солдат [19].

Для ознакомления со способами тушения пожара и обращения с пожарными инструментами устраивались на больничном дворе пробные тревоги и учения.

В 1907–1908 гг. больничная тюремная пожарная команда укомплектовывается пожарным инвентарем, а также хозяйственными рабочими исключительно из ссыльнокаторжных вне тюремного разряда, и с этого же времени её действия расширяются на все тюремные здания, таким образом, она превращается из собственно больничной пожарной команды в тюремную пожарную команду. Устанавливается постоянное дежурство. Часть пожарных из числа хозяйственных больничных рабочих вне тюремного разряда была размещена вне ограды в особом рабочем больничном бараке.

В 1909 г. Главным тюремным управлением было ассигновано на пожарную часть Александровской центральной каторжной тюрьмы 300 руб., благодаря чему появилась возможность поставить пожарную часть более основательно: для пожарных ручных машин, до этого перевозивших вручную, были сделаны летние и зимние хода с таким приспособлением, что на каждый ход помещались и бочка, и машина, Сделан трубо-багрово-бочечный ход, приобретены ещё две пожарные машины и прочий пожарный инвентарь, увеличен состав пожарной команды, которой была придана строевая и чисто специально-пожарная организация [20].

В результате внимательного отношения администрации тюрьмы и поддержке брандмейстера А.Ф. Домишкевича, пожарная тюремная команда стала организацией, успешно выполняющей своё назначение, и имеющей к тому же большое воспитательное значение, т. к. являлась своеобразным моральным орудием в руках руководства тюрьмы.

Необходимо отметить, что на начало XX в., за исключением пожарных команд г. Иркутска, все остальные команды, имевшиеся в городах губернии, находились все-таки в зачаточном состоянии и тушение крупных пожаров им было не по силам.

Обывателей в XIX в. удивляло соединение в одном ведомстве полицейских и пожарных, в силу их функционального различия [21]. Хотя объяснения концентрации под одной крышей полицейских и пожарных достаточно просты. И те и другие находятся на страже государственной и частной собственности, призваны защищать людей от преступности и стихийных бедствий. Подобного рода деятельность связана с повышенным риском, следовательно, требует воинской дисциплины и безукоризненного выполнения приказов своих руководителей.

Однако взаимоотношения полиции и пожарных команд на протяжении всего XIX в. имели ряд особенностей, игравших роль своеобразных раздражителей и не способствовавших их взаимопониманию.

Основной причиной явилось то, что пожарная команда состояла в полном ведении полиции, что предоставляло право вмешательства полиции во время пожаров. Это вмешательство некомпетентных лиц в право распоряжений на пожарах подрывало авторитет начальников пожарных команд и, более того, воспринималось, как оскорбление. Последствиями такого вмешательства во многих случаях были тяжелые столкновения, приводившие даже к оставлению пожарными руководителями, несогласными с распоряжениями полицейского чиновника, своих команд [22].

Объяснения этих разногласий достаточно тривиальны. В любой специальной организации имеются лица, на которых совокупная воля её органов переносит право власти и право приказаний. От этих лиц требуется, чтобы они принадлежали к той организации, в которой им передана власть и право приказаний, и чтобы они участвовали в тех действиях и событиях, к которым готовят своих подчиненных. Приказания только такого лица всегда и наверняка будут исполнены, так как они связываются в последовательные ряды приказаний, соответствующие событиям, а потому и исполняются.

Начальники пожарных команд (брандмайоры) органически связаны со своими командами. На них переносится власть и право приказаний. Они живут с командой, участвуют во всех событиях своей команды, знакомы с условиями работы и специально подготовлены для того, чтобы всегда знать, какое и где отдать приказание. Их приказание соответствует конкретной ситуации, понятно исполнителям и непременно будет исполнено.

Вмешательство же посторонних лиц в распоряжения начальников пожарных команд вносило дезорганизацию. Положение усугублялось тем, что это вмешательство было закреплено действующими уставами городских пожарных обществ (п. 74) и нормальным уставом сельских пожарных дружин (п. 44). Те же трения возникали и у руководства добровольных пожарных команд с полицией. На основании вышеупомянутых параграфов устава все пожарные добровольцы при действиях на пожарах обязаны

были безусловно подчиняться распоряжениям высших местных полицейских начальников [23].

Таким образом, сам закон вносил в жизнь пожарных организаций вмешательство посторонних по профессии лиц, предоставляя им власть и право приказаний. Такое требование устава противоречило элементарному представлению о значении власти.

И только 26-го июня 1910 г. в г. Риге на V очередном съезде членов Императорского Российского Пожарного общества было принято решение об изменении пресловутых параграфов, которые получили следующую формулировку: «Начальник и чины полиции, не вмешиваясь в распоряжения начальника пожарной команды, оказывают ему всякое содействие к поддержанию порядка, а в случае надобности, и в помощи в рабочей силе. В городах и поселениях, где одновременно существуют городские и полицейские пожарные организации, главное руководство тушением пожаров возлагается на лицо по определению местного общественного управления по соглашению с правлениями пожарных обществ с утверждения губернатора» [24].

В 1910 г. городское управление Иркутска, основываясь на полученных из Министерства временных правил о городских пожарных командах, возбудило ходатайство о передаче пожарной команды в ведение города [25]. Причём из доклада по данному вопросу городской управы следовало, что желательность передачи команд городу вызывалась главным образом тем, что средства на содержание полицейской команды даются городом, в чём и выражается участие города в пожарном деле. Весь внутренний распорядок команды и заведование хозяйственной стороной пожарного дела вело полицейское начальство. Оно назначало и увольняло брандмейстеров и всех служащих в пожарной команде, от него же по существующему распорядку зависели и всякие улучшения и усовершенствования в постановке пожарного дела.

Но полицейское начальство, обременённое многочисленными и требующими быстрого исполнения административными делами, не в силах было уделить много внимания не только на улучшение пожарного обоза, а подчас и на детальное руководство и наблюдение за таковым.

Всякое хозяйственное дело и его улучшение требует денег, а деньги дает город, который, естественно, желал знать, на что и как они расходуются и, кроме того, залог успеха всякого дела

заключается в том, чтобы таковое лицо или учреждение ближайшим образом было заинтересовано в его успехе. Это положение обязательно и в пожарном деле, им должны ведать сами города, на жизнь и имущество обывателей которых могут отражаться так чувствительно недочёты противопожарной охраны, а не администрация, которая занимается этим делом лишь потому, что на неё возложена эта обязанность как дополнительная, к другим основным, более сложным и ответственным.

17 июня 1910 г. последовало утверждение Министерством Внутренних дел временных правил об устройстве Иркутской городской пожарной команды [26] и штатного её расписания, и на этом основании пожарные команды со всем находящимся в них имуществом были переданы городу. То, что было характерно для губернского города, вполне естественно было полностью повторено в других городах губернии. По инструкции, главные обязанности заведующего по отношению к пожарной команде заключались в наблюдении, чтобы команда постоянно удовлетворяла своему назначению, для чего ему предоставлялось право производить внезапные осмотры команды, и обоза, поездку лошадей и прочее, назначать и увольнять пожарных служителей по представлению брандмайора, проверять и сличать с оправдательными документами приходно-расходную книгу команды, ведущуюся брандмайором, следить за инвентарём пожарной команды, а также исправностью его содержания, за тем, чтобы штат команды своевременно удовлетворялся присвоенным содержанием, за улучшением и усовершенствованием пожарного дела, доводить до сведения городского управления о всех замеченных неправильностях и беспорядках на пожарах и выработать инструкцию для команды.

По вступлении в должность и ознакомлении заведующего со своими обязанностями выяснилось довольно частое расхождение взглядов последнего с таковыми же со стороны брандмайора. Такие разногласия приходилось по смыслу инструкции для заведующего представлять на усмотрение общего присутствия Управы, а иногда и Думы, но разрешение подобных вопросов в большинстве чисто пожарного характера требовало известного знакомства с пожарным делом, члены же Управы и гласные Думы в большинстве такими познаниями не обладали. Заведующим пожарными делами в 1912 г. было возбуждено ходатайство перед Думой о желательности организации при городской Управе совета из сведущих

в пожарном деле лиц для разрешения более важных, возникающих в постановке пожарного дела в городе вопросов и для достижения большего при разработке их освещения. Городская Дума с таким предложением согласилась и с 1913 г. [27] учредила при городской Управе Пожарный Совет, утвердив под председательством заведующего пожарным делом предложенных им десятки лиц, в том числе брандмайора. В течение 1913 г. означенный Совет собирался и имел 19 заседаний, на которых рассматривались вопросы: по выработке инструкции для пожарной команды, расширения пожарной охраны на окраине города, о приобретении пожарных труб, экипажей и прочее, а также о тушении происходящих за это время пожаров. Кроме того, в одном из последних заседаний пожарного Совета последний, в виду окончания срока избрания гласных городской Думы прежнего состава, а следовательно, и окончания полномочий членами Пожарного Совета в связи с предстоящим избранием новых, имело суждение о том, удовлетворяет ли существующая организация Совета с присвоенным ему правом совещательного голоса всем нуждам пожарного дела и является ли желательным дальнейшее сохранение в том же виде Совета. Причём Совет пришел к единогласному заключению:

1) что город постоянно расширяется, воздвигаются многоэтажные здания, следовательно, и пожарное дело неуклонно должно совершенствоваться;

2) что должность члена Управы Заведующего пожарным делом может быть заменена лицом сведущим в пожарном деле, кроме того, на нем будут лежать как и теперь другие отрасли городского дела, почему необходима помощь;

3) что существующий Пожарный Совет с правом совещательного голоса существенной пользы делу оказать не может [28].

Исходя из таких соображений, было высказано пожелание за замену Совета Исполнительной Пожарной Комиссией, в состав которой под председательством члена Управы – заведующего пожарной командой, должны входить лица, знакомые с пожарным делом, а именно, с правом решающего голоса: пять гласных Думы, три председателя от Добровольного Пожарного Общества и с совещательным: полицмейстер, брандмайор и по одному представителю от Обществ: Взаимного Страхования и Голубого Креста. Учреждаемой Комиссии предполагалось представить непо-

средственное наблюдение за правильностью постановки и ходом пожарного дела и контролем должностных лиц команды. Таким образом, на создаваемую Комиссию возлагались по отношению к пожарной команде обязанности, которые относились ранее единолично членам Управы заведующим пожарным делом [29].

Изучение штатного расписания и нормативных документов позволяет сказать, что, за исключением небольшой прибавки к жалованью и переименования брандмейстера в брандмайора, изменений в структуре, правах и обязанностях пожарной команды с передачей её в ведение городского общественного управления не произошло. Уже к 1911 г. это был достаточно отработанный механизм, сохраненный в дальнейшем.

Сложившаяся структура управления без видимых изменений просуществовала до 1917 г. и позднее – до окончательного установления Советской власти в Иркутской губернии. Тем не менее, предпринимавшие меры незначительно изменили ситуацию с пожарами.

В заключение, приведем немного цифр. Статистика показывает, что среднее годовое число пожаров, зарегистрированных в Иркутской губернии за 1895–1910 гг. – 441, – является сравнительно небольшим. Например, в Западной Сибири среднегодовое число пожаров за этот же период составило 3882, что также немного, если брать в расчёт огромную территорию (один пожар в год на площади 12 457 кв вёрст) [30].

Из общего числа пожаров за 16 лет 7062 на города пришлось 1709, или 24,2 % и на уезды 5353, или 75,8 %, из общего числа погоревших дворов (7152) в городах горело 1439, или 20,1 %, и в уездах – 5713, или 79,9 %. Таким образом, соотношение между погоревшими дворами в городах и уездах свидетельствует о большей горимости сельской местности, что объясняется несоблюдением на селе противопожарных мер и отсутствием слаженных сил и средств пожаротушения, а также, по всей вероятности, низким уровнем культуры. Общая сумма ущерба от пожаров за 16 лет (4.732 тыс. руб.), в городах их было 1631 тыс. руб., или 34,5 % и в уездах 3100 тыс. руб., или 65,5 %. Обращает внимание неуклонный рост пожаров в городах: за 1895–1899 гг. в городах губернии было 272 пожара (306 тыс.руб. убытка), в 1900–1904 гг. – 515 пожаров и (470 тыс. руб. убытка) и в 1905–1909 гг. 759 пожаров и (761 тыс. руб. убытка), т.е. увеличение по сравнению с

1895–1899 гг. пожаров в 2,8 раза, убытков в 2,4 раза. Это связано не только с индустриальным развитием городов, но и со смутой, пришедшей на эти годы [31].

Число пожаров в губернии выражается относительным числом 1,1 погоревшего двора в 1 пожар и, таким образом, оказывается значительно меньше, чем в Европейской России (1,6 двора). Соотношение городских и сельских пожаров почти что одинаково (0,85 и 1,1 двора). Это объясняется тем, что города в Иркутской губернии по большей части очень мало отличались от сельских поселений. Убыточность от пожаров в Иркутской губернии в эти годы составила в среднем 697 руб. за 1 пожар, убыточность отдельно в городах (994 руб.) более чем на треть больше, чем в уездах.

По времени года, большинство пожаров в губернии происходило в зимние и весенние месяцы – 3742 (57 %), тогда как в летние и осенние – 2731 (43 %). Объясняется это продолжительными и суровыми зимними холодами в Сибири и продолжительным при этом темным периодом суток; усиленной топкой печей и освещением деревянных по преимуществу жилищ. Все эти факторы создавали благоприятные условия для возникновения пожаров.

Распределение пожаров в губернии в 1895–1910 гг. по причинам их возникновения в процентном отношении представляется в следующем виде в %

Населенный пункт	От молнии	От неисправ. печей, труб	От неосторожности	От поджога	От других причин
город	0,2	26,8	26,7	16,4	29,9
уезд	1,8	17,3	37,6	16,2	27,1

* Составлена по данным: ГАИО, ф. 91, оп. 2, д. 678. л. 2,3; д. 1471, л. 4.

Данные по губернии о причинах пожаров довольно точны благодаря сравнительно небольшому проценту тех пожаров, причины которых не приведены в известность (27,1 % в уездах и 29,9 % в городах). Количество пожаров от неисправных печей, труб и от неосторожности имеет максимальное значение и составляет 53,5 % для городов и 54,9 % для уездов. Как в Западной Сибири, так и в Иркутской губернии много пожаров было от поджогов, причём относительное число их почти одинаково, как в городах (16,4 %), так и в уездах (16,2 %). Постепенно увеличиваясь в числе в течение 15 лет, пожары от поджогов участились, особенно в

последнее пятилетие: в 1895–1899 гг. их было 196, или 17,1 %, в 1900–1904 гг. – 228, или 14,5 %, а в 1905–1909 гг. их число по сравнению с предыдущим пятилетием почти удвоилось (435 или 16,9 %). Относительное число пожаров в городах губернии от неисправности труб и печей (26,8 %) гораздо значительнее, чем в городах Европейской России (19,5 %), несколько больше оно и в уездах (17,3 и 14,1 %), что объясняется усиленным отоплением жилищ во время продолжительных суровых зимних холодов. Этим можно объяснить, что и от неосторожного обращения с огнём в уездах Иркутской губернии случилось больше пожаров (37,6 %), чем в уездах Европейской России (32,4 %).

Символично, что стремление оградить себя от пожарных бедствий на местах совпало с повышенным вниманием к этой проблеме правительства. Третья Государственная Дума (1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.), сознавая необходимость борьбы с усиливающейся горимостью в России, в марте 1910 г. признала необходимым избрать Комиссию по борьбе с пожарами [32], причём, невзирая на отсутствие законопроектов, подлежащих передаче на рассмотрение этой комиссии. За период деятельности III Государственной Думы комиссией было рассмотрено четыре законопроекта. Первый, об изменении 207-й статьи положения о нормативной части в том смысле, чтобы весь нотариальный сбор в селениях обращался исключительно на противопожарные мероприятия. К 1913 г. этот законопроект, пройдя все стадии, превратился в действующий закон. Затем рассматриваются ещё три законопроекта:

1. О некоторых противопожарных мероприятиях;
2. Об установлении действительного контроля за страховыми оценками и ликвидацией пожарных убытков;
3. Об учреждении пенсионной пожарной кассы.

Первый и последний из этих законопроектов были одобрены правительством, которое пожелало взять на себя их разработку, не ожидая постановления Государственной Думы о желательности их [33].

Несмотря на столь небольшую работу Государственной Думы в данном направлении, пожарное дело в России получило большую популярность благодаря тому, что заговорили о пожарной беде в законодательных палатах.

Воспрянули духом пожарные деятели, начиная с теоретиков и кончая участниками в борьбе с огненной стихией. Правительство

создало ряд совещаний: 14 ноября 1910 г. совещание по огнестойкому строительству, 7 ноября 1911 г. съезд техников по огнестойкому строительству. Благодаря внесению законопроектов, периодическая печать начала интересоваться пожарным вопросом, и кроме специальных журналов стали появляться статьи по пожарному вопросу и в ежедневной прессе. Появились весьма ценные труды многих противопожарных деятелей, и вот, наконец, стараниями этих же деятелей было достигнуто то, что в России в 1913 г. собрался VI Международный Пожарный Конгресс, оказавший заметное развитие в выработке мер противопожарной борьбы.

Что касается такой проблемы, как взаимодействие пожарных и полиции в дореволюционной России, следует обратить внимание на характерную несогласованность действий ведомств, находящихся даже под одной крышей. Такое положение дел было свойственно для охраны с громоздким и неслаженным бюрократическим аппаратом. Определенное влияние на ситуацию оказывало состояние гражданской разобщенности и социальной агрессии Российского общества.

Примечания

1. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5405.
2. Там же. Ф. 70. Оп. 4 а, Д. 38. Л.4.
3. Там же. Л. 4-5.
4. Там же. Л. 5.
5. Там же. Л. 5.
6. Адрес-календарь г. Иркутска на 1901 год. Иркутск, 1901. С. 21.
7. Протокол заседания Думы № 51 от 27.X. 1898 г. // Известия Иркутской городской Думы, янв. – авг. 1899. С. 63-65.
8. Там же. С. 63-65.
9. Там же. С. 64-65.
10. Сведения взяты из адрес-календаря г. Иркутска на 1901 г., но они отражают ситуацию и конца XIX в.
11. Протокол заседания Думы № 55 от 7.XII.1898 г. // Известия Иркутской городской Думы, янв.– авг. 1899 г. С. 63-65.
12. С этим решением возникла небольшая заминка: Дума утвердила право добровольного пожарного общества на пользование участком земли III-й части по Арсенальской улице, но ничего не сказала о строениях, находящихся там. В связи с этим потребовалось еще одно заседание, на котором особо оговаривалось право общества пользоваться зданиями «по мере освобождения III-ей полицейской частью», т. е. по мере строительства новых – по ул. Преображенской и переезда туда III-ей части (Протокол № 15 от 22.III.1899 г.) // Известия Иркутской

городской Думы, янв. – авг. 1899. С. 355; Восточное обозрение. 1899. 25 марта.

13. Там же. 1899. 28 янв.

14. Известия Иркутской городской Думы, янв. – авг. 1899. С. 240.

15. Восточное обозрение. 1899. 28 июля; 1900. 30 авг.

16. Там же. 1900. 19 дек.

17. О нумерации улицы в 1901 г. сведений нет, но в адресной книге за 1909 г. III-я пожарная часть отмечена по адресу Преображенская, 43.

18. Памятная книжка Иркутской губернии. Иркутск, 1914. С. 117.

19. Там же. С. 117-118.

20. Там же. С. 118-119.

21. Нева. 1989. № 8. С. 204.

22. Бородин Д.Н. Пожарная реформа. СПб., 1913. С. 23-24.

23. Там же. С. 24.

24. Бородин Д.Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых (1613–1913). СПб., 1913. С. 123.

25. Черных В.В. Полиция и пожарные в дореволюционной России: Проблемы контакта // Российские силовые структуры и общество: проблемы, история и перспективы взаимодействия. Тез. Третьей военно-историч. регион. науч. конф. 5 мая 1997 г. Иркутск, 1997.

26. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4 а. Д. 38. Л.7.

27. Там же.

28. Там же. Л. 8.

29. Там же. Л. 8-9.

30. Там же. Л.9.

31. Пожары в губерниях и областях Азиатской России за 1895–1910 годы. СПб., 1912. С. 4, 7.

32. Пожарное дело. 1994. № 5. С. 55.

33. Жданов Н.В. Об активном содействии Государственной Думы в деле борьбы с огнем // Труды VI-го международного пожарного конгресса. Т. 11, вып. 1. 1913. С. 67-68.

К истории сибирской каторги

УДК 908(470)

А.В. Волочаева

Местная власть и реформа каторжной системы во второй половине XIX века (на примере Нерчинской уголовной каторги)

Статья раскрывает взаимоотношения местной и центральной власти в Российской империи во второй половине XIX в. при организации и проведении одного из важных направлений тюремной реформы – преобразования системы каторги и ссылки (на примере Нерчинской уголовной каторги – основного места отбывания наказания ссылки в каторжные работы).

Ключевые слова: пенитенциарная система; тюремная реформа; ссылка в каторжные работы; Нерчинская уголовная каторга.

A.V. Volochayeva

Local government and reform of unbearable system in the second half of the XIX century (on the example of Nerchinsk criminal penal servitude)

Article opens relationship of the local and central government in the Russian Empire in the second half of the XIX century at the organization and carrying out one of the important directions of prison reform – transformations of system of penal servitude and the link (on the example of Nerchinsk criminal penal servitude – the main place of serving of punishment of the link in a hard labor).

Keywords: penal system; prison reform; the link in a hard labor; Nerchinsk criminal penal servitude.

Проведение буржуазных реформ в стране во второй половине XIX века и изменение системы отношений между обществом и государством, требовали переосмысления основных видов наказаний в новом российском обществе. Каторжные работы были одним из основных видов уголовных наказаний в Российской империи. Поэтому упразднение или реформирование каторги изменяло, в сущности, всю систему наказаний дореволюционной России. Нерчинская уголовная каторга занимала особое место в системе карательной политики царизма во второй половине XIX века. Численность каторжных здесь была достаточно большой – в среднем 2–4 тыс. человек [6, д. 245, ч. 3, л. 29 об.; 3, д. 5, л. 29, 40, 262; 10, с. 25-26; 25, с. 531-533]. Поэтому Нерчинский горный округ не справлялся со всей массой арестантов, которым нужно было предоставить работу, соответствующую требованиям этого вида наказания, то есть в полном объеме обеспечить режим содержания. В связи с этим, в указанный период местная и центральная власть пыталась преобразовать систему каторги.

Данная статья посвящена анализу деятельности местных чиновников тюремного и горного ведомств Российской империи, а также представителей государственной власти Забайкальской области и Главного Управления Восточной Сибири и их взаимодействию с центральными органами власти империи в деле реформирования Нерчинской уголовной каторги.

О реформе тюрем в России речь зашла в 1845 году. С тех пор при различных министерствах (в основном горном и внутренних дел), местных органах власти (Главном Управлении Восточной Сибири) собирались различные комитеты и комиссии, обсуждавшие этот вопрос, создавались проекты преобразований, большинству которых суждено было сделаться достоянием архивов. Затруднением в осуществлении этих проектов были недостаточность денежных средств и несоответствие самого значения тюремного заключения в законодательстве [10, с. 1].

К числу наиболее острых проблем тюремного ведомства России накануне преобразований относились: переполнение тюремных зданий; отсутствие в большинстве тюрем работ для

заключенных; значительные государственные расходы на содержание тюрем; неудовлетворительное состояние тюремных помещений, большинству из которых требовался либо капитальный ремонт, либо коренная перепланировка и перестройка; несовершенство законодательства, которое приводило к неразберихе в вопросах относительно условий содержания заключенных; многочисленные нарушения тюремного режима, как со стороны заключенных, так и со стороны представителей тюремной администрации. На разрешение этих проблем и были направлены помыслы реформаторов во второй половине XIX века [24, с. 17].

Нерчинская каторга в ходе проведения тюремной реформы подвергалась изменению, а в некоторые периоды реформы становилась одним из основных объектов преобразований. Можно выделить два этапа в создании и проведении в жизнь проектов реформирования каторги:

1) период 60–70-х гг. XIX в., связанный с работой правительственных комиссий и отдельных лиц над разработкой тюремной реформы.

2) период 1879–90-х гг. XIX в., связанный в большей степени с деятельностью Главного Тюремного Управления.

На протяжении первого периода, выделенного нами, работа правительственных комиссий по тюремным преобразованиям была посвящена именно разработке целостной реформы всей пенитенциарной системы, поэтому вопрос о каторге не был первостепенным (до н. 70-х гг. XIX в.). Большую же обеспокоенность система каторги вызывала в ведомстве Кабинета Е. И. В. (основного собственника земель в Нерчинском горном округе, где и отбывали наказание преступники), так как в связи с подготовкой и проведением буржуазных реформ в стране в середине XIX века возникла проблема нерентабельности труда ссыльнокаторжных на кабинетских заводах и рудниках. Поэтому было решено провести обследование Нерчинской каторги с целью определения доходности труда преступников. Это, в свою очередь, поставило вопрос сохранения наказания в виде каторжных работ. При Министерстве императорского двора в 1858 году был образован Особый комитет по Нерчинским заводам (или Сибирский комитет). Исследование каторги проводилось в 1858–1866 гг. Результаты его были отражены

в журнале Нерчинского Горного совета от 8 декабря 1867 г. и 11 февраля 1867 года. Совет высказался за продолжение и постепенное развитие серебряноцинкового производства как коренной промышленности в Нерчинском крае [4, д. 20, л. 4 об.-6], а, следовательно, и сохранение каторги. Правительство, не отказываясь от каторжных работ, пришло к мысли о том, что необходимо создать новые штаты управления. Поэтому Особый комитет высказал требование о сосредоточении в Нерчинском округе только тех ссыльнокаторжных, которые в состоянии исполнять заводские работы [26, с. 505], то есть абсолютно здоровые.

Уже во время проведения разведывательных работ в горном округе дополнительно начали поступать проекты от местных начальствующих лиц, настаивавших также на сохранении каторги в Забайкалье при условии изменения ее управления. Первым высказался Н.Н. Муравьев-Амурский, занимавший должность генерал-губернатора Восточной Сибири в 1856–1861 гг.

До создания проекта Николаем Николаевичем были подготовлены предложения в центральные органы власти по реформированию каторги – «Записка», поданная Его Императорскому Величеству в 1858 г. и обращение к государственному секретарю В.П. Буткову 1859 г. [1, с.225-227, с.229-232]. В записке генерал-губернатор писал об уменьшении доходов Нерчинских заводов и о возможных причинах этого. Муравьев-Амурский предложил передать Нерчинские заводы «во владение государственное», т. е. перевести их из горного ведомства в гражданское. В обращении к В.П. Буткову он также поднял вопрос об «оставлении детей ссыльнокаторжных Нерчинских заводов в горном ведомстве», по закону они должны были поступать в крестьянское сословие. Вопрос о передаче ссыльнокаторжных из горного ведомства в ведение военного губернатора был положительно решен со стороны Кабинета и высочайше утвержден 11 марта 1859 г., а 16 мая 1860 г. Сибирский комитет предложил Муравьеву-Амурскому разработать полный проект «положения об управлении ссыльными» и представить его на рассмотрение комитета. Осенью 1860 г. Муравьев-Амурский создал проект «особого положения об управлении ссыльными

Восточной Сибири и порядке содержания и употреблении в работу ссыльнокаторжных» [1, с. 309-310].

Проект Муравьева-Амурского рассматривался в Сибирском комитете в 1860 г. [18, д.6614, л.105], в Государственный Совет он поступил в 1863 г. [15, д.41а., л.3], к этому времени Николай Николаевич уже не занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. Проект вызвал дискуссию в Государственном Совете [18, д.6614, л.8].

Н.Н. Муравьев-Амурский предложил [7, д.3, л.38; 15, д.41а., л.3, л.16; 22, д.20073, л.86]:

- передать каторжных из горного в гражданское ведомство;
- высшее управление каторги передать начальникам губерний и областей и генерал-губернаторам; горному начальству передать заведование работами;

- в работы назначать всех ссыльнокаторжных, не исключая исправляющихся и распределять их по разрядам; в Сибирь отправлять каторжан 1 (рудники) и 3 (заводы) разрядов. Каторжных 2 разряда (крепости) здесь не должно быть, т. к. в Сибири нет крепостей;

- в условиях нехватки рудников и истощения имеющихся рудников, Муравьев-Амурский предложил заменить рудники на промыслы, т. е. прекратить серебросвинцовое производство и перейти на добычу золота.

Пока обсуждался в Государственном Совете данный проект, в 1866 году поступил проект генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова, сменившего в 1861 году на этом посту Муравьева-Амурского. В это время (в 1865 году) Сибирский комитет был «признан полезным» и присоединен к комитету министров [13, с.569], что ускорило процесс разрешения местных дел на высшем уровне, так как «все дела по Сибири теперь вносились в комитет министров».

М.С. Корсаков непосредственно коснулся проблем Нерчинской каторги, когда был Военным губернатором Забайкальской области (1855–1860 гг.). Став генерал-губернатором Восточной Сибири в 1861 г., он первоначально полностью поддержал проект Н.Н. Муравьева-Амурского. Более того, в его ведомстве был разработан «Список Временных правил для управления ссыльнокаторжными ведомства Нерчинских заводов», которые он утвердил в 1864 году [2, д.5, л.113]. По этим правилам

при Главном Управлении Восточной Сибири для заведования ссыльнокаторжными учреждалось «Временное Управление ссыльнокаторжными ведомства Нерчинских горных заводов», состоявшее из «заведывающего ссыльнокаторжными», тюремного комитета и тюремного управления. Власть горного начальника ограничивалась. В его обязанности входила забота об оказании временному управлению полного содействия по улучшению быта каторжан, а также отчисление из фонда заработанных заключенными денег на их содержание и содержание управления. Кроме того, горное ведомство должно было содействовать предстоящей передаче ссыльнокаторжных в гражданское ведомство. По всем текущим делам информация проходила через заведующего каторжными [2, д.5, л.115об.-116].

Но в 1866 году М.С. Корсаков пересмотрел основные положения проекта Н.Н. Муравьева-Амурского и создал новый вариант, основная идея которого осталась той же: создать особое управление, изъятое из-под контроля горного ведомства и концентрировавшее в своих руках хозяйственные и дисциплинарные функции [16, д.2, л.4; 18, д.6614, л.263 об.]. Также Михаил Семенович предложил [5, д. 379, л.6об.; 15, д.41а., л.188 об.; 16, д.2, л.8, л.125 об.; 18, д. 6614, л.115об.; 20, д.636, л.20об.; 26, с.514-519]:

- найти другие места для каторжных работ, так как с открытием Амура появились возможности побега; а ссылку в каторжные работы в Восточную Сибирь отменить;

- выбрать центром Сибирской каторги Алтайские заводы Кабинета;

- действие Нерчинских серебряно-свинцовых рудников сохранить, оставив их в ведении Кабинета;

- обратить внимание на устройство политических преступников;

- ходатайствовать о передаче казенной промышленности в частные руки, расширив администрацию горного правления.

Совет Главного Управления Восточной Сибири в большей степени поддержал проект. В Постановлении Совета от 14.06.1866 года указывалось [5, д.379, л.137-138об.]:

- ссылку преступников в каторжные работы в Восточную Сибирь, как несоответствующую при местных условиях требованиям закона, нужно отменить;

- изыскать другие места для каторжных работ;
- продолжить разработку рудников округа имеющимися каторжными.

Реакция на основные положения проекта полностью неизвестна. Есть данные лишь о том, что на предложение постепенного перевода каторжных на Алтай Министерство императорского двора ответило отказом [5, д.379, л.152-158 об.], а вопрос о переводе каторги в гражданское ведомство поддержало. Адлерберг (министр императорского двора) писал, что «влияние горного начальника должно распространяться только на ссыльнокаторжных, действительно в работы поступивших и ограничиваться предметами собственного до производства работ относящихся, то есть указаний, где и в каком виде работы должны быть исполнены под техническим руководством Горного Начальника. Надзор за работами, меры для предупреждения побегов, побуждение ленивых к исправному исполнению работ и взыскания по сему предмету с виновных должно уже составлять обязанность начальства преступников». При этом соглашение между горным начальством и заведующим преступниками об организации работ и количестве каторжных должно было утверждаться генерал-губернатором Восточной Сибири [7, д.3, л.6-7об.].

В конечном итоге 4 марта 1869 года царем было утверждено мнение Государственного Совета «О передаче ссыльнокаторжных Нерчинского и Петровского заводов из горного в гражданское ведомство» [11, с.190-191]. По этому положению полномочия горного ведомства и местной администрации по вопросам управления ссыльнокаторжными были разделены. Горное ведомство должно было заниматься вопросами технического оснащения и организацией работ на промыслах, рудниках и заводах Кабинета Е. И. В. На гражданское ведомство возлагался надзор за каторжными. Учреждалось Временное управление, подчиненное военному губернатору Забайкальской области. Временным оно называлось, потому что срок полномочий его определялся до разрешения вопроса об «общем преобразовании устройства ссыльных в Сибири». С этого же времени серебряноцинковые рудники были подвергнуты исследованию и замечено, что многие рудники еще не исчерпаны [21, д.19908, л.1]. В 1869 году Министерство двора согласилось принимать

ссыльнокаторжных на рудники и продолжать их разработку и выплавку серебра, но при условии, что если производство будет убыточным, то все расходы будут отнесены на счет государственного казначейства [20, д.636, л.13об.]. А в 1872 году устройство каторжных работ в Нерчинских рудниках было разрешено в законодательном порядке [14, с. 17; 21, д.19908, л.2].

Положения проектов Муравьева-Амурского и Корсакова в 70-е годы снова вызвали интерес в связи с ухудшением положения каторги, и были приняты к сведению правительственными комиссиями В.А. Соллогуба и К.К. Грота.

В 1870 годы появились и другие проекты местной власти, уделяющие внимание управлению на каторге и организации работ для преступников. В начале 70-х гг. военный губернатор Забайкальской области И. К. Педашенко предложил изменить штаты тюремного надзора за ссыльнокаторжными, так как каторжные работы, по его мнению, не достигали «ни карательной, ни исправительной цели» [17, д.331, л.5-8]. Им был разработан «проект Положения о порядке Управления ссыльнокаторжными Забайкальской области и о производстве ими работ [23, д.16, л.297-332]. По проекту преступники 1 разряда (приговоренные к работам в рудниках) поступали в работы на золотые промыслы Кабинета Е. И. В. и частных лиц и на Петровский железоделательный завод. Каторжные 2 и 3 разряда (приговоренные к работам в крепостях и на заводах соответственно) поступали в работы на рудники и заводы Нерчинского горного округа, причем год в Нерчинском округе приравнивался к полутора годам заводских. В связи с этим Управление ссыльнокаторжными «вверялось заведующим оными на золотых промыслах Кабинета Е. И. В. и Нерчинских рудников» (и, видимо, перенесено на Кару). При каждом заведующем ссыльнокаторжными должны были образовываться Комитет для «обсуждения мер к достижению нравственного исправления арестантов, изыскания способов к более правильному направлению их труда, а равно для обсуждения хозяйственных и других мер» и Канцелярия. Также в проекте предусматривался порядок определения чинов Управления ссыльнокаторжными и права и обязанности их чиновников. Проект был частично поддержан Главным Управлением Восточной Сибири, на его

основе был составлен проект «правил о порядке употребления ссыльнокаторжных Забайкальской области в работы на золотых промыслах, рудниках и заводах Кабинета Е. В.» [23, д.16, л.286а.-297], утвержденный Комиссией при МВД с небольшими корректировками [4, д.20, л.39-40].

Во второй период проведения тюремной реформы, выделенный нами, 80–90-е гг. XIX в., большое количество преобразований связано с результатами регулярных инспекций чиновников Главного Тюремного Управления на Нерчинскую каторгу. Неоднозначные оценки в организации каторжного режима и принудительных работ преступников публиковались в отчетах и записках по итогам поездки. Нередко отрицательные отзывы по данному вопросу (например, отчет комиссии В. А. Соллогуба, записки чиновника тюремного ведомства Д.А. Дриля) были близки к отчетной документации местных органов власти и представителей администрации Нерчинской уголовной каторги. Но не всегда центральная власть прислушивалась к замечаниям, выявленным местными чиновниками.

Так в начале 80-х годов начальник ГТУ М.Н. Галкин-Враский совершил поездку в Сибирь, по итогам которой были определены основные направления в развитии русской каторжной системы. М.Н. Галкин-Враский установил, что прочность каторжного режима, устроенного в одном месте, невозможна, поэтому появляется легкость побегов и затруднительность надзора [9, с.23; 14, с.72]. Но, по его мнению, Нерчинская каторга вполне отвечала требованиям действующего законодательства [14, с.74], и он предложил перевести всех каторжных из центра России в Забайкальскую область и на о. Сахалин, а каторжные тюрьмы закрыть [9, с.43]. Местная власть же считала, что каторжные работы в Забайкалье находятся в полном упадке и восстановить их в прежнем объеме невозможно. Приамурский генерал-губернатор барон Корф считал более подходящим местом для каторги о. Сахалин и предлагал в Забайкалье сохранить каторжные работы лишь в рудниках Нерчинского горного округа для осужденных к этому виду наказания в «азиатской России и восточных губерниях европейской России», всех остальных преступников – направлять на Сахалин [6, д.245, ч.3, л.29об.-31]. Но изменений на каторге не последовало.

В начале 90-х гг. ГТУ решало задачу «привести к окончательной организации управления и работ в Нерчинском горном округе и на Каре», поставленную в перспективе после 10-летнего периода работы [14, с.108].

В 1893 году генерал-губернатор Приамурского края совместно с ГТУ разработал проект нового управления, в котором определил несоответствие между управлением и надзором с действительными потребностями [22, д.20073, л.91]. В проекте предусматривалось сосредоточение политических ссыльнокаторжных в уединенном месте и подчинение их общему с уголовными преступниками надзору [22, д.20073, л.1]. Решение по проекту было дано в 1895 году утверждением императором мнения Государственного Совета «О преобразовании Управления Нерчинской каторги и об утверждении штатов Управления означенной каторгой и конвойной стражи оной» [12, с.409-411]. По этим правилам места заключения в Нерчинском горном округе подчинялись Начальнику Нерчинской каторги, который, в свою очередь, был подотчетен Военному губернатору Забайкальской области.

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода органы власти на местах предлагали ограничить этот вид наказания в Забайкалье или перенести его на другие местности, условия которых более соответствовали понятию «каторга». Некоторые представители центральной власти (представители тюремного ведомства), особенно в конце XIX века, нередко соглашались с ними, отмечая ненужность каторжных работ, их неэффективность в экономическом отношении (нерентабельность труда и большие финансовые затраты на содержание преступников) и невозможность исправления каторжных при применении этого вида наказания. Но во властных структурах мнение о сохранении тяжкого вида наказания – ссылки в каторжные работы на протяжении второй половины XIX века так и осталось преобладающим. Поэтому в проектах преобразований местной власти внимание обращалось, в первую очередь, на преобразование системы управления и сохранение труда преступников на рудниках Нерчинской каторги. Именно эти направления считались основными в деле реформирования каторги в Забайкалье.

Примечания

1. Барсуков, И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) [Текст] / И. Барсуков. М, 1891. Кн. 2. 328 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края), ф. 1 о.о., оп.1, д.919
3. ГАЗК, ф.28, оп.1, д.5
4. ГАЗК, ф.93, оп.1, д.20
5. ГАИО (Государственный архив Иркутской области), ф.712, оп.1, д.379
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. 102, оп.43, д.245, ч.3
7. ГАРФ, ф.122, оп.5, д.3
8. Гольдфарб, С. Н.Н. Муравьев (Амурский) 1809-1881 [Текст]/ С.Н. Гольдфарб // Иркутск: Из прошлого в будущее. Иркутск, 1990. - С.114-115
9. Записки начальника Главного Тюремного Управления Галкина-Враского, по командировке его в Сибирь и на о. Сахалин в 1881-1882 гг. [Текст] Б.м., 1888. 99 с.
10. Материалы для тюремной статистики России [Текст] / сост. Юферов В. Н. СПб, 1873. 262 с.
11. О передаче ссыльнокаторжных Нерчинского и Петровского заводов из горного в гражданское ведомство МВД [Текст] / 2ПСЗ. - СПб., 1873. - Т.44 за 1869 год. - Отд.1. - №46811. С.190-191
12. О преобразовании Управления Нерчинской каторги и об утверждении штатов Управления означенною каторгою и конвойной стражи оной [Текст] / 3ПСЗ. - СПб., 1899. - Т.15 за 1895 год. - № 11813. С.409-411
13. О присоединении Сибирского комитета к Комитету министров [Текст] / 2ПСЗ. - СПб., 1867. - Т.39 за 1864. - Отд.2. - № 41631. С.569
14. Обзор десятилетней деятельности Главного Тюремного Управления 1879-1889[Текст] СПб. 1890. 197 с.
15. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф.1149, оп. 6, д.41а.
16. РГИА, ф.1263, оп.7, д.2
17. РГИА, ф.1284, оп.69, д.331
18. РГИА, ф.1405, оп.58, д.6614
19. РГИА, ф. 1405, оп.76, д.5071
20. РГИА, ф. 468, оп.21, д.636
21. РГИА, ф.565, оп.5, д.19908
22. РГИА, ф.565, оп.5, д.20073

23. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока), ф.701, оп.1, д.16
24. Симатов, А. А. Тюремная реформа в России (1860–90-е гг.) [Текст] / А.А. Симатов: Автореф. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. 21 с.
25. Тюремная статистика России за 1883, 1884 и 1885 годы [Текст] / Юридический вестник. - 1887. - № 11. - С.531-533.
26. Фойницкий, И. Я. Управление ссылки [Текст] / Фойницкий И. Я. Сборник юридических статей. - СПб., 1900. Т.2. С. 448-540.

УДК 343.255.6(571.54/55)

Е.В. Иванова

**Численность ссыльнокаторжных и их распределение
по серебряным заводам, рудникам и золотым приискам Нерчинского
горного округа в первой половине XIX века**

Статья посвящена исследованию каторги как уголовного наказания в Российской империи. Рассмотрены вопросы численности ссыльных и их распределения в Нерчинском горном округе в первой половине XIX века. Статья подготовлена на основе неопубликованных архивных документов Государственного архива Забайкальского края.

Ключевые слова: ссыльнокаторжные, завод, серебряный рудник, золотой прииск, численность, Нерчинский горный округ.

E.V. Ivanova

**The number of exiles and their distribution by silver factories, mines and
gold mines Nerchinsk mountain district in the first half
of the 19-th century**

This article is devoted to hard labour as a criminal penalty in the Russian Empire. The article considers the issues of the size and distribution of the exiles in Nerchinsk mountain district in the first half of the 19-th century. The article is based on the unpublished archival documents of the State archive of Transbaikal Region.

Keywords: exil, plant, silver mine, gold mine, numerical strength, Nerchinsk mountain district.

В истории каторги первой половины XIX века остается недостаточно изученным вопрос о количестве ссыльнокаторжных и динамике их поступления на каторгу.

Архивные документы Государственного архива Забайкальского края позволяют проследить динамику поступления ссыльнокаторжных, и их численность с декабря 1797 года по декабрь 1846 года, то есть за 49 лет. В статье анализ будет производиться на основании трех дел, содержащих достаточно полную информацию[1].

Эта информация сосредоточена в пяти типах ведомостей. Ведомость первого типа составлялась в Нерчинском горном совете для Берг-коллегии и содержала статистические сведения за декабрь 1798 года. Сведения за декабрь 1797 года были обнаружены в переписке Берг-коллегии и начальника Нерчинских заводов. Ведомости второго типа составлялись приставами заводов и рудников для Нерчинской горной экспедиции. Ведомости третьего типа представляют собой сводные данные по всем заводам, рудникам и приискам Нерчинского горного округа. Эти сводные ведомости составлялись в Нерчинской горной экспедиции, на основе ведомостей второго типа. Ведомости четвертого и пятого типов являются исходящими документами Нерчинской горной экспедиции. Они были адресованы генерал-губернатору Восточной Сибири и в штаб корпуса горных инженеров. Все виды ведомостей составлялись ежемесячно. В настоящей статье используются сохранившиеся ведомости всех типов, но не в полном объеме.

Ведомости четвертого и пятого типов по количественным показателям не отличаются друг от друга, однако, ведомости генерал-губернатору Восточной Сибири были более детальные и содержали в себе больше информации. Численность ссыльнокаторжных в ведомостях второго и третьего типа не совпадала с данными, содержащимися в ведомостях четвертого и пятого типа. Таким образом, наблюдается расхождение. Общее количество ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа, отраженное в шести ведомостях второго типа за период с июля 1845 по декабрь 1849 года, было меньше, чем в ведомостях третьего и

четвертого типа, за аналогичные месяцы. Разница составляет от 194 человек в августе 1845 года до 451 человек в октябре 1846 года. В среднем за указанный период – на 304 человека меньше. Согласно ведомостям второго и третьего типов, средняя численность каторжан за указанный период составила 2992 человек. А по ведомостям четвертого и пятого типов – 3296 человек. Таким образом, ведомости четвертого и пятого типа показывают в среднем на 10 % больше каторжных, чем ведомости второго и третьего типов.

Достоверными следует считать данные, содержащиеся в ведомостях второго и третьего типов, так как чиновники Нерчинской горной экспедиции считали объективными отчеты приставов Нерчинских заводов и рудников, и составляли на их основе собственные сводные ведомости. Причины завышения количества ссыльнокаторжных в ведомостях четвертого и пятого типов в данный момент до конца не ясны. Возможно, таким способом Нерчинская горная экспедиция стремилась легализовать произведенный перерасход средств, выделяемых на содержание и оплату труда каторжан, или на случай непредвиденного увеличения количества заключенных в будущем. Предположительно, были и какие-то другие причины. В дальнейшем, для анализа численного состава уголовных ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа, будут использованы данные, содержащиеся в ведомостях второго типа.

К декабрю 1797 года на Нерчинских заводах и рудниках, а также на Петровском железоделательном заводе работало 1129 каторжан. Из них 20 человек «секретных», «присланных по секретным делам» и 7 женщин. Сто пятьдесят три человека ранее были «отпущены на свое пропитание». Однако Берг-коллегия запретила без ее разрешения увольнять ссыльнокаторжных от работ. И 150 человек приказала вернуть к работам, «... определяя старым и слабым труды, соразмерные их силам, без убытка казне и без изнурения самих (ссылных)». Такое решение объяснялось тем, что человек, способный зарабатывать себе на жизнь в частном порядке, обязан приносить пользу казне, так как при заводах и рудниках ощущался недостаток рабочих рук.

К 1839 году количество ссыльнокаторжных, работавших на Нерчинских рудниках и заводах, увеличилось до 3177 человек. А к концу 1846 года уменьшилось до 3100 человек.

Сначала рассмотрим, как распределялись ссыльнокаторжные в Нерчинском горном округе в первой половине XIX века в целом, а затем – по конкретным заводам, рудникам и золотым приискам

По подсчетам автора, в декабре 1798 года во всех заводах Нерчинского горного округа работало 529 человек, в рудниках – 683, в Петровском железоделательном заводе – 77 человек. К декабрю 1839 года эти цифры составили соответственно 1128, 1799 и 285 человек. В ведомостях за март 1840 года впервые появилась строка об использовании труда каторжан на золотых приисках в количестве 143 человек. Очень скоро, через два месяца, эта цифра достигла 466 человек. Из ведомостей видно, что почти на такое же количество уменьшилось число ссыльнокаторжных, работавших на рудниках. Это позволяет сделать вывод, что именно оттуда были переведены ссыльнокаторжные на золотые прииски. К декабрю 1846 года на заводах работало всего 786 человек, на рудниках – 954 человека, в Петровском железоделательном заводе – 272 человека. А вот на золотых приисках количество каторжан увеличилось по сравнению с мартом 1840 года в 7 раз и составило 1015 человек.

С июля 1840 года в ведомостях появилась графа «ссыльнокаторжные, находящиеся до справок в Нерчинских заводах и при Петровском железоделательном заводе». Очевидно, это были задержанные или добровольно вернувшиеся беглые каторжники, которых до установления личности, использовали наравне с другими ссыльнокаторжными на работах, а для этого требовалось время.

Теперь рассмотрим, как распределялись ссыльнокаторжные в заводах Нерчинского горного округа и Петровском железоделательном заводе. В первой половине XIX века в округе действовало шесть заводов. Самым крупным из них был Нерчинский завод. В конце 1798 года там работало 157 человек, к ноябрю 1839 года эта цифра увеличилась до 377 человек. Наибольшее количество ссыльнокаторжных пришлось на октябрь 1840 года – 469 человек. К концу исследуемого периода, к декабрю 1846 года численность ссыльнокаторжных Нерчинского завода составила 383 человека.

В Кутомарском заводе в конце 1798 года использовался труд 141 каторжника. Наибольшее количество зафиксировано в мае

1840 года – 238 человек. К декабрю 1846 года на этом заводе работало 92 человека.

В Шилкинском заводе в декабре 1798 года насчитывалось 94 каторжника. В ноябре 1839 года – самое большое количество – 216 человек. Затем численность постепенно уменьшалась и к декабрю 1846 года составила 111 человек.

Дучарский завод – четвертый по численности каторжан завод. В декабре 1798 года в нем насчитывалось 53 человека, в начале 1839 года – 237 человек, что явилось максимальным показателем за 49 исследуемых лет. В декабре 1843 года количество ссыльнокаторжных последний раз составило 123 человека и в декабре 1846 года уменьшилось уже до 85 человек.

Александровский завод в декабре 1798 года использовал труд 53 каторжан, в декабре 1839 года – 100 человек. Самое большое количество – 103 человека – пришлось на период с февраля по май 1840 года. А к концу 1846 года численность ссыльнокаторжных сократилась, как и на других заводах, и составила 65 человек.

Газимурский завод – самый малочисленный. В декабре 1798 там работал 31 человек. Более 100 человек насчитывалось только в мае 1840 года (105 человек) и в декабре 1843 года (123 человека). В декабре 1846 года в Газимурском заводе осталось 68 человек.

Петровский железоделательный завод не входил в Нерчинский горный округ, но там также использовался труд каторжных. По количеству ссыльнокаторжных он занимал второе место после Нерчинского завода. В декабре 1798 года там работало 77 человек, а в ноябре 1839 года – уже 287 человек. В дальнейшем количество каторжан на этом заводе колебалось незначительно, от 270 до 335 человек. В декабре 1846 года насчитывалось 272 человека.

В первой половине XIX века в Нерчинском горном округе действовало 10 рудников. Самым крупным из них на протяжении всего исследуемого периода был Воздвиженский рудник. В ноябре 1839 года на нем работало 415 каторжан. Максимальное количество пришлось на февраль 1840 года – 456 человек. Однако к ноябрю 1840 года их количество сократилось более чем в 1,5 раза и составило 270 человек. В дальнейшем численность работающих на Воздвиженском руднике каторжан все более

сокращалось, и к декабрю 1846 года там осталось только 162 человека.

Зерентуйский рудник был вторым по величине в ноябре 1839 года. На нем работало 328 человек. Это количество оставалось почти неизменным до декабря 1843 года, когда произошло очень резкое сокращение, до 94 каторжан. А к декабрю 1846 года там насчитывалось всего 77 человек.

Кадаинский рудник, третий по величине, в ноябре 1839 года насчитывал 315 человек. Однако, уже начиная с апреля 1840 года, на нем работало менее 200 человек, а с декабря 1843 года – менее 100. Ведомости за декабрь 1846 года зафиксировали 102 человека.

Газимуровоскресенский рудник с декабря 1798 года до апреля 1840 года использовал труд от 217 до 244 каторжан, в последующий период – менее 86 человек. С июля 1845 года Газимуровоскресенский рудник стал называться Акатуйским. В это время на нем трудилось около 150 человек.

Благодатский рудник в период с декабря 1798 до апреля 1840 года насчитывал от 155 до 171 человек, позднее – не более 88 человек. И только в декабре 1846 года численность ссыльнокаторжных на этом руднике несколько увеличилась, до 96 человек.

На Кличкинском руднике до февраля 1840 года использовался труд около 150 каторжан, с февраля до декабря 1840 года – от 36 до 90 человек. А вот с декабря 1843 года до декабря 1846 года наблюдалось резкое увеличение численности ссыльнокаторжных – до 140–158 человек.

Численность ссыльнокаторжных на Алгачинском руднике на протяжении первой половины XIX века колебалась мало, составляя от 65 до 109 человек в разные периоды.

Култуминский рудник до декабря 1843 года насчитывал 22–36 человек, а в этом месяце было зафиксировано 68 человек. К декабрю 1846 года там осталось 33 человека.

В Шилкинском руднике до октября 1840 года работало 14–15 каторжан. С октября до декабря 1840 года – от 34 до 38 человек, с декабря 1845 года до декабря 1846 года – 50–84 человека.

Самым мелким рудником, на котором работали ссыльнокаторжные, был Газимурский рудник, там трудилось от 5 до 37 человек в разные годы.

В начале 40-х годов XIX века в Нерчинском горном округе появились золотые прииски. Самыми крупными из них являлись Нижнекарийский и Верхнекарийский. Уже к декабрю 1843 года на Нижнекарийском прииске работало 305 человек, и до декабря 1846 года их количество постоянно увеличивалось, достигнув 565 человек. Верхнекарийский прииск насчитывал 209 человек в декабре 1843 года, и 308 человек в декабре 1846 года. В июле 1845 года в ведомостях появились данные еще о трех приисках: Лунжанкинском, Солтоконском и Николаевском. На Лунжанкинском прииске золото добывали 67 каторжан в июле 1845 года, и 54 человека в декабре 1846 года. На Солтоконском – 35 человек в июле 1845 года, и 70 – в декабре 1846 года. Николаевский прииск был небольшим, там трудилось 9 человек. В декабре 1845 года был открыт Ильдиканский прииск, там тоже работало 9 человек.

Итак, доступные для анализа данные позволяют сделать некоторые выводы об изменении численности ссыльнокаторжных в Нерчинском горном округе и Петровском железодельном заводе в первой половине XIX века. От начала и до конца первой половины XIX века в Нерчинском горном округе в три раза увеличилось количество ссыльнокаторжных, работавших на рудниках и заводах, с 1129 до 3120 человек. На рудниках всегда было задействовано больше ссыльнокаторжных, чем на заводах. В начале XIX века эта разница составляла 3 %, в конце 1839 года – 37 %, в конце 1846 года – 21 %. Последнее десятилетие первой половины XIX века отмечено быстрым ростом золотодобывающей промышленности. Если в марте 1840 года она отвлекла только 4 % общего количества рабочих рук каторжан, то к декабрю 1846 года это количество возросло до 33 %.

Наибольшее количество ссыльнокаторжных работало на Нерчинском заводе и Петровском заводе. Количество работающих ссыльнокаторжных на них в отдельные периоды превышало 300–400 человек. Численность Кутомарского, Шилкинского, Дучарского заводов достигала более 200 человек, а Александровского и Газимурского заводов – более 100 человек.

Наиболее крупными рудниками в Нерчинском горном округе являлись Воздвиженский и Зерентуйский, на которых работало от 300 до 400 каторжан. Кадаинский и Газимуровоскресенский (Акатуйский) рудники в период расцвета использовали труд бо-

лее 200 ссыльнокаторжных, Благодатский, Кличкинский рудники – более 100 человек. Самыми мелкими рудниками были Газимурский, Шилкинский, Култуминский и Алгачинский, на которых использовался труд не более 100 человек. При этом на Газимурском руднике не было и 50 каторжан.

Из золотых приисков самым крупным был Нижнекарийский, насчитывавший к середине XIX века более 500 ссыльнокаторжных. Более 300 человек трудилось на Верхнекарийском прииске. На Солтоконском и Лунжанкинском приисках работало менее 100 человек, на Ильдиканском и Николаевском – менее 10.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что к середине XIX века добыча и выплавка серебра в Нерчинском горном округе значительно сократилась. А вот золотодобывающая промышленность, возникнув в 40-х годах, быстро развивалась. На золотых приисках, наряду с вольнонаемным трудом, интенсивно применялся и труд ссыльнокаторжных, которые переводились туда с истощенных серебряных рудников и остававшихся заводов. Перевод заключенных с рудников и заводов диктовался удовлетворением интересов казны и кабинета. Рабочая сила направлялась туда, где в ней в определенное время больше всего нуждались эти институты.

Примечания

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 382. Л. 11 об.; Д. 1216. Л. 11–314; Оп. 2. Д. 85. Л. 152–709.

УДК 94(470)

З.В. Мошкина

«Конституция» политических заключенных Нерчинской каторги второй половины XIX века

Статья посвящена анализу кодекса поведения, составленному государственными преступниками в период отбывания наказания на каторге. С помощью своей «конституции» заключенные пытались выжить и защититься от репрессивного режима государственной власти.

Ключевые слова: радикалы, режим на каторге, «конституция», формы и правила поведения, борьба и выживание.

Z.V. Moshkina

«Constitution» of political prisoners of Nerchinsk penal servitude of the second half of the XIX century

Article is devoted to the analysis of the code of the behavior developed by the state criminals in the period of stay on penal servitude. By means of «constitution» prisoners tried to survive and escape from a repressive mode of the government.

Keywords: radical movement, mode, «constitution», forms and behavior rules, survival.

Во второй половине XIX века в рядах радикального движения России сложилась договоренность об обязательной форме поведения [15, с. 93]. Было принято соглашение о том, что нужно говорить и делать в случае, если обнаруживалась за революционером слежка, если возникла угроза ареста, или арест уже состоялся и задержанные находятся под следствием. Более того, оказываясь в различных конспиративных обстоятельствах, соприкасаясь с властью, а также, взаимодействуя внутри оппозиции, члены его должны были выбирать такую тактику поведения, которая позволяла бы выйти из критических обстоятельств с наименьшими потерями, не уронив чести борца за народное дело, за возвышенные идеалы. Несмотря на слабость самого движения, эти правила появились в среде народничества уже в шестидесятые годы. Наличие предварительных договоров становилось неизбежной необходимостью в связи с широкомасштабной репрессивной политикой, развернутой самодержавием против революционного движения страны. Царизм в этой борьбе использовал средства всех разновидностей. Одновременно с выработкой поведенческой доктрины в рядах революционеров происходило формирование специфических морально-нравственных ценностей, которые согласовывались с кодексом поведения. О том, что в тайном обществе существуют правила поведения, подтвердил в своих воспоминаниях шестидесятник С.Г. Стахевич. О них он написал позднее, отбывая наказание на Нерчинской каторге [13, с. 117].

Политкаторжане, наученные опытом борьбы с репрессивными государственными органами на воле, решили составить и применить подобные правила для того, чтобы обеспечить себе выживание и в условиях каторжного заточения. Главным предназначением «конституции», так политзаключенными стали называться эти правила, было сплочение коллектива, с помощью которого они могли бы продолжить борьбу с самодержавием, сохраняя человеческое достоинство и облик революционера, человека особенного, с незапятнанной репутацией, что всегда являлось их гордостью. Убежденность в исключительности своих товарищей присутствует во всех мемуарах, в них рисуются образы, отмеченные героическим и жертвенным поведением, положительными личными качествами.

Оформилась «конституция» во второй половине шестидесятых годов, после того, как всех государственных преступников, в том числе и Н.Г. Чернышевского, сосредоточили в Александровском заводе, одной из тюрем Нерчинской каторги. Содержание «конституции» сохранил и пересказал в своих воспоминаниях М.Д. Муравский, один из политических каторжан шестидесятых годов [9, с. 59-61].

О том, что в Александровской тюрьме существует кодекс под заглавием «Устав общества изгнанников в Александровских казармах», подписанный 52 лицами, местное начальство на уровне генерал-губернатора Восточной Сибири было осведомлено. В своем предписании от 11 октября 1866 года Нерчинскому коменданту, под надзором которого находилась тюрьма, генерал-губернатор сообщил о том, что среди заключенных существует договоренность о запрещении вести без свидетелей частные переговоры с начальством. А для устройства внутреннего быта заключенные из своей среды выбрали старосту и учредили общую кассу[4].

К такой инициативе политкаторжан и местная, и высшая власти относились отрицательно, прилагая усилия по запрету всякой самоорганизации их внутренней жизни. И в данном случае, от коменданта потребовали запретить письменные принадлежности в тюрьме, закрыть лавочку, которую основали политкаторжане, не выдавать им на руки деньги, предназначенные для улучшения питания. А продовольствие выдавать для каторжан только в руки артельщика. Подобные предписания исполнителям надзора за режимом в политической тюрьме поступали регулярно.

«Конституцию» политкаторжане начали составлять уже в ходе наблюдений за действиями властей по дороге на каторгу. Они заметили, что положение заключенного в местах содержания в Сибири, следовательно, в будущем и на каторге, во многом зависело от настроения местного начальства. Причем, там, где больше было начальников, там подневольным заключенным жилось хуже. Значит, было очень «важно на какую ногу поставить себя с начальством» [9, с. 60]. То есть, чтобы оградить себя от произвола, защититься и добиваться для себя более сносных условий существования, они решают составить правила, по которым собирались строить отношения с тюремным начальством, при этом не отступать от своих принципов. А сделать это было непросто.

«Конституция» шестидесятых годов, дошедшая до наших дней по воспоминаниям М.Д. Муравского, состояла всего из четырех положений. Первое было сформулировано следующим образом: «Не следует заводить с начальством панибратских отношений, а следует (с соблюдением всяких наружных вежливостей) постоянно давать ему чувствовать, что де, знай свинья свое корыто». Из этого правила видно, что в первую очередь политические ссылнокаторжные народники стремились защитить свое достоинство. Они не желали склонять голов перед начальствующими лицами, унижаться перед ними. Считали, что с начальством следует быть сдержанными, дистанцироваться, не заводить близких отношений. В то же время, так как общение с начальством было реальностью неизбежной, контакты с ним должны были происходить с соблюдением признаков формальной вежливости. Это правило действовало в том случае, если само начальства не переступало черту, и не прибегало к оскорблениям.

Следующее правило предостерегало заключенных от неосторожных и непродуманных действий, которые могли привести к тяжелым последствиям. В нем содержался призыв не заводить «историй», то есть острых конфликтов и протестов из-за пустяков, таких как незначительная недостача пайкового хлеба, или из-за нарушения сроков выдачи нижнего белья. Протесты по мелочам, по мнению политкаторжан, истощали силы, в конечном итоге результаты могли оказаться незначительными, поэтому их предлагалось мягко избегать, уклоняться.

А вот что надо делать, чтобы протест оказался действенным и результативным, об этом речь шла в третьем правиле. Отказываться от борьбы с тюремным режимом политкаторжане не собирались, так как считали, что находятся в своеобразном плену у своих врагов. А с врагами бороться необходимо, да она у них считалась просто неизбежной. Начинать ее надо было с подачи жалобы начальству, но с учетом того, что требования надо заявлять только такие, на выполнение которых можно рассчитывать. То есть рекомендовалось не выдвигать заведомо неисполнимых требований и протесты не начинать. Стараться предъявлять такие требования, которые начальство будет склонно выполнить. Все это желательно сопровождать внешней покорностью заключенных. Количественный рост заявлений и следующих за ними уступок со стороны тюремной администрации, по расчетам заключенных, могли постепенно изменить качество режима, смягчить его.

В четвертом правиле содержались рекомендации о том, как себя вести в том случае, если протест заявлен. Стоять надо «не уступая ни йоты», то есть до конца, чего бы это ни стоило. Иначе противоположная сторона сможет получить преимущества, а протестующие проиграют и потеряют моральное превосходство. Этого допускать нельзя ни в коем случае.

Определяя формат поведения в условиях содержания каторжного режима, политкаторжане допускали, что им придется когда-нибудь, защищая себя применить физическую силу, даже прибегнуть к крайним мерам. Но выбирать форму поведения заключенные собирались с учетом настроения и состояния духа, как самих заключенных, так и тюремной администрации. То есть, рекомендовалось не «лезть на рожон». В случае если тюремное начальство настроено решительно, лучше протестных кампаний не начинать. «Конституция» была составлена как боевое руководство для политкаторжан. В ней признавалась необходимость и неизбежность бунтов против власти, она настраивала на продолжение борьбы.

Однако в истории пребывания шестидесятников на каторге фактов громких коллективных протестов не было. Самое значительное, что они сумели сделать – это обустроить тюремный быт. Постепенно добились разрешения администрации завести артельное хозяйство с общей кассой, которая существовала в форме

коммуны, каждый член ее имел личный счет. Заложили огород, закупили домашний скот, правда, не всегда умело ухаживали за ним. Попытались завести лавочку, в которой продавали товары и продукцию, которую пытались изготовить собственными руками, например колбасу и мыло, оказавшиеся не очень хорошего качества. Пользуясь тем, что надзор осуществлялся в то время не очень строго, устроили в тюрьме богатую и содержательную библиотеку. Для управления всем хозяйством избирали старосту и библиотекаря. Чтобы занять свободное время и не мешать друг другу, не шуметь, установили режим дня, устраивали развлечения, в этих мероприятиях принимал активное участие и Н.Г. Чернышевский. Он проводил среди молодых единомышленников политическую пропаганду, учил их разбираться в общественных вопросах. Авторитетом Николай Гаврилович пользовался среди заключенных высочайшим [7, с. 3-18].

Разнообразить жизнь в тюрьме, организовать ее так, чтобы разрушить ее будничность, суметь защитить себя от произвола администрации – вот те задачи, которые решали шестидесятники. Как выразился один из них, И.Г. Жуков, «острог являлся для человека иной культуры каким-то подавляющим душу стихийным чудовищем» [6, с. 249]. Этому «чудовищу», изнуряющему однообразию, абсолютной зависимости от администрации, ужасному быту и постоянному голоду, политкаторжане противопоставили свою сплоченность.

Единственное, что в 1860-е годы они не могли себе позволить, так это применить крайние формы протестов и совершать побег. Между политкаторжанами Нерчинской каторги тех лет сложилось общее негласное соглашение, которое связано было с именем их идеолога и учителя, с Н.Г. Чернышевским. Осознавая значимость этой личности в общественной жизни страны, они старались оградить его как от бытовых трудностей, так и от репрессий со стороны властей. Были опасения, что в случае побега заключенных, к нему могут применить репрессивные меры, значительно ухудшив условия содержания. Исходя из таких соображений, шестидесятники не заводили между собой разговоров и не планировали побега из тюрьмы, хотя, возможно, в тайне думали о нем. Зато при помощи «конституции» им удалось существенно перестроить порядок содержания и не конфликтовать с тюремной администрацией. Более того, не теряя надежды на

возвращение в революцию, и, чтобы быть в курсе дел, продолжали свое интеллектуальное развитие и следили за событиями в стране и в мире.

В семидесятые годы условия содержания политкаторжан на Нерчинской каторге изменились. Во-первых, их перевели в новый тюремный район, где добывалось трудом уголовных заключенных недавно открытое на реке Каре золото. Во-вторых, в результате рассредоточения их по уголовным тюрьмам, первое время связь между ними распалась, что не способствовало сплочению и согласованию действий, разобщало их. Каждый жил своими планами. Например, Е. Брешковская мечтала организовать побег для П. Успенского, а он, в свою очередь, после прибытия на Кару Н. Армфельд, М. Ковалевской, М. Кутитонской и Е. Сарандович, начал в одиночку подготовку побега для них. Для этого он соорудил в сопке укромное место, куда складывал необходимые для этой акции вещи [11, с. 30-31]. Остальные заключенные его инициативу не поддержали. Побег в конечном итоге не состоялся.

Но как только большую часть политзаключенных сосредоточили в одном месте и перевели на содержание вне тюрьмы, они тут же договорились между собой о форме коллективного поведения. Мотивировали они свою договоренность тем, что жизнь заключенных протекает без особого контроля со стороны администрации. И пока будет существовать на Каре подобный режим, не провоцировать репрессий своими действиями, сохранив, таким образом, благоприятные условия и на будущее [1, с. 116].

Во многом поведение семидесятников определялось тем, что они по составу принадлежали к мирным пропагандистам. Это С. Синегуб, Н. Чарушин, Л. Шишко и другие. Основное внимание они сконцентрировали на идейно-теоретических исканиях, дискуссиях между собой и с прибывшими на Кару первыми представителями зародившегося в стране террора, который подвергли осуждению, особенно такие действия как ограбление почт, казначейств, банков. Подобное им казалось проникновением «уголовщины» в революционное движение, которое давало удобное оправдание правительству для репрессий против политических борцов, дискредитировало их и унижало в глазах общественности.

По мнению заключенных, тот благоприятный режим, который в последние годы седьмого десятилетия установился, был результатом того, что заведующим Нерчинскими ссыльнокаторжными в то время на карийских золотых промыслах был подполковник В.О. Кононович. Они его считали порядочным человеком, который не был способен на злоупотребления и преследования. Этот «сносный» режим содержания времен Кононовича они и старались сохранить. К тому времени Кононовичу удалось их перевести на содержание вне тюрьмы.

Но как только Кононович отбыл в свой законный отпуск, атмосфера на каторге резко изменилась. Заместитель Кононовича ужесточил режим содержания. Политкаторжане почувствовали, что над ними нависает серьезная угроза. Это заставило их собраться вместе на квартире П. Успенского, чтобы договориться, как себя вести дальше и внести коррективы в прежнюю договоренность. Решили, что теперь всем заключенным с начальством необходимо вести себя так, чтобы не давать никаких поводов для претензий и придинок, следовательно, лишить их возможности применять к заключенным меры воздействия, которые, как им казалось, обязательно будут репрессивными по характеру. А для этого стараться не встречаться с новым начальником, избегать с ним столкновений, даже не ходить по главным дорогам, пользоваться обходными путями.

Но принятый всеми вариант такого, несколько наивного поведения, вовсе не означал, что политические отказались от защиты по фактам нарушения их интересов. Они предусмотрительно договорились о ситуациях, при которых допустимо было открытое противостояние. В случае применения администрацией телесного наказания, требовалось действовать решительно, не отступать, не пасовать, идти на крайние меры, вплоть до мести тюремному начальству, даже покушаться на их жизнь. По необходимости приходилось на помощь своим товарищам. Ощувив наступление очередного этапа ужесточения режима содержания, политические заключенные каторги вновь обращаются к испытанному средству противодействия властям, к согласованию коллективного поведения.

Усиление репрессивного характера режима содержания политкаторжан в начале 80-х годов было вызвано изменением общей обстановки в стране. В конце 1880 года, после новогоднего

праздника в стране повышается накал правительственной борьбы с политической оппозицией. Коснулась она и тех, кто находился в заточении во всех российских местах заключений, в том числе и на Нерчинской каторге. Ужесточение режима началось с отмены содержания политкаторжан вне тюрьмы. На эту меру заключенные ответили по-разному. Те, у кого заканчивались сроки каторжных работ, их ожидало скорое освобождение из заключения, решили не рисковать, и чтобы не увеличивать срок каторги, без сопротивления пошли обратно в тюрьму. Единицы не смирились. В результате произошли и трагедии. Не захотел возвращаться в тюрьму Е. Семяновский, который посчитал, что нового тюремного заключения по состоянию здоровья он не выдержит, поэтому покончил жизнь самоубийством [12, с. 7].

В это же время происходят значительные изменения в составе заключенных Нерчинской каторги. Прибывают женщины, а также представители террористического направления, которые поступают регулярно группами по несколько десятков человек. Численность политкаторжан увеличилась в десятки раз. Появление террористически настроенных заключенных, привело к решительным протестным выступлениям, групповому побегу в мае 1882 и массовому самоубийству в ноябре 1889 годов. Новое поколение заключенных, также как их предшественники, составили свою тюремную «конституцию». Но необходимо заметить, что их «конституция» имела свою отличительную особенность, которая заключалась в том, что определение формы поведения заключенных происходило предварительно после всеобщего обсуждения и по каждому конкретному случаю. То есть, если что-то назревало, заключенные в обязательном порядке заранее обсуждали проблему на общих сходках, а затем принимали коллективное решение, которое становилось обязательным для всех, выбора уже не было. Если же не было возможности провести общее собрание, то мнение заключенных выяснялось по камерам конспиративным путем.

Из-за многолюдности камер возникла потребность установить внутренний повседневный распорядок, который был сформирован с учетом персональных привычек, индивидуального графика занятий, режима сна и отдыха и психологической совместимости. Необходимость соблюдения правил общежития вызывалась тем, что заключенные круглосуточно, исключая прогулки, нахо-

дились в тюремном помещении. В договоренность также включался и регламент повседневной бытовой жизни: приготовление пищи, уборка камер, зимой отопление и уборка жилых помещений и бани. Например, добившись от властей права иметь одну на всех заключенных швейную машинку, они установили закон, по которому камера пользуется швейной машинкой только 5 дней, а затем переходит по очереди следующей камере [14, с. 55]. В женской тюрьме договаривались об установлении молчания в коридоре в течение двух дней в неделю.

Сказать, что проблем при исполнении «конституции» не возникало, нельзя. Были случаи, когда коллектив заключенных по причине идейно-теоретических разногласий терял единство, тогда появлялось несколько группировок, каждая из которых оставляла за собой право выбора поведения, особенно в конфликтах с администрацией. Например, такая обстановка сложилась в 1882 году, когда одна часть настаивала на подготовке побега, а другая считала, что побег не имеет смысла. Мужчины в таких ситуациях оказывались более сплоченными, солидарными и здоровомыслящими, хотя и среди них имелись разногласия. Но они, в силу своих психических особенностей, проявляли большую устойчивость. Женщины же чаще ссорились между собой, в основном по идейным расхождениям, впадали в истерику, находились в пограничном состоянии и заболели психически.

Иллюстрацией расхождения в поведении заключенных по половому признаку может стать знаменитая Карийская трагедия 1889 года [8, с. 78-86]. Несколько женщин предлагали в знак протеста начать всеобщую голодовку и бойкот начальнику тюрьмы. Мужская тюрьма к предложению женщин отнеслась неоднозначно. Автор воспоминаний, написанных в тюрьме во время этих событий, Стефанович Я. засвидетельствовал, что в мужской тюрьме никому не было охоты раздувать эту историю, даже сторонникам крайних мер [14, с. 12]. И только после длительных и мучительных переговоров мужская тюрьма поддержала женщин.

Преодолевая разногласия, политкаторжане восьмидесятых годов, все-таки, сформировали свой кодекс поведения, который заключал в себе две основные цели, совпадавшие с целями предшественников. Первая – сохранить свою жизнь и выжить в суровых условиях. Поэтому обращали внимание на разрешение бытовых

проблем. С этой целью старались улучшить по возможности материальное обеспечение, объединившись в хозяйственный коллектив, который между собой по-прежнему продолжали называть артелью. Вторая их цель состояла в сохранении традиций радикального оппозиционного движения, его главных идейных ценностей, которая также походила на предыдущую «конституцию» шестидесятников и семидесятников. Они считали, что и на каторге продолжают служить народу, поэтому были убеждены, что нельзя прекращать сопротивление властям, а также «объявлять начальству о перемене убеждений».

Заключенные отказывались выполнять многие режимные требования: носить тюремную одежду, позволять стричь волосы на голове, встречать тюремное начальство по стойке смирно, ходить на церковные молебны, не носили кандалы, снимая их самовольно. Особый протест они выражали по поводу применения к ним телесного наказания, которое рассматривали как унижение чести и достоинства. Было общеизвестно, что все радикалы на применение телесного наказания отвечают покушением на жизнь того, кто приказал исполнить наказание, либо на жизнь собственную. На политической каторге тюремщики, опасаясь последствий, не применяли телесное наказание. Единственная попытка во время Карийской трагедии в ноябре 1889 года привела к массовому самоубийству заключенных. Верность идеалам, преданность товарищам – вот те качества, которые старались сохранить в себе политические узники Нерчинской каторги.

Бытовая и экономическая стороны жизни заключенных 80-х годов строились на принципе «равные права и равные обязанности всех заключенных» политической тюрьмы. Все материальные ценности, деньги, книги, одежда, присылаемые заключенным, поступали в общую собственность, а деньги в общую кассу, частная собственность не допускалась. В общем пользовании находилась богатая и разнообразная библиотека, которой они активно пользовались для занятий. Поступления эти были нерегулярными и не всегда достаточными.

Некоторые заключенные не получали материальной поддержки. Поэтому размер суммы в кассе в разное время колебался. То сумма оказывалась минимальной, то достигала размера достаточной для небольшого улучшения питания. Содержимое кассы де-

лилось поровну между всеми заключенными. Личных счетов не было, хотя на руки выдавались равные для всех суммы, обычно на мелкие личные расходы, которые тратились по их собственному усмотрению. Все средства находились у начальника тюрьмы и им же выдавались. Львиная доля средств поступала на улучшение питания. Продукты закупал избираемый на общем собрании староста в местных торговых лавочках. Были промежутки времени, когда старосте разрешалось выходить и без охраны в сопровождении кого-нибудь из заключенных. Он же вел подсчеты доходов и расходов. Заключенные заказывали письменные и почтовые принадлежности, сахар, табак и так далее. Приобреталось все это также через старосту, который имел право периодически, под охраной выходить за покупками за ограду тюрьмы.

По установленному порядку, староста по требованию как тюремного коллектива, так и по частному запросу, периодически отчитывался в состоянии артельного бюджета или личного счета. Сообща, на общем собрании решались заключенными выявленные во время отчета финансовые проблемы. Одежду и другие вещи, так как всем ее не хватало, распределяли между собой по жребью. Таким образом, люди жили за счет уравнительного и солидарного распределения. Несомненно, что стремление к равенству у некоторых заключенных, как утверждал Дейч Л., доходило «чуть ли не до мании, иной чувствовал даже неловкость, что ему родные посылают то ту, то другую вещь, когда другим ничего не посылают» [5, с. 143].

Но не всегда артельные отношения у восьмидесятников держались на полном и всеобщем равенстве. По своим идейным взглядам состав заключенных был неоднородным. Он делился на непримиримых радикалов, на уравновешенных и рассудительных сторонников взвешенных поступков, и тех, кто в скором времени должен был выйти на поселение, следовательно, не был заинтересован в участии в громких протестных выступлениях, а также склонных к тихой и спокойной жизни в тюрьме. Численное соотношение между этими группами менялось, и не было стабильным. Временами, когда по перечисленным обстоятельствам возникали споры, внутренние разлады, обострялись отношения и из-за личных споров или из-за несхожести взглядов. В таких случаях некоторые члены артели по доброй воле выходили из нее.

В женской тюрьме чаще всего изгнание из артели случалось из-за расхождений во взглядах, чем по причине личной неприязни. Женщины намного тяжелее переносили условия каторжного существования. В мужской тюрьме, где совершились все случаи подачи прошений о помиловании, эти поступки рассматривались как предательство и позор, а следствием становилось безоговорочное изгнание из артели. Что означало, что этих людей изгоняют из среды революционеров как случайных. «Припадать к стопам» монарха считалось среди большинства политкаторжан позором. Даже вступать в разговор один на один с представителями тюремной администрации по «конституции» было запрещено. Только староста, уполномоченный товарищами, имел право вести с начальством переговоры.

По причине обостренного чувства деликатности из артели выходило те, кто не получал помощи. К ним в коллективе было особое отношение. Чтобы они не испытывали себя ущербными, товарищи находили способы для того, чтобы не оставлять их без материальной помощи, зачастую выдавая ее в долг [2, с. 120].

Необходимо заметить, что привлечение дополнительных средств на улучшение питания заключенным было разрешено самой властью. В инструкциях для непосредственных исполнителей надзора за государственными преступниками, то есть администрации каторги, рекомендовалось заводить тюремные артели и выборных старост [4]. Причиной тому было недостаточное финансирование из казны содержания политкаторжан. Средств на питание в тюрьме не хватало, временами ее обитатели голодали. Государственная власть шла на улучшение питания, но за счет самих заключенных.

После процедуры слияния политической каторги с уголовной в начале 90-х годов тюремная артель значительно изменилась. Местом их содержания становится тюрьма в руднике Акатуй. Политкаторжане оказались вместе с уголовниками в одной тюрьме и в общих камерах, наравне с уголовниками их стали привлекать к работам, в полном объеме применять общеуголовные нормативно-правовые положения. Они вынуждены были сдавать все свои средства в общий с уголовниками котел, исполнять и терпеть порядки и издевательства уголовников. Случались даже покушения на жизнь политкаторжан со стороны уголовных главварей. Пользуясь численным преобладанием, уголовные преступ-

ники избирали старосту из своей среды. В качестве иллюстрации невыносимых бытовых условий, в которых оказались в тот период политкаторжане, может служить описанная М.П. Орловым раздача старостой обеда в камере: «Мясо (политзаключенные. – З.М.) редко брали, так как староста сморкался в руку, а потом этими же руками делил его» [10, с. 110].

Изменилась и «конституция». В новом виде она содержала три положения. Во-первых, при встрече с начальством допускалось снимать шапки. Во-вторых, на вечерней поверке стоять без шапок, надевать их по команде, присутствовать при молитве, но молча [10, с. 107]. «Конституция» заметно изменилась. Политкаторжане допустили значительное количество уступок. Но это не освобождало заключенных от личных протестов в одиночку. Для коллективного протеста из-за разобщенности у политкаторжан не было сил. Выход они находили в работе, которую исполняли добросовестно. К тому же работа освобождала их от утомительного и однообразного пребывания в закрытых помещениях, да еще и в присутствии враждебно настроенных уголовников [16, с. 25].

«Конституцию» политкаторжане второй половины XIX века создавали для того, чтобы элементарно выжить в тех условиях, которые приготовило для особо опасных преступников государственная власть. Пока их содержали вместе, они за долгие годы совместными усилиями создали кодекс поведения и сделали его обязательным для всех. С помощью «конституции» политкаторжанам удавалось временами, преодолев сопротивление начальства, создавать достаточно сносные условия существования. Даже несмотря на то, что между заключенными существовали сложные и противоречивые отношения. Только общими усилиями, коллективно удавалось физически выживать, бороться с голодом, бытовой неустроенностью, поддерживать друг друга морально.

Не у всех узников получалось терпеливо сносить наказание. В поведении некоторых заключенных, отмечалась склонность и к необдуманному импульсивным действиям и к желанию отступить от моральных принципов революционного сообщества. Обычно таким настроением отличались слабые духом и уставшие от длительного заключения. Общее согласие, поддержка сокамерников препятствовали отступничеству, помогали сохранять принципы и человеческое достоинство. Вероятно поэтому число политкатор-

жан, подавших прошение о помиловании, было небольшим. Да и те принадлежали в большинстве к людям, случайно примкнувшим к революционной среде. Только после соединения политических заключенных с уголовниками «конституция» утратила свой боевой характер.

Примечания

1. Богданов С. Присяжный поверенный Е.С. Семяновский – первый кариец / Былое. 1906. № 11. С. 111-118.
2. Виташевский Н.А. На Каре / Голос минувшего. 1914. № 8. С. 110-147.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1по., оп. 2, д. 52, л. 163.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102, 2 ДП, д. 436, л. 53; ГАЗК. Ф. 1по., оп. 1, д. 696, л. 7-10, д. 683, л. 29-31.
5. Дейч Л.Г. Шестнадцать лет в Сибири. М. 1924. С. 248.
6. Жуков И.Г. Воспоминания шестидесятника // Литературный Саратов. 1947. С. 247-274.
7. Мошкина З.В. Хозяйственная деятельность заключенных Нерчинской политической каторги во второй половине XIX в. // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XVIII–XIX вв.). Чита, 1989. С. 3-18.
8. Мошкина З.В. Поведение политзаключенных женщин и Карийская трагедия 1898 года // Гуманитарный вектор. Чита. 2008. Вып. 2 (14). С. 78-86.
9. Муравский М. Ссылка и каторга в 60-х годах (отрывок из письма Муравского) // Былое. Загран. изд. 1903. Кн. 4. С. 58-65.
10. Орлов М.П. Об Акатуге времен Мельшина // Каторга и ссылка. 1928. № 11 (48). С. 106-117.
11. Синегуб С.С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. № 9. С. 85-108.
12. Синегуб С.С. Указ. соч. // Русская мысль. 1907. № 11. С. 1-15.
13. Стахевич С.Г. Среди политических преступников // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1928. Т. 2. С. 55-124.
14. Стефанович Я. Дневник карийца. СПб., 1906. С. 168.
15. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 335.
16. Фрейфельд. Л.В. В горах Акатуга. М., 1930. С. 66.

УДК 9(571.1/.5)«19»

М.В. Шиловский

**Революционеры на сибирской каторге (1906 – февраль 1917 г.):
поведенческие стереотипы и специфика участия в протестных акциях**

Статья посвящена изучению морально-этических норм поведения политических ссыльных в каторжных тюрьмах Сибири, рассматривавших, как известно, пребывание в заключении в качестве продолжения борьбы с государственным строем.

Ключевые слова: революционное движение, поведенческие стереотипы, протестные акции, Нерчинская каторга.

M.V. Shilovsky

**Revolutionaries on the Siberian penal servitude (1906 – February, 1917):
behavioural stereotypes and specifics of participation in protest actions**

Article is devoted to studying of moral ethical standards of behavior of political exiled in the unbearable prisons of Siberia considering, as we know, stay in the conclusion as continuation of fight against a political system.

Keywords: revolutionary movement, behavioural stereotypes, protest actions, Nerchinsk penal servitude.

Генезис российского революционного движения, начиная с декабристов, поставил, в том числе, перед его участниками комплекс вопросов, связанных с выработкой линии поведения во время следствия, на суде, в местах отбывания наказания, организации помощи политзаключенным и протестных акций, направленных на отстаивание их групповых интересов. С другой стороны, реальное положение осужденных в тюрьмах, на каторге, в ссылке существенно отличалось от предписаний соответствующих нормативных документов. Применительно к декабристам данное обстоятельство констатировала Т.А. Перцева, подчеркивая, что создавая особую систему надзора за массовой политической ссылкой, император Николай I стремился «локализовать и по возможности изолировать это явление. Причем, охранять эта система должна была не только образованное российское и еще не достаточно образованное, но стремящееся

к образованию сибирское общество, но и маргинальную среду каторжников и ссыльных»¹. Кстати, именно декабристы для организации материальной помощи своим товарищам создали в 1829 г. специальную организацию – Малую артель².

С петрашевцами ситуация выглядела иначе. Сосланные на Нерчинскую каторгу М.В. Петрашевский, Н.А. Спешнев, Н.А. Момбелли, Ф.Н. Львов и Н.П. Григорьев никогда не употреблялись в каторжные работы. Зато этапированные в Западную Сибирь Ф.М. Достоевский, С.Ф. Дуров, Э.-Ф. Толь, М.-Ф. Ястржембский работали на каторге наравне со всеми заключенными и жили вместе с ними в общей казарме³.

В отношении участников польского восстания 1863–1864 гг. в секретной записке министру внутренних дел А.Е. Тимашеву от 31 января 1873 г. коллежский советник В. Власов отмечал, что в зданиях закрытого Александровского завода и при Алгачинском руднике содержится 262 ссыльнокаторжанина из числа поляков, из них «пришлось видеть на казенных работах только 8 при руднике разбивавших руду на поверхности. От подземных же работ они отказываются и, по расспросам моим горных служителей, во все время ссылки поляков, они избегали тяжелого труда, а заведывавшие ими лица не принимали никаких принудительных мер». Преступники предоставлены сами себе в плане приготовления пищи, одежды. Почти в каждой тюрьме существуют оркестры музыки, разыгрывающие пьесы. По части труда внутри тюрем введены преступниками следующие занятия: сапожное, портняжное, слесарное, токарное, кожевенное производство; фабрикация папирос, мыльная фабрика и колбасная. Все работы производятся для продажи на сторону без вычетов в казну... Для сбыта своих произведений, для принятия заказов и для разных покупок политические преступники расхаживают с конвойными по тем селам, в которых находятся тюрьмы». Чиновник констатирует: «Допущенные в среде преступников подобного рода уклонения от правил и предоставленная им свобода в ведение хозяйства образовала из них какую-то общину, действующую довольно самостоятельно: при Алгачинском руднике они завели своих свиней, производят хозяйственные работы и разумеется готовят пищу, далеко удалившуюся от продовольствия каторжных. Но, помимо этой общины, поляков сплачивает в компактную массу их содержание совершенно изо-

лированное от других преступников. Совместное жительство в одном здании людей одной религии, одного языка и притом одних стремлений, как нельзя более способствует поддержанию в них политических традиций и увлечений. Если бы кому-либо из них и вздумалось раскаяться в своих прежних заблуждениях, то упреки закоренелых в своих понятиях товарищей в измене общему делу и в политическом отступничестве, помешают этому благу перевороту в образе мыслей преступников»⁴.

С конца 1890-х гг. на каторге оказались социал-демократы, эсеры, анархисты. После подписания манифеста от 17 октября 1905 г., указом от 21 октября 1905 г. политические заключенные были амнистированы. Но с начала 1906 г. каторжные тюрьмы снова начали заполняться ими. Первые два ссыльнокаторжанина прибыли на Нерчинскую каторгу 4 января 1906 г. Всего на начало декабря 1907 г. в Зерентуйской, Акатуевской, Мальцевской и Алгачинской тюрьмах комплекса отбывало наказание 399 политических заключенных⁵. На 1 июня 1910 г. на Нерчинской каторге насчитывалось 3791 каторжан, в том числе 405 политических (10,5 % к общему числу), из них 366 мужчин и 39 женщин⁶. По состоянию на 1 января 1915 г. здесь находилось 3879 чел., из которых политических 232 чел. (5 %) ⁷. Наконец, к 1 марта 1917 г. в тюрьмах Нерчинской каторги и арестантской команде на Амурской ж. д. (п. Раздольное) состояло 4036 каторжных обоого пола; из них, по изданию Указа от 6 марта 1917 г. о политической амнистии, было в первой половине марта освобождено 299 чел., статейные списки на которых не возбуждали сомнения, что эти заключенные подходят по своим преступлениям под категорию государственных преступников, по религиозным побуждениям и аграрников. В течение следующего месяца, до половины апреля, было освобождено еще 150 чел., относительно которых выяснилось или на основании справок, или путем определения окружного суда, что они тоже подходят под амнистию»⁸. Таким образом, общее количество политических ко времени Февральской революции составило 449 чел.(11,12 %).

Осуществленный мной анализ позволяет утверждать, что подавляющую часть ссыльнокаторжан составляли молодые люди в возрасте 21–30 лет, рабочие и крестьяне, выходцы из крестьянского и мещанского сословий, военнослужащие, малограмот-

ные, активные участники революции 1905–1907 гг.⁹ Прав был, военный губернатор Забайкальской области генерал-майор А.И. Кияшко, заявивший политическим арестантам Кутомарской тюрьмы в сентябре 1912 г.: «Ознакомившись с их статейными списками, я узнал, что только один из них был в университете, двое были, но не окончили среднее учебное заведение, один бывший ветеринарный фельдшер, остальные все были только в одно- или двухклассных сельских и городских училищах, а двое даже неграмотными»¹⁰.

О том, что из себя представляли осужденные изучаемой группы, о их социокультурном и психоментальном облике можно судить по кратким характеристикам участников разного рода протестных акций в тюрьмах Нерчинской каторги 1910–1912 гг., в том числе пытавшиеся покончить жизнь самоубийством, составленных правоохранителями. В списке 31 заключенный, из которых треть (11 чел.) приговоренных к бессрочной каторге. Итак: Мошкин П.Н., 28 лет, из мещан Тамбовской губ., грамотный слесарь. Казанским военно-окружным судом «за умышленное убийство с заранее обдуманном намерением должностных лиц вследствие исполнения ими обязанностей службы, каковое убийство совершенно при нападении на означенных лиц и за нанесение с заранее обдуманном намерением раны, от которой последовала смерть, осужден к смертной казни через повешение, каковое наказание ввиду ходатайства суда заменено командующим войсками Казанского военного округа каторжными работами без срока с 29 мая 1907 года. Приговором Иркутского военно-окружного суда 20–23 января 1909 года за побег из Александровской каторжной тюрьмы с насилием и убийством тюремной стражи приговорен к смертной казни, которая по высочайшему повелению заменена бессрочной каторгой».

Под № 9 Симон Шлеймов Лейбазон, 27 лет, мещанин г. Кронштадта, образование домашнее, актер. Временным военным судом в п. Раздольном [Амурская обл. – М.Ш.] 21.09.1907 г. «за подстрекательство к явному восстанию в местности, состоящей на военном положении, ... осужден к смертной казни через расстреляние, каковая казнь заменена ему командующим войсками Приамурского военного округа каторжными работами без срока». № 19. Иван Степанов Ладейщиков, стрелок. «Временным военным судом в г. Хабаровске 9 июля 1907 г. за

неуважение к офицеру, подговор к восстанию и сопротивление начальству в военное время осужден в каторжные работы без срока». № 24 Сергей Николаев Ильинский, 25 лет, сын коллежского советника, 6 классов реального училища. «Временным военным судом в г. Твери за участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя..., и в убийстве с заранее обдуманном намерением члена Государственного совета генерал-адъютанта, графа Игнатьева, не бывшего при исполнении обязанностей службы и не вследствие исполнения сих обязанностей..., осужден на каторжные работы на 11 лет и 8 месяцев с 18 июня 1907 г. Приговором Иркутского военно-окружного суда 20-23 января 1909 года за побег из Александровской каторжной тюрьмы с убиением тюремной стражи присужден к смертной казни, которая по высочайшему повелению заменена бессрочной каторгой». № 27 Ицка Анисимов Итунин. «Временным военным судом в г. Никольске-Уссурийском 2-4 октября 1907 г. за подстрекательство воинских чинов к явному восстанию с намерением нарушить долг службы в военное время... осужден к исключению из военной службы и к смертной казни чрез расстреляние, каковое наказание командующим войсками заменено каторжными работами без срока»¹¹.

Уже после революции 4 года каторжных работ в апреле 1910 г. от Иркутского военно-окружного суда «удостоился» Г.И. Малиновский, из крестьян, машинист паровоза за участие «в приготовлении к насильственному посягательству на изменение установленного правления». Столько же отмерил временный военный суд в г. Благовещенске 26-ти летнему учителю Х. И. Макарову «за участие в сообществе, состоявшемся для насильственного посягательства на изменение в России установленного законами основным образа правления государственного и общественного строя»¹².

Как видим состав ссыльнокаторжан был крайне пестрым. На одном полюсе – осужденные к пожизненному заключению, в том числе 63 с заменой смертной казни, 96 рецидивистов, 61 за принадлежность к противоправительственным партиям и 9 за осуществление терактов¹³. На другом – вовлеченная в революционный процесс молодежь без соответствующего жизненного и общественно-политического опыта. Для них каторга стала важ-

нейшим институтом социализации. К тому же, как в каждом закрытом социуме (армия, интернат, секта, тюрьма), в местах заключения, помимо официальной, нормативной, существовала неформальная система морально-этических представлений и норм поведения, которую условно можно назвать «дедовщиной». Политические в тюремном социуме пытались отстоять свой, более высокий социальный статус в противостоянии с уголовниками и администрацией. К тому же, на их стороне было общественное мнение, они имели моральную и материальную поддержку извне.

Сама тактика индивидуального террора, взятая на вооружение радикальными политическими объединениями (эсеры, анархисты) формировала специфическую личность, готовую на самопожертвование. Можно согласиться с заключением генерала Г.М. Косова в отношении причин самоубийства известного террориста Е.С. Созонова, которое, по его мнению, было преднамеренным и он «давно искал случая пожертвовать собой ради «дела»..., уже в то время Сазонов вместе с Каляевым были восторженно-фанатично настроены на самопожертвование ради «дела» террора»¹⁴.

В качестве примера рядового участника протестных акций 1910–1912 гг. можно взять Федора Ивановича Андреева, 1884 года рождения, уроженца Дурникинской волости Балашовского уезда Саратовской губернии, из крестьян, холостого, грамотного, до осуждения работавшего слесарем. Он был «признан в разбойном совместно с другими лицами с целью ограбления нападения на поезд железной дороги, в местности, состоящей на военном положении»¹⁵. Реально, в августе 1907 г. в составе группы, включавшей беглых каторжников и студентов Томского технологического института, Андреев на перегоне Ельцовка-Иня (к востоку от Новониколаевска), разобрав рельсы, устроили крушение почтово-пассажирского поезда с целью захвата перевозимых в нем 500 тыс. руб. Нападение отбила охрана, в перестрелке погиб кочегар, один солдат и сопровождавший почту чиновник получили ранения. Вполне возможно, что данная акция обставлялась как экспроприация, но временный военный суд в Томске Ф.И. Андреева приговорил к смертной казни через повешение, «каковое наказание вр[еменно] командующим Ом-

ского военного округа заменено ссылкой в каторжные работы без срока, с лишением всех прав состояния»¹⁶.

Прибыв на каторгу, мой герой регулярно получал взыскания: 25 июня 1909 г. 7 суток ареста «за дерзкое требование освобождения арестованных и подговоре 2-й камеры к восстанию»; 4 июля 1909 г. 100 ударов розгами «за дерзость начальнику тюрьмы»; 23 октября 1910 г. 7 суток ареста «за то, что при разговоре начальника с пришедшими с Кутомары арестантами..., заявил, правительство само занимается экспроприацией»; 15 февраля 1911 г. 7 суток в темном карцере, «за поддержку политических: настаивал, чтобы не командовать «смирно» и не петь молитвы, во время пения сидел...»; 23 февраля 1911 г. 7 суток карцера, «на приказание «встать», чтобы осмотреть карцер, он продолжал сидеть»; 28 мая 1911 г. 3 суток карцера, «вмешался в разговор надзирателей...»; 9 октября 1912 10 суток ареста, «за неснятые шапки и сопротивление надзору при приеме партии»; 9 октября 1912 г. дополнительные 2 года «срока испытуемости», за нарушение тюремного режима в Алгачинской тюрьме; 9 января 1913 г. 10 суток карцера, «за отказ отвечать помощнику начальника на «ты»; 23 января 1913 г. 19 суток карцера «за грубый ответ начальству». В марте 1913 г. Ф. И. Андреев показал, что в начале месяца «во время одной из вечерних поверок в Читинской губернской тюрьме на обращение чинов тюремной администрации «здорово», я не ответил, считая это за грубое обращение, за что был посажен в карцер. На другой день во время утренней поверки старший надзиратель, фамилии которого не помню, обратился ко мне с приветствием в такой же грубой форме и когда на это не последовало с моей стороны ответа по тем же причинам, как и в первый раз, то надзиратели в числе приблизительно 8-10 человек стали меня бить»¹⁷.

Ситуация на Нерчинской каторге обострилась после окончания Первой русской революции 1905–1907 гг. Как указывалось выше, сюда хлынул поток молодых маргиналов из числа бывших крестьян ставших рабочими и легко поддававшими под воздействие агитации радикалов. С другой стороны, во время революции произошла временная консолидация либералов и радикалов в стремлении свергнуть самодержавие. На примере Томска я установил, что общественно-политические взгляды «новых» средних городских слоев отличались радикализмом.

Наиболее массовые группы их (врачи, учителя, студенты), активно участвуя в просветительской деятельности, главным препятствием в этой сфере считали «экономическую необеспеченность» и одобряли действия радикалов, активно помогая им¹⁸. И даже люди умеренных взглядов не верили официальной точке зрения, что все радикалы и террористы – уголовники и молодые психопаты.

Большое воздействие на революционеров начала XX в. оказало религиозное сознание. Видный меньшевик В.К. Иков следующим образом характеризовал ее воздействие на примере члена иркутского кружка, семинариста Пригорного (Г. Крамольникова): «Как все русские люди наследственно-духовного звания и воспитания, Гриша – натура глубоко религиозная. Изменилась только обстановка: объект веры, точка приложения пафоса, форма культа. Но существо, дух, сжигающий пламень неутомимого верования, страстное алкание веры настоящей, лютая нетерпимость оставались неизменными. Наследники Никиты Пустосвята и Аввакума, они сгорели бы радостно на костре за одно титуло, но точно так же сняли бы 200 000 голов за еретичество и сделали бы это со спокойной совестью и сознанием правоты»¹⁹.

На ситуацию в местах заключения влияло состояние и эффективность деятельности тюремной администрации и органов государственного управления. Власть явно проигрывала в борьбе за общественное мнение с учетом расширения «плацдарма» гражданского общества в России после революции 1905–1907 гг. прежде всего за счет качественного скачка в развитии повременных изданий, появления парламента (Государственной думы) и возможности публично отреагировать в них на действие правоохранительных структур. В триумфальную поездку по Сибири вылилась перевозка к месту отбывания наказания в Нерчинск в отдельном арестантском вагоне приговоренной к бессрочной каторге М.А. Спиридоной и других террористок: Л. Езерской, М. Школьник, И. Измайлович, Р. Фиалки, А. Биценко. В Омске 30 июня 1906 г. поезд встречала 6 тысячная толпа, устроившая несанкционированный митинг. Вышедшую из вагона Спиридонову с подругами сфотографировали. Снимок опубликовали в популярном журнале «Нива», а затем он был растиражирован в виде открытки, разошедшейся по России в несколько десятках тысяч экземпляров. На станции Ачинск к арестантскому вагону

подошло примерно 50 чел., которые свободно общались с этапирруемыми, передали им цветы и пели революционные песни. В Тулуне для предотвращения демонстрации вагон отправили на соседний разъезд. Но там в лесу собрались пассажиры двух проходящих пассажирских поездов и состоялся импровизированный пикник с пением революционных песен²⁰.

В системе наказаний императорской России каторга по степени тяжести стояла на втором месте после смертной казни. Отбывание ее предусматривалось и в последней по времени редакции Устава о ссыльных 1909 г. «в рудниках, на заводах, фабриках в Сибири». В российском законодательстве наказание каторжными работами служило, во-первых, исправлению преступника путем тяжелого труда, во-вторых, способствовало заселению территории, поскольку по отбытию срока каторжный водворялся на поселение. Специалисты из Министерства юстиции поясняли в начале XX в. по этому поводу: «Наше действующее законодательство под именем каторжных работ разумеет сложное прогрессивное наказание, построенное из трех главных ступеней. В основу первой из них положен тяжелый физический труд и суровый строй тюремной жизни. Обе эти меры воздействия, с одной стороны – должны иметь значение устрашающее, так как причиняют наказанному лишения и физическое страдание; с другой стороны – они должны исправлять преступника, дисциплинируя его, приучая к порядку и отучая от праздности. По мере достижения исправления преступника, ослабевают и меры воздействия на него. С переводом наказанного на жительство вне тюремной ограды, а затем и на поселение наступают вторая и третья ступени, имеющие назначение подготовить преступнику постепенный переход от подневольного существования к свободной жизни в том крае, содействовать колонизации которого он призван»²¹.

Помимо привлечения к тяжелому физическому труду, осужденных к каторжным работам заковывали в ручные и ножные кандалы, одевали в специальную одежду, сбривали волосы на половине головы, за провинности они могли быть физически наказаны плетью (до 1903 г.) и розгами до 100 ударов. Циркуляром от 20 июля 1907 г. разрешалась стрелять по тюремным окнам, если арестанты портили оконные рамы, пытались выбросить из камер предметы или использовали окна для общения

друг с другом. Регламентировалась переписка, свидания, получение денежных переводов и посылок, внутренний распорядок мест заключения, взаимоотношения с тюремной администрацией и т. д. Устанавливалось совместное содержание на равных условиях политических и уголовников²².

Реально же, задействовать полностью ссылнокаторжан на горных работах не удалось. Ситуация усугублялась традиционными недостатками российской пенитенциарной системы во все времена ее существования: перенаселенность (в Нерчинском каторжном комплексе на 1444 расчетных места реально приходилось 3791 «сидельца», или в 2,5 раза больше), явно недостаточное финансирование, суровые природно-климатические условия, дислокация мест заключения вдали от железной дороги и крупных городов и т.д. Многочисленные проверяющие, начиная с инспектора Главного тюремного управления (ГТУ) П. К. Грана (1906), иркутского генерал-губернатора Н.П. Селиванова (1907), жандармского ротмистра Андреева (конец 1908 г.), начальника ГТУ С. С. Хрулева (октябрь 1909 г.), атамана 3-го отдела Забайкальского казачьего войска, генерал-майора П.Н. Путилова (май 1910 г.) фиксировали «ветхое состояние тюрем», «неудовлетворительность пищевого довольствия в качественном и количественном отношении, повышенном проценте смертности в среде арестантов, грубом обращении чинов администрации и стражи с заключенными и о причинении побоев, о недостаточности времени, предназначенного для прогулок», «плохое качество продуктов (капуста гнилая, горькая, соли мало, мука гнилая, продукты развешиваются вне кухни и выдаются в меньшем против положенном количестве)», «белье на арестантах... в изорванном виде, крайне грязное, так как баня давалась только один раз в месяц; многие арестанты ходят вследствие отсутствия обуви босиком или, обвязав ноги грязными портянками, которые не переменялись... в течение 7-8 месяцев», «спать некоторым приходится под нарами», «подрядчики, доставляющие все необходимое в тюрьму – евреи, причем много предметов скупают у местных крестьян по обыкновенной цене, в то же время подрядные цены очень высоки, отчего крестьяне на торгах не могут конкурировать с евреями»²³.

Питание арестантов регламентировалось Положением о провиантском снабжении войск, которое распространялось и на них.

Каждому заключенному полагалось в сутки 928 грамм муки, 68 граммов крупы и 171 грамм мяса. В 1880-е гг. бюджетные расходы на эти цели сокращаются и по соответственно установленным нормам на человека в сутки примерно полагалось по 890 грамм хлеба, 53 грамма крупы, 130 грамм мяса. Чай и сахар не полагался, но арестанты могли улучшить свое питание за счет присылаемых с воли средств. Они поступали на счет тюремной администрации и по желанию «сидельцев» в тюремной лавке разрешалось покупать «молоко, масло, белый хлеб, колбасу, сахар, рыбу, махорку, бумагу папиросную и писчую, карандаши и тетрадки». Информации о размерах переводов нет, но известно, например, что террорист Е. С. Созонов ежемесячно из разных источников получал по 150 руб. (100 руб. от ПСР и 60 руб. от Шлиссельбургского фонда помощи политическим заключенным)²⁴. В начале XX в. (1908, 1912 гг.) вводится единая для всех заключенных «пищевая табель, сбалансированная относительно содержания белков, жиров и углеводов. Согласно документу горячая пища полагалась каторжникам два раза в день – в обед и вечером. Находившиеся на работах получали усиленное питание. В сутки на человека полагалось: 170,6 грамм мяса, 1023 грамма ржаного хлеба, 25,6 грамм гречневой крупы, 8,5 грамм пшеничной муки²⁵.

Положение политических заключенных, характер их взаимоотношений с администрацией, режим каторжных тюрем зависел от множества факторов: нормативной базы и подзаконных актов (инструкций), управленческих и человеческих качеств начальствующего состава мест заключения, количества арестантов, степени их сплоченности и т. д. По мнению З. В. Мошкиной, политические заключенные с 1880-х гг. рассматривались властями как особо опасные преступники и четкое прослеживается стремление ужесточить режим их содержания. «А общеуголовный правовой сборник, Устав о ссыльных не всегда соответствовал карательным интересам царской власти, ведущей ожесточенную борьбу с политической оппозицией. С этой целью власть шла на открытое нарушение законов, прибегая к помощи инструкций... В результате такой практики применение права в сознании заключенных сформировалось представление о господстве полного административного произвола на Нерчинской каторге, что соответствовало действительности»²⁶.

О режиме отбывания наказания ссылнокаторжными можно судить по правилам о их содержании в Акатуевской тюрьме от 27 февраля 1895 г. из 79 пунктов. Все арестанты, в зависимости от срока заключения, подразделялись на три разряда. Бессрочные должны были содержаться в ручных и ножных оковах, прочие – в одних ножных. Первые два разряда содержаться в тюрьмах и подвергаться (исключая женщин) бритью половины головы раз в месяц. Все заключенные «занимаются работами по назначению тюремного начальства, внутри тюрьмы или вне оной, как-то: в рудниках, на заводах, тюремных мастерских, на строительных и разных хозяйственных работах». Их продолжительность составляет 11 часов летом и 10 часов зимой. Еженедельно по субботам полагается баня, после которой выдается чистое белье, а грязное сдается надзирателю для передачи в стирку. Каждый заключенный должен безропотно и беспрекословно выполнять все приказания тюремного начальства, соблюдать режим дни, быть опрятным. «Каторжане, при входе в камеру начальника тюрьмы, его помощника, или высшего начальства, должны встать со своих мест, если сидели или лежали, и стоять смирно... Команда «смирно» подается надзирателем, сопровождающим начальство». Разрешается вести переписку только на русском языке, но не более двух писем в месяц с предварительным просмотром начальника тюрьмы. Свидания с родными добровольно последовавшими за ними в ссылке разрешаются в воскресенье и праздничные дни с разрешения заведующего каторгой в особо отведенных комнатах в присутствии дежурного надзирателя. В свободное от работ время разрешается чтение книг и журналов строго научного содержания. Арестантам разрешалось иметь при себе теплые фуфайки, подстилки, деревянную чашку и ложку, а также книги. Все остальное имущество и деньги при поступлении в места заключения изымались по описи и хранятся в цейхгаузе, а денежные средства в тюремном денежном ящике. Расходовать их можно с разрешения начальника тюрьмы только по разрешенному ассортименту товаров и продуктов. За маловажные проступки и преступления полагались следующие санкции: наказание на теле плетью не свыше 20 ударов и розгами не свыше 100 ударов; увеличение срока заключения на 1-2 года; для выпущенных на жительство вне тюрьмы, перевод обратно в нее на срок до одного года.

Сверх этого провинившиеся могли быть заключены в одиночную (штрафную) камеру на срок до двух месяцев, а также лишены «на более или менее продолжительное время» свиданий, переписки, чтения книг, иметь свой чай, сахара курить табак. «Лишения эти начальником тюрьмы могут быть распространены как на отдельных личностей, так и на целые камеры и всю тюрьму»²⁷.

Каторжный режим начал ужесточаться после неудачной попытки группового побега с Кариийской каторги в 1882 г. и массовой попытки самоубийства в 1889 г. Всех арестантов заковали в кандалы, камеры круглосуточно были заперты, любые занятия в них, в том числе чтение, запрещены, свидания с родственниками отменены. Опасаясь новых побегов, государственных преступников перестали выводить на рудничные работы и «фактически политическим режим каторги заменили тюремным содержанием»²⁸. В свою очередь, «политикам» в ходе упорной борьбы, угрожая осуществлением акций массового протеста и коллективными самоубийствами, удалось добиться фактической отмены телесных наказаний, разрешения ношения собственной одежды, отмены бритья голов, возможности размещаться в камерах отдельно от уголовников и т.д.

Ситуация на Нерчинской каторге обострилась после окончания Первой русской революции. Противостояние между политическими ссыльнокаторжанами и тюремной администрацией началось прежде всего с побегов. Только в Акатуевской тюрьме с 17 июля по 28 октября 1906 г. было зафиксировано 15 попыток их²⁹. Показателен в этом плане эпизод, имевший место 13 сентября 1906 г., когда помощник начальника этого заведения вывел 4-х политзаключенных за ограду и отпустил их в ближайшее (в 8 верстах) село для закупки капусты. Арестанты бежали и не были задержаны. Начальник тюрьмы, его помощник и один надзиратель были отданы под суд³⁰. В октябре 1906 г. из Акатуевской тюрьмы бежал создатель Боевой организации ПСР Г.А. Гершуни, в вывезенной с ее территории в бочке с капустой. 2 ноября 1906 г. из Александровской тюрьмы через подкоп, протяженностью 16 сажень (34 метра) бежали 14 арестантов, бывших матросов. Подкоп они рыли более месяца из кладовой³¹. Обобщая все эти факты, военный губернатор Забайкальской области в декабре 1906 г. констатировал, что за последние

2,5 месяца в Акатуевской тюрьме «обнаружено шесть подкопов и оттуда с июля бежало десять политических арестантов, «в числе коих находятся столь серьезные агитаторы как Распутин, Гершуни, Борис и Павел Кларк, а также Александровская тюрьма, откуда, посредством подкопа, скрылись в прошлом ноябре двенадцать политических арестантов, бывших матросов с транспорта «Прут»³². 21 марта 1908 г. начальник каторги доносил о побеге государственного преступника Г. Зоренко из Зерентуйской тюрьмы, который предположительно после вечерней проверки спрятался у тюремной церкви, где «его сообщниками заранее были приготовлены солдатская шинель и папаха». В воскресенье вместе с пришедшими на богослужение солдатами он вышел из тюрьмы³³. В мае 1909 г. из Кутомарской тюрьмы бежало 9 каторжан, в июле того же года тоже сделали двое заключенных Акатуевской тюрьмы. Очень часто совершались побегии с рудников и золотых приисков³⁴.

Современные исследователи квалифицируют побегии как одну из форм борьбы политических ссыльных с режимом содержания³⁵, хотя тут же В.Н. Максимова называет, на мой взгляд, главную их цель «стремление большинства осужденных вернуться к революционной работе».

Побегов могло быть гораздо больше из-за плохо поставленной системы охраны и беспечности надзирателей, «но в действительности они не практикуются, – докладывал начальник Иркутского ГЖУ полковник М.И. Познанский, – чтобы не вызвать ревизии и связанной с нею впоследствии репрессиями и изменениями тюремного режима. Зерентуйским тюремных «коллективом» [неформальным объединением заключенных. – М.Ш.] постановлено «беречь существующий в тюрьме режим и не давать никакого повода к могущему последовать его изменению»³⁶.

Чем же так пришелся государственным преступникам «существующий в тюрьме режим»? Из делопроизводственных документов (рапортов, обзоров, докладов), показаний и воспоминаний каторжан можно по кусочкам в общих чертах реконструировать реальную обстановку в тюрьмах Нерчинского каторжного комплекса в плане содержания в них политических. По общему признанию к 1910 г. «условия содержания политических каторжан в тюрьмах Нерчинской ссылки весьма

легкие». «Одежда на большей части арестантов вольная, белье, халаты и обувь надеваются только «для обстановки» при проездах по тюрьмам высшей администрации. Камеры, не исключая и одиночных, всегда раскрыты и хождение по всей тюрьме совершенно свободное» (Зерентуй). «Политические ходили совершенно без кандалов, имели в камере свои вещи, получаемые в посылках: рубахи всяких покроев, одеяла, подушки, набитые пером. Каторжные внетюремного разряда ходили в собственных платьях и даже сейчас [декабрь 1910 г.] в черных блузах» (Зерентуй). «Молитв утренних и вечерних не читалось и не пелось» (Там же)³⁷. Все это вместе взятое В.Н. Максимова характеризует как установление «особого режима, отличавшегося незаконными привилегиями... и отсутствием такого неперемennого элемента каторги как принудительные работы»³⁸.

Упомянутый полковником М.И. Познанским «коллектив» представлял как внепартийное объединение политических заключенных, которые существовали на Нерчинской каторге до и после 1905 г.; в частности, в 1908 г. в Акатуевской, Кутомарской, Алгачинской, Мальцевской и Зерентуйской тюрьмах. Объединение состояло из собственно коллектива, т. е. всех политических, отбывающих наказания в тюрьме и признающих его устав, и коммуны, обеспечивающей выживание в условиях заключения. Для них был характерен коммунальный образ жизни по принципу равного распределения поступающих с воли, в том числе от «Красного креста», средств. Их деятельность направлялась на поддержание физических сил малоимущих, вырабатывала чувство коллективизма и настойчивость в противостоянии с тюремной администрацией³⁹. Уже к началу 1907 г. политические арестанты на Акатуйской каторге «образовали сплоченную группу, именовавшуюся коммуной, завели свою кухню, устроили собственную лавку с разными продуктами и товарами, которых было у них на 3000 рублей, носили вопреки вполне определенному требованию устава о ссыльных собственную одежду и белье и т. п., словом допускали столь существенные и серьезные отступления от требований тюремного режима и дисциплины, которые не могут и не должны быть терпимы не только в каторжных тюрьмах, но и в местах заключения, предназначенные для лиц, приговоренных к кратковременному лишению свободы за маловажные преступные деяния»⁴⁰.

До нас дошел устав коллектива политических каторжан Зерентуйской каторги, принятый на общем собрании 2 июля 1909 г. При этом голосовался каждый пункт и принятым считались те, за которые поддержали 2/3 членов коллектива (т.е. не менее 130 чел. из 195-ти). Первые пять пунктов вводили ограничения для членов коммуны: не употреблять спиртные напитки, не вступать в половые отношения в тюрьме, не подавать прошения о помиловании, не принимать помилование единолично. За нарушение, голосованием по запискам (тайное) и при получении 2/3 голосов следовало исключение из коллектива и перевод в среду уголовников. Все должностные лица коммуны (староста, казначей, библиотекарь, хлеборез, кухонный староста) избирались тайным голосованием простым большинством. Все текущие и чрезвычайные вопросы в объединении обсуждались предварительно в постоянной комиссии из представителей от камер (по одному). Все личные столкновения и споры между коммунарами рассматривались в специально созданном третейском суде. Вступающий в коллектив, сдавал имеющиеся у него деньги казначею. «Деньги, заработанные личным трудом, поступают в кассу коммуны». Неимущие «имеют право на получение той доли общественных денег, которая причитается на каждого члена коммуны. Вычеты из них на общественные расходы делаются по соглашению с индивидуалистами»⁴¹.

О существовании объединений знали жандармы. Применительно к Зерентуйской тюрьме полковник М.И. Познанский сообщал, что руководителями коммуны являлись в 1910 г. «Егор Сазонов, Игорь Шмулевич..., Александр Яковлев, Петр Кунени, Виктор Афанасьев и Иосиф Ройтман... Деньги, получаемые арестантами, считаются принадлежащими коммуне»⁴². Эти сведения дополняются информацией политического арестанта, бывшего депутата 2-й Государственной думы В.М. Серова: «Вполне понятно, что в целях самосохранения заключенные Зерентуя принимают кое-какие меры против голодовки. Пресловутая «коммуна», т. е. распределение поровну этих весьма скудных средств, какие присылаются заключенным родственниками и знакомыми, была создана в этих целях... «Коммуна» состояла в том, что имущие, сложив свои деньги по 4 р. 20 к. в месяц [столько разрешалось заключенному тратить на себя. – М.Ш.], закупали через администрацию тюрьмы самые необходимые

продукты: табак, чай, сахар, мыло, нитки и письменные принадлежности. Все эти продукты шли в общую разверстку. Это вызывалось самой жизнью; в противном случае неимущие должны были буквально голодать. Подобные «коммуны» существуют во всех тюрьмах, где есть политические и никакая администрация не может помешать заключенным в общих камерах делиться с голодающими товарищами необходимыми продуктами»⁴³.

Внепартийные объединения оказывали влияние не только на политических. «Постановления коллектива передаются начальнику тюрьмы, через него начальнику каторги и в большинстве случаев исполняются последними, – констатирует полковник М.И. Познанский. – Так, например, коллектив Горно-Зерентуйской тюрьмы нашел необходимым удалить из политической камеры каторжанина Баллота за то, что в разговоре с губернатором Баллот именовал последнего «Ваше Высокоблагородие», что «коллектив» нашел несоответствующим достоинству политического каторжанина. Баллот был тотчас переведен в уголовную камеру. Также был переведен из политической камеры той же тюрьмы по постановлению коллектива каторжанин Афанасьев, за то, что просил губернатора по окончании срока тюремного заключения остаться в Нерчинском районе»⁴⁴.

Политические группировались по трем фракциям: социал-демократы, эсеры, польские социалисты. В Мальцевской женской тюрьме, они делились на «эсерок», «эсдечек», «бомбисток». Практически в каждой тюрьме, помимо официальных, имелись библиотеки нелегальной литературы. Как установили правоохранители, «книги в тюрьме [Зерентуйской] получают в переплетах учебников, учебники выбираются старые, переплеты их раздваиваются, деньги вкладываются в переплет, после чего они снова заделываются». Так, в посылке, присланной из г. Камышина от Л.А. Созонова на имя Е.С. Созонова в корешке книги «Физика» Краевича было обнаружено 500 рублей кредитными билетами, нелегальная брошюра «Дело Плеве» и документы по делу Созонова»⁴⁵. Записки и денежные купюры с воли пересылали в продуктовых посылках, заделанные в куски пиленого сахара⁴⁶. Доставленные или пронесенные в тюрьму издания снабжались соответствующими реквизитами (штампы, шифры) книжного фонда официальных тюремных библиотек. Литература и партийные издания («Пролетарий», «Централь-

ный орган», «Вперед», «Правда» (троцкистская) в 1909-1910 гг. поступали из Читы и Троицкосавска⁴⁷.

В начале 1910 г. из «довольно обширной» библиотеки Акатувеской тюрьмы «было изъято около 100 книг революционного и противоправительственного содержания». В ноябре того же года ротмистром Куприяновым в одной из камер Зерентуйской тюрьмы, «занимаемой политическими арестантами» было обнаружены «письменные принадлежности в неограниченном количестве и много книг революционного содержания; библиотечный шкаф находился в самой камере...; при обыске было собрано с нар, полка, из шкафов такая масса книг и тетрадей, что ими были наполнены два тюфячных шкафа»⁴⁸. Обобщая результаты этого обыска в камере № 6 полковник М.И. Познанский резюмировал: «на полках над нарами и на столе найдена масса книг и письменных принадлежностей. Все книги снабжены клеймами с номером тюремной библиотеки, но количество книг не соответствует каталогу последней. Видимо арестанты наклеивают ярлыки на свои книги, чтобы сделать обращение их более легким. Среди этих книг имеются и такие: «Былое» за 1906 год, «Исторические письма» Лаврова и т.п. Шкаф тюремной библиотеки стоит в самом помещении и хотя ключ от шкафа находится у одного из помощников начальника тюрьмы, но самый факт нахождения шкафа в камере дает арестантам пользоваться библиотекой бесконтрольно. Кроме того, под нарами хранится небольшой шкаф с книгами на польском языке, каковой библиотекой заведуют арестанты. Письменные принадлежности выдаются в неограниченном количестве и среди тетрадей, пронумерованных, прошнурованных и припечатанных тюремной администрацией имеются и другие с революционными стихотворениями и всевозможными заметками»⁴⁹. «В одной из тетрадей находились две, особенно обращающие на себя внимание записи: первая из них содержала каталог находящихся в тюрьме книг революционного содержания; другая же свидетельствовала о том, что в тюрьме еженедельно по субботам каторжные устраивают общие собеседования на разные революционные темы; так, между прочим, на 12 ноября [1910 г.] было назначено собеседование на тему: Революция и военное дело»⁵⁰. Речь идет о «Вольном университете» политических каторжан Зерентуя.

В марте 1911 г. во время обыска в той же камере № 6 под двумя печами обнаружили 231 книгу «нелегального содержания» с печатью на них «Начальник Зерентуйской тюрьмы». Среди изъятых изданий были: А. Луначарский. Очерк развития Интернационала, А. Бебель. Социализация общества, П. Кропоткин. Завоевание хлеба, П. Лавров. Исторические письма, В. Сталинский. Новое течение в социализме, В. Чернов. Крестьянин и рабочий как экономическая категория, Бокс Б. Парижская коммуна. 1870-1871 гг., В. Чернов. Конечный идеал социализма и политическая борьба, Штагетф Ф. Религия – частное дело, С. Струмилин. Богатство и труд, Маркс К. О свободном капитализме и т.д.⁵¹

Одновременно здесь функционировала школа для уголовников, занятия которой проходили в большом коридоре тюремного корпуса. «Преподавание в школе между прочим ведут: по истории Яков Шмулевич, а по географии и «общественным наукам» Александр Яковлев (политический староста). Уголовные арестанты, представляющие собой «благоприятную почву», выделены в особую группу». Силами арестантов вольной команды этой тюрьмы была организована школа, в которой обучалось 60 чел. «Учение в ней платное; контингент учащихся – как дети местных жителей, так и взрослые, дети подготавливаются к экзаменам в гимназию и училища, а взрослые на классный чин и проч.... Преподавание ведется вольнокомандцами... В вольнокомандской школе учились и дети бывшего начальника тюрьмы Покровского. От платы за посещение школы все четыре учителя вольнокомандца получают ежемесячно по 53 рубля каждый»⁵².

Заключенные выпускали рукописный журнал «Наше» и общественно-политическую газету «Снова» (редактор А.А. Яковлев), которая размножалась на пишущей машинке в канцелярии тюрьмы. Кроме того, как сообщал министр юстиции И.Г. Щегловитов, «в распоряжении Главного тюремного управления имеются копии с шести фотографических снимков, сделанных неизвестным лицом в Зерентуйской тюрьме в 1909 г., два из этих снимков изображают: 1) выставленный на двор тюрьмы гроб с надписью «Вечная память борцу за свободу», в котором лежит убитый выстрелом часового каторжный Воробьев; 2) вынос этого гроба с тюремного двора при стечении арестантов. На остальных снимках изображены некоторые моменты из жизни

тюрьмы, причем каторжные Буцанов и Лысенко сняты в собственной одежде во время игры в шахматы»⁵³.

В сложившихся условиях, начиная с 1907 г. власти пытаются реализовать комплекс мер, направленных на ужесточение режима каторги: заковка в кандалы, строгая проверка корреспонденции и ограничение переписки, равные условия содержания политических и уголовных, задержки в переводе во вне-тюремный разряд, уменьшение пищевого пайка, применение телесных наказаний, ограничение возможностей для чтения, саморазвития, учебы. Настаивая на применении этих мер, военный губернатор Забайкальской области указывал «всем чинам Управления каторгой и тюремного надзора, что не различными послаблениями и уклонениями от требуемых законом тюремных порядков, а лишь твердым неуклонным, основанным на строго законной почве, соблюдением всех правил тюремного режима, возможно удержанием на должной высоте престижа власти тюремного персонала, что несомненно в интересах последнего, так как только при должном авторитете тюремного начальства прекратятся случаи неповиновения арестантов законным требованиям последнего и лица тюремного надзора будут гарантированы от возможных оскорблений со стороны заключенных»⁵⁴.

Результатом стали массовые протестные акции политических в каторжных тюрьмах Забайкалья в 1907–1912 гг., которые в самом общем виде получили освещение у современных исследователей⁵⁵. Поэтому остановимся на выяснении их специфики. Во всех известных случаях такого противостояния ссылных и властных структур («Карийская трагедия» 1889 г.; «Монастыревская трагедия» 22 марта 1889 г. и Романовский вооруженный протест в феврале 1904 г. в Якутске, рассматриваемых событиях) активно использовались такие крайние формы как вооруженное сопротивление и массовые суициды, наряду с отказами выполнять требования тюремной администрации в рамках соблюдения режима каторги и ссылки. Особенность событий 1910–1912 гг. заключается в их массовости (все тюрьмы Нерчинской каторги в которых отбывали наказание политические), активном вовлечении в конфликт общественного мнения, прежде всего периодической печати, депутатов 3-й Государственной думы, международной общественности с целью оказания дав-

ления на власть. До этого в подцензурной печати, например, о событиях на Каре 1889 г. ничего не сообщалось.

Ответом радикалов на попытки ужесточения режима содержания политических стало развертывание террора против представителей тюремной администрации. Назначенный в 1907 г. начальником Нерчинской каторги коллежский советник Ю.И. Метус 28 мая того же года был убит в одной из гостиниц Читы выстрелами в упор юной особы с документами на имя дочери священника Л.П. Юшковой, которой с места преступления удалось скрыться. Через три дня, 30 мая в Иркутске два члена летучего боевого отряда при Сибирском областном комитете ПСР стреляли, но неудачно, в начальника Алгачинской тюрьмы И.Н. Бородулина. Террористам удалось скрыться с места покушения. Бородулин же был убит в Пскове, куда поехал в отпуск, эсером И.И. Ивановым в конце августа 1907 г. 20 апреля 1909 г. эсеровскими террористами был убит начальник Тобольской каторжной тюрьмы И.С. Могилев. 18 августа 1911 г. в станции Сретенской политсыльный Б.И. Лагунов с документами на имя инженера Ф.Н. Тумашева стрелял и ранил начальника Зерентуйской тюрьмы И.И. Высоцкого.

Специально созданная Думой комиссия в конце 1910 – начале 1911 гг., обсудила комплекс вопросов, связанных с причинами протестных действий политических заключенных. Проанализировали прежде всего допустимость обращения к ссыльно-каторжным на «ты» и сочли, что такая форма обращения предусмотрена статьей 28-й армейского Устава внутренней службы по отношению к нижним чинам. Поэтому, «было бы ни с чем не сравнимо к ссыльно-каторжным арестантам, преступникам, лишенным всех прав состояния и находящимся под надзором и караулом упомянутых нижних чинов, обращаться на «вы». Примерно в таком же духе комиссия интерпретировала применение в тюрьмах команды «Встать!» Смирно!» (заимствована из армейских уставов внутренней и гарнизонной службы, где она подается не только для рядовых, но и унтер-офицеров и юнкеров). Наконец, применение телесных наказаний объяснялось, тем что каторжные работы считаются самым тяжким наказанием и поэтому, даже в таких странах как Дания, Германия, Франция, Англия и в некоторых штатах США к каторжным арестантам, нарушающим тюремную дисциплину и отказываю-

щимся подчиняться существующему на каторге порядку, допускают телесное наказание⁵⁶.

В порядке комментария замечу, что отстаивая свою позицию по вышеперечисленным вопросам, чиновники ГТУ и Министерства юстиции, по моему мнению, явно лукавили. С формальной точки зрения, политические были правы, когда отстаивая свои права, заявляли, что в Уставе о ссыльных и различных тюремных инструкциях нет указаний относительно формы обращения и приветствия, а армейские уставы, будучи ведомственными, на пенитенциарную систему не распространяются. Но подобного рода дискриминация существовала де-факто не только в тюремной сфере. Например, 27 октября 1898 г. студенты сорвали первую лекцию на открывшемся юридическом факультете Томского университета и освистали пришедшего на нее и.д. попечителя учебного округа в связи с тем, что накануне один из них подвергся аресту за невыполнение требования инспектора снять головной убор в помещении вуза⁵⁷. С другой стороны, в Российской империи на «ты» обыватели обращались к царю. Так, Тюменская городская дума поблагодарила императора за дарование манифеста 17 октября 1905 г. телеграммой следующего содержания: «Тюменская Городская Дума в торжественном заседании 19 сего октября всенародно и с чувством радости выслушала данный тобою в день 17 октября знаменательный акт величайшей государственной важности, коим уничтожен произвол, царивший над истрадавшей от угнетения родиной, признаны права человека и гражданина, отныне издающего параллельно с Тобю законы родной страны»⁵⁸. Применение телесных наказаний к арестантам предусматривалось нормативными актами тюремного ведомства, другое дело их применение на практике выглядело нонсенсом в условиях, когда они были отменены в армии и применительно к крестьянам.

События в тюрьмах Нерчинской каторги имели широкий общественный резонанс. О попытке массового самоубийства в Алгачах сообщила «Правда»⁵⁹. Читинский комитет РСДРП в марте 1913 г. откликнулся на них специальной листовкой, заклеив чиновников Высотского, Головкина, Кияшко. «И гибнут лучшие силы русского народа, – говорилось в ней, – и с каждым днем растет и увеличивается количество курганов по острожным кладбищам»⁶⁰. 21 января 1913 г. социал-демократи-

ческая фракция в 4-й Государственной думе совместно с трудящими сделала запрос министрам внутренних дел и юстиции по поводу незаконных действий администраций Алгачинской, Кутомарской и других каторжных тюрем. Он был подписан 64 депутатами. 30 января спешность запроса отклоняется и он передается в комиссию для подготовки доклада, который так и не подготовили. Поэтому 29 ноября 1913 г. 35 депутатов Думы (А.Ф. Керенский, П.Н. Милоков, Г.И. Петровский, А.Е. Бадаев и др.) обратились к председателю Думы М.В. Родзянко с напоминанием о запросе и требованием на ближайшем заседании Думы обсудить вопрос о событиях в каторжных тюрьмах⁶¹.

Одновременно, по инициативе германских социал-демократов в ноябре 1913 г. принимается Европейское воззвание в защиту русских политических заключенных и ссыльных. Его подписало несколько сот политиков (71 депутат французского Национального собрания), ученых (более 150 профессоров и академиков), деятелей культуры, в том числе А. Бебель, Э. Бернштейн, К. Либкнехт, Ж. Жорес, В. Адлер, Г. Уэллс, А. Франс и др. Осуждая всю систему наказаний, в документе констатируется: «Уже описания Кеннана вызвали взрыв негодования в Западной Европе; теперь, по прошествии четверти века, условия в тюрьмах и ссылке стали еще более ужасными. Теперь, как и тогда, речь идет вовсе не об исключительно русском деле. Это – дело совести всех культурных народов, вне зависимости от различия в политических взглядах»⁶².

Доклад комиссии по запросу депутатов включили в повестку заседаний 4-й Государственной думы только 24 марта 1914 г. Его составители признали, что действия администраций Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем, военного губернатора Забайкальской области А.И. Кияшко и инспектора Главного тюремного управления П.И. Сементовского не во всем были законными и в нормативной базе тюремной системы имеются существенные противоречия и анахронизмы. Обсуждение доклада состоялось на 59-м заседании Думы, но он был принят с поправками редакционной комиссии, представляющей, будто бы произошедшие экзекуции политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге имели случайный и не систематический характер⁶³. Вскоре началась Первая мировая война и о «каторжных» забыли.

Как всегда, после случившегося, начался «разбор полетов». В проекте правительственного сообщения о результатах расследования причин голодовок и самоубийств, подготовленного чиновниками ГТУ опять же упор делался на обоснованность обращения на «ты» к заключенным, использование команд «Встать! Смирно!» ссылками на армейские уставы, а также законность применения телесных наказаний. «Вследствие этого факт самоубийства некоторых ссыльнокаторжных арестантов Кутомарской тюрьмы, в виде протеста против законного порядка, не может быть поставлен в вину чинам тюремной администрации, исполнившим по долгу службы требования закона с целью поддержания порядка на каторге, в тюрьмах которой отбывает наказание значительное количество опасных и тяжких преступников»⁶⁴.

Вместе с тем Главное тюремное управление в объяснительной записке, составленной не ранее 21 января 1913 г., признавало: «В то время как одни начальники прилагали все старания и принимали надлежащие зависящие от них меры к водворению во вверенных им тюрьмах законного порядка и дисциплины, установленных во всех временных каторжных тюрьмах Европейской России, другие проявляли в этом отношении большую слабость и бездеятельность, уступали настойчивым и упорным домогательствам арестантов. При таких условиях в некоторых тюрьмах государственные преступники объединились в различные организации с коммунистическими началами и, привыкнув к установившемуся таким образом совершенно незаконному порядку, встречали все изменения в этом порядке дружным протестом, и путем протеста пытались сохранить за собой хотя бы часть тех привилегий, которыми они пользовались по сравнению с каторжанами, осужденными за общеуголовные преступления»⁶⁵.

Противоречия в законах и инструкциях заставили иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева обратиться к министру юстиции И.Г. Щегловитову 18 октября 1912 г. с просьбой дать точное юридическое обоснование по вопросу о формах обращения («здорования») к политическим заключенным. С этой целью 12 ноября 1912 г. в Министерстве юстиции собирается специальное совещание с участием прокуроров Петербургской судебной палаты и окружного суда, представителей юрисконсультской час-

ти Министерства юстиции, МВД, ГТУ и нескольких губернских тюремных инспекторов, которое постановило, «что при входе начальствующих лиц в камеры, в которых находятся арестанты, осужденные в каторжные работы и приговоренные к отдаче в исправительные арестантские отделения, арестанты должны вставать и перед этим им следует подавать ныне существующую команду: «Встать! Смирно!»; начальствующие лица могут обращаться с приветствием в форме «Здорово!» или «Здравствуйте!», на что арестанты должны отвечать «Здравия желаю/ем» с добавлением титулования по чину или по должности начальствующего лица; при разговоре с арестантом, лишенным прав, надлежит обращаться на «ты». Совещание высказалось также за сохранение существующей ныне команды: «Смирно», «Шапки снять», при прибытии начальствующих лиц на место наружных работ или прогулки арестантов, когда последние имеют на головах шапки (ст. 116 проекта общей тюремной инструкции), а также за обязательность общей молитвы при утренней и вечерней поверках, причем во время их чтения одним из арестантов или пения хором все присутствующие арестанты, какого бы ни были они вероисповедания, должны стоять пристойно». Все это оговаривалось ссылками на военные уставы, поскольку каторжные работы, «имеют оттенок военного строя» и «тюремная стража, воспитанная на воинской дисциплине, несомненно, наиболее успешно действует, применяясь к свойственной ей порядкам военного строя»⁶⁶.

В 1913 – первой половине 1914 гг., в связи с переводом на поселение каторжан со сроками наказания 4-6 лет и, соответственно, с общим сокращением их количества в местах заключения, протестная кампания сходит на нет. С началом Первой мировой войны, в связи с переходом ряда политических формирований (эсеры, меньшевики) на оборонческие позиции, волнения в среде политических заключенных в каторжных тюрьмах Восточной Сибири и на строительстве Амурской железной дороги прекращаются. В отчете военного губернатора Забайкальской области за 1915 год по этому поводу сообщается: «Общий подъем патриотических чувства, охвативший все слои русского общества, не мог не коснуться и тюремного населения. Насколько серьезно, сознательно относились заключенные к переживаемым событиям и насколько сильно их желание прийти на

помощь, кто чем может, видно из тех посильных жертв, приносимых арестантами на нужды войны. Нельзя не отметить ту почти детскую радость ссыльнокаторжных Зерентуйской тюрьмы, когда им было предложено в отчетном году помочь местному населению бесплатной уборкой полей. Работа эта, по отзыву местных людей, арестантами была исполнена честно и вполне добросовестно»⁶⁷.

Примечания

1. Перцева Т.А. Наказание декабристов: должностующее и реальное // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011, вып. 6 (18), с. 108, 110.

2. Матханова Н.П. Декабристская малая артель после амнистии // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985, с. 180-182.

3. Туманик Е.Н. Политическая и уголовная ссылка в Сибири (1825–1861 гг.) // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2011, вып.1, с. 88-89.

4. РГИА, ф. 1286, оп. 34, д. 1095, лл. 1-4.

5. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3552, лл. 6-12 об.

6. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3702, лл. 41-42.

7. ГАЧО, ф. 113, оп. 7, д. 468, л. 15.

8. ГАЧО, ф. Р-587, оп. 1, д. 200, л. 16.

9. Шиловский М. В. Сибирская политическая каторга в начале XX века // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2011, вып. 1, с. 143-145.

10. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 4678, л. 54.

11. РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 733, лл. 50-54.

12. Там же.

13. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 534.

14. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 4226, л. 9.

15. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 4809, л. 27-28.

16. Там же, л. 28.

17. Там же, л. 36.

18. Шиловский М. В. Томский погром 20-22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010, с. 13.

19. Иков В. К. Листопад // Вопросы истории, 1995, № 9, с. 88-89.

20. Макурина Г. А. Проезд М. Спиридоновой на каторгу по Сибирской железной дороге (по донесением жандармских полицейских управлений) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2006, с. 19-23.

21. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 106, л. 142.

22. Степанова Н.Г. Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка. Иркутск, 2003, вып. 2(14), с. 189-190.
23. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 2691, лл. 58-60; Там же, д. 3134, лл. 97-117.
24. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 535об.
25. Дамешек Л. М., Филатов А. В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Иркутск, 2009, вып. 5 (17), с. 232-233.
26. Мошкина З. В. Подзаконные акты в практике использования наказания на политической каторге во второй половине XIX века // История государства и права, 2010, № 11, с. 21.
27. ГАРФ, ф. 29, оп. 5, д. 21, лл. 38-51об.
28. Мошкина З. В. Указ. соч., с. 20.
29. РГИА, ф. 1405, оп. 110, д. 3356, л. 97.
30. ГАИО, ф. 26, оп. 6, д. 295, л. 4.
31. ГАИО, ф. 246, оп. 2, д. 5, л. 2-3.
32. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 2691, л. 3.
33. РГА РФ ДВ, ф. 1096, оп. 1, д. 90, л. 33.
34. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3134, л. 115.
35. Шайдурова Г. А. Побег как одна из форм борьбы политических арестантов с режимом содержания в Иркутской тюрьме (из истории нескольких побегов) // Сибирская ссылка. Иркутск, 2007, вып. 4 (16), с. 237; Максимова В. Н. Политическая каторга в Сибири в 1906-1917 гг.: гендерный аспект // Сиб. ссылка. Иркутск, 2009, вып. 5 (17), 327.
36. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 536.
37. Там же, лл. 535, 536; ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 4226, лл. 18-19, 22.
38. Максимова В. Н. Указ. соч., с. 321.
39. Крамаров Г. Большая и малая коммуны // Нерчинская каторга. М., 1933, с. 135-140.
40. РГИА, ф. 1405, оп. 110, д. 3356, л. 89.
41. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, лл. 618-619об.
42. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 628.
43. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 4226, л. 76.
44. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 536.
45. Там же, л. 629об.
46. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 457, л. 22.
47. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 536об.
48. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3134, лл. 101, 103; д. 4226, л. 15.
49. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 627об.
50. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3134, л. 106.
51. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1496, л. 72-74.
52. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, лл. 535, 536.

53. ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3134, л. 113.
54. Там же, д. 2691, л. 4.
55. Тагаров З. Т. Протесты политических каторжан Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем в 1910-1912 годы // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1981, вып. 6, с. 66-82; Шиловский М. В. Сибирская политическая каторга в начале XX века // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2011, вып. 1, с. 146-158.
56. РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 733, лл. 18-19.
57. Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск, 2010, с. 79-80.
58. Цит. по: Филиппов Д. В. Политическая деятельность Тюменской городской думы в годы Первой русской революции // Словцовские чтения – 2003. Тюмень, 2003, с. 52.
59. Правда, 1912, 7 ноября.
60. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 714, л. 42.
61. РГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 866, л. 26.
62. Вестник каторги и ссылки (Париж), 1914, № 1, с. 9.
63. Государственная дума: Стенограф. отчеты. 4-й созыв, сессия 2, ч. 3. СПб., 1914, стб. 246, 493-506.
64. РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 581, л. 5об.
65. Там же, д. 733, л. 31.
66. Там же, лл. 36 об.-37; ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3134, лл. 119-122.
67. РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 105, л. 41об.

Пенитенциарная и карательная система Советской Сибири

УДК 351.746.1(571.53)(091)

Наумов И.В.

Борьба Иркутской ГубЧК с участниками и сторонниками Белого движения в 1920–1921 гг.

Статья посвящена первым годам деятельности Иркутской губернской Чрезвычайной комиссии, ее борьбе с участниками Белого движения, а также сторонниками эсеров и меньшевиков в Иркутске.

Ключевые слова: Белое движение, чрезвычайные меры, подпольные организации, большевики.

Naumov I.V.

Fight of Irkutsk GUBChK against participants and supporters White movement in 1920–1921

Article is devoted to the first years of activity of the Irkutsk provincial Extraordinary commission, its fight against participants of White movement, and also supporters of members of Just Russia and Mensheviks in Irkutsk.

Keywords: White movement, emergency measures, underground organizations, Bolsheviks

17 февраля 1920 г. после того, как основная масса отступавших колчаковских войск ушла в Забайкалье, миновала прямая угроза Иркутску и военные действия между красными и белыми на территории губернии завершились, Иркутский рев-

ком, в соответствии со сложившейся в стране практикой, принял решение создать губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (ГубЧК). Она была образована на базе Чрезвычайной следственной комиссии Политцентра, а затем ревкома. Председателем Иркутской ГубЧК стал бывший председатель ЧСК большевик С.Г. Чудновский, а его заместителем меньшевик К.А. Попов.

Полное воссоединение Иркутской губернии с Советской Россией в начале марта 1920 г. после эвакуации интервентов, вступления в Иркутск частей 5-й Красной Армии и распространения действий в регионе всех декретов Советской власти, поставило перед ГубЧК совершенно новые задачи. Из органа политической репрессии против наиболее активных деятелей белого движения (как это было при Политцентре и ревкоме) ГубЧК должна была стать «социальным карательным аппаратом, пресекающим в корне всякое покушение на новый трудовой строй»¹. В связи с такой трактовкой ее функций предстояло многократное расширение масштабов и направлений деятельности ГубЧК. Ей предстояло стать всеохватывающим и всепроникающим контрольно-карательным аппаратом Советской власти.

Следует отметить, что с точки зрения новых задач ЧК, обстановка в Иркутской губернии была исключительно сложной. Это отмечали и сами чекисты. «Эвакуация в Иркутск центральных правительственных учреждений (колчаковских. – Прим. авт.), – подчеркивалось в сводке ГубЧК за первое полугодие 1920 г., – колоссальное скопление беженцев (от большевиков. – *Прим. авт.*), многочисленные и разнообразные агенты-provokatory международного шпионажа, вчерашние герои расстрелов и карательных экспедиций, проскользнувшие в ряды командного состава Красной Армии, спекулянты и социальные паразиты, пристроившиеся в советских учреждениях, вся эта нечисть и накипь не только требует решительной молниеносной чистки, но и продолжительного, упорного труда для устранения всех социальных причин, породивших эти болезненные буржуазные наросты»². Как видно из приведенной цитаты, руководители Иркутской ЧК достаточно ясно представляли себе роль и назначение ЧК в развернувшейся борьбе за создание

нового социалистического строя, а также сложность решения этой задачи.

Вместе с тем, в первое время (весной 1920 г.) Иркутская ГубЧК не была готова к выполнению новых функций. Дело в том, что в отличие от ЧК других губерний и ВЧК, которые к 1920 г. повсеместно стали однопартийными, чисто большевистскими по своему составу, в Иркутской ГубЧК работали представители не только большевиков, но и других политических партий социалистической ориентации. Поскольку образованная еще Политцентром Чрезвычайная следственная комиссия была сконструирована на коалиционных основах, то и ставшая ее наследницей ГубЧК заимствовала этот принцип. В ее коллегию наряду с большевиками вошли эсеры и меньшевики, которых первые к тому времени считали безусловно враждебными политическими силами. По мнению большевиков, «нахождение в Коллегии меньшевиков и эсеров мешало взять правильный курс и не могло гарантировать безусловного пресечения контрреволюционных действий со стороны буржуазных или псевдосоциалистических групп»³. Однако, близость дальневосточного «буфера», необходимость консолидации всех политических сил, выступавших за прекращение интервенции и Гражданской войны на востоке страны и связанная с этим декларация демократических принципов, вынуждали большевиков мириться до поры до времени с присутствием в ГубЧК иностранных политических сил. Лишь к лету ее коллегия стала однопартийной, но и тогда дееспособность Иркутской ЧК повысилась не намного, поскольку «тот служебный персонал, который в силу преемственности пришлось принять от прежней Коллегии, не мог быть обновлен вполне коммунистическими силами, вследствие отсутствия у местной партийной организации достаточного количества интеллектуальных сил»⁴.

Взять «правильный курс» иркутским чекистам помог Особый отдел ВЧК 5-й Красной Армии, прибывший в город в марте 1920 г. Он сыграл очень значительную роль в становлении Иркутской ГубЧК. В отличие от иркутских чекистов, не имевших практически никакого опыта работы по обеспечению государственной безопасности, его сотрудники за два года Гражданской войны стали опытными и умелыми работниками⁵.

В Иркутске основные усилия Особого отдела 5-й армии были направлены на розыск и арест видных деятелей белого движения, членов карательных отрядов и контрразведки. Ряд операций такого рода он осуществил совместно с местными чекистами. В результате удалось задержать немало известных белогвардейцев, в т. ч. бывшего руководителя иркутского офицерского подполья в 1918 г. генерала А.В. Эллерц-Усова, начальника иркутской колчаковской охраны Черепанова и других.

В сентябре 1920 г. в целях качественного улучшения работы Иркутской ЧК и координации усилий было принято решение о слиянии Особого отдела 5-й армии и Иркутской ГубЧК. 4 сентября 1920 г. начальника Особого отдела армии А.П. Марцинковского назначили председателем ГубЧК. Вместе с ним сюда пришла большая группа особистов, составивших костяк Иркутской ЧК. С этого момента Иркутская ЧК уже ничем не отличалась от других ГубЧК, а ее деятельность заметно активизировалась.

В первые годы своего существования иркутским органам государственной безопасности пришлось решать очень широкий круг задач.

Непосредственно после создания Иркутской ГубЧК основные усилия чекистов были направлены на выявление, розыск и арест активных участников белого движения. Иркутским чекистам предстояло расследовать деятельность белогвардейских правительств в Восточной Сибири, определить степень вины каждого сотрудника военной и гражданской белой администрации. Уже приходилось говорить о сложности социально-политической обстановки в Иркутской губернии после восстановления Советской власти. Как подчеркивалось в сводке ГубЧК: «Определенные социальные слои, как то торгово-промышленный класс, духовенство, сельское кулачество, выявившие всю паразитичность своего существования при аннуляции частной торговли, упразднении официального культа, уничтожении частной собственности на землю, должны были подвергнуться не только политическим, но и экономическим репрессиям. Небывалое скопление в Иркутской губернии беженского элемента, имеющего за собой то или иное компрометирующее прошлое,

требовало особой регистрации беженцев для использования их в смысле трудовой повинности»⁶.

Данная трактовка задач ЧК неизбежно предполагала очень большой объем работы. Эту работу иркутские чекисты проводили совместно с сотрудниками Особого отдела 5-й Красной Армии. Было задержано значительное количество лиц, подозреваемых в причастности к белому движению, в т. ч. министры колчаковского правительства, генералы и многие офицеры белой армии, служащие контрразведки, милиции и гражданских учреждений. В ходе расследования удалось раскрыть многие важные обстоятельства деятельности белого движения в Сибири в 1918–1919 гг. В частности, обстоятельства организации и деятельности в 1918 г. антисоветского подполья в регионе, связи подпольщиков с иностранными спецслужбами и чехословацким корпусом. Чекистам удалось выяснить методы и способы борьбы белой контрразведки с большевистским подпольем в Сибири, обстоятельства проникновения ее агентуры в руководящие центры подполья, приведшие к гибели многих подпольщиков. Много внимания иркутские чекисты уделяли расследованию белого террора, особенно его конкретных эпизодов.

В этом плане показательным делом о расстреле заключенных Александровского центра в декабре 1919 г., когда его узники, доведенные голодом до отчаяния, подняли восстание. Во время его подавления было убито 192 заключенных и еще 9 было расстреляно впоследствии⁷. Дело получило общественный резонанс еще при власти А.В. Колчака. Иркутская окружная прокуратура пыталась выяснить, не было ли превышения власти со стороны администрации тюрьмы, но столкнулась с активным противодействием военных. После восстановления Советской власти расследование было продолжено уже чекистами. Тщательно проведенное следствие позволило во всей полноте воссоздать картину событий, произошедших в Александровском центре 8–11 декабря 1919 г. Удалось задержать и привлечь к ответственности многих активных участников расправы над заключенными: начальника Александровского гарнизона Н.Ф. Жбанова, начальника тюрьмы Н.А. Богданова, его помощников – М.Н. Шурыгина, А.С. Шеметкина, офицеров К.Т. Верниковского, К.А. Северина, А.М. Козлова и

других. Несмотря на то, что арестованные всеми силами пытались скрыть свою личную ответственность, следователям ЧК удалось убедительно доказать их виновность. Сохранившиеся документы ярко демонстрируют кропотливую и обстоятельную работу следствия⁸. Ее итогом стали открытые судебные процессы над обвиняемыми⁹.

Наряду с расследованием деятельности участников белого движения важную задачу иркутских чекистов в этом плане составляла борьба с белогвардейским подпольем. Во второй половине 1920 г. сумевшие избежать фильтрации активисты белого движения оправились от шока, вызванного крахом колчаковского режима, и стали по всей Сибири создавать подпольные военные организации. Их руководители надеялись использовать наметившееся в это время массовое недовольство сибирского крестьянства продовольственной политикой Советской власти и организовать повторное ее свержение.

В Иркутской губернии наиболее значительной и успешной операцией чекистов против белогвардейского подполья стала ликвидация т. н. «роговской организации». Осенью 1920 г. чекистам стало известно, что подполковник белой армии Рогов создал подпольную организацию и активно вовлекает в нее бывших колчаковцев. Было установлено, что Рогов ведет их переброску из Иркутска в сельскую местность, где крестьянство проявляло недовольство новой властью. Под видом верхоленских ямщиков членов организации вывозили по якутскому тракту в бурятские улусы под Усть-Орду. Одновременно штаб подполья разрабатывал план восстания.

Председатель Иркутской ГубЧК А.П. Марцинковский принял решение внедрить чекистов в организацию Рогова для выявления ее состава и намерений. В контакт с подпольем вступил сотрудник Особого отдела ГубЧК Смертный, представившийся поручиком Рухловым. Вскоре Смертный-Рухлов стал одним из наиболее активных подпольщиков. Он сумел войти в доверие к Рогову, который оценил усердие и исполнительность «поручика». Новоявленный активист подполья «привлек» в организацию много новых членов. Рогов, побеседовав с людьми Рухлова, нашел их «подходящими для дела». Штаб подполья решил вывести отряд новобранцев из города и разместить

его в Байтогском улусе. Ни Рогов, ни его окружение и не подозревали о том, что все новые подпольщики – чекисты.

На рассвете 1 декабря 1920 г. отряд скрытно покинул Иркутск и к вечеру достиг Усть-Орды, где располагался первый пункт сбора подпольщиков. В течение нескольких дней Смертный-Рухлов с отрядом, следуя по маршруту, данному ему Роговым, появлялся в улусах и селах, устанавливал по паролю связь с белогвардейцами, собирал их в одном месте якобы для совещания и арестовывал. Одновременно в Иркутске чекисты арестовали почти всех членов роговской организации. Однако, сам Рогов сумел скрыться от ареста, выпрыгнув во время задержания в окно. В апреле 1921 г. состоялся суд над членами подполья.

В это же время Рогов создал новую подпольную организацию под названием «Возрождение России». Провал сделал его более осторожным. В новую организацию Рогов привлекал только надежных, проверенных людей. Он решительно уничтожал лиц, вызывавших хоть малейшее подозрение. Основную ставку Рогов на этот раз сделал на использование частей Красной Армии. Ему удалось привлечь в подполье некоторых командиров и красноармейцев 5-й армии, недовольных политикой Советской власти, в частности, в подразделениях военизированной охраны оружейных складов. Он создал опорные базы, на которых располагались небольшие кавалерийские отряды с пулеметами на тачанках. Предполагалось, что после выступления этих отрядов начнется восстание частей 5-й армии.

Однако ГубЧК раскрыла и эту организацию. Когда стало известно о намерении Рогова вывезти за город винтовки, пулеметы и гранаты с одного из оружейных складов, руководство ЧК приняло решение о ликвидации «Возрождения России». В условленный час чекисты под видом ямщиков прибыли на подводах к складам, где их ожидали участники подполья. Погрузив оружие, они вместе с подпольщиками выехали в лес, где оперативная группа ЧК разоружила «возрожденцев». После этого чекисты двинулись к главной базе, на которой оружие ожидал сам Рогов. На этот раз провести операцию бескровно не удалось. У заставы роговцы обстреляли отряд чекистов ружейно-пулеметным огнем. Завязался бой, во время которого

Рогов был убит. После подхода подкреплений, роговцев выбили из укреплений и взяли в плен оставшихся в живых.

Удар, нанесенный чекистами по роговской организации, на некоторое время парализовал деятельность антисоветского подполья.

Другой крупной операцией подобного рода стало задержание в конце 1921 г. командира крупного повстанческого отряда, поручика В.И. Чернова, действовавшего в Балаганском, Черемховском и Иркутском уездах. В его отряд удалось внедрить под видом казачьего офицера сотрудника ЧК В.Н. Преловского, который сообщал все сведения о передвижении отряда, его численности, вооружении и т. п. После ряда неудачных операций отряда, В.Н. Преловский сумел склонить В.И. Чернова бросить отряд и перебраться в Маньчжурию к атаману Г.М. Семенову¹⁰.

Операцию по задержанию В.И. Чернова разработали председатель ГубЧК М.Д. Берман и заместитель начальника Черемховского политбюро И.С. Тумахович. Последний обеспечил сопровождение В.И. Чернова в Иркутск и его размещение на квартире родственника сотрудника ЧК, некоего Седова на Иерусалимской (Советской) улице. На этой квартире Чернов познакомился с С.Д. Красновым, сотрудником ЧК, выдававшим себя за прапорщика Карелина из Бодайбо, служившего там в белой контрразведке. Сложность задания заключалась в том, что руководство ЧК потребовало взять В.И. Чернова живым. Его задержание поручили заместителю начальника агентурного отделения ГубЧК Ю.Е. Новаку. Краснов-Карелин сумел войти в доверие к В.И. Чернову. 1 декабря 1921 г. Ю.А. Новак и С.Д. Краснов с риском для жизни задержали В.И. Чернова, за что им была объявлена благодарность¹¹.

Одновременно с борьбой с антисоветским подпольем сотрудники Иркутской ЧК вели наблюдение за членами социалистических партий – эсерами и меньшевиками, которых большевики после Гражданской войны считали своими главными политическими врагами. Их деятельность всячески ограничивалась путем запрета газет, увольнения активистов этих партий с ответственных постов, арестов и т. п. К концу 1920 г. чекистам удалось свести активность этих партий практически к нулю.

Другим важным направлением борьбы с оппозиционностью являлась борьба с православным духовенством. Поскольку Советская власть в то время рассматривала служителей церкви в качестве паразитического сословия, то на ЧК легла задача контроля над духовенством и ограничения его деятельности. Вследствие этого ЧК установила наблюдение над всеми представителями духовенства, которых власти могли заподозрить во враждебности к себе. Настроения среди духовенства тщательно отслеживались и анализировались в сводках ЧК. В иркутских храмах и монастырях периодически проводились обыски, изымались ценности и арестовывались представители духовенства, венцом которых стало вскрытие мощей святителя Иннокентия в Вознесенском монастыре в январе 1921 г. Помимо прямых репрессий против духовенства, ЧК предпринимала усилия по подрыву их авторитета среди населения. Так, в 1920 г., используя слабости человеческой природы, чекистам удалось после ареста заставить отказаться от сана главу Иркутской епархии Русской православной церкви епископа Зосиму (А.А. Сидоровского), что, безусловно, не способствовало авторитету церкви.

Примечания

1. ГАИО. Ф.145. Оп.1. Д. 6. Л. 4.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. О квалификации сотрудников Особого отдела красноречиво свидетельствует оперативная игра с колчаковской разведкой, проведенная ими летом-осенью 1919 г., во время которой удалось выявить в тылу красных войск и обезвредить около 80 агентов колчаковской разведки. См.: Борьба за Урал и Сибирь. М.-Л., 1926. С. 181.
6. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
7. Там же. Ф. 873. Оп. 1. Д. 10. Л. 108.
8. Там же.
9. Следует отметить, что приговоры Иркутского ревтрибунала были достаточно мягкими для того сурового времени. Например, помощник начальника тюрьмы М.Н. Шурыгин, которого обвиняли в участии в расстрелах и в жестоком обращении с заключенными после подавления восстания, был приговорен всего лишь к 5 годам лишения свободы, а через 2 года и этот срок по амнистии сократили на треть. – Там же. Д. 6.

10. См.: Блокнот-агитатора. Иркутск, 1970. № 2. С. 27.
11. Приказ по Иркутской ГубЧК № 417 от 3 декабря 1921 г.

УДК 355.484–054.65(52)

*С.В. Карасев
С.И. Кузнецов
А.В. Соловьев*

Высший командный состав Квантунской армии в советском плену (1945–1956 гг.)

В статье рассматриваются вопросы пленения военнослужащих Квантунской армии и союзников Японии в ходе Второй мировой войны. Определяется общая численность военнопленных и интернированных. Раскрывается судьба военнопленных генералов.

Ключевые слова: военнопленные, японские генералы, Квантунская армия, Дальний Восток, Вторая мировая война, советско-японские отношения.

*S.V. Karasyov
S. I. Kuznetsov
A.V. Solovyov*

The highest command structure of Kvantunsky army in Soviet to captivity (1945–1956)

The article surveys capture of the Kwantung Army soldiers and allies of Japan during the Word WarII. Authors estimated total number of war prisoners and internees, as well as Japanese war prisoners jailed in Soviet camps. It reveals fate of Generals – war prisoners.

Keyword: prisoners of war, Jsapanese generals, Far East, World War II, Soviet-japanese relations, Kwantung Army.

Плен и интернирование, а также связанные с ними проблемы являются существенной частью истории международных

отношений, истории взаимоотношений стран и народов. Изучение их исторических, политических, международно-правовых, психологических и философских аспектов, имеет как практическое, так и гуманитарное значение.

Не стала здесь исключением и Вторая мировая война, в ходе которой общее число военнопленных составило порядка 35 млн чел. Одними из участников этого самого кровопролитного вооруженного противостояния стали Советский Союз и Япония.

Япония сосредоточила на Дальнем Востоке армию общей численностью до 1 072 000 чел., которая была нацелена на ведение активных боевых действий и оказание упорного сопротивления наступающим частям. Ей противостояли советские войска (РККА) и подразделения армии Монголии общей численностью до 1 685 500 чел.

Кампания была краткосрочной и стремительной, но ее результатом стали многие тысячи пленных, интернированных в СССР.

Что касается общего числа военнопленных и интернированных, оказавшихся в советском плену после Советско-японской войны 1945 г., то в различных источниках оно существенно разнится.

В справке к сопроводительному письму от 18 октября 1956 г. заместителя министра внутренних дел СССР С. Переверткина, на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева и др. приводится число – 609 448 военнопленных японцев (163 генерала, 26 573 офицера и 582 712 унтер-офицеров и рядовых [подсчитано по: 30, с. 337-338]. В 11-м томе «Истории Второй мировой войны» приводится несколько иная численность военнопленных, захваченных Забайкальским, 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами. Она представлена в табл.1.

Таблица 1
Количество пленных, захваченных войсками РККА [28, с. 253]

Фронт			Всего пленено чел.
Забайкальский	1-й Дальневосточный	2-й Дальневосточный	
2201 35	107 891	265 964	593 990

Работа с документами, находящимися на хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ, позволила уточ-

нить отдельные цифры и определить численность военнопленных, что и приведено в табл. 2.

Таблица 2

Численность военнопленных, захваченных советскими войсками в войне с Японией в 1945 г. [22]

Фронт	Пленено по национальностям, чел.				Всего, чел.
	японцы	китайцы	корейцы	маньчжуры	
1-й Дальневосточный	224 285	6319	7326	9297	267 227
2-й Дальневосточный	112 190	–	–	9627	121 817
Забайкальский	На конец боевых действий в сводке по национальностям не расписаны				220 114
Итого, чел.					609 158

Численность военнопленных, по данным начальников отделов НКВД при фронтах, несколько отличается от численности, приведенной в табл. 2. Она представлена в табл. 3.

Таблица 3

Численность военнопленных по данным начальников отделов НКВД по делам военнопленных при фронтах[21]

Фронт	Всего пленено, чел.	Из них японцев, чел
1-й Дальневосточный	267 225	224 285
2-й Дальневосточный	121 817 [в документе ошибка: следует читать – 121 816]	112.190
Забайкальский	225 371	209 484
Всего, чел.	614 413	545 959

Один из документов, находящихся на хранении в Российском Государственном военном архиве, на настоящее время наиболее полно отображает картину пленения военнослужащих и гражданских лиц противника. Учитывая показатели, приведенные в этом документе, а также численность плененных по национальностям, приведенную в отчетах по фронтам, принимавшим участие в боевых действиях на Дальнем Востоке в августе-сентябре 1945 г., можно заключить, что за весь период пребывания войск РККА на занятых территориях было пленено 640 369 чел. Из них японцев – 609 825 чел.; маньчжур – 10 263 чел.; корейцев – 10 668 чел.; китайцев – 9080 чел.; монгол – 450 чел.; прочих национальностей – 83 чел.[13].

Однако спорным в этом документе выглядит строка «прочих». Здесь отражено только 83 человека. Известно, что только 1-я Краснознаменная армия докладывала о нахождении в лагерях для военнопленных на занимаемых территориях русских – 83 чел., [11], а 36-я армия – 65 чел. [24]. Кроме этого, в донесениях не учтен один военнопленный украинец [12].

В число военнопленных, которые проходят по справке о военнопленных бывшей японской армии, входят и 2 чел. немецкой национальности. Они находились на территории Бурят-Монгольской АССР, но прибыли сюда из европейской части СССР и к военнопленным бывшей японской армии не имеют отношения, но проходят по статистическим показателям [12]. Таким образом, число военнопленных, которые проходят по строке «прочие», составляет 167 чел., а общее число военнопленных представлено в табл. 4.

Таблица 4

Общее число пленных, захваченных в ходе Советско-японской войны 1945 г.
[составлено по материалам: 18, 20, 25]

Национальность	Число, чел.
Японцы	609 825
Маньчжуры	10 263
Корейцы	10 668
Китайцы	9080
Монголы	450
Малайцы	11
Русские	148
Буряты	5
Тунгусы	2
Украинцы	1
Всего	640 453

Таким образом, с высокой степенью достоверности можно предположить, что всего было взято в плен 640 453 чел., а том числе японцев – 609 825 чел.

Из этого числа на фронтах умерло 15 986 чел., правительству Монголии было передано 12 318 чел.[14] (2822 чел. из этого числа умерло[15]). Непосредственно с фронтов было передано,

отпущено 64 888 чел.[12]. Исходя из этого, на территорию Советского Союза могло быть перемещено около 54 7261 чел.

Кроме пленных рядового, сержантского и офицерского состава на территорию СССР были перемещены как генералы и адмиралы японской армии и флота, так и лица, приравненные к ним по занимаемому до пленения положению.

Их численность в различных источниках так же отличается весьма существенно. В газете «Правда» от 12 сентября 1945 г. определено их число в 148 чел. Доклад МВД СССР правительству Советского Союза от 12 октября 1956 г., сообщает о 170 генералах [26]. Доклад МВД СССР от 13 октября 1956 г. определяет их численность в соответствии с данными, приведенными в табл. 5.

Таблица 5

Национальный состав военнопленных генералов [27]

Национальность	Количество, чел.
Японцы	163
Китайцы	24
Корейцы	1
Монголы	3
Всего	191

При работе с документами, находящимися на хранении в Российском Государственном военном архиве (РГВА), был обнаружен документ, который позволяет не только более точно определить численность генералов, плененных советскими войсками в ходе Советско-японской войны 1945 г., но и разобраться в причинах противоречивой численности пленных этой категории. Данный документ проходит по описи 1а фонда 463/п и называется «Учетные дела на освобожденных и умерших военнопленных генералов бывших западных и японской армии за 1943-1972 гг.». В нем перечислены фамилии генералов, адмиралов и высокопоставленных гражданских лиц японской, китайской, корейской и монгольской национальностей, на которых имеются учетные дела, а также список фамилий военнопленных и интернированных этих категорий, на которых имеются только учетные карточки. Кроме того, в этой описи отдельно представлен список военнопленных генералов, национальность которых не указана.

При изучении этого документа определилось, что под понятие «военнопленные генералы» подпадали не только военнослужащие, проходившие службу в этих воинских званиях, но и отставные генералы, маршалы, а также лица, по занимаемому посту приравненные к генералам. Кроме этого, по этому списку проходит император Маньчжоу-Го, некоторые его родственники и просто гражданские лица.

Конечно, считать полученный список абсолютно точным из-за недоступности отдельных документов нельзя, но при его составлении были учтены ранее известные и впервые введенные в научный оборот документы. Распределение военнопленных по воинским званиям и национальностям на территории СССР представлено в табл. 6.

Таблица 6

Распределение военнопленных по воинским званиям и национальностям, чел.
[составлено по материалам: 1, 3, 4, 7, 9, 17, 29 с. 321-322]

Национальность	Маршал	Полный генерал	Генерал-лейтенант	Генерал-майор	Генерал	Контр-адмирал	Вице-адмирал	Итого, чел.
Японцы	-	2	63	123	2	3	2	195
Китайцы	1	3	7	13	-	-	-	24
Маньчжуры	-	-	1	-	-	-	-	1
Монголы	-	-	2	1	1	-	-	4
Корейцы	-	-	1	-	-	-	-	1
Буряты	-	-	1	-	-	-	-	1
Не определена	-	-	4	10	-	-	-	14
Всего, чел.	1	5	79	147	3	3	2	240

Исходя из данных, приведенных в табл. 6, можно заключить, что основное число высокопоставленных плененных, приходится на японцев. Они составляют 81,25 % от общего числа военнопленных этой категории, а меньше всего было пленено корейских, маньчжурских и бурятских генералов – по 1 чел., что составляет 0,41 % для каждой национальности. Из числа военнопленных на момент пленения в отставке находилось 8 чел., или 3,33 % от общего числа этой категории плененных.

До пленения они занимали различные должности. При изучении биографий генералов, содержащихся в Советском Союзе, определилось, что это были настоящие профессионалы, прошедшие все ступени «армейской лестницы». Их преданность Японии, императору не ставится под сомнение. Однако поражает исполнительностью, когда после указа императора они капитулировали с оружием в руках и были до конца верны своему слову [23].

При работе с документами, хранящимися в РГВА, было установлено, что из общего числа военнопленных генералов 34 чел. умерло, 33 из них захоронено либо кремировано и похоронено в Советском Союзе. Умер и один человек из лиц, приравненных по занимаемому до пленения положению к высшему командному составу – ЛюиЛюн Хуан, китаец, посланник Маньчжоу-Го в Китае. Причина его смерти – гипертония, сердечная астма. Он был захоронен на кладбище для военнопленных в Хабаровске. Если учитывать ЛюиЛюн Хуана в перечне умерших генералов в период нахождения в советском плену, то в их числе было: японцев – 33 чел.; монгол – 1 чел.; китайцев – 1 чел. [10].

Данные о причинах их смерти представлены в табл. 7.

Таблица 7

Причины смерти японских и монгольских генералов, а также лиц, приравненных к высшему командному составу, плененных войскам РККА в августе-сентябре 1945 г. [19]

Причина смерти	Национальность		
	японец	монгол	китаец
Самоубийство	3	-	-
Кровоизлияние в мозг	8	1	-
Перитонит	1	-	-
Разрыв аневризмы аорты	1	-	-
Пневмония и туберкулез	1	-	-
Неизвестна	1	-	-
Туберкулез	4	-	-
Отек легких	1	-	-
Паралич сердца	1	-	-
Гипертоническая болезнь	2	-	-
Рак желудка	2	-	-
Обширный атеросклероз	3	-	-
Энцефалит	1	-	-
Язвенная болезнь, анемия	1	-	-

Сахарный диабет	1	-	-
Воспаление мозга, пневмония	1	-	-
Отек мозга	1	-	-
Гипертоническая болезнь, сердечная астма	-	-	1

Из табл. 7 следует, что основной причиной смерти среди генералов и лиц, приравненных к ним, явилось кровоизлияние в мозг. Также нередко были случаи смерти военнопленных от туберкулеза – 4 случая. На причины смерти военнопленных, безусловно, оказывали влияние и условия содержания, и психологический фактор, и обострение ранее приобретенных заболеваний вследствие их возраста.

Судьба генералов, оказавшихся в плену в Советском Союзе в результате Советско-японской войны 1945 г., сложилась поразному. Однако противоречивые данные об общем количестве военнопленных этой категории не позволяют провести полный анализ их положения.

На 11 января 1950 г. из общего числа учтенных генералов было по заключению советских властей так охарактеризовано их состояние:

- осуждено Военным трибуналом за активную разведывательную деятельность и за подготовку бактериологической войны против СССР – 10 чел.;
- умерло от старости и хронических болезней, не связанных с содержанием в лагере – 21 чел.;
- репатрировано на родину – 15 чел.;
- содержится в заключении – 121 чел., из которых 80 чел. из-за отсутствия компрометирующих материалов и в связи с тяжелым состоянием здоровья подлежали репатриации [8].

Список генералов, которых, по мнению Советского Союза, необходимо было предать суду Военного трибунала за преступления против СССР, разделил их на следующие категории:

- организаторы переброски разведчиков и диверсантов на территорию СССР – 20 чел.;
- руководящие работники полиции – 2 чел.;
- участники подготовки нападения на СССР – 2 чел. [7].

18 июля 1950 г. на ст. Пограничная представителю МИД Китайской Народной Республики Лу Си были переданы 969 японских военнопленных, в том числе 17 генералов. Передача

производилась по акту и именованному списку с приложением на каждого из них следственных материалов (двух военнопленных передать не удалось по причине их смерти) [5]. За переданные следственные дела на военнопленных Лу Си выразил благодарность, заявив: «Наличие этих материалов даст возможность органам Министерства общественной безопасности Китая быстрее провести следствие по этим лицам и привлечь их к судебной ответственности» [6].

23 декабря 1956 г. состоялась передача 1025 амнистированных японских граждан, среди которых было 22 генерала и приравненных к ним лиц, 233 офицера, 710 солдат и других лиц. Передачу в качестве представителя советской стороны производил старший оперуполномоченный тюремного отдела МВД СССР подполковник Никаноров [16].

Примечания

1. Архив Информационного центра Управления внутренних дел Хабаровского края. Ф. 13, оп. 0021, л. 25.
2. Архив музея Учреждения ОД-1/Т2.
3. Архив Регионального Управления Федеральной службы безопасности по Забайкальскому краю. Архивное дело № 222, л. 1-23, 25-40, 45, 47, 99-145.
4. Архив Управления внутренних дел Владимирской области. Ф. 10, арх. д. №№ 3250, 3093.
5. Государственный архив РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 269, л. 399.
6. Государственный архив РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 269, л. 401.
7. Государственный архив РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 269, л. 14, 15.
8. Государственный архив РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 269, л. 8.
9. Государственный архив РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 98, л. 282-283; д. 134, л. 266, 270, 283; д. 269, л. 11-15, 165-167, 202, 370.
10. Российский Государственный военный архив, Ф. 463/п, оп. 1а.
11. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 01-е, д. 15. л. 46.
12. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 01-е, д. 15а, л. 96.
13. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 01-е, д. 40, л. 18. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 01-е, д. 40, л. 257.
14. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 19т, д. 6, л. 2.
15. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 32, д. 1, л. 2, 3.

16. Российский Государственный военный архив. Ф. 1-а, оп. 34, д. 10, л. 1; Ф. 1/п, оп. 19т, д. 6, л. 38-39, 41а; Ф. 463/п, оп. 1а, л. 5-26.
17. Российский Государственный военный архив. Ф. 1/п, оп. 01-е, д. 15, л. 46; д. 15а, л. 96; д. 40, л. 18.
18. Российский Государственный военный архив. Ф. 463/п, оп. 1а, д.д. 431, 432, 442, 448-496, 498-650, 656-663
19. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 210, оп. 3152, д. 52, л. 54.
20. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 210, оп. 3152, д. 52, л. 104; ф. 234, оп. 3213, д. 422, л. 7; ф. 238, оп. 1584, д. 139, л. 13.
21. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 210, 234, 238.
22. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 210, оп. 3141, д. 75, л. 45, 108; оп. 3116, д. 265, л. 41, 46, 61
23. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 210, оп. 3152, д. 52, л. 54.
24. Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 69.
25. Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 67
26. Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 68
27. История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. Т. 11. 1980, Поражение милитаристической Японии. Окончание второй мировой войны. М., 1980. 296 с.
28. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. В 8 т. Т. 2. Кн. 1: (22 июня 1941 г. – 31 августа 1941 г.): [сб. документов] / Федер. служба безопасности РФ, Акад. Федеральной службы контрразведки РФ.; Сост. В.П. Ямпольский. М.: Изд-во «Русь», 2000. 719 с.
29. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.

УДК 625.1.002(571.53)(091)

Ю.А. Петрушин

**Страницы истории 12-й железнодорожной стройки:
Иркутск – Слюдянка (1939–1956 гг.)**

В данной публикации предпринята очередная попытка, более полно восстановить, историю этой стройки, долгое время бывшую в забвении, правдиво рассказать о тяжелой судьбе ее первых строителей военной поры и трудностях послевоенного времени [1]. Автор использовал опубликованные и архивные документы и работы по истории железнодорожного транспорта 1941–1956 гг., а также воспоминания участницы 12 стройки Петрушиной Евдокии Сергеевны (Черняковой), отработавшей на строительстве с декабря 1941 по март 1943 гг.

Ключевые слова: железная дорога, репрессивная политика, стройка, принудительный набор, жилищные условия.

Yu.A. Petrushin

**Pages of history of the 12th railway building:
Irkutsk – Slyudyanka (1939–1956)**

In this publication the next attempt is made, more fully to restore, history of this building, long time being in oblivion, truthfully to tell about a hard lot of her first builders of wartime and difficulties of post-war time. The author used the published and archival documents and works on history of railway transport of 1941–1956, and also reminiscence of the participant of the 12th building Petrushina Eudoxia Sergeevna (Chernyakova) who has fulfilled on construction since December of 1941 till March, 1943.

Keywords: railroad, repressive policy, building, compulsory set, living conditions.

Наиболее остро встал вопрос о сооружении обходной железной дороги на перегоне Иркутск – Слюдянка в 1920-е гг. Специалистами отмечалась уязвимость Кругобайкальской железной дороги в случае войны. Дорога постепенно утрачивала свою перспективность в связи с возрастанием геополитических

задач восточных регионов, расширением хозяйственно-экономических потребностей страны. Все это вызвало необходимость начала геодезических изысканий строительства новой обходной железной дороги Иркутск – Слюдянка. В 1939 г. был составлен предварительный проект с выходом к высотке «Ангасольский камень» с отметкой 976 м, перевальную седловину в верховье Средней Ангасолки (ныне станция Андриановская). Выбор был утвержден и в 1940 г. обходная горная железная дорога получает номер строительства 12. Затем Стройуправление № 12 было передано в другое ведомство и строительство железной дороги поручено тресту Воссибстройпуть. Дорога проектировалась как двухпутная железнодорожная магистраль нормального типа с паровой тягой. Пунктом отмыкания принималась станция Иркутск I с пересечением реки Олки у села Смоленщина.

Трест «Воссибстройпуть» объединял 4 самостоятельных хозяйственных подразделения. Сам трест (он располагался в городе Иркутске), Желдорвзрывпром, Стройторгпит, и группу заказчика Строительства 12 с его управлением. По производственной части трест подчинялся Министерству путей сообщения, а по партийной линии Кировскому райкому партии города Иркутска. В 1940–1941 гг. трест возглавлял Власов, заместителем по строительству был Шкредов, заместителем по политической части Титов. Вначале стройка № 12 была разбита на 2 участка. 1-й участок (начальник Иванов) располагался от Иркутска на расстояние до 70 км. Далее шел 2-й участок. Он обслуживался строительным поездом № 34, который находился в Слюдянке.

Строительство № 12 в силу природных, экономических условий было трудным и продолжительным. По приказу Народного Комиссариата путей сообщения (НКПС) от 11 февраля 1939 г. было организовано стройуправление № 12 в составе треста «Воссибпуть» на началах хозрасчета. В 1941 г. был заключен и утвержден проект железнодорожной линии № 12 под два пути, открылось государственное финансирование стройки.

Стройка объявила добровольный набор рабочей силы. Сюда потянулись жители из предместий города Иркутска, крестьяне близлежащих сел и деревень. Люди прибывали даже семьями, рассчитывая избавиться от колхозной кабалы, подзаработать

денег. Активно действовали и вербовщики стройки. К 1941 г. на стройке трудились около 5 тыс. рабочих. Ожидалось прибытие еще 1,5–2 тысяч человек [2]. Приезжали даже активные комсомольцы из центра страны. Но уже первое знакомство с железнодорожной стройкой порождало у прибывающих кадров подавленное настроение. Резко бросалась в глаза организационная неразбериха (это видно и из архивных документов), завербованные кадры строителей были недовольны перебоями с выплатой заработной платы. Но особенно острыми и тяжелыми оказались питание рабочих и жилищно-бытовые условия на стройке.

Мастера не спешили объяснять рабочим их задачи и фронт работ. Не хватало не только специальной техники, в первую очередь экскаваторов, автомобилей, тракторов, но и простого шанцевого инструмента. Иркутскому заводу тяжелого машиностроения им. Куйбышева были срочно заказаны 2 тысячи кувалд, 2,5 тысячи кайл, 15 тонн технической проволоки, 15 тонн гвоздей [3]. Но самое главное – железнодорожная стройка не обеспечила рабочих даже сносным жильем и питанием. Администрация стройки в срочном порядке заказала на швейной фабрике пошить 5 тысяч брезентовых палаток. В них размещались первые строители, утепляясь по мере холодов. Холмы современной Синюшиной горы г. Иркутска напоминали в ту пору густо заселенный палаточный городок. До места работы рабочим приходилось проходить пешком до 5 км за день. Управление стройки срочно взялось за возведение жилых барачных в поселках Мельниково, Смоленщина, Ханчине, Рассохе, Култук. Бараки строились наспех из свежего заготовленного леса и пиломатериала, и рабочим донимала сырость и неуютность такого жилья. Позднее рабочим разрешили на время летних школьных каникул жить в зданиях местных школ поселков Мельниково, Смоленщина, Олха, Большой Луг, Култук. Но, пожалуй, самым злободневным вопросом было питание строителей. В 1940 г. началось оборудование временного котлового пункта в селе Смоленщина, а затем строительство временных столовых. Постоянно не хватало фондов на продовольствие. Обеды доставлялись на дрезине по трассе. Их качество оставляло желать лучшего. Не хватало хлеба, в основном белого, обеденные порции были не большими, люди постоянно

испытывали чувство голода. Тяжелый труд требовал усиленного питания, о котором можно было только мечтать. Например, в Большой Луг доставляли всего 50 обедов на 80 семей. На стройке росло недовольство рабочих, наблюдалась текучесть кадров. Так, в 1940 г. до окончания трудовых договоров со стройки было уволено 492 человека. Люди сами уходили со строительства, возвращались в свои деревни. В поселке Ханчин строители даже объявили забастовку и не выходили на работу. Руководство стройки пыталось предпринимать пожарные меры по улучшению продовольственного положения стройки [4]. На железнодорожных станциях в Иркутске, Ханчине, Култуке начали строить овощехранилища на 800 тонн картофеля, развернулся сбор грибов и ягод. Эти подсобные меры не решали животрепещущей проблемы питания строителей. Они явно не согласовались с партийно-политическим лозунгом стройки «Проявим к рабочим заботливое отношение и чуткость!» Руководство и партийная организация стройки вынуждены были признать, что «По-большевистски не работаем», «Проявляем контрреволюционное отношение к рабочему классу!». Все это негативно сказывалось на выполнении плановых заданий.

В итоге за 1940 г. убытки на стройке составили 1 млн 750 тыс. рублей. План 1941 г. был выполнен на 70 %. С началом войны 12 стройка была объявлена важнейшим оборонным объектом. Она переводилась на военный лад [5].

С началом военных действий стройка, как и все народное хозяйство, резко ощутила нехватку рабочих рук. Сократилась общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны с 31,2 млн чел. в 1940 г. до 18,4 млн в 1942 г. [6]. Для обеспечения производства и строительства необходимо было решить две основные задачи: изыскать дополнительные трудовые ресурсы, способные заменить рабочих, ушедших в армию, и обеспечить повышение производительности труда (вплоть до принуждения). Основным источником трудовых ресурсов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стало население, ранее не занятое в общественном производстве, прежде всего женщины, молодежь и подростки. Удельный вес молодежи в возрасте до 18 лет в народном хозяйстве возрос с 6 % в 1939 г. до 15 % в 1942 г. [7]. Подобное соотношение было и в Сибири.

МОБИЛИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ началась с первых дней войны. Директивно-распорядительные установки Государственного Комитета Обороны (ГКО) стали в годы войны основой государственной политики в области трудового использования наличных трудовых ресурсов. Как известно, механизм мобилизации рабочей силы стал складываться еще в годы революции и гражданской войны. Из истории страны памятли дела трудармейцев послереволюционных лет, не забыт героический труд Павки Корчагина и его современников, идеализированный и воспетый советской литературной классикой. Мобилизационный процесс расширялся в 1920-е гг., а перед войной был дополнен важными конструкционными деталями, определенными в ряде Указов Президиума Верховного Совета СССР 1940 года. (О запрещении самовольного ухода с работы, о государственных трудовых резервах, о переводе рабочих с одних предприятий на другие и т. п.). Все они представляли законченную систему административно-командной экономики с механизмом принудительной мобилизации. 26 июня 1941 г. вышел известный Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Он добавил сверхурочных работ от 1 до 3-х часов. На практике сверхурочные часы длились гораздо дольше.

30 июня 1941 г. был образован Комитет по учету и распределению рабочей силы. Он приступил к проведению мобилизации среди городского и сельского населения. В который раз деревня замерла в тягостном ожидании очередной мобилизации. Сельская молодежь согласна была на любую тяжелую работу в колхозе (здесь еще свежи были воспоминания о раскулачивании), только бы не уезжать из своей родной деревни, но власть уготовила ей другую судьбу. Государство усиливало мобилизацию трудовых ресурсов. С февраля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР уже подлежало мобилизации все трудоспособное население: женщины в возрасте от 16 до 45 лет и мужчины в возрасте от 16 до 55 лет. Так была введена всеобщая трудовая повинность в стране. Указ завершил формирование мобилизационного механизма, который функционировал по всей вертикали партийной и советской власти.

20 мая 1942 г. на заседании Иркутского областного Совета и обкома партии с повесткой «О мобилизации трудоспособно-

го населения городов и сел на сельскохозяйственные работы» было принято решение направлять на сельскохозяйственные работы мужчин от 14 до 55 лет и женщин от 14 лет (раздельно мальчиков и девочек). За уклонение от мобилизации полагались принудительные работы до 6 месяцев. Заметим, что на всех заседаниях подобного рода обязательно присутствовали областной прокурор, прокурор Восточно-Сибирской железной дороги, начальник НКВД.

29 мая 1942 г. было принято постановление объединенного заседания бюро Иркутского ОК ВКП(б) и исполкома Областного совета депутатов трудящихся «О форсировании строительства железнодорожной линии Иркутск-Слюдянка». Оно было принято во исполнение Постановления Государственного комитета обороны от 13 мая 1942 г. и обязывало партийные и советские органы к 15 июня 1942 г. провести мобилизацию в порядке трудовой и гужевой повинности населения. Следовало мобилизовать из Иркутска – 1 тыс. человек; Заларей – 100; Тулуна – 200; Зимы – 200; Куйтуна – 200; Слюдянки – 100; Усолья – 100; Черемхово – 500; Алари – 50; Эхирит-Булагатского района – 50; всего 3 тысячи человек [8]. По положению трудовой мобилизации подлежали, прежде всего, коммунисты и комсомольцы. Например, из Иркутска мобилизовались 15 коммунистов и 40 комсомольцев; Из Куйтунского района – 5 коммунистов и 15 комсомольцев. Предполагалось проводить замену мобилизованных кадров через 1,5 месяца, что сплошь и рядом не выполнялось [9]. Ставилась также задача: мобилизовать у единоличников, рабочих и служащих 300 лошадей.

Спустя немногим более 1 месяца, 7 июля 1942 г. в это постановление было внесено частичное изменение. Оно обязывало председателей районных Советов с 15 июля провести еще и платную труд. гужевую повинность из местного населения сроком до 1 февраля 1943 г. Это привело к тому, что в среде строителей возникла социальная дифференциация. Руководители, специалисты, механизаторы (трактористы, экскаваторщики, взрывники), работники отдела рабочего снабжения (ОРС) получали на стройке заработную плату, как и часть мобилизованных по уточненному положению. Остальные, ранее мобилизованные, в основном юноши и девушки работали только за скудный продуктовый паек.

Всего за годы войны во всех уголках нашей страны было мобилизовано около 12 млн человек [10]. Партийные и советские органы, вездесущие уполномоченные брали на карандаш каждого сельского жителя.

В этот период ГКО было принято ряд принципиальных решений по организации сооружения новых железнодорожных веток, необходимых для осуществления военных и хозяйственных перевозок. Большинство новых линий сооружалось путем массового привлечения к работам мобилизованного местного населения, а также заключенных в предельно сжатые сроки и по упрощенным техническим условиям. По данным статистики, за годы войны в СССР было построено 984 километров железнодорожных путей широкой колеи, что составляло примерно десятую часть от имевшихся к началу 1941 г. [11].

С другой стороны, по мнению военных историков, анализ комплекса постановлений ГКО по железнодорожному строительству показывает, что у советского руководства в годы войны не было определенной программы на этот счет. Вопросы сооружения новых железных дорог решались в зависимости от ситуации на фронте и в тылу. Поэтому строительство отдельных линий могло начаться, потом временно прекратиться, а затем снова возобновлялось. Так было и с 12 стройкой Иркутск – Слюдянка. Если в 1941 г. строительство только разворачивалось, то 18 марта 1942 г. по решению ГКО было предложено ориентировать строительство железнодорожной линии № 12 с двухпутной на однопутную дорогу. Начиная с 1942 г. темпы строительства начали снижаться. Рабочая сила, механизмы, оборудование были сняты на другие объекты, немцы рвались к Волге, Сталинграду. В 1944 г. строительство вообще приостановилось и только в 1945 г. работы на стройке возобновились широким фронтом.

К этой картине добавим, что сама железная дорога также испытывала огромные трудности. Здесь было немало неразберихи и кадровых проблем. Трижды менялись наркомы путей сообщения (Л. Каганович, А. Хрулев, Л. Каганович, И. Ковалев). Наиболее действенными мерами по выводу железнодорожного транспорта из кризиса оказались решения по милитаризации железной дороги и введение с апреля 1943 г. на железной дороге военного положения.

Санкции по перераспределению рабочих кадров в пользу военной экономики стали даваться ГКО с начала войны, с июня 1941 г., с первых же его решений. Мобилизационные мероприятия стали для местных, хозяйственных руководителей головной болью. Особенно это касалось колхозов, где каждая пара рабочих рук была на учете. Страна требовала хлеба, план не уменьшался, а повышался. Все для фронта, все для победы! Поэтому под трудовую мобилизацию попадали неквалифицированные молодые кадры, в основном юноши и девушки, те за кого не было заступа в деревне.

На 12 стройку мобилизовалась в основном сельская молодежь Приангарья. Сюда также направлялась татарская молодежь (эта тема ждет своего исследователя). Разнарядка поступала в районные исполкомы, оттуда доводилась до сельских советов. Председатели сельсоветов с председателями колхозов решали: кого направить на стройку. Райкомы партии контролировали этот процесс.

Отобранные по мобилизации кадры, вызывались в сельсовет. Им, в присутствии участкового милиционера вручались мобилизационные листы, где был указан объект назначения – 12 стройка, о которой никто не имел никакого представления. Давались сутки на сборы. Так заканчивалось детство и юность для колхозной молодежи. На колхозных подводах их доставляли на районные пункты сбора. Здесь мобилизованных объединяли в более крупные партии, назначали старшего группы. Ему выдавали проездные документы и пропуск, обязательные для военного времени. По прибытии в город Иркутск они были обязаны явиться в железнодорожное отделение милиции для дальнейшего пере провозждения к месту строительства дороги. В поезде, по дороге в Иркутск, нет-нет да раздавались смех и шутки. Молодость брала свое, хотя никто не знал, какие испытания ждут деревенских ребят и девчат, многие из которых впервые покинули свой отчий дом, родное село.

Иркутск встречал будущих строителей крепкими декабрьскими морозами 1941 г., усиленными милицейскими нарядами, строго проверявшими документы и пропуска, унылостью настроений пассажиров, прибывающих на неухоженный, холодный вокзал областного центра. Группы прибывших из других районов области, направлялись в ближайшее Глазковское

отделение железнодорожной милиции, где их ожидали такие же мобилизованные. Здесь формировались команды для отправки на автомобилях на саму стройку. Молодежь рассаживали на открытые бортовые полуторки, старшим группы вручались документы и всю партию отправляли непосредственно к месту строительства.

По дороге на стройку люди быстро замерзали на ветру, они тесно прижимались друг к другу, пытаясь сохранить хоть какое-то тепло. Кругом была тайга. Дорога на стройку шла по малонаселенной местности. Тогда еще не было поселений современного Шелеховского района. Скалистые обрывы, нависавшие над грунтовкой, пугали невольных пассажиров своей массивностью, рождали грустные мысли о предстоящей неизвестности. Через несколько часов езды прибывали на 12 стройку. Взору замерзшей и оробевшей молодежи открывались первые сооружения стройки: бараки, склады, производственные помещения. Чтобы попасть в жилые бараки, нужно было пройти по его крыше, между торчащими из-под земли печными трубами. Строителям предстояло, как кротам, жить в огромных полуземлянках, и работать с землей.

Не секрет, что такой подневольный труд был малоэффективным. Едва ли не каждое заседание бюро Иркутского обкома партии в 1942 г. рассматривало вопрос «О ходе строительства железной дороги Иркутск – Слюдянка». Партийные власти постоянно заявляли, что строительство идет неудовлетворительно, план не выполняется, производительность труда находится на низком уровне. На стройке не внедрялась прогрессивно-аккордная оплата труда. 30 % рабочих не справлялись с плановыми заданиями, трудовая дисциплина была на низком уровне. Только за 7 месяцев 1942 г. рабочие допустили 322 прогула и 320 самовольных уходов с рабочего места. Руководство стройки жестко требовало от бригадиров ликвидировать неразбериху на рабочих местах, следить за графиком работ, запретить использовать более 20 % строителей на подсобных работах. Злободневным стоял вопрос о сокращении аппарата управления стройкой. На производственных совещаниях руководства стройки постоянно звучало требование к техническому персоналу наладить строгий учет по звеньям, перевести бригады на прогрессивно-аккордную систему оплаты труда не менее 35 %

строителей дороги. В духе сталинского времени председателю Военного трибунала ВСЖД предлагалось усилить ответственность в отношении «прогульщиков и дезорганизаторов» производства, выехать на место и в суточный срок принять необходимые жесткие меры. Но, несмотря на эти драконовские меры по отношению к полуголодным рабочим годовой план 1942 г. был выполнен на 91,6 % [12].

НОВЫЙ РЕЖИМ ТРУДА, обусловленный военным временем, определил состояние повседневной жизни на 12 стройке. Прежде всего, это негативно сказалось на снабжении и питании рабочих. Котловые пункты на трассе переделывали или приспособливали под столовые. Но их было явно недостаточно. В рабочих столовых постоянно недоставало посадочных мест, посуды. В пунктах питания и бараках было грязно, холодно (это отмечали и сами проверяющие комиссии). Меню не отличалось разнообразием. Рабочие постоянно жаловались на плохое приготовление пищи, нехватку жиров, молочная продукция отсутствовала вообще, даже на молочной детской кухне в поселке Мельниково не было молока. Что говорить о молоке, если в столовых не было чая, не говоря о кофе [13].

Чтобы хоть как-то улучшить питание строителей руководство 12 стройки, партийные и политические органы занялись организацией подсобного хозяйства. Было организовано подсобное хозяйство совхозного типа с посевной площадью 500 га. Для этого хозяйства стали закупать 50 коров, 100 коз, 150 свиней, 30 лошадей. Была организована своя пасека (она приносила одни убытки). Со стройки в посевную и уборочную кампании выделялась рабочая сила и механизмы. Кроме того, 12 стройке было выделено 3500 га сельхозугодий, оказана помощь семенным фондом. Рабочие могли заводить свои подсобные хозяйства. Однако постоянно не хватало посадочного материала. Так, в 1944 году картофель садили «зелеными яблочками», срезанными с ботвы. Проблема питания и предоставления рабочим товаров первой необходимости стала одной из животрепещущих на долгое время для руководства стройки и ее отдела снабжения. Говорить о свободной торговле товарами первой необходимости через магазины ОРСа в период войны особо не приходится. Лимиты и жесткие фонды распределения определяли на стройке почти натуральный товарообмен. Мало

выручала «Промкооперация» занятая в 1942 г. изготовлением для строителей 7 тысяч пар обуви на деревянной подошве и организацией вязки чуней [14].

В ЭТИХ ТЯЖЕЛЕЙШИХ условиях 1941–1942 гг. идеологический аппарат продолжал осуществлять свою мобилизационную работу. Тяжелые условия труда и быта строителей не останавливали партийных идеологов в стремлении навязать рабочим разнообразные формы массово-политических мероприятий. На стройке «организовывается» социалистическое соревнование между участками. Для передовиков производства учреждается переходящее Красное знамя, полугодовалым рабочим военной поры партийцы ставят в пример, что в 1940 г. на стройке было 221 стахановца и 118 ударников труда, хотя эта цифра весьма условна. В ответ работяги жаловались в партийный комитет стройки, что по 2 месяца не получают писем, радио отсутствует (радиоприемники были у населения изъяты), кинопередвижка не работала [15].

Парторганизация стройки, насчитывающая годы войны 25 коммунистов, старалась выполнять решения вышестоящих партийных органов, организовать рабочих на самые животрепещущие задачи военного времени. Рабочие стройки взяли шефство над военным госпиталем, собирали фронтовикам теплые вещи, денежные средства. Полугодовалые, плохо одетые строители больше по зову сердца, а не по приказу властей за годы войны подписались на заем в сумме 291 725 рублей. В коллективе рабочих было реализовано денежно-вещевой лотереи на 55 475 рублей. Эти денежные средства составили 153 % от месячной фонда заработной платы стройки. На танковую колонну рабочие собрали 203 тысячи рублей. Коллектив стройки за эту помощь получил благодарность от Верховного Главнокомандующего И. Сталина. Для нуждающихся семей фронтовиков было собрано 5200 рублей, подарков для Красной Армии на 4 тысячи рублей [16].

Активизировал свою работу ЖЕНСОВЕТ СТРОЙКИ. Он организовал пошив одежды для фронтовиков. Только за 1941–1942 гг. женщины пошили для воинов 300 стеганок, много брюк, шуб, нижнего белья. Женщины стройки были желанными посетителями военных госпиталей города Иркутска. Они

вместе с детворой срезали верхушки картофельной ботвы, которая шла в семенной фонд для помощи семьям фронтовиков.

Для поднятия морального духа строителей культ массовики и партийцы придумали увеселительную программу с использованием гармошки. Считалось, что одна гармошка даст больше веселья, чем 10 балалаек. Постепенно разворачивалась работа по формированию на трассе радиоузлов, оживилась деятельность кинопередвижек. В лучшей бригаде на строительстве в праздничные дни должен был выступать духовой оркестр. Однако многие из планируемых массовых мероприятий, как правило, остались на бумаге.

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ в первые годы войны не давало возможности наладить организованную и планомерную работу стройки. В 1943 г. с железнодорожной стройки № 12 продолжали снимать механизмы, рельсы, рабочую силу. Фронт требовал новых ресурсов. Кроме того, Постановление ГКО от 3 января 1942 г. «О восстановлении дорог» потребовало от Восточно-Сибирской железной дороги отправлять на запад кадры и технику. В мае 1943 г. на железной дороге упразднили политотделы (они вновь были введены в 1948 г.). Таким образом, на 12 стройке резко снизились темпы работ, несколько ослабили организационно-политические и административные меры воздействия на рабочих. Вот почему, мобилизованную в 1941 г. сельскую молодежь стали отпускать по домам.

Сложное положение сказалось на выполнении производственных планов стройки. План строительства 1944 г. был выполнен на 67 %. Руководители стройки Б.И. Недбай и главный инженер Н.И. Пугин в своих отчетах указывали на причины невыполнения плана. В их числе были: нехватка рабочей силы, техники [17]. При всем этом руководство стройки намеревалось открыть рабочее движение по линии № 12 в 1945 г. Это объяснялось приближением окончания войны с Германией и заданием ГКО по увеличению переброски военных грузов на Восток страны. Как известно в Ялте было принято решение о вступлении СССР после разгрома Германии в войну с Японией. Резко возрастало значение железных дорог в Сибири. На ВСЖД стали направляться новые силы и средства. Сюда прибыли 3 военно-эксплуатационных отделения 3-го железнодорожно-эксплуатационного полка, 5 паровозных колонн особого

резерва НКПС. На ВСЖД с запада возвращались специальные формирования железнодорожников, которые до этого здесь размещались. Они насчитывали 14 тысяч человек. В апреле 1945 г. сюда прибыло Управление военно-восстановительных работ (УВВР-1) для строительства новой линии Иркутск – Слюдянка. Возрастает численный состав строителей. На стройку прибывают демобилизованные воины. На 12 стройку в организованном порядке перемещаются специализированные кадры из Ленинграда, где они восстанавливали железную дорогу в условиях блокады, а также рабочие из Приморья.

После окончания войны с Японией на 12 стройку стали направлять японских военнопленных. Например, в селе Олха, Шелеховского района, было расположено 18-е лагерное отделение (начальник – капитан Семичук) лагеря № 32 (Иркутсклаг). Здесь располагалось несколько десятков человек пленных. Жили японцы в деревянных бараках и деревянных избах. Военнопленные были заняты на земляных работах - возводили насыпь будущей железной дороги, валили лес. Жители села Олха хорошо помнят японцев, отзывались о них с сочувствием. К.И. Малых, работавший в те годы шофером, рассказывал, как трудно японцам было пилить сибирские лиственницы. Они делали это непременно сидя, что было странным для сибиряков. Жили японцы в селе Олха сравнительно свободно - ходили по окрестностям, собирали весной черемшу, съедобные корни, ловили змей, настроение у них было невеселым – плен есть плен.

На Олхинском кладбище сохранились две могилы японцев. Здесь похоронены ефрейтор Сато Мицугу, 1912 г. рождения, умерший в Олхе в 1946 г., уроженец поселка Когота, район Тоутагун, префектура Мияги младший сержант Сатони Цунэо 1927 г. рождения, умерший 8 мая 1946 г. Бывший военнопленный этого отделения Отофуд Томоо рассказывал: «Я впервые после 1945 г. приехал в Олху, где мы находились в лагере № 18. Всем нам было по 17–18 лет – молодым курсантам военной школы из префектуры Хотэн, что в Южной Манчжурии. Среди нас были и младший сержант Сатони и ефрейтор Сато. К большому несчастью они заболели и умерли здесь, в Олхе. У нас был военный врач, но совсем не было лекарств». К сожалению, репатриация японских военнопленных затянулась на

годы. Некоторые из них остались лежать в российской земле, разделив печальную участь с первыми молодыми строителями железной дороги №12 (18).

1945 ГОД СТАЛ началом нового этапа строительства №12. Как мы отмечали выше, существенно возрастает внимание к строительству железной дороги Иркутск – Слюдянка. 25 апреля 1945 г. здесь состоялось открытое собрание коммунистов, руководителей строительства, беспартийных специалистов. С программной речью выступил начальник строительства генерал-майор технической службы Доронин. Он поставил перед строителями новые задачи по активизации строительных работ. При этом новый руководитель явно не по делу сказал, что люди за эти 5 военных лет якобы засиделись на стройке. Следует исправить положение. Необходимо строить дорогу не подрядным, а хозяйственным способом, совершенствовать взрывные работы (двухъярусные), наращивать механизацию строительства. Высокий военный начальник, наконец, обратил особое внимание на жилищно-бытовые условия рабочих и рекомендовал управлению стройки лучше заботиться о рабочих кадрах. Собрание приняло боевую задачу - пустить сквозное рабочее движение по железнодорожной линии № 12 в декабре 1946 г.

Четвертый 5-летний план развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. (все планы в то время именовали сталинскими), предусматривал полное восстановление экономики и транспорта. За годы войны руководство страны приобрело опыт решения сложнейших хозяйственных задач в предельно сжатые сроки при ограниченных резервах. При этом широко практиковались командно административные, и даже репрессивные меры в отношении всех категорий населения. Это сохранялось и в первые, послевоенные годы, включая железнодорожный транспорт. Здесь всегда присутствовала полувоенная организация труда и службы движения.

С 1945 г. 12 стройка стала насыщаться отечественной и зарубежной техникой, механизмами, полученными еще по Ленд-лизу. Сюда также прибывала и уже изрядно изношенная техника с других строек, что создавало дополнительные трудности с ее эксплуатацией и ремонтом. К 1947 г. на строительстве дороги насчитывалось 9 экскаваторов, 218 автомобилей, в

том числе 144 мощных американских «Студебеккеров». 19 из них были приспособлены на железнодорожный ход (действовали как автодрезины). На стройке работали 10 тракторов, 12 электростанций, камнедробилка, бетономешалки, подъемные краны. По оценке главного механика, к 1949 году 12 стройка была основательно насыщена механизмами, и большинство работ можно было полностью механизировать, но как обычно возникали трудности с эффективной эксплуатацией техники, ее ремонтом (19). К тому же возрастал объем строительных работ, шла подготовка к строительству второго пути, рельсы укладывались по канадскому типу. Наиболее интенсивно в 1946–1947 гг. на стройке использовалась импортная техника, особенно на вывозке леса. Поэтому она быстро изнашивалась, приходила в негодность, ремонту не подлежала, так как не было к ней запасных частей. Приходилось часть техники разукруплять на запасные части, срочно наращивать мощность ремонтной базы, но эффективность технической оснащенности снижалась. На стройке не хватало стандартного металла, точных станков, технической документации, чертежников. Открытая при стройке специальная школа ФЗО еще не удовлетворяла кадровой потребности усложняемого строительства. Приходилось довольствоваться краткосрочными курсами по подготовке кадров на скорую руку, что сказывалось на качестве обслуживания техники и строительных работ в целом. Особенно досаждали частые поломки механизмов, прошедших еще фронтные условия эксплуатации. Все это предопределяло слабую техническую дисциплину в работе с техникой и механизмами. Отсюда возрастал брак в строительстве, перерасход средств по зарплате, рост несчастных случаев на производстве, высокий травматизм, срыв графика сдачи дороги в эксплуатацию. Не помогали даже командные методы управления и жесткие приказы Главка, требовавшие механизировать 80 % всех трудоемких работ и 50 % строительных и монтажных процессов. Чтобы реализовать эти требования, приказов было мало, требовалось существенно обновить средства механизации, насытить стройку новой техникой, улучшить ремонтно-проектную службу (РПБ), списать ненужные и отслужившие свой срок механизмы. Но послевоенная экономика страны только-только восстанавливалась и не могла еще

быстро решить проблемы конверсии производства. В рабочей среде и среди технической интеллигенции часто звучало слово – дефицит на авторезину, ГСМ, шланги, приводные ремни, феррадо, коленчатые валы. Не хватало спецодежды, крепкой обуви, даже рукавиц-верхонок.

Несмотря на производственные трудности, рабочие и технический персонал старались трудиться на совесть. Вновь востребованы были рабочие-рационализаторы, свои изобретатели. Они приспособили автомобиль «Студебеккер» к перевозке грунта по железной дороге. Похвалы у руководства стройки удостоился кузнец Петров, усовершенствовавший изоляционные штыри. Рабочие из подручного материала соорудили свой вулканизационный аппарат. Местные токари-умельцы быстро научились растачивать коленчатые валы, головки цилиндров. Но пыл рационализаторов быстро угасал, потому, что техническая служба не спешила поощрять своих умельцев денежными премиями. В то же время за выполнение плана 1946 г. стройке №12 было вручено Красное Знамя, а ее руководители награждены правительственными наградами. Директор стройки Б.И. Недбай получил орден Трудового Красного Знамени, главный инженер Н.И. Пугин – орден Знак Почета, участник строительства Попов – орден Знак Почета. Интересно, что Б.И. Недбай, окончив в 1934 г. Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, в годы Великой Отечественной войны связал свою судьбу со строительством Иркутск – Слюдянка. Это было, пожалуй, первое правительственное награждение на 12 стройке за все военные и первые послевоенные годы (20).

Несмотря на подвижнический труд рабочих и специалистов, стройка несла убытки и не выполняла плановых заданий. Однако прибывшая на стройку правительственная комиссия не нашла особых недостатков в отчетности управления. Комиссия констатировала, что с начала строительства прошло 8 лет с перерывами на консервацию. За этот срок стройка накопила 4 млн рублей убытков, но сюда не вошла ее экономия 9 млн рублей. Такой «подсчет» комиссии позволил 12 стройке выйти в передовики. Она занимала 2-е место по Главку.

24 декабря 1948 г. в главной партийной газете страны «Правда» вышла статья «Стройкам – научную технологию»,

которая стала предметом рассмотрения руководства 12 стройки и ее партийной организации. Начальник стройки Н.И. Пугин в свете новых указаний потребовал разгрузить работу мастеров, которые много занимались нарядами, а не техническими вопросами. Руководство страны и партии призывало активнее перестраивать промышленность и транспорт на мирные рельсы, больше внимания уделять человеку в организации производства, строгом соблюдении технологической дисциплины, безусловном выполнении планов. Предстояло переходить на новую прогрессивную оплату труда. В отчетах руководителей 12 стройки едва ли не с гордостью звучали рапорты, что на строительстве осуществляется высокая механизация земляных работ. Землю грузят на платформы экскаваторами, разгружают и выравнивают бульдозерами. Конечно, по сравнению со строительством 1941 г., когда мобилизованные юноши и девушки за постную баланду вручную, с помощью кайл и тачек сооружали земляное полотно ровное, как стол, механизация 1948 г. была заметно выше. Однако почти 50 % земляных работ еще проводилось вручную. Кайло, лом и лопата еще долгое время оставались индивидуальным шанцевым инструментом путейцев. С ними они не расстались до настоящего времени, и иногда становятся объектом фотосъемок иностранных туристов. Такие подвижные бригады из крепких мужиков мы наблюдаем на железной дороге с ранней весны до поздней осени.

Судя по архивным документам, механизация стройки проводилась все же успешнее, чем решались жилищно-бытовые и продовольственные проблемы послевоенных строителей. Для руководства стройкой приоритетным оставался производственный план, а вопросы жизнедеятельности и повседневной жизни людей отодвигались на второй план.

ПИТАНИЕ РАБОЧИХ оставалось ахиллесовой пятой стройки № 12 и в послевоенные годы. Медленно улучшалась работа общепита, столовых. Здесь по прежнему «царила» антисанитария, не хватало даже простых умывальников. Молодые рабочие жаловались, что больше проедают, чем зарабатывают. Жалобы поступали от рабочих в анонимных письмах на растраты и хищения в ОРСе. В магазинах были постоянные перебои с крупами, картофелем, овощами. Проблема с приготовлением

чая стояла с военных лет! Плохо работал вагон раздачи продуктов по талонам. Напомним, в стране до 1947 г. существовала карточная система. Паровозные бригады жаловались, что по дополнительным талонам они получали только консервы, а если давали колбасу, то с большой наценкой. Несмотря на то, что в железнодорожном ОРСе к 1948 г. насчитывалось 16 магазинов, 6 хлебопекарен, 12 столовых, проблемы со снабжением продуктами питания переходили из года в год. Не хватало круп, мяса, жиров, рыбы [21]. Без этих продуктов рабочим и строителям трудно было выполнять большой объем энергозатратных и физических работ. Более-менее сносно обслуживала рабочих столовая в поселке Мельниково, в которой питался почти весь поселок. Из товаров ширпотреба было не купить ложек, пуговиц, иголок, сапог. Нередки были анекдотичные случаи продажи промтоваров рабочим. Например, торговля предлагала строителям материал в метровых кусках. В порядке указывалось мужское белье, а выдавали дамскую сорочку.

Руководство стройкой очень рассчитывало на продовольственную поддержку подсобного хозяйства. Из своего подсобного хозяйства поступала мука, крупы, овощи, немного молочной продукции. Однако совхоз требовал со стройки привлечения рабочих для уборки урожая и ремонта техники. Подобные мероприятия по привлечению рабочих в совхоз постоянно срывались. Строители не хотели ехать в деревню на сельхозработы. Они мотивировали это тем, что за сельскохозяйственные работы не выплачивалась заработная плата, они не получали и продовольственных карточек. Жены руководящих работников стройки отказывались ехать на сельскохозяйственные работы в подшефный совхоз по причине того, что они «барышни и прилично одеты». Эти примеры свидетельствуют о наличии противоречий между сельскими тружениками и рабочими, а также между партийно-хозяйственной номенклатурой стройки и рабочими кадрами. Они «разрешались» с помощью силовых рычагов командно-административной системы, царившей в советские годы. Отсюда понятны грубость и чванство некоторых руководителей производства в отношении рабочих и служащих. Эти перегибы допускал, по словам рабочих, и новый руководитель стройки № 12 Гоценко. Руководство стройки зачастую не регистрировало на жалобы трудящихся, относилось

равнодушно к проблемам жизни и деятельности строителей. За 1949–1950 гг. в управление строительством поступило 529 жалоб. В основном люди жаловались на низкую заработную плату, нехватку жилья, недостаток продовольствия [22]. Руководство стройкой решило распахать новые земли в районе поселка Мельниково и наделить рабочих по 2-3 сотки для ведения подсобного хозяйства. Эта мера в некоторой степени снимала остроту снабжения рабочих овощами. Дирекция и партком стройки, как и в военные годы, организовывали рабочих, служащих и их семьи на заготовку лука, черемши, грибов и ягод.

В 1947 г. в стране была проведена денежная реформа. Она носила конфискационный характер. В Постановлении 14 декабря 1947 г. отмечалось, что при осуществлении реформ произойдут «известные жертвы» и большую ее часть государство берет на себя. Для населения, – утверждала власть, – это будет «последняя жертва». (Сколько еще после этой реформы было «последних жертв»?!). Одновременно с денежной реформой была проведена отмена карточной системы. В стране устанавливались единые розничные государственные цены на продовольственные и промышленные товары. В итоге цены на потребительские товары стали выше нормированных, но ниже коммерческих. Население на первых порах не ощутило обещанного благосостояния. Не почувствовали коренного улучшения с питанием и приобретением товаров повседневного спроса и строители железной дороги. Если до отмены карточной системы торговый оборот ОРСа составлял 200 тысяч рублей, то теперь он упал до 75 тысяч рублей. Строители дороги потянулись за продуктами питания в столовые, расположенные на трассе, на которые легла основная проблема снабжения людей. В столовых были дешевле и продукты питания. О диетическом питании больные рабочие могли только мечтать (23).

МЕСТНЫЙ КОМИТЕТ (председатель сначала Шеленков, потом Дорошенко) также занимался вопросами снабжения продуктами питания, товарами повседневного спроса, жилищными проблемами. В 1949 г. в профсоюзной организации стройки состояло 189 человек. С момента ликвидации дорожного комитета и перехода стройки № 12 под крыло Дорпрофсожа положение рабочих мало улучшилось. Дело в том, что строй-

ке стало меньше выделяться профсоюзных средств, путевок в дома отдыха. Ухудшилось содержание детей в Селенгинском и Кимельтейском пионерских лагерях. На собраниях коллектива строители критиковали местный комитет за слабое выполнение решений X съезда профсоюзов СССР. Рабочие говорили, что собрания трудового коллектива, как и соревнование, зачастую проводятся формально, в месткоме много бюрократизма и волокиты, он оторвался от трудящихся. Действительно, строителям остро не хватало жилья, дома строились медленно. Старые общежития барачного типа, построенные еще в военные годы, пришли в негодность, обветшали. Часть строителей к 1950 г. продолжали жить даже в землянках. Таких семей насчитывалось свыше 100. Отсюда высокая заболеваемость, антисанитария. На стройке, как и на всей ВСЖД не хватало больших коек, амбулаторий. Отсюда текучесть кадров. 900 человек трудились на стройке по договорам и многие из них в 1950 г. не собирались их продлевать, а прибывающих кадров было недостаточно. Зато в отчетах месткома значилось на 1 сентября 1950 г. 909 стахановцев и ударников социалистического труда. Эта цифра была явно завышена. С другой стороны, нельзя отрицать положительного влияния на рабочих морального фактора. В поселке Мельниково была установлена Доска Почета строителей. В Управлении стройки была заведена «Книга Почета». Людям было приятно быть отмеченными за добросовестный труд. Передовиками гордились их семьи и сослуживцы. Моральный фактор использовался властями для достижения трудовых планов и был неадекватен материальным факторам (зарплате). Это позволяло руководству экономить средства, получать премии, как сейчас говорят повышенные бонусы.

Местный комитет недостаточно заботился о проведении досуга рабочих. В Красном уголке были только пашки и домино. Здесь почему-то заседал и товарищеский суд. Зато когда потребовалась ставка библиотекаря, не нашлось каких-то 200 рублей для его оплаты. Видимо, чтобы как-то поправить свою репутацию профсоюзный комитет стройки с небывалым до сих пор размахом организовал в 1949 г. празднование Дня железнодорожника. Для рабочих была впервые за послевоенное время организована торговля дефицитными продуктами сахаром,

кондитерскими изделиями, мясом, колбасой, рыбой, табаком, трикотажем. На заседании парткома было решено привезти из подшефного совхоза огурцы, сметану и творог. Праздник проводился в саду железнодорожников. Была подготовлена художественная самодеятельность, даже обещана игра артистов на скрипке и пианино. Для рабочих было выделено несколько билетов в Драматический театр. Это был, пожалуй, первый в послевоенный годы праздник для трудового люда, проводивший свою повседневную жизнь в неустроенности и недоедании. Положение с условиями труда, быта, отдыха и питанием строителей стало меняться к лучшему в начале 1950-х гг. [24].

ОРГАНИЗАТОРСКУЮ И ПОЛИТИКО-массовую работу проводила партийная организация строительства № 12. Она подчинялась Кировскому районному комитету партии города Иркутска. Коммунисты от стройки регулярно избирались делегатами на Кировскую районную партийную конференцию. Партийная организация стройки постепенно численно росла. Если в 1945 г. она насчитывала около трех десятков человек, то к 1950 г. выросла до 51 коммуниста. Текучесть кадров сдерживал ее численный рост. На партийных бюро и собраниях коммунистов стройки регулярно обсуждались все злободневные вопросы строительства и массово-политической работы. Особенно трудными для партийной организации и коммунистов стройки были военные годы (секретарь Анисимов). Главными были производственные дела, а также много внимания уделялось политическим кампаниям.

Агитаторы проводили на строительных участках читки газет, сводок с фронта, беседы. В системе политической учебы изучалась работа И. Сталина о Великой Отечественной войне. К праздникам выпускалась стенная газета «Искра». В ней помещалась информация о ходе строительства объектов, о проведении выборов в Верховный Совет СССР (1946 г.), Верховный Совет РСФСР (1947 г.). В 1946 г. партийная организация стройки № 12 приняла решение: считать боевой задачей безусловное выполнение приказа МПС о пуске сквозного рабочего движения по линии в декабре 1946 г. Вышестоящие партийные органы: Кировский райком, городской комитет и областной комитеты партии держали деятельность партийной организации стройки под постоянным контролем и вниманием,

часто заслушивали деятельность руководителей и коммунистов стройки на своих заседаниях. При этом выявлялись одни и те же проблемы: неэффективное руководство строительством, постоянная текучесть кадров, слабое материальное обеспечение, социальные недостатки. Ежегодно, начиная с 1946 г. руководство МПС, партийные органы, политотдел ставили задачу открыть рабочее движение по линии. Но графики работы постоянно срывались. В 1949 г. на стройке соорудили только один путь, но движение было начато только рабочее, пассажирское сообщение отсутствовало. Вышестоящие партийные органы в числе причин такого отставания находили в плохом изучении коммунистами стройки биографии И. Сталина, строители якобы не работали над своим идейно-теоретическим уровнем. Партийные пропагандисты наращивали количество политических мероприятий, вместо повседневной заботы о нуждах строителей.

В послевоенные годы стройка № 12, как и вся страна, продолжала жить в условиях сталинской репрессивной политики. Не ослабевал идеологический прессинг в общественно-политической жизни, расширялся тотальный контроль над умами советских людей. К 70-летию вождя требовалось рапортовать властям только об успехах в хозяйственной и общественно-политической жизни. На партийных собраниях все чаще раздавались призывы бороться с «безродными космополитами», назывались имена и фамилии ученых вузов города Иркутска, которые якобы исповедовали буржуазные взгляды. Рабочие стройки мало понимали суть происходящих событий, предпочитали помалкивать при начальстве, избегали политических анекдотов и разговоров. Люди хорошо помнили 1937 год, когда можно было запросто попасть в состав «вредителей» или «врагов народа» и получить тюремный срок или стать лагерником ГУЛАГа.

После войны появились новые «руководящие» документы партии не только по усилению идеологической работы, но по повышению требований к партийно-организационной и кадровой работе партийных комитетов. Они касались в первую очередь тех, кто вступал в партию. Иркутский обком и Кировский райком партии приняли постановление «Об усилении политической работы среди железнодорожников» (1949 г.) Партийные

и политические органы обеспокоило то, что 60 % из 60 коммунистов стройки были молодыми членами ВКП(б), которых еще нужно было «идеологически» воспитывать. Партийное постановление требовало сократить прием в партию служащих, а также активнее выявлять неблагонадежных коммунистов. В архивных документах партийных собраний коммунистов стройки встречаются примеры «выявления среди вступающих в партию и членов ВКП(б) чуждых элементов». Например, в 1950 г партийный комитет Кировского райкома «выявил» неизвестные ранее факты биографии одного коммуниста, который вступил в партию в 1944 г, когда восстанавливал железную дорогу под Ленинградом. Он имел звание «Почетный железнодорожник», был награжден орденами и медалями, но скрыл при вступлении в партию, что его отец служил в царской армии и жандармерии. На партийном собрании заслуженный строитель пытался сослаться на слова Сталина, что сын за отца не ответчик. Но все было тщетно, он был исключен из партии и попал в разряд неблагонадежных граждан. Такие примеры не раз встречались в партийной организации строительства № 12 до наступления хрущевской оттепели [25].

Партийная организация стройки (секретарь Медведев) осуществляла также подбор и расстановку руководящих кадров и специалистов. На партийных собраниях звучали критические замечания коммунистов в адрес главного инженера Н.И. Пугина, руководителя строительства К.П. Гоценко. Зато заслуженным авторитетом в коллективе пользовался Б.И. Недбай, он дорос на строительстве до генерал-директора путей сообщения 3 ранга. Бывший начальник строительства генерал-майор технических войск Доронин был назначен одним из заместителей министра путей сообщения. С 1951 г. начальником стройки № 12 был назначен Лихошерстный. Начальствующий состав стройки носил форменное обмундирование. Простые строители довольствовались телогрейками, ватными брюками, кирзовыми сапогами.

На железнодорожной стройке № 12 была комсомольская организация. В период войны комсомольцы трудились на всех участках строительства, участвовали во многих общественно-политических мероприятиях, помогали фронту. В послевоенные годы деятельность комсомола перестраивалась на мир-

ные рельсы. В 1945 г. на учете комсомольской организации строительства состояло 24 комсомольца (секретарь Беспалова). Молодежь активно включилась в выполнение плана 4-й пятилетки восстановления народного хозяйства страны, в том числе железнодорожного транспорта. Однако деятельность комсомольцев стройки в послевоенные годы не была особо заметна. Сами комсомольцы объясняли такую работу разбросанностью участков по трассе. Трудно было собираться на массовые мероприятия, даже наладить должный учет и организаторскую работу. Положение удалось поправить к середине 1950-х гг., когда строительство вступило в завершающую фазу. В эти годы в стране разворачивается комсомольско-молодежное движение, направленное на освоение новых территорий Сибири и Дальнего Востока, целины, строительство ГЭС. Это отвлекало силы со строительства 12 стройки. Чтобы как-то «откликнуться» на решения партии, партком стройки отрапортовал «наверх», что освоено 8 га новых земель в подшефном колхозе с. Оёк. В сельскую местность удалось направить только 4 комсомольцев.

Помимо партийной и других общественных организаций на стройке № 12 массово-политическую деятельность осуществлял политотдел ВСЖД. Отчеты политотдела ежегодно заслушивались в управлении железной дороги. Они дают нам представление о повседневной жизни коллектива строителей первой половины 1950-х гг. Содержание передвижных стенных газет, боевых листков и молний заполнялись обращением ЦК КПСС к управлениям и всем железнодорожникам (1954 г.) о политическом положении в стране и задачах коммунистов и беспартийного актива. В это время происходили известные события со сменой власти в стране, связанные со смертью Сталина, арестом Берия, приходом к руководству Н.Хрущева. Начался процесс реабилитации и разоблачение культа личности Сталина. Строители с большим интересом ждали лекторов, выступающих с этими темами. Большой популярностью пользовались лекции «Решения сентябрьского 1953 г. Пленума ЦК КПСС», «300 лет воссоединения Украины с Россией». На станции Подкаменная действовала стационарная киноустановка. Зрители с интересом воспринимали документальные фильмы: «Дело мира победит», «Великие стройки», «Вселенная», «Народные таланты» и даже короткометражки «О вреде

алкоголя». Большой популярностью у строителей пользовался индийский художественный фильм «Бродяга». По всей дороге курсировал вагон-клуб, в котором читались лекции и демонстрировались фильмы. В рабочих бараках, путевых будках можно было увидеть стенные газеты «Колючка», «Крокодил», в которых высмеивали пьяниц, лентяев, бракоделов [26].

После XX съезда партии в стране начался массовый процесс реабилитации, наступила пора осуждения культа личности Сталина. Хрущевская оттепель раскрепостила духовную и общественно-политическую жизнь общества. Люди заговорили свободнее, непринужденно обсуждали некоторые, ставшие известными в коллективе, положения закрытого доклада Н. Хрущева на XX съезде партии. В партийной организации ВСЖД прошли мероприятия по выполнению решений XX съезда КПСС, уходила в прошлое удушливая атмосфера страха. Партком ВСЖД начал восстанавливать в партии коммунистов, исключенных по надуманным и сфабрикованным обвинениям в 1937 г.

Хрущевская оттепель меняла социальный облик станционных поселков стройки № 12. Создавались возможности свободного передвижения по стране. Уходил в прошлое подневольный труд строителей. Попавшие на стройку не по своей воле частично уезжали, другие оставались здесь, трудились на железной дороге, лесозаготовках. Типичным примером социального и национального «среза» состава населения тех лет может служить поселок Большой Луг. Здесь поселились русские, украинцы, белорусы, молдаване, татары, чувашаи и другие этносы. Массовый поток людей влился в Большой Луг в 1953–1955 гг. из мест зоны затопления Иркутского водохранилища: Михалево, Подорвиха, Парки и других поселков.

Строящаяся железная дорога не успела еще освоить традиционный способ работы на паровозной и тепловозной тяге, как назрела необходимость ее электрификации. В 1953 г. утверждается проектное задание по электрификации участка Иркутск – Слюдянка. Для электрификации линии строится ЛЭП-110 Ангарск – Слюдянка с понижающе-преобразовательными подстанциями (для электровозов на постоянном токе) в Иркутске-2, Гончарово, Большом Лугу, Подкаменной, Андриановской, Слюдянке-2. На стройке вновь стало многолюдно.

Тяговые подстанции питали контактную сеть, протянувшуюся на 134 км. Появилась новая узловая станция Слюдянка-2, к которой примыкал обреченный на ограниченную деятельность Западный участок КБЖД (перегон Иркутск-1-станция Байкал должен был уйти под воды Иркутского водохранилища). Второй обход Байкала на 40 км сокращал путь пассажирам и грузам. Появилась возможность пропуска негабаритных грузов и полувагонов больших размеров, машин и оборудования, металлоконструкций, значительно возросла безопасность движения поездов. Первый электровоз прошел на участке Кая-Большой Луг 19 ноября 1955 г. С 1958 г. началась укладка в путь рельсов тяжелого типа.

1956 год стал завершающим в долгом строительстве второго обхода Байкала. В марте 1956 года газета «Восточно-Сибирская правда» написала: новая электромагистраль в Слюдянку должна уже сейчас быть готова к эксплуатации на полный ход. Много сделано для этого. Но много и недоработанного, недоделанного на магистрали. Это волнует областную партийную организацию, это беспокоит железнодорожников, энергетиков. Вправе тревожиться и строителям Иркутской гидроэлектростанции. Чтобы в середине мая начать перекрытие русла Ангары, они должны уже сейчас закрыть путь по старой железнодорожной линии, идущей от Иркутска до станции Байкал. А для этого новый участок дороги должен принять на себя всю тяжесть грузопотока. В большом долгу перед заказчиком строители новой электромагистрали. Они и сейчас еще заняты переделками, немало у них недоработок, срывов. Создалась немалая угроза развития эксплуатации на новом участке дороги. В июле 1956 г. поезда окончательно пошли по перевальному участку.

Железнодорожная стройка № 12 Иркутск – Слюдянка протяженностью чуть более 130 километров сооружалась 17 лет (1939–1956 гг.). В этот процесс мы включаем ее электрификацию, перевод на электрическую тягу. Строительство этого важнейшего стратегического сооружения можно разделить на два периода: военный и послевоенный. Особенно тяжелым стал военный период строительства (1941–1945 гг.) Страна испытывала огромные трудности в трудовых и материальных ресурсах

и вынуждена была прибегать к административным и даже репрессивным мерам, системе принуждения. В ходе ее применения пострадали десятки, быть может, сотни людей, судьбы которых еще предстоит выяснить.

Строительство дороги велось в труднейших военных и послевоенных условиях. Люди испытывали немалые трудности и лишения. Их труд зачастую был почти бесплатным. Все это приводило к раннему износу человеческого организма, болезням и смертности строителей. Современное поколение пользуется тем, что создали их отцы и деды, передвигаются по железной дороге от Иркутска до Слюдянки, Байкала. Они наблюдают за красотами тайги Прибайкалья, не зная плату строителей этой стройки. Наш долг изучать и рассказывать историю Прибайкалья молодежи, не обходя героических и трагических страниц ее освоения.

Примечания

1. Впервые автор опубликовал исторический очерк о 12 стройке в газете «Родная земля» в 2008 г. № 6,7,8., под названием «Дорога между жизнью и смертью». Затем вышла наша статья «Из истории 12-й железнодорожной стройки: Иркутск – Слюдянка» в научном журнале «Культура. Наука. Образование. 2008. Иркутск, ИРГУПС, № 3, с. 64-73.

2. ГАНИИО. Ф. 408, оп. 1, д. 13, л. 61.

3. ГАНИИО. Ф. 127, оп.1, д. 641, л. 53.

4. ГАНИИО. Ф. 408, оп. 1, д. 14 а, л. 46, 47.

5. ГАНИИО. Д. 15, л. 2.

6. Новейшая история России. 1914–2002: Учебное пособие. М., 2004. С. 288.

7. Там же, с. 289.

8. ГАНИИО. Ф. 127, оп. 1, д. 641, л. 53.

9. Там же, л. 53.

10. Новейшая история России. 1914–2002: Учебн. пос. М., 2004. С. 289.

11. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, СГУ, 2002. С. 165.

12. ГАНИИО. Ф. 127, оп. 1, д. 657, л. 13, 14; Ф. 408, оп. 1, д. 16, л. 30.

13. ГАНИИО. Ф. 408, оп. 1, д. 20, л. 8.

14. ГАНИИО. Ф. 127, оп.1, д. 657, л. 14.

15. ГАНИИО. Ф. 408, оп. 1, д. 14 а, л. 47.

16. Там же, д. 21, л. 7, 8.
17. Там же, д. 21, л. 6, 7.
18. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск, 1997. С. 98-99.
19. ГАНИИО. Ф. 408, оп. 1, д. 25, л. 45, 46.
20. Там же, д. 23, л. 7.
21. Там же, д. 28, л. 33, 38.
22. Там же, д. 31, л. 92, 96.
23. Там же, д. 28, л. 32, 33.
24. Там же, д. 29, л. 73, 86; д. 30, л. 6, 7, 17, 18.
25. Там же, д. 31.
26. ГАНИИО. Ф. 196, оп. 3, д. 373.

Имя в истории сибирской ссылки

УДК 008(571.56)(092) Приютов

Н.К. Гоголева

Роль Василия Приютова в культурном развитии Якутска

Статья раскрывает ранее малоизвестные страницы биографии В.П. Приютова, политического ссыльного, высланного в Восточную Сибирь в самом конце XIX века и внесшего значительный вклад в культурную жизнь Якутска.

Ключевые слова: политическая ссылка, кинематограф, культурная жизнь, национализация.

N. K. Gogoleva

Vasily Priyutov's role in cultural development of Yakutsk

Article opens earlier little-known pages of the biography of V.P. Priyutov, the political exiled who sent to Eastern Siberia at the very end of the XIX century and has made the significant contribution to cultural life of Yakutsk.

Keywords: political exile, cinema, cultural life, nationalization.

Якутск со времени своего основания являлся культурным центром огромного и отдаленного от очагов цивилизации Якутского края. Особенно это ярко проявилось в начале XX в. Здесь сосредоточились главные центры просвещения: областной музей (1897), две крупные – публичная (1911) и народная (1898) – библиотеки. До 1917 г. в Якутске были две типографии: казенная (1860-е годы) и частная типография (1907) учителя женской гимназии В.В. Жарова. Появляются первые печатные

периодические издания: газета «Якутский край» (1907), основанная эсером В.М. Ионовым; журналы «Якутская мысль» (1912), издаваемый товариществом печатного дела «Якут» и «Ленские волны» (1913), где издателем был меньшевик Н.Е. Олейников.

Открылся книжный магазин предпринимателя Г.Г. Игуменова (1905), через который осуществлялась подписка на всю периодическую печать России, позднее помещение магазина использовалось как сцена, где проводились культурно-образовательные мероприятия «Якутского клуба» (1906), первой национальной просветительской организации. Здесь впервые была поставлена национальная пьеса «Василий Манчары» В.В. Никифорова, видного общественно-политического лидера Якутии. Также открываются для культурно-массовых мероприятий «Клуб приказчиков» (1908), впоследствии на его основе возник Государственный театр и множество общественных организаций чиновников и учащихся, где устраивались спектакли, концерты, лекции и доклады для горожан. При них возникали различные благотворительные и просветительские организации: кассы взаимопомощи, вечерние школы и т. д. Таковы были культурные развлечения горожан в начале XX в. [13, с. 129-145].

Следует подчеркнуть, что в просвещении жителей Якутска яркую роль сыграли политические ссыльные. И среди них известный политссыльный и профессиональный фотограф Василий Петрович Приютов.

Ровно 100 лет назад, а точнее в июле 1913 г., в Якутске им был открыт первый кинематограф.

Василий Петрович был мещанином из г. Аккерман (ныне г. Белгород-Днестровский), уездного города Бессарабской губернии, родился в 1866 г., получил домашнее образование. Жил в Петербурге и, как многие молодые образованные люди того времени, состоял в народовольческой организации, был членом т. н. «Группы 4-го листка» [13, с. 242], за что и был сослан в Якутскую область.

В распределительном списке описывается его внешность: «33 лет, рост 2 аршина 6 2/8 вершков (т. е. 170 см. – Г.Н.); волосы русые, глаза карие» [14, с. 48]. В графе «Какое знает

мастерство» указано: «фотограф, знает портняжное ремесло» [14, с. 48].

Далее в распределительном списке следует: «Государь Император по всеподданнейшему докладу г. Министра Юстиции обстоятельств дела по обвинению Василия Приютова в государственном преступлении, в 18 день ноября 1897 г. Высочайше повелеть соизволил: разрешить означенное дело административным порядком, с тем, чтобы подвергнуть Приютова заключению в тюрьму на два года и затем выслать под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на восемь лет. Срок тюремного заключения Приютов отбыл 25 июня 1898 г., выслан в распоряжение Иркутского военного генерал-губернатора и назначен в Якутскую область для водворения в Колымский округ. Срок надзора считается с 25 июня 1898 г. Доставлен в г. Якутск 22 января 1899 г.» [14, с. 48-49].

Уже 15 февраля 1899 г. Приютов на имя якутского губернатора составляет прошение: «Чувствуя себя больным, я имею настоятельную надобность лечиться. Назначенный в город Колымск, где отсутствует всякая медицинская помощь, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение об освидетельствовании меня и о распоряжении мне остаться в городе Якутске» [12, с. 13].

Оставшись в Якутске, в июне 1899 г. он предпринял попытку побега, но был арестован и осужден на срок более года [5, с. 28]. До 1903 гг. проживал в доходном доме якутского купца Федота Романова (ныне Дом-музей «Якутская ссылка» – Г.Н.), где в 1904 г. произошел знаменитый на всю Россию вооруженный протест политссыльных.

В 1904 г. Приютов женится на вдове с двумя детьми – Пелагее Петровне Лозяновой, владелице частного фотоателье на Большой улице, впоследствии в браке родились еще семеро детей.

Вплоть до 1920 г. семейное фотоателье Приютова пользовалось особой популярностью не только среди зажиточных горожан, но и у богатых семей из разных улусов Якутии. Особенно выгодно от своих коллег-фотографов отличались групповые снимки Приютова, который, как профессионал, обладал удивительно тонким пониманием компоновки многофигурных групп. Он, «как композитор, соединял всех портретируемых,

придавая каждому свой индивидуальный оттенок – ракурс, что делало композицию естественной, а лица живыми» [10, с. 89] и фактурными.

Помимо фотографирования, В.П. Приютов был активным участником в политических событиях города. Здесь, уже в ссылке, Приютов примкнул к эсерам, особенно сдружился с известным в Якутии врачом и общественным деятелем М.В. Сабунаевым, аптекарем и издателем либерального журнала «Ленские волны» Н.Е. Олейниковым. После участия в организованных Сабунаевым митингах в защиту «Союза мелких торговцев», требовавших переизбрания Якутской городской Думы на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования (1905) и так называемого «вторжения в городскую Думу» (1906), когда 200 человек сорвали заседание «юшмановской думы» в Якутске, был осужден. Находясь в тюрьме в 1906 г., Приютов сблизился с В.В. Никифоровым (Кюльмнюр), известным национальным лидером Якутии, который находился под следствием по делу «Союза якутов» (1906), первой либерально-демократической партии якутов [1, с. 74].

В 1908 г. после оправдания якутским окружным судом по «Сабунаевскому делу» «Иркутская Судебная Палата по Уголовному Департаменту, выслушав дело по апелляционным..., на приговор Якутского окружного суда от 22–26 мая 1907 г. определила: ...заключить в тюрьму Приютова на 2 месяца...» [2, с. 59-60].

В 1910–1913 гг. за революционную деятельность В.П. Приютов находился под гласным надзором полиции [14, с. 49]. Но уже в 1914 г. он был в списке лиц, имеющих право избирательного голоса на выборах в якутскую городскую думу на четырехлетие 1915–1918 гг., который был опубликован в сентябре 1914 г. [15, с. 52].

Василий Петрович активно участвовал в культурной жизни Якутска, успешно играл в любительских спектаклях. Так, 19 апреля 1913 г. газета «Якутская окраина» (1912), вышедшая на смену газеты «Якутский край», писала: «Дети солнца». Пьеса М. Горького, поставленная 16 апреля в Клубе приказчиков, прошла не без успеха. Современный сюжет, выпуклость типов довольно удачно схвачены были любителями: Г. Приютов, в заглавной роли Павла, создал яркий тип идеалиста-

ученого, красивого в своих мечтаниях, но чуждого в жизни со всеми теневыми сторонами...» [16, с.3].

Такова была личность основателя первого кинотеатра в Якутске.

Василий Петрович, которого по праву современники называли «неугомонным», в 1913 г. во дворе к своему дому пристроил кирпичную киноаппаратную, а часть дома приспособил под зрительный зал, приобрел проекционный киноаппарат, и летом того же года начал показывать кинофильмы. В своем кинематографе работал со всем своим большим семейством.

В первое время не всё у Приютова получалось, вначале кинотеатр не был оснащен вентиляцией, поэтому в зале было душно, но впоследствии многие дефекты были устранены. Уже 25 сентября 1913 г. та же газета «Якутская окраина» писала: «За последнее время кинематограф Приютова стал понемногу улучшаться. Картины освещаются лучше, и мерцание замечается реже. Как видно, начинают приспособливаться к «шаловливому» освещению. Правда, есть еще много дефектов, но будем надеяться, что они со временем будут устранены» [17, с. 3].

Кинотеатр Приютова обладал еще одним достоинством – у него было собственное электричество, весь дом освещался и снаружи. Необходимо отметить, что электричество в Якутске появилось годом позднее, по инициативе якутского губернатора И.И. Крафта, т. е. в 1914 г. и было доступно лишь зажиточной части горожан. Поэтому электроосвещение для многих посетителей киносеансов было в диковинку.

Летом 1915 г. в целях расширения кинематографического предприятия, В.П. Приютов проводит ряд мероприятий: удлиняет свой зал, увеличивает экран и устраивает кресла с откидными сиденьями – теперь у него зал стал вмещать 200 посадочных мест.

Несмотря на большую популярность кинематографа среди горожан, были и противники, выступавшие за «недопущение противных нравственности картин». В связи с этим в 1915 г. якутская городская дума на одном из заседаний рассмотрела «вопрос о предоставлении жителям Якутска разумных развлечений», где было решено демонстрировать кино ежедневно, при этом не менее одного раза в неделю – для детей [9, с. 23].

Василий Петрович систематически устраивал благотворительные киносеансы, получил сердечную благодарность от последнего губернатора Якутской области – Р.Э. Витте. Из многих – два примера. 4 декабря 1915 г. он устроил киносеанс, сбор от которого в сумме 96 руб. 84 коп. был передан родительскому комитету женской гимназии для оказания материальной помощи ученицам, не имеющим возможности внести плату за учебу, на покупку теплой одежды и т. д. Стоит отметить, что в это время ученицей была дочь его близкого знакомого В.В. Никифорова – Елена Никифорова.

26 ноября 1916 г. – в день Георгиевского праздника – организовал сеанс в пользу детей и сирот Георгиевских кавалеров, за что губернатор Витте выразил ему сердечную признательность. В кинотеатре В.П. Приютова перед сеансами играл оркестр мандолинистов [4, с. 19].

12 февраля 1916 г. в Якутске в кинотеатре Приютова был показан немой фильм «Гибель Помпеи», впервые сопровождаемый комментарием на якутском языке. Е. Копылов пишет: «К сожалению, имена авторов перевода и комментариев остаются пока неизвестными. Но якутский комментарий был явно неплохим, так как все билеты на все сеансы этого кино всегда продавались полностью...» [8, с. 16].

Февральскую революцию 1917 г. В.П. Приютов встретил с большой радостью. 30 сентября 1917 г. Приютов демонстрировал жителям Якутска документальную ленту о первых днях Февральской революции в Петрограде. Фильм заканчивался революционными лозунгами и показом «смелого, энергичного борца за свободу», народного министра юстиции Керенского [7, с. 16].

После Октябрьской революции в здании кинематографа проходили политические собрания и митинги горожан: в 1917 г. состоялся I учредительный съезд учителей Якутии; в 1918–1919 гг. находился конспиративный склад оружия якутской организации РСДРП и в ночь на 14–15 декабря 1919 г. осуществлен вооруженный социалистический переворот под руководством Харитона Гладунова, командующего Военным революционным штабом [13, с. 242].

Кинематограф В.П. Приютова с успехом работал до июля 1920 г., давая в день по два-три киносеанса.

17 июля 1920 г. постановлением райкома кинематограф Приютова был национализирован и передан во введение Комиссариата народного образования. После его национализации Приютова назначили инструктором по организации кинематографического дела. В октябре 1920 г. он стал на три года председателем народных судей.

17 мая 1922 г. жена В.П. Приютова Пелагея Петровна в своем заявлении на имя председателя революционного комитета писала: «В 1920 г. были изъяты из нашего семейного владения фотография и кинематограф, как собственное имущество моего второго мужа В.П. Приютова. Но произошла ошибка. Упомянутая фотография находилась в моем владении после смерти моего первого мужа Павла Тимофеевича Лозянова с 1903 года, которой мы с ним совместно владели с 1899 года, купив эту фотографию от якутского фотографа Келермана... Имея девять детей, из которых семь находятся в настоящее время на моем иждивении (от 5 до 17 летнего возраста) и не имея средств к существованию кроме промысла фотографией, в которой я проработала более 20 лет с помощью семьи, прошу распоряжений о возвращении мне фотографии» [6, с. 81].

В 1922 г. национализированный кинотеатр с фотоателье вернули В.П. Приютову обратно. Он активно сотрудничает с Советской властью. С ноября 1924 г. бесплатно обслуживает на каждом сеансе по двадцать учащихся совпартшколы и других учебных заведений. По-прежнему устраивает благотворительные сеансы. В частности, в июле 1927 г. бесплатно показывал фильмы «Броненосец Потемкин» и «Аборт» членам профсоюза, красноармейцам и другим слоям населения.

Известна объяснительная записка заведующего Политпросветом Кремнева, где он пишет: «Киноаппарат Бр. Патте № 3 с запасными частями, безусловно, необходим для ЯАСРР, так как в Якутии нет ни государственного кинематографа, за исключением Алданских приисков, есть только в г. Якутске частное кино Приютова, несоответствующее по показателю своих картин для пролетарских масс, а просто халтура, тем более, что Госкино получает в Якутии большой доход и обогащает частно-владельческие предприятия, в частности кино Приютова» [11, с. 81].

По-видимому, в конце 1928 г. В.П. Приютов бы вынужден продать кинотеатр Народному Комиссариату просвещения, здравоохранения и социального обеспечения.

Из договора продажи строений от 22 декабря 1928 г. следует, что В.П. Приютов получает 20 тысяч рублей за продажу «всего двора с постройками и кино аппаратурой со всеми принадлежащими, как к зданию, так и кино оборудованьями, исключая домашней обстановки и имущества фотографии... Гр-ну Приютову со всей семьей предоставляется право на бесплатное пользование занимаемой квартирой и работать в фотографии в течении одного года» [3, с. 2-5]. Примечательно, что договор подписан заведующим Якутским кино Павлом Васильевичем Приютовым, его сыном.

В бывшем кинематографе Приютова открыли государственной кинотеатр на 250 мест, где разместилось Якутское кино, отделенное от Якутского государственного национального театра [4, с. 20]. Таким образом, 22 декабря 1928 г. создается самостоятельная государственная структура управления кинематографом Якутии.

К сожалению, дальнейшая судьба В.П. Приютова малоизвестна, есть данные, что в 1930-е годы он выехал на жительство в Ленинград, где и умер (возможно, погиб) во время блокады города.

Сохранились сотни уникальных фотографий, снятых искусной рукой Василия Приютова, хранящихся в Национальном архиве РС (Я) и в фондах Якутского музея. Во второй половине XX в. фонд В.П. Приютова Якутского музея целенаправленно пополнялся новыми поступлениями от близких фотографа и частных лиц. Так, в 1975 г. племянница В.П. Приютова Су-соль Елена Николаевна, проживавшая в Ленинграде, передала в дар Якутскому музею фотографии и открытки с видами г. Якутска и его окрестностей, выполненные до революции Василием Петровичем. Теперь фонд Приютова насчитывает более 100 фотографий. По свидетельству родственников, В.П. Приютов собирался прислать в Якутск большую коллекцию своих фотографий, но помешала Вторая Отечественная война и в дальнейшем большая их часть утеряна [10, с. 92].

Примечания

1. Василий Васильевич Никифоров – Кюльмнюр: фотографии, документы / Прав. Респ. Саха (Якутия), Ком. гос. арх. службы Респ. Саха (Якутия), Нац. арх. Респ. Саха (Якутия), Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия). Якутск: Бичик, 2006. 248 с.

2. Выписка из приговора // НА РС (Я). Ф. 165. Оп. 1. Д. 3242. Л. 59-60 об.

3. Договор продажи строений. 1928 г. // НА РС (Я). Ф. 60. Оп. 1. Д. 2090. Л. 2-5.

4. Жараев И.С. Заметки из истории кинематографии Якутии: к 100-летию со дня первого показа кино в Якутии. СПб.: Ахсаан, 2011. 288 с.

5. Запрос прокурора Якутского окружного суда о политическом сысле В.В. Приютове, находившемся на излечении в Якутской гражданской больнице // НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 6. Д. 2888. Л. 28.

6. Заявление Пелагеи Петровны Приютовой. г. Якутск. 19 июля 1922 г. // НА РС (Я). Ф. 931. Оп. 2. Д. 1. Л. 81.

7. Клецкин А.А. Кино в жизни якутян. Якутск, 1973. 83 с.

8. Копылов Е. Благоустройство Якутска // Эхо столицы. 2009. 17 июня.

9. Курчатова Е. О доставлении разумных развлечений // Архив. 2011. № 3-4.

10. Нефедьева М.Р. Фотографии В.П. Приютова // Архив. 2003. № 3-4.

11. Объяснительная записка зав. Политпросветом Кремнева о частном кино Приютова в Якутске // НА РС (Я). Ф. 60. Оп. 1. Д. 714. Л. 4.

12. Прошение В.П. Приютова о разрешении остаться в г. Якутске по состоянию здоровья и отменить его назначение в Колымск. г. Якутск. 15 февраля 1899 г. // НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 6. Д. 2888. Л. 13.

13. Попов Г.А. Сочинения. Т. 3: История города Якутска: 1632–1917. Якутск, 2007. 312 с.

14. Распределительный список Василия Петровича Приютова // НА РС (Я). Ф. 165. Оп. 1. Д. 2888. Л. 48-49 об.

15. Список лиц и учреждений, имеющих право избирательного голоса на выборах гласных в Якутскую городскую Думу на 4-летие 1915–1918 гг. Составлен 4 сентября 1914 г. Опубликовано 13 сентября 1914 г. // НА РС (Я). Ф. 165. Оп. 1. Д. 3242. Л. 51, 52 об.

16. Якутская окраина. 1913. 19 апр. // НБ РС (Я). НИЦКП.

17. Якутская окраина. 1913. 25 сент. // НБ РС (Я). НИЦКП.

УДК 94(57)

В.В. Кудряшов

Политический ссылный В. Мандельберг в истории Иркутска

Статья дополняет малоизвестные страницы жизни и деятельности в Иркутске Виктора Мандельберга, одного из первых ссылных марксистов в Восточной Сибири, организатора Сибирского социал-демократического союза. В ней на основе новых подходов раскрывается и дается оценка его роли в событиях периода первой русской революции в столице Восточной Сибири.

Ключевые слова: политическая ссылка, Сибирский социал-демократический союз, первая русская революция, Государственная дума.

V. Kudryashov

Political exile V. Mandelberg in Irkutsk history

The article supplements the little-known pages of life and political activities of V. Mandelberg, one of the first marxists in Eastern Siberia, the organizer of Siberian social-democratic union. The author of article appraises his role in the first russian revolution in Irkutsk on the new approaches.

Keywords: Political exile, Siberian social-democratic union, the first russian revolution, State Duma.

История политической ссылки в Сибирь интересна и многогранна. Она наполнена огромным количеством имен. К сожалению, по идеологическим причинам значительная их часть оказалась вычеркнута из нашей истории в советский период. В этот «черный список» попал и Виктор Евсеевич Мандельберг, меньшевик, первый депутат от города Иркутска в Государственной думе России. Посвятив борьбе с самодержавием самые лучшие годы своей жизни, он критически отнесся к переходу власти в руки Советов, видя в них диктатуру большевиков. За свою оппозицию большевикам и советской власти В. Мандельберг был на долгие годы забыт.

Упоминание о нем имелось на страницах Сибирской советской энциклопедии, третий том которой успел выйти до корректировки И.В. Сталиным процесса исторических иссле-

дований [10, т. 3]. Редакционная коллегия, в состав которой входили и меньшевики, прошедшие через каторгу и ссылку, дала достаточно объективную оценку всем участникам освободительного движения в России. Вновь имя В. Мандельберга на страницах исторических исследований появилось в 1970-е годы. Н.В. Блинов в своей монографии отметил положительную роль В. Мандельберга в «распространении марксистских взглядов в среде иркутской демократической интеллигенции», в создании социал-демократической организации в Иркутске [1, с. 111]. Но вместе с тем автор указал на идейную слабость «той смеси политических идей, которые имели хождение в то время под именем «марксизма» [1, с. 112]. Таким образом, Н.В. Блинов показал несостоятельность Мандельберга как марксиста, объяснил причины его меньшевизма.

Н.И. Кабацкий, раскрывая влияние Иркутского комитета РСДРП на солдат гарнизона в событиях ноября-декабря 1905 г., опирался на воспоминания В. Мандельберга, признавал его роль в деятельности военно-стаечного комитета. Но вывод вновь был сделан в рамках идеологических штампов: негативное влияние либерально-меньшевистского большинства в комитете, делавшего ставку на реформы, отвлекало солдат от решительных действий [6, с. 212].

Большая часть исследований по ссыльной тематике была посвящена периоду 1907–1917 гг., поэтому имя В.Е. Мандельберга обходили стороной. Только в условиях отказа от идеологических подходов и штампов стало возможным обращение к забытым именам в истории революционного движения и политической ссылки. На рубеже 1990–2000-х годов появились первые работы с новой оценкой роли В.Е. Мандельберга в истории сибирских социал-демократических организаций. Ю.П. Родионов в своей статье, посвященной анализу воспоминаний В. Мандельберга, отметил, что эти воспоминания «являются важным историческим источником, незаслуженно забытым по идейно-политическим мотивам» [8, с. 56]. С.П. Звягин и В.А. Самоделкин предприняли попытку проследить участие В. Мандельберга в революционных событиях 1917 г. и его деятельность в Иркутске и Чите периода колчаковщины [4; 8]. С. Звягин охарактеризовал этот период в жизни Мандельберга «вторым пиком его политической карьеры». [4, с. 172].

Опубликованные воспоминания В.Е. Мандельберга «Из пережитого» и архивные материалы позволяют уточнить и дополнить факты его биографии, связанные с Иркутском.

Виктор Евсеевич Мандельберг родился в 1870 г. (по другим данным – в 1869 г.) в Киеве в семье купца-еврея. Получив гимназическое образование, он поступил на медицинский факультет Киевского императорского университета Святого Владимира. Формирование политических воззрений В. Мандельберга пришлось на царствование Александра III, которое автор «Пережитого» называл «мрачным временем». Расцвет антисемитизма, подавление ростков свободы, надзор везде – в гимназии, на улице, дома, в университете – отличительные черты российского общества того времени. Робкие надежды на либерализм Николая II в первые месяцы его правления быстро развеялись.

После окончания университета в 1893 г. Виктор отправился в Санкт-Петербург, где наряду с врачебной практикой приобщился к общественной деятельности – состоял членом библиотечного комитета «Общества помощи в чтении больным и бедным». Знакомство В. Мандельберга с марксизмом началось в годы обучения в Киевском университете, но действительное соприкосновение с революционной идеологией состоялось в Петербурге. Мандельберг, не имевший определенных политических убеждений в студенческие годы, постепенно втягивался в революционную борьбу с самодержавием. Знакомство с марксистами и рабочими оказало решающее значение. В январе 1898 г. В. Мандельберг был арестован полицией по обвинению в политической пропаганде среди рабочих Колпинского завода. Это событие определило его дальнейшую судьбу, окончательно связав его с социал-демократией.

После годичного заключения В. Мандельберг был выслан в административном порядке на 4 года под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. 2 октября 1899 г. он прибыл в Иркутск. «О Сибири я имел самые смутные сведения», – признавался в своих воспоминаниях Мандельберг [7, с. 23]. По личному распоряжению генерал-губернатора, местом отбытия наказания Мандельбергу был определен Иркутск, а не Якутская область, куда обычно направляли евреев. В Иркутске он открыл частную медицинскую практику и постепенно обрел

достаточно широкий круг пациентов, в том числе из влиятельных кругов.

В Иркутске завершился процесс формирования Мандельберга как профессионального революционера. Он сблизился с местными ссыльными социал-демократами. Как отмечается в воспоминаниях, «революционной бациллы в Сибири было уже слишком много» [7, с. 24], причем самой разнообразной окраски: народники, поляки, бундовцы, эсеры и социал-демократы. Но, несмотря на политическую пестроту, ссыльные жили дружно, на принципах взаимопомощи. Только с течением времени в условиях становления партийной работы началось размежевание на народников и марксистов.

Ссыльные И.М. Ромм, И.И. Шилингер и В.Е. Мандельберг в доме М.А. Цукасовой регулярно устраивали вечера с привлечением молодежи, где читались рефераты и проводилось обсуждение различных вопросов марксистской теории и революционного движения в России. Совместными усилиями ссыльных и местных марксистов были подготовлены условия и в конце 1901 г. был сформирован первый Иркутский комитет РСДРП. Затем В. Мандельберг как представитель Иркутска участвовал в переговорах о создании Сибирского социал-демократического союза. Активная пропагандистская деятельность В. Мандельберга не осталась незамеченной полицией. По оценке начальника Иркутского губернского жандармского управления, «Илья Ромм и Вигдор Мандельберг не только не отреклись от своих прежних убеждений, но по своему поведению и образу жизни растлевающим образом действуют на окружающую молодежь, поселяя в умах последней мысль о необходимости борьбы с правительством» [2, Ф. 25. Оп. 10. Д. 1013. Л. 2]. По ходатайству иркутского полицмейстера распоряжением генерал-губернатора В. Мандельберг был выслан в Нижнеудинск. Но там задержался недолго. Несчастный случай на охоте и обращения к губернатору влиятельных лиц позволили Мандельбергу вернуться в Иркутск и провести здесь последние месяцы ссылки.

В доме Марии Абрамовны Цукасовой Виктор Мандельберг познакомился с ее сестрой Агой Новомейской, дочерью золотопромышленника. С ней он связал себя узами брака в марте 1905 г. В браке у них родились трое сыновей.

На протяжении всего периода пребывания в ссылке В. Манделъберг сотрудничал с иркутскими газетами. Особенно тесные связи сложились с «Восточным обозрением» и редактором газеты И.И. Поповым. Подводя итоги своего пребывания в Сибири на рубеже веков, Виктор Манделъберг сделал важное наблюдение: «В Сибири я убедился, что ... многих и многих революционеров создавало само правительство своей бестолковой, безумной, жестокой политикой» [7, с. 33].

В 1903 г. после окончания срока ссылки Манделъберг отправился в Брюссель, затем в Лондон, где под фамилией Посадовского принимал участие во II съезде РСДРП, на котором вместе с Л.Д. Троцким представлял Сибирский социал-демократический союз. В ходе дискуссии В.Е. Манделъберг примкнул к сторонникам Г.В. Плеханова, которого всегда считал своим учителем. Так он превратился в убежденного меньшевика.

Вновь в Иркутск В. Манделъберг приехал уже в годы первой революции, в конце февраля 1905 г. Как свидетельствуют данные департамента полиции, В. Манделъберг из-за границы вел переписку с иркутскими социал-демократами [2, Ф. 600. Оп. Оц. Д. 47. Л. 7 об]. Но историки советского периода отрицали какую-либо связь Манделъберга с иркутской организацией после его отъезда из ссылки [1, с. 201]. Вряд ли при подобной ситуации В. Манделъберг считал возможным вернуться и возглавить организацию. Скорее всего, связующим звеном между В. Манделъбергом и иркутскими социал-демократами выступала М. Цукасова, которая систематически оказывала помощь марксистам и за это попадала в сводки полиции.

По возвращении В. Манделъберг отметил радикализацию общественного мнения за почти двухлетнее отсутствие его в Иркутске. Он попытался разобраться в причинах перемен настроений в Сибири и пришел к выводу об огромном влиянии русско-японской войны. Он указал на несомненное революционизирующее влияние войны на Сибирь, которое усиливалось тем, что население края становилось непосредственным свидетелем «всей гнили, всего неустройства всей нашей государственной машины; она у нас, так сказать, на глазах банкротилась». [7, с. 65]. Постоянная переброска войск по железной дороге практически парализовала торговлю, резко осложнилась ситуация с продовольствием. Это во многом предопределило

рост политической активности сибирских рабочих и служащих, их участие в революционных событиях осени и зимы 1905 г.

На протяжении весны 1905 г. иркутское общество пребывало в состоянии повышенной активности. Летом наметилось некоторое затишье общественно-политической жизни, но к осени «возбуждение достигло особенно сильных размеров» [7, с. 70].

Приехав в Иркутск, Виктор Мандельберг окунулся в гущу партийной работы. Социал-демократы на собраниях, организованных явочным порядком, приводили аргументы в пользу тактики партии. 9 апреля 1905 г. в здании Иркутского общественного собрания при огромном стечении народа состоялась встреча адвокатов, прибывших из Санкт-Петербурга по делу романовцев. На собрании выступил В. Мандельберг. В своей речи он указал на несовершенство существующего строя, высказался о необходимости его замены более справедливым порядком. Речь неоднократно прерывалась аплодисментами. В собрание с такими противоправительственными речами вынужден был вмешаться иркутский полицмейстер Никольский, фактически прервав его и вынудив участников перебраться в другое место. В. Мандельберг заявил: «Вы видите, мы должны подчиниться силе. Жить и дышать такой атмосферой невозможно» [3, Ф. 300. Оп. 1. Д. 210. Л. 9-10].

В условиях подъема революционных настроений иркутские социал-демократы активизировали работу в массах. Были созданы многочисленные союзы: учительский союз, союз врачей, союз приказчиков, общество распространения народного образования, общество взаимного вспомоществования учащим и учащимся и др. Иркутск являлся крупным административным центром, где было много чиновников. Он был известен и как торговый центр. В городе было несколько типографий, мелких производств. Значительную социальную группу составляли приказчики, до 3 тыс. человек, по оценке В. Мандельберга. Численность рабочего класса в городе и его окрестностях не превышала 2 тыс. человек. Причем сосредоточены они были на железной дороге – в депо и мастерских. Базу для социал-демократии представляли также приказчики, типографские рабочие и другие категории трудящихся. В. Мандельберг вы-

ступал с докладами о текущем моменте, агитировал иркутян в поддержку наступательных действий против царских властей.

Правительство объявило о созыве Булыгинской думы в условиях революционного кризиса. Следовательно, считал В. Мандельберг, продолжение натиска на правительство заставит его пойти на дальнейшие уступки. Если же оправдается расчет правительства и часть оппозиционно настроенного общества удовлетворится пародией на народное представительство, то произойдет расслоение оппозиции. В. Мандельберг отмечал, что не всегда и не везде пропаганда бойкота встречала общественное сочувствие.

14 октября 1905 г. на собрании рабочих и служащих железной дороги, на котором присутствовало около 2 тыс. человек, был создан объединенный стачечный комитет. В его состав вошел В. Мандельберг. На заседаниях комитета он ставил вопрос о временном революционном управлении городом. Члены комитета агитировали рабочих депо железной дороги и служащих, призывали их к активным действиям. 15 октября в городе началась забастовка, которая на следующий день приобрела всеобщий характер. 17 октября на митинге в городском театре В. Мандельберг призвал создавать боевые дружины для противодействия погромам и борьбы с черносотенцами.

Манифест 17 октября 1905 г. стал рубежом в революционных событиях 1905 г. В. Мандельберг считал, что 17 октября 1905 г. стал переломной датой в истории России: «Прошлое умерло, и к нему нет возврата!», – написал он в воспоминаниях [7, с. 78].

После получения известия о Манифесте Иркутск накрыла новая волна митингов. Первый из них, состоявшийся 22 октября, в силу важности исторического момента получил название «Первый свободный митинг свободных граждан». Председательствовал на нем В.Е. Мандельберг. В своем выступлении он призывал к бойкоту Думы и созыву Учредительного собрания, критиковал избирательное законодательство. На митинге ораторы призывали народные массы продолжать борьбу с правительством до тех пор, пока обещания Манифеста не превратятся в политические реалии [3, Ф. 300. Оп. 1. Д. 200. Л. 33-37]. Все чаще на митингах звучали призывы к вооруженному восстанию.

Члены революционных организаций (социал-демократы и социалисты-революционеры) вели разъяснительную работу среди солдат и казаков иркутского гарнизона. Иркутский комитет РСДРП под руководством В. Мандельберга издавал бюллетени и прокламации, специально адресованные военнослужащим. На митингах в солдатских казармах пропагандировалась общедемократическая часть программы РСДРП. Под влиянием агитаторов солдаты отказались от крайностей и встали на путь сознательной и организованной борьбы. Об этом свидетельствовали лозунги солдатского митинга, проходившего в здании городского театра, на котором присутствовал В. Мандельберг. Наряду с требованиями улучшения условий солдатской жизни, были и общеполитические о созыве Учредительного собрания и передачи всей земли крестьянам [7, с. 92]. Было принято решение о начале солдатской забастовки.

Для координации действий солдат и города 29 ноября 1905 г. был создан военно-стачечный комитет, в состав которого от социал-демократов был делегирован В. Мандельберг. К сожалению, слишком пестрый по своему партийному и социальному составу, комитет не смог превратиться в боевой штаб наступления. Но на несколько дней Иркутск фактически оказался под контролем революционных сил. Газета «Восточное обозрение» писала: «Никогда Иркутск не блистал таким порядком и спокойствием, как в эти дни. Ни полиция, ни воры, ни хулиганы, ни «истинно русские» люди – ничто не омрачало настоящего гражданского мира и тишины» [6, с. 211].

В декабре 1905 г. В. Мандельберг, избранный делегатом партийного съезда, отправился через Москву в Петербург. Но съезд был перенесен на неопределенное время, и он решил вернуться в Иркутск. В городе хозяйничали карательные войска генерала Ренненкампа. На два месяца Мандельбергу пришлось скрыться в одном из дальних уездов Иркутской губернии и проживать там по подложному документу. Возвращение в Иркутск в марте 1906 г. было вызвано необходимостью участвовать в избирательной кампании в первую Государственную думу.

Хотя центральные органы РСДРП призывали к бойкоту выборов и Думы, требуя созыва Учредительного собрания, иркутские социал-демократы приняли решение участвовать в них.

Им на выборах противостояли кадеты и черносотенцы. Черносотенцы действовали в наиболее благоприятных условиях: их открыто поддерживала администрация. Но как политическая сила черносотенцы были слабы и уступали социал-демократам и кадетам. Иркутские социал-демократы весной 1906 г. находились на нелегальном положении, силы их были подорваны репрессиями. В подпольной типографии издавали прокламации и воззвания, предвыборные партийные собрания проходили конспиративно. На одном из первых таких собраний кандидатом в депутаты Думы от Иркутска был выдвинут доктор Виктор Мандельберг.

В целях легализации избирательной кампании было решено создать формально беспартийный избирательный комитет. В него были вовлечены наиболее энергичные, популярные избиратели, причем только из лиц наемного труда. Комитет имел название, подчеркивавшее его классовый характер – «Избирательный комитет избирателей, живущих продажей своего труда». В него входили избиратели из приказчиков, рабочих депо, служащих железнодорожных служб, типографчиков, ремесленников и др. Создавая это объединение, социал-демократы рассчитывали через него в последующем вести свою партийную пропаганду. На предвыборных собраниях агитаторы разъясняли не только избирательное законодательство и задачи Думы, но и программные требования РСДРП, призывая избирателей голосовать за свой список выборщиков и за кандидатуру В.Е. Мандельберга. Как отмечал В. Мандельберг в своих воспоминаниях, им удалось провести два больших легальных собрания, одно из которых состоялось 6 июля 1906 г. в Обществе иркутских приказчиков [2, Ф. 600. Оп. Оц. Д. 27. Л. 125-129]. Но уже через 2 дня, 8 июля, I Дума была распущена Указом императора, хотя в ряде округов, в т. ч. в Иркутске, выборы еще не закончились. Опасаясь ареста, В. Мандельберг покинул Иркутск.

Анализируя впоследствии партийную работу в Сибири, В. Мандельберг пришел к выводу, что одним из существенных недостатков была нехватка опытных партийных кадров и большая текучесть. Как правило, ссыльные, обладавшие глубокими теоретическими знаниями и практическим опытом партийной работы, отбыв срок, стремились вернуться в европейскую

часть страны, где разворачивались основные события. Отсюда вытекали причины подъемов и спадов в партийной работе и пропаганде среди трудящихся.

Виктор Евсеевич Мандельберг вновь вернулся в Иркутск в марте 1907 г. в канун выборов во вторую Государственную думу, чтобы лично поддержать свою кандидатуру. К этому времени состоялся первый тур выборов, в котором оппозиция одержала убедительную победу. Но теперь эти 80 выборщиков, представлявшие разные политические силы (кадеты, социал-демократы и блок народников), должны были избрать депутата. Каждый из трех кандидатов должен был убедить выборщиков в правоте именно своей позиции. В самом сложном положении находился В.Е. Мандельберг. Он был вынужден избегать встреч с полицией, уполномоченной арестовать его за участие в антиправительственных акциях 1905 г. Проникнуть на собрание под чужой фамилией было невозможно, ибо полиция впускала в помещение, где проходило совещание выборщиков, по именным повесткам. Легализоваться для В.Е. Мандельберга означало обречь себя на арест, а организацию – на проигрыш всей думской кампании. Но выход был найден: собрание организовали в помещении с замаскированным ходом. В. Мандельберг, имевший именную повестку выборщика, попал на собрание вполне законно, выступил с изложением предвыборной программы, как и другие кандидаты в депутаты, и благополучно скрылся через тайный ход. Полиция, вскоре обнаружившая проникновение на собрание государственного преступника, пыталась исправить оплошность, но безуспешно.

24 марта 1907 г. состоялись выборы, и В.Е. Мандельберг стал первым представителем города Иркутска в высшем законодательном органе Российской империи. После избрания депутатом Думы В.Е. Мандельберга, как народного избранника, обретшего статус неприкосновенного лица, принимал иркутский губернатор. Мандельберг вспоминал, как «полицейские и казаки с большим любопытством разглядывали эту новую для них разновидность обывателя, которого раньше приказано было изловить, а сейчас нельзя трогать» [7, с. 123]. К социал-демократу, избранному в Государственную думу, приходили депутации с наказаниями, частные лица с просьбами. Наказы пе-

редали рабочие железнодорожного депо, евреи города Иркутска, общество извозчиков и др.

Администрация города и губернии были шокированы итогами выборов. Особое негодование черносотенцев вызывало избрание депутатом еврея. Как отмечал сам В. Мандельберг в воспоминаниях, их бесило, что «избран не только социал-демократ, но к тому еще и еврей» [7, с. 123]. Такой исход выборов они считали позором для Иркутска. Накануне выборов, убежденные в своей победе, они провели в городской думе решение, согласно которому будущему депутату от Иркутска назначалось годовое жалованье в размере 3000 руб. В. Мандельберг заявил, что часть денег будет направлена на улучшение положения политических узников, томившихся в местной тюрьме.

Боясь провокаций, В. Мандельберг поспешил скорее попрощаться с избирателями, поддерживавшими его, и выехать в столицу. Рассчитывать на большой легальный митинг было нельзя – это грозило новыми арестами. Поэтому было решено провести небольшую церемонию на вокзале перед отправлением поезда с участием железнодорожных рабочих и других товарищей.

31 марта 1907 г. состоялись проводы депутата, превратившиеся в митинг. Один из рабочих зачитал наказ депутату от рабочих депо станции Иркутск. В нем говорилось: «Депутат должен стойко бороться за нужды пролетариата, тогда имя его как борца за народ будет вписано святыми буквами в сердце народном. Он должен бороться за освобождение страны от произвола и насилия, за землю и волю народу. Он должен добиваться отмены смертной казни, амнистии всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения, отмены военного положения и всех исключительных мер по охране. Он должен требовать созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

В ответном слове В. Мандельберг заявил, что депутат без поддержки народа мало что может сделать. В любую минуту эта поддержка может понадобиться. Правительству ничего не стоит сдунуть Думу как мыльный пузырь. Дума сможет создать новую Россию, когда превратится в реальную силу. Депутат заявил, что приложит все свои усилия и сделает все воз-

можное в борьбе за интересы рабочего класса и крестьянства [З, Ф. 300. Оп. 1. Д. 223. Л. 1-3]. На следующий день подробный рассказ о проходах депутата нашел отражение в листовке Иркутского комитета РСДРП, распространенной по городу.

Многое, о чем предупреждал В. Мандельберг, произошло. Вторая Дума, как и первая, была распущена царем. Коренным образом изменилось выборное законодательство. Социал-демократическая фракция почти в полном составе была арестована и предстала перед судом по сфабрикованному обвинению. В. Мандельбергу случайно удалось избежать ареста, но он вынужден был отправиться в длительную эмиграцию. Революция закончилась, в России начался период реакции.

Анализируя поражение первой революции в России, В. Мандельберг пришел к выводу, что главная причина поражения заключается «в степени зрелости самого освободительного движения». Даже имея на отдельных этапах развития революции некоторое преимущество над царизмом, лидеры движения не знали, как поступить, как использовать власть.

В. Мандельберг пришел к выводу, что революция 1905–1907 гг. дала трудящимся массам и политическим партиям определенные уроки. Участники революции научились солидарности, умению находить компромиссные решения между различными политическими силами в борьбе за общие интересы. Особенно ярко это проявилось в избирательных кампаниях в Государственную думу 1906 и 1907 годов.

В 1917 г. В. Мандельберг вернулся в Россию и вновь окупился в гущу партийной борьбы и революции. В. Мандельберг принимал участие во Всероссийском демократическом совещании в сентябре 1917 г. в Петрограде, который избрал Всероссийский Демократический Совет (Предпарламент). В.Е. Мандельберг вошел в президиум от партии меньшевиков. По поручению ЦК РСДРП(об.) осенью он был вновь направлен в Иркутск, где возглавил Иркутскую организацию меньшевиков.

После октябрьских событий 1917 г. В.Е. Мандельберг стал противником большевистской партии и критиком Советской

власти. 4 января 1918 г. на заседании Временного Сибирского областного совета он заявил о необходимости поддержки Учредительного собрания.

В мае 1918 г. В.Е. Мандельберг принял участие в работе Иркутского губернского съезда рабочих, крестьянских, бурятских, казачьих и красноармейских депутатов от социал-демократической партии (меньшевиков). После поражения советской власти летом 1918 г. В.Е. Мандельберг работал в Иркутском комитете социал-демократической партии, поддерживал земское движение. 3 августа 1919 г. он был избран гласным Иркутской городской думы.

В период диктатуры А.В. Колчака В.Е. Мандельберг продолжал заниматься публицистикой. 17 июля 1918 г. за публикацию статьи «Долой смертную казнь!» в газете «Иркутские дни» был арестован, но достаточно быстро освобожден с извинениями. Перед приходом частей Красной Армии в Иркутск в начале 1920 г. В.Е. Мандельберг эмигрировал из России, на этот раз окончательно [5, с. 320; 4, с. 173-174].

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что имя Виктора Мандельберга вновь вернулось в историю Сибири, Иркутска, революционного движения и политической ссылки. Исследователями сделан определенный шаг в изучении биографии Мандельберга. Но еще имеется значительный пласт неизученного литературного наследия, прежде всего его публицистики. В этом автор данной статьи видит будущие задачи при исследовании биографии В.Е. Мандельберга.

Примечания

1. Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 214 с.
2. Государственный архив Иркутской области.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
4. Звягин С.П. В.Е. Мандельберг в годы революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: Сб. статей. Красноярск, 2003. С. 172-180.
5. Иркутск. Историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011. С. 319-320.
6. Кабацкий Н.И. Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905–1907 годов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. 240 с.

7. Мандельберг В. Из пережитого. Давос, 1910.
8. Родионов Ю.П. О «Сибирских фрагментах» воспоминаний В.Е. Мандельберга // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 52-56.
9. Самоделкин В.А. В.Е. Мандельберг – один из оппонентов колчакщины // История «белой» Сибири: Тез. докл. второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 32-34.
10. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3.

УДК 329(47)КПСС(092)Постышев

А.Н. Гаращенко

Иркутские страницы биографии П.П. Постышева

Статья посвящена П.П. Постышеву и его «иркутским страницам». На основании неизвестных ранее архивных материалов автор стремится выяснить вклад этого ссыльного революционера в социокультурное пространство Иркутска.

Ключевые слова: политические ссыльные, революционная работа, городская топонимика.

A.N. Garashchenko

Irkutsk pages of the biography of P.P. Postyshev

Article is devoted to P.P. Postyshev and him to «Irkutsk pages». On the basis of unknown earlier archival materials the author seeks to find out a contribution of this exiled of the revolutionary to sociocultural space of Irkutsk.

Keywords: political exiled, revolutionary work, city toponymics.

В далеком 1980 г. решением Иркутского облисполкома № 294 от 24 июня 1980 г. (прил. 3, п. 9) Иркутская ТЭЦ по ул. Сурикова, 23 была поставлена под региональную охрану, как памятник с формулировкой: «Здание ТЭЦ, здесь в 1912 г. работал П.П. Постышев, первый председатель Центросибири». Еще раньше, в 1960-е гг., имя Постышева было присвоено бульвару и средней школе № 27, открытой в 1967 г.

Безусловно, Постышев имел больше отношения к Иркутску, чем, например, Свердлов или Урицкий, которые здесь никогда не бывали. Каторжник же Постышев некоторое время отбывал ссылку в нашем городе, но вряд ли оставил такой вклад в историю его развития, чтобы позднее быть увековеченным в его топонимике.

Говоря о значении той или иной личности для того места, которое предполагалось объявить памятным, или тем более поставить на охрану, стоило задуматься, какую роль она сыграла в истории города. В советский период нашей истории этот вопрос решался с идеологических позиций. Происходящая сегодня переоценка событий прошлого дает возможность, на наш взгляд, более объективно просмотреть не столь далекую историю родного края.

Говоря об увековечивании того или иного персонажа истории, стоит посмотреть, какую же роль он сыграл в истории. Считаем, что прошедший период времени позволяет сделать некоторые оценки и непредвзято, и неэмоционально и, по возможности, неидеологизированно.

Но обо всем по порядку. Посмотрим, какую роль сыграл П.П. Постышев в истории Иркутска?

Первоначально вспомним, как оценивалась его роль в советское время. Сразу же отметим, можно найти несколько биографических справок, которые будут отличаться друг от друга в зависимости от времени их написания. Приведем некоторые.

«Постышев Павел Петрович (партийный псевдоним Ермак) [6(18).9.1887 – 26.2.1939], советский партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1904. Родился в Иваново-Вознесенске в семье рабочего-ткача. В революционном движении с 1901. В 1905 депутат Иваново-Вознесенского совета рабочих депутатов. В 1906 член Ивановского городского комитета, в 1907–1908 член бюро окружного комитета РСДРП. В 1908 арестован, приговорён к каторге, в 1912 выслан на вечное поселение в Иркутскую губернию. В 1914–1917 член Иркутского бюро РСДРП, руководитель профсоюза металлистов. С марта 1917 депутат, с августа – заместитель председателя Иркутского совета, председатель Центрального бюро Союза профсоюзов. С декабря 1917 член Иркутского

ВРК, организатор отрядов Красной Гвардии. В 1918 председатель Ревтрибунала, член Центросибири и её представитель в Дальневосточном СНК в Хабаровске. В период Гражданской войны 1918–1920 на подпольной работе на Дальнем Востоке, руководил партизанскими отрядами Приамурья. В 1920 уполномоченный ЦК РКП(б) по Хабаровскому району, кандидат в члены Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). В 1921–1922 уполномоченный правительства Дальневосточной республики (ДВР) по Прибайкальской области; член Военного совета Восточного фронта ДВР; областной комиссар юстиции правительства ДВР в Верхнеудинске, председатель Прибайкальского губисполкома. С 1923 на партийной работе на Украине. В 1924–1925 секретарь Киевского губкома, затем окружкома КП(б)У, в 1926–1930 секретарь Харьковского окружкома и горкома КП(б)У; в 1925 член ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У, в 1926–1930 член Политбюро, Оргбюро и секретарь ЦК КП(б)У. В 1930–1933 секретарь ЦК ВКП (б), член Оргбюро ЦК. Одновременно в 1933–1937 секретарь ЦК, член Политбюро и Оргбюро ЦК КП (б) У и с 1934 секретарь Киевского обкома КП (б) У. В 1937–1938 секретарь Куйбышевского крайкома ВКП (б). Делегат 11, 13–17-го съездов ВКП (б); на 14-м съезде избирался кандидатом в члены ЦК, на 15–17-м – членом ЦК ВКП (б); в 1934–1938 кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б). Член Президиума ЦИК СССР. Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени»¹.

Почти таким же был текст в «*Советской военной энциклопедии*»².

Несколько по-иному выглядит биографическая справка, но уже постсоветского периода.

«**Постышев Павел Петрович** (6.9.1887, Иваново-Вознесенск – 26.2.1939). Партийный деятель. Сын ткача. В 1901 примкнул к революционному движению. В 1904 вступил в РСДРП, большевик. В 1906 член правления профсоюза ситцепечатников, член Ивановского городского комитета РСДРП. В апр. 1908 арестован и в 1912 отправлен на поселение в Иркутскую губернию. В 1914–1917 член Иркутского бюро РСДРП. С авг. 1917 – зам. пред. Иркутского совета и с дек. 1917 – член военно-революционного комитета, пред. Центрального бюро профсоюзов. С 1918 пред. Ревтрибунала, член Центро-

сибири и его представитель в Дальневосточном СНК. Один из организаторов «красного террора» в Сибири и на Дальнем Востоке, выделялся жестокостью даже среди большевиков. В 1920 уполномоченный ЦК РКП(б) по Хабаровскому краю. В 1921–1922 уполномоченный правительства Дальневосточной республики (ДВР) по Прибайкальской области, в окт.-дек. 1921 член Военного совета Приамурского военного округа, в дек. 1921 – февр. 1922 – Восточного фронта ДВР, затем пред. Прибайкальского губисполкома. С апр. 1922 областной комиссар ДВР в Верхнеудинске. С авг. 1923 зав. организационно-инструкторским отделом Киевского губкома КП(б) Украины. С сент. 1924 секретарь Киевского губкома (затем окружкома) партии. С 1925 кандидат, с 1927 член ЦК ВКП(б). С нояб. 1926 секретарь ЦК КП(б) Украины. С 13.7.1930 по 26.1.1934 секретарь ЦК ВКП(б) и член Оргбюро ЦК. С июля 1930 по янв. 1933 руководил отделом пропаганды и агитации и организационным отделом ЦК ВКП(б). В янв. 1933 направлен на Украину, где в это время свирепствовал голод, 2-м секретарем ЦК с задачей «безусловно выполнить план хлебозаготовок». С марта 1933 секретарь ЦК КП(б) Украины. Одновременно с янв. 1933 по июнь 1934 1-й секретарь Харьковского, с июля 1934 по янв. 1937 Киевского обкома партии. С 10.2.1934 кандидат в члены Политбюро ЦК. Главный инициатор репрессий против украинской интеллигенции (1932–1937), которую обвинял в «национализме». Затем руководил погромом «националистических» кадров КП(б) Украины, член «тройки», выносивший смертные приговоры арестованным на основании фальсифицированных данных, а в ряде случаев и при полном их отсутствии. Именно благодаря ему репрессии приняли небывалый размах, были арестованы все секретари обкомов, большинство секретарей райкомов и т. д. Кроме того, это сопровождалось уничтожением сотен тысяч рядовых граждан. По предложению Постышева в 1936 Сталин вернул людям елку – новогодние праздники. В 1937 избран депутатом Верховного Совета СССР. 18.3.1937 снят с руководства Украиной и переведен секретарем Куйбышевского обкома ВКП(б). Прибыв в область, организовал беспрецедентную кампанию арестов: в области за время его «наместничества» были взяты 110 секретарей райкомов. Постышев – одна

из наиболее одиозных личностей в партийном руководстве в 1930-х гг. 10.6.1937 на Куйбышевской партконференции Постышев, «анализируя методы вредительской работы врагов народа, отметил бездеятельность многих партийных органов. В области уже после проверки вскрыто и разоблачено большое количество врагов партии». «Чтобы изгнать врага, надо неизмеримо повысить бдительность», – заявил он. По воспоминаниям Н.С. Хрущева, «был добрым человеком, хотя иной раз допускал повышение тона, недопустимую грубость». На Пленуме ЦК (14.1.1938) выведен из состава Политбюро ЦК. В февр. 1938 исключен из ВКП(б) и 21.2.1938 арестован. 26.2.1939 приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1956 реабилитирован»³.

Как видно из этих биографий, иркутскому периоду деятельности Постышева в них уделено не так много места. Для полноты картины обратимся к материалам архивов, воспоминаниям самого П.П. Постышева и его современников.

Павел Петрович Постышев был осужден Московским военно-окружным судом в г. Владимире 5–10 февраля 1910 г. за участие в сообществе, постановившем целью своей деятельности ниспровержение, путем вооруженного народного восстания, существующего в России образа правления (1 ч. 102 ст. Угол. Улож.), к каторге на два года и восемь месяцев, с последствиями по 22, 23, 25, 28–31, 34 и 35 ст. Уголовного Уложения, т. е. с последующей ссылкой в Сибирь. Каторгу отбывал во Владимирской каторжной тюрьме. Постановлением Тюремного отделения Владимирского губернского правления от 4 декабря 1912 г. арестант Постышев за окончанием срока каторжных работ 8 декабря 1912 г. был перечислен в ссыльнопоселенцы. В январе 1913 г. он назначается на водворение в Яндинскую волость Балаганского уезда Иркутской губернии, куда и прибыл 3 февраля 1913 г.⁴

Из имеющихся архивных документов следует, что уже через несколько месяцев после прибытия на место поселения Постышев устраивается на работу. Он состоял на службе у Товарищества Байкальского пароходства и торговли с 24 июля по 13 ноября 1913 г. в качестве матроса на пароходе «Бурят», который рейсировал от Иркутска до Мамыри. Как отмечали хозяева пароходства, «во время службы Постышев находился

всегда трезвым и возлагаемые на него обязанности исполнял аккуратно. Уволен по случаю закрытия навигации по реке Ангаре»⁵.

После закрытия навигации Постышев поселяется в селе Залари⁶. Но ему хотелось перебраться в Иркутск. В апреле 1914 г. он получает разрешение временно проживать в городе. С 30 апреля 1914 г. Постышев устраивается на работу в электротехническую контору В. Львова, в качестве монтера по проводке электрического освещения⁷. Любопытно отметить, что Постышев, по данным Статейного списка на ссыльнопоселенца, составленного в Тюремном отделении Владимирском губернском правлении 2 августа 1910 г., до осуждения был чернорабочим, никакого мастерства не знал, обучался в земской школе, но курса не окончил⁸. Причиной к разрешению на проживание в столице губернии было заявление Постышева о необходимости ему лечиться. К заявлению прилагалось медицинское освидетельствование, подписанное доктором Н. Третьяковым. В документе указывалось, «что он страдает неврастенией, малокровием, сопровождающимся сильным головокружением и упорными головными болями, почему ему крайне необходимо остаться в г. Иркутске для лечения на шесть месяцев». Тюремная инспекция запросила губернское Врачебное отделение освидетельствовать состояние здоровья Постышева, насколько действительно он нуждается в лечении в городе. Врачебное отделение 24 апреля сообщило, что Постышев «болеет малокровием и неврастенией средней тяжести... и обморочным состоянием. Для лечения ему необходимо последовать советам врачей-специалистов и проживать в городе Иркутске, в течение 2 месяцев». Срок проживания в городе был разрешен до 24 июня 1914 г.

Через два месяца Постышев вновь просит продления срока проживания на неопределенное время, ввиду того, как указывал проситель: «я имею здесь определенную работу в конторе Львова, а также и для дальнейшего лечения туберкулеза». В. Львов, у которого тюремная инспекция запросила характеристику на Постышева, писал: «Постышев нравственных качеств очень хороших, обязанности свои исполняет аккуратно, абсолютно трезв; желательно иметь у себя его на службе и долее». Срок проживания был продлен до 25 августа 1914

г. Так продолжалось каждый месяц. В ноябре 1914 г. в своем прошении Постышев, не имевший никакой профессии ранее, уже указывал на работу монтера как на свою профессию: «Будучи по специальности монтером по проводке электрического освещения, вне Иркутска я не могу найти себе подходящей работы, служащей единственным источником моего существования, и потеря работы была бы для меня слишком тяжелым лишением»⁹. П.П. Постышев проработал в электротехнической конторе В. Львова до апреля 1915 г. С 15 апреля он уже служит на городской электростанции в качестве монтера фонарщика¹⁰ (правда, по другим сведениям, он уже числился на работе с 13 апреля, получая по 1,50 руб. подневной платы в сутки¹¹).

Периодически Постышеву продлялся срок проживания в городе, на месяц, на два, а 14 октября 1914 г. – сразу до 13 февраля 1916 г.¹² и т. д.

5 апреля 1915 г. Постышев женился на ссыльнопоселенке Усть-Удинской волости Балаганского уезда Анастасии Николаевне Коноваловой (первая жена Постышева). Коновалова была из крестьян с. Степановка Тамбовской губернии. Саратовской судебной палатой признана виновной в преступлении, предусмотренном по 1 ч. 102 ст. Уголовного Уложения. Приговорена к тюремным работам на четыре года. Срок приговора исчислялся с 10 июня 1909 г. По предписанию тюремного отделения Иркутского губернского управления с 1 июня 1913 г. проживала в с. Усть-Уда. В Иркутске же у Постышева родился ребенок. Жена была больна туберкулезом и бесплатно лечилась в амбулатории Иркутского общества борьбы с туберкулезом¹³. Ссылаясь и на эту причину, Постышев просил и получал разрешение на проживание в городе. Правда, и неблагоприятных в политическом отношении сведений о нем, судя по документам, у властей не было. Он не был замечен в каких-либо политических выступлениях и, по сведениям окрестного за сентябрь 1915 г., «...поведения одобрительного, образ жизни ведет трезвый». Вероятно, Павел Петрович хорошо конспирировался. Есть только одно свидетельство следующего содержания: «21 октября 1914 г. в г. Иркутске была ликвидирована группа анархистов-коммунистов ссыльных Восточной Сибири, по коей был обнаружен адрес Павла Пет-

ровича Постышева, в силу чего Постышев 1 ноября того же года был подвергнут обыску, коим данных для привлечения его к дознанию не добыто, и он был оставлен на свободе»¹⁴. Но это свидетельство официальное. На самом же деле Постышев занимался пропагандой среди рабочих. Так, например, 9 июля 1914 г. состоялось собрание рабочих обозных мастерских в пади Топка, на котором присутствовали Постышев и П.И. Старостин. Собравшиеся приняли решение начать забастовку и предъявить экономические и политические требования, что и было сделано на следующий день. 12 октября того же года он присутствовал на нелегальном собрании руководителей Иркутской городской организации РСДРП¹⁵.

И вот здесь мы подходим к вопросу о значении личности Постышева для Иркутска. **Является ли факт работы Постышева на иркутской электростанции историческим событием? Если да, то насколько значимым?**

В 1970 г. вышла книга документальных очерков «Заветам Ленина верны», в которой утверждалось, что Постышев руководил подпольным кружком на станции. Авторы же книги «Годы и люди. 1910–1995. История Иркутской ТЭЦ-2» отмечают другое: «О его (Постышева. – А.Г.) жизни и деятельности в Иркутске написано уже немало. Хотелось бы подчеркнуть только некоторые, может, неизвестные до сих пор детали. Очевидно, что электростанция должна была стать надежным прикрытием для профессионального революционера. В ее стенах он должен был избегать слишком “Предсудительных” действий, стараясь быть “как все”, обыкновенным “иркутским фонарщиком”. К сожалению, нам не удалось обнаружить источников, подтверждающих (или опровергающих) свидетельство о том, что Постышев руководил подпольным кружком на станции, что утверждается в уже упоминавшемся нами сборнике 1970 г. документальных очерков по истории станции.

...наше предположение о том, что **основная революционная деятельность П. Постышева проходила все-таки вне станции** (выделено нами. – А.Г.)»¹⁶.

Наши исследования, также соответствуют этому утверждению. Работая обычным монтером-фонарщиком, Постышев, конечно же, никакого отношения к становлению электростан-

ции как учреждения не имел, революционной деятельности на самой станции не вел. Работа его на станции началась в апреле 1915 г., а вот точное время окончания по документам определить сложно. Можно предполагать, что она закончилась с февральской революцией 1917 г. Хотя авторы книги «Годы и люди» приводят сведения, что Постышев с 15 июня 1917 г. получил двухмесячный отпуск с сохранением содержания, но из отпуска он уже не вернулся, после чего городская Управа посчитала его выбывшим со службы на станции с 27 ноября 1917 г.¹⁷ Фактически получается, что он служил на станции 2 года и 2 месяца.

Нам удалось выявить следующие адреса в городе, связанные с Постышевым. За время пребывания его в это время в Иркутске, он проживал: по ул. Дворянской, 18/3, угол с Ланинской (от этой усадьбы сохранился дом по ул. Декабрьских Событий, 7), Большаковскому переулку, 3 (ныне пер. Большевицкий, дом не сохранился), а работал у Львова – ул. Троицкая, 35 (ныне улица 5-й Армии, дом не сохранился, на его месте стоит дом по ул. 5-й Армии, 31).

Бросив работу, Постышев занялся революционной деятельностью. Так, в газете «Сибирь» от 1 ноября 1917 г. в «Кандидатских списках для выборов в учредительное собрание» в списке Иркутской организации социал-демократов большевиков и меньшевиков интернационалистов под № 4 значился Постышев Павел Петрович¹⁸. Именно с этого времени начинается самая активная его деятельность в Иркутске, но совершенно не относящаяся к электростанции. Он избирается в первый состав Совета рабочих депутатов, вместе с рядом таких же, как он, большевиков – С.И. Лебедевым, Б.М. Сташевским, Д.М. Трифоновым, становится во главе Центрального бюро профессиональных союзов. 19 ноября избирается в состав образованного Военно-революционного комитета (ВРК)¹⁹. Одной из самых боевых задач большевиков Иркутска было сколачивание и вооружение рабочих, обучение их военному делу. Организаторами первых красногвардейских отрядов стали П.П. Постышев и С.И. Лебедев. 3 декабря 1917 г. Военно-революционный комитет объявил смотр революционным войскам города. Принимал его П.П. Постышев. Впоследствии он писал, что и не мог думать, что ему, иркутскому «фонарщику»,

теперь представителю верховной власти губернии, придется принимать парад пролетарских войск, приветствовать бойцов – обозников, кожевников, булочников, металлистов, монтажников и т. д. В дни декабрьских беспорядков в городе, учиненных большевиками, когда юнкера пытались подавить эти выступления, осаждали Белый дом, как оплот большевиков в городе, Постышев вместе с другими членами ревкома вели с ними борьбу. Он входил в состав главного штаба красногвардейских отрядов, руководившего этим выступлением. Об ужасах этих дней в Иркутске можно прочитать в «Летописи Иркутска» Н.С. Романова, дневниках И.И. Серебренникова²⁰. Число жертв только в эти дни составляло: 334 убитых, 699 раненых. Но, скорее всего, их было больше²¹.

В январе 1918 г., когда большевикам удалось временно захватить власть, был создан Иркутский революционный трибунал. Его председателем назначен П.П. Постышев²². Роль Постышева на этом посту недостаточно изучена, и нам не удалось выявить документы, раскрывающие его деятельность. Отмечается, что трибунал рассматривал дела, связанные с бандитизмом, но в период борьбы за власть любую деятельность против большевиков последние могли расценивать, как бандитизм, и жестоко карать своих идеологических противников, что и происходило. В феврале он был избран членом Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Облаком). Постышев не входил в первый состав Центросибири, а во втором, избранном 26 февраля 1918 г., был кандидатом в члены этой организации²³.

Его деятельность в Иркутске заканчивается 11 июля 1918 г., когда Павел Петрович уезжает на восток. После эвакуации из Иркутска советских организаций в июле 1918 г. П.П. Постышев направляется на Дальний Восток, где руководит партизанской борьбой против белогвардейских войск и иностранных интервентов, выполняя обязанности начальника политотдела партизанского отряда, члена Хабаровского военно-окружного комитета, затем комиссара Хабаровского фронта. С июля 1920 по март 1922 г. был комиссаром 1-й Амурской стрелковой дивизии, членом Военного совета Восточного фронта, уполномоченным ЦК РКП(б) в Хабаровске.

За «заслуги» в Гражданской войне П.П. Постышев был награжден орденом Красного Знамени.

После Гражданской войны Постышев в Иркутске не был. Большая часть его деятельности в советский период истории прошла на Украине, где он занимал различные партийные должности. С августа 1923 г. заведовал организационно-инструкторским отделом Киевского губкома КП(б) Украины. С сентября 1924 г. он – секретарь Киевского губкома (затем окружкома) партии. С 1925 г. кандидат, с 1927 г. – член ЦК ВКП(б). С ноября 1926 г. – секретарь ЦК КП(б) Украины. С 13 июля 1930 по 26 января 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) и член Оргбюро ЦК. С июля 1930 по январь 1933 г. руководил отделом пропаганды и агитации и организационным отделом ЦК ВКП(б). В январе 1933 г. направлен на Украину, где в это время свирепствовал голод, 2-м секретарем ЦК с задачей «безусловно выполнить план хлебозаготовок». С марта 1933 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. Одновременно с января 1933 по июнь 1934 г. – 1-й секретарь Харьковского, с июля 1934 по январь 1937 г. – Киевского обкома партии. С 10 февраля 1934 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК. Главный инициатор репрессий против украинской интеллигенции (1932–1937 гг.), которую обвинял в «национализме». Затем руководил погромом «националистических» кадров КП(б) Украины, член «тройки», выносивший смертные приговоры арестованным на основании фальсифицированных данных, а в ряде случаев и при полном их отсутствии. Именно благодаря ему репрессии приняли небывалый размах, были арестованы все секретари обкомов, большинство секретарей райкомов и т. д. Кроме того, это сопровождалось уничтожением сотен тысяч рядовых граждан.

Постышев поднялся вверх до поста секретаря ЦК благодаря своему яркому участию в кампании против троцкизма. С 1933 г. он «очистил» партийный и госаппарат от «националистов» и довел до самоубийства известного украинского наркома – и, по словам Л.Д. Троцкого, «сто-процентного сталинца» – Скрыпника. Троцкий охарактеризовал Постышева как «карьериста, одного из самых раболепных из всех лакеев Сталина».

В 1937 г. он избирается депутатом Верховного Совета СССР. Но вскоре, 18 марта 1937 г., снят с руководства Украиной и переведен секретарем Куйбышевского обкома ВКП(б). Прибыв в область, Постышев организовал беспрецедентную кампанию арестов: в области за время его «наместничества» были взяты 110 секретарей райкомов. 10 июня 1937 г. на Куйбышевской партконференции Постышев, «анализируя методы вредительской работы врагов народа, отметил бездеятельность многих партийных органов. В области уже после проверки вскрыто и разоблачено большое количество врагов партии». «Чтобы изгнать врага, надо неизмеримо повысить бдительность», – заявил он. По воспоминаниям Н.С. Хрущева, «был добрым человеком, хотя иной раз допускал повышение тона, недопустимую грубость». Пострадал Постышев, как и большинство ему подобных партийных руководителей. На Пленуме ЦК (14.1.1938) он был выведен из состава Политбюро ЦК. В феврале 1938 г. исключен из ВКП(б) и 21 февраля 1938 г. арестован. 26 февраля 1939 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. В 1956 г. – реабилитирован.

В заключение повествования о личности Постышева отметим, что он как секретарь ЦК ВКП(б) вместе с генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Иосифом Сталиным (Джугашвили), председателем Совета Народных Комиссаров СССР Вячеславом Молотовым (Скрябин), секретарем ЦК ВКП(б) Лазарем Кагановичем, а также представителями украинского партийного руководства: генсеком ЦК КП(б)У Станиславом Косиором, председателем Совета народных комиссаров УССР Власом Чубарем и вторым секретарем ЦК КП(б)У Менделем Хатаевичем, в 2010 г. Апелляционным судом Киева признан виновными в голоде 1932–1933 г. на Украине: «геноцида украинской национальной группы, то есть искусственного создания жизненных условий, рассчитанных на ее частичное физическое уничтожение». Вместе с тем, суд закрыл уголовное дело «в связи со смертью виновных». Мы не оцениваем деятельность украинских судебных органов, а приводим эту информацию, как факт.

Но, может, стоит подумать об актуальности оставления имени Постышева в топонимике Иркутска?

Примечания

1. Большая Советская энциклопедия.
2. *Советская военная энциклопедия в 8-ми томах. М., 1978. Т. 6. С. 471.*
3. Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва: Вече, 2000.
4. ГАИО. Ф. 34. Оп. 1 ОЦ. Д. 62. Л. 3., 3 об., 4.
5. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 325. Л. 12.
6. Революционный подвиг сибиряков. Биографии борцов за власть Советов на земле Иркутской. Иркутск, 1972. С. 259.
7. ГАИО. Ф. 34. Оп. 1 (ОЦ). Д. 62. Л. 11, 12.
8. Там же. Л. 3.
9. Там же. Л. 12, 13, 14, 15.
10. Там же. Л. 33; ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 325. Л. 11.
11. ГАИО. Ф. 281. Оп. 1. Д. 127. Л. 175 об. – 176.
12. Там же. Ф. 600. Оп. 1 (Оц). Д. 87. Л. 613.
13. Там же. Ф. 34. Оп. 1 (Оц). Д. 62. Л. 19, 20 об., 47.
14. Там же. Ф. 600. Оп. 1 (Оц). Д. 92. Л. 56.
15. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост., автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 274–275, 278.
16. Годы и люди. 1910–1995. История Иркутской ТЭЦ-2. Иркутск, 1995. С. 46.
17. Там же. С. 47.
18. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 325. Л. 3.
19. Иркутская летопись 1661–1940 гг. ... С. 332.
20. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994; Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
21. Романов Н.С. Указ. соч. С. 513.
22. Революционный трибунал начал свою деятельность 24 января 1918 г. (Романов Н.С. Указ. соч. С. 276).
23. Иркутская летопись 1661–1940 гг. ... С. 347.

Л.Н. Метёлкина

Алексей Снегов: страницы биографии «хрущевского зека»

Статья посвящена воссозданию биографии Алексея Владимировича Снегова – человека, сыгравшего, по свидетельствам ряда современников, значительную роль в процессе десталинизации 1950-х гг., «хрущевского зека», деятельность которого до сих пор остается малоизученным сюжетом советской истории.

Ключевые слова: репрессии, реабилитация, десталинизация, «хрущевские зеки».

С. Коэн безусловно прав, обращая внимание на тот факт, что при неослабевающем интересе к теме репрессий в Советском Союзе, в настоящий момент существует единственное исследование¹, причем американского автора Нэнси Адлер, посвященное послегулаговской судьбе бывших заключенных.

Между тем при Н.С. Хрущеве появилась очень немногочисленная группа бывших заключенных – «хрущевских зеков» – приобретающая уникальную, хотя и непродолжительную возможность оказывать влияние на принятие политических решений. При этом самыми влиятельными и активными из них были Ольга Григорьевна Шатуновская и Алексей Владимирович Снегов, оставшиеся, тем не менее, крайне малоизвестными личностями в советской истории. Особенно в этом отношении «не повезло» Снегову, сведения о котором, причем очень разрозненные, неполные и зачастую противоречивые, сохранились лишь в нескольких фрагментированных мемуарах и архивных документах. Именно восстановлению биографии А.В. Снегова и посвящена эта статья.

Биография. Алексей Владимирович Снегов (Иосиф Израилевич Фаликзон) родился по документам в 1898 г., по его собственным словам – в 1901 г. в Киеве, в еврейской семье. Образование неполное среднее.

В 1914–1917 гг. давал частные уроки, затем в течение 6 месяцев был красногвардейцем. В апреле 1917 г. вступил в

РСДРП. В 1918 г., будучи уполномоченным Киевского комитета партии, находился на оккупированной немцами территории Подолии в качестве секретаря подпольных Винницкого городского, затем Подольского губернских комитетов КП(б). Являлся одним из руководителей вооруженного восстания против германских оккупантов в Виннице. В сентябре 1918 г. был арестован и до 4 ноября того же года находился под стражей.

С февраля 1919 г. по 1921 г. работал в должности ответственного секретаря Подольского губернского комитета КП(б)У – с перерывом в 1919 г. на службу в Красной Армии, в должности секретаря Политической комиссии 13-й армии.

Сведения о деятельности А.В. Снегова в 1920-е годы еще более скудны: известно лишь, что в этот период он не покидал Украины и между 1921 и 1928 гг. работал заведующим Организационным отделом Полтавского губернского комитета КП(б)У и находился на партийной работе в Мариуполе и Екатеринославе. В мае 1928 г. был назначен ответственным секретарем Зиновьевского окружного комитета КП(б)У, откуда, вероятно, в 1929 г. был переведен на работу в аппарат ЦК КП(б) Украины. 15 июня 1930 г. А.В. Снегов был избран членом ЦК КП(б)У и оставался им до 28 января 1932 г.², несмотря на то, что еще в 1931 г. он был переведен на работу в Закавказье. Здесь 1931–1932 гг. он занимал должность заведующего орготделом и являлся членом бюро Закавказского краевого комитета ВКП(б), откуда был переброшен на работу в Сибирь.

В феврале 1932 г. Снегов был назначен начальником оргинструкторского управления «Союззолото» (г. Иркутск), по другим сведениям – секретарем строительства Красноярского машиностроительного завода, откуда переведен на должность секретаря Иркутского городского комитета ВКП(б), в которой был утвержден 28 октября 1932 г. и оставался до 27 сентября 1933 г.³.

Последующие назначения А.В. Снегова были связаны уже с партийно-хозяйственной работой: начальник политического сектора Челябинского областного земельного управления в 1934–1935 гг., партийный организатор ЦК ВКП(б) завода № 15, г. Чапаевск в 1935–1936 гг. и, наконец, с мая 1936 по

июль 1937 г. – начальник политической части треста «Мурманрыба». В июле 1937 г. был освобожден от этой должности и исключен из партии «за связь с врагами народа, за антипартийные троцкистские методы работы», затем арестован и привлечен к уголовной ответственности с предъявлением обвинения по ч. 1 п. 10 ст. 58 УК РСФСР – «контрреволюционная деятельность».

5 января 1939 г. Судебная коллегия по уголовным делам Мурманского областного суда вынесла по делу А.В. Снегова оправдательный приговор.

Но уже 20 января 1939 г. состоялся второй арест А.В. Снегова. 13 июля 1941 г. он был осужден на 15 лет по пп. 7, 17 ст. 58, п. 8 ст. 59, п. 8 п. 11 ст. 58 УК РСФСР «за участие в правотроцкистской террористической организации, за проведение подрывной деятельности, за приверженность к террористическим методам борьбы против руководителей партии и правительства».

В феврале 1954 г. Снегов был вызван из Коми АССР, где находился на спецпоселении после отбытия лагерного срока заключения, в Москву. В марте 1954 г. приговор от 13 июля 1941 г. был отменен, а дело – за отсутствием состава преступления – прекращено. И тогда же – 13 марта 1954 г. – решением Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС А.В.Снегов был восстановлен в партии, с партийным стажем с апреля 1917 г.

В 1956 г., вскоре после XX съезда КПСС, Снегов был назначен заместителем начальника политотдела Главного управления лагерей МВД СССР.

После упразднения данной должности, с июня 1960 г. по сентябрь 1962 г. работал заместителем главного редактора журнала «К новой жизни». С этой должности уволен на пенсию.

Умер в 1989 г. в Москве.

Основные источники сведений о А.В. Снегове. Можно выделить три основных группы источников информации о Снегове.

Во-первых, работы С. Коэна⁴, вводящие в научный оборот понятие «хрущевские зеки», в качестве одного из наиболее ярких представителей которых и упоминается А.В. Снегов.

Несмотря на личное знакомство С. Коэна со Снеговым в 1970-е годы, эти работы содержат очень незначительное количество собственно биографических сведений.

Во-вторых, единственная специально посвященная А.В. Снегову статья С.А. Микояна⁵, рассматривающая его роль в процессе десталинизации в 1950 – начале 1960-х годов. Несмотря на то, что непосредственным объектом исследования этой работы является именно Снегов, однако основной целью автора является не последовательное воссоздание его биографии, а более конкретная задача – выявление основных направлений деятельности и рассмотрение феномена «хрущевских зеков» на примере лично хорошо знакомого ему человека.

В-третьих, это воспоминания⁶ и интервью⁷ С.Н. Хрущева, непосредственно посвященные отцу, в которых, тем не менее, предпринимаются попытки воссоздания биографии Снегова, с которым автор был знаком и достаточно много общался только в начале 1960-х годов. Основной проблемой этих работ является то, что их автор, с одной стороны, целиком и полностью полагается исключительно на собственную память, а с другой – пытается реконструировать такие события биографии Снегова, участником или свидетелем которых он не был. При этом, несмотря на повторяющиеся оговорки о том, что те или иные сведения известны «со слов Снегова», большинство сообщаемых С.Н. Хрущевым фактов (за исключением событий, непосредственно относящихся к периоду их общения), отличает крайне низкая степень достоверности.

Роль Иркутска в судьбе Снегова. Кратковременное пребывание А.В. Снегова в Иркутске стало переломным моментом в его партийной карьере. Снегов оказался непосредственным участником событий, которые в начале 1930-х годов обрели всесоюзную негативную известность как «восточно-сибирская история».

Газета «Правда», уже год спустя, так характеризовала произошедшее в Восточно-Сибирском крае в 1933 г.: «Здесь кое-кто начал смотреть на государственные средства, как на свои собственные, а руководство или проходило мимо этих тенденций, или затушевывало их. Здесь стали забывать неоднократные предупреждения товарища Сталина о том, что

«коммунист иногда считает законы государства и т. п. делом семейным. Именно поэтому иному коммунисту не стоит иногда большого труда перешагнуть, на подобие свиньи <...>, в огород государства и хапануть там или показать свою щедрость за счет государства»⁸.

Это стало поводом для пристального внимания ЦК ВКП(б) к Восточно-Сибирскому краю и причиной проведения особо пристрастной партийной чистки. Результатом чистки было снятие со своих должностей, практически в полном составе, всего партийного и советского руководства края⁹, включая и секретаря Иркутского горкома ВКП(б) А.В. Снегова. Правда, последнему, в отличие от большинства снятых в ходе этой кампании, не вменялось в вину использование служебного положения для получения каких-либо материальных благ.

Непосредственным поводом для снятия Снегова стали обвинения в «семейственности и зажиме самокритики», попустительство разбазариванию социалистической собственности и, главное, «политическая близорукость», выразившаяся как в игнорировании поступающих с мест «сигналов», так и в крайне скептическом отношении к решениям крайкома ВКП(б). В частности, по поводу последних А.В. Снеговым на заседаниях бюро горкома допускались критические высказывания и – фактически – несогласие с официальной позицией крайкома по поводу состояния дел в Иркутской городской партийной организации: «это «дело раздули», <...> оно «не стоит выеденного яйца»»¹⁰.

За снятием с должности последовал отзыв в распоряжение ЦК ВКП(б). Это положило конец дальнейшей партийной карьеры для большинства лиц, так или иначе причастных к «восточно-сибирской истории», в том числе и Снегова. Однако более серьезных последствий, по крайней мере, на этот раз, за исключением выговора – не последовало.

Сложно сказать, какую роль в первом аресте А.В. Снегова в июле 1937 г. сыграло письмо А.С. Щербакова А.А. Жданову, отправленное из Иркутска 17 июня 1937 г. На тот момент Щербаков еще не вступил официально в должность первого секретаря Восточно-Сибирского обкома ВКП(б), но уже активно знакомился с делами – и охотно делился полученной в связи с этим информацией:

«Считаю необходимым сообщить Вам следующий факт. Знакомясь с показаниями арестованных вредителей из троцкистско-»правой» банды, я наткнулся на такое место в показаниях *Лерпана*, работавшего представителем В[осточно]-С[ибирского] облисполкома в Москве, а ранее работавшего долгое время в Иркутске. На вопрос следователя – «назовите всех участников к[онтр] р[еволюционной] троцкистской организации» – Лерпан в числе других назвал «Снегов – б[ывший] секретарь Иркутского горкома ВКП(б), знаю его как участника к[онтр] р[еволюционной] организации непосредственно, т. к. получал от него задания по подрывной, вредительской работе в «Стройобъединении» в 1933 г.

Снегов работает сейчас начальником Политсектора Мурманрыбы.

Я поручил НКВД перепроверить это показание и, что буду знать дополнительно, сообщу. Однако уже сейчас должен сказать что людям, работавшим ранее в В[осточной] С[ибири] – верить нельзя. Объединенная троцкистско-»правая» к[онтр] р[еволюционная] организация здесь существовала с 1930-31 г. Сначала этой организацией руководил Леонов, затем Разумов. Так что независимо от дальнейших материалов Снегова следует снять, ибо Мурманск слишком ответственный участок»¹¹.

Два ареста. В 1937–1939 гг. Снегов арестовывался дважды. При этом уже при первом аресте – в июле 1937 г. – дело приобрело очень серьезный для него оборот. Так, Мурманский окружком партии, рассматривая 17 июля 1937 г. вопрос о «партположении т. Снегова», не ограничившись традиционным в таких случаях исключением из партии, пришел к выводу, что последний «проявлял вождизм, возвеличивание собственной персоны, стремился выставить себя в роли единственного и последнего борца за линию партии». Решением окружкома были также осуждены «указания Снегова об изучении его речи в парторганизациях и коллективах треста «Мурманрыба», а также барски-пренебрежительное отношение к подчиненным, противопоставление себя партийным органам». Для деятельности Снегова, указывалось далее в постановлении окружкома, характерны «политиканство и фразерство, интриганство и сколачивание группировок из числа

единомышленников»¹². Вкупе с предъявлением обвинения по ч. 1 п. 10 ст. 58 УК РСФСР – «контрреволюционная деятельность» – решение окружкома практически подводило Снегова под ВМН.

Учитывая сложившуюся ситуацию, практически необъяснимо, как такое могло случиться, но 5 января 1939 г. Судебная коллегия по уголовным делам Мурманского областного суда вынесла по делу А.В. Снегова оправдательный приговор. Однако, не удовлетворившись столь счастливым для него оборотом, сразу же после освобождения Снегов отправился в Москву, на прием к А.И. Микояну. О состоявшейся встрече и ее последствиях сам Алексей Владимирович рассказывал уже в 50-е годы сыну А.И. Микояна – С.А. Микояну – следующее:

«Микоян мне говорит: «Немедленно, прямо из моего кабинета, не заходя домой, отправляйтесь на вокзал, берите билет на ближайший поезд в Сочи, дождитесь отхода поезда в здании вокзала, не выходя из него. Вот вам деньги на билет и на обзаведение одеждой, которую бы вы взяли дома». Он достал деньги из сейфа. «Приходите в Сочи в наш наркоматский санаторий, распоряжение о путевке будет уже отправлено туда по телеграфу, так что вас там устроят. И не уезжайте оттуда, пока я вас не вызову. Путевку вам будут продлевать сколько нужно». Но я ответил: пусть сначала мне вернут партбилет! Микоян настаивал, что партбилет можно получить позже, когда позволит обстановка, сейчас же нужно немедленно ехать, никуда не заходя. Я был наивным и упрямым, твердо стоял на том, что пока не вернут партбилет, я никуда не поеду. Для меня это был в тот момент вопрос принципиально важный.

Он устал со мной спорить. Сказал: «Ну ладно, попробуем. Будем уповать на то, что Шкирятов (председатель Комиссии партийного контроля в то время) недолго задержит, решит вопрос на месте». Тут же звонит А.А. Андрееву, вашему соседу по квартире в Кремле, все же – секретарь ЦК, его дублирующий звонок Шкирятову будет иметь, возможно, даже больше веса. Рассказывает Андрееву вкратце мою историю и просит тут же позвонить Шкирятову. Тот обещает. После чего Микоян, выждав минут десять, сам звонит Шкирятову и просит не задерживать выдачу партбилета Снегову, так как он, Микоян, его направляет в срочную командировку. Я, обрадо-

ванный и полный надежд на немедленное оформление моей партийной реабилитации, иду на Старую площадь, пропуск для меня уже оставлен. Захожу в приемную Шкирятова, объясняю, по какому вопросу, и меня просят подождать.

Но Шкирятов так меня и не вызвал. Через короткое время пришли два сотрудника НКВД в столь знакомой мне форме, предложили последовать за ними. Я оказался снова там, откуда только что чудом выбрался. Причем на этот раз не на год, а на 17 лет»¹³.

Так 20 января 1939 г. состоялся второй арест А.В. Снегова, результатом которого стало вынесение уже обвинительно-го приговора и осуждение на 15 лет лишения свободы.

Данный эпизод жизни Снегова в изложении С.Н. Хрущева изобилует многочисленными неточностями: «Наступил 37-й год. Алексей Владимирович, в то время секретарь одного из обкомов, был репрессирован, прошел через все круги следственного ада, но так никого и не назвал. Получив в итоге двадцать пять лет, он исчез из жизни и Хрущева, и Микояна»¹⁴.

Обвинение. Несмотря на арест в январе 1939 г., осужден на 15 лет А.В. Снегов был только 13 июля 1941 г. по пп. 7, 17 ст. 58, п. 8 ст. 59, п. 8 п. 11 ст. 58 УК РСФСР – «за участие в правотроцкистской террористической организации, за проведение подрывной деятельности, за приверженность к террористическим методам борьбы против руководителей партии и правительства». Обвинение содержало ряд эпизодов преступной деятельности периода 1930–1935 гг.:

– в 1930 г. был завербован в контрреволюционную троцкистскую организацию на Украине и по ее заданию «проводил подрывную работу, направленную на сохранение в рядах ВКП(б) право-троцкистских кадров, наряду с этим исключал из партии честных коммунистов, а также извращал политику партии в деле колхозного строительства и хлебозаготовок»;

– в 1931 г. по заданию этой организации, работая в Закавказье, установил связи с существовавшей там право-троцкистской организацией и проводил «вражескую работу в подборе и расстановке партийных кадров, выдвигал на руководящую работу лиц из числа участников организации. Занимался дис-

кредитацией политики партии и Советского правительства в национальном вопросе»;

– в 1932 г. по прибытии на работу в Иркутск, установил связь с существовавшей там право-троцкистской организацией и включился в практическую антисоветскую работу. Организовал прямой саботаж в выполнении директив партии по проведению чистки Иркутской городской парторганизации;

– в 1934 г., работая начальником Политсектора Челябинского Облзу, проводил срыв хлебозаготовок;

– в 1935 г., работая парторгом ЦК ВКП(б) на оборонном заводе № 15 в Чапаевске, по заданию право-троцкистской организации, существовавшей в г. Куйбышеве, организовал на заводе ряд диверсионных актов с человеческими жертвами;

– организовал и возглавил группу, подготавливавшую террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советского правительства¹⁵.

Как Снегов стал «хрущевским зеком». Говоря о важности той роли, которую сыграли «хрущевские зеки» – «немногочисленная группа гулаговцев, неожиданно объявившаяся близ центра власти»¹⁶, С. Коэн тем самым поставил, но так и не нашел убедительного ответа на вопрос – что же именно позволило бывшим заключенным занять такое положение?

В поисках причин, могущих объяснить столь стремительное возвышение очень небольшой группы – менее 10 человек бывших гулаговцев, С. Коэн первоначально – ошибочно – пытался объяснить это тем положением, которое они занимали до заключения: «все они <...> были старыми большевиками, занимавшими различные посты в руководстве партии»¹⁷, что совершенно не соответствовало действительности. Позже он сам признал «разностатусность» «хрущевских зеков» в их догулаговском прошлом и, соответственно, невозможность рассматривать их возвышение в качестве восстановления утраченного положения: «Ольга Шатуновская и Алексей Снегов до репрессий были партийными руководителями среднего уровня, а Валентина Пикина – секретарем ЦК комсомола». В конечном счете, объяснение С. Коэном возникновения такого уникального явления как «хрущевские зеки», сводится к следующему: «Освободившись одними из первых, в 1953–1954 годах, они, теперь пятидесятилетние, *благодаря личным*

связям с Хрущевым и его ближайшим союзником Микояном, быстро оказались в окружении двух лидеров»¹⁸.

Но для того, чтобы имевшиеся некогда «личные связи» получили шанс на возобновление, необходимо было, чтобы кто-то из бывших знакомцев сделал для этого первый шаг. И в ситуациях со Снеговым и Шатуновской этот шаг был сделан именно ими: они сами напомнили о себе, написав письма А.С. Микояну, но адресуя их ЦК КПСС.

Письмо А.В. Снегова, отправленное в ноябре 1953 г., своим содержанием, вероятно, существенно отличалось от большинства писем, адресованных в ЦК КПСС. Снегов ни о чем не просил, напротив – он предлагал свою помощь: «Я считал бы себя переродившимся обывателем, для которого безразличны судьбы партии и страны, если бы продолжал молчание (по принципу «как бы чего не вышло») и не помог бы Вам до конца разоблачить всю чудовищную многолетнюю враждебную деятельность Берия»¹⁹.

Фактически своим письмом Снегов напоминал о существовании в лагерях огромного людского резерва, «ценнейшего человеческого материала, который можно смело вернуть к полезной созидательной работе в многомиллионном трудовом муравейнике строителей коммунизма на пользу партии и на зло подлинным врагам внешним и внутренним» и предлагал себя в качестве его представителя. Причем предложение это было сделано практически «бескорыстно», т. к. «через несколько месяцев заканчивается мой срок и у меня уж нет личного вопроса»²⁰, в правильно выбранный момент (накануне процесса над Берией) и обращено к правильно выбранному человеку (Н.С. Хрущеву). И уже в декабре 1953 г. А.В. Снегов был вызван в Москву – в качестве свидетеля по делу Берии.

Вызов в качестве свидетеля по делу Л.П. Берии весьма подробно освещен лишь в воспоминаниях С.Н. Хрущева, однако содержит ряд либо явно недостоверных, либо неподтверждаемых другими источниками, фактов: «В марте умер Сталин, к власти рвался Берия. Снегов был хорошо знаком с ним. Вместе они работали в Закавказье в первые годы Советской власти. Пересекались пути и позднее. Но близости между ними никогда не было: друг друга они не любили. Снегов многое

знал о Берии, в том числе и такое, о чем Лаврентий Павлович предпочитал не вспоминать. Знал он и о службе Берии у мусаватистов в Гражданскую, помнил кровавую историю его возвышения в Грузии, не забыл о книге «историка» Берии, переворачивающей с ног на голову революционное прошлое Закавказья.

Несмотря на подобные знания, Снегов каким-то чудом остался в живых. Летом 1953 года Берию арестовали. Готовился суд, следствие искало свидетелей. Их почти не осталось. О прошлом обвиняемого могли рассказать единицы.

Тут-то и вспомнили о Снегове. Его нашли в лагере, срочно доставили в Москву. На процессе снова встретились жертва и палач...»²¹.

Между тем, до 1931 г. Алексей Владимирович *никогда* не работал в Закавказье и, соответственно, не мог пересекаться с Берией и, тем более, знать что-либо особо компрометирующее о деятельности последнего в период Гражданской войны. Это противоречит и заявлению самого А.В. Снегова в ЦК КПСС (фрагмент из которого был приведен в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС) по поводу Л.П. Берии, из которого следует, что Снегов был лишь очевидцем конфликта уже 1931 г., произошедшего между Берией и Картвелишвили, секретарем Закрайкома. Однако к 1953 г. Снегов оставался единственным живым свидетелем этого конфликта, который, в ходе следствия по делу Берии, рассматривался как мотив дальнейшей его расправы с Картвелишвили, – и именно в этом качестве, представлял интерес для следствия. Но, тем не менее, по окончании процесса, Снегов вновь был возвращен в Коми АССР на спецпоселение.

Но уже в феврале 1954 г. он опять был вызван в Москву, в марте 1954 г. приговор в его отношении был отменен, а дело – за отсутствием состава преступления – прекращено. И тогда же решением КПК при ЦК КПСС, А.В. Снегов был восстановлен в партии с сохранением партийного стажа с апреля 1917 г.

История знакомства с Хрущевым и Микояном. Хотя знакомства с Н.С. Хрущевым и А.И. Микояном сыграли во многом очень значительную роль в судьбе А.В. Снегова, тем не менее, информация относительно того, когда и при каких об-

стоятельствах они состоялись, что за отношения связывали этих людей в 1920–1930-е гг., отсутствует. И прежде всего это касается опубликованных воспоминаний самих Н.С. Хрущева и А.И. Микояна. Причем Н.С. Хрущев вообще не упоминает среди сотен поименно названных людей, с которыми ему приходилось работать или встречаться по работе Снегова. А.И. Микоян в своих воспоминаниях сетует на Хрущева за это, и, в свою очередь, упоминает о Снегове, но исключительно в связи с подготовкой XX съезда КПСС.

В отношении знакомства Снегова с Хрущевым можно, в качестве правдоподобной, рассматривать версию, предложенную С.Н. Хрущевым: их знакомство состоялось «в 20-е годы, в Донбассе, отец короткое время работал у него в подчинении – Снегов заведовал Организационным отделом то ли укома, то ли губкома»²². Однако сообщаемая им же информация о времени и обстоятельствах знакомства Снегова с Микояном – «они тоже старые знакомые, когда-то вместе делали революцию в Баку»²³ – не соответствует действительности.

Более вероятной представляется версия знакомства Снегова с Микояном, предложенная С.А. Микояном: «До войны Снегов <...> работал в рыбном флоте, в Мурманске, то есть в системе, состоявшей в ведении моего отца. То уже было понижение после партийной работы <...>. С отцом он был знаком с 1930 г., и потому А.И. Микоян взял его на работу в Наркомат рыбной промышленности»²⁴. Однако эта версия никак не проясняет ни обстоятельств, при которых произошло знакомство, ни характера сложившихся отношений, которые – в дальнейшем – позволяли А.В. Снегову в сложных для него жизненных ситуациях обращаться за помощью к А.И. Микояну.

Снегов при Хрущеве. По всей вероятности, уже к 1954 г. относится знакомство А.В. Снегова, который «лишь недавно вышел из ГУЛАГа, но вовсе не выглядел как человек сломленный. <...> Он в свои семьдесят с лишним лет* был энергичным и подвижным, как будто бы на тридцать лет моложе», с С.А. Микояном – сыном А.И. Микояна²⁵. Именно свидетельства С.А. Микояна являются основным источником сведений о деятельности Снегова в 1950-е годы – в целом, и его роли в

* В действительности в 1954 г. А.В. Снегову было только 56 лет.

подготовке доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и связанной с ним политикой десталинизации – в частности.

Так, С.А. Микоян писал: «Снегов, видимо, первым понял, что съезд должен стать рубежным. От него я впервые услышал фразу: «Если они не развенчают Сталина на этом съезде, первом после смерти тирана, и не расскажут о его преступлениях, то останутся в истории как его добровольные сообщники. Только разоблачив Сталина, они убедят партию, что были невольными соучастниками». Потом Хрущев написал в мемуарах, что мыслил именно так, Микоян сделал то же самое, оба без ссылки на подлинного автора. Может быть, они, услышав это от Снегова и проникнувшись этой мыслью, приняли ее как собственную»²⁶.

Тем не менее, А.И. Микоян, в отличие от Н.С. Хрущева, в своих воспоминаниях все же отметил: «Я помог Шатуновской и Снегову встретиться с Хрущевым, который Ольгу знал еще со времен работы в МК, а Снегова – еще раньше. Эти два человека незаслуженно «выпали из истории», а они сыграли огромную роль в нашем «просвещении» в 1954–1955 гг. и в подготовке вопроса о Сталине на XX съезде в 1956 г. Не понимаю, почему Хрущев о них даже не упоминает. Или боится поделиться с кем-то своей славой борца против культа Сталина и за освобождение репрессированных? Но его заслуг никто и не оспаривает. Почему же не воздать должное и другим?»²⁷

С.А. Микоян в значительной степени к заслугам именно А.В. Снегова и О.Г. Шатуновской относит сам факт подготовки и представления съезду этого доклада: «Они встречались и с Микояном, и с Хрущевым перед съездом за несколько месяцев и за несколько недель. <...> И он, и Шатуновская встречались с Хрущевым и с Микояном и убедили их в этом»²⁸.

Примечательно, что, в ходе подготовки к XX съезду КПСС, рассматривалась возможность доверить доклад с разоблачениями Сталина именно А.В. Снегову²⁹, однако его кандидатура встретила резкое сопротивление со стороны отдельных членов Президиума ЦК КПСС. И, в конечном счете, право произнести этот исторический доклад и, в значительной степени, связанное с этим представление как о практически

единственном инициаторе и вдохновителе политики десталинизации, достались Н.С. Хрущеву.

Вопреки свидетельствам фактических очевидцев событий, С.Н. Хрущев своими воспоминаниями фактически полностью исключает не только какую-либо роль А.В. Снегова в подготовке доклада своего отца на XX съезде КПСС, но даже отрицает его присутствие в Москве в этот период. Более того, в его изложении сам факт освобождения Снегова оказался приурочен к XX съезду – Н.С.Хрущев вспомнил о нем, лишь как о некоем наглядном подтверждении тех злодеяний Сталина, которые он собирался разоблачить в своем докладе:

«Наконец, наступил 1956 год. В феврале предстоял XX съезд партии. В качестве гостей отец решил пригласить старых коммунистов, уцелевших после сталинских чисток. Когда помощник показывал ему список гостей, отец вдруг вспомнил о Снегове. Никто не рискнул сказать ему, что Снегов досиживает свой срок, полученный в 37-м.

Бросились искать. Прямо из тюрьмы, голодного и обросшего, Алексея Владимировича доставили в Москву. Тут заменили лагерную робу на добротный костюм, выдали гостевой билет в Кремль. О недосиженном сроке больше, понятно, не вспоминали...»³⁰.

Тем не менее – не без участия Снегова подготовленный доклад был произнесен Н.С.Хрущевым, и в результате этого XX съезд КПСС вошел в историю в качестве съезда, хотя и не утвердившего процесс десталинизации в качестве новой генеральной линии партии, тем не менее, придавшего уже проводимой работе в этом направлении необходимое политическое обоснование.

Вскоре после XX съезда Снегов был назначен заместителем начальника политотдела Главного управления лагерей МВД СССР. Этому назначению, по воспоминаниям С.А.Микояна, Алексей Владимирович очень сопротивлялся и уступил лишь под давлением Н.С. Хрущева:

«Я сыт этим заведением по горло, а он заставляет меня согласиться, мол, ты все там знаешь, что нужно и что не нужно, кроме того, тебя не обманут показухой. А я просил сделать меня секретарем какого-нибудь райкома города Москвы. Хотел поработать, как раньше, с людьми, с нормальными

жизненными проблемами и задачами. А приходится ездить по лагерям, видеть все то, в чем жил сам много лет»³¹.

Сразу же после съезда возник вопрос об освобождении заключенных ГУЛАГа. «Снегов включился в это дело со всей страстью. Он с волнением говорил, что каждый день промедления приносит смерть многим людям. <...> После 1953 года условия в лагерях несколько смягчились, однако не настолько, чтобы люди могли там спокойно дожидаться своей «очереди» на освобождение»³².

Поскольку председателем комиссии по реабилитации был назначен А.И. Микоян, инициативы А.В. Снегова, направленные на ускорение процесса освобождения и реабилитацию заключенных, были в срочном порядке реализовываны на практике. В частности, были созданы 93 комиссии (по числу лагерей), отправленные для проведения процедуры освобождения непосредственно на местах. Кроме того, Снеговым же было высказано соображение о том, что «разбирать виновность или невиновность каждого в отдельности – очень долго даже на месте. Между тем десятки тысяч сидят по какому-нибудь шаблонному обвинению <...>. Никто из них, конечно, не виновен. Что, если освобождать по пунктам обвинений, явно надуманным?» Примечательно, что когда данная идея была представлена А.В. Снеговым в качестве собственной инициативы генеральному прокурору Р.А. Руденко, последний ответил, что «юридически это будет совершенно неправомерно». Но когда то же самое предложение Р.А. Руденко озвучил А.М. Микоян – в качестве варианта, предлагаемого ЦК КПСС, то оказалось, что «с юридической точки зрения, это будет вполне обоснованно»³³.

Вообще же, положение как Снегова, так и Шатуновской, определялось не столько занимаемыми ими в 1950-е годы должностями, сколько самим фактом их знакомства и приписываемой близости к Н.С. Хрущеву. Так, Снегова знали «еще и потому, что несколько раз он был у Хрущева в предобеденное время, и Никита Сергеевич приглашал его с собой на коллективный обед Президиума ЦК, а там, соответственно, представлял его тем, кто не знал ранее. <...> Для Снегова присутствие там было исключительно важным. После этого он мог уверенно рассчитывать быть принятым любым членом

Президиума»³⁴. Однако это далеко не всегда гарантировало оказания ими той помощи, ради которой обращался к ним Снегов. Более того, уже в 1956–1957 гг. – период «пики влияния» «хрущевских зеков» на проводимый политический курс – в ЦК КПСС сформировалась мощная оппозиция процессу десталинизации, возглавляемая М.А. Суловым. Ее усилия в значительной степени снизили тот изначальный радикализм, с которым, по мнению Снегова, должна была проводиться политика десталинизации.

В связи с этим А.В. Снегов пытался оказывать влияние на Н.С. Хрущева и в вопросах, казалось бы, напрямую не связанных с реабилитационными проблемами, которыми он занимался по должности. В частности, уже в 1957 г. он начал убеждать Хрущева заменить Сулова на посту секретаря ЦК по идеологии Микояном. Он считал, что настало то время, когда идеология и пропаганда – самое главное. «Ни внешняя и внутренняя торговля, ни пищевая промышленность сейчас не решающие сферы, – говорил он Хрущеву. А Сулов тебя не поддерживает и будет тихой сапой саботировать. В то время как Микоян – твой единомышленник и будет продолжать твою линию»³⁵. По всей вероятности, подобные настойчивые советы, которым Н.С. Хрущев не намерен был следовать, и которые, скорее всего, были ему неприятны, привели к тому, что постепенно, к концу 1950-х гг., их личные контакты сошли на нет.

В результате уже в начале 1960-х гг. Снегову, чтобы получить возможность изложить свою позицию по вопросам текущей политики Н.С. Хрущеву лично, приходилось искать лиц, могущих составить ему в этом протекцию. Тогда-то и состоялось, устроенное все тем же С.А. Микояном, знакомство Снегова с сыном Н.С. Хрущева – С.Н. Хрущевым. Сергей Никитич, действительно, поспособствовал устройству такой встречи, но результаты ее Снегова не просто разочаровали – «он был в отчаянии и ярости. По его словам, отец ничего не понял и просто не принял его всерьез. Снегов рассказал ему о том, что делается в ЦК, об интригах за его спиной. Взывал к благоразумию и бдительности, предупреждал о нависшей опасности реставрации сталинизма, а отец только посмеялся

и сказал в ответ, что у Снегова сильно развито воображение и потому в каждом углу ему мерещатся враги.

Хрущев сказал ему, что в ЦК работают искренние, беззаветно преданные делу партии люди. Как и у всех, у них есть свои недостатки, но каждый из них предан идее до конца, и подозревать их в интригах, преследовании своекорыстных интересов, а тем более в приверженности сталинизму, осужденному съездом партии, не правильно. Не надо заниматься сведением счетов, это вызовет новую волну насилия и ненависти – так отец отреагировал на призыв Снегова провести следствие и наказать палачей.

Когда же Алексей Владимирович принялся убеждать его оставить текущие хозяйственные дела специалистам, а самому заняться кардинальными вопросами партийной политики, отец просто рассмеялся и сказал, что нет более важного дела, чем накормить, одеть и обуть народ, и в решении вот таких будничных дел, он и видит свою самую главную задачу»³⁶.

Собственно, на этом и закончилось знакомство Снегова с С.Н. Хрущевым: «Я стал все реже бывать у Снегова. Тем более, что после приема у отца и он потерял интерес ко мне. Теперь в его борьбе я мало чем мог ему помочь»³⁷.

Снегов после Хрущева. Опала. Пока Хрущев был у власти – его покровительство Снегову, Шатуновской служило главным фактором сдерживания той неприязни, которую испытывали к «возвращенцам» многие советские и партийные чиновники. После 1964 г. этот фактор перестал действовать. При этом А.В. Снегов превратился «в объект особенно злобных и мстительных нападок. Инициатором выступал, похоже, Михаил Сулов, влиятельный член нового руководства»³⁸. Именно позиция последнего во многом предопределяла отношение ЦК КПСС в целом к деятельности Снегова после 1964 г.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 10 ноября 1966 г., посвященном идеологической работе, М.А. Сулов отметил: «У нас очень слабый учет, контроль за идеологическими участками работы. Вот до сих пор бродит этот шантажист Снегов. А сколько мы об этом уже говорили?» И нашел полное понимание и поддержку со стороны Л.И. Брежнева: «А на самом деле, он не только ходит, он, говорят, принимается во всех

отделах ЦК, в других министерствах. Ну, почему этому не положить конец?»³⁹.

Весьма серьезной вехой в биографии А.В. Снегова стало обсуждение в феврале 1966 г. в Институте военной истории книги А.М. Некрича «22 июня 1941 года». Снегов, выступивший тогда в защиту автора, заявил, что «никакой Гитлер не смог бы нанести такой урон командному составу нашей армии, какой нанес Сталин». В КПК был поставлен вопрос об исключении Снегова из КПСС – и большинство источников указывает, что исключение состоялось⁴⁰ и только по ходатайству «группы старых большевиков», он был впоследствии восстановлен в партии⁴¹.

Но более достоверным представляется изложение этого события С.А. Микояном. Поскольку основным инициатором самой постановки вопроса об исключении являлся М.А. Суслов, именно с ним и состоялся разговор А.И. Микояна в защиту Снегова: «Мой отец говорил с Сусловым и объяснял ему, как будет выглядеть для общества и партии исключение из рядов КПСС того, кто 18 лет провел в тюрьмах и лагерях, причем исключение за мнение, которое очень многие разделяли. В конечном счете, Суслов вынужден был притормозить процесс; повторное исключение не состоялось»⁴².

Тем не менее, с этого момента А.В. Снегов находился уже под постоянным контролем КПК и КГБ. И в очередной раз вопрос «о его неправильном поведении» был вынесен на заседание КПК при ЦК КПСС в апреле 1969 г.: «Проверка поступивших в КПК материалов о т. Снегове А.В. показывает, что он на протяжении длительного времени ведет себя не по партийному. <...>

Прежде всего это относится к вопросу о борьбе партии с культом личности Сталина и его последствиями. <...> Снегов, изображая себя последовательным проводником и защитником решений XX съезда КПСС, считает, что в стране с культом личности еще не покончено, что о «преступлениях» Сталина партии и народу сказано не все и что партия должна раскрыть «черные дела» Сталина.

Снегов расходится с партией в оценке И.В. Сталина как политического деятеля. Вопреки исторической правде, он утверждает, что Сталин будто бы всегда был противником Ле-

нина <...>. Пытаясь показать деятельность И.В. Сталина как сплошную цепь преступлений и антиленинских ошибок, Снегов тем самым обеляет, реабилитирует политических противников партии, с которыми ей, в том числе и И.В. Сталину, пришлось вести длительную и нелегкую борьбу <...>.

Совершенно неправильную оценку дает Снегов антипартийным оппозициям. Он фактически отрицает существование оппозиций и большой политический вред, который они нанесли партии и стране <...>. По Снегову выходит, что партия напрасно вела борьбу с оппозициями вообще и троцкистской оппозицией в частности <...>.

Снегов, прикрываясь демагогическими фразами о необходимости усиления борьбы с последствиями культа личности, в нужном ему свете показывает некоторые исторические события и по существу берет под сомнение правильность линии партии на отдельных этапах ее деятельности <...>. Во время обсуждения макета книги «История коллективизации» он взял под сомнение правильность курса партии на проведение сплошной коллективизации <...>.

Грубым извращение политики коммунистической партии и Советского правительства звучат оценки Снеговым внешнеполитических акций СССР накануне второй мировой войны <...>. Он расценил советско-германские соглашения 1939 года как «сговор с Гитлером», как «четвертый раздел Польши» <...>. Историкам, пытавшимся правильно осветить исторические факты, он бросал обвинения в том, что они еще «не освободились от вредного и опасного гипноза», что они «лишены возможности подойти объективно» к оценке событий и фактов и т. д. <...>

Выступления Снегова отличаются крайне низким уровнем, сумбурностью и демагогичностью <...>.

В целях протаскивания своих непартийных взглядов, Снегов использует т. н. «литературные группы» старых большевиков, собрания и заседания, конференции и диспуты в научных учреждениях, музеях, учебных заведениях, коллективные письма в различные организации <...>.

Непартийные поступки Снегова носят продуманный, по своему последовательный и, безусловно, сознательный характер. Они идут вразрез с линией партии и во вред ей»⁴³.

Все это привело к тому, что к началу 1970-х годов А.В. Снегов отошел от публичной деятельности, замолчал и замкнулся. И даже начавшаяся перестройка, которую он еще застал, не вывела его из этого состояния – в отличие от О.Г. Шагуновской, возобновившей свою деятельность по изобличению и разоблачению сталинизма.

Научная деятельность. Вообще, научная деятельность А.В. Снегова представляет крайне интересный аспект его биографии. Его биографические данные не содержат информации о наличии у него какого-либо образования, за исключением «неполного среднего». При этом его увлечение историей имело далеко не дилетантский характер. В частности, уже в середине 1950-х гг. вместе с Л.С. Шаумяном и А.И. Микояном он участвовал в редактировании статьи заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории» Э.Н. Бурджалова о поведении Сталина в апреле 1917 г., идущем вразрез с ленинской линией, которая, по словам С.А. Микояна, «стала бомбой для партийного актива»⁴⁴.

Снегов был хорошо знаком с официальным историком партии, академиком, дважды лауреатом Сталинской премии И.И. Минцем и позволял себе крайне критические замечания по поводу его работ⁴⁵. При этом сам работал в Институте марксизма-ленинизма над книгой, рабочее название которой было «Сталин против Ленина»: «ему не давала покой мысль, что Сталина многие считали самым верным учеником и последователем Ленина. И он хотел обязательно на документах и фактах истории доказать обратное, с этого начать полное развенчание диктатора»⁴⁶.

По словам С.Н. Хрущева, «Снегов замахнулся не только на догмы «Краткого курса истории ВКП(б)», но и на всю канонизированную историю.

Алексей Владимирович написал несколько статей по истории, в том числе о позиции Сталина по вопросу явки Ленина в суд летом 17-го года и о трагическом самоволии Сталина и Ворошилова, что явилось одной из причин поражения Красной Армии в Польше во время войны 1920 года. Сегодня эти материалы встали бы в ряд с себе подобными. Тогда же они производили эффект разорвавшейся бомбы.

Сталинисты делали все, чтобы эти исследования не увидели свет. Против Снегова сплотились теоретики и практики во главе с Михаилом Андреевичем Суловым, главным нашим идеологом, и заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС Леонидом Федоровичем Ильичевым. Ведь это они писали «историю», от которой Снегов не оставлял камня на камне, обвиняя их в фальсификаторстве»⁴⁷. Судя по тому, что подготавливаемые на протяжении многих лет исторические исследования Снегова так и не были опубликованы – ни при жизни автора, ни посмертно – деятельность ЦК в этом отношении оказалась весьма результативна. Более того, до сих пор неизвестной остается и судьба этих рукописей и личного архива А.В. Снегова.

Однако большое удивление вызывает сам факт допуска такого независимого исследователя, не имеющего никаких званий и степеней, никакого формального веса в научном мире, к архивным изысканиям и участию в конференциях, проводимых под эгидой академических институтов и, в качестве идеологически значимых мероприятий, с одной стороны, находящихся под контролем соответствующего отдела ЦК КПСС, с другой – привлекающих повышенное внимание со стороны западных СМИ.

Так, 15 мая 1965 г. английский журнал «Экономист», освещая выступление Снегова на совещании в Институте истории АН СССР по обсуждению макета IX тома истории СССР, писал: «Самое большое волнение вызвало выступление г-на А.В. Снегова, который сказал, что советские историки должны перестать повторять сталинские формулировки о «правых, левых и троцкистах». Французский еженедельник «Фигаро литерер» в апреле 1967 г., после очередного выступления Снегова, опубликовал посвященные ему материалы под заголовком «Старые большевики поднимают мятеж против пятидесятилетней фальсификации истории Коммунистической партии»⁴⁸.

Семья. Практически отсутствуют какие-либо сведения о семье А.В. Снегова. У С.Н. Хрущева есть лишь упоминания о том, что «в оккупации фашисты заживо сожгли его мать – как мать активного коммуниста», и что на момент его зна-

комства со Снеговым (начало 1960-х гг.) он жил «с женой Галиной и маленькой дочкой на Кропоткинской улице»⁴⁹.

С. Коэн, рассматривая проблему сохранения браков в условиях репрессий, относит А.В. Снегова к той категории бывших зеков, которые, вернувшись из заключения, «обнаружили, что их никто не ждет» и «связывали свою судьбу с более молодыми женщинами»⁵⁰.

При этом нет никакой информации о наличии у А.В. Снегова семьи в период, предшествовавший аресту. Хотя именно его называет в качестве своего деда по материнской линии небезызвестный российский политик и предприниматель, главный управляющий Российской товарно-сырьевой биржи Константин Натанович Боровой. И в биографии последнего А.В. Снегову посвящен целый абзац, содержащий, правда, не самые точные сведения:

«Революционер, в 16 лет ставший председателем ревкома в Виннице, провел 18 лет в сталинских лагерях. До этого работал в ЦК Украины, а после освобождения – зам. начальника политуправления МВД, освобождал 58-ю статью. В 1953 г. выступал главным свидетелем на процессе Берия, дружил с Н.С. Хрущевым. В последние годы работы в МВД он активно продвигал идею об отмене смертной казни. Был на «ты» с Леонидом Брежневым»⁵¹.

Однако факт родства, во всяком случае, кровного, А.В. Снегова и К.Н. Борового, представляется крайне сомнительным. Так, мать последнего является Елена Константиновна Боровая, урожденная Андрианова, 1912 г. рождения, на момент рождения К.Н. Борового (1948 г.) – заведующая особого отдела Железнодорожного райкома ВКП(б) г. Москвы⁵². С одной стороны, и фамилия (в меньшей степени), и отчество, и, главное, год рождения Е.К. Боровой практически исключают для нее возможность быть родной дочерью А.В. Снегова, который сам родился в 1898 г. (по документам) или в 1901 г. (по его собственным словам). С другой стороны, крайне маловероятной представляется возможность занятия должности заведующей отделом московского районного комитета партии дочерью отца, отбывающего срок по ст. 58 УК РСФСР даже и в случае некровного родства (удочерения).

Заключение. Ни обнаруженная – на данный момент – информация об этом человеке, ни рамки статьи не позволяют дать однозначный ответ на главный вопрос: кем же он все-таки был – Алексей Владимирович Снегов? Какова его реальная роль в политических процессах 1950–1960-х гг.? Та позиция, которую Снегов так упорно отстаивал в 1950–1960-е гг. – это результат сохранения в течение всей жизни, приверженности к ленинским принципам организации партии и построения социализм? Или – напротив, итог коренного переосмысления и собственных взглядов, и деятельности, и политических реалий советского общества, произошедший уже в период многолетнего заключения? Пока безответные, эти вопросы еще ждут своих исследователей.

Примечания

1. Адлер Н. Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы. М., 2005.
2. Справочник по истории Коммунистической партии СССР и Советского Союза. 1898–1991. [Электронный ресурс]. URL:http://www.knowbysight.info/1_UKRA/11749.asp (дата обращения: 1.08.2013).
3. Вост.-Сиб. правда. 1933. 28 сент.
4. Коэн С. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. И. Давидян. М.: Нов. хронограф, Аиро-XXI, 2009; Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Пер. с англ. И. Давидян. М.: Аиро-XXI, 2011.
5. Микоян С.А. Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию» // Вопр. истории. 2006. № 4.
6. Хрущев С.Н. Никита Хрущев. [Электронный ресурс]. URL: http://www.razlib.ru/istorija/nikita_hrushev/p1.php (дата обращения: 10.08.2014).
7. Гордон Д. Сын за отца. Сергей Никитич Хрущев об отце, Сталине, времени и о себе // Газета «Бульвар Гордона» № 48 (448). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bulvar.com.ua/arch/2013/48/529669f0163f9/> (дата обращения: 25.11.2013).
8. Отличительная черта большевика – бдительность и скромность // Вост.-Сиб. правда. 1934. 21 авг.
9. Метелкина Л.Н. К вопросу о ротации кадров партийно-советского аппарата Восточно-Сибирского края в 1933 г. // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 4 т. Т. I. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011.
10. До конца вскрыть все недостатки Иркутской городской парторганизации // Вост.-Сиб. правда. 1933. 26 сент.

11. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. /Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 363.

12. Решение ЦК КПСС при ЦК КПСС о А.В. Снегове от 22 апреля 1969 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов / Сост. Артизов А.И., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2003. С.524-525.

13. Микоян С.А. Указ. соч. С. 70.

14. Хрущев С.Н. Указ. соч.

15. «Списки Сталина».[Электронный ресурс]. URL: <http://www.stalin.memo.ru/names/p347.htm>. (дата обращения: 10.08.2013).

16. Коэн С. Долгое возвращение. С. 48.

17. Там же. С.48.

18. Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. С. 85.

19. Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 998.

20. Там же. С. 1002.

21. Хрущев С.Н. Указ. соч.

22. Гордон Д. Указ. соч.

23. Там же.

24. Микоян С.А. Указ. соч. С. 69.

25. Там же. С. 69.

26. Там же. С. 77.

27. Микоян А.И. Так было. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.militera.lib.ru/memo/russian/mikoayan/01.html> (дата обращения: 1.07.2013).

28. Микоян С.А. Реплика // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда. Горбачев-Фонд, 22 февраля 1996 года. М., 1996. С. 39.

29. Серебрякова З.Л. Оттепель, заморозки, оттепель // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда. С. 84.

30. Хрущев С.Н. Указ. соч.

31. Микоян С.А. Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию». С. 74.

32. Там же. С. 78.

33. Там же. С. 78-79.

34. Там же. С. 80.

35. Там же. С. 83.

36. Хрущев С.Н. Указ. соч.

37. Там же.

38. Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. С. 115.

39. Почему его невзлюбили? [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.plam.ru/hist.tainy_ushedshego_veka](http://www.plam.ru/hist.tainy_ushedshego_veka) (дата обращения: 13.08.2013).

40. Геллер М.Я. У истоков духовного возрождения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.razlib.ru/istorija/m_ja_geller/p130.php (1.08.2013).

41. Российская еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rujen.ru/index.php/СНЕГОВ_Алексей_Владимирович (дата обращения: 17.06.2013).

42. Микоян С.А. Указ. соч. С. 83.

43. Решение КПК при ЦК КПСС о А.В. Снегове от 22 апреля 1969 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов / Сост. Артизов А.И., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2003. С. 521-523.

44. Микоян С.А. Указ. соч. С. 77.

45. Там же. С.80-81.

46. Там же. С.81.

47. Хрущев С.Н. Указ. соч.

49. Решение КПК при ЦК КПСС о А.В. Снегове от 22 апреля 1969 г. С. 523.

50. Хрущев С.Н. Указ. соч.

51. Коэн С. Долгое возвращение. С. 37.

52. Биография. Константин Боровой. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.peoples.ru/undertake/finans/borovoy](http://www.peoples.ru/undertake/finans/borovoy) (дата обращения: 6.09.2013).

53. Боровой Константин Натанович. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.ru.wikipedia.org/.../Боровой,_Константин_Натанович](http://www.ru.wikipedia.org/.../Боровой,_Константин_Натанович) (дата обращения: 6.09.2013).

Рецензии и отзывы

УДК 355.311(470.23)(091)

*С.И. Кузнецов
Ю.А. Петрушин*

Репрессии в Ленинградском военном округе (1937–1938 гг.)¹

Статья посвящена анализу книги А.М. Григоряна, В.С. Мильбаха и А.Н. Чернавского, исследующих причины и масштаб политических репрессий среди командного состава Ленинградского военного округа в 1937–1938 гг., изданной в Санкт-Петербурге в 2012 г.

Ключевые слова: политические репрессии, командный состав, Ленинградский военный округ, архивные документы.

*S. I. Kuznetsov
Yu.A. Petrushin*

Repressions in the Leningrad military district (1937–1938)

Article is devoted to the analysis of the book of A.M. Grigoryan, V. S. Milbakh and A.N. Chernavsky investigating the reasons and scale of political repressions among command structure of the Leningrad military district in 1937–1938, published in St. Petersburg in 2012.

Keywords: political repressions, command structure, Leningrad military district, archival documents.

Историография политических репрессий в нашей стране пополнилась еще одним фундаментальным трудом – в Санкт-Петербурге вышла книга военных историков А.М. Григоряна, В.С. Мильбаха и А.Н. Чернавского о репрессиях в Ленинградском военном округе. Несмотря на историческое значение Петербургского, Петроградского, Ленинградского военного

округа, его истории посвящено сравнительно немного работ. Что касается репрессий командно-начальствующего состава округа, то об этом феномене противоправного характера мы, в лучшем случае, найдем лишь упоминания в современной военно-исторической литературе.

Рецензируемая работа в целом имеет хорошо продуманную и логичную структуру (введение, 8 глав, заключение, источники и литература, приложение, алфавитный указатель). В кратком, но емком введении авторы отмечают актуальность исследуемой темы, знакомят читателей с основной историографией проблемы. Принципиальное значение в рассматриваемой работе имеет широкое использование документов, хранящихся в 5 архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, существенно дополняющих тему новыми знаниями. Не обошли вниманием авторы и опубликованные материалы. Особое значение для изучения данной проблемы имеют документы архива Главной военной прокуратуры при Генеральной прокуратуре РФ (АГВП), с помощью которых удалось установить точные биографические сведения и данные о реабилитации военнослужащих Ленинградского военного округа (далее ЛВО), репрессированных в 1937–1938 гг.

Объектом изучения стал командно-начальствующий состав управлений и штабов, соединений и частей ЛВО. Предметом – политические репрессии 1937–1938 гг. в округе.

Ленинградский военный округ стал во второй половине 1930-х гг. едва ли не «центром» политических репрессий командно-начальствующего состава. Авторы работы убедительно доказывают, что в рядах НКВД этого региона стойко держался синдром «кировского дела», стремление найти, раскрыть и ликвидировать террористические организации. Не случайно, в ЛВО репрессии развернулись раньше, чем в других военных округах, например, на востоке страны. В июне 1937 г. репрессии по политическим мотивам в ЛВО приняли массовый характер. Создавалось впечатление, что этот военный округ был главной опасностью «политических заговоров» и наводнен «шпионами» всех мастей. По «данным» НКВД, здесь существовало даже бурят-японо-фильское националистическое движение, что было верхом абсурда. Авторы опровергают эти вымыслы НКВД. Но развернувшиеся репрессии в ЛВО приня-

ли неуправляемый характер, управление округом оказалось обезглавленным, что негативно сказалось на его жизнедеятельности, даже боевая подготовка была оттеснена на второй план. Авторы работы отмечают, что высшее командование ЛВО, в том числе авторитетный командующий П.Е. Дыбенко не способны были противостоять, или хотя бы ослабить воздействие политических репрессий против военных (с. 75).

В монографии хорошо описаны основные направления деятельности органов НКВД в период массовых политических репрессий, начиная от безосновательного обвинения военных в активной антисоветской агитации, до надуманных мер вредительства. Анекдотично, если не трагично представлен в монографии «пример вредительства» воентехника И.Э. Бурова, обвиненного в том, что он «умышленно допускал в общежитиях топку печей с неисправленными дымоходами» (с. 87). Без содрогания нельзя читать в книге приведенные примеры методов допросов военных заплечных дел сотрудниками НКВД, «подготовке» обвиняемых к судебным заседаниям.

Как же вели себя политические органы ЛВО в ходе политических репрессий? – задают вопрос исследователи (гл. 4). Они восстанавливали институт военных комиссаров, «взаимодействовали» с органами НКВД, «сплачивали» военнослужащих вокруг ВКП(б), «помогали» партийным органам очистить свои ряды от врагов народа и шпионов. Органы военной прокуратуры вместо надзора за соблюдением законности включились, по мнению исследователей, в процесс политических репрессий, испытывая сильное давление со стороны политического руководства страны и органов НКВД. И только с осени 1938 г. по команде сверху были сделаны первые шаги реабилитации военных (с. 158).

Наиболее жесткие репрессии, по данным исследователей, выпали на долю среднего командно-начальствующего состава ЛВО. Из 278 военных, арестованных по этой категории, 172 человека или (62 %), погибли; 69 человек или (25 %) приговорены к лагерям, т. е. жестким наказаниям было подвергнуто 87 % арестованных. Основную массу репрессированных 69 % представляли командиры в возрасте от 31 до 45 лет (с. 161, 163). Отличительной чертой массовых политических репрессий в ЛВО, по мнению исследователей, были потери

большого числа военных педагогов, сотрудников НИИ и КБ оборонного сектора (с. 164). В период политических репрессий 1937–1938 гг. ЛВО потерял не менее 4015 командиров, из них 1152 человека было арестовано, 721 расстрелян. Авторы монографии как военные специалисты утверждают, что этого количества командного состава вполне хватило бы для укомплектования командирами стрелкового корпуса из четырех стрелковых дивизий со средствами усиления (с. 168). ЛВО понес существенные потери в управленческом звене, некоторые полки фактически оказались обезглавленными, ухудшилось состояние воинской дисциплины, распространенным явлением периода массовых политических репрессий стало пьянство командного состава. Как итог этого явления стало существенное снижение боеспособности войск ЛВО, ухудшение его мобилизационных возможностей. Военные действия в Финляндии обнажили недостатки, которые коренились в глубокой порочности тоталитарного государства, использующего террор как неотъемлемый элемент управления – делают вывод исследователи (с. 196).

В заключительной 8 главе авторы предприняли попытку кратко рассмотреть моральный аспект политических репрессий, задавшись вопросом: как измерить и учесть искаленные судьбы людей за несовершенные преступления, горе их жен и детей, боль и скорбь их потомков? К сожалению, глава осталась незавершенной, словно авторы приглашают специалистов к осмыслению этой темы. В заключении представлены выводы, вытекающие из содержания и анализа монографии.

Почти половину книги – около 200 страниц из 423, составляет объемное, информативное приложение, включающее и фотоматериалы. В нем заинтересованный читатель увидит схему дислокации сухопутных войск, список командиров репрессированных, уволенных, восстановленных в РККА, итоговые сведения о некомплекте командно-начальствующего состава ЛВО, в котором можно найти данные о рождении, партийности, службе безвинно пострадавших людей, их реабилитации. Это бесценные сведения, за которыми судьбы военных командиров, которым авторы монографии возвратили их добрые имена.

Остается надеяться, что монография, невзирая на небольшой тираж, дойдет до специалистов и найдет своих благодарных читателей.

Примечания

1. Григорян А.М., Мильбах В.С., Чернавский А.Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2012. 423 с.

Юбилеи наших авторов

УДК 930.1(571.53)(092)Дамешек

Б.Ц. Жалсанова

Л.М. Дамешек – исследователь истории сибирской ссылки и каторги (к 65-летию со дня рождения)

Статья посвящена д.и.н., профессору Иркутского госуниверситета Л.М. Дамешеку и его вкладу в исследование истории сибирской ссылки

Ключевые слова: политическая ссылка, каторга, инородческий вопрос, российское законодательство.

B. Ts. Zhalsanova

L.M. Dameshek – the researcher of history of a Siberian exile and penal servitude (to the 65 anniversary since birth)

Article is devoted to professor of Irkutsk state university L.M. To Dameshek and his contribution to research of history of a Siberian exile

Keywords: political exile, penal servitude, foreign question, Russian legislation.

История сибирской ссылки и каторги занимает особое место в истории Российского государства. Сибирь на протяжении нескольких веков была местом, куда направлялись на каторгу и поселение уголовники, а затем и политические преступники, оказавшие огромное влияние на сибирское общество. Вполне закономерным поэтому стало издание в 1973 г. в Иркутске сборника научных статей «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)», инициатором и соз-

дателем которого был профессор Н.Н. Шербаков. Прошло 40 лет со дня издания первого сборника, выпущено 19 выпусков, на страницах которых опубликовано множество интересных научных работ по истории сибирской ссылки и каторги. Среди авторов сборников «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.)» и «Сибирская ссылка» известные сибирские историки Н.Н. Щербаков, А.А. Иванов, Л.М. Дамешек, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин, И.В. Наумов, Л.В. Курас и др.

На наш взгляд, именно значимость ссылки и каторги в истории Сибири предопределила актуальность проблемы, ведь ни один сибирский историк не может пройти мимо данной темы. Л.М. Дамешек, на протяжении более 40 лет занимающийся исследованиями в области имперской окраинной политики в Сибири и местом Сибири в империи, также не обошел тему сибирской ссылки и каторги. На страницах сборника «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.)» и «Сибирская ссылка» были опубликованы научные статьи ученого, которые внесли значительный вклад в изучение темы.

Прежде всего, все научные работы Л.М. Дамешека отличается высокая историографическая культура, об этом пишет А.А. Иванов в статье «Иркутский исследователь истории Сибири». При этом он подчеркивает, что Лев Михайлович – настоящий знаток и ценитель сибирской исторической литературы XVIII–XIX вв.

Не удивительно, что Л.М. Дамешек обратился к рассмотрению проблемы влияния политических ссылных «на революционизацию восточных окраин Сибири», с одной стороны, а с другой стороны – на материальную и духовную культуру Сибири через их научные работы. Ученый детально проанализировал труды политических ссылных А.П. Щапова, Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца, В.С. Арефьева и других, оказавших огромное влияние на привлечение общественного мнения к политике Российского государства по отношению к Сибири и коренным сибирским народам.

Исследование вклада политических ссылных в изучение истории Сибири становится темой научных работ ученого: «Оценка взаимного влияния русского и коренных народов Сибири в трудах политических ссылных А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева» и «Взгляды ссылных разночинцев 70–90-х

годов на «инородческий вопрос» в Сибири», опубликованных в 1983 г. на страницах сборника «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.)».

Л.М. Дамешек отмечает, что проблемы взаимного влияния русского и коренных народов Сибири рассматривалась в сибирской историографии XVIII – первой половины XIX вв., в которой господствовало официальное направление, идеализировавшее политику царизма, условия жизни и взаимоотношения русского и коренного населения региона. Проанализировав работы А.П. Щапова, родоначальника демократического направления в историографии Сибири, ученый считает, что именно он первым из профессиональных историков выдвинул вопрос о взаимном положительном влиянии русского и коренного населения Сибири, и в то же время резко осудил «эксплуататорскую политику правительства» по отношению к сибирским коренным народам. Особое внимание Л.М. Дамешек уделяет принципу «областности» А.П. Щапова, в который он вкладывал «понятие необходимости изучения областей русского государства как своеобразных, но совершенно неотделимых частей России».

Продолжателем демократических традиций А.П. Щапова становится Н.М. Ядринцев, первым из сибирских исследователей попытавшийся вскрыть сущность «инородческого вопроса» в Сибири в его историческом развитии. Л.М. Дамешек подчеркивает, что в отличие от А.П. Щапова с его принципом «областности», Н.М. Ядринцев не смог оценить огромного исторического значения присоединения народов Сибири к России. Он приходит к выводу о том, что «русские не смогли принести в Сибирь ничего положительного, скорее наоборот: аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией».

В результате исследования исторических работ А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева, Л.М. Дамешек приходит к выводу, что они «внесли определенный вклад в рассмотрение сложной и противоречивой проблемы взаимного влияния русского и коренных народов Сибири», хотя и «не всегда учитывали положительные стороны присоединения народов Сибири к России»¹.

В своей следующей работе «Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х годов на «инородческий вопрос» в Сибири» Л.М. Дамешек продолжает тему исследования вклада политических ссыльных в историографию Сибири. Предметом его статьи становится изучение взглядов ссыльных разночинцев на один из основных вопросов общественно-политической жизни Сибири того времени – судьбы аборигенного населения в составе России.

Прежде всего, это идеологи областничества и их последователи, которые попытались применить свою концепцию к местному материалу и создали ряд крупных научных исследований, внесших существенный вклад в изучение инородческого вопроса. Принципиально важным моментом, объединявшим взгляды представителей раннего и позднего областничества на инородческий вопрос в Сибири, считает Л.М. Дамешек, является признание за нерусскими народами права на существование и возведение инородческого вопроса в ряд вопросов «общечеловеческих, заслуживающих особого внимания». В то же время ученый подчеркивает ошибочность суждений областников, заключающихся в отождествлении политики правительства в Сибири с действиями русских вообще.

В исследовании политики правительства в отношении к народам Сибири Л.М. Дамешек важное место отводит научному и публицистическому наследию Д.А. Клеменца. Землеустроительная политика правительства, являвшаяся стержнем политического курса царизма в отношении сибирских инородцев в конце XIX – начале XX вв., полемика с М.Н. Богдановым, проблема взаимоотношений русского и коренного населения – все эти вопросы научного творчества Д.А. Клеменца были проанализированы ученым.

Ученый особо выделяет научную и общественную деятельность народников В.С. Арефьева и Д.И. Голенищева-Кутузова (псевдоним Дм. Илимский), которые выступили с решительной критикой царской администрации в инородческом вопросе. Выдвигая тезис о мирном присоединении края к России, и подчеркивая в целом миролюбивое отношение аборигенов к русскому населению уже в ходе первоначальной колонизации Сибири, В.С. Арефьев выступил с разоблачением утверждения официальных историографов о заботливом отношении

правительства к коренному населению. Л.М. Дамешек видит в этой позиции его близость с взглядами Н.М. Ядринцева.

В отличие от В.С. Арефьева, писавшего о мирном характере присоединения народов Сибири к России, Д.И. Голенищев-Кутузов акцентировал внимание на военных действиях аборигенов и остро ставил вопрос о колонизаторской политике царизма по отношению к местным народам.

Таким образом, тщательно проанализировав научное наследие политических ссыльных, Л.М. Дамешек делает вывод о том, что в условиях отсутствия своих местных культурных кадров политические ссыльные всех поколений, которые, безусловно, являлись самыми образованными и знающими людьми своего времени, внесли огромный вклад в культурную жизнь Сибири. Ученый считает, что политику Российского государства в XIX – начале XX вв. в отношении Сибири можно расценивать как карательную, с одной стороны, а с другой стороны, как позитивную в плане культурного развития окраины за счет политических ссыльных².

Еще одним направлением научных изысканий Л.М. Дамешка в области сибирской ссылки становится исследование имперского законодательства ссылки и каторги. Именно великолепное знание законодательства Российского государства позволяет Льву Михайловичу свободно рассуждать на тему правительственной политики в отношении Сибири, сибирских народов, в том числе и ссылки. Работы ученого отличает не только глубокий правовой анализ законодательных актов, но и параллель с фактическим материалом.

В таком плане написана статья «Ссылка и каторга в имперском законодательстве» (в соавторстве с И.Л. Дамешек), в которой интересно и содержательно исследуется развитие института сибирской ссылки, начиная с XVII в. Рассматривая законодательные акты, авторы приходят к выводу о неоднозначном влиянии ссылки и каторги на процесс освоения Сибири: с одной стороны, это появление огромного количества опасных преступников, оказывавших негативное воздействие на сибирское общество, а с другой стороны, быстрое хозяйственное освоение региона за счет использования труда ссыльных. Например, ссыльные осваивали новые земли, за-

нимались хлебопашеством, работали на рудниках, фабриках, в смиренных и рабочих домах и т. д.

В целом, несмотря на наличие законодательных актов, на протяжении XVII–XVIII вв. ссылка страдала отсутствием «правильной организации», что приводило «к страшным беспорядкам на месте и делало призрачными все предположения правительства о колонизации азиатской окраины».

Только с принятием Устава о ссыльных и Устава об этапах, разработанных М.М. Сперанским, явившихся первыми кодексами сибирской ссылки, произошла систематизация уголовной ссылки и каторги, «впервые была предпринята систематическая разработка вопроса о принудительной колонизации Сибири».

Однако реализация Уставов о ссыльных и этапах «была затрунена рядом объективных обстоятельств, которые не были учтены законодателем. Прежде всего, не выдержала проверку временем система деления ссыльных на разряды: вследствие недоброкачества и непроизводительности подневольного труда заводы постоянно уклонялись от приема ссыльных». Свободное водворение ссыльных в деревнях старожилов усилило бродяжничество, так, авторы приводят фактические материалы о неудачной попытке создания колоний в Енисейской губернии, начиная с 1829 г. Уже к 1842 г. в основанных 22 колониях не оказалось ссыльного населения, все они пришли в упадок и опустели.

Таким образом, на основании анализа российского законодательства сибирской ссылки, приводя фактические материалы и статистические сведения, авторы приходят к выводу о том, что принудительная колонизация с ее неэффективностью и «затратностью», со «страшной ее суровостью и господством в ней телесных наказаний», постепенно изживала себя. Во второй половине 1890-х гг. проблема переполнения Сибири уголовниками вынудила власти провести реформирование сибирской ссылки, а с 1900 г. можно говорить о прекращении сибирской ссылки, о ее превращении в ссылку политическую³. Авторы не заканчивают свою статью фактом долгожданной отмены ссылки в Сибирь, а выдвигают новую проблему для будущих исследований: не была ли отмена си-

бирской ссылки шагом назад в культурном и экономическом развитии Сибири?

Л.М. Дамешек, исследуя законодательные акты, всегда стремится проследить практику применения этих документов в конкретной действительности. Примером применения имперского законодательства в практике уголовного наказания стала статья Л.М. Дамешека и А.В. Филатова «Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири», опубликованная в 2009 г. в сборнике «Сибирская ссылка».

Авторы подробно рассматривают положения Устава о ссыльных (редакции 1822 г., 1880 г., 1906 г.), Устава о содержании под стражей, Положения о полицейском надзоре и Общей тюремной инструкции и т.д. Однако при этом они предлагают учитывать, что на протяжении всего периода существования каторги в дополнение к вышеназванным нормативным документам правительством издавались различные инструкции и циркуляры, которые подчас корректировали правовое положение арестантов. Кроме этого, в каждой каторжной тюрьме тюремная администрация нередко устанавливала свои порядки, которые в немалой степени влияли на условия содержания заключенных.

Л.М. Дамешек и А.В. Филатов, основываясь на законодательных документах, анализируют разные стороны каторжного быта: нахождение в «ручных или ножных оковах» в зависимости от разряда каторжника, размещение по камерам, распорядок дня арестантов, организация питания, состояние медицинского обслуживания и т. д. Все это позволяет авторам исследовать зависимость степени жесткости режима мест заключения от общеполитической ситуации, складывавшейся в империи в конкретный отрезок времени, а также от субъективных взглядов и пристрастий начальников каторжных тюрем. Например, в Забайкалье механизм Нерчинской каторги был приспособлен к выполнению горно-хозяйственных функций, поэтому каторжане-уголовники жили довольно свободно. Несравненно более жесткими были условия отбывания каторги на Александровском винокуренном заводе Иркутской губернии⁴.

Интерес для исследователей сибирской ссылки представляет статья «Система контроля за перепиской ссыльных дворянских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.)», написанная Л.М. Дамешеком совместно с С.В. Коданом. Авторы в своей работе рассматривают малоизученную тему создания и развития системы правительственного контроля за письменными сообщениями ссыльных декабристов в Сибири.

Надо отметить, что Л.М. Дамешек и С.В. Кодан при исследовании темы ввели в научный оборот документы центральных архивов и, основываясь на них, проанализировали создание системы контроля за перепиской декабристов и вопросы компетенции сибирского аппарата управления по организации этой деятельности. Примечательно, что конкретные факты, изложенные в архивных документах, послужили обоснованием научных выводов. Например, случаи «незаконной переписки» декабристов Е.П. Одоевского, И.И. Пущина, М.С. Лунина, выявленные в ходе исследований, привели к применению карательных мер в отношении как самих нарушителей, так и должностных лиц, допустивших эти нарушения. Авторы приводят пример с фельдъегерем Желдобиным, поплатившемся своей должностью за передачу письма И.И. Пущина своему отцу. Такие случаи способствовали появлению новых инструкций в системе перлюстрации корреспонденции в Сибири, ужесточивших режим переписки.

Система перлюстрации, созданная в Сибири, стала, как пишут авторы, основным средством правительственного контроля за формированием и развитием общественного мнения, настроений, средством сбора сведений об отношении чиновников и населения к политическим ссыльным⁵.

Таким образом, самые разные аспекты сибирской ссылки и каторги нашли отражение в научном творчестве Л.М. Дамешека. Рассматривая отдельные сюжеты темы, Лев Михайлович остается приверженцем идеи единства Российского государства с его огромной территорией, многонациональностью, многоконфессиональностью, системой «центра и периферии». Ссылка и каторга рассматриваются ученым не как отдельное направление правительственной политики, а через призму общеимперского законодательства. Детальный анализ российского законодательства, тщательное изучение научно-

го наследия политических ссыльных в сочетании с другими историческими источниками дали возможность ученому дать взвешенную оценку значения сибирской ссылки и каторги в истории страны.

Примечания

1. Дамешек Л.М. Оценка взаимного влияния русского и коренных народов Сибири в трудах политических ссыльных А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева. // Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в. – 1917 г.). Вып. VIII. Иркутск, 1983. С. 70-78.

2. Дамешек Л.М. Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х годов на инородческий вопрос в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. XI. Иркутск, 1983. С. 25-35.

3. Дамешек Л.М. Дамешек И.Л. Ссылка и каторга в имперском законодательстве. // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С.72.

4. Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск, 2009. С. 223-239.

5. Дамешек Л.М., Кодан С.В. Система контроля за перепиской ссыльных дворянских революционеров в сибире (1826–1856 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в. – 1917 г.). Вып. IX. Иркутск, 1985. С.177-187.

Справочные материалы

А.А. Савилов

Указатель статей, опубликованных в сборнике «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» и «Сибирская ссылка» в 1973–2011 гг.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник под ред. кандидата исторических наук Н.Н. Щербакова. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1973. Вып. I. 293 с.

1. Коваль С.Ф. К истории первого заговора освобождения Н.Г. Чернышевского. С. 3–21.

2. Дулов А.В. Революционеры шестидесятых годов в сибирской ссылке. С. 21–26.

3. Андреев В.М. Просветительская деятельность ссылных народников в Сибири (70–90-е годы XIX века). С. 26–45.

4. Вахрушев И.С., Андреев В.М. Корреспонденты П.Л. Лаврова в Сибирской ссылке. С. 45–52.

5. Шостакович Б.С. Поляки – политические ссылные конца 70-х – начала 90-х годов XIX века – в Сибири. С. 52–125.

6. Мещерский А.П. Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX – начале XX века. С. 125–144.

7. Рудых З.С. Нелегальные библиотеки политических ссылных Иркутской губернии в 1899–1916 гг. С. 144–158.

8. Шейнфельд М.Д. К изучению истории Сибири политическими ссыльными в начале XX века (Н.А. Рожков). С. 158–179.

9. Сосновская Л.П. Об участии политического ссыльного Восточной Сибири большевика В.Н. Соколова в легальной периодической печати г. Иркутска (1910 – февраль 1917 г.). С. 179–199.

10. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.). С. 190–243.

11. Шостакович Б.С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири. С. 243–292.

Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник / Ответ ред. кандидат исторических наук Н.Н. Щербаков. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1974. Вып. II. 279 с.

1. Кудрявцев Ф.А. Участники народных движений первой половины XIX века на каторге. С. 3–11.

2. Шостакович Б.С. Сибирские годы Юзефата Огрызко. С. 11–54.

3. Андреев В.М. Революционеры-народники в сибирской ссылке. С. 54–91.

4. Даревская Е.М. Политические ссыльные Сибири в Монголии. С. 91–123.

5. Щербаков Н.Н. Ссыльные большевики и социал-демократическое движение в Сибири (1906–1910 гг.). С. 123–175.

6. Хазиахметов Э.Ш. Положение политических ссыльных Сибири между революциями 1905 и февраля 1917 г. С. 175–194.

7. Сосновская Л.П. Политические ссыльные и легальные большевистские издания (1912 – февраль 1917 гг.). С. 194–225.

8. Секненков Ю.И. К вопросу о культурно-просветительной работе ссыльных революционеров в Сибири (рукописный журнал «Тутурский сборник», 1915 г.). С. 225–242.

9. Щербаков Н.Н. Из истории суда и высылки в Сибирь руководителей вооруженных восстаний и членов военно-боевых организаций РСДРП. С. 242–277.

Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник / Ответ ред. кандидат исторических наук Н.Н. Щербаков. Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1979. Вып. III. 149 с.

1. Андреев В.М. Революционеры-народники на каторге и в ссылке (к истории борьбы с сибирской администрацией). С. 3–29.

2. Андреев В.М., Сосновская Л.П. Из истории борьбы марксистов с либеральными народниками в Сибири (Л.Г. Дейч на Карийской каторге). С. 29–38.

3. Шостакович Б.С. К истории польской политической ссылки в Сибирь в 1890-е годы. С. 38–56.

4. Роцевская Л.П. Западносибирские политические ссыльные и Кара в 80-х годах XIX века. С. 56–69.

5. Щербаков Н.Н. К истории карательной политики царизма в начале XX столетия. С. 69–87.

6. Хазиахметов Э.Ш. Партийные организации и группы политических ссыльных Сибири (1906 – февраль 1917). С. 87–106.

7. Сосновская Л.П. К вопросу об участии ссыльных большевиков Восточной Сибири в легальной печати (1910 – февраль 1917). С. 106–125.

8. Тагаров З.Т. Большевики-депутаты II Государственной думы на Нерчинской каторге. 125–139.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1979. Вып. IV. 163 с.

1. Дьяков В.А., Канцельсон Д.Б., Шостакович Б.С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835–1856). С. 3–31.

2. Шостакович Б.С. О дружественных связях декабристов с политическими ссылными-поляками. С. 31–42.

3. Андреев В.М. Научная деятельность ссылных народников в Сибири. С. 42–72.

4. Роцевская Л.П. О взаимоотношениях семьи Красиных с политическими ссылными Сибири (60-е – 80-е гг. XIX в.). С. 72–86.

5. Тагаров З.Г. Политические узники Нерчинской каторги в 1903–1905 годах. С. 86–94.

6. Сосновская Л.П. Связи политических ссылных Сибири с видными партийными публицистами (по материалам печати 1912–1913 гг.). С. 94–117.

7. Щербаков Н.Н. Революционеры-медики в сибирской ссылке (1906–1917). С. 117–161.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1980. Вып. V. 180 с. :

1. Роцевский П.И. Участники антикрепостнической борьбы первой половины XIX века на каторге на Успенском винокуренном заводе Тобольской губернии. С. 3–20.

2. Шостакович Б.С. Ссылные участники экспедиции Юзефа Заливского в Восточной Сибири (по материалам Государственного архива Иркутской области). С. 20–52.

3. Андреев В.М. Численность и состав политических ссылных в Восточной Сибири в 70–90-х годах XIX века. С. 52–71.

4. Тагаров З.Т. Общеобразовательная учеба и культурная работа политических заключенных на Нерчинской каторге. С. 71–84.

5. Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в «Иркутском слове» 1911–1912). С. 84–116.

6. Хазиахметов Э.Ш. Из истории идейной борьбы среди политических ссыльных Сибири в годы первой мировой войны 1914 – февраль 1917). С. 116–144.

7. Щербаков Н.Н. Обзор материалов по истории политической ссылки в Краковском воеводском архиве. С. 144–179.

Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981. Вып. 6. 124 с. :

1. Щербаков Н.Н. Предисловие. С. 3–6.

2. Кодан С.В. Петрашевцы на Нерчинской каторге (историко-правовой аспект). С. 7–21.

3. Андреев В.М. Революционеры-медики в восточно-сибирской ссылке (70-е – первая половина 90-х гг. XIX в.). С. 35–54.

4. Бедарев Ю.А. М.В. Лурье в сибирской ссылке (1903–1906). С. 54–60.

5. Щербаков Н.Н. Об идейном течении в рабочем движении Сибири начала XX века (по материалам газет «Правда» и «Луч»). С. 60–66.

6. Тагаров З.Т. Протесты политических каторжан Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем в 1910–1912 годы. С. 66–83.

7. Евсеева А.Н. Из истории мелкобуржуазных партийных группировок в сибирской ссылке (1914–1916). С. 83–92.

8. Сосновская Л.П. Политические ссыльные в газете «Забайкальское обозрение» (1915–1916). С. 92–111.

9. Родионов А.И. Ссыльные большевики в реализации национальной программы партии среди малых народов севера Сибири (март–октябрь 1917). С. 111–124

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. Вып. 7. 136 с.

1. Харкевич И.Ю. Ссылные декабристы и музыкальная культура Иркутска. С. 3–21.

2. Шостакович Б.С. Материалы восточносибирских архивов о ссылных участниках организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп первой половины 40-х годов XIX века. С. 21–38.

3. Андреев В.М. Хозяйственная деятельность ссылных народников в Сибири. С. 52–70.

4. Дамешек Л.М. Оценки взаимного влияния русского и коренных народов Сибири в трудах политических ссылных А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева. С. 70–78.

5. Хазиахметов Э.Ш. Участие политических ссылных в революционном подполье Сибири (1910–1912). С. 78–94.

6. Самосудов В.М. Использование ссылными марксистами жанра литературной критики для пропаганды идей партии пролетариата. С. 94–112.

7. Щербаков Н.Н. Политические ссылные как источник пополнения пролетариата в Сибири (1907–1917). С. 112–134.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.) / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. Вып. VIII. 150 с.

1. Щербаков Н.Н. Влияние ссылных революционеров на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири в 1906–1917 годах (советская историография проблемы). С. 3–26.

2. Щербаков Н.Н. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев и его роль в разработке истории политической ссылки в эпоху империализма. С. 26–50.

3. Ретунский В.Ф. Царская политика размещения декабристов в Западной Сибири (к историографии и проблематики вопроса). С. 50–61.

4. Шостакович Б.С. Материалы Государственного архива Иркутской области о пребывании в восточносибирской ссылке свентокшижцев – участников Варшавской организации «Содружество польского народа». С. 61–70.

5. Кодан С.В. Ссылные дворянские революционеры в сибирских политических процессах. С. 70–82.

6. Федорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном научном исследовании Д.А. Клеменца. С. 82–94.

7. Андреев В.М. Педагогическая деятельность ссылных родников в Сибири (70–90-е гг. XIX в.). С. 94–115.

8. Шиловский М.В. Взаимоотношения сибирских областников с политическими ссылными во второй половине XIX – начале XX веков. С. 115–124.

9. Сосновская Л.П. Ссылные большевики – корреспонденты сибирских легальных изданий (1910–1917 гг.). С. 124–144.

10. [Л.М. Дамешек, С.В. Кодан, Б.С. Шостакович], Е.И. Меламед, Джордж Кеннан против царизма. М.: Книга, 1981. 127 с. – С. 145–147.

11. [Даниленко А.В.] Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. 608 с. – С. 147–149.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. 9. 240 с.

1. Шостакович Б.С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века. С. 3–23.

2. Сергун Е.Л. Декабрист-сибиряк Г.С. Батеньков. С. 23–37.

3. Тальская О.С. Новые материалы о пути следования декабристов на каторгу. С. 37–44.

4. Нагаев А.С. «Омское дело» 1832–1833 годов. С. 44–59.
5. Дьяков В.А., Крикунов В.П. К биографии сибиряка и политического ссыльного Иннокентия Концевича. С. 59–71.
6. Рощевская Л.П. Члены «Общества переводчиков и издателей» в западносибирской ссылке. С. 71–81.
7. Патронова А.Г. Карийская трагедия 1889 года (по воспоминаниям политкаторжан и документам Государственного архива Читинской области). С. 81–103.
8. Сесюнина М.Г. Политическая ссылка второй половины XIX века и сибирские областники. С. 103–112.
9. Мосина И.Г. Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири (конец XIX – начало XX в.). С. 112–120.
10. Сосновская Л.П. Ссылочные большевики в новониколаевской газете «Сибирская новь» (1913 г.). С. 120–138.
11. Самосудов В.М. Использование в сибирской публицистике жанра сатиры для политических обличений царизма и воспитания трудящихся. С. 138–157.
12. Цуприк Р.И. Круг чтения ссыльных декабристов в Сибири (историческая литература). С. 157–171.
13. Дамешек Л.М., Кодан С.В. Система контроля за перепиской ссыльных дворянских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.). С. 171–187.
14. Шостакович Б.С., Кодан С.В. Историко-правовые аспекты польской ссылки в Сибирь в 1830-х – первой половине 1850-х годов. С. 187–206.
15. Подосенов О.П. Организация надзора за корреспонденцией сосланных в Восточную Сибирь революционеров-народников (1870–1880-е гг.). С. 206–217.
16. Клер Л.С. Карийская каторга. Ее место и роль в карательной системе самодержавия. С. 217–232.
17. [Баженова Т.М., Лихачев С.В., Мошкина З.В., Патронова А.Г.] Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западно-

сибирском изгнании. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 177 с. С. 232–233.

18. [Щербаков Н.Н.] Владимир Ильич Ленин и революционное подполье в Сибири. Омск: Кн. изд-во, 1983. 320 с. С. 233–237.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Вып. 10. 168 с.

1. Мамсик Т.С. Декабрист В.И. Штейнгель и его воззвания к сибирским крестьянам. С. 3–20.

2. Болоцких В.Н. Характеристика переписки ялуторовских декабристов. С. 20–28.

3. Шостакович Б.С. Ссылные поляки – участники тайных национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 года – в Восточной Сибири (в отражении документов Государственного архива Иркутской области). С. 28–50.

4. Соколов А.И. Борьба ссылных большевиков Сибири с оппортунизмом в период нового революционного подъема (историко-партийная литература 1960-х – начала 1980-х годов). С. 50–62.

5. Секненко Ю.И. К историографии первомайских выступлений политических ссылных Сибири в конце XIX – начале XX в. С. 62–71.

6. Белокрыс М.А. Хозяйственная и музыкально-просветительная деятельность в Забайкалье польского политического ссылного К. Савичевского. С. 71–82.

7. Цуприк Р.И. Актуальные вопросы социально-политической жизни России и стран Европы 1830–1850-х годов в отражении читательских интересов и оценках ссылных декабристов. С. 82–101.

8. Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1846–1874). С. 101–122.

9. Бедарев Ю.А. В.К. Курнатовский в Иркутской ссылке (1903–1905). С. 122–138.

10. Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в «Обской жизни» в 1911–1912 годах. С. 138–164.

11. [Гольдфарб С.И.] Кондратьев Н.И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 191 с. С. 165–166.

Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. Вып. 11. 276 с.

1. Шостакович Б.С. О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения. С. 6–25.

2. Дамешек Л.М. Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х годов на «инородческий вопрос» в Сибири. С. 25–35.

3. Андреев В.М. Ленинская «Искра» о политической ссылке в Сибири. С. 35–53.

4. Дмитриев Д.И. Дореволюционная историография политической каторги (1907 – февраль 1917 г.). С. 53–65.

5. Буханцов В.В. Историческая литература об отношении ссыльных социал-демократов к мировой империалистической войне. С. 65–79.

6. Соколов А.И. Идеино-политическая борьба в сибирской ссылке в период между двумя буржуазно-демократическими революциями (современная историография проблемы). С. 79–96.

7. Тальская О.С. Декабристы и ссыльные поляки в Кургане. С. 96–112.

8. Троев П.С. К вопросу о хозяйственной деятельности ишутинцев в якутской ссылке. С. 112–118.

9. Даревская Е.М., Тагаров Ж.З. Кяхтинцы Лушниковы и ссыльный народник Д.А. Клеменц. С. 118–139.

10. Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX в. – 1917 г.). С. 139–158.
11. Секненков Ю.И. Первомайские выступления политических ссыльных в Сибири (1910–1912). С. 158–174.
12. Сосновская Л.П. Из истории распространения ленинской легальной газеты «Звезда» в колониях политических ссыльных Сибири (1910–1912). С. 174–192.
13. Шерстянников Н.А. Идеино-политическая борьба большевиков против меньшевиков в сибирских колониях политических ссыльных. С. 192–202.
14. Щербаков Н.Н. Ссыльные большевики и партийное строительство в Сибири (1907–1917). С. 202–259.
15. [Дамешек Л.М.] Крестьянское движение в Сибири в 1861–1907 гг.: Хроника и историография / Отв. ред. д-р ист. наук Л.М. Горюшкин, Е.И. Соловьева. Новосибирск, 1985. 326 с. С. 259–261.
16. [Соколов А.И.] Подвиг Центросибири, 1917–1918: Сб. документов / Сост. В.Т. Агалаков, В.Г. Артемьев, Ю.В. Ефимов, В.М. Серебренников, Л.С. Шолохова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 480 с. С. 262–264.

Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Вып. 12. 240 с.

1. Щербаков Н.Н. Предисловие. С. 3–6.
2. Дулов А.В. Источники о пребывании петрашевцев в Сибири. С. 7–15.
3. Андреев В.М. «Правда» о политической ссылке в Сибири (1912–1914 гг.). С. 15–32.
4. **Пронин Ю.В.** Издания Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев о деятельности восточносибирских организаций РСДРП периода революции 1905–1907 гг. С. 32–46.

5. Хегай И.А. Борьба ссыльных большевиков за демократическое решение национального вопроса в Сибири (историографический обзор проблемы). С. 46-58.

6. Буханцов В.В., Соколов А.И. Воспоминания как источник изучения деятельности ссыльных социал-демократов в годы первой мировой войны. С. 57-68.

7. Соколов А.И. Роль центральных партийных изданий в борьбе ссыльных большевиков против оппортунизма в межреволюционный период (к историографии проблемы). С. 68-81.

8. Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825-1861 гг.). С. 82-94.

9. Кузнецова Е.А. Взгляд Н.М. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки. С. 94-105.

10. Баринов А.С., Рюмкин С.Н. Врач-революционер Я.М. Ляховский в Сибири. С. 105-122.

11. Тагаров З.Т. Побег и подкобы политкаторжан Нерчинской каторги (1905-1914 гг.). С. 122-132.

12. Дмитриев Д.И. К вопросу о тактике левого блока большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907-1910 гг.). С. 312-147.

13. Сосновская Л.П. Роль политических ссыльных в распространении центральных большевистских журналов «Мысль» и «Просвещение» в Сибири (1911-1914 гг.). С. 147-174.

14. Иванов А.А. Роль ссыльных большевиков в Ленской забастовке 1912 года. С. 174-190.

15. Щербаков Н.Н. Ссыльные большевики и стачечное движение рабочего класса в Сибири (1907-1917 гг.). С. 190-217.

16. [Кодан С.]. Пущин И.И. Записки о Пущине. Письма / Вступительная статья, составление и комментарии М.П. Мироненко и С.В. Мироненко. М.: Худож. лит., 1988. (Литературные мемуары). С. 218-219.

17. [Соколов А.И.], Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 176 с. С. 219–220.

18. [Шостакович Б.С.]. Троев П.С. Ишутинцы в якутской ссылке. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 152 с., ил. (Судьбы, связанные с Якутией); Казарян П.Л. Верхоянская политическая ссылка. 1861–1903 гг. / АН СССР СО ЯНЦ ИЯЛИ. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 176 с. ил. С. 220–221.

19. [Гольдфарб С.]. Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. Новосибирск: Наука, 1987. 204 с. С. 222–223.

Сибирская ссылка: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2000. Вып. 1 (13). 248 с.

1. Шостакович Б.С. Предисловие. С. 3–6.

2. Сливовская В., Шостакович Б. Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и первый историк сибирской ссылки поляков. С. 8–35.

3. Шостакович Б.С. Зыгмунд Либрович – один из пионеров изучения истории поляков в Сибири. С. 35–42.

4. Буханцов В.В. О некоторых аспектах историографии политической ссылки Сибири периода первой мировой войны. С. 42–56.

5. Меламед Е.И. «Сибирь и ссылка» Джорджа Кеннана и ее источниковедческая основа. С. 56–67.

6. Андреев В.М. Центральный орган РСДРП (меньшевиков) «Искра» о Якутском протесте 1904 года. С. 67–84.

7. Сливовская Викторья. Сибирские тени: О польских женщинах в межповстанческий период ссылки. С. 84–114.

8. Федорова В.И. Агитационно-пропагандистская литература ссылных народников Сибири (80–90-е гг. XIX в.). С. 114–134.

9. Щербаков Н.Н. Агитационно-пропагандистская деятельность политических ссылных в составе сибирских организаций РСДРП (1907–1917). С. 134–186.

10. Быкова Н.Н. История возникновения Александровской каторги и строительства тюремного комплекса. С. 186–200.

11. Иванов А.А. Лев Бронштейн в сибирской ссылке. С. 200–244.

Сибирская ссылка: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2003. Вып. 2 (14). 324 с.

1. Щербаков Н.Н. Предисловие. С. 5–12.

2. Иванов А.А. Исследования исторической литературы о политической ссылке в Сибирь середины XIX – конца XX в. в отечественной историографии. С. 14–39.

3. Васильева Н.Ф. Научно-исследовательская деятельность Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 39–53.

4. Бильдуева С.В. История политической ссылки в Сибирь в трудах профессора Ф.А. Кудрявцева. С. 53–63.

5. Афанасов О.В. Документы об истории Озерного лагеря в Иркутской области (1948–1963). С. 63–82.

6. Шостакович Б.С. Сибирский дневник моей неволи Юльяна Сабиньского: поиски и находки по следам уникального исторического источника. С. 82–93.

7. Щербаков Н.Н. Слово об учителе (отрывки из воспоминаний). С. 93–101.

8. Мошкина З.В. Юмор в среде политзаключенных Нерчинской каторги. С. 102–106.

9. Андреев В.М. К вопросу об эволюции взглядов ссыльных народников в Восточной Сибири. С. 106–126.

10. Борисова Т.А. Начало журналистской деятельности Н.А. Рожкова в Сибири (1910 – начало 1911 г.). С. 126–141.

11. Кудряшов В.В. Ссылные меньшевики Восточной Сибири и выборы в IV Государственную думу. С. 141–154.

12. Максимова В.Н. Борьба осужденных революционеров с режимом политической каторги в Восточной Сибири (1907–1917 гг.). С. 154–164.

13. Казарян П.Л. Судопроизводство по политическим преступлениям в гражданских судах России XIX – начала XX в. С. 166–184.

14. Степанова (Шенмайер) Н.Г. Каторга в системе карательной политики российского самодержавия. С. 184–198.

15. Бодяк М.Г. История строительства Зерентуйской каторжной тюрьмы и судьба здания. С. 198–213.

16. Быкова Н.Н. Александровский централ: администрация и охрана. С. 213–224.

17. Дмитриев Д.И. Политика самодержавия в каторжных тюрьмах Сибири (конец XIX в.). С. 224–243.

18. Симатов А.А. Состояние российской тюремной системы в конце XIX – начале XX века и отмена ссылки. С. 243–257.

19. Колосок С.В. Иркутская губернская тюремная инспекция. С. 257–261.

20. Абрамитов С.А. К истории формирования корпуса председателей Иркутского окружного суда (1897 – март 1919 г.). С. 261–266.

21. Курас Т.Л. Деятельность Иркутской судебной палаты по рассмотрению и разрешению дел о государственных преступлениях. С. 266–283.

22. Аникеев Н.Н., Гусарова Т.О. Производственная деятельность Отдела исправительно-трудовых колоний Министерства юстиции Бурят-Монгольской АССР в 1953 году. С. 283–287.

23. Кузнецов С.И. Россия глазами японских интернированных (1945–1956 гг.). С. 287–304.

24. Иванов А.А. Железнодорожная артерия Монголии. С. 306–308.

25. Щербаков Н.Н. Именной перечень материалов, опубликованных в сборнике трудов «Ссылные революционеры в Сибири» и «Сибирская ссылка». С. 308–322.

Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. / Ответ. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2006. Вып. 3 (15). 320 с.

1. Иванов А.А. Предисловие. С. 7–12.
2. Андреев В.М. Литературная деятельность ссылных народников в Сибири. С. 14–39.
3. Васильева Н.Ф. Роль Всесоюзного общества политкаторжан и ссылнопоселенцев в создании библиографии истории сибирской каторги и ссылки (по материалам сборников о сибирской каторге и ссылке Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев). С. 39–67.
4. Иванов А.А. «Чудовищная» и «либеральная»: иностранные журналисты о сибирской политической ссылке конца XIX в. С. 67–82.
5. Курас С.Л. Роль массовых источников в изучении некоторых аспектов сибирской ссылки конца XIX – начала XX века. С. 82–90.
6. Бальжанов В.П. Профессионально-техническое обучение осужденных в исправительно-трудовых учреждениях Бурятской АССР в 50–60-е годы XX в. С. 92–94.
7. Быкова Н.Н. Труд заключенных Александровского центра в начале XX в. С. 94–105.
8. Гусарова Т.О. Структура мест лишения свободы в Бурятской АССР в 70-е гг. XX в. С. 105–108.
9. Дашинамаев А.Б. Основные виды наказаний у бурят Иркутской области в XIX в. С. 108–114.
10. Дмитриев Д.И. Использование цивилизационной методологии при изучении истории каторжных тюрем Сибири конца XIX – начала XX в. С. 114–130.

11. Занданова Л.В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930–1950-х гг. С. 130–142.

12. Казарин В.Н. Председатели Иркутского областного суда: пять портретов советской юстиции. С. 142–166.

13. Кудряшов В.В. Численность и состав ссыльных меньшевиков в Восточной Сибири (1907 – февраль 1917 г.). С. 166–184.

14. Курас Л.В., Калашникова С.И. Нормативно-правовая база организации и деятельности уголовного сыска в России во второй половине XIX – начале XX века. С. 184–198.

15. Курас Л.В., Суш С.П. «Десять лет без права переписки...». С. 198–212.

16. Мясников Д.А. Борьба политических арестантов с режимом содержания в Акатуйской тюрьме Нерчинской каторги. С. 212–222.

17. Скорикова Н.А. К вопросу о состоянии иркутских тюрем в период Гражданской войны. С. 222–229.

18. Серебренников И.П. Террористическая деятельность политических ссыльных в Восточной Сибири в 1882–1904 гг. С. 229–237.

19. Шахерова С.Л. Присяжные поверенные Восточной Сибири: профессиональная и корпоративная деятельность (1885–1917 гг.). С. 237–254.

20. Шостакович Б.С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема. С. 254–272.

21. Аршинский В.З. О коллеге и друге. С. 274–276.

22. Зуляр Ю.А. Личность в контексте эпохи. С. 276–280.

23. Казарин В.Н. Воспоминания о Н.Н. Щербакове. С. 280–288.

24. Коноплев Н.С. «Он жил меж нами...» С. 288–293.

25. Покорский В.И. Сорок семь лет вместе, или Друзья и годы. С. 293–299.
26. Ступин П.П. Учитель и его ученики. С. 299–304.
27. Иванов А.А. Библиографический список трудов Н.Н. Щербакова. С. 304–319.

Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2007. Вып. 4 (16). 532 с.

1. Дмитриев Д.И. Использование классово-формационной методологии при изучении истории каторжных тюрем Сибири конца XIX – начала XX вв. С. 4–12.
2. Иванов А.А. Историография и источники сибирского периода жизни Е.К. Брешко-Брешковской. С. 12–33.
3. Васильева Н.Ф. «Издательство политкаторжан» и его сборники по истории сибирской каторги и ссылки. С. 33–65.
4. Шостакович Б.С. Н.Н. Щербаков и научный сборник по истории сибирской политической ссылки (Опыт мемуарно-аналитической реконструкции). К 35-летию начала выхода сборника и 70-летию его ответственного редактора. С. 65–95.
5. Зуляр Ю.А. К вопросу об открытии в Иркутском государственном университете Центра изучения истории сибирской ссылки. С. 95–100.
6. Казарян П.Л. Судопроизводство по политическим преступлениям в военных судах России XIX – начала XX вв. С. 102–122.
7. Качуров С.Ю. Ссылка как элемент карательной политики Российского государства в конце XVII–XIX вв. (на примере Восточной Сибири). С. 122–130.
8. Курас Т.Л. Вопросы подсудности дел судебным палатам в Российской империи (1864–1917 гг.). С. 130–142.
9. Жалсанова Б.Ц. Преступления и правонарушения, находившиеся под юрисдикцией бурятских инородных управ, порядок их расследования и судопроизводство на материалах

Национального архива Республики Бурятия (1822–1916 гг.). С. 142–154.

10. Степанова Н.Г. Каторга первой половины XIX века: проблема формирования новой концептуальной модели российского законодательства. С. 154–173.

11. Мошкина З.В. Политкаторжанки: социальный портрет конца XIX – начала XX вв. С. 173–187.

12. Бодяк М.Г. Политика правительства в отношении семей ссыльнокаторжных на примере Зерентуйской каторжной тюрьмы (в конце XIX – начале XX вв.). С. 187–204.

13. Филатов А.В. Использование труда каторжников в каторжных тюрьмах Восточной Сибири. С. 204–222.

14. Мясников Д.А. Взгляды центральных и местных властей на реорганизацию политической каторги в Забайкалье в 1880-х гг. С. 222–230.

15. Шайдурова Г.А. Побег, как одна из форм борьбы политических арестантов с режимом содержания в Иркутской тюрьме (из истории нескольких побегов). С. 230–239.

16. Метёлкина Л.Н. Влияние политических ссыльных на деятельность ученических организаций Якутска в 1902 – феврале 1917 гг. С. 239–263.

17. Макарчук С.В. Государственное и революционное насилие: социал-демократы Урала и Западной Сибири в противоборстве с властью в начале XX в. С. 263–275.

18. Кудряшов В.В. Ссыльные меньшевики в составе социал-демократических организаций Восточной Сибири (1907–1917 гг.). С. 275–298.

19. Кальмина Л.В. Еврейская ссылка в XIX – начале XX веков: сибирский парадокс. С. 298–313.

20. Курас С.Л. Социальный портрет ссыльного иудейского вероисповедания (историко-правовой аспект). С. 313–324.

21. Звягин С.П. Создание и деятельность Отрядов особого назначения МВД Всероссийского правительства в Сибири (1919 г.). С. 324–333.

22. Бороздина Е.С. Репрессивная политика Советского государства в отношении безнадзорных несовершеннолетних (1935–1940 гг.). С. 333–340.

23. Курас Л.В., Суш С.П. Структура и кадры мест лишения свободы в Бурят-Монгольской АССР в 20 – начале 50-х годов XX века. С. 340–354.

24. Курас Л.В., Суш С.П. Режим в местах лишения свободы Бурят-Монгольской АССР в 20-х – начале 50-х годов XX века. С. 354–373.

25. Курас Л.В., Суш С.П. Организация трудовой деятельности в исправительно-трудовых колониях Бурят-Монголии в 1920 – начале 1950-х гг. С. 373–392.

26. Гусарова Т.О. Политико-воспитательная работа и обеспечение условий отбывания наказания в местах заключения Республики Бурятия в 1950-е – 60-е гг. XX в. С. 392–410.

27. Кузнецов С.И., Афанасов О.В. Лагеря ГУЛАГа и ГУПВИ на территории Иркутской области. С. 410–436.

28. Миронов А.Г. Седьмой Особый (Озерлаг – Особый лагерь № 7). С. 436–442.

29. Ивлева Т.В. Репрессивная политика против советских немцев в 1941–1955 гг. (на материалах Красноярского края). С. 442–454.

30. Казарин В.Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел «о контрреволюционных преступлениях» в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. С. 454–483.

31. Николаев Э.А. Правовые основы деятельности Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях (1990-е – начало 2000-х гг.). С. 483–510.

32. Петрушин Ю.А. История пенитенциарной системы в Бурятии: от наказания к покаянию. С. 510–515.

33. Шостакович Б.С. Реанимация в XXI-ом столетии архаического представления века XIX-го об истории политической ссылки поляков в Сибирь: работа над ошибками. С.515–529.

Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Иванов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Изд-во Отгиск, 2009. Вып. 5 (17). 624 с.:

1. Иванов А.А. Предисловие. С. 3–6.

2. Шостакович Б.С. Документальные источники по истории политической ссылки поляков в Сибирь до 1917 г. в архивах региона: современная оценка состояния и задач их научного освоения. С. 7–19.

3. Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области). С. 19–29.

4. Курас С.Л. Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы на страницах дореволюционных и современных ведомственных изданий. С. 29–37.

5. Исачкин С.П. Идейное и организационное содержание объединений ссылных социал-демократов Якутска. (Советская историография). С. 37–51.

6. Сальникова Е.С. Периодическая печать об уголовной ссылке в Восточную Сибирь 80–90-х гг. XIX века. С. 51–59.

7. Васильева Н.Ф. Роль рецензий в становлении журнала «Каторга и ссылка». С. 59–72.

8. Курас Л.В. Запретная пограничная зона и правила въезда и проживания на территории Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР (1938–1954 гг.). С. 72–90.

9. Шахеров В.П. Декабрист В.И. Штейнгейль и вопросы совершенствования уголовного и гражданского законодательства в России. С. 90–108.

10. Сысоев А.А. Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия. С. 108–123.
11. Тушемилов М.В. Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.). С. 123–135.
12. Чернова И.В. Реорганизация пенитенциарной системы и разделение функций тюремного ведомства и полиции (на примере Томской губернии). С. 135–144.
13. Казарян П.Л. Административная расправа по политическим мотивам в России (конец XIX – начало XX вв.). С. 144–158.
14. Калашникова С.И. Реформирование правоохранительных органов России в конце XIX – начале XX веков. С. 158–167.
15. Курас Т.Л. Вопросы деятельности судебных палат в Российской империи. С. 167–183.
16. Мицкевич Э.В. Институт почетных мировых судей округа Иркутской судебной палаты (конец XIX – начало XX вв.). С. 183–192.
17. Шахерова С.Л. Присяжная адвокатура Восточной Сибири: состав и территориальное распределение (1885–1917 гг.). С. 192–206.
18. Плюта К.В. Антитеррористическая политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв. С. 206–223.
19. Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири. С. 223–240.
20. Степанова (Шенмайер) Н.Г. Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века. С. 240–251.
21. Гаращенко А.Н. Из истории положения каторжных на Александровском винокуренном заводе. С. 251–271.
22. Бодяк М.Г. Проблема кадрового обеспечения тюрем Нерчинской каторги на примере Зерентуйской каторжной тюрьмы. С. 271–295.

23. Дмитриев Д.И. История политической каторги Восточной Сибири в 1895–1905 гг. С. 295–304.

24. Мошкина З.В. Из истории формирования женской политической каторги в России. С. 304–312.

25. Максимова В.Н. Политическая каторга в Сибири в 1906–1917 гг.: гендерный аспект. С. 312–328.

26. Шайдурова Г.А. Приют для арестантских детей при Иркутской губернской тюрьме в 60–80-гг. XIX столетия. С. 328–336.

27. Волочаева А.В. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века. С. 336–373.

28. Бобков А.К. Публицистика ссыльных декабристов и её влияние на сибиряков. С. 373–388.

29. Кудряшов В.В. Ссыльные меньшевики и мировая война. С. 388–403.

Никулина И.Н. Из истории политической ссылки на Алтай в XIX в. (20-е – 90-е гг.). С. 403–417.

30. Андреев В.М., Чувашова Е.И. Террористические акты и экспроприации ссыльных анархистов Восточной Сибири как одна из форм борьбы против политики, проводимой сибирской администрацией по отношению к ссыльным (1907 – февраль 1917 гг.). С. 417–436.

31. Зуляр Ю.А. Жизнь и наука сквозь репрессии (к 130-летию со дня рождения В.Ч. Дорогостайского). С. 436–451.

32. Кузнецов С.И. Репрессированные востоковеды Иркутского университета: Н.П. Мацокин и Е.С. Нельгин. С. 451–463.

33. Наумов И.В. Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае (1930–1936 гг.). С. 463–468.

34. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Сибирского военного округа, 1937–1938 гг. С. 468–480.

35. Дацышен В. Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. С. 480–504.

36. Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.). С. 504–518.

37. Елеуханова С.В. Военизированная охрана Карлага как составная часть ГУЛАГА. С. 518–531.

38. Какоурова Н.А. Кадровый состав органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1930-е годы. С. 531–545.

39. Казарин В.Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению дел о «контрреволюционных преступлениях» и уголовных дел в 1950-е гг. С. 545–559.

40. Гусарова Т.О. Некоторые вопросы организации производственной деятельности в местах лишения свободы Бурятии в конце 90-х гг. XX века. С. 559–564.

41. Суш С.П. Современное состояние системы исполнения наказаний Республики Бурятия. С. 564–572.

42. Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А. Материалы заседания «круглого стола» «Профессор Ф.А. Кудрявцев – патриарх сибирской исторической школы». С. 572–587.

43. Гольдфарб С.И. Область бескорыстия. С. 587–599.

44. Иванов А.А. «Александровский централ» Ф.А. Кудрявцева. С. 599–608.

45. Иванов А.А., Петрушин Ю.А. История ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. как предмет современного исследования. С. 608–612.

Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). 720 с.

1. Иванов А.А., Кузнецов С.И. Предисловие. С. 3–7.

2. Исачкин С.П. Политическая культура ссыльных и местных социал-демократов Иркутска в 1907–1917 гг. (историография и постановка проблемы). С. 8–28.

3. Казарян П.Л. Численность и состав якутской политической ссылки 1906–1917 гг. (Историко-сравнительный анализ). С. 28–40.

4. Курас С.Л. Отчетная документация министерств и ведомств Российской империи как источник изучения ссылки в Сибирь. С. 40–47.

5. Курусканова Н.П. Ссылная тематика в нелегальной печати сибирских эсеров начала XX в. С. 47–57.

6. Терновая И.И. Документы об Александровском центральном. С. 57–66.

7. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Ссылка и каторга в имперском законодательстве. С. 66–92.

8. Степанова (Шенмайер) Н.Г. Управления каторгой в Сибири в начале XIX века (правовой аспект). С. 92–107.

9. Перцева Т.А. Наказание декабристов: должностное и реальное. С. 107–125.

10. Плотников А.А. Этапирование ссыльнокопаторжных на остров Сахалин во второй половине XIX в. С. 125–137.

11. Бакшт Д.А. Подавление «Туруханского бунта»: карательный аппарат царской России за Полярным кругом. С. 137–144.

12. Кравцов С.Е. О некоторых направлениях деятельности губернских жандармских управлений в начале XX в. (по материалам Иркутской губернии). С. 144–153.

13. Шахерова С.Л. Присяжная адвокатура Сибири: разработка проекта создания профессиональной группы (60-е гг. XIX в.). С. 153–164.

14. Шайдурова Г.А. Развитие пенитенциарных учреждений в Иркутской губернии во второй половине XIX века. С. 164–170.

15. Шапова Л.В. Амнистии и начало реорганизации пенитенциарной системы в Иркутской губернии в 1917 г. С. 170–181.
16. Иванов А.А. Политика штрафной колонизации Западного Забайкалья в XVII–XX вв. и ее итоги. С. 181–208.
17. Шахеров В.П. Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири. С. 208–223.
18. Шиловский М.В. Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. С. 223–237.
19. Волочаева А.В. Виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в. С. 237–258.
20. Гулин А.С. Гарибальдийцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. С. 258–278.
21. Иванова Е.В. Побег уголовных ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа и Петровского железоделательного завода (30–40-е гг. XIX в.). С. 278–282.
22. Мошкина З.В. Учреждение жандармского надзора на Нерчинской политической каторге. С. 282–294.
23. Романюк Л.Б. Организация труда ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа. С. 294–307.
24. Архипова А.И. Участие политических ссыльных в подготовке проекта земельной реформы губернатора В.Н. Скрыпичина в Якутской области. С. 307–313.
25. Болонкина Е.В. Ссылка в истории Енисейской губернии (1820-е – начало 1860-х гг.). С. 313–315.
26. Макарчук С.В. Ссыльные социал-демократы в Тюменской организации РСДРП. Июнь 1907–1910 гг. С. 315–330.
27. Сальникова Е.С. Занятия ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. С. 330–338.
28. Серебренников И.П. Террористическая деятельность ссыльных революционеров в Восточной Сибири в межреволюционный период (1907–1916 гг.). С. 338–355.

29. Шилина А.С. Быт и нравы политической ссылки Енисейской губернии во время Первой мировой войны. С. 355–364.

30. Гончаров Ю.М. Процессы аккультурации и ассимиляции ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX–начале XX в. С. 364–372.

31. Зберовская Е.Л. Сибирская ссылка этнических групп (1940 – середина 1950-х гг.): некоторые аспекты современного изучения темы. С. 372–377.

32. Кальмина Л.В. Адаптация ссыльных в Сибири во второй половине XIX в.: этнические нюансы. С. 377–392.

33. Лялина Т.Н. Организация местной властью исправления религиозных потребностей у ссыльных Забайкалья. С. 392–400.

34. Никулина И.Н. Польская политическая ссылка на Алтай в XIX в. С. 400–426.

35. Шостакович Б.С. Был ли белорусом политссыльный поляк Ян Черский? О проблеме этноидентификации ссыльных в Сибирь участников польского Январского восстания. С. 426–449.

36. Васильева Н.Ф. Музейная работа Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 449–463.

37. Метёлкина Л.Н. К вопросу об особенностях социально-политического статуса бывших политссыльных в 1920–1930-е годы (на примере Восточной Сибири). С. 463–499.

38. Мильбах В.С. Органы военной юстиции СибВО в период политических репрессий 1937–1938 гг. С. 499–510.

39. Наумов И.В. Политика «Большого террора» в Иркутском регионе (1936–1938). С. 510–525.

40. Афанасов О.В. О составе и численности заключенных особого лагеря № 7 МВД СССР (конец 1940 – начало 1950-х гг.). С. 526–531.

41. Афанасова Е.Н. Деятельность детских учреждений закрытого типа системы НКВД СССР на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг. С. 531–537.

42. Малкова Ю.А., Суверов Е.В. Алтайский исправительно-трудовой лагерь (1943–1945 гг.). С. 537–544.
43. Маменкова Е.С. «Спецконтингент» НКВД СССР – дополнительный источник трудовых ресурсов Красноярского края (1941–1945 гг.). С. 544–553.
44. Курас Л.В., Тушемилов В.К. Строительство органов государственной безопасности ДВР. С. 553–569.
45. Гергилева А.И. К вопросу о видах наказаний, применяемых к военнопленным Первой мировой войны в Сибири. С. 569–580.
46. Кузнецов С.И. Политика советского государства в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г. С. 580–592.
47. Томита Такэси. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945–1956 гг. (*перевод С.И. Кузнецова*). С. 592–610.
48. Гаращенко А.Н. И.В. Ефимов – знаток сибирской жизни. С. 610–624.
49. Казарин В.Н. Изломы судьбы профессора Н.П. Фарберова: страница идеологических репрессий советской эпохи. С. 624–634.
50. Мильбах В.С., Чернавский А.Н. 1937 год, дело бригадного комиссара Андреева. С. 634–649.
51. Ефимов И.В. Из жизни каторжных Илгинского и Александровского, тогда казенных, винокуренных заводов 1848–1853 гг. С. 649–704.
52. Петрушина Е.С. Дорога Иркутск – Слюдянка: воспоминания невольного строителя (*Запись и обработка Ю.А. Петрушина*). С. 704–711.

Сведения об авторах

Бобков Анатолий Кириллович, к. ист. н., доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИГУ, г. Иркутск.

Васильева Наталья Федоровна, к. ист. н., доцент кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Волочаева Анна Владимировна, к. ист. н., доцент кафедры истории факультета юридических и исторических наук Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Гарашенко Алексей Николаевич, историк, редактор журнала «Земля Иркутская», генеральный директор ООО НПФ «Земля Иркутская», издатель, г. Иркутск.

Гоголева Наталья Константиновна, заведующая Домом-музеем «Якутская ссылка», филиалом ГБУ РС (Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского», Отличник культуры Республики Саха (Якутия), г. Якутск.

Дулов Александр Всеволодович, д. ист. н., профессор кафедры истории России исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна, д. ист. н., директор ГБУ «Государственный архив Республики Бурятия», г. Улан-Удэ.

Иванов Александр Александрович, д. ист. н., профессор кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Иванова Елена Владимировна, аспирант, ст. преподаватель кафедры «Административное право и таможенное дело» Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Казарян Павел Леонович, д. ист. н., профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск.

Кальмина Лилия Владимировна, д. ист. н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ.

Карасёв Сергей Владимирович, д. ист. н., профессор кафедры общеобразовательных дисциплин заочно-вечернего факультета ИрГТУ, г. Иркутск.

Кодан Сергей Владимирович, д. юр. н., профессор кафедры теории государства и права Уральской государственной юридической академии, Заслуженный юрист РФ, г. Екатеринбург.

Кузнецов Сергей Ильич, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Кудряшов Василий Васильевич, к. ист. н., доцент, заведующий кафедрой истории и политологии Братского государственного университета, г. Братск.

Курас Леонид Владимирович, д. ист. н., профессор, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ.

Курас Софья Леонидовна, к. ист. н., доцент кафедры правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск.

Курусканова Наталия Петровна, к. ист. н., доцент, ученый секретарь Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории, г. Краснодар.

Метёлкина Лариса Николаевна, к. ист. н., доцент кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Мошкина Зоя Вениаминовна, д. ист. н., профессор Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Наумов Игорь Владимирович, д. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории ИрГТУ, г. Иркутск.

Никулина Ирина Николаевна, д. ист. н., профессор, заведующая кафедрой истории отечества АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Барнаул.

Перцева Тамара Алексеевна, к. ист. н., доцент кафедры истории России исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Петрушин Юрий Александрович, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета ИГУ, г. Иркутск.

Плотников Александр Александрович, к. юр. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Хабаровской государственной академии экономики и права, г. Хабаровск.

Роцевская Лариса Павловна, д. ист. н., профессор, главный научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар.

Савилов Александр Андреевич, аспирант Сибирской академии права, экономики и управления, г. Иркутск.

Сальникова Елена Сергеевна, к. ист. н., доцент кафедры истории Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск.

Семёнов Евгений Владимирович, к. ист. н., доцент кафедры музейных технологий и охраны наследия Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ.

Соловьёв Алексей Владимирович, полковник в отставке, Почетный гражданин Читинской области, г. Чита.

Черных Владимир Васильевич, д. ист. н., профессор, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск.

Шилина Анна Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории и культурологии Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск.

Шиловский Михаил Викторович, д. ист. н., профессор, заведующий кафедрой истории России НГУ, заведующий сектором Института истории СО РАН, г. Новосибирск.

Шкерин Владимир Анатольевич, д. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.

Шостакович Болеслав Сергеевич, д. ист. н., профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.

Юшковский Виктор Данилович, к. ист. наук, сотрудник корпоративного издания ОАО «Томскнефть», г. Томск.

Оглавление

Вместо предисловия

Старый-новый знакомый, или 40 лет спустя	3
--	---

Вопросы методологии и историографии

Т.А. Перцева Декабристская тематика на страницах «Сибирской ссылки»: (неокончательные итоги 40-летних исследований).....	8
В.Д. Юшковский Тема смерти в эпистолярном и творческом наследии декабристов (историко-философский аспект)	18
А.В. Дулов Историография пребывания петрашевцев в Сибири.....	28
Е.В. Семенов Изучение польской политической ссылки на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка».....	54
Л.В. Кальмина Утомлённые борьбой (Народническая ссылка на страницах сборников «Ссылные революционеры в Сибири» и «Сибирская ссылка»)	74
А.А. Иванов «Есть такая партия»: РСДРП на страницах сборника «Ссылные революционеры в Сибири...»	100
Л.В. Курас От «Ссылных революционеров» к «Сибирской ссылке»: советская репрессивная политика (по страницам «Сибирской ссылки»).....	130
Н.Ф. Васильева Влияние Коммунистической партии на издательскую деятельность Общества политкаторжан	146

Источниковедческие проблемы изучения сибирской ссылки

А.К. Бобков Обзор некоторых историографических источников изучения движения декабристов (1825–2010 гг.).....	161
Б.С. Шостакович Ссылный в Восточную Сибирь Январский повстанец Хэнрык Верченский и его воспоминания о Приенисейской деревне середины 1860-х гг.	178
С.Л. Курас Источниковедческий аспект на страницах «Сибирской ссылки»	186

Л.П. Рощевская Документы Научного архива Коми научного центра Уральского Отделения РАН о репрессированных ученых	204
--	-----

Законодательство о каторге и ссылке; деятельность пенитенциарных учреждений Российской империи

П.Л. Казарян Правовая регламентация политических преступлений в законодательстве России. Первая треть XIX – начало XX века	236
С.В. Кодан Каторжные работы в системе уголовного наказания России	272
А.А. Плотников К вопросу о правовой регламентации управления каторгой на острове Сахалин во второй половине XIX века	278

Ссылка и сибирское общество

И.Н. Никулина Отношение к религии ссыльных декабристов Западной Сибири	292
В.А. Шкерин О «Власовском деле» и обстоятельствах перевода декабриста А.Ф. Бригена из Кургана в Туринск.....	311
Н.П. Курусканова Нелегальные издания ссыльных социалистов в Сибири (1910–1916 гг.)	328
Е.С. Сальникова Проблемы семьи и семейные отношения ссыльных в Восточной Сибири во второй половине XIX века	339
А.С. Шилина Минусинская политическая ссылка во время Первой мировой войны	346
В.В. Черных Пожарная команда Александровской каторжной тюрьмы и организация противопожарной службы в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв.	356

К истории сибирской каторги

А.В. Волочаева Местная власть и реформа каторжной системы во второй половине XIX века (на примере Нерчинской уголовной каторги).....	374
Е.В. Иванова Численность ссыльнокаторжных и их распределение по серебряным заводам, рудникам и золотым приискам Нерчинского горного округа в первой половине XIX века	385
З.В. Мошкина «Конституция» политических заключенных Нерчинской каторги второй половины XIX века.....	392

Сибирская ссылка

М.В. Шиловский

Революционеры на сибирской каторге (1906 – февраль 1917 г.):
поведенческие стереотипы и специфика участия в протестных акциях 407

Пенитенциарная и карательная система Советской Сибири

Наумов И.В.

Борьба Иркутской ГубЧК с участниками и сторонниками Белого движения
в 1920–1921 гг. 435

С.В. Карасев С.И. Кузнецов А.В. Соловьев

Высший командный состав Квантунской армии в советском плену (1945–1956 гг.) 444

Ю.А. Петрушин

Страницы истории 12-й железнодорожной стройки:
Иркутск – Слюдянка (1939–1956 гг.) 454

Имя в истории сибирской ссылки

Н.К. Гоголева

Роль Василия Приютова в культурном развитии Якутска 482

В.В. Кудряшов

Политический ссыльный В. Мандельберг в истории Иркутска 491

А.Н. Гаращенко

Иркутские страницы биографии П.П. Постышева 504

Л.Н. Метёлкина

Алексей Снегов: страницы биографии «хрущевского зека» 517

Рецензии и отзывы

С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин

Репрессии в Ленинградском военном округе (1937–1938 гг.) 542

Юбилей наших авторов

Б.Ц. Жалсанова

Л.М. Дамешек – исследователь истории сибирской ссылки и каторги
(к 65-летию со дня рождения) 547

Справочные материалы

А.А. Савилов

Указатель статей, опубликованных в сборнике «Ссыльные революционеры в Сибири
(XIX в. – февраль 1917 г.)» и «Сибирская ссылка» в 1973–2011 гг. 556

Сведения об авторах 584

Уважаемые коллеги! Сегодня интернет-пространство – не только источник знаний, но и средство научного общения, обмена результатами исследований историков различных регионов, по существу стирающее границу между «центрами» науки и «периферией». Одним из таких средств стал наш сайт [www. penpolit.ru](http://www.penpolit.ru). Он был открыт в качестве постоянного информационного органа координационного совета по исследованию истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири, созданного при ИГУ в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специалистов этой темы из Иркутска, Якутска, Улан-Удэ, Кемерово, Читы, Барнаула, Новосибирска, Омска, Красноярска, Краснодара, других городов страны и сибирского региона. За годы своего существования сайт сумел объединить более 50 ученых, опубликовавших здесь около 150 статей по историографии и источниковедению, истории революционной и уголовной ссылки, деятельности тюремных ведомств и жандармских управлений, вкладу политических ссыльных в социально-экономическое, культурное и общественное развитие края, истории плена, политзаключенных и спецпереселенцев советского периода.

Редакция сборника приглашает всех специалистов к активному участию в работе сайта.

WWW. PENPOLIT.RU

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей
Выпуск 7 (19)

Издается в авторской редакции

Издательство «Оттиск». Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 27.12.2013 г. Формат 60x84 ¹/₃₂

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 29,09. Уч.-изд. л. 34,41.

Тираж 300 экз. Заказ № 265.

664025, г. Иркутск, ул.5-й Армии, 26.

Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242. E-mail: ottisk@irmail.ru